307.222
33
33
1987

STUDIA SLAVICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

h°

ADIUVANTIBUS

I. FRIED, Á. GEREBEN, B. GUNDA, L. HADROVICS,
P. JUHÁSZ, P. KIRÁLY, L. KISS, E. SZALAMIN,
L. SZIKLAY, ZS. ZÖLDHELYI-DEÁK

EDITIONEM CURANTE

A. HOLLÓS

REDIGIT

F. PAPP

TOMUS 33 FASCICULI 1–4

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST

1987

STUD. SLAV. HUNG.

STUDIA SLAVICA

EINE ZEITSCHRIFT
DER UNGARISCHEN AKADEMIE
DER WISSENSCHAFTEN

Studia Slavica veröffentlicht Abhandlungen aus dem Bereich der Slawistik, sowohl in slawischen Sprachen als auch deutsch, französisch und englisch.

Studia Slavica erscheint jährlich in einem Band aus vier Heften bei

AKADÉMIAI KIADÓ
Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften
H-1054 Budapest, Alkotmány utca 21

Manuskripte und Zuschriften an die Redaktion:

Studia Slavica
H-1363 Budapest, Postfach 24

Bezugsmöglichkeiten

Bestellungen nehmen an

KULTURA Außenhandelsunternehmen
H-1389 Budapest, Postfach 149

und seine Vertretungen im Ausland

© Akadémiai Kiadó, Budapest

STUDIA SLAVICA

1987. Tomus 33. Fasciculi 1—4.

INDEX

Нидерхаузер, Э.: Русский язык и исторические традиции Восточной Европы 3
Половинкин, С. М.: «Наука как символическое описание» и «Диалектика» П. А. Флоренского 77
Х. Тот, И.: Малоизвестный фрагмент служебной минеи на месяц октябрь 11
Успенский, Б. А.: Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья вторая) 37

MISCELLANEA

Дуккон, А.: Проблема двойника у Гоголя и Достоевского 207
Фарино, Е.: Бульвар, собаки, тополя и бабочки 277
Хан, А.: Оценка поэтической ситуации 1910-х годов в литературоведческой концепции В. Жирмунского и Б. Эйхенбаума 239
Хетени, Ж.: О дикарях XX века 269
Имре, Л.: «Столь типично венгерский и столь типично русский» 149
Ковач, А.: Повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» 183
Кишцова, Д.: Фридрих Ницше и М. Ю. Лермонтов 119
Кун, М.: Новые материалы об итальянских конспиративных связях А. И. Герцена . 305
Larmour, D. H. J.: The Orpheus of Stepantchikovo 223
Силард, Л.: Андрей Белый и П. Флоренский 227
Свак, Д.: Вопрос исторического значения опричнины в советской исторической науке 327
Щукин, В. Г.: От Ивана Хворостинина до Петра Чаадаева 131
Таллар, Ф.: «Мертвые души» и воскресение 163

CRITICA ET BIBLIOGRAPHIA

Бакчи, Д.: Ю. Манн, В поисках живой души 389
Либер, Л.: Славянские литературы 376
Дудаш, Е.: G. Kjetsaa, Dostoevsky and His New Testament 391
Фрид, И.: A. Měšťan, Geschichte der tschechischen Literatur im 10. und 20. Jahrhundert 372
Gregor, F.: V. Blanár, Lexikálno-sémentická rekonstrukcia 361
Gyivicsán, A.: Käfer I., A szlovák és a cseh irodalom magyar bibliográfiája a kezdetektől 1970-ig 366
Kiss, L.: Tolna megye földrajzi nevei 400
Леле, Й.: Kelet-európai századok (Szerk.: Fried I.) 365
Niederhauser, E.: История Львова 397
Петер, А.: Les Littératures de Languages Européennes au Tournant de Siècle 393
Поор, Я.: Les lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale, V. 370
Вари, Э.: L'avanguardia a Tiflis 394

IN MEMORIAM

Fried, I.: László Sziklay (1912—1987) 409
Niederhauser, E.: Endre Kovács (1911—1985) 405
Рев, М.: Г. П. Макогоненко (1912—1986) 407

STUDIA SLAVICA

INDEX VOCABULORUM ET NOMINUM

Tomus 33., 1987.

Abbreviationes

bg = Bulgaricum
bh = Bohemicum
brs = Belorussicum
hg = Hungaricum
mc = Macedonicum
rm = Rumenicum (Valachicum)
rss = Russicum
scr = Serbocroaticum
slc = Slovacicum
slv = Slovenicum

Abramočič G. V. 358
Ábrányi E. 155
Ábrányi K. 156
Achmatova A. 243—247, 249—255, 259—264, 408
Adalberg S. 46, 49, 52, 66, 69
Adamová Z. 411
Adorno cf. Wiesengrund-Adorno
Ady E. 154, 158, 374
Afanas'jev A. N. 45, 49, 63—66, 69
Ajchenval'd Ju. I. 116
Aleksejev Ju. G. 355
Aleksejev M. P. 64, 69
Al'šic D. N. 358, 359
Amfiteatrov A. V. 388, 389
Ampère A.-M. 84, 86
Anders A. 125, 127
Andersen 90
Andrejev L. 393, 394
Andrić I. 383
Annenkov P. V. 212
Annenskij I. 218
Anochin A. V. 65, 66
Arany J. 149, 152, 157—159, 161, 374
Arany L. 150, 152, 161
Arcichovskij A. V. 20, 357
Aristoteles 116, 118
Arnim B. 46, 69
Asbóth J. 150
Askol'dov S. 214
Astaševič S. T. 70
Avenarius R. 83, 112, 113
Avvakum 49, 69

Babits M. 158
Bachrušin S. V. 328, 332, 335, 337, 338
Bachtin M. M. 159, 178, 230, 241
Bächtold-Stäubli H. 70
Bačinskij A. I. 113
Bacon F. 100, 117
Bagby Ph. 132
Bagi I. 270
Bajalijeva T. D. 54, 69
Bakcsi Gy. 391
Bakoš M. 410
Bakunin M. A. 138, 315—317, 322, 406
Balašov N. I. 379
Balog I. 153
Balogh Z. 152
Balzac H. 166
Barašenkov V. 234
Barbey d'Aurevilly J. A. 166, 167
Barbu Z. 133
Bárczi G. 365
Barsukov V. P. 136
Barta J. 149
Baskakov V. N. 384
Baudouin de Courtenay I. A. 37, 41—43, 48—52, 55, 59, 66, 70
Baumgarten S. 308
Bazilevič K. D. 333
Bednár K. 374
Begunov Ju. K. 377
Bél M. 367
Bélart H. 124
Belia Gy. 366
Belinskij V. G. 131, 138, 139, 142, 144, 148, 164—167, 182, 210, 212, 329
Beltrami E. 235
Belyj A. 227—230, 234—237, 259, 278, 302, 389
Belza S. I. 384
Bem J. 406
Benda K. 371, 372
Bende E. 411
Benedek M. 154, 156
Beneke F. E. 100, 117
Beniczky P. 367
Benkő L. 365
Benveniste E. 189, 206

Beőthy Zs. 150, 156
Bérczy K. 149, 157, 159
Berdjajev N. 228, 229
Bergson H. 174
Berkov P. 243
Berkova K. M. 138
Bernštejn I. A. 382, 384
Berti G. 321
Beševliev V. 46, 69
Beyer H. 52, 64, 69
Bibikov H. N. 334, 335, 340
Biti V. 284, 302
Bitner V. V. 112
Bjaľkevič I. K. 58, 70
Bjalyj G. A. 387
Blanár V. 361—364
Blok A. 248, 259, 260, 390
Bloomfield M. 63, 69
Boborykin P. D. 388, 389
Bočarov A. 384
Bočarov S G. 203, 206
Bodnár Gy. 150
Bogatyrev P. G. 45, 53, 69
Bogdan I. 39, 6 !, 69
Bogdanov A. A. 112, 113
Bogdanov Ju. V. 382
Bogoraz V. G. 6ú, 7 !
Borev Ju. B. 379
Borkovskij V. I. 20
Borsa G. 368
Borščukov V. I. 381
Bowlt J. E. 397
Boyce M. 54, 69
Brandt R. 51, 69
Brjusov V. Ja. 389
Broniewski W. 381
Brown Th. 64, 65, 69
Brückner A. 39, 70
Buačidze G. 397
Bubnov N. Ju. 11
Büchner F. K. 114
Budovnic I. U. 335
Buffon G. L. L. 115
Bugajeva K. 234
Bugajev N. V. 227, 228, 231
Bunin I. 393, 394
Buonarroti F. 313
Burdej G. D. 342, 343, 345
Burriss E. E. 50, 59, 64, 65, 68, 69
Busch R. L. 394
Bussow K. 60, 70
Byron G. G. 123, 157—161

Čaadajev P. Ja. 131, 139—142, 144—148
Cantor G. 227—231, 236
Carstanjen F. 89, 113
Casarelli L. C. 64, 71
Cauchy A.-L. 86, 238
Čechov A. P. 277, 386, 388, 393
Čejtlin R. M. 31
Čekman V. N. 55
Čelakovský F. 46, 49, 66, 76
Čelpanov G. 235
Čemodanov M. G. 383
Čerëmin G. S. 381
Čerepnin L. V. 335—337, 359, 360
Čerkasov, N. K. 331
Černý V. 119, 126
Černyševskij N. G. 7, 144, 164, 318, 387, 388
Charlampovič K. V. 43, 75
Chlebnikov V. 230, 249, 266, 281
Chmel R. 368, 369
Chodasevič V. 228, 279, 287, 289, 291, 298
Chorev V. A. 383
Chotinskij M. S. 114
Chvorostinin I. A. 131, 134—136, 147
Čičerin B. N. 310
Čičerov V. I. 59, 75
Civjan T. V. 246
Clemens Alexandrinus 99, 116
Cléré R. 231
Clifford W. K. 83, 112
Colli G. 122
Comenius J. A. 405
Condillac É. 92, 101, 114, 117
Cont E. 315, 323
Cornelius H. 83, 112, 113
Coser L. A. 132
Csánki D. 402
Csapláros I. 411
Csengey G. 152—154
Csukás I. 369
Čubyns'kyj P. P. 43, 45, 46, 53, 75
Čudakov G. 191, 206
Čujko V. V. 114
Custine A. 132, 143
Cvetajeva M. 281, 298, 303

Dąbrowski J. 406
Dal' V. I. 37, 41—43, 47—52, 55, 58, 59, 66, 70, 164, 213, 385
Damiani F. 315, 323
Dante Alighieri 216, 233, 234
Dauben J.-W. 231
Davies R. D. 393
Davydov I. A. 117
Deák F. 152
Dedekind R. 231
Dëmin A. S. 377
Dem'janov V. G. 75
Demo O. 68, 70
Dëring-Smirnova I. R. 278, 284, 298, 302
Descartes R. 101, 117
Desnickaja A. V. 242
Diels P. 28, 29
Dimitrij Rostovskij 104
Dimitrov G. 7
Diogenes Laertios 106, 118
Di Porto B. 312
Ditto O. 314
Dobossy L. 368, 411
Dobrovoľskij V. N. 44, 45, 49, 70
Dobrovský J. 378
Dolanský J. 149, 375
Dolfi G. 322—326
Dolonin A. S. 210

Domokos S. 366
Donskov A. 393
Doronina R. F. 383
Doroš Je. 343
Dorošenko Je. A. 54, 70
Dorošenko V. V. 354
Doroszewski W. 39, 48, 70
Dorow W. 143
Dostojevskij F. M. 98, 119, 123, 124, 128, 146, 150, 179, 180, 184, 200, 205, 207—221, 223, 226, 276, 386—388, 391, 392, 395
Dragomanov M. P. 58, 63, 65, 70, 314, 317
Dreizin F. 45, 71
Drews P. 372
Drozda M. 277, 302
Drummond D. A. 46, 70
Dryžakova Je. N. 305
Dsida J. 153
Dubrovskij S. M. 338—340, 345
Du Cange C. 46, 71
Duchesne-Guillemin J. 54, 71
Dudás É. 393
Duhem P. 82, 83, 112—114
Dukkon Á. 207, 210
Ďurišin D. 366
Durnovo N. 26
Duvernois A. 61, 71
Dymšic A. L. 394

Eckartshausen C. 168
Efros N. D. 306
Ehrard J. 371
Eichenbaum B. M. 125, 167, 171, 172, 177, 239—241, 246, 252—266
Einstein A. 233
Ejdel'man N. Ja. 141
Elin Pelin 382
Endrődi S. 152—154, 156
Engel'hardt B. M. 241
Engels F. 169, 324
Enriques F. 83, 113
Eötvös J. 152
Erdélyi Z. 152, 155, 156
Ern V. 81, 236, 238
Euklides 233
Eusebius 117

Faryno J. 189, 206, 277, 279, 280, 284, 288, 297, 302
Fed' N. M. 380
Federowski M. 46, 49, 55, 58, 66, 68, 71
Fëdorov, Iv. 113
Fedosejev L. G. 380
Fejes I. 152
Fehér F. 161
Fet A. A. 244, 262
Filippov M. M. 112
Fischer G. 133
Fischer O. 124
Fleišman L. 278, 297, 299, 302
Florenskij P. A. 77—81, 111—113, 116, 117, 227—238
Fonvizin D. I. 98, 139, 140
Francovich C. 314
Frank B. 45, 52, 63—65, 68, 75
Franko I. 39, 45, 47, 48, 52, 54, 55, 75
Freud S. 120, 395, 396
Frič J. V. 407
Fridlender G. M. 378
Fried I. 365, 373, 376, 409, 411

Gál I. 365
Galamb S. 159
Gáldi L. 411
Gálóczy K. 270, 274
Gamkrelidze T. V. 55, 57, 63, 68, 70
Garnett C. 223
Gáspár I. 411
Gauß C. F. 235, 238
Georgiev V. I. 57, 70
Gerber R. 320
Gerov N. 53, 70
Gerrito G. 323
Geršenzon M. 147, 317
Gezechus N. A. 111
Ghisalberti A. 314
Gide A. 395
Giljarov A. N. 118
Gillel'son M. I. 305
Gineburg N. S. 115
Ginzburg L. Ja. 394
Goethe J. W. 94, 100, 107, 108, 115, 116, 118, 126, 160
Gogol' N. V. 90, 163—209, 212, 213, 217, 218, 210, 378, 379, 389—391, 408
Gol'denvejzer A. 182
Golycin V. V. 136
Gončarov I. 212
Gor'kij M. 269, 271, 272
Gornung B. V. 241
Gorodeckij S. M. 395
Gorskij I. K. 383
Grebenjuk V. P. 377
Grebenko Je. P. 164
Gregor F. 365
Gregorius Magnus 104
Gregorius Nazianzenus [Bogoslov] 18, 104
Grigor'jeva I. V. 315, 321, 323
Grigorovič D. V. 385
Grimm J. 55, 70
Grišašvili I. 395, 397
Grossman L. 146
Gruppe O. 58, 63, 64, 70
Guastalla M. 318, 320, 326
Gubernatis A. 59, 64, 67, 70, 323
Gukovskij G. A. 160, 191, 206, 408
Gulak-Artemovskij N. 232
Güntert 45, 64—68, 70
Gurvič-Liščener S. D. 312
Gusdorf G. 371
Gustawicz B. 39, 66, 70
Гълъбов Iv. 70
Gyivicsán A. 370
Györffy I. 400
György L. 149
Gyulai P. 151, 152, 161, 162

Haan L. 367
Hadrovics L. 365, 411
Hajdú M. 400
Halász F. 374
Hall J. W. 132
Haller A. 108
Han A. 239
Hašek J. 379, 383, 384
Haumant É. 138
Haym R. 118
Heesterman J. C. 75
Helmholtz H. 86, 112, 235
Henry V. 114
Herberstein S. 38, 39, 46, 70
Herder J. G. 110, 118
Hertz H. 82, 83, 87, 89, 111—114
Herzen A. I. 67, 70, 131, 132, 136, 138, 139, 144, 151, 181,305—326, 406, 407
Heténi Zs. 269, 272, 389
Hieronymus Beatus 105, 117
Hierotheus Atheniensis 11, 34
Hil'ferding A. F. 48, 70
Hjärne A. H. 136
Hnatjuk V. 43, 70
Hobbes Th. 101, 117
Hoffmann E. T. A. 207, 212, 217
Hollósi Cl. 393
Holovac'kyj Ja. 398
Holzapfel R. M. 83, 113
Homeros 49
Hopp L. 411
Horatius 57, 98, 115
Horkheimer M. 371
Hostetter R. 315
Hrabalová O. 68
Hradský L. 374
Hrinčenko B. 39, 42, 44, 45, 48, 65, 70
Hrynblat M. Ja. 43, 46, 49, 52, 58, 66, 68, 70
Hsien Liu Ch. 74
Hugo V. 310
Humboldt W. 114
huncutky slc 363
Hutterer M. [C. J.] 400
Huxley A. 237
Hviezdoslav P. 410

Ierofej cf. Hierotheus
Ijezuitova L. A. 388, 384
Ilčev St. 70
Il'jin G. Ja. 383
Illyés Gy. 150, 374
Imre L. 149
Inostrancev K. A. 54, 71
Ioannes apostolus 104, 392
Isačenko A. V. 37—39, 71
Ivančov A. 65, 71
Ivanov Vjač. Iv. 107, 118, 229, 263
Ivanov V. V. 43, 46, 47, 52, 55, 57, 63—65, 68—71, 259, 292, 301, 302
Ivanovskij V. N. 114
Iwaszkiewicz J. 383

Jachontov I. K. 43, 76
Jacimirckij A. I. 63, 76
Jagić V. [I. V.] 31, 32, 41, 76
Jakobson R. 47, 54, 55, 76, 247—249, 252, 396
Jakuškin P. I. 45, 76
James R. 53, 72
Janczak J. 144
Janeček G. 397
Janel' Z. K. 354
Jašvili P. 395
Jean Paul 176, 177, 207, 212
Jeleonskaja A. S. 378
Jemel'janov Ju. N. 305
Jeršov L. F. 381
Jesenin S. A. 395
Jevons W. S. 235
Jókai M. 156, 374
József A. 374
Jul' J. 53, 76
Jung C. G. 395

Kacarov G. I. 46, 71
Käfer I. 366—370
Kagan V. 227
Kagarov Je. 63, 71
Kahler E. 146
Kakabadze D. 397
Kamenev L. B. 305
Kammerhuber A. 45, 54, 71
Kant I. 102, 117, 233, 235
Kanyó Z. 373
Karadžić V. St. 48, 52, 71
Karamzin N. M. 140, 141, 408
Karancsy L. 393
Karavelov L. 53, 71
Karłowicz J. 39, 66, 71
Károli G. 213
Karpov V. N. 116, 118
Karskij Je. F. 13, 15, 18, 20
Kaštanov S. M. 346, 354, 358
Kaučišvili N. 231
Kavelin K. D. 131, 166, 310, 329
Kaverin P. P. 146
Kazarin A. I. 340
Keenan E. L. 358
Keller O. 50, 54, 57, 64, 71
Kerényi K. 110
Kieniewicz S. 320
Király Gy. 386
Király L. 400
Kirchhoff G. R. 82, 111
Kirejevskij P. V. 76
Kisfaludy S. 159
Kiss Gy. Cs. 365
Kiss L. 403
Kjetsaa G. 391, 392
Klaniczay T. 373
Klíma L. 127
Kliment cf. Clemens
Klinger V. 45, 46, 63—65, 67, 72
Ključevskij V. O. 334, 342, 345, 351
Klokman Ju. P. 354
Knjazevskaja O. A. 75

Kobrin V. B. 340, 346, 347, 359
Kock P. 167
Kodov Chr. 16, 26
Kokorec I. T. 164
Kolberg O. 48, 72
Kollár J. 6, 367, 375
Kolleritsch H. 125
Kolpinskij N. Ju. 323
Komlós A. 149
Konstantin Kostenečki 41
Kopaldo M. 74
Koppers W. 63—65, 72
Koreckij V. I. 349, 358
Korotkov Ju. N. 316
Korotkov N. 337
Korsunskij N. 116
Kosáry D. 371, 372
Kossuth L. 151, 310
Kostylev V. 333
Kotljar G. A. 111—113
Kotošichin G. 136
Kott F. Št. 50, 72
Kotula F. 65, 72
Kovács Á. 183, 184, 186, 201, 203, 206, 387
Kovács E. 149, 405—407, 411
Kovács I. 411
Kovtunova I. I. 298, 302
Koyré A. 131
Kožinov V. V. 161, 178
Kozlovskij P. B. 142, 143
Krauss W. 210, 211
Krbec M. M. 378
Krejčí K. 373, 410
Krejnovič Je. A. 45, 63, 64, 72
Kretschmar F. 45, 63—65, 72
Krivopolenova M. D. 63, 72
Krleža M. 383
Kručenych A. Je. 395—397
Krúdy Gy. 150, 161
Kryński A. 71
Krzyżanowski J. 46, 49, 52, 66, 69
Kšicová D. 119
Kukuškina M. V. 31
Kulemzin V. M. 64, 72
Kulikovskij G. 67, 72
Kulišić Š. 45, 52, 53, 72
Kun M. 305, 309, 310, 315, 322
Kurbskij A. M. 134
Kurmačeva M. D. 339
Kušelev-Bezborodko G. 45, 47, 49, 55, 63, 72
Kuz'mina V. D. 55, 72

Ladogorski T. 144
Lange N. 112, 113
Lange W. 122
Lanskij L. P. 312
Laplace P. S. 84, 86, 114, 227
Larin B. A. 53, 72
Larmour D. H. J. 223
Lasch R. 46, 72
Lasickis (Lasicius) J. 56, 72
Launer I. [Št.] 411
Lavrovskij P. A. 42, 72
Lebedev A. 145
Lebedinskij V. K. 114
Lele J. 366
Lemke M. K. 309
Lenin V. I. 113, 313, 349, 380
Lermontov M. Ju. 119—126, 128, 129, 149, 150, 213, 216, 262, 263, 385, 408
Lesage A. R. 85
Lesevič V. 113
Lettenbauer W. 375
Letti G. 314
Levin Ju. D. 394
Levin Ju. I. 246
Levkovič Ja. L. 150
Lichačëv D. S. 242, 357, 377
Lichacëva O. P. 11
Licharev M. A. 113
Ličko A. 356
Lieber L. 384
Liebrecht F. 54, 72
Lišina A. K. 316, 317
Ljapon M. V. 75
Ljubimov N. A. 118
Ljunggren A. 297, 302
Lobačevskij N. 235
Lo Gatto E. 305
Lomonosov M. V. 6
Lotman Ju. M. 158, 186, 206
Lukáč E. B. 412
H. Lukács B. 365
Lukács Gy. [G.] 170
Lukina N. V. 43, 46, 54, 64—67, 72
Lunačarskij A. 113, 272
Lur'je Ja. S. 357
Lurker M. 63, 64, 72
Luzio A. 314
L'vov D. M. 55, 72

Mach E. 78, 79, 82, 111—113
Mácha K. H. 374
Macůrek J. 374
Madách I. 374
Magarotto L. 394, 395
Majakovskij V. 247—249, 259—261, 266, 279, 280, 282—302, 381, 395
Makarenko A. 53, 72
Makarov M. 59, 72
Makogonenko G. P. 386, 389, 407—409
Makovický D. P. 379
Maksimov Je. N. 63, 72
Maksimov S. V. 67, 72
Malinka A. I. 53, 72
Mamin-Sibirjak D. K. 388, 389
Mandel'štam O. 230, 244, 251, 264, 297, 393, 394, 397
Man'kov A. G. 49, 72
Mann Ju. V. 177, 191, 203, 206, 389—391
Mann Th. 124
Mannhardt W. 56, 72
Mansvetov I. 50, 72
Marinov D. 53, 72

Markov A. V. 40, 72
Markov D. F. 382
Markovič V. M. 157, 385, 389
Marthe R. 120
Marx K. 311
Marzaduri M. 394, 396
Masaryk T. G. 121, 407
Massini P. C. 315
Mastellone G. 314
Máthé-Haupt Gy. 149
Matuszewski I. 126
Maxwell J. C. 84—88, 112, 114
Mayenowa M. R. 75
Mazzini G. 306—312, 314—318
McDowell D. 223
Mečnikov L. I. 316, 317
Medvedev P. N. 239, 240
Meier J. R. 93, 115
Merežkovskij D. S. 119—121, 125, 386, 388, 389
Meščerskij N. A. 41, 72
Měšťan A. 372—376
Metner E. 115, 116, 118
Michels R. 305
Michelson A. A. 238
Michel'son M. I. 43, 48, 67, 69, 72
Miczkiewicz A. 149, 407, 411, 412
Migne J. P. 116
Miklosich F. 31
Miladinov D. et K. 65, 72
Miletić L. 39, 60, 72
Mill J. St. 92, 114
Miller V. N. 45, 54, 59, 63, 64, 72
Minač V. 383, 384
Minskij 388
Minucius Felix 57
Mirčev K. 16, 26
Mladenov St. 57, 73
Möbius A. F. 237
Moisejeva G. N. 378
Montesquieu Ch. 9, 371
Montinari M. 122
Moszyński K. 45, 51, 52, 56, 64, 65, 73
Mukařovský J. 367
Muller Cooke O. 269
Müller M. 114
Munkácsi B. 67, 73
Muratov A. B. 385

Nalimov A. 120, 121
Nasonov A. N. 337
Nečkina M. V. 307, 314
Nejedlý Zd. 124, 125
Nekrasov N. A. 164, 260—262
Neruda J. 374, 379
Nestle E. 213
Nettlau M. 315
Neumann K. G. 86
Nevler V. Je. 312, 317, 318
Newton I. 78, 82
Nezval V. 375
Niederhauser E. 3, 400, 407, 411
Niedźwiedzki W. 71
Nietzsche F. 119—129, 395
Nikiforov A. I. 54, 55, 73
Nikiforovskij N. Ja. 42, 45, 52, 56, 73
Nikol'skij D. 50, 51, 73
Nikol'skij S. V. 383
Nikon 51
Nikulina N. 182, 221
Nomys M. 46, 47, 49, 52, 58, 60, 67, 68, 73
Nosov N. Je. 356
Nosovič I. I. 48, 66, 73
Novalis 97, 115
Novoselov M. A. 98, 116

Odujev S. F. 121, 126
Ogarev N. P. 314
Oláh G. 158
Oláh J. 410
Olearius A. 38, 50, 60, 73
Opitz Th. 122
Ordin-Naščokin A. L. 135, 136
Ördög F. 400
Orsini F. 308, 309
Orth F. 50, 73
Orwell G. 271
Ostwald W. 82, 112
Otradin M. V. 385
Ovruckij N. O. 115

Padhye K. A. 68, 73
Pál J. 373
Panajev I. I. 164
Pančenko A. M. rl, 73, 357, 378
Panin N. I. 139
Pantelić N. 45, 52, 53, 72
Pápai Páriz F. 365
Papp F. 159
Papp L. 400
Partridge M. 307
Passage C. E. 226
Pasternak B. 115, 116, 277—303
Pater W. 118
Pauly C. 73, 223
Pavlovič N V. 297, 302
Pavlov-Sil'vanskij N. P. 329
Pavlů B. 121
Pellegrino C. 73
Peretc V. N. 55, 73
Perkal' M. K. 305
Perkins G. 46, 70
Pervov P. 116
pes rss 38—40, 42, 44, 47, 50, 55—57
Péter Á. 394
Petőfi S. [A.] 122, 374
Petnikov Gr. 115
Petrej de Jerlezunda P. 50, 73
Petronius Arbiter 67, 73
Petrović P. Ž. 45, 52, 53, 72
Petuchov Je. 69, 73
Petzoldt J. 83, 112
Peyre H. 135
Pirumova N. 315
Pišút M. 411
Plaskacz B. 394

Platon 46, 95, 97, 99, 100, 104, 108, 115, 116, 118
Platonov A. 276
Platonov S. F. 133, 134, 137, 327, 328, 334, 340–342, 354
Plechanov G. V. 134, 136, 139, 328
Pleščejev A. N. 178, 179
Pletrešnik M. 39, 48, 49, 66, 73
Plutarchos 115
Podvysockij A. 41, 73
Poincaré H. 82, 86, 88, 112, 114
Pokrovskaja V. F. 11
Pokrovskij M. N. 67, 73, 328–332
Polilov N. 114
Polívka J. 55, 73
Polosin I. I. 51, 73, 328, 335, 336, 342, 343, 358
Polovinkin S. M. 77, 81
Pomorska K. 297, 303
ponos(a) slc 364
Pontrjagin L. S. 112, 114
Poór J. 366, 372
Poršnev B. F. 340, 346
Posoškov I. T. 49
Potapova Z. M. 313
Potebnja A. A. 41, 43, 45–47, 49, 55, 68, 73, 114
Pražák R. 368, 374
Priestly T. 45, 71
Prijatel' I. 149
Propp V. Ja. 63, 64, 66, 73
Ptuškina I. G. 312
Pul'chritudova Je. M. 126
Pulszky F. 308, 310, 321, 322
Puškin A. S. 6, 67, 116, 122, 143, 145–147, 149–162, 184, 200, 241, 262, 263, 286, 379, 390, 408

Quadrio M. 312, 315, 324

Radenković Lj. 52, 66, 67, 74
Rádl E. 125
Radnóti M. 374
Rankine W. J. M. 82, 112
Rapoport Ju. A. 45, 54, 74
Rau Fr. 122
Reichert H. W. 119
Reiser S. A. 318
Rejtő I. 149
Rév M. 388, 389, 409
Reviczky Gy. 156, 158
Revzina O. G. 298, 303
Reychman J. 411
Richter L. 139
Riemann G. 233
Rinner Fr. 411
Robinzon A. N. 378
Rodosskij A. 40, 74
Rohde E. 59, 74, 122
Romano A. 315, 323
Romanov Je. R. 42, 43, 45, 55, 63, 74
Róna B. 153
Rónai B. 400
Rónay J. 311
Rosenbaum K. 411
Rosselli N. 315
Rousseau J.-J. 160, 370, 371
Rozanov V. V. 116, 120, 171, 180
Roždestvenskij D. V. 231
Rozenberger F. 115
Rožkov N. 330
Rudenko Ju. K. 388
Rudnickaja Je. L. 311, 315, 317
Rudnyánszky Gy. 158
Russel B. 231, 235
Rykov Ju. D. 357

Sacharov A. M. 339, 357
Šachmatov A. A. 28
Šachovskoj S. I. 135
Sadikov P. A. 328, 335–337, 342, 354
Sadovnikov D. N. 64, 74
Šafárik P. J. 367
Šalda F. X. 121
Saltykov-Ščedrin M. Je. 165
Šambinago S. K. 181
Sándor L. 368
Šapiro A. L. 354–356
Šapkarev K. A. 52, 53, 75
Sárkány O. 411
Sárkány St. 393
Šaškevyč M. 398
Šatalov S. Je. 380
Šatelen M. A. 114
Schapiro L. 141
Schiller F. 160
Schlechta K. 119, 122–127
Schlegel F. 160
Schlerath B. 49, 63, 64, 76
Scholz H. 43, 45, 50, 63, 64, 68, 76
Schoppenhauer A. 100, 116, 122, 388
Schulze G. E. 100, 116, 117
Schuppe W. 82, 112
Scirocco A. 315
Ščukin V. G. 131
Ščurov I. 53, 76
Seeley F. F. 147
Segal D. N. 246, 303
Šelamanova N. B. 11
Semënov V. 41, 74
Sementkovskij R. I. 120, 121
Seneca 115
Šenoa A. 383
Šeremetev P. 40, 75
Sergejenko P. A. 379
Šerlaimova S. A. 383
Seržputovskij A. K. 39, 50, 74
Ševčenko T. G. 379
Ševjakov V. N. 339, 340
Ševyrev S. P. 176
Shakespeare W. 98
Sienkiewicz H. 407
Silvestrini A. 323
Simoons F. J. 68, 74
Simpovskij V. V. 138
Sipovskij V. V. 160

Šklovskij V. B. 177, 181
Skrynnikov R. G. 341, 342, 345, 350—355, 357, 358
Sládkovič A. 410, 411
Slavejkov P. R. 48, 74
Sławski F. 42,;74
Slepcov A. A. 318
Śliwowska W. 142, 144, 145
Śliwowski R. 145
Slodnjak A. 373
Slonimskij A. L. 177, 180
Šmidt S. O. 336, 337
Smirnov A. I. 119
Smirnov I. I. 331—333, 338, 339, 346
Smirnov I. P. 198, 206, 242, 259—260, 262, 278, 280, 282, 284, 298, 299, 303
Smirnov I. T. 43, 74
Smirnov Ju. I. 63, 74
Smirnov S. I. 50, 52, 67, 69, 74
Smirnov V. 45, 74
Smolickij V. G. 63, 74
Smrek J. 412
Snegirëv V. 332
Snesarev G. P. 45, 74
Sobolevskij A. I. 41, 74
Sokolov B. 64, 74
Sokolov N. M. 117
Sokolov V. V. 117
Sokolova V. K. 53, 74
Sokolova Z. P. 54, 74
Šolochov M. 381
Sologub F. 229, 389
Solov'ëv M. S. 115
Solov'ëv Vl. 115, 119—121, 125, 232, 244
Somló S. 156
Somlyó Z. 153
Sőtér I. 149
Špet G. G. 113, 230
Sreznevskij I. I. 44, 61, 74
Sreznevskij V. 49, 74
Staden H. [G. O.] 66, 76, 328
Staël G. 142
Stallo J. B. 83, 112
Stankevič N. V. 148
Starickij V. 347, 348
Steklov Ju. 315
Stepanov M. 142
Stepanov N. 177
štica slc 363, 364
Stojanov L. 381
Strigalev A. 276
Struve G. 142, 143
Štúr Ľ. 6
Sučkov B. L. 382
Sušková-Chvostova Je. A. 124
Sychta B. 42, 74
Sylván J. 367
Sylvester J. J. 235
Szabédi L. 154
Szabó J. 400
Szabó L. 157
Szabó P. 211
Szabó T. A. 400
Szabolcsi M. 373
Szász K. 155
Szász K. jr. 156
Szauder J. 373
Széchy K. 153
Szeghy M. 151
Szentessy Gy. 157
Sziklay F. 409, 410
Sziklay L. 365, 409—412
Szilágyi Á. 270, 273
Szilárd (M-né) L. 227, 237, 272, 273, 389
Szomory K. 158
Szvák Gy. 327

Tabidze T. 395
Tablic B. 375
Tait P. G. 85
Talev D. 383
Tallár F. 163
Tanárky Gy. 308, 309, 321
Teleki S. 308, 310
Temčin S. Ju. 55
Termer F. 63—65, 68, 74
Theophanes continuatus 46
Thomas apostolus 103—105, 118
Thomson W. 83—86, 113, 114
Timenčik R. D. 246
Timofejev I. 344
Tjurin A. 238
Toldy F. 149
Tolstaja S. M. 68, 75
Tolstoj L. N. 98, 119, 146, 182, 218, 253, 277, 379, 385—388, 393
Tolstov S. P. 54, 75
Tomášek P. 122
Tomaševskij B. V. 153
Toper P. M. 381
Toporkov A. L. 39, 68, 75
Toporov V. N. 46, 47, 49, 54, 55, 63, 65, 71, 75, 246
Tóth Á. 374
H. Tóth I. 11
I. Tóth Z. 48
Toynbee A. J. 132
Tramer B. 119, 123, 124
Travkin A. V. 112
Treadgold D. W. 132
Trediakovskij V. K. 48, 75
Trifonov Ju. 46, 75
Trubačëv A. S. 77
Trubačëv O. N. 54—57, 66, 75
Trubačëva M. S. 77
Trubeckoj Je. 64, 75
Trubeckoj N. S. 115
Trubeckoj S. N. 229
Trusevič Ja. I. 15
Turgenev I. S. 138, 146, 148, 212, 366, 379, 380, 385, 386
Turgenev N. I. 144
Tverdochlebov I. Ju. 312
Tynjanov Ju. N. 145, 167, 266, 267, 390

Udelov F. 231

Umancev A. A. 149
Unbegaun B. O. 55, 75
Uspenskij B. A. 37, 39, 40, 43, 45, 46, 50, 51, 54, 57–60, 62–68, 73, 75
Uspenskij P. 232

Vadas F. 400
Vahylevyč I. 398
Vajda Gy. M. 411
Vajda J. 149, 151
Vakarelski Ch. 53, 70
Valeggia G. 323
van Wijk N. 26, 30
Váradi-Sternberg J. 308
Vári E. 397
Várnai P. 393, 394
Vasil'jev V. M. 114
Vasmer M. 41, 42, 52, 54–57, 67, 68, 75, 373
Vazov I. 379
Végh J. 400
Vejnberg P. 115, 116
Venturi F. 305, 312
Verchoven' B. 331
Vergilius 57
Veselovskij A. N. 55, 63, 65, 70, 183, 195, 206, 250, 254
Veselovskij S. B. 333–335, 340–345, 351, 353
Vetuchov A. V. 115
Vickery W. 150
Vinogradov V. V. 239, 247, 251, 263
Vipper R. Ju. 327, 331–333, 335, 338
Voegelin E. W. 68, 70
Volpi F. 122
Voltaire 86, 138, 142, 370, 371
Voß J. H. jr. 100, 116
Vrchlický J. 374

Wagner R. 124, 125
Walicki A. 131, 133, 137, 140
Ward D. 45,
Weierstraß K. 229, 231
Welcker F. G. 58, 70
White-Mario J. 323
Wiesengrund-Adorno Th. 371
Willman-Grabowska H. 45, 54, 70
Windegren G. 54, 70
Wissowa G. 73, 223
Wlachovský K. 368
Worcell St. 406

Young E. 168

Zaimov J. 70, 74
Zamjatin Je. I. 234, 237, 238, 269, 270, 273–276
Zarubin N. N. 66, 71
Zastenker N. Je. 306
Zavada V. 374
Zdanevič I. 395–397
Zdanevitch H. 397
Zelenin D. K. 51, 52, 64, 65, 69, 71
Zen'kovskij V. 169, 209, 218
Zerinschek K. 411
Żeromski S. 383
Žicharev M. 144, 145
Zichy G. 153, 156
Ziegler K. 223
Ziegler R. 396, 397
Ziegler Th. 100, 117
Zigwart Chr. 100, 117
Zilahy I. 149
Zimin A. A. 336, 337, 340–342, 345–350, 355, 357, 358
Žirmunskij V. M. 155, 239, 241–253, 255, 256, 261–263
Zlatarski V. N. 46, 71
Znamenskij P. 65, 71
Zöldhelyi-Deák Zs. 366, 386
Zsigmond F. 149
Žukovskaja L. P. 20
Žukovskij V. A. 142, 168
Zumr J. 127

INDEX

Нидерхаузер, Э.: Русский язык и исторические традиции Восточной Европы 3
Х. Тот, И.: Малоизвестный фрагмент служебной минеи на месяц октябрь 11
Успенский, Б. А.: Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья вторая) 37
Половинкин, С. М.: «Наука как символическое описание» и «Диалектика» П. А. Флоренского 77

Miscellanea

Кишцова, Д.: Фридрих Ницше и М. Ю. Лермонтов 119
Щукин, В. Г.: От Ивана Хворостинина до Петра Чаадаева 131
Имре, Л.: «Столь типично венгерский и столь типично русский» 149
Таллар, Ф.: «Мертвые души» и воскресение 163
Ковач, А.: Повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» 183
Дуккон, А.: Проблема двойника у Гоголя и Достоевского 207
Larmour, D. H. J.: The Orpheus of Stepantchikovo 223
Силард, Л.: Андрей Белый и П. Флоренский 227
Хан, А.: Оценка поэтической ситуации 1910-х годов в литературоведческой концепции В. Жирмунского и Б. Эйхенбаума 239
Хетени, Ж.: О дикарях XX века 269
Фарино, Е.: Бульвар, собаки, тополя и бабочки 277
Кун, М.: Новые материалы об итальянских конспиративных связях А. И. Герцена ... 305
Свак, Д.: Вопрос исторического значения опричнины в советской исторической науке 327

Critica et bibliographia

Gregor, F.: V. Blanár, Lexikálno-sémantická rekonštrukcia 361
Леле, Й.: Kelet-európai századok (Szerk.: Fried I.) 365
Gyivicsán, A.: Käfer I., A szlovák és a cseh irodalom magyar bibliográfiája a kezdetektől 1970-ig 366
Поор, Я.: Les lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale, V. .. 370
Фрид, И.: A. Měšťan, Geschichte der tschechischen Literatur im 19. und 20. Jahrhundert 372
Либер, Л.: Славянские литературы 376
Хетени, Ж.: Проблемы поэтики русского реализма XIX века 385
Бакчи, Д.: Ю. Манн, В поисках живой души 389
Дудаш, Е.: G. Kjetsaa, Dostoevsky and His New Testament 391
Петер, А.: Les Littératures de Langues Européennes au Tournant de Siècle 393
Вари, Э.: L'avanguardia a Tiflis 394
Niederhauser, E.: История Львова 397
Kiss, L.: Tolna megye földrajzi nevei 400

In memoriam

Niederhauser, E.: Endre Kovács (1911—1985) 405
Рев, М.: Г. П. Макогоненко (1912—1986) 407
Fried, I.: László Sziklay (1912—1987) 409

MAGYAR
TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
KÖNYVTÁRA

√ kp - 307.222

STUDIA SLAVICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS
I. FRIED, Á. GEREBEN, B. GUNDA, L. HADROVICS,
P. JUHÁSZ, P. KIRÁLY, L. KISS, E. SZALAMIN,
L. SZIKLAY, ZS. ZÖLDHELYI-DEÁK

EDITIONEM CURANTE
A. HOLLÓS

REDIGIT
F. PAPP

TOMUS 33

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST
1987

STUD. SLAV. HUNG.

Русский язык и исторические традиции Восточной Европы

Э. НИДЕРХАУЗЕР

(Niederhauser E., MTA Történettudományi Intézete, Budapest, Pf. 9, H-1250)

На Востоке и на Западе в последние годы и десятилетия принято часто говорить о Восточной Европе, или о Центральной и Юго-Восточной Европе, причем это понятие иногда отождествляется с социалистическими странами Восточной Европы. Нам кажется, что это историческое понятие следует употреблять в более широком понимании, и по времени, и по пространству. Прежде всего — надо установить, что в период античности нельзя говорить о Восточной и, конечно, о Западной Европе. Тогда Европа разделялась по линии, идущей с Востока к Западу. Вследствие гибели античного мира это положение изменилось коренным образом, с ранних средних веков уже можно говорить о восточной и западной части Европы. Само собой разумеется, что термин «Восточная Европа» — это историческое понятие, границы изменялись в течение веков. Социалистические страны Европы входят в эту Восточную Европу, но в течение длительного времени сюда принадлежала, например, и Австрия как монархия Габсбургов.

Восточная Европа образовалась в первые столетия средневековья, вследствие крупных изменений в этническом составе, которые принято называть переселением народов. В ходе этих передвижений большинство территории Восточной Европы оказалось населенным славянскими племенами, наряду с которыми здесь жили с давних времен или поселились и другие этносы индоевропейского или другого происхождения. По различным причинам, вследствие влияний экономического, политического и культурного характера, внутри Восточной Европы образовались три субрегиона: Центрально-Восточная Европа, включившая в первые века польское, чешское, венгерское и хорватское государство, Юго-Восточная, куда входили Византия, Балканы, впоследствии Османская империя и Северо-Восточная, включавшая в основном Киевскую Русь. Эта система государств и культур вырисовалась к началу II тысячелетия н. э.

Основным признаком всего региона являлось то обстоятельство, что разные этносы жили в большинстве в смешанном виде, без точных языковых границ. В силу исторических перипетий эта смешанность в течение времени еще углублялась и стала постоянным качеством государств, в рамках которых

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

жили различные народности. Дело в том, что они жили совместно, трудились совместно. В ходе ежедневной жизни производства материальных благ создавались более или менее прочные связи между отдельными народностями. В быте, в производственных навыках, в народной культуре создавались общие черты, следы которых даже сегодня можно проследить в фольклоре Восточной Европы. Народы совместно работали и совместно боролись против своих угнетателей. Общеизвестно, что в крестьянском восстании Дожи, в крупных крестьянских войнах в России под предводительством Болотникова, Разина или Пугачева, в «колиивщине», в движениях гайдуков на Балканах принимали участие представители различных народностей. В условиях традиционного общества классовые различия, антагонизм классов играли гораздо более крупную роль, чем этнические и языковые. Даже в таких случаях, — которых в Восточной Европе было не мало, — когда отдельные классы общества принадлежали к отдельным этносам, крепостные говорили на другом языке, чем феодальная верхушка, и опять-таки на другом горожане. Однако, именно в традиционном обществе коммуникация шла всё же легче, так как в силу иммобильности всего общества, почти полного отсутствия горизонтальной мобильности общение между людьми ограничивалось узкими границами села, города и их ближайших окрестностей.

Кроме того существовали такие языки, которые являлись общими для крупных регионов, языки, известные более или менее широкому кругу, так как эти языки оказались в то же время священными языками богослужения, первоочередного момента общественной жизни. Еще до окончательного раздвоения христианства эти языки прочно вошли в культуру. На территории восточной церкви это был греческий язык, наряду, с давнейших времен, со старославянским. Западная же церковь распространяла знания на латинском языке. Не надо особенно подчеркивать: эти знания не содержали только религиозное учение, они включали в себя также целый ряд полезных в ежедневной жизни понятий.

Конечно, в традиционном обществе знание этих языков в полном смысле слова ограничивалось в основном узким слоем служителей церкви и может быть только частью феодального господствующего класса.

Это положение, сохранившееся в течение долгих столетий, начало изменяться во время появления первых признаков нового общественного строя, новой социально-экономической формации, — капитализма. Буржуазное преобразование, начавшееся в северо-западной части Европы путем промышленного переворота, раньше или позже распространялось и в Восточной Европе, по времени, можно было бы сказать, в зависимости от географического расстояния отдельных субрегионов Восточной Европы от северо-западного центра развития. Под давлением более развитых стран Восточная Европа тоже включилась в поток преобразований. Положение в традиционном обществе изменилось коренным образом. Даже в отношении языка.

Преобразования в социально-экономической области, новые методы в производстве, не только в промышленности, а также в сельском хозяйстве, расширяющаяся горизонтальная мобильность, рост городского населения за счет деревень и всякие другие, неизвестные до того новшества, в том числе необходимость всеобщего обучения детей, которая, впрочем, долгое время была больше идеалом, чем действительностью, — всё это в необыкновенной мере увеличило значение коммуникации между людьми, попавших вдруг в совсем новое окружение. По мере роста коммуникации увеличилась ценность языка, теперь уже не того общего языка церкви и верхних слоев, а родного языка. Европейское просвещение, подготавливающее все перемены в идеологической сфере, и вместе с тем, — вследствие рационального подхода к всем проблемам, — осознавшее себя общечеловеческим, выдвигало именно важность родного языка, на котором можно и должно распространять полезные знания. Обучать крестьян методам сельскохозяйственной революции пришлось так же на родном языке, как сообщить им законы и мероприятия, урегулирующие, со стороны государства, производство и политические отношения.

Даже в том случае, когда у одного или другого народа уже существовало что-то вроде литературного языка, пришлось возобновлять его новым словарным фондом, соответствующим новым условиям жизни. А где такого литературного языка не было, надо было его создать, в большинстве случаев на основе одного из диалектов. Прошла уже пора древних общих языков, старославянского или латинского, ставших уже в большей или меньшей мере препятствием продвижения.

Однако, перемены не ограничивались просто вопросом языка, вопросом необходимой коммуникации, возобновлением языка. Созданный во второй половине XVIII или первой половине XIX в. (в некоторых случаях еще позже) литературный язык стал одним из центральных пунктов развивающейся, пробуждающейся, как тогда говорили, новой социально-экономической общности, современной буржуазной нации. Крепостные крестьяне, горожане и высшие слои стали осознавать, что они говорят на том же языке, а вследствие этого принадлежат к этой новой общности. Образование и развитие наций как самых важных и современных общностей людей, этот крупный процесс, продолжающийся и в наши дни, стал в сознании людей тем признаком, в котором они ощущали происшедшие в глубине социально-экономических процессов изменения, торжество капиталистической формации.

Конечно, на известное время сохранялись еще некоторые общие языки, при помощи которых возможно было общение в крупных регионах. На Балканах таким языком оказался греческий, в монархии Габсбургов, даже вопреки официальному навязыванию, — немецкий, на просторах разделенной именно к концу XVIII в. польско-литовской Речи Посполитой, может быть, смешанный с латинским польский. А в пределах Российской империи, охватывавшей к концу XVIII в. уже половину территории Восточной Европы, таким

общим языком стал освободившийся от балласта старославянского русский язык.

Разделенный в концепции Ломоносова еще на три разновидности, согласно целям и задачам сочинения, в бессмертных строках Пушкина рождался единый язык, который сумел уже выразить все тонкости ощущений, все отрасли знания, все радости и скорби личной жизни. Вокруг Пушкина и вслед за ним родилась классическая русская литература, литература XIX в. Литература, которая в силу исключительного положения русской нации в Восточной Европе угнетенных народов сумела подняться выше ежедневных забот жизни, обращается ко всем народам и провозглашает высокие идеалы морали и гуманности.

Классическая русская литература XIX в. стала всемирно-историческим явлением, влияние которого чувствуется до наших дней во всём мире. Итак, вернемся к Восточной Европе.

Как уже было сказано, с начала XIX в. русский язык стал общим, официальным языком всей Российской империи, той Российской империи, которой только европейская часть охватывала половину Восточной Европы. Он стал таким общим языком не только, или не столько вследствие произвола царских чиновников, а именно как провозглашатель тех возвышенных человеческих идеалов, о которых также уже шла речь. Интеллигенция различных народностей России путем русского языка включилась во всемирную культуру, сумела распознать богатство общечеловеческой цивилизации. Русский язык распространялся как общий язык коммуникации на гораздо большую территорию, чем какой-либо из прежних общих языков в Восточной Европе.

Русский язык, в то же время, получил распространение и у других народов Восточной Европы, прежде всего славянских. Но следует еще раз напомнить, что именно они составляли большинство населения целого региона. Известный поэт и литератор словацкого происхождения, сыгравший крупную роль в чешском национальном возрождении, Ян Коллар, провозглашатель идеи славянской взаимности, считал русский язык самым развитым и самым важным из диалектов конципированного им общего всеславянского языка. А другой словацкий политический и культурный деятель, Людовит Штур, после поражения революции 1848 г. написал свою утопию «Славянство и мир будущего» именно на русском языке.

Если для славян Австрийской империи русский язык и русская литература означали, по политическим причинам, прежде всего центральный пункт в области культуры, то для славянских народов Балканского полуострова они явились уже рычагами политического освобождения. Жаждущие знаний и прогресса дети балканских народов получали свое образование в средних школах и университетах в России, на русском языке. Народы эти находились в исключительно трудных условиях вследствие отсталости османской империи, их первые крупные ученые выходили из рядов этой интеллигенции,

получившей свое образование на русском языке. Прогрессивное русское общественное мнение горячо сочувствовало угнетенным балканским народам. Далекий славянский брат, Дядо Иван уже в течение столетий оказывал значительное политическое влияние на Балканах, среди коренного населения. Могучая Российская империя, правда, исходя из собственных политических интересов крупной европейской державы, но в конечном итоге, вопреки этим целям, объективно способствовала освобождению балканских наций, созданию их собственных государств, которые и позже пользовались поддержкой этой крупной державы.

Из России шло не только политическое влияние государства, но приходили и первые вести о новом освободительном движении, намеревающемся покончить с господством царя и крупных капиталистов. Общеизвестно, какое крупное влияние произвело на великого сына болгарского народа, выдающегося интернационалиста-революционера, Георгия Димитрова произведение Чернышевского «Что делать?». Целый ряд балканских революционеров учился по-русски, на русском примере бороться за создание нового общества, свободного от социального и национального гнета. Развитие революционного рабочего движения в России, всемирно-исторические события первой русской революции оказали влияние и на другие области Восточной Европы, значительная часть польских пролетариев намеревалась добиться освобождения в союзе с рабочим классом России. Русский язык в начале XX в. уже был не только общим языком значительной части Восточной Европы. Он был уже языком революции. Языком победоносной революции впоследствии. Таким он и остался.

В Советской России, позже в Советском Союзе русский язык сохранил прежние, дореволюционные позиции, но роль его намного возросла, именно в результате того, что он носит в себе прогресс, процветание советской родины многонациональной. Русский язык восславлял первые победы гражданской войны. Он тесно связан со всеми трудностями восстановления страны, построения основ социализма. На русском языке провозглашались дирекитвы в Великой Отечественной войне, по-русски звучали песни героев этой войны, на русском языке пришли известия о победе. Если в XIX в. Толстой и Достоевский, Тургенев и Салтыков-Щедрин рассказывали Европе о русском человеке, то теперь Горький и Шолохов, а потом Вознесенский и Евтушенко и целая плеяда поэтов и писателей увеличивала славу русского языка, языка свободы и дружества в многонациональном Советском Союзе. Первенство русского языка не является делом принуждения, официальных декретов, оно является итогом добровольного соглашения всех граждан. Я не стану приводить цифры о знании русского языка у национальностей советской родины, они общеизвестны.

Конечно, начиная с Великого Октября, русский язык оказался языком революции и в остальных частях Восточной Европы, вдохновлением для од-

них, ужасом для других. Вернее, следует говорить об известном раздвоении русского языка. Славянские государства Восточной Европы стали убежищем русских эмигрантов, белогвардейцев, но не только их, а, например, и таких ученых, которые думали, что они воплощают в себе истинный дух русского языка, русской культуры. На кафедрах многих университетов в Восточной Европе работали лингвисты, литературоведы, философы, историки, продолжая влияние русской культуры в славянских странах Восточной Европы. Этот русский язык и всё, связанное с ним, представляло собой уже пройденный этап значения русского языка. Но он сохранил русский язык в среде, очень враждебной русскому языку как языку революции. Коммунистические партии в отдельных государствах в легальном положении до известного времени или в подполье чаще сохраняли свою связь с языком революции.

К концу второй мировой войны опять произошли коренные изменения в странах Восточной Европы. Подавляющая часть их преобразовалась в страны, строящие социалистическое общество. Совет Экономической Взаимопомощи, Варшавский Договор и целый ряд других соглашений и союзов связывает в наши дни большинство стран Восточной Европы. Русский язык стал первым языком этого содружества. Преподавание русского языка проводится во всех этих странах. Это является естественным делом, русский язык стал языком коммуникации в наших странах.

Здесь сто́ит на один момент остановиться. Существуют взгляды, согласно которым преподавание русского языка навязано этим странам Восточной Европы извне, будто всеобщее пользование русским языком не естественно в этих странах, имевших другие традиции. Я постарался показать, каким образом русский язык стал общим языком большой части Восточной Европы, как он распространился в межвоенный период как язык революции, вопреки крупным препятствиям. Кажется, из того, что я изложил до сих пор, место и роль русского языка вытекает логическим образом. Как и вообще концепция об особенностях развития Восточной Европы отнюдь не означает, что мы стремимся легитимировать сегодняшнее положение его проектированием в прошлое, как раз наоборот, сегодняшнее положение мы рассматриваем как результат многовекового исторического развития, точно также это относится и к русскому языку в наши дни. Задача историка состоит в том, что он должен рассматривать все явления в их развитии, формировании, в их результатах.

Подведем итоги. В историческом развитии Восточной Европы, в целях общения между людьми, всегда нужны были общие языки, которые понимались по крайней мере верхними слоями общества, но в ряде случаев и более широкими слоями. Здесь следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, которого я в некоторой степени коснулся, но, может быть, его необходимо подчеркнуть. Я имею в виду тот факт, что с начального периода истории Восточной Европы эти общие языки всегда являлись носителями общественного прогресса.

Общеизвестно, что латинский язык в ранние времена не означал только язык церковных обрядов, чуждых новокрещеным народам; путем этого языка распространялись новые методы обработки земли, более эффективные способы государственной администрации, более широкое применение письменности. Позже с латинским языком связывается возрождение и гуманизм. Греческий язык принес с собой в Византию лучшие традиции древнего мира. Старославянский язык, в первые времена еще близкий разговорному языку славянских народов, принявших христианство, облегчил широким слоям принятие не только новой веры, но и более современных знаний, приобщение к европейской культуре.

Конечно, со временем мертвый латинский язык стал уже тормозом движения вперед, хотя нельзя забывать, что известный «Дух законов» Монтескьё в XVIII в. стал доступным в отдельных странах в латинском переводе. Старославянский язык, потерявший живую связь с разговорным языком, тоже оказался уже мертвым, тормозящим развитие новых национальных языков.

На их место пришли новые. Немецкий язык играл крупную роль не только в монархии Габсбургов, в распространении прогрессивных идей просвещения, способствовав таким образом торжеству капиталистического строя.

Русский язык появился в Восточной Европе в тот момент, когда уже шел процесс обособления и развития национальных языков, таким образом, он уже не мог препятствовать этому процессу. При более развитых общих условиях, большей степени общения между народами русский язык означал прогресс в другом смысле, чем прежние общие языки. Во время своего появления в качестве такого языка в XIX в. он передал Восточной — и не только Восточной — Европе идеи гуманности, потом освободительного движения, в XX в. — социалистической революции.

Конечно, в XX в. русский язык, как язык революции, язык общественного прогресса, нельзя ограничить пределами Восточной Европы. Русский язык, во всех своих значениях и всем своим содержанием — всемирное явление. Кажется, очередные конгрессы нашей Ассоциации являются лишь одним доказательством этого факта. Их еще гораздо больше. Нельзя не отметить международный авторитет, который русский язык завоевал себе на самых различных форумах нашей планеты. Нашей планеты, которая во многих отношениях становится всё более единой. В наше бурное время, чреватое столь многими опасностями, русский язык означает не в последнем счете мир и дружбу народов. Он уже давно перерос узкие рамки Восточной Европы. Он стал уже всемирным явлением.

Малоизвестный фрагмент служебной минеи на месяц октябрь

И. Х. ТОТ

(H. Tóth Imre, JATE Orosz Tanszék, Szeged, Egyetem u. 2, H-6722)

Интересующий нас отрывок хранится в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде под сигнатурой 16.13.54.

Отрывок представляет собой всего лишь один лист пергамена. Он является отрывком служебной минеи 1-ой редакции[1] и содержит фрагмент службы Иерофею Афинскому епископу, бывшему ученику Св. апостола Павла. Память Иерофею Афинскому отмечалась 4 октября.[2] Рукопись содержит часть канона: конец 6-ой песни, текст 7-ой, 8-ой песен и часть 9-ой песни.

Отрывок служебной минеи поступил в Отдел рукописей в 1899 г. Несмотря на его предполагаемую древность, он не был объектом специального исследования. Литература об этом отрывке невелика. Рукопись впервые упоминается в «Предварительном списке славянских рукописей» под № 45 и отнесена составителями «Предварительного списка» к рубежу XI—XII вв.[3] Более детально, но сравнительно кратко, характеризуется рукопись составителями каталога Отдела рукописей, где дается краткая палеографическая характеристика рукописи, определение содержания и датировка этого весьма интересного памятника кирилловского письма. Здесь же даются начало текста и его конец. Несмотря на крайнюю сжатость описания рукописи, оно имеет важное значение для дальнейшего изучения, поскольку оно служит основным ориентиром для исследователей.[4] Краткое описание рукописи дополняется и снимком на л. 1а на 5-ом рисунке приложения, где приведен снимок 11—14 строк рукописи.[5] При анализе интересующей нас рукописи мы исходили из основных положений ее краткого описания, которые мы считаем верными и приемлемыми.

[1] Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Составители Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Ленинград 1976, 8.

[2] Полный православный богословский энциклопедический словарь, I. London 1971, 1051—1052.

[3] *Н. Б. Шеламанова,* Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР: Археографический ежегодник за 1965 г. Москва 1966, 190.

[4] Пергаменные рукописи, 8—9.

[5] Пергаменные рукописи, Рис. 5.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

I. Палеографические особенности рукописи

Размер рукописи 28×20,8 см. Рукопись написана на пергамене. Она сохранилась в плохом состоянии: края пергаменного листа прорваны и наверху, и внизу. Местами жесткий пергамен разорвался и от этого на нем возникли лакуны. Уцелевший таким образом пергамен был изъеден жуком, что привело к образованию на пергамене дырок. Пергаменный лист долгое время, по всей вероятности, находился в переплете другой книги и был изъят оттуда. Этим обстоятельством объясняется наличие остатков клея, которые затрудняют чтение текста. Чернила во многих местах выцвели, поэтому текст можно восстановить лишь по очертаниям букв. На 16-ой строке получился длинный загиб, из-за которого ни вторая половина строки л. 1а, ни первая половина строки л. 1б не поддаются чтению. Особенно трудно читается текст первой половины строки на л. 1б.

Текст списан уставом в 1 столбец по 28 строк. Высота строчных букв 2,5 мм. Сохранены остатки разлиновки, очерченной острым предметом. Текст помещается между двумя рамками, образованными крайними вертикальными линиями разлиновки, которые с обеих сторон проведены разлиновщиком по краям пергаменного листа. Размер текста 22,5×15,5 см. Инициалы, выполненные коричневыми чернилами, вынесены за рамку на поля разлиновки. Текст написан мелким уставным письмом. Составители каталога Пергаменных рукописей Библиотеки Академии наук отметили некоторое сходство между письмом интересующей нас рукописи и письмом минеи 1096 г.[6] Имея в виду несомненное сходство *почерка* ленинградского минейного отрывка, мы можем установить, что для него характерно т. н. «минейное письмо», которое известно, однако, не только из новгородских миней конца XI в. или начала XII в., но получило заметное распространение и в рукописях иного назначения, как об этом свидетельствует между прочим, и Бычковская псалтырь XI в.

Общей чертой рукописей, списанных «минейным письмом», является употребление *мелкого устава*, буквы которого выполнены довольно толстыми вертикальными линиями. Ленинградская минея списана мелким уставом, старательным, ровным, не беглым письмом. Начертание букв, как и некоторая манера, наблюдаемая у отдельных букв, свидетельствуют о том, что писец был опытным и не раз списывал подобного рода тексты. Общее впечатление о почерке рукописи как бы указывает на то, что начертания букв нанесены писцом без наклона. Однако более внимательное изучение начертаний отдельных букв убеждает нас в том, что отдельные буквы пишутся то с наклоном вправо, как в Минее 1095 г., то с наклоном влево (напр., строки 5, 7 л. 1а).

[6] Пергаменные рукописи, 8.

Как известно, для древнейшего кирилловского письма характерны: квадратность и пропорциональность. Однако для письма нашей рукописи эти черты не столь характерны. Что касается квадратности, следует указать на то, что в рукописи имеются буквы, у которых квадратность уже более нарушена в пользу длинности написания **(ш, щ, ж, м)**. Пропорциональность также начинает нарушаться: в основном сохраняется правильное соотношение верхних и нижних частей у отдельных букв, однако первоначальное соотношение долготы и широты букв, первоначальное соотношение горизонтальных и вертикальных линий писцом не соблюдаются; как мы увидим позднее, в начертании отдельных букв широта преобладает над высотой **(ш, щ, ж, м)**. Нарушено писцом и первоначальное соотношение горизонталей и вертикалей тем, что горизонтальные линии тоньше и короче вертикальных. Однако эти черты письма можно наблюдать и в других рукописях, списанных минейным письмом (напр., в Минее 1096 г., в Бычковской или Синайской псалтыри начала XII в.). Для почерка неизвестного писца рукописи характерно употребление завитков (росчерков) у правой верхней части некоторых букв **(у, х)**, что характерно, между прочим, и для почерка Листков Ундольского[7] (в дальнейшем — ЛУ) и Хиландарских листков (в дальнейшем — ХЛ). Это общие черты почерка, к которым еще присоединяются и индивидуальные особенности. Такой особенностью является широкое употребление *ограничительных штрихов* над отдельными буквами, что придает почерку некоторую манерность. Ограничительные штрихи употребляются писцом даже и у букв **р, с, п, а.** По нашему мнению, своеобразной манерностью писца является и та черта, что последняя вертикальная линия букв **ш, щ, п, к** не прямая, а немного овальная (9-ая строка л. 1б, 19-ая строка л. 1б, 18-ая строка л. 1а, 9-ая строка л. 1б, 10-ая строка л. 1б.).

После общей характеристики почерка Ленинградской минеи (в дальнейшем — ЛМ) перейдем к характеристике начертаний отдельных букв.

В ЛМ мы отметили употребление следующих букв; **а, б, в, г, д, є, ж, ѕ, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, у, ф, х, ц, ч, ѳ, ш, щ, ъі, ъ, ь, ѣ, ю, ѥ** (2×), **ѧ.** По нашим наблюдениям, из графической системы отсутствуют буквы **і, ѯ, ѳ, ѱ, ѩ, ѭ, ѫ, ѡ.** В числовом значении употребляются буквы **ѕ́, и́, ф́** (= 9).

Из букв, имеющих датирующие приметы, в графической системе ЛМ наличествует только буква **ѣ**, поэтому анализ начертаний отдельных букв мы начнем с анализа буквы **ѣ**.

ѣ. Мачта прямая с наклоном вправо. На верхнем уровне строки сильным нажимом пера образуется утолщение с ограничительным штрихом. Овальная петля пересекает мачту у середины. Тонкое коромысло ставится писцом немного выше середины мачты, но ниже верхнего уровня строки. Концы мачты утолщены нажимом пера. Имеется вариант, у которого мачта

[7] *Е. Ф. Карский,* Листки Ундольского. Памятники старославянского языка, т. I, вып. 3—1. СПб. 1904, 13.

косая. В 21-ой строке л. 1б встречается вариант, у которого вместо петли пишется маленький треугольник. Коромысло буквы **ѣ** пишется немного ниже, чем в Минеях 1095 или 1096 г. По своему начертанию буква **ѣ** стоит близко к начертанию буквы **ѣ** в Минее 1096 г. Сходное начертание имеет эта буква в ЛУ, где низкое коромысло также ставится писцом немного выше петли. Очертание буквы **ѣ** имеет сходство и с буквой **ѣ** в Саввиной книге, но в ЛМ мачта пишется с бóльшим наклоном вправо.

а. Правая часть пишется с наклоном влево. Петля большая с небольшим изгибом внизу, острая. Имеется вариант, у которого петля чуть-чуть приподнимается с нижней строки (7-ая строка л. 1б). У второго варианта к правой части добавляется очень мелкая петля, повисающая в строке. Петля начинается ниже правой мачты и не касается нижней строки (20-ая строка л. 1а). Этот вариант буквы напоминает букву **а** в ЛУ. Правая часть имеет ограничительные штрихи. Подобная буква встречается в Минее 1096 г. Буква сверху может иметь штрих, прикрепленный к правой части. Крупная петля у этой буквы встречается в ЛУ, ХЛ и Супрасльской рукописи (в дальнейшем — СР).

б. Мачта пишется с наклоном вправо. Петля присоединяется к мачте у ее середины. Верхняя горизонтальная линия может заканчиваться утолщением, выполненным сильным нажимом пера. Есть вариант, когда к мачте сверху добавляется маленькая горизонтальная черточка (12-ая строка л. 1а), как в Изборнике 1076 г. или в Архангельском евангелии 1092 г. Буква имеет свое соответствие в Минее 1096 г.

в. Мачта буквы пишется с легким наклоном вправо. Верхняя и нижняя части буквы одинаковы. Однако буква все-таки не является симметричной потому, что верхняя петля немного длиннее нижней. Есть вариант, у которого нижняя петля не присоединяется к мачте, а касается нижней части верхней петли (15-ая строка л. 1а). Мачта с обоих концов имеет ограничительные штрихи (21-ая строка л. 1а). Верхняя петля иногда заполнена чернилами. Буква с небольшим «перевесом» верхней петли известна из Минеи 1096 г.

г. Мачта пишется с наклоном вправо. Горизонтальная черточка чуть-чуть приподнимается вверх и имеет утолщение, сделанное нажимом пера. Буква имеет сходные черты с буквой **г** в ЛУ.

д. Буква помещается в строке, даже ножки, выполненные нажимом пера, не спускаются под строку. Сверху она имеет ограничительный штрих. Нижняя горизонтальная линия очень тонкая. Верхняя часть похожа на треугольник. Однако левая косая линия немного длиннее правой, которая тоньше левой. Имеется вариант, у которого обе черточки одинаковы (9-ая строка л. 1б). Буква вверху имеет ограничительный штрих.

є. Начертание буквы **є** сходно букве **с**. Она представляет собой глубокий овал, который у середины имеет горизонтальную черточку. Она может

кончаться крючком (1б 11). Сверху буква часто имеет ограничительный штрих вместо овала (1б 6).

ж. Буква потеряла свою пропорциональность, так как широта ее преобладает над высотой. Правая и левая часть буквы одинаковы. Преобладающая ширина буквы объясняется тем, что **ж** пишется не в три приема. Несмотря на это, хорошо сохраняется верхняя часть буквы. Написание буквы **ж** не в три приема, а в пять встречается, хотя и редко, и в памятниках XI в., так, например, в Архангельском евангелии (в дальнейшем — АЕ).[8] Несмотря на то, что буква **ж** пишется не в три приема, сохраняется приблизительное равенство верхней и нижней частей, что придает начертанию буквы архаический характер, напоминая букву **ж** из Минеи 1097 г.

ѕ. Имеет своеобразное начертание. Основная линия пишется на нижней строке. Сделав небольшой поворот, она резко поворачивается вниз и, передвигаясь вперед, делает небольшой овал с тонким концом. Буква несимметричная, верхняя часть больше нижней. Такое интересное начертание буквы **ѕ** редко встречается в памятниках. Ближе всего по своему начертанию эта буква стоит к **ѕ** в Минее 1095 г., согласно таблице Трусевича.[9] Невыраженная нижняя часть буквы известна и из Туровских листков (в дальнейшем — ТЛ) на л. 10б.

и. Две вертикальные линии, имеющие с обоих концов ограничительные штрихи, соединяются короткой тонкой горизонтальной черточкой. Перекладина проходит у середины составляющих букву линий. Однако имеется и вариант с косой перекладиной, которая делает букву **и** похожей на **н** (1-ая строка л. 1а).

к. Правая часть буквы примыкает к левой почти на верхнем уровне строки. Левая часть имеет ограничительные штрихи с обоих концов. Правая часть буквы составляет угол. Есть вариант, у которого левая часть овальная (8-ая строка л. 1б). Буква похожа на те начертания буквы **к,** которые встречаются в Минее 1095 г., Минее 1096 г. и 1097 г., но правая часть пишется в Минеях отдельно. В Минее 1097 г. есть вариант буквы, которая по своему начертанию приближается и к букве **к** в ЛМ. В «классических памятниках» кирилловского письма правая часть отделена от левой сравнительно большим расстоянием, как это видно в СК, ЛУ, ХЛ. Однако в СР, хотя правая и не примыкает к левой, в некоторых случаях очень близка к ней.

л. Обе части буквы одинаково развиты. Наверху они соединены ограничительным штрихом. Буква довольно широкая. Есть вариант, у которого правая часть не касается нижней строки, а немного приподнимается вверх. Буква с более короткой правой частью встречается и в Минее 1095 г.

[8] *Е. Ф. Карский,* Славянская кирилловская палеография. Москва 1979, 188.
[9] *Я. И. Трусевич,* Свод 260 азбук и образцов кириллицы из рукописей X—XVIII вв. с библиографическим оглавлением. СПб. 1905, II.

м. Эта буква выделяется из остальных букв, употребляющихся в ЛМ. Две наклонные друг к другу прямые мачты буквы соединяются незакругленной петлей с помощью двух горизонтальных черточек, которые выполняют и функцию ограничительных штрихов. Петля не опускается под строку. Начертание буквы «без угла» встречается как в древнеболгарских, так и в древнерусских рукописях. Из первых на первом месте следует упомянуть Энинский апостол (в дальнейшем — ЭА). По мнению исследователя этого памятника Хр. Кодова, такое начертание буквы **м** встречается в тех рукописях, о которых положительно можно сказать, что они были списаны с рукописей болгарского происхождения.[10] Из древнерусских рукописей можно перечислить те рукописи, в которых такое начертание буквы является исключительным. Сюда относятся такие памятники как ЖК, ЖФ, Листок Викторова (в дальнейшем — ЛВ), русская часть Реймсского евангелия (РЕ²). Как вариант проявляется такая буква, у которой отсутствует левая соединительная черточка (20-ая строка л. 1а). Подобная буква встречается в Минее Дубровского (в дальнейшем — МД), однако с той разницей, что отсутствует соединительная линия у правой части вертикальной линии. Но имеется значительное расхождение и в начертаниях буквы между ЭА и ЛМ; в последней верхняя соединительная линия короче, чем в ЭА, однако как и там, ширина букв больше высоты, как в ЭА. Следует указать и на то, что буква **м** имеет сходное начертание и в ЖК, которая и по своим другим графическим чертам очень близка к ЛМ и ЭА. Эти черты можно обнаружить и в ЛМ, и в ЖК.

н. Две вертикальные мачты соединяются сравнительно короткой тонкой перекладиной. Перекладина начинается немного ниже верхней части левой мачты и касается правой немного ниже середины левой мачты. Таким образом, буква является N-образной. Подобное начертание имеет эта буква в ЭА, в Минее 1095 г. и Минее 1096 г. Имеется вариант, у которого перекладина пишется прямо и поэтому буква **н** очень похожа на **и** (13-ая строка л. 1а).

о. Буква имеет довольно узкое начертание. Своеобразной чертой этой буквы является употребление ограничительного штриха, дополненного наверху с правой стороны. Есть вариант, у которого верхняя часть не овальная, а прямая (14-ая и 15-ая строки л. 1б).

п. Две вертиакльные прямые мачты соединены на верхнем уровне строки горизонтальной черточкой, которая имеет продолжение, образуя ограничительный штрих. Имеется вариант, у которого правая мачта имеет изгиб. Снизу мачты также имеют ограничительные штрихи (12-ая строка л. 1а). Сходное начертание имеет буква **п** в Минее 1095 и 1096 гг.

р. Для этой буквы характерно то, что она имеет сравнительно крупную головку, к которой добавляется короткая вертикальная линия, не спускаю-

[10] *К. Мирчев, Хр. Кодов,* Енински апостол (старобългарски паметник от XI век). София 1965, 171.

щаяся значительно книзу, под строку. Головка с левой стороны имеет ограничительный штрих. Как и в случае буквы **о,** наверху вместо овала можно обнаружить прямую линию (10-ая строка л. 1б). Общеизвестно, что буква **р** с короткой нижней вертикальной частью не является характерной для СР, СК, ЛУ, ХЛ. Такое начертание буквы характерно для Миней 1096—1097 гг.

с. Букву образует довольно глубокий овал, нижняя часть которого немного поднята вверх. К верхней части прибавляется ограничительный штрих в виде утолщения, которое образовалось сильным нажимом пера. Подобное начертание имеется в Минее 1097 г.

т. Мачта прямая, без наклона, она имеет поднятые крылья. Левая часть горизонтальной линии имеет утолщение, которое спускается вниз. Конец правой горизонтальной линии также утолщен. Сходное начертание имеет эта буква в Минее 1096 г.

оу. Для передачи гласного *и* писец прибегает к употреблению букв **оу, у.** Так как буква **оу** состоит из двух компонентов: из **о** и **у,** следует более подробно остановиться на элементе **у.** Правая, косая линия буквы — толстая. Она спускается под строку. Наверху имеет завиток, выполненный сильным нажимом пера. Левая часть тоньше правой, что является характерной чертой оформления этой буквы. В памятниках «классического» кирилловского письма обычно левая, короткая часть буквы толще правой, как показывает анализ начертаний этого знака в СР, СК, ЛУ, ХЛ. Подобно этому, толстую линию можно обнаружить в Остромировом евангелии, Изборнике 1073 г., РЕ[1] и других рукописях XI в. Завиток у правой части буквы характерен для СР, ЛУ, ХЛ, МЛ. Имеется вариант, у которого и левая часть имеет завиток (27-ая строка л. 1б).

ф. Мачта имеет с обоих концов ограничительные штрихи. Однако она не спускается далеко под строку. Буква не украшенная. Ее боковые овалы несимметричны: левый овал больше правого. Буква с короткой мачтой встречается в Минее 1096 г.

х. Идущая слева линия пересекает другую — ниже середины строки, однако она не выводится под строку, поскольку очень короткая. Идущая справа линия, как правило, спускается под строку. На верхнем уровне правой линии можно наблюдать завиток (росчерк). Есть вариант, у которого правая линия изогнута (13-ая строка л. 1а). Буква **х** с короткой левой линией является характерной особенностью Саввиной книги (в дальнейшем — СК), РЕ[1], ЛВ (обе рукописи — одноеровые). Заслуживает внимания то, что в Минее 1095 г. и Минее 1096 г. обе линии выводятся писцами под строку.

ц. Буква помещается в строке, как в надписи 993 г. и надписи Мостича, в СК и ЛУ. Две составляющие букву параллельные вертикальные линии прямые. На нижней строке они соединяются короткой, тонкой горизонтальной черточкой. Хвостик буквы помещается на нижней строке. Он является

продолжением правой линии. Буква сверху имеет ограничительные штрихи в виде тонких линий, которые могут соединяться (12-ая строка л. 1а). Подобное начертание имеет буква **ц** в СК, но там ее ножка короче, чем в ЛМ.

ч. Буква имеет вид правильной, глубокой, симметричной чаши. Бока ее закруглены. Имеется вариант, у которого мачта пишется с наклоном вправо. (18-ая строка л. 1б). Сверху буква имеет ограничительные штрихи. Есть вариант, у которого правая боковая линия чуть изогнута. Подобное начертание буква **ч** имеет в Минее 1097 г.

щ. Буква состоит из трех толстых вертикальных линий, снизу соединенных тонкой горизонтальной линией. Буква умещается в строке. Хвостик отдельно добавляется снизу. Правая вертикальная линия иногда имеет наклон вправо или похожа на овал (27-ая строка л. 1б, 19-ая строка л. 1б). Иногда хвостик может быть очень коротким, почти невыраженным (20-ая строка л. 1а). Сходное начертание имеет буква **щ** в минеях конца XI в., однако в них хвостик длиннее, чем в ЛМ.

ъ. Мачта пишется с наклоном вправо. Небольшая узкая петля касается мачты немного ниже ее середины. Мачта покрыта горизонтальной прямой черточкой, которая с левой стороны имеет крючок, повернутый вниз и выполненный сильным нажимом пера. Петля в некоторых случаях заполнена чернилами. Буква напоминает **ъ** из ЛУ и ХЛ. Из древнерусских рукописей сходное начертание имеется в ЖК и Минее 1095 г.

ы. Обыкновенно эта буква пишется таким образом, что левая и правая ее части соединены над петлей короткой горизонтальной черточкой. Такое начертание имеет **ы** в ЛУ, ЭА. Из древнерусских рукописей **ы** встречается в Изборнике 1076 г., ЖК, в 13 Словах Григория Богослова (спорадически).

ь. По нашим наблюдениям, эта буква встречается в рукописи всего лишь дважды. Из двух случаев употребления буквы, только в одном ясно начертание буквы, которая похожа на **ъ,** но с той разницей, что сверху мачта имеет тонкую горизонтальную линию без крючка (24-ая строка л. 1б).

В двух случаях мы не могли точно определить, с какой буквой пишется слово — с ъ или с **ь: съ** 1б 24, **въдвараѥши** 1б 24.

ѥ и **ю** имеют высокую тонкую перекладину, которая пишется у середины правой части буквы. Мачта обычно пишется с наклоном вправо.

ѧ. Наклонные друг к другу прямые линии наверху не встречаются, а соединены тонкой горизонтальной черточкой. К середине составляющих букву линий добавляется язычок. Сходное начертание буквы **ѧ** встречается в древнейших надписях: в надписи 993 г. (как вариант), в ЭА, ХЛ. Из древнерусских рукописей такое начертание буквы **ѧ** можно обнаружить прежде всего в тех, которые написаны мелким почерком,[11] т. е. в 13 Словах Григория Богослова и в мелком почерке Остромирова евангелия.

[11] *Е. Ф. Карский,* Указ. соч. 207.

Рассмотрев начертания отдельных букв, мы можем установить, что *письмо* ЛМ имеет определенные общие черты с древнеболгарскими кирилловскими рукописями (прежде всего с одноеровыми, как ЛУ, ЭА), с одной стороны, и с древнерусскими — с другой. Однако бросается в глаза тот факт, что начертания букв ЛМ имеют своеобразные общие черты с древнерусскими рукописями, возникшими в конце XI в., прежде всего — с Минеями 1095—1097 гг.

Подобным же образом можно установить определенные связи ЛМ с теми древнеболгарскими и древнерусскими рукописями, которые — как и описываемая нами рукопись — имеют одну и ту же особенность в преобладающем употреблении буквы **ъ** в функции **ъ** и **ь**.

Анализ почерка ЛМ позволяет высказаться в пользу того, что ее возникновение можно отнести с определенной долей вероятности *к концу XI в.* Палеографические особенности рукописи подтверждают эту датировку.

Наконец, следует указать и на некоторые особенности оформления рукописи. В тексте мы отметили следующие инициалы; **Н, В** (3×), **С, Г, Є, ѕ, ОУ, И,** которые вынесены писцом на левое поле рукописи. Двойные контуры букв выполнены не краской, а чернилами коричневого цвета. Этот способ изображения инициалов характерен для ранних рукописей. Из инициалов особенно выделяется буква **в,** которая оформлена в геометрическом стиле и имеет декоративные элементы.

Из употребления писцом знаков следует выделить *двоеточие,* служащее для разделения текста внутри строки и двоеточие с запятой по середине: ⁘.

II. Графическо-орфографические особенности

ЛМ из остальных древнерусских рукописей выделяется своими своеобразными графическими особенностями, наличие которых обеспечивает ей особое место среди рукописей XI—XII вв., как возникших в Киевской Руси, так и за ее пределами.

Первая особенность графики — отсутствие некоторых букв, которые обычно встречаются в рукописях данной эпохи. По нашим наблюдениям, в рукописи отсутствуют буквы: **ь** (она пишется лишь в двух случаях), **ѫ, ѭ, ѩ, і, ѹ, ѡ, ꙗ.** Отсутствие определенных букв влечет за собой расширение функции некоторых букв, а именно: **ъ, у** и **а** (вместо **ꙗ**). Из отмеченных нами особенностей графики и орфографии ЛМ мы выделим следующие:

1. *Важнейшей* графической особенностью ЛМ является то, что в ней вместо буквы **ь,** за исключением 4-х случаев, употребляется буква **ъ,** как в функции **ъ,** так и **ь.** В силу одноерового характера графики рукописи ей отводится особое место среди памятников кирилловского письма на русской почве.

Как известно, среди памятников древнеболгарского языка встречается не один такой, в котором употребляется исключительно буква **ъ** (= ъ, ь), или его употребление является доминирующим. Из глаголических памятников такими являются Палимпсестная часть Зографского евангелия, Палимпсестная часть Боянского евангелия, Будапештский глаголический фрагмент и 2-ой фрагмент Пражских глаголических листов. Из рукописей, написанных кириллицей, употребление **ъ** (вместо ъ, ь) характерно для ЛУ, ЭА. Это правописание было распространено на Руси, как об этом свидетельствует единственная доселе известная — по нашим сведениям — рукопись с одноеровой графикой, с буквой **ъ** (= ъ, ь) — Жития Кондрата. Правда, новгородская берестяная грамота № 109 — грамота Жизномира — также написана одноеровой графикой, с исключительным употреблением буквы **ъ** (= ъ, ь).[12] Однако среди пергаменных рукописей не известна другая рукопись с почти исключительным употреблением ера.

Для графики ЛМ характерно употребление буквы **ъ** как этимологически правильно, так и на месте **ь.** Мы отметили только 4 случая отклонения от этой консеквентно проведенной нормы. В двух случаях сохраняется буква **ь: [вѣ]нъць** 1б 16, **вѣрочьтуѫи|мъ** 1б 24—25. Два раза мы не могли точно определить, какая буква употребляется писцом в предлоге: **съ** 1б 24, **въдвраѧєшн** 1б 24. В остальных случаях **ъ** пишется постоянно. Мы отметили 49 случаев постановки буквы **ъ** вместо **ь: бжствънъıхъ** 1а 4, **обѫıъникъ** 1а 5, **рѣснотъну** 1а 6, **истинънаго** 1а 6—7, **єстъству** 1а 8, **съвък[ю]плъша** 1а 8, **бжствънаго** 1а 11, **[п]риходитъ** 1а 14, **тръхъ** 1а 17, **[б]о|мъıслънє** 1а 17—18 пр. Эта основная черта графики нашей рукописи.

2. Согласно одноеровому характеру графики ЛМ можно отметить почти постоянное употребление буквы **ъı: прчстъı** 1а 3, **раꙁумъ|нъıми** 1а 3—4, **бжствънъıхъ** 1а 4, **въıсокоє** 1а 11, **въꙁъıваше** 1а 12, **въꙁъıвати** 1а 15, **[б]о|мъıслънє** 1а 17—18, **ꙁаконънъıхъ** 1а 19 и пр. Буква **ъı** употребляется писцом в 34 случаях, тогда как букву **ы** можно обнаружить только в одном примере: **нынѣ** 1б 8. В восстановленном тексте мы не можем судить о характере буквы **ы.** Буква **ъı** встречается в одноеровых древнеболгарских и древнерусских рукописях: в ЛУ, ЭА, ЖК и в грамоте Жизномира (в дальнейшем — Гр. 109).[13]

3. Неожиданной и поражающей чертой графики интересующего нас фрагмента является преобладающее употребление буквы **у** вм. **оу** для обозначения гласного *и*. Этот прием писца тем более интересен, что буква **у** в определенных позициях встречается только в «старшем русском полууставе»,[14] но не употребляется в уставе. На употребление **оу** мы обнаружили

[12] *Л. П. Жуковская,* Новгородские берестяные грамоты. Москва 1959, 98.
[13] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский,* Новгородские грамоты на бересте. Москва 1958, 39.
[14] *Е. Ф. Карский,* Указ. соч. 172, 200.

следующие примеры: **на[о]учаѧ** 1а 15, **оупостасъхъ** 1а 17, **оучєниѧ** 1б 7, **оудави** 1б 14, **[о]убо** 1б 14, **оу** 1б 18 (7 примеров). Заслуживает внимания тот факт, что в этих случаях буква не пишется на месте этимологического гласного *ǫ*, а только на месте исконного *и*. Буква же **у** употребляется как на месте *и*, так и на месте *ǫ*: **[л]уч[а]** 1а 3, **раꙁумъ|нъıми** 1а 3—4, **єстъств[у]** 1а 8, **ра[д]уѧ сѧ** 1б 16, **праꙁдънъствуєши** 1б 22, **бу̑** 1б 27—28, (6 случаев), **[доб]ро|ту** 1а 1—2, **сп̑сву** 1а 1, **рѣснотъну** 1а 6, **въ истину** 1а 6, **владущаго** 1а 20 и пр. (17 случаев).

4. Характерной чертой графики нашей рукописи можно считать полное отсутствие буквы **ѫ**.

Таким образом, можно констатировать, что наша рукопись принадлежит к группе одноюсовых рукописей. Такими являются и Минеи 1095—1097 гг., Бычковская псалтырь начала XII в. (в дальнейшем — БПс), Стихарь X—XII вв. (в дальнейшем — Стих.). Отсутствие буквы **ѫ** из графической системы древнерусских рукописей имеет датирующее значение. Юс большой отсутствует прежде всего в памятниках конца XI в. Большинство одноюсовых рукописей, возникших под конец XI в., происходит из Новгорода и его окрестностей. Возможно, что в рукописях, списанных вдалеке от киевского центра, раньше юсы были исключены из состава древнерусской графики.

5. Нам кажется, что для одноеровых рукописей (с буквой **ь** и с буквой **ъ**) характерен неполный комплект йотированных букв. В ЛМ не употребляются буквы **ꙗ, ѩ, ѭ.** Сокращено употребление буквы **ѥ,** так как она встречается лишь два раза: **б̑жѥ** 1а 5, **ѥрм̑о** 1а 9 Вместо **ѥ,** как правило, пишется буква **є** в любой позиции: **єдиного** 1а 1, **иєрофєє** 1а 2, **бо̑приѧтнє** 1а 3, **[н]аслажєнии** 1а 5, **нєи[ꙁд]рєчєнно** 1а 7 (всего 95 случаев употребления этой буквы). Вместе буквы **ѭ** постоянно пишется **ю: бц̑ю** 1а 6, **плътию** 1а 7, **чс̑тотою** 1а 10, **въспѣвающѥ** 1а 21 и пр (всего 16 случаев).

Так как графической системе ЛМ чуждо и употребление буквы **ꙗ,** то вместо этой буквы в значении *j* + *'a* в начале и внутри слова после буквы, обозначающей согласные, ставится **ѧ.** Подобным образом **ѧ** можно обнаружить и в конце слова как после согласного, так и после гласного. Редко внутри слова **ѧ** ставится и после букв, обозначающих согласные.

Своеобразной чертой графики ЛМ является отсутствие буквы **ꙗ,** однако этой буквы нет и в РЕ[1], написанной также одноеровой графикой (**ь** вместо **ъ**). Там отсутствие буквы **ꙗ** компенсируется расширением неэтимологического употребления буквы **ѧ.** Подобное положение характерно и для графики исследуемой рукописи. Как нами было указано, йотированные буквы отсутствуют в одноеровых рукописях. Так, например, нет букв **ѥ, ѩ** в ЖК. Отсутствуют йотированные буквы из одноеровых рукописей с буквой **ь** (= ъ, ь): нет буквы **ѩ** в ЛВ и ограничено употребление буквы **ѥ.** В одноеровой части Пандект Антиоха (в дальнейшем — ПА[2]) буквы **ѥ, ѭ, ѩ** встречаются только по одному разу. Нет некоторых йотированных букв: **ю, ꙗ, ѩ, ѭ** в РЕ[1]. В древ-

нейших кирилловских рукописях можно отметить сходные черты: нет букв **ѥ, ꙗ, ѩ** в ЛУ. Из графики ЭА отсутствуют буквы **ѥ, ꙗ, ѩ**. В Македонском кирилловском листке (в дальнейшем — МКЛ) нет **ѩ** и **ꙗ**. По всей вероятности, отсутствие полного комплекта йотированных букв во всех одноеровых рукописях является архаичной чертой. Не исключена возможность и того, что в протографе ЛМ не было буквы **ꙗ**, как нет ее в ЛУ, а вместо **ꙗ** писалась буква **ѣ**. Подобное явление было отмечено исследователями и в ЭА, где в значении буквы **ꙗ** всегда пишется буква **ѣ**. Буква **ꙗ** там встречается только 8 раз и только в определенных условиях.

6. В ЛМ мы не обнаружили и употребление буквы **ѡ**, как и в ХЛ или в одноеровом МКЛ. В интересующей нас рукописи предлог, приставка **от** пишется с буквой **о: отъ** 1б 17, 1б 19.

7. Из менее значительных особенностей графики подчеркнем отсутствие букв **і, ѕ**, столь часто встречаемых в других рукописях.

8. В ЛМ писцом постоянно ставится лигатура **щ: объщъникъ** 1а 5, **тъща** 1а 10, **[в]ѣщании** 1а 13, **любащаѧ** 1а 14, **въспѣвающє** 1а 21 и пр. (18 случаев).

Как показывают наши данные, извлеченные из ЛМ, в ней встречаются консеквентно проведенные графико-орфографические тенденции, которые, в большинстве случуев, имеют свои параллели в одноеровых рукописях XI в., как древнеболгарских, так и древнерусских.

Сокращения имеют два типа: некоторые слова пишутся под титлом, другие — выносятся. Титло представлено в форме горизонтальной черточки, начало которой сильно нажимается пером. В случае же выноса также пишется подобный знак. Под титлом пишутся следующие слова: **бл̃жнаѧ** 1а, **сп̃сву** 1а 2, **прчс̃ты** 1а 3, 1б 10, **бо̃приѧтнє** 1а 3, **бж̃ствъныхъ** 1а 4, **бц̃ю** 1а 6, **бг̃а** 1а 7, **пр̃чстаѧ** 1а 8, **дв̃о мати** 1а 8, **бж̃иѧ** 1а 9, **с̃таѧ** 1а 10, **с̃тхъ** 1а 10, **бл̃жнє** 1а 10, **чс̃тотою** 1а 10, **бж̃ствънаго** 1а 11, **бл̃нъ** 1а 12, **бг̃ъ** 1а 12, **оц̃ъ** 1а 12, **г̃л[ъ]** 1а 13, **бл̃нъ** 1а 15, 1а 22, **дв̃аѧ** 1а 19, **мт̃и** 1а 19, **чс̃та** 1а 21, **дх̃а** 1а 24, **с̃тго** 1а 24, **пр̃чтую** 1а 24, **[дш̃у]** 1а 25, **бо̃при[ат]ъна** 1а 25, **бо[гла͡на]** 1а 26, **хв̃ъ** 1б 1, **вєликог̃лъно** 1б 2, **сщ̃[н]и** 1б 4, **бл̃гдтъ** 1б 5, **бж̃ъствънѣишимъ** 1б 5, **бо̃словиємъ** 1б 6, **[а]п̃лскъıѧ** 1б 7—8, **дш̃у** 1б 10, **бг̃а** 1б 11, **сщ̃|[н]ии** 1б 13—14, **бл̃голѣпънъı[и]** 1б 16, **нбснъı** 1б 17, **сп̃сти** 1б 18, **бж̃ствънъıѧ** 1б 20, **бж̃ствънаго** 1б 25, **бу̃** 1б 28, **мл̃стъ** 1б 28, **[бл̃г]дтъ** 1б 28. Всего 56 случаев написаний под титлом. Выносом пишутся следующие слова: **б͡жє** 1а 5, **юрм͡о** 1а 9, **пѣ** 1а 23, 1б 14, **[є]рмо͡** 1а 23, **бо̃[гла͡на]** 1а 26, **дѣ͡** 1а 27, **са͡|достънъı[х]ъ** 1б 2—3, **ис͡ъ|лнила** 1б 6, **[ир]м[о]͡** 1б 14 (10 случаев). В двух случаях написание обозначается не сокращенно, а пропущенные слоги просто пишутся писцом над строкой: **ѧвı̂** 1а 5, **нъı** 1б 23. В этих случаях мы имеем дело с исправлениями писца, который мог пропускать отдельные слоги, или же дважды списать одно и то же слово: **[тв]оихъ** 1б 3. Написание **съвък[ю]плъша сѧ** 1а 8 является опиской.

Рассмотрев особенности графики рукописи, необходимо сказать несколько слов о *возможном* ее древнеболгарском происхождении. Некоторые особенности начертания отдельных букв (прежде всего буквы **м**) и определенные черты графики позволяют предположить, что она была списана непосредственно с древнеболгарской рукописи. Для оригинала ЛМ с большой долей вероятности можно установить следующие графико-орфографические черты, которые соблюдались неизвестным писцом ЛМ при списывании рукописи:

1. Одноеровая графика с употреблением буквы **ъ**.
2. Отсутствие букв **ѧ, ѫ, (ѧ)**.
3. Употребление буквы **ѣ**.
4. Широкое употребление буквы **ѣ** в функции **ѧ**.
5. Отсутствие употребления некоторых букв: **ѡ, і, ѕ**. Буквы **оу, шт,** по нашему предположению, имелись в оригинале ЛМ, однако писец нашей рукописи заменял их буквами **у** и **щ**.

III. Фонетика

1. Анализ фонетических явлений мы начнем с изучения судьбы носовых гласных, так как их рефлексы определяют провениенцию нашей рукописи

На месте носового гласного непереднего ряда встречаются написания с **оу, у**:

В корнях: **судъ** 1б 7, **нєискусна** 1б 12, **прємудрости** 1б 15, **прє[мудр]ост[ъ]-нѣи** 1б 15.

В суффиксах: **владущаго** 1а 20, **чь[т]ущимъ** 1б 24—25, **присносуща** 1б 27, **мо|гущаго** 1б 11—12.

В окончаниях: **прч̑тую** 1а 24, **оумръщвєную** 1б 10, **[о]|ꙁлоблєную** 1б 10—11, **дш̑у** 1б 10, **[доб]ро|ту** 1а 1—2, **сп̑сву** 1а 2, **рьснотъну** 1а 6, **въ истину** 1а 6, **прч̑тую** 1а 24 (всего 18 случаев).

Вместо буквы **ѫ** последовательно пишется **ю**:

В суффиксах: **въспѣвающє** 1а 21, **въ|ꙁывающе** 1а 20—21, **[въ]спѣвающє** 1а 27, **по[ю]щ(·)** 1б 13, **поющихъ** 1б 19.

В окончаниях: **бц̑ю** 1а 6, **плътию** 1а 7, **чс̑тотою** 1а 10, **прч̑тую** 1а 24, **вєликоглъ̑ною** 1б 2, **бѣсѣдою** 1б 2, **оумръщвєную** 1б 10, **мою** 1б 10, **[о]|ꙁлоблєную** 1б 10—11, **любъвию** 1б 27.

Вместо буквы **ѧ** /**ѧ**/ писцом ставится буква **а** в двух случаях: **[л]у[ч]а** (вин. п. мн. ч.) 1а 3, **любѧщаѧ** (вин. п. мн. ч.) 1а 14.

Эти примеры доказывают, что носовые гласные изменились в речи писца в чистые гласные *и, 'и, 'а*.

Однако, имея в виду то обстоятельство, что буква **ѧ** отсутствует в графической системе ЛМ, буква **ѧ** сохранена писцом в следующих случаях:

В корнях: **бо̑приатнє** 1а 3—4, **сътажа** 1а 12, 1б 27, **бо̑при[ат]ъна** 1а 25, **приа** 1б 17.

В суффиксах: **любацаа** 1а 14, **вєсєла[щ]є** 1б 8.

В окончаниях: **възираа** 1а 3, **та** 1а 6, 1б 25, **са** 1а 8, 1а 10, 1а 25, 1б 14, 1б 17, 1б 20, 1б 23, 1б 24, **вєс[є]латъ** 1а 14, **[а]|пл̑скъіа** 1б 7—8, **нєа** 1б 17, **горънаа** 1б 20, **про[с]а** 1б 25, **на[о]учаа** 1а 15, **възи[ра]а** 1б 27, **бо̑жствънъіа** 1б 20, **вѣчънъіа** 1б 21, **поа** 1а 12, 1а 18, **въпи[а]** 1б 4. Мы отметили 33 случая употребления буквы **а** там, где носовой гласный является этимологически оправданным. Об утрате носовых гласных свидетельствует *взаимная мена* букв **а̑, а** с буквами **оу, ѧ, а,** т. е. когда вместо букв **оу, ѧ, а, ю** пишутся **а̑, ѧ̑, а.** Так как буквы **а̑, ѧ̑** не встречаются в графике ЛМ, то ме можем ожидать только употребление буквы **а** вместо **ѧ**.

Мы отметили следующие случаи постановки буквы **а** вместо **ѧ** для передачи сочетания *j* + *'a* или мягкий согласный + *'a*:

В начале слова: **авй**^{сѧ} 1а 5, **асно** 1а 12, 1б 1, **ави** 1а 26, **авилъ** 1б 2, **ако** 1б 7, **адовънъіимъ** 1б 11, **ако** 1б 15, **авлєниа** 1б 26—27.

Внутри слова после гласных: **сиании** 1а 4.

В конце слова после гласных: **бл̑жнаа** 1а 1, **свѣтодниа** 1а 5, **пр̑чстаа** 1а 8, **бо̑жиа** 1а 9, **съхожєниа** 1а 9, **ста** 1а 10, **житиа** 1а 11, **прєзърѣниа** 1а 11, **дв̑аа** 1а 19, **нєиздрєчєнънаа** 1б 1, **с [ъ]мотрєниа** 1б 1, **всєславънаа** 1б 5, **оучєниа** 1б 7, **пр̑чстаа** 1б 10, **всачъскаа** 1б 12, **истоваа** 1б 26, **въздниа** 1б 26, **авлєни|а** 1б 26—27.

Внутри слов после согласных: **ставлаєтъ** 1а 14, **всачъскаа** 1б 12, **всачъскъіхъ** 1б 18, **въдвараєши** 1б 24.

В конце слов после согласных: **избавитєла** 1а 26, **съдѣтєла** 1б 18, **нъіна** 1б 22.

Случаи постановки букв **оу, у, ю, а** вместо **а̑, ѧ̑, а** и употербление буквы **а** для передачи сочетания *j* + *'a* и мягкий согласцый + *'a* убедительно доказывают *древнерусское происхождение* исследуемой рукописи.

2. ЛМ содержит интересные данные относительно истории редуцированных гласных.

Редуцированные гласные в слабой позиции были отмечены нами в следующих случаях:

Редуцированный непереднего ряда:

В корнях: **тъща** 1а 10, **въпи[а]** 1б 4.

В суффиксах: ø

В префиксах: **възлюбив[ъ]** 1а 1, **възираа** 1а 3, **съвък[ю]плъша** 1а 8, **съхожєниа** 1а 9, **сътажа** 1а 12, **възъіваше** 1а 12, **възъівати** 1а 15, **въспѣваше** 1а 18, **въспѣвающє** 1а 21, **съгласъно** 1а 21, **възъівающє** 1а 22—23, **[в]ъсєливъ** 1а 25, **[въ]спѣвающє** 1а 27, **въ[з]исканиємъ** 1а 28, **с[ъ]мотрєниа** 1б 1, **съложє|ниємъ** 1б 3—4, **възд[ъ]|хновєниємъ** 1б 5—6, **въ|спѣваєши** 1б 8—9, **въстави** 1б 13, **съдѣтєла** 1б 18, **въсєлилъ** 1б 20, **въз[вє]сєлиши** 1б 23, **въздниа** 1б 26, **въсприимъ** 1б 26, **сътажа** 1б 27, **възи[ра]а** 1б 27.

Во флексиях: **гр[ѣ]хъми** 1б 10.
В конце односложных слов: **нъ** 1а 6, **въ** 1а 16, 1а 17, 1а 24, **съ** 1б 8, 1б 23, **къ**| 1б 27.
В конце не односложных слов постоянно ставится буква **ъ: въꙁлюбив[ъ]** 1а 1, **бо̑жьствънꙑхъ** 1а 4, **тѣхъ** 1а 4, **обыцъникъ** 1а 5, **славимъ** 1а 6 и мн. др.
Отсутствие буквы было отмечено нами в двух случаях — один раз в корне, один раз — в приставке: **[о]ꙁлоблєную** 1б 10—11, **списании** 1а 13.
В предлоге **отъ** можно обнаружить вторичный редуцированный: **отъ** 1б 17, 1б 19.[15]

Как следует из одноерового характера графики ЛМ за исключением двух случаев, вместо **ь** писцом ставится буква **ъ: вѣн[ъ]ць** 1б 16, **чьтуцꙑ|мъ** 1б 24—25.
На месте редуцированного переднего ряда *в слабой позиции* мы отметили букву **ъ** (= *ь*), **ь** в следующих случаях:
В корне: **прєꙁърѣниѧ** 1а 11, **чь[т]у|цꙑ|мъ** 1б 24—25.
В суффиксах: **раꙁумъ|нꙑми** 1а 3—4, **бо̑жьствънꙑхъ** 1а 4, **объцъникъ** 1а 5, **рѣснотъну** 1а 6, **истинъ|наго** 1а 6—7, **бо̑жьствънаго** 1а 11, **[б]о|мо̑ꙑслънє** 1а 17—18, **ꙁаконънꙑхъ** 1а 19, **съгласъно** 1а 21, **бо̑при[ѧт]ъна** 1а 25, **[б]л̑[г]очъстън[о]мъ** 1а 28, **нєиꙁдрєчєнънаѧ** 1б 1, **вєликоглъною** 1б 2, **сѧ|достънꙑ[хъ]** 1б 2—3, **бо̑жьствънѣишимъ** 1б 5, **иꙁвѣстъ[н]ꙑмъ** 1б 6, **ѧдовънꙑимъ** 1б 11, **прєм[удр]о[с]т[ъ]нѣи** 1б 15, **бо̑лголѣпънꙑ[и]** 1б 16, **л|[ико]вьникъ** 1б 17, **горъняѧ** 1б 20, **бо̑жьствънꙑѧ** 1б 20, **вѣчънꙑѧ** 1б 21, **бо̑жьствънаго** 1б 25, **приложъно** 1б 28, **нєискуснабрач[ъ]|но** 1б 12—13, **всєславънаѧ** 1б 5.
-ьск-: всѧчъскаѧ 1б 12, **всѧчъскꙑхъ** 1б 18, **[ангє]лъскꙑми** 1б 21—22.
-ьств-: єстъств[у] 1а 8, **єстъства** 1б 13, **праꙁдънъствуєши** 1б 22.
-ьш: съвък[ю]плъша 1а 8, **рождъши** 1б 13.
Во флексиях:
В конце слов буква **ъ** постоянно пишется вместо **ь: [п]риходитъ** 1а 14, **сєдмъ** 1а 23, **съложє|ниємъ** 1б 3—4, **въꙁд[ъ]|хновєниємъ** 1б 5—6, **бо̑словиємъ** 1б 6, **гр[ꙑ]ꙁєниємъ** 1б 11 и мн. др.
На месте редуцированного гласного переднего ряда в слабой позиции пропущена буква **ъ** (*ь*) в 15 случаях. Пропуск можно обнаружить в следующих морфологических категориях:
В корнях: **всѣми** 1а 20, **[в]сєсилн[оє]** 1а 24, **всєславънаѧ** 1б 5, **всѧчъскаѧ** 1б 12, **всѧчъскꙑхъ** 1б 18.
В суффиксе: **-ьн-: бо̑приѧтнє** 1а 3, **нєи[ꙁд]рєчєнно** 1а 7, **ѧсно** 1а 12, 1б 1, **[в]сєсилн[оє]** 1а 24, **проповѣдни|ка** 1а 25—26, **сѣцнєлѣпно** 1а 26, **[в]ѣрно** 1а 27, **нєискусна** 1б 12, **присносуща** 1б 27.

Как мы видим, буква **ъ** чаще пропускается там, где редуцированный гласный *переднего ряда* был в слабой позиции, нежели там, где редуцирован-

[15] *К. Мирчев, Хр. Кодов,* Указ. соч. 184.

ный *непереднего ряда* находился в этой же позиции: на два случая пропуска буквы **ъ** на месте **ъ** приходится 15 случаев пропуска **ъ** на месте редуцированного переднего ряда. Особенно часто пропускается буква в суффиксе **-ьн-**. Корень **вьс-** постоянно пишется без буквы **ъ** (= *ь*). Древнеболгарские рукописи не в одинаковой мере отражают падение редуцированного в корне **вьс-:** она сохраняется в древних кирилловских рукописях — в Охридском евангелии, ХЛ, МКЛ, спорадически отсутствует в Мариинском ев., Синайской псалтыри, в Зографском ев., однако в Синайском требнике часто пропускается буква **ь.** В Саввиной книге всегда отсутствует буква **ь** в корне **вьс-.** Хотя корень **вьс-** относится к числу тех корней, в которых редуцированные в слабой позиции отделяются раньше всего, интересно, что данные ЛМ находят точные соответствия только в СК.[16]

Что касается пропуска буквы **ъ** между *s* — *n*, то он является «общеславянским и доисторическим».[17] Сюда относится слово **присно,** которое в Слуцкой псалтыри все-таки пишется с буквой **ь: присьно** 101. Возможно, под влиянием этого слова очень рано произошло падение редуцированного и в слове **ѧсьно.** В суффиксе **-ьн-** имеется заметное колебание и в других рукописях. Из древнерусских следует прежде всего указать на Минею Дубровского, в которой при сохранении буквы **ь** в этом случае все-таки имеются случаи пропуска **ь: вѣрныхъ** 1а 8а, **вѣрно** 4а, **вѣрныимъ** 11а, 11б.

На наш взгляд, все случаи пропуска буквы можно объяснить древнеболгарским оригиналом ЛМ, который по этим особенностям был близок языку Саввиной книги.

Рассмотрев случаи пропуска буквы **ъ,** мы можем сказать, что она пропущена писцом *в основах* **(ꙁъл-, вьс-),** *в суффиксе* **(-ьн-)** и *в приставке* (по одному разу). Относительно пропуска буквы **ъ** ЛМ ближе всего стоит к той группе рукописей, которые представлены Изборником 1073 г., Архангельским евангелием, где буквы **ъ, ь** пропускаются в основах, суффиксах и приставках, но пропуск буквы **ъ** в приставке очень редок.[18]

На месте редуцированных в сильной позиции ставится буква **ъ: съвък[ю]плъша** 1а 8, **любъвию** 1б 27, **обѫщьникъ** 1а 5, **тръхъ** 1а 17, **оупостасъхъ** 1а 17, **єстъствъ** 1а 19, **[б]л̃[г]очъстьн[о]мъ** 1а 28, **начънъ** 1б 2, **въꙁд[ъ]|хновєниємъ** 1б 5—6, **бжъствънѣишимъ** 1б 5, **вѣн[ъ]ць** 1б 16, **праꙁдънъствуєши** 1б 22.

В слове **л[иѫ]вьникъ** 1б 17 буква перед **в** трудно читаема.

Как наши примеры показывают, редуцированные в сильной позиции не переходят в гласные полного образования.

Заслуживают внимания немногочисленные рефлексы общеславянских сочетаний tьlt, tьrt, tlъt, на которые можно привести примеры: **исъ᷍|лнила**

[16] *Н. Ван-Вейк,* История старославянского языка. Москва 1957, 148—152.
[17] *Н. Ван-Вейк,* Указ. соч. 147.
[18] *Н. Дурново,* Русские рукописи XI—XII вв., как памятники старославянского языка: Јужнословенски Филолог 5 (1925—26) 111.

1б 6—7, **оумръщвєную** 1б 10, **плътию** 1а 7. Из этих примеров интереснейшим является написание **исъ҃|лнила** 1б 6—7, так как при его анализе возникает вопрос: не отражается ли данной формой древнерусская последовательность рефлекса общеславянского сочетания tьlt, т. е. написание передало сочетание редуцированного перед плавными: **испъл|нила.** На этот вопрос мы не можем дать положительного ответа, так как слово находится в конце строки при переносе. Поскольку писец старался заканчивать строку буквой, обозначающей гласный, он ставил букву **ъ** в конец строки, чтобы обозначать ее конец. Как бы ни казалось заманчивой идея видеть в этом написании отражение речи писца, мы склонны в нем видеть скорее форму, возникшую под влиянием определенных орфографических тенденций, чем отражение живой речи писца. В корне **mьr-* мы видим древнеболгарский слоговый сонант, что подтверждает считать и предыдущий пример **(исъ҃|лнила)** отражением древнеболгарского слогового плавного. В слове **плътию** 1а 7 редуцированный непереднего ряда был в сильной позиции.

Наши примеры показывают, что редуцированные гласные в сильной позиции не переходят в гласные полного образования. Это обстоятельство позволяет установить, что падение редуцированных в слабой позиции скорее всего отражает *особенности* древнеболгарского протографа, нежели особенности речи писца.

3. *Напряженные редуцированные* в ЛМ передаются буквами **ы, и.**

В слабом положении: **бы̏жсвъныхъ** 1а 4, **видимыими** 1а 20, **[а]|пл̏скыѧ** 1б 7—8, **бы̏ствъныѧ** 1б 20, **вьчъныѧ** 1б 21.

В сильном положении: **бл̏голѣпънъ[и]** 1б 16, **нв̏снъи** 1б 17.

Гласный *ѣ в слабом положении* мы отметили в следующих случаях: **блистании** (твор. п. мн. ч.) 1а 4, **свѣтоданиѧ** 1а 5, **бы̏жиѧ** 1а 9, **с[ъ]хожєниѧ** 1а 9, **житиѧ** 1а 11, **прєʒърєниѧ** 1а 11, **с[ъ]мотрєниѧ** 1б 1, **оучениѧ** 1б 7, **въʒданиѧ** 1б 26, **ѧвлєни|ѧ** 1б 26—27, **послѣди|є** 1а 13—14, **пѣниє** 1а 15, **поспѣ-[шє]ниє** 1а 24, **въʒисканиємъ** 1а 28, **сложє|ниємъ** 1б 3—4, **въʒд[ъ]|хновєниємъ** 1а, 5—6, **бы̏гословиємъ** 1б 6, **плътию** 1а 7, **любъвию** 1б 27.

На месте сильного напряженного редуцированного гласного переднего ряда также пишется буква **и: сиѧнии** 1а 4, **[н]аслажєнии** 1а 5, **вѣщании** 1а 13, **списании** 1а 13 (все примеры на род. п. мн. ч.).

4. Судьба гласного, обозначаемого буквой **ѣ,** рассматривается нами в нескольких категориях: а) в континуантах общеславянских сочетаний tert; б) в других корнях; в) в суффиксах; г) в флексиях.

а) Континуанты общеславянских сочетаний tert: **прєʒърѣниѧ** 1а 11, **прємудрости** 1б 15, **прє[му]дро[с]т[ъ]нѣи** 1б 15, но **бєспрѣстани** 1б 4. Как наши примеры показывают, в древнеболгарских континуантах общеславянских сочетаний вместо буквы **ѣ** в трех случаях пишется буква **є** за единственным исключением. Этот факт удовлетворительно объясняется тем предположением, что в континуантах общеславянских сочетаний на месте

гласного, обозначаемого буквой **ѣ,** произносился гласный [е] согласно нормам русского церковнокнижного произношения.[19]

б) Корни с буквой **ѣ** были отмечены нами в следующих случаях: **ѣ** перед твердыми согласными: **тѣхъ** 1а 4, **свѣтодании** 1а 5, **рѣснотъну** 1а 6, **п͡ѣ** 1а 9, 1а 23, **въспѣвашє** 1а 18, **въспѣваюшє** 1а 21, а 27, **бѣсѣдою** 1б 2, **рѣка** 1б 7, **въ|спѣваєши** 1б 8—9, **грѣ[х]ъми** 1б 11, **п͡ѣ** 1б 14, **бѣдꙑ** 1б 19, **вѣро-** 1б 24; перед нетвердыми согласными: **[в]ѣцании** 1а 13, **послѣди|є** 1а 13—14, **пѣниє** 1а 15, **всѣми** 1а 20, **поспѣ[шє]ниє** 1а 24, **проповѣдни|ка** 1а 25—26, **сн̃нолѣпно** 1а 26, **[в]ѣрно** 1а 27, **дѣ͡** 1а 27, **бѣсѣдою** 1б 2, **иꙁвѣстъ-[н]ꙑмъ** 1б 6, **дѣти** 1б 9, **вѣн[ъ]ць** 1б 16, **бл̃голѣпънꙑ[и]** 1б 16, **съдѣтєлѧ** 1б 18.

в) В суффиксах: **видѣти** 1а 10, **прєꙁърѣниѧ** 1а 11, **обитѣли** 1б 21, **бж̃ъствънѣишимъ** 1б 5.

г) В флексиях: **кромѣ** 1а 19, **нынѣ** 1б 8, **нꙑнѣ** 1б 17, 1б 28, **прє[му]-дро[с]т[ъ]нѣи** 1б 15.

Отклонение от этимологически правильного употребления буквы **ѣ** представлено только двумя примерами — написание **бѣсѣдою** 1б 2 объясняется графическим путем: влиянием последующего слога, т. е. его ассимилирующим влиянием на предшествующий слог. Один раз мы отметили постановку буквы **ѧ** вместо **ѣ** в наречии: **нꙑнѧ** 1б 22, где вместо буквы **ꙗ** писец ставил букву **ѧ.** Неясным для нас является написание **[ѣи]** 1б 16.

Из фонетических особенностей ЛМ укажем и на те ее черты, которые попали в рукопись из древнеболгарского протографа. В начале слова пишется **ѧ** (= *а*) там, где в древнеболгарских рукописях заметны колебания с протетическим *j* или без него:[20] **ѧви** 1а 5, 1а 25, **ѧвлєни|ѧ** 1б 26—27, **ѧвилъ** 1б 2, **ѧко** 1б 7, **ѧко** 1б 15 (ср. **авити** в СР). Корень **ěd-*, **ěs-* пишутся с **ѧ (= ꙗ),** что указывает на наличие протетического *j*: **ѧсно** 1а 12, 1б 1, **ѧдовънꙑими** 1б 11. Так ка буква **ѧ** стоит на месте буквы **ꙗ,** можно предположить, что в оригинале ЛМ имело место написание **ꙗ,** хотя более вероятным нам кажется, что в протографе ЛМ не было буквы **ꙗ,** а вместо нее употреблялась буква **ѣ.**

5. *В области согласных* обращают на себя внимание следующие особенности.

а) **ж** вместо древнеболгарского **жд** < общесл. **dj* было отмечено нами в следующих случаях: **[н]аслажєнии** 1а 5, **съхожєниѧ** 1а 9, **рожъши** 1б 13. Как наши примеры показывают, все случаи на континуанты общеславянских сочетаний **dj* в ЛМ встречаются в древнерусском фонетическом облике. Этот факт подтверждает предположение о том, что в церковнокнижном произношении писца ЛМ древнерусский элемент получал значительное место. Однако это относится только к рефлексам общеславянского сочетания **dj*. Рефлексы общеславянского сочетания **tj* без исключения представлены характерным

[19] *А. А. Шахматов,* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград 1915, 169.

[20] P. Diels, Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg 1932, 76.

для древнеболгарского языка звуковым обликом, т. е. передаются буквой **ц: объцъникъ** 1а 5, **[в]ѣцании** 1а 13, **любѧціѧ** 1а 14, **въспѣваюцє** 1а 21, **х[ва]|лѧца** 1а 26—27, **свѿ̑нєлѣпно** 1а 26, **вєсєлѧ[ц]є** 1б 8, **оумръцвєную** 1б 10, **мо|гуцаго** 1б 11—12, **по[ю]ц[:]** 1б 13, **сѿ̑|нии** 1б 13—14, **поюцихъ** 1б 19, **ч[т]уци|мъ** 1б 24—25, **присносуца** 1б 27. Как видно из приведенных слов, древнерусские рефлексы общеславянских сочетаний **tj* остались вне норм церковно-книжного произношения писца.

б) На месте общеславянского сочетания «губной согласный + *j*», как правило, имеется «вставочный *л*»: **съвък[ю]плъша** 1а 8, **ставлѧєтъ** 1а 14, **[о]злоблєную** 1б 9—10, **ѧвлєни|ѧ** 1б 26—27, однако отсутствует буква **л** в форме **оумръцвєную** 1б 10. В основе **mьrt-v-* обычно отсутствует вставочный *л*, а в группе согласных и в древнейших рукописях, только в Синайской псалтыри встречается форма с *л:* **оумръцвлѣеми.**[21] Отсутствие вставочного *л* в данном случае восходит к древнеболгарскому оригиналу ЛМ.

в) Заслуживают внимания особенности сочетаемости букв, обозначающих первично смягченные согласные **(ч, ж, ш, ц, ꙁ, с, ц)** с буквами, обозначающими гласные.

Из одноерового характера графики ЛМ следует, что после букв **ч, ж, ц, ц** вместо **ь** пишется **ъ: [б̑]л[г]очъстъ[н]омъ** 1а 28, **начънъ** 1б 2, **всѧчъскаѧ** 1б 12, **всѧчъскыхъ** 1б 18, **вѣчъныѧ** 1б 21, **рожъши** 1б 13, **приложъно** 1б 28, **объцъникъ** 1а 5. Исключение представляют примеры: **чь[т]уци|мъ** 1б 24—25, **вѣн[ъ]ць** 1б 16. После этих букв йотированные буквы не ставятся, а пишутся буквы **а, у, є: [л]уч[а]** 1а 3, **на[о]учаѧ** 1а 15, **нєиꙁ[д]рєчєнно** 1а 7, **нєиꙁдрєчєнънаѧ** 1б 1, **брач[ъ]|но** 1б 12—13, **пачє** 1б 13, **сътѧжа** 1а 12, 1б 27, **[н]аслажєнии** 1а 5, **съхожєниѧ** 1а 9, **съложєниємъ** 1б 3—4, **жє** 1б 8, 1б 23, 1б 24, 1б 26, **съвък[ю]плъша** 1а 8, **въꙁъвашє** 1а 12, **въспѣвашє** 1а 18, **поспѣ[шє]ниє** 1а 24, **дѿ̑шу** 1б 10, **тъца** 1а 10, **вѣцании** 1а 13, **любѧціѧ** 1а 14, **х[ва]ѧца** 1а 27—28, **мо|гуцаго** 1б 11—12, **присносуца** 1б 27, **въспѣваюцє** 1а 21, 1а 27, **въ|ꙁъваюцє** 1а 21—22. Исключение представлено двумя примерами: **б̑жє** 1а 5, **б̑цю** 1а 6. Возможно, что написание **б̑цю** восходит к графическим навыкам самого писца ЛМ.

IV. Морфология

ЛМ в морфологическом отношении представляет мало интересного, так как ее текст слишком короток для того, чтобы получить определенную картину о морфологических особенностях рукописи.

В области склонения существительных укажем на архаичность склонения: сравнительно мало примеров имеется на *перенос* флексии из одного

[21] P. Diels, Указ. соч. 138.

типа в другой, бинарные типы сохраняют свои правильные формы. Существительное **гр[ь]хъ** образует твор. п. мн. ч. по основам на -й: **грьх[ъ]ми** 1б 10, но в том же падеже существительно **чинъ** оканчивается на флексию **-ъı: чи** 1б 23. Существительное **миръ** в род. п. ед. ч. оканчивается на **-а: ми[р]а** 1б 25. Существительное **слово,** с основой на *-os-/-es-* сохраняет свою исконную флексию в род. п. мн. ч.: **сл[овє]съ** 1б 3. Как на своеобразные книжные, искусственные и гибридные формы следует смотреть на примеры вин. п. мн. ч. существительно **лоучь: [л]уч[а]** 1а 3 и местоименного причастия наст. вр. действ. залога **любащаѧ** 1а 14.

Из особенностей склонения местоименных притяжательных причастий отметим их стяженные формы: род. п. ед. ч. **любимаго** 1а 1, **бжствънаго** 1б 25, **владоущаго** 1а 20, **мо|гущаго** 1б 11—12, твор. п. ед ч.: **ѧдовънъıимъ гр[ъı]-зєниємъ** 1б 11, трод. п. мн. ч.: **бжствънъıхъ** 1а 4, **законънъıхъ** 1а 19, **с^а|-достънъı[х]ъ** 1б 2—3, **всѧчъскъıхъ** 1б 18, дат. п. мн. ч.: **извѣстъ[н]ъımъ** 1б 6, **бжствънѣишимъ** 1б 5, **чь[т]ущи|мъ** 1б 24—25, твор. п.: **разумъ|нъıми** 1а 3—4, **видимъıими** 1а 20, **[ангє]лъскъıми** 1б 21—22, **апл[скъı]ми** 1б 22—23. Как видно, формы без стяжения встречаются только дважды: **ѧдовънъıимъ** 1б 11, **видимъıими** 1а 20, тогда как морфемы со стяжением преобладают (16 случаев). Из древнеболгарских рукописей в род. н. ед. ч. прилагательных стяженные формы встречаются в Киевских листках и в СК[22] и ЭА. Из глагольных форм заслуживают внимание формы имперфекта со стяжением: **възъıваше** 1а 12, **въспѣваше** 1а 18. Стяжение в имперфекте характерно для СК[23] и ЭА.

Следует остановиться на формах действительного причастия прошедшего времени с суффиксом **-ьш-: съвък[ю]плъша** 1а 8, **рожъши** 1б 13. Однако наряду с этими архаичными формами можно отметить и наличие новообразований: **възлюбив[ъ]** 1а 1, **[в]ъсєливъ** 1а 25. Несомненно, что колебание в указанных формах восходит к древнеболгарскому протографу ЛМ, в котором также имели место оба типа причастия прошедшего времени.

В перфекте постоянно сохраняется вспомогательный глагол: **єси родила** 1а 7, **блгословилъ єси** 1а 16, **родила єси** 1а 20, **ѧвилъ єси** 1б 2, **єси источилъ** 1б 7, **Въсєлилъ сѧ єси** 1б 20, **насладилъ єси** 1б 21.

Аорист встречается только у глаголов с основой на гласный: **ѧви сѧ** 1а 5, 1а 26, **приѧ** 1б, 17. **въстави** 1б 13, **оудави сѧ** 1б 14.
Как видно из примеров, в 3 л. ед. ч. форма аориста от корня **ѧти** не получает личного окончания.

Прежде чем завершить анализ о языке нашей рукописи, следует сказать несколько слов об одной особенности ее лексики. Из особенностей лексики

[22] *Н. Ван-Вейк,* Указ. соч. 124.
[23] *Н. Ван-Вейк,* Указ. соч. 320.

обращает на себя внимание употребление основы *rěsnot-* (**рѣснотъну** 1а 5), которая встречается уже в древнейших древнеболгарских текстах, прежде всего в псалтыри. Известно, что В. Ягич в этом корне видел диалектное, прежде всего паннонско-словенское или «моравско-паннонское»[24] явление, которое попало в лексику древнеболгарских рукописей на основе местного фона.[25] Р. М. Цейтлин, ссылаясь на А. И. Соболевского, М. Вейнгарта, В. Ф. Мареша и А. С. Львова — слово **рѣснота** и его производные также квалифицирует как моравизм.[26] Если написание **рѣснотъну** не является ошибочным, то его можно видеть как производное прилагательное **рѣснотьнъ** наряду с **рѣснотивьнъ, рѣснотивъ**[27] или **рѣсьнъ**[28].

Подводя итоги нашим наблюдениям об особенностях палеографии, графики, орфографии и языка исследуемой рукописи, мы пришли к следующим выводам:

ЛМ представляет собой ничтожный по объему, но чрезвычайно важный по своей графике фрагмент некогда обширной служебной минеи, которая по своим палеографическим чертам возникла в последние десятилетия одиннадцатого века. Языковые данные подтверждают эту датировку: в рукописи имеются несомненные следы русификации графики (одноюсовая графика), которая имеет свои параллели и в области церковно-книжного произношения (произношение **ѣ** как **е, ж** вместо **жд** < общесл. **dj*). Однако, несмотря на эти черты языка рукописи, совершенно архаичным является «поведение» редуцированных, что было вызвано не только влиянием протографа, но и архаизмом речи писца. К сожалению, рукопись не имеет таких особенностей, которые позволили бы более или менее точную локализацию этого ценного памятника. Не исключена, однако, возможность того, что возникла она на севере Руси, так как большинство ранних одноюсовых рукописей (Минеи 1095—1097 гг.) возникло в Новгороде. Однако, эта гипотеза пока остается на уровне рабочей гипотезы.

Особое значение придает рукописи ее одноюсовый и одноеровый характер (с почти исключительным употреблением буквы **ъ**), так как наглядно подтверждается предположение о том, что одноеровая графика — с буквой **ъ** — была намного значительнее распространена на Руси в XI в., чем это можно предположить по скромным следам этой графической школы.[29]

[24] V. Jagić, Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin 1913, 264—265.

[25] V. Jagić, Указ. соч. 250.

[26] *Р. М. Цейтлин,* Лексика старославянского языка. Москва 1977, 173.

[27] *Р. М. Цейтлин,* Указ. соч. 175.

[28] F. Miklosich, Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae 1862—65, 812.

[29] Автор выражает глубокую благодарность заведующему Отделом рукописей БАН СССР, М. В. Кукушкиной, что он получил возможность исследовать рукопись в оригинале. Одновременно автор выражает свою признательность и сопрудникам Отдела за оказанную ему помощь в работе над рукописью.

Фрагмент служебной минеи на месяц октябрь*

Библиотека Академии наук СССР
(Ленинград)

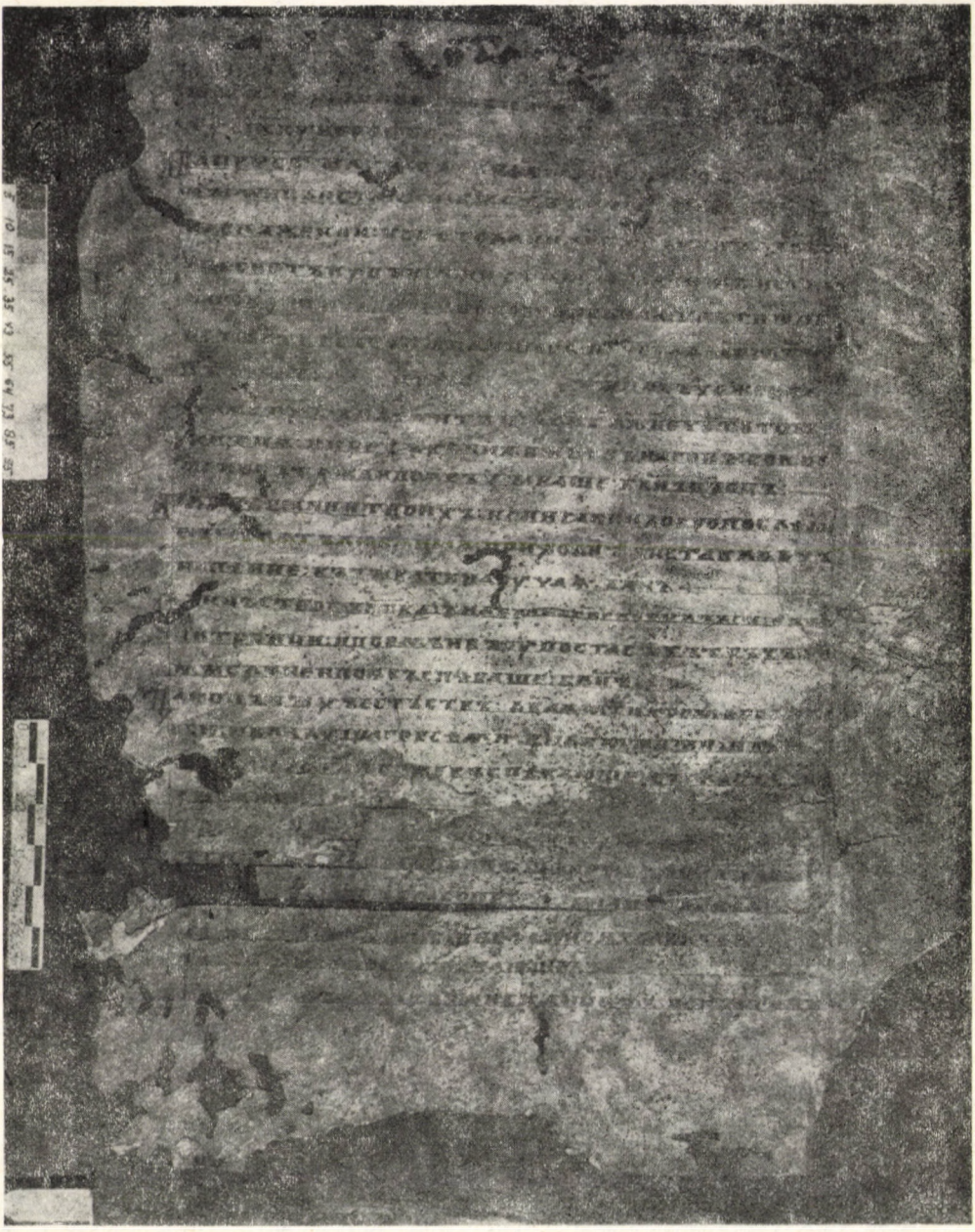
Сигнатура: 16.13.54.

л. 1а

бжнаа[1]: и єдиного любимаго бъзлюбив(ъ)[1] (доб)ро
ту спсву иєрофєє[2]⌣
на прчстꙑ (л)у(ч)а възираа: боприатнє разумъ
нꙑми блиста(н)ии: бжствънꙑхъ сиании тѣхъ
(н)аслажєнии[3]: и свѣтодаиа обълщьникъ ави[сᴀ] бжю[1] ÷
въ рѣснотъну[4] въ истину: та бцю славимъ: истинъ
наго ба: нєиз(др)єчєнно бо (є)си[5] родила: плътию по
єстъств(у) съвъ(кю)плъша са: прсчтаа дво мати ÷
пѣ·з· ермо[6] ·: бжиа съхожєниа[7] ÷
ста стхъ видѣти тъща са блжнє чстотою
житиа: и прєзърѣниа бжствънаго вꙑсокоє
асно сътажа и поа възꙑваше блнъ бъ[9] оцъ[10]:
гл(ъ) вѣщании твоихъ: и списании добро послѣди
є[11]: вєс(є)латъ любащаа: (п)риходитъ и ставлаєтъ[12]
на пѣниє: възꙑвати на(о)учаа: блнъ ÷
є(д)инъство бжства: знаєм(о)[13] блгословилъ[14] єси: въ ли
ци троици: и: поємъ и въ оупостасъхъ тръхъ: (б)о
мꙑслънє[15] и поа въспѣваше: блнъ ⌣
законъныхъ єстъствъ[16] дваа мти кромѣ родила
єси: и владущаго всѣми видимꙑими и мꙑ
⟨сль⟩ми чста: єгожє въспѣвающє съгласъно въ
зꙑвающє:[17] (бл)нъ
(пѣ) : (·и·) (є)рмо[18] ÷ сєдмъ сєд(м)иц(ю)[19] ÷
⟨в⟩сєсилн(оє) (д)ха[20] (стго) поспѣ(шє)ниє въ прчтую(ти)
⟨дшу⟩⟨в⟩ъсєливъ са бопри(ат)ъна проповѣдни
ка и бо⟨гла‘на⟩ ави: сщнєлѣпно[21] избавитєла х⟨ва⟩
лаща и (в)ѣрно (въ)спѣвающє[22] дѣ[23] ÷
⟨б⟩л(г)очъстън(о)мъ възисканиємъ испꙑтавъ

[1] так в рукописи!, [2] **нєроѡєю**, [3] **наслаждєний**, [4] **рѣснотоу и**, [5] **юси**, [6] отсутствует, [7] **съхожениа** [8] **кжствьноє**, [9] отсутствует, [10] отсутствует, [11] **послєдьнєє**, [12] **въстаєть**, [13] **знаємоє**, [14] **кословилъ** [15] **комꙑслънѣ**, [16] **юстьства**, [17] **възꙑваємъ**, [18] отсутствует, [19] **пє**, [20] **дха си**, [21] **сщєнолѣпьно**, [22] **въспѣвающа**, [23] **дѣти клгтє**.

* Текст минеи печатается с разночтениями по изданию новгородских миней 1095—1097 г. И. В. Ягича (Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. СПб. 1886, стр. 26—28, за месяц октябрь). Трудночитаемые места, восстановленные по тени букв, печатаются нами в кругулых скобках ( ). Те места, которые были восстановлены нами по параллельному тексту вышеуказанного издания И. В. Ягича, даются между угловыми скобками ⟨ ⟩. В том случае, если текст не поддавался восстановлению, употребляется точка между круглыми скобками (.). В двух случаях, где написание буквы ъ является двусмысленным, буква ъ печатается курсивом.



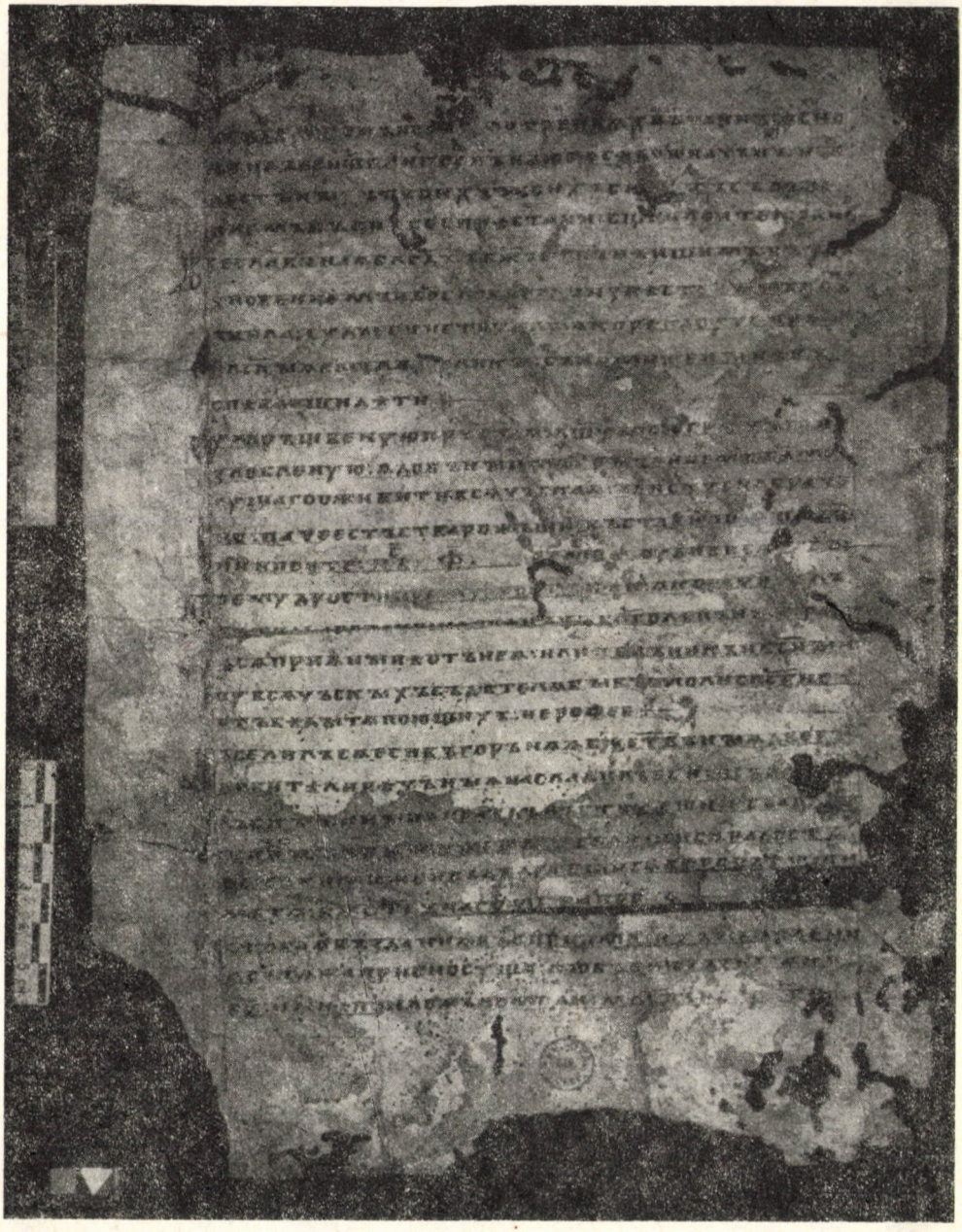
Л. 1а

л. 1б

нєиʒрєчєнънаѧ[2] (с)ъмотрєниѧ х҃въ (т)аинъ: ѧсно
ѧвилъ єси: вєликогл҃ъною бѣсѣдою[3] начънъ и сѧ
достънъı(х)ъ твоихъ (тв)оихъ сл⟨овє⟩съ съложє
ниємъ въпи(ѧ) бєспрѣстани сщ(н)и поитє[4] люди[5]
всєславънаѧ[6] бл҃дтъ бж҃ствънѣишимъ: въʒд(ъ)
хновєниємъ и бо҃словиємъ иʒвѣстъ(н)ıмъ исъ
лнила[7]: судъ[8] єси источилъ: ако рѣка оучєниѧ (а)
пл҃скъıѧ вєсєлѧ(щ)є ликъı[1]: съ ними жє нынѣ въ
спѣваєши дѣти ÷
оумръщвєную[10] пр҃чтаѧ: дш҃у мою грѣхъми (о)
ʒлобленую: ѧдовънъıимъ гр(ъı)ʒєниємъ: бѧ мо
гущаго оживити всѧчъскаѧ: нєискусна брач⟨ъ⟩
но[11]: пачє єстъства рожъши[12] въстави по(ю)щ[13] (.) сщ(є)
нии поитє[14]: пѣ҃: ·ф҃·(и)рм о҃[16]: оудави сѧ [о]убо[17]
прємудрости прє(муд)ро(с)т(ъ)нѣи[1]: ако ⟨ра⟩чи(т)елъ
бъıвъ ⟨дарованъıи⟩ѣи вѣн(ъ)ць бл҃голѣпънъ и ра(д)у
ѧ сѧ приѧ нънѣ отъ нєѧ: и л⟨ико⟩вникъ нбснъıи
оу всачъскъıхъ съдѣтєлѧ бъıвъ: моли сп҃сти с(ѧ)
отъ бѣдъı тѧ поющихъ: иєрофєє ÷
въселилъ сѧ єси въ горънаѧ бж҃ствънъıѧ дворъı
и обитѣли вѣчънъıѧ насладилъ[19] єси: съ в⟨оинъı⟩ ⟨ангє⟩
лъскъıми нъıнѧ праʒдънъствуєши: съ ап҃л⟨скъı⟩
ми нъı[чи 1] съ нимиже въʒ(вє)сєлиши[20] сѧ радостъ
но сѣ нимиже вѣдварѧєши сѧ вѣрочь(т)ущи[1]
мъ[21] тѧ бж҃ствънаго ми(р)а про(с)ѧ
истоваѧ въʒданиѧ въспримъ: ихъжє ѧвлєни
ѧ сътажа присносуща: любъвию въʒир(а)ѧ къ
бу҃ нънѣ приложъно[22] м(о)ли мл҃стъ и (бл҃г)дат(ъ)*

[1] так в рукописи! [2] **нєиʒдрєчєньнъıѧ,** [3] **кѣсѣдою,** [4] отсутствует, [5] отсутствует, [6] **тѧ,** [7] **испълннла,** [8] отсутствует, [9] **вєсєлащи,** [10] **оумьрцивєноую,** [11] **нєискоусьнокрачьно,** [12] **рожьши,** [13] **въпьющю,** [14] **пои,** [15] **·.҃.·,** [16] отсутствует, [17] **оуко о сємь нко҃,** [18] **поющиимъ,** [19] **наслєдилъ,** [20] **вєсєлиши,** [21] **вѣрою чьстащиимъ,** [22] **прилѣжьно**

* Перевод текста ЛМ на современный русский церковнославянский язык был опубликован в издании Московслой Патриархии: Минея, Октябрь. Москва 1980, 122—125, В «Приложении» дается краткое описание жизни Иерофея: Житийные справки: там же, 13.



Л. 1б

Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии

(Статья вторая)*

Б. А. УСПЕНСКИЙ

(Москва)

I. Субъект действия в матерном выражении: связь с мифологией пса

1. В предыдущей статье на данную тему (см.: Успенский, 1983) была продемонстрирована связь матерной брани с славянским языческим культом; специальное внимание было уделено отражению здесь языческого культа Земли. При этом мы рассматривали о б ъ е к т действия в матерном выражении. Этот объект непосредственно обозначен, назван в тексте — словом *мать*, — и задача состояла, следовательно, в определении первичных (исходных) семантических связей, глубинной семантики, скрытой в данном названии; как было показано, это название первоначально относилось к Матери Земле. Напротив, с у б ъ е к т действия, как правило, явно не выражен в матерной фразеологии, и создается впечатление, что он вообще может актуализовываться различным образом.

Русский мат в настоящее время знает три основные варианта ругательства (ср.: Даль-Бодуэн, I, стлб. 1304; Исаченко, 1965, с. 68), которые различаются по форме глагола: каждый вариант состоит из трех лексем — одних и тех же, — причем две последние лексемы всегда представлены в одной и той же форме, образуя стандартное окончание *(. . .твою мать)*, тогда как форма первой лексемы (глагольной) варьируется. Здесь могут быть следующие возможности:

А. Личная форма глагола *(еб. . .)*. Это, бесспорно, форма прошедшего времени; но какая именно? С наибольшей вероятностью она может быть опознана как форма перфекта, одинаковая для всех трех лиц; в этом случае она не содержит конкретного указания на лицо субъекта действия, но в данном контексте она может соотноситься либо с 1-м, либо с 3-м лицом ед. числа (об этом со всей определенностью говорит форма притяжательного местоимения *твою* — в случае 2-го лица ожидалась бы форма *свою*). Вместе с тем, в принципе можно предполагать здесь и старый аорист (типа *ид*); в этом случае мы имеем форму 1-го лица ед. числа.

Б. Форма императива *(еби. . .)*, которая, вообще говоря, предполагает либо 2-е, либо 3-е лицо ед. числа, но не 1-е; в сочетании с местоименной формой

*Статью первую см.: Studia Slavica Hung. 29 (1983) c. 33—69.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

твою (а не *свою*) более естественно предположение о 3-м лице субъекта действия.

В. Форма инфинитива *(ети. . .)*, т. е. неличная форма; в данном случае мы вообще не располагаем какой бы то ни было информацией о лице субъекта действия.

Между тем, в южнославянских языках преимущественно употребляется глагольная форма 1-го лица ед. числа настоящего времени, хотя соответствующий глагол может выступать и в 3-м лице. Подобная форма (1-го лица ед. числа настоящего времени) в свое время возможна была, кажется, и в русском языке, насколько об этом можно судить по записям иностранцев: так, Олеарий цитирует выражения *butzfui mat* или *but(z)fui matir* (Олеарий, 1656, с. 190, 191), *butfui matir* (Олеарий, 1647, с. 130), а также *je butzfui mat* (Олеарий, 1656, с. 191, 195) или *ja butfui matir* (Олеарий, 1647, с. 125); при этом форма *but(z)fui mat (matir)* переводится «ich schende deine Mutter. . .» (Олеарий, 1647, с. 130; Олеарий, 1656, с. 191), или «ich schende dirs. . .» (Олеарий, 1647, с. 130) (ср. также: Олеарий, 1906, с. 186, 187, 192, 546, 547).

В западнославянских языках возможна как форма 1-го лица настоящего времени (например, в словацком), так и форма 3-го лица прошедшего времени (например, в польском).

Итак, славянские языки не дают вполне четких показаний относительно того, с каким лицом соотносилась глагольная форма.

2. Кто же мыслился как субъект действия в матерном выражении? Для решения этого вопроса А. В. Исаченко привлек исключительно ценное свидетельство Герберштейна (см.: Исаченко, 1965). Говоря о русской матерной брани, Герберштейн отмечает, что русские ругаются на венгерский манер и приводит само ругательство в латинском переводе: «Blasphemiae eorum, Hungarorum more, communes sunt: *Canis matrem tuam subagitet*, etc» (Герберштейн, 1557, л. 43 об.), т. е.: 'Общепринятые их ругательства наподобие венгерских: *Чтоб пес взял твою мать*, и проч.'; ср. в немецкой версии сочинения Герберштейна: «. . .schelten gemaingclichen nahend wie Hungern, *das dir die hund dein Muetier unrainigen*» (Герберштейн, 1557а, л. G/4). Как указывает Исаченко, латинская форма конъюнктива *(subagitet)* имеет значение пожелания или побуждения, которое в исходном русском тексте могло быть выражено формой императива или инфинитива (Исаченко, 1965, с. 70).

Итак, субъектом действия в полной форме матерного ругательства оказывается *пес (canis)*. Дошедшие до нас формы русских ругательств предстают как усеченные, что в какой-то мере и обусловливает их многозначность. Это во всяком случае можно утверждать для выражений с глаголом в императиве или инфинитиве; что же касается выражения с глаголом в личной форме прошедшего времени, то здесь, вообще говоря, остается возможность соотносить его и с субъектом в 1-м лице.

Тезис о том, что именно пес является возможным (а может быть и единственным) субъектом действия в матерном выражении, представляется совершенно бесспорным; выводы Исаченки, сделанные на русском материале (он почти не выходит за его рамки), находят яркое и вполне достоверное подтверждение в других славянских языках. Они подтверждаются прежде всего древнейшими документально зарегистрированными формами матерной брани, представленными в южно- и западнославянских текстах нач. XV в., а именно в болгаро-валашской грамоте 1432 г. (**да мѫ ебе пьс женѫ и матере мѫ** — Богдан, 1905, с. 43, № 23; Милетич, 1896, с. 51, № 12/302) и в польском судебном протоколе 1403 г. (*cze pesz huchloscz*, т. е. 'niech cię pies uchłości' — Брюкнер, 1908, с. 132); см. об этих текстах: Успенский, 1983, с. 44. В обоих случаях пес назван в качестве субъекта действия, и то обстоятельство, что показания древнейших источников согласуются со свидетельством Герберштейна, никак нельзя признать случайностью. Подобные же формы матерной брани широко представлены и в современных южнославянских и западнославянских языках, ср., например, болг. *еба си куче майката*, сербск. *јебо* (= *јебао*) *те пас* или польск. *jebał cię pies* (такого рода форму цитирует и Исаченко, 1965, с. 70); такая же форма, наконец, зафиксирована и в белорусском, т. е. восточнославянском языке (*ебаў его пес* — Сержпутовский, 1911, с. 56).

Наконец, отражение той же фразеологии необходимо видеть и в таких ругательствах, как польск. *psia krew* (ср. также: *psubrat*, *psia jucha*, *psia dusza*, *psia para*, *psia kość*, *psi syn*, *psi naród*, *psie pokolenie*, *psie łajno*, *psie mięso*, *psia noga* и т. п.)[1] или рус. *песий род* (ср. также: *песья лодыга*), болг. *кучешко семе* (ср. также: *кучешко племе*). Выражения такого рода могут непосредственно связываться с матерью, ср. польск. *psia ci mać była* (Франко, 1892, с. 756) или *psia cię mać*, *psia mać* (Карлович и др., V, с. 412; Дорошевский, VII, с. 685); последнее выражение, по-видимому, соотносится с *jebana mać*. С тем же комплексом представлений опосредствованно связано, очевидно, и такое выражение, как *сукин сын*. Характерно в этой связи, что в Полесье «сукиным сыном» называют того, кто матерится, ср. отклики на матерную брань, зарегистрированные в данном регионе: «Сукин сын, сучку кручóнаю ругаэш, ты матку сваю ругаэш, а не мяне. Ай, матку тваю такую!», ср. также: «Сукин ты сын, матку сваю ругаэш сучку крýчанаю!» или «Сукина доч, скулу б юй, што сукина сына радилá!» (Топорков, 1984, с. 231, № 13;

[1] Замечательно при этом, что выражение *psia krew* и соотнесенные с ним выражения могут не восприниматься как оскорбление (ср.: *psia krew kochana* — Франко, 1892, с. 756); это в точности соответствует восприятию матерной брани у русских, ср.: Успенский, 1983, с. 36. Приведенные польские выражения почерпнуты из работ Франко (1892, с. 756; 1895, с. 116), Густавича (1881, с. 154), а также из словарей Карловича и др. (V, с. 412), Дорошевского (VII, с. 685); Франко ссылается при этом и на аналогичные немецкие выражения, типа *Hundesecle*, *Hundstoff* и т. п. Отметим еще, что некоторые из цитированных польских ругательств находят прямое соответствие в словенских ругательствах — таких как *pasja para* или *pasja noga* (Плетершник, II, с. 11); польск. *psia jucha* ближайшим образом соответствует укр. *собача юха* (Гринченко, IV, с. 163).

скула — 'чирей'). Связь женщины с псом как бы превращает ее в суку; при этом, поскольку матерная брань соотносится вообще с матерью говорящего (см. об этом: Успенский, 1983, с. 50, 55—58), говорящий сам оказывается «сукиным сыном».

3. Итак, матерное ругательство может соотноситься — эксплицитно или имплицитно — со псом как субъектом действия. Но наряду с этим, мы имеем ясные указания, что субъект действия может мыслиться и в 1-м лице.

Как это понимать? и как согласовать эти факты?

Разгадку находим в том же древнерусском поучении против матерщины («Повесть св. отец о пользе душевней всем православным христианом»), в котором засвидетельствована связь матерной брани с культом Матери Земли и которое мы специально рассматривали в первой статье настоящего цикла (см.: Успенский, 1983, с. 46 сл.). В этом поучении матерной брани приписывается п е с ь е п р о и с х о ж д е н и е: «И сія есть брань песія, псом дано [по другому списку: дана] есть лаяти, христіаном же отнюд подобает беречися от матерна [слова]» (Родосский, 1893, с. 425—426; ср.: Марков, 1914, с. 28; ГБЛ, Больш. № 88, л. 42; ГБЛ, Больш. №.322, л. 34 об.; ГПБ, Погод. № 1603, л. 461 об.; ИРЛИ, Латг. № 79, л. 130 об.; ИРЛИ, оп. 24, № 102, л. 11). Ср. еще: «А сія бран[ь] псом дана есть, а не православным хртьяном» (ГБЛ, Больш. № 422, л. 382 об.); «Дано бо есть псом лаяти, понеже бо таковіи скоти на то учинени суть; нам же православным христіаном, отнюд таковаго дьяволя злохитрьства и сквернаго матерня лаянія довлѣет всячески хранити себе» (Марков, 1914, с. 24); «А сия брань псом дана лаеть; а православным христианом отнюд беречися подобает от таковаго матернаго слова» (ГИМ, Вахр. № 453, л. 2; ср.: Марков, 1914, с. 32; ИРЛИ, Северодв. № 410, л. 44 об.; ИРЛИ, Лукьян. № 2, л. 288 об.).[2] В менее ясных выражениях о том же говорится и в апокрифическом слове о матерной брани, с которым явно связано по своему происхождению сейчас цитированное поучение: «Глаголет Господь пречистыми Своими устами: аще кто во имя Мое вѣрует, тому человѣку не подобает матерно бранится, ибо оное слово, писаніе глаголет, псіе лаяше, который лается во всякое время, а вы человѣцы» (Шереметев, 1902, с. 58; см. вообще об этом тексте: Успенский, 1983, с. 47).[3]

[2] Это утверждение представлено не во всех версиях данного поучения. Существенно, вместе с тем, что оно содержится в ряде наиболее ранних его списков (см.: Марков, 1914, с. 24, 28; ГБЛ, Больш. № 22, л. 382 об.).

[3] В сказании о чуде, бывшем в Тобольске в 1661 г. в день Казанской Божьей Матери, дьячку Иоанникию, читавшему на клиросе, является некий святитель и говорит ему, что люди впадают в грех «мт҃рьную брань лающе яко псы и тоя ради скверные брани сама Владычица наша трепещет непрестолно [!] день и нощъ со всеми небесными силами» (ГБЛ, Унд. № 643, л. 394; ср.: ГБЛ, ОИДР № 213, л. 5); представление о том, что Богородица на престоле трепещет от матерной брани, широко распространено (см.: Успенский, 1983, с. 48, 59). Ср. В Статуте Казимира Великого XV в.: «хто кому м(а)т(е)ри лаеть. . . а не о(т)зоветь. . . тогды имееть речи солган яко пес» (Сл. стукр. яз., II, с. 140). В данном случае актуализируется и связь пса с идеей о б м а н а (см. ниже, экскурс I); так или иначе, и в этом случае проявляется исходная соотнесенность матерной брани с псом.

То же представление отразилось и в глаголе *лаять*, который означает как 'latrare (лаять, брехать — о собаке)', так и 'maledicere, objurgare (бранить, ругать — о человеке)'; связь этих значений прослеживается и в других славянских языках, а также в греческом, латинском, санскрите (ср.: Фасмер, II, с. 468—469; Потебня, 1914, с. 157), и есть все основания полагать, что данная метафора относится к очень ранней стадии языкового развития — во всяком случае она, бесспорно, была уже в праславянском.[4] Оба значения представлены и в других глаголах, относящихся к собачьему лаю — таких, например, как *брехать*, *брешить*, *гавкать*, *звягать* и т. п (Даль-Бодуэн, I, стлб. 312, 1682; СРНГ, III, с. 178; СРНГ, VI, с. 84; СРНГ, XI, с. 225). Мы вправе считать, что второе из этих значений связано прежде всего именно с матерной бранью и лишь опосредствованно — с бранью вообще. Таким образом, в семантике глагола *лаять* и его синонимов выражена, в сущности, та же мысль о том, что матерная ругань представляет собой не что иное, как песий лай; это отождествление человеческой и песьей речи в одном случае выражается в языке (будучи закреплено в значении слова), в другом — в тексте (будучи предметом специального рассуждения на эту тему).

Совершенно так же глагол *собачить(ся)* выступает в значении 'бранить(ся) непристойными словами' (Подвысоцкий, 1885, с. 160); ср. также *собачливый* как эпитет матерщинника,[5] *Обругай* как собачью кличку (Потебня, 1914, с. 158) и т. п.; и в этом случае поведение псов отождествляется с поведением людей, которые матерно ругаются. Между тем, в южнославянских языках в значении 'бранить(ся), ругать(ся)' выступает глагол типа серб.-хорв. *псовати (се)*, по-видимому, совпадающий по своей внутренней форме с глаголом *собачить(ся)*; ср. серб.-хорв. *псовати мајку* 'материть', *псовна*, *псовање*, *псо̑вка*, *псост* '(матерная) брань, ругань, ругательство, etc.', *псо̑вач* 'сквернослов' или болг. *псувам* 'ругаться, сквернословить', *псувня* '(матерная) брань, ругань, ругательство', *псувач* 'сквернослов' и т. п. Равным образом и в старопольском языке был глагол *psać* 'ругать, бранить, оскорблять' (Сл. стпольск. яз., VII, с. 389);[6] показательно, вместе с тем, что *jebać* и *łajać*

[4] Сказанному не противоречит то обстоятельство, что связь указанных значений лучше представлена в восточнославянских языках, чем, например, в южнославянских. Так, для южнославянских языков не столь характерно значение 'бранить, ругать'; в свою очередь, данный глагол приобретает здесь специфическое значение 'подстерегать, сидеть в засаде', нехарактерное для восточнославянских языков (Соболевский, 1910, с. 166, примеч. 1; Мещерский, 1978, с. 21). Значение 'бранить, ругать' может переходить в более общее значение 'гневаться', которое южнославянские книжники считают характерным для русского употребления; по словам Константина Костенечского (XV в.), русские молились Богу, говоря: «*Не лаи на ме хосподине*, си рѣч· *не караи ме*, или *не раз'дражаисе на ме*» (Ягич, 1896, с. 109, ср. с. 89). Действительно, в древнерусской «Пчеле» читаем: «рьцѣмъ къ своеи дш̃ѣ· бъ лаѥть намъ нынѣ», где глагол *лаеть* соответствует греч. *ὀβρίζει* (Семенов, 1893, с. 185).

[5] Ср., например: «таки жонки матюгацки, таки уж собацливы», «така матюклива, така собачлива» и т. п. (Арх. словарь, s. v. *матюгачка*, *матюкливый*).

[6] Составители старопольского словаря толкуют слово *psać* как 'оскорблять, обзывая кого-либо псом' ('aliquem cum contumelia canem apellare'), но такая конкретизация значения не подтверждается тем материалом, который фигурирует в словарной статье.

могут выступать в польском языке как синонимы, означая 'бранить, ругать' (Славский, I, с. 541). Дальнейшее семантическое развитие нашло отражение, по-видимому, в польск. *psuć się* 'портить'; аналогичное значение характерно и для рус. *пситъ (псовать)* или *собачить* (Даль-Бодуэн, III, стлб. 1400; IV, стлб. 334; ср.: СРНГ, X, с. 364), так же как и для нем. *verhunzen* (от *Hund* — Фасмер, III, с. 398). Характерно, что укр. *псувати* означает как 'бранить', так и 'портить' (Гринченко, III, с. 496), подобно тому как и рус. *собачить* объединяет оба этих значения, ср. еще белорус. *псуваць* 'портить, вредить, губить; повредить чести и имени стороннего' (Никифоровский, 1897, примеч. 35); между тем, в чешском языке *psouti* означает 'лаять', 'бранить' и 'портить' (Сл. чешск. яз., IV, 2, с. 513). Такого же рода семантическая эволюция представлена в кашубском, где *jåbac* означает 'портить' (Сыхта, II, с. 65); ср. в этой связи рус. просторечное *портить* 'лишать невинности' (Акад. словарь, X, стлб. 1401). Ср. еще польск. *psota* 'проказа, озорство': можно предположить, что в основе данного слова лежит представление о беззаконной сексуальной связи, которое и объединяет семантику данного слова с общим значением матерного выражения.[7] Возможна, впрочем, несколько иная трактовка приведенных форм (с корнем *пс-*), согласно которой сближение их со словом *пес* имеет вторичный характер (см. об этом ниже, § I-4.2, в связи с обсуждением этимологии слова *пес*). Для нас достаточно констатировать во всяком случае сам факт сближения такого рода.

Итак, матерная брань, согласно данному комплексу представлений (которые отражаются как в литературных текстах, так и в языковых фактах), — это «песья брань»; это, так сказать, язык псов или, точнее, их речевое поведение, т. е. лай псов, собственно, и выражает соответствующее содержание. Иначе говоря, когда псы лают, они, в сущности, бранятся матерно — на своем языке; матерщина и представляет собой, если угодно, перевод песьего лая (песьей речи) на человеческий язык. В этой связи, между прочим, заслуживает внимания апокрифическое сообщение о Симоне волхве, помещенное в летописи под 1071 г. в контексте рассказа о языческих волхвах: «при апостолѣхъ... бысть Симонъ волхвъ, еже творяше волшьствомь псомъ глаголати человѣчьскыи» (ПСРЛ, I, 1926, стбл. 180). Имеется в виду Симон волхв, упоминаемый в «Деяниях апостолов» (VIII, 9—24), однако он явно отождествляется в данном случае со славянскими языческими волхвами.[8] Таким образом, языческим волхвам приписывается, по-видимому, способ-

[7] Ср. такие выразительные сочетания в польских текстах XV в., как *psota fornicacio* или *concupiscencia psothi* (Сл. стпольск. яз., VII, с. 391).

[8] Ср. апокрифическое «Прение Петрово с Симоном волхвом», где упоминается пес, говорящий «человеческим гласом» (Лавровский, 1858, с. 15; Измарагд, 1912, I, л. 80). Отметим в этой связи народные поверья о людях, которые знают собачий язык (см., напрямер: Романов, IV, с. 142, № 81, ср. с. 218, № 63). Любопытно, что в одном азбуковнике XVII в. («Книга, глаголемая гречески алфавит» — БАН, Арх. д. 446) мы находим словарную статью: «Скиноглосса — собачий языкъ» (л. 208).

ность превращать песий лай в человеческую речь; есть основания предполагать, что результатом подобного превращения и является матерная ругань: связь матерщины с языческим культом выступает вообще, как мы уже знаем, очень отчетливо (см.: Успенский, 1983, с. 38 сл.). Наряду со свидетельствами о превращении песьего лая в человеческую речь, мы встречаем в славянской письменности и свидетельства о противоположном превращении; так, в Житии св. Вячеслава (по русскому списку) читаем: «друзіи же измениве чловѣческыи нравъ, пескы лающе въ гласа мѣсто» (Сл. стсл. яз., III, с. 522);[9] ср. белорус. проклятие: «Каб ты, дай божачка, на месяц брахаў» (Гринблат, 1979, с. 216).[10] Итак, песий лай и человеческая речь явно соотносятся (коррелируют) друг с другом, подобно тому, как определенным образом соотносятся между собой собака и человек.[11]

[9] Равным образом в греческом по своему происхождению Житии св. Анина разбойник, одержимый бесом, начинает лаять по-собачьи. Ср. соответствующий текст в старославянском переводе, по Супрасльской рукописи: **«отъ дѫха лѫкава пораженъ. начѧ самовиднѣ. рѫцѣ опакы съвѧзоуѧ си. и на обличеньє начѧтию нечьстиꙗ своєго съвращтати сѧ. пьсьскы же. лаѧ. и пѣны из оусть тѣштѧ»** (Супр. рук., с. 560). Исходный греческий текст, к сожалению, неизвестен.

В древнегреческой магии имитация собачьего лая служила для того, чтобы вызвать Гекату, которая ассоциировалась вообще с собакой (Шольц, 1937, с. 43; ср. ниже, экскурс I).

[10] В 1680—1690-е гг. архимандрит Симонова монастыря Гавриил Домецкий заставлял водить провинившегося монаха на веревке по трапезе и лаять по-собачьи («брехать», как «брехал» он на архимандрита) (Харлампович, 1914, с. 290, примеч. 6; ср.: Яхонтов, 1883, с. 13). Здесь имеет место реализация метафоры (брехать=ругать, клеветать, обманывать), но, вместе с тем, и спорадическая актуализация языческих представлений, как это характерно вообще для культуры барокко: в историческом контексте это выглядит как приобщение к анти-поведению и одновременно как религиозное разоблачение, т. е. обличение в язычестве. Подобный обычай существовал в свое время в Польше: уличенных в клевете заставляли «лезть под стол и лаять там по-собачьи в знак того, что они и прежде врали как собаки» (Потебня, 1914, с. 158); на польский обычай, вероятно, и ориентировался Гавриил Домецкий, выходец из Юго-Западной Руси. Польская практика также имеет, в сущности, характер разоблачения, которое может рассматриваться в принципе и как обличение в язычестве. И позднее, в 1767 г., Екатерина II повелевает расстричь бывшего митрополита Арсения Мацеевича и переименовать его в «Андрея Брехуна». Во всех этих случаях обыгрывается прежде всего метафорическое значение глагола *брехать*, связанное с ложью, клеветой (ср. ниже, экскурс I); это значение не противоречит общей семантике бранного выражения, а скорее представляет собой ее частное проявление. Для нас существенно, что каждый раз имеет место символическое уподобление человека псу по признаку речевого поведения; такое же уподобление прослеживается, как мы видели, и в представлениях о матерной брани. Вообще об уподоблении человека псу см. ниже, § I-4.

[11] По белорусской легенде, собака некогда была человеком (для типологических параллелей ср.: Лукина, 1983, с. 227; Иванов, 1964, с. 252), причем служила сторожем в раю; она «сбрехала», т. е. солгала, и за это Бог превратил ее в собаку: «Собака быв чаловек: у рай быв сторожом, — сперва, ще от Адама. Али нешто ўкрав, проштрапився, да й збрахав. Тоды Бог кажець: ну, будзь жа ты собаком! Дык ён и став собаком. И цяпер двора сцережець и брешець. Во й собака» (Романов, IV, с. 168, № 24; ср.: Гнатюк, 1902, с. 76, № 85). Согласно другой легенде, записанной на Украине, когда Христос ходил по земле, мальчик погнался за ним, лая подобно собаке; за это собака должна лаять до скончания века (Чубинский, I, с. 52—53). Характерно, что в обоих случаях греховность собаки связывается именно с лаем («бреханием»). Ср. еще пословицу: «Не бей собаки, и она была человеком» (Даль-Бодуэн, IV, стлб. 334). Соотнесенность собаки и человека проявляется, между прочим, в обыкновении называть детей щенками и т. п. Так, например, в Полесье взрослые при обращении к детям называют их *цицик* (от *цюця* 'собака'), *кутюнічка* и т. п. (Полесский архив: Ровенская обл., Рокитновский р-н, дер. Каменное, 1978 г.); ср. еще *щенок* 'молокосос' (Михельсон, II, с. 546, № 10); *пащенок* 'молокосос' (Даль-Бодуэн, III, стлб. 63), 'испорченный малолеток' (Смирнов, 1901, с. 127).

Отсюда именно объясняется возможность ассоциации субъекта действия в матерном выражении как с 1-м лицом, так и со словом *пес*: обе эти возможности не противоречат друг другу. В самом деле, матерная брань — это «песья брань», т. е. предполагается, что псы бранятся, говоря о себе в 1-м лице; между тем, человек может либо повторять, воспроизводить «песью брань», либо употреблять те же выражения, говоря о псе в 3-м лице, т. е. приписывая ему роль субъекта действия. Таким образом, выбор между 1-м и 3-м лицом зависит, так сказать, от точки зрения: матерное ругательство может произноситься как от своего лица (с точки зрения человека — в этом случае субъектом является пес, т. е. субъект действия мыслится в 3-м лице), так и от лица самого пса (с точки зрения пса — в этом случае субъект действия мыслится в 1-м лице). В последнем случае человек как бы имитирует поведение пса, «лает» подобно тому, как лают псы.

Поскольку предполагается, что псы, когда лаются, матерно бранят друг друга, обзывание «псом» может приобретать особый семантический оттенок, ассоциируясь с матерной руганью («лаянием»). Ср. сообщение I-й Новгородской летописи под 1346 г.: «Того же лѣта пріѣха князь великіи Литовьскіи Олгерд, с своею братіею с князи и с всею Литовьскою землею, и ста в Шелонѣ на усть Пшаги рѣкы, а позываа Новгородцев: хощу с вами видитися [в других списках: битися], л а я л м и посадник вашь Остафеи Дворянинец, н а з в а л м я п с о м» (ПСРЛ, III, 1841, с. 83); ср. в Златоструе XII в.: «аще ны къто, имена кыдаѣ, речеть: пьсе. . .» (Срезневский, II, стлб. 1778). Отметим еще в этой связи старопольское выражение *psy dawać* 'aliquem cum contumelia canem apellare' (Сл. стпольск. яз., VI, с. 118), ср. укр. *вибрав му пса* 'выругал, выбранил' (Гринченко, III, с. 147), а также белорусский отзыв о бранящемся человеке: «Ату! (или: Во сабачуга!) у яго са рта па сабаки скачуть» (Добровольский, III, с. 47; Добровольский, 1914, с. 854); в подобных случаях может иметься в виду как прямое обзывание псом, так и матерная брань постольку, поскольку она ассоциируется со псом.

Восприятие пса как субъекта действия в матерном выражении может объяснять мотив о т с ы л к и к с о б а к а м в разного рода ругательствах, типа «Да ну его к собакам!» и т. п. (Полесский архив: Черниговская обл., Репинский р-н, дер. Великий Злеев, 1980 г.), ср. также выражение «Пес его знает» (или соответствующее полесское «Воўк его знае» — Полесский архив, там же). Показательно, что цитированные фразеологизмы коррелируют с такими же в точности выражениями, где на месте слова *пес* (или *собака*) представлено непристойное слово со значением 'membrum virile': соответствующие слова выступают в одном и том же контекстном окружении, т. е. замещают друг друга, явно ассоциируясь по своему значению.[12]

[12] Заслуживает внимания в этой связи специфическая полисемантичность глагола *собачить(ся)*, объединяющая его с обсценной лексикой: подобно другим словам, так или иначе связанным с матом, глагол этот окказионально может принимать самые разнообраз-

3.1. Соотнесение матерной брани с псом как субъектом действия проявляется в ряде моментов, объединяющих восприятие пса и матерщины. Так, например, подобно тому, как матерная брань служит средством защиты от нечистой силы (см.: Успенский, 1983, с. 42—43), собачий лай отгоняет демонов — соответствующие поверья зарегистрированы, в частности, на Украине и в Белоруссии, а также в Германии и Греции (см., например: Франко, 1892, с. 757; Романов, IV, с. 89, № 51; Клингер, 1911, с. 251—252, 261); собачий лай часто сопоставляется при этом с пением петуха, а также с колокольным звоном.[13] Вместе с тем, по южнославянским поверьям собака своим лаем пугает мертвецов (Клингер, 1911, с. 261) — в точности так же, как матерная брань тревожит покойников (см. о матерщине в этой связи: Успенский, 1983, с. 55—58). Аналогичное восприятие матерной брани может проявляться и в русских гаданиях, где лай собак предвещает замужество (см., например: Смирнов, 1927, с. 65—66, 69, 71, № 390—401, 458—459, 477; Никифоровский, 1897, с. 51, № 324, 326; Богатырев, 1916, с. 73; Добровольский, III, с. 9).

Богохульный характер матерной брани, эксплицитно проявляющийся в распространениях основного матерного ругательства (когда, например, слово *мать* распространяется в *душу мать*, *бога душу мать* и т. д. и т. п. —

ные значения. Констатируя эту особенность русской обсценной лексики, Дрейзин и Пристли пишут: «A *mat* verb can mean *any* intensive action from the total set of actions, and will acquire a specific meaning from this total set according to its morphological pattern and according to the contextual pattern of verbal complements, the lexical items occuring in these complements, and the whole context»; соответственно для таких глаголов предлагается термин *PRO-verbs*: «PRO-verbs are substitutes for verbs» (Дрейзин и Пристли, 1982, с. 241, 234; ср. еще: Ворд, 1982, с. 21—23). И далее авторы замечают: «It should be mentioned that there is at least one non-obscene colloquial Russian verb which acts as a PRO-verb in the same way as *mat* verbs, namely *sobáčit'(sja)*. Thus, *prisobáčit'* may be used instead of *prišít'* «to sew on», or instead of *pribít'* «to nail on», indeed instead of the more general verb *pridélat'* «to attach to"; *otsobáčit'* replaces *otkryt'* «to open», *otporot'* «to tear off»; and so on. As with *mat* verbs, these examples may be multiplied with various prefixes and with various kinds of contextual complements» (там же, с. 242). Мы вправе думать, что эта особенность глагола *собачить(ся)*, объединяющая его с матерной лексикой, не случайна: употребление данного глагола отражает, можно думать, употребление отыменного глагола, производного от слова со значением 'membrum virile'. Ср. в этой связи ниже (§ I-4.2) замечания относительно этимологии слова *пес*.

[13] Ср. представление о том, что ведьмы боятся собак (Афанасьев, I, с. 734; Мошиньский, II, 1, с. 559; Кулишич, Петрович и Пантелич, 1970, с. 232); то же говорят о лихорадке и других болезнях, которые воспринимаются при этом как разновидность нечистой силы (Потебня, 1914, с. 226; Миллер, 1876, с. 208; для типологических параллелей см.: Шольц, 1937, с. 10—12 — о греках и римлянах; Крейнович, 1930, с. 48—49 — о нивхах). Ср. в этой связи апокрифическое «Сказание, како сотвори Бог Адама», где собака лает на дьявола (Кушелев-Безбородко, III, с. 13). Способность чуять нечистую силу и отпугивать ее приписывается иногда некоторым специальным разновидностям собак (см.: Афанасьев, I, с. 734; Мошиньский, 1931; Мошиньский, II, 1, с. 559, 611; Клингер, 1911, с. 260—261; Гринченко, IV, с. 543; Чубинский, I, с. 53, 198; Якушкин, 1983, с. 111, № 232). Так воспринимаются, в частности, «четырехглазые» собаки, т. е. собаки с отметинами над глазами; замечательно при этом, что аналогичное представление наблюдается у иранцев, индусов, германцев, а также у угро-финских и африканских народов (Вильман-Грабовская, 1934, с. 36—39; Камменхубер, 1958, с. 303; Миллер, 1876, с. 203—205; Рапопорт, 1971, с. 30; Снесарев, 1969, с. 319, 322; Кречмар, II, с. 3; Гюнтерт, 1932, стлб. 476—477; Франк, 1965, с. 209—213).

Драммонд и Перкинс, 1979, с. 20), согласуется с представлением о псе, лающем на Бога или на небо (ср. укр. «Вільно собаці и на Бога брехати», польск. «Wolno psu na Pana Boga szczekać», чешск. «Volno psu i na Boha láti» — Челаковский, 1949, с. 115, ср. с. 23; Адальберг-Крыжановский, II, с. 913, № 354; ср.: Потебня, 1914, с. 158; Номис, 1864, № 5190, 5191; Федеровский, IV, с. 269, № 7095; Гринблат, 1979, с. 289; Чубинский, I, с. 52—53).

Наконец, мы имеем ряд свидетельств о том, что южные славяне, а также венгры в торжественных случаях клялись собакой (см.: Дюканж, II, с. 96, s. v.: *per canem jurare;* Лаш, 1908, с. 51);[14] ср. греч. *νὴ* или *μὰ (τὸν) κύνα* 'клянусь собакой!'.[15] Эти свидетельства заставляют вспомнить цитированное сообщение Герберштейна, который указывает, что русские бранятся так же, как венгры («Hungarorum more») и в качестве иллюстрации приводит бранную формулу именно с упоминанием пса *(Canis matrem tuam subagitet):* как нам уже приходилось отмечать, функция клятвы непосредственно связана с функцией проклятия, присущей вообще матерной брани (см.: Успенский, 1983, с. 63). Показательно в этом смысле, что Стоглавый собор 1551 г. одновременно осуждает обыкновение клясться и лаяться, т. е. ругаться матерной банью: «Иже крестіане кленутца и лаютца. Кленутца именем божіим во лжу всякими клятвами и лаютца . . . всякими укоризнами неподобными скаредными і бгомерскими рѣчми еже не подобает хрестіаномъ, и во иновѣрцех таковое бесчиніе не творитца, како богъ тръпить нашемоу безстрашію» (Стоглав, 1890, с. 67); оба действия предстают в данном контексте как соотнесенные.

4. В наши задачи не входит сколько-нибудь подробное выяснение причин, определяющих соответствующее восприятие пса; детальное рассмотрение этого вопроса увело бы нас далеко в сторону. Отметим только возможность ассоциации пса со змеем, а также с волком: как змей, так и волк представляют собой ипостаси «лютого зверя», т. е. мифологического противника Громовержца (ср.: Иванов и Топоров, 1974, с. 57—61, 124, 171, 203—204), и,

[14] Ср. в этой связи сообщение византийского хроникера (так называемого продолжателя Феофана — Theophanes continuatus) об обстоятельствах, при которых в 817 г. был заключен мир между византийским императором Львом V Армянином и болгарским князем Омортагом, когда византийский император принес клятву по болгарскому обычаю, а болгарский князь — по христианскому обычаю. Из этого сообщения видно, что болгары совершали клятву над какими-то жертвенными собаками (см.: Златарский, 1907, с. 252—253, ср. с. 258; Златарский скептически относится к этому сообщению, однако его скепсис едва ли оправдан — ср. в этой связи: Кацаров, 1912, с. 115—119). Для типологических аналогий см.: Лаш, 1908, с. 50—52; Лукина, 1983, с. 231. О жертвоприношении собаки у болгар см. еще: Арним, 1933; ср.: Бешевлиев, 1936, с. 25—26; Трифонов, 1937, с. 264 сл.

[15] Такова, между прочим, была обычная клятва Сократа, см., например, у Платона («Апология Сократа», 21e; «Горгий», 492b). Считается, что Сократ клялся таким образом для того, чтобы не поминать богов — упоминание богов в обычных разговорах он находил, видимо, неблагочестивым. В платоновском «Горгии» Сократ клянется «собакой, египетским богом», как бы подчеркнуто апеллируя к чужой традиции; тем не менее, такого рода клятва отражает, по-видимому, автохтонную архаическую традицию (ср.: Клингер, 1911, с. 232).

вместе с тем, олицетворяют злое, опасное существо, враждебное человеку (см. экскурс I).

Для нас существенно во всяком случае представление о нечистоте пса, которое имеет очень древние корни и выходит далеко за пределы славянской мифологии.[16] Это представление о нечистоте, скверности пса очень отчетливо выражено, между прочим, в христианском культе: пес как нечистое животное эксплицитно противопоставляется святыне (ср. евангельское: «не дадите святая псам» — Матф. VII, 6) и, соответственно, оскверняет святыню. В христианской перспективе псы ассоциируются с язычниками или вообще с иноверцами. Такое восприятие прослеживается уже в Новом Завете (ср.: Матф. VII, 6; XV, 26—27; Марк VII, 27—28; Откр. XXII, 14—15); отсюда у русских и вообще славян слова *пес* или *собака* означают иноверца, ср., в частности, устойчивое фразеологическое сочетание *собака татарин* (Даль, 1904, II, с. 66), отразившееся и в эпическом образе *собаки Калина-царя* (подробнее об этом образе см.: Якобсон, IV, с. 64—81).[17] Цитированное выше высказывание князя Ольгерда (из I-й Новгородской летописи под 1346 г.): «Лаял ми посадник вашь. . . назвал мя псом» (ПСРЛ, III, 1841, с. 83) может быть сопоставлено с аналогичным высказыванием короля Ягайла и князя Витовта (сына и племянника Ольгерда), которые, по свидетельству той же летописи (под 1412 г.), говорят новгородцам: «ваши люди нам лаяли, нас безчествовали и срамотилѣ и нас погаными звалѣ» (ПСРЛ, III, 1841, с. 105). Итак, новгородцы ругали литовских князей, называя их «псами» и «погаными»; эти названия выступают как синонимы и, очевидно, обусловлены тем обстоятельством, что литовские князья воспринимались как иноверцы. Подобным же образом, польская песня называет «псами» мазуров (ср. вообще о соответствующем восприятии мазуров: Потебня, 1880, с. 170; Франко, 1892, с. 755—756), подчеркивая при этом, что они верят не в Бога, а в «рарога», т. е. в демоническое существо языческого происхождения (название *рарог* связано, возможно, с *Сварог*, т. е. с именем языческого божества — Иванов и Топоров, 1965, с. 140—141):

[16] В апокрифическом «Сказании, како сотвори Бог Адама» Господь творит собаку из нечистот, причем создание собаки связывается здесь — знаменательным образом — с созданием человека и, вместе с тем, с борьбой Господа и Сатаны. Согласно этому апокрифу, Господь, сотворив Адама, оставил его лежащим на земле, после чего пришел Сатана и измазал Адама калом, тиной и соплями. Господь разгневался на дьявола и проклял его, «и діаволъ исчезе, аки молнія, сквозь землю отъ лица Господня». «Господь же, снемъ съ него пакости Сотонины, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами и теслою [?], очисти его аки зерцало отъ всѣхъ скверънъ. . .» (Кушелев-Безбородко, III, с. 12—13). Сотворение собаки предстает, таким образом, как очищение человека от скверны: человек и собака оказываются противопоставленными — в самом акте творения — как чистое и нечистое создание.

[17] Отметим также равнозначные украинские клятвы: «сучий син буду» и «турецкий син буду» (Номис, 1864, № 6771—6772). Ср. украинские поговорки: «Жид, лях и собака — все віра однака», «Ксёндз, жид та собака — усе віра однака», «Невіра а собака, то єдна присмака» (Номис, 1864, № 8098—8100; Франко, 1895, с. 119).

Oj i psy Mazury, da i psy, da i psy,
Oj szły na Kujawy, da i szły, da i szły.
Oj zobaczyły raroga da i myślały że boga
(Кольберг, IV, с. 254—255).[18]

Особенно показательно в этом отношении выражение «песья вера», которое бытует в славянских языках в качестве бранного выражения, относящегося к иноверцам, ср. рус. *песья вера* или *собачья вера* (Даль-Бодуэн, I, стлб. 814), укр. *пся віра* или *собача віра* (Гринченко, I, с. 239; Гринченко, II, с. 163; Гринченко, III, с. 496), польск. *psia wiara* (Франко, 1895, с. 118—119), сербск. *пасја вјера* (Караджич, 1849, с. 246), словенск. *pasja vera* (Плетершник, II, с. 11), болг. *куча вяра* (Славейков, 1954, с. 327). «Песья вера» противопоставляется «крещеной», т. е. христианской вере и означает безверие (Даль-Бодуэн, I, стлб. 814) или вообще отклонение от правильной веры.[19] Ср. украинскую частушку:

Oj cyhane, cyhanoczku,
Pesia twoia wira:
Twoja żinka u seredu
Sołonynu jiła!
(Франко, 1895, с. 119) —

нарушение поста, обязательного по средам и пятницам, оказывается одним из признаков «песьей веры» (ср. белорус. *собачицьца* 'нарушать пост' — Носович, 1870, с. 598); совершенно так же смерть без покаяния воспринимается как «собачья смерть» (Михельсон, II, с. 288, № 577).

В основе этого выражения («песья вера»), по-видимому, лежит представление о том, что как у собаки, так и у иноверца н е т д у ш и в собственном смысле этого слова: «душа» и «вера» вообще непосредственно связаны по своей семантике, т. е. само понятие веры предполагает наличие души, и наоборот; душа собаки (или вообще всякого животного) и иноверца называется *пар* или *пара*, и, соответственно, выражение «песья пара» выступает в славянских языках как ругательство, синонимичное выражению «песья вера» и с ним коррелирующее, ср. польск. *psia para* (Франко, 1892, с. 756; Дорошевский, VII, с. 685), сербск. *пасја пара* (Караджич, 1849, с. 246), словенск. *pasja para* (Плетершник, II, с. 11). По русскому поверью, «У татарина, что у собаки —

[18] Ассоциация пса и иноверца легла в основу сюжета былины «Грозный царь Иван Васильевич», где рассказывается о том, как Иван Грозный приказывает Малюте казнить своего сына, Федора Ивановича; Малюта убивает кобеля вместо царевича и приносит царю собачье сердце, говоря, что это сердце его сына; царь удивляется: «Да что же от сердца песей дух пахнё?» — и Малюта объясняет: «Он закону-то был не нашево, Порядку был не хорошего, оттово ли от сердца песей дух пахнё» (Гильфердинг, III, с. 304, № 244).

[19] Вместе с тем, как отмечает Тредиаковской в «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских», так говорят о недобросовестных людях, т. е. о тех, кому нельзя верить. Ср.: «Сербы не добросовѣстныхъ людей бранятъ: *Пасія вера*, вмѣсто *Песія вѣра*» (Тредиаковский, III, с. 393, примеч. 2). Соответственно, в русском блатном жаргоне *сука* означает представителя воровского мира, который преступил моральные устои: так называют вора, который нарушил воровской закон, вступив в сотрудничество с властями; замечательно при этом, что и сами «суки» могут называть себя таким образом, т. е. данная характеристика имеет абсолютную, а не относительную значимость.

души нет; один пар»,[20] ср. также: «В скоте да в собаке души нет, один только пар» (Даль-Бодуэн, IV, стлб. 47). Точно так же и словенцы полагают, что «Pes ima paro, ne dušo» и, вместе с тем, утверждают, что у турков «песья вера» (ср. выражение *turški pasjevêrec* — Плетершник, II, с. 8, 11). Итак, наличие души выступает как определяющий признак разделяющий весь мир на две части, между которыми, в сущности, не может быть общения: противопоставляются не люди и животные, но те, кто имеют душу (а, следовательно, и веру), и те, у кого она отсутствует. По этому именно признаку собаки и объединяются с иноверцами: и те, и другие лишены общения с Богом (ср. чешск. пословицы «Pán Bůh psího hlasu neslyší», «Psí hlas do nebe nejde» или польск. «Psi głos nie idzie do niebios», укр. «Собачи голоса не идуть попід небеса» — Челаковский, 1949, с. 23; Адальберг-Крыжановский, II, с. 909, № 301; Номис, 1864, № 5193; Потебня, 1914, с. 158; Добровольский, III, с. 117; Федеровский, IV, с. 270, № 7109),[21] а тем самым и с людьми, объединенными верой.[22] Поэтому, между прочим, считалось, что иноверцев нельзя хоронить на кладбище, но необходимо оставлять «псам на снедение».[23] То же говорит митрополит Петр относительно убитых «на поле» во время судебного поединка — как иноверцы, так и погибшие «на поле», т. е. умершие не по-христиански, относятся к общей категории нечистых (заложных) покойников, и поэтому их предписывается «псом поврещи» (Кушелев-Безбородко, IV, с. 187); соответствующее представление отражается в белорусских проклятиях (Гринблат, 1979, с. 232, 235). Предполагается, что такие покойники, будучи лишены об-

[20] Ср. аналогичное белорусское присловье, где вместо собаки фигурирует волк: «Ci Żyd, ci wu̯o̯u̯k, to u̯sio̯ ru̯ou̯no, bo i u Żyda duszy nima» (Федеровский, I, с. 237, № 1139).

[21] В народной легенде Господь проклинает собаку, говоря ей: «Штоб ты цирковныва звону ни слыхала, у Божий храм ни хадила!» (Афанасьев, 1914, с. 100, № 14). Генетически некоторые из цитированных пословиц могут отражать связь собаки с лунарным культом (см. ниже, § II-1).

[22] Следует иметь в виду вообще, что понятие в е р ы предполагает определенную социальную организацию. Вера связана с представлением о Божественном миропорядке и, следовательно, с организацией *мира* «общины, общества». Этимология слова *мир* при этом отражает индоевропейскую мифологию Митры; семантика этого слова воплощает именно «идею Божественного договора с людьми, реализованную в социальном (и пространственном) плане», ср. иранск. *mitra* в значении 'договор'; вообще основная функция Митры — объединение людей в особую социальную структуру (в «мир») и установление договора с ними (Топоров, 1973, с. 367—369). Показательно соотнесение этих понятий в таких пословицах, как «мир, да Бог, да правда» или «мир да правда, человек да ложь» и т. п

[23] См. об этом в послании Посошкова к Стефану Яворскому (Срезневский, 1900, с. 35, 39, 40), а также в сочинениях протопопа Аввакума (Аввакум, 1960, с. 198, 298). Образ трупа, отданного на съедение псам и на растерзание птицам, вообще говоря, может быть заимствован из Библии: так Господь карает тех, кто отступил от его заветов (III Царств XIV, 11, XVI, 4, XXI, 24; ср.: III Царств XXI, 19, 23, XXII, 38; IV Царств IX, 10, 36). Вместе с тем, и греки, по свидетельству Гомера («Илиада», XXII, 256—259, 335—336, 339—340, 349, 354; XXIII, 21), поступали таким образом с трупами тех, кого они считали недостойными погребения (ср.: Шлерат, 1954, с. 27). Как бы то ни было, образ трупа, предоставленного псам и не подлежащего захоронению в земле, явно соотносится со славянскими языческими представлениями о чистоте земли и нечистоте пса.

Отметим, что на съедение псам было брошено тело Стеньки Разина после четвертования (см., например: Маньков, 1975, с. 75, 123, 126); это отвечает восприятию Разина как колдуна.

щения с Богом, не попадают на Страшный суд (Успенский, 1982, с. 144), и, соответственно, они отдаются не Богу, но псам — выражение *собачья смерть* получает при этом двойной смысл: с одной стороны, это смерть без покаяния (см. выше), с другой — смерть, предназначенная для собак.

Отсюда объясняется, может быть, характерное упоминание д у ш и в матерной брани, столь частое при распространениях основного ругательства, типа русского «. . . в Бога душу мать» (см. выше, § I-3.1), ср. еще белорус. *Ябу-ж тваю душу* (Сержпутовский, 1911, с. 56) или старочешск. *Vyjebena duše* (Котт, I, с. 482). Если признать, что субъектом действия является пес, соответствующее высказывание символизирует отлучение от веры и, тем самым, превращение в пса.

В свое время в Московской Руси существовал специальный «Чин на очищение церкви, егда пес вскочит в церковь или от неверных войдет кто», который был отменен в результате реформ патриарха Никона (Никольский, 1885, с. 297—306; ср.: РИБ, VI, с. 257, № 32, с. 869, № 124, с. 922, № 134; Смирнов, 1913, прилож., с. 148, № 140, а также с. 404—412; Мансветов, 1882, с. 148—149);[24] итак, присутствие пса оскверняет церковь (святое место), подобно тому как оскверняет ее присутствие иноверца — пес и иноверец объединяются именно по признаку нечистоты.[25] Точно так же духовному лицу в принципе запрещалось держать собаку. Вместе с тем, чернец, нарушающий канонические постановления, может нарицаться псом, а также медведем (Смирнов, 1913, прилож., с. 36, № 40—41);[26] знаменательно в то же время, что псом может именоваться и чернец, носящий огниво (там же, прилож., с. 305), — это,

[24] Отмена этого чина при Никоне может быть поставлена в связь с тем обстоятельством, что подобного обычая не было в Юго-Западной Руси (ср.: Никольский, 1885, с. 304): как известно, никоновские реформы в значительной степени сводятся к ориентации именно на югозападнорусскую церковную традицию (см.: Успенский, 1983а, с. 85 сл.). По свидетельству Никольского, подобное правило не встречается в греческих требниках, где может предусматриваться возможность осквернения церкви неверными, но отсутствует упоминание о псе (Никольский, 1885, с. 297—298). Смирнов, впрочем, цитирует аналогичное греческое правило с упоминанием пса, но любопытно, что правило это принадлежит не греку, а славянину (Смирнов, 1913, прилож., с. 406, 409).

Вместе с тем, аналогичное отношение к собаке наблюдается и в Древней Греции, где собаки не допускались в определенные места, почитавшиеся как святые; так, в частности, они не допускались на остров Делос (считавшийся местом рождения Аполлона и Артемиды) и в афинский акрополь (Шольц, 1937, с. 7—8, 44, 49, 51). В Риме жрецу Юпитера (Flamen Dialis) было запрещено касаться собаки и даже произносить само это слово (Келлер, I, с. 97—98; Орт, 1913, стлб. 2574—2575; Баррисс, 1935, с. 38). Вне зависимости от истоков данной традиции для нас существенно констатировать ассоциацию пса и иноверца в русском религиозном сознании.

[25] См. еще свидетельство Олеария (1647, с. 177; 1656, с. 303; 1906, с. 326). Одним из обвинений в адрес Лжедмитрия было то, что он ходит в церковь «с поляками, которые водят с собою стаи собак и оскверняют святыню» (Петрей, 1867, с. 223; ср. РИБ, XIII, стлб. 510): осквернение святыни имеет при этом сугубый характер, поскольку церковь оскверняется как собаками, так и иноверцами (поляками). Ср. пословицу: «И в Иерусалиме собаки есть» (Даль-Бодуэн, IV, стлб. 333) — святое место, вообще говоря, предполагало бы отсутствие собак, и таким образом данная пословица означает примерно то же, что «И на солнце есть пятна».

[26] Наименование медведем отражает медвежий культ в славянских языческих представлениях (ср.: Успенский, 1982, с. 85—112, 163—166).

несомненно, связано с ролью огня в славянском языческом культе.[27] Подобное отношение к собаке особенно наглядно проявляется у старообрядцев Олонецкой губернии, которые «при собаке не молятся Богу» (Зеленин, 1914—1916, с. 924) — присутствие собаки как нечистого животного исключает возможность общения с Богом.[28]

Во всех этих случаях обнаруживается явная противопоставленность пса христианскому культу: пес связывается с антихристианским и прямо с бесовским началом.[29] Неверно было бы полагать, однако, что соответствующее восприятие пса появляется на христианской почве: несомненно, представление о нечистоте пса имеет еще дохристианские корни, т. е. было характерно для славянского язычества.

Показательно в этом смысле, что приведенные выше установления, относящиеся к церкви, распространяются и на отношение к дому. Так, в частности, русские крестьяне не допускают собаку в избу, но всегда держат ее вне дома, во дворе — подобно тому, как собака оскверняет церковь, она оскверняет дом (ср. представление о том, что если собаку пустить в дом, то оскорбятся

[27] Любопытный пример символического уподобления такого рода мы находим в деле патриарха Никона. После того, как Никон в 1658 г. оставил патриарший престол и устранился от управления церковью (настаивая, однако, на сохранении патриаршего титула), боярин С. Л. Стрешнев научил свою собаку изображать Никона. Вот как рассказывает об этом сам Никон в письме к константинопольскому патриарху Дионисию (1666 г.): «И царского величества бояринъ Семенъ Лукьяновичь Стрешневъ научи едину собачку сидѣти и предними ногами, яко же и на Вознесеніи Своемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ воздвиже руки и благослови учениковъ Своихъ. Сице и та собачка предними ногами поругаяся благословенію Божію. И называше ту собачку Никономъ патріархомъ. И мы, слышаще такое бесчиніе и пребезаконіе, прокляхомъ его и отъ христіанства отлучихомъ его» (ЗОРСА, II, с. 527—528); о том же еще раньше (около 1663 г.) Никон писал и царю Алексеею Михайловичу (там же, с. 552). Итак, Никон обвиняет С. Л. Стрешнева в кощунстве (и, соответственно, отлучает его от церкви); вместе с тем, с точки зрения Стрешнева сам Никон нарушил канонические правила и не является более патриархом. Заставляя свою собаку изображать архиерейское (патриаршее) богослужение Никона, Стрешнев как бы разоблачает Никона как лже-архиерея и лже-патриарха (напомним, что Собор 1660 г. постановил лишить Никона архиерейства и священства). Таким образом, для Стрешнева это акт символического обличения, который соответствует традиции обличительного наименования чернеца псом; ср. в этой связи рассмотренные выше (примеч. 10) примеры уподобления человека псу в плане речевого поведения.

[28] Отношение к собаке разительно отличается от отношения к кошке, которая понимается, напротив, как ч и с т о е животное. Соответственно, в отличие от собаки кошка может находиться в церкви и даже жить при церкви, не оскверняя ее. Характерно в этом плане, что кошку могут называть христианскими именами (*Васька, Машка* — ср.: Никольский 1900, с. 6; Брандт, 1882, с. 61; Успенский, 1982, с. 131), что для собаки ни в коем случае недопустимо, ср.: «Собаку грешно кликать человеческими именами» (Даль-Бодуэн, IV, стлб. 334). В тех случаях, когда собаку называют именем человека, имя это не входит в православные святцы, а заимствовано из иноязычного источника. Ср., между тем, обычай давать человеческие имена домашней скотине (Мошиньский, II, 1, с. 561).

[29] Отсюда объясняется, между прочим, песья голова как символ опричнины: ассоциация опричников с бесами, которая имела, по-видимому, вполне сознательный характер (см.: Успенский, 1982а, с. 213, 226—228; Панченко и Успенский, 1983), соответствует ассоциации пса с антихристианским, бесовским началом. Образ собаки амбивалентен, он ассоциируется как с собачьей преданностью, так и с собачьей враждой, злобой, и именно эта двойственность обыгрывается, кажется, в символике опричнины (ср.: Полосин, 1963, с. 150—154, 188) — преданность царю сочетается у опричников с враждебностью к земщине, по отношению к которой опричники являются в функции бесов.

присутствующие здесь ангелы — Никифоровский, 1897, с. 162, № 1224): как церковь, так и дом представляет собой чистое место, не допускающее осквернения. Еще более характерно правило, предписывающее разломать печь, если в ней умрет пес или ощенится сука (Смирнов, 1913, прилож., с. 53, № 26, с. 60, № 55, с. 241, № 8), — подобно тому, как церковь, которую осквернил пес, требует переосвящения, печь в этом случае должна быть разрушена и воссоздана заново; печь при этом занимает особое место в славянских языческих верованиях.

Восприятие пса как нечистого животного выразительно проявляется в ритуальных выражениях (заклятиях или проклятиях), языческое происхождение которых не оставляет сомнений. С одной стороны, на пса как на нечисть отсылаются всевозможные уроки и призоры, т. е. порча, болезнь и т. п., ср. польск. или укр. *na psa urok* (Адальберг-Крыжановский, II, с. 897, № 140; Франко, 1892, с. 757; Номис, 1864, № 11835) или укр. *на собаку* (Номис, 1864, № 322, 3805), белорус. *па сабачай галаве* с тем же значением (Гринблат, 1979, с. 232); этот мотив представлен и в сербских заговорах (Раденкович, 1982, с. 114, № 157). С другой стороны, нечистоте пса приписываются вредоносные свойства, ср. серб. проклятие *пасја те рђа не убила!* 'чтоб тебя песья скверна убила!' (Караджич, 1849, с. 246) — отрицательная частица *не* имеет здесь не отрицательный, но экспрессивно-усилительный смысл. Соответствующее восприятие нашло отражение в целом ряде фразеологизмов и идиоматических выражений, в частности, в таких идиомах, как *собаку съесть* или *где собака зарыта* и т. п. (см. экскурс II).

Представление о нечистоте пса находит отражение в южнославянском восприятии «нечистых» дней как «песьих». Именно так, в частности, называются у сербов с в я т к и, ср. *пасја недеља* как обозначение святок, а также восприятие Васильева дня как праздника пса (Кулишич, Петрович и Пантелич, 1970, с. 232); это согласуется с такими южнославянскими наименованиями святок, как болг. *нечисти дни*, *погани дни*, *мрьски дни*, *некрьстени дни* или серб.-хорв. *некрштени дани* (Зеленин, 1930, с. 221—222, примечание К. Мошиньского). Точно так же вторник и среда на русальной неделе называются у сербов, соответственно, *пасји уторак* и *пасја среда* (Кулишич, Петрович и Пантелич, 1970, с. 273, 295); русальная неделя, как и святки, обнаруживает очевидную связь с языческим культом (у македонцев русалии непосредственно отождествляются со святками — Шапкарев, 1884, с. 1).[30] Восприятие не-

[30] Иначе объясняются лат. *dies caniculares* или нем. *Hundstage*, англ. *dog-days*, чешск. *psí dni* как обозначение периода времени с 23 июля по 23 августа, связанное с восходом Сириуса (Canicula) — самой большой звезды, входящей в созвездие Пса (Canis): восприятие пса опосредствовано в данном случае астральной мифологией. Аналогичное выражение с таким же значением зафиксировано и в русском языке, ср. *песьи дни* 'каникулы, пора жаров' (Даль-Бодуэн, III, стлб. 259); отсюда объясняется, между прочим, выражение *собачья жара* (см.: Фасмер, II, с. 180), которое, в свою очередь, обусловило, по-видимому, — вторичным образом — выражение *собачий холод*. Об отражении культа пса в астральной мифологии см. вообще: Иванов, 1977, с. 207—208; ср.: Бейер, 1908; Франк, 1965, с. 204—208.

чистого времени как «песьих» дней в косвенной форме прослеживается и у болгар (при том, что у болгар более употребительно наименование «волчьих» дней — ввиду обычной ассоциации собаки и волка, можно предположить, что «волчьи» дни и «песьи» дни отражают одни и те же мифологические представления). Отсюда, в частности, объясняется болг. *пъсий* (или: *песи*, *пъси*) *понеделник* как наименование чистого понедельника, т. е. первого дня Великого поста (Геров, IV, с. 407; Маринов, 1981, с. 122, 507—508; Вакарелски, 1977, с. 508; Каравелов, 1861, с. 191). Этот день может считаться как у болгар, так и у сербов праздником пса (Маринов, 1981, с. 507—508; Кулишич, Петрович и Пантелич, 1970, с. 232). Соответствующее восприятие и наименование обусловлено, надо думать, тем, что чистый понедельник является первым днем после сырной недели, т. е. масленицы (болг. *Сирница* или *Сирни заговезни*): масленица, между тем, наряду со святками, купальскими днями и т. п. воспринимается как нечистое время, ознаменованное ритуальным разгулом, пьянством, сквернословием и т. п. Существенно при этом, что обычаи, принятые в чистый понедельник, могут обнаруживать определенную связь с масленичными обрядами, выступая, в сущности, как их продолжение: это отражается и в наименовании данного дня.[31] Таким образом, наименование чистого понедельника «песьим понедельником» у болгар может отражать восприятие масленицы как «песьего» времени; этому не противоречит то обстоятельство, что принятый в «песий понедельник» обычай гнать и мучать собак может осмысляться как изгнание беса, который вселился в них в нечистое время (Вакарелски, 1977, с. 508; Каравелов, 1861, с. 191). Знаменательно, что такой же обычай — гнать собак и бить их — отмечается у македонцев на Васильев день (Шапкарев, I, с. 556), хотя этот день специально не называется здесь «песьим»; мы видим, однако, что у других южных славян Васильев день может восприниматься именно как «песий» день.

[31] Так, например, ритуальное катание с горы в чистый понедельник, наблюдаемое в Архангельской губернии, соответствует традиционному масленичному катанию (Богатырев, 1916, с. 79); обыкновение привязывать колодку к ногам в этот день, принятое в Волынской губернии, находит соответствие в аналогичном масленичном обряде (Соколова, 1979, с. 54—55; ср.: Чубинский, III, с. 7—8); и т. п. Равным образом, у русских чистый понедельник может называться *рот выполоскать* (Юль, 1900, с. 165), тогда как украинцы называют этот день *полоскозуб* (Чубинский, III, с. 8); это связано, конечно, с продолжением ритуального масленичного пьянства — в этот день принято *полоскать зубы*, т. е. напиваться и веселиться (см.: Макаренко, 1913, с. 152; Щуров, 1867, с. 203; Чубинский, III, с. 8; Романов, VIII, с. 141; Малинка, 1898, с. 61; Соколова, 1979, с. 55; Каравелов, 1861, с. 191). Аналогичное свидетельство находим в записях Ричарда Джемса 1618—1619 гг. (Ларин, 1959, с. 168—169).

Мы вправе заключить, по-видимому, что чистый понедельник, вопреки церковным установлениям, мог восприниматься не как постный день, а как заговены на Великий пост. Такое восприятие, действительно, зарегистрировано как в России (в Архангельской губернии), так и в Болгарии, где в этот день принято доедать скоромную пищу (Богатырев, 1916, с. 79; Каравелов, 1861, с. 191). Во всех этих случаях чистый понедельник предстает, в сущности, как последний день масленицы.

Восприятие нечистых дней как «песьих» находит соответствие в ритуальном сквернословии, принятом в такие дни (см. о святочном, купальском и т. п. сквернословии: Успенский, 1983, с. 38—40); ввиду соотнесенности матерной брани со псом, не исключено, вообще говоря, что именно ритуальное сквернословие и обусловливает соответствующее восприятие, т. е. наименование нечистого времени «песьими» днями.[32]

4.1. Прямое отношение к матерной брани могут иметь легенды о сожительстве женщины с псом, которые зафиксированы как у славянских, так и у неславянских народов (ср. в этой связи типичный мифологический мотив сожительства с змеем). Эти легенды обычно связываются с происхождением того или иного племени, которое воспринимается в качестве «generatio canina»; можно предположить, что в основе преданий такого рода лежат тотемистические представления, т. е. собака выступает как родовой тотем (см., например: Либрехт, 1879, с. 19—25; Франко, 1892, с. 750—756; Келлер, I, с. 137; Никифоров, 1922, с. 62, примеч.; Толстов, 1935, с. 12—13; Соколова, 1972, с.

[32] Представлению о нечистоте собаки у славян разительно противостоит почитание собаки в иранском мире; это тем более любопытно, что само слово *собака* представляет собой, как полагают, иранское заимствование (см.: Фасмер, III, с. 702—703; ср., впрочем, иначе: Трубачев, 1955; Трубачев, 1960, с. 29). Согласно доктрине зороастрийцев, собака, наряду с человеком, относилась к ч и с т ы м существам (Бойс, 1975, с. 297; Вильман-Грабовская, 1934, с. 43; Дорошенко, 1982, с. 54); в предписаниях, касающихся осквернения и очищения в погребальном обряде, не делается различия между собакой и человеком (Вильман-Грабовская, 1934, с. 61; Камменхубер, 1958, с. 306; Иностранцев, 1900, с. 99; Рапопорт, 1971, с. 29). Соответственно, зороастрийский обряд очищения в некоторых случаях предписывает прикосновение к собаке, которое выполняет ту же функцию, что ритуальное омовение и произнесение очистительной клятвы (Дюшен-Гийемен, 1961, с. 109—110; Вильман-Грабовская, 1934, с. 43; Дорошенко, 1982, с. 59). Если у славян присутствие собаки в принципе противопоставляется сакральному действу и может даже рассматриваться как препятствие, исключающее возможность общения с Богом, то в зороастрийском культе собака оказывается, напротив, действенным элементом обряда: присутствие собаки предполагалось, в частности, при посвящении в священнослужители, а также в похоронном ритуале, когда собака должна была находиться при умирающем — в обоих случаях роль собаки сводится именно к очищению (Дюшен-Гийомен, 1961, с. 104, 109—110; Камменхубер, 1958, с. 302 сл.; Иностранцев, 1911, с. 559—560; Рапопорт, 1971, с. 30). Вместе с тем, если славяне на растерзание псам отдавали трупы нечистых покойников (в сущности, лишая их таким образом, погребения), то у иранцев такой способ захоронения являлся вполне обычным (Виндегрен, 1965, с. 14, 35, 132; Иностранцев, 1900, с. 100 сл.; Рапопорт, 1971, с. 9, 15, 16, 23, 24, 27, 28, 110—111). В «Авесте» установлены строжайшие наказания за всякий вред, причиненный любой собаке, даже бешеной; наряду с запрещением людоедства здесь специально оговаривается и запрещение поедания собак (Вильман-Грабовская, 1934, с. 31—33; Миллер, 1876, с. 197—198; Рапопорт, 1971, с. 28—31) — особое отношение к этой проблеме у славян отразилось в фразеологизме *собаку съесть* (см. экскурс II).

Подобное отношение к собаке наблюдается, вообще говоря, и у других народов (в частности, у алтайских народов, у палеоазиатов — см.: Лукина, 1983, с. 229—230; Баялиева, 1972, с. 19—20), однако иранцы представляют для нас особый интерес ввиду древнейших ирано-славянских контактов в духовной сфере, которые нашли отражение, как известно, в славянской религиозной и культурной терминологии (см.: Якобсон, 1950, с. 1025—1026; Топоров, 1968, с. 108): на фоне этих контактов отмеченные различия предстают особенно отчетливо.

113; ср.: Якобсон, IV, с. 67—68).[33] Возможность соотнесения этих преданий с матерной бранью косвенно подтверждается тем обстоятельством, что совокупление женщины с псом может связываться с происхождением табака (см.: Романов, IV, с. 23, № 19; Перетц, 1916, с. 150; ср.: Романов, VIII, с. 283; Поливка, 1908, с. 380), так же как и картофеля, причем легенды о картофеле, появившиеся не ранее второй пол. XVIII в., непосредственно восходят к легендам о табаке (Перетц, 1902, с. 93, 96; Никифоров, 1922, с. 14, 78—79, ср. с. 73): согласно этим легендам, пес оскверняет женщину, плодом чего и является в конечном счете нечистое зелье. Употребление табака, наряду с пьянством, непосредственно ассоциируется вообще с матерным сквернословием: не случайно поучение против матерной брани может входить в состав легенды о табаке (см., например: Кушелев-Безбородко, II, с. 434; Львов, 1898, с. 599—600). Итак, легенда о табаке в одних случаях соотносится с мотивом совокупления с псом, в других — с матерной бранью, которая, как мы знаем, выражает ту же идею.

4.2. Остается добавить, что связь пса с совокуплением отразилась, возможно, в этимологии слова *пес*.[34] В самом деле, это слово может быть со-

[33] Ср. «Описание книги сея государства китайского или хинского» (утраченная рукопись 1731 г., Смоленского педагогического института; цитируем по картотеке Сл. РЯ XI—XVII вв., s. v. *собачий*): «А доч его [хана] тому рада была, чтоб с собакою совокупитися и тако сотвориша, и в три лѣта родила 6 мужеска полу и 6 женскаго, и от того родися весь собачей род и живет на горах». Легенды приписывают такое же происхождение Аттиле, откуда как гунны, так и венгры могут считаться песьим родом (Веселовский, 1888, с. 309—311, 354; Франко, 1892, с. 750). Вместе с тем, так же объясняется и происхождение Полкана (Pulican), т. е. полупса-получеловека, в итальянской повести о Бове (Buovo d'Antona); это отразилось и в некоторых славянских версиях этой повести, согласно которым Полкан «до поеса чоловѣк, ано нижеи ѣак пес, ѡт пса и ѡт жоны рожон ест» (Веселовский, 1888, с. 310, и прилож., с. 154; ср.: Унбегаун, 1969, с. 219; Кузьмина, 1964, с. 19, 31).

Представление о происхождении той или иной народности от пса может отражаться в наименовании представителей этой народности «слепыми», ср. в этой связи такие прозвища, как *Blinde Hessen* или *Blinde Schwaben*, при том, что гессенцы еще в XVI—XVII вв. назывались *Hund(e)hessen*, тогда как о швабах рассказывали, что они, подобно щенятам, родятся слепыми и прозревают лишь на 9-й или 10-й день (Гримм, 1868, с. 393—394). Такие же прозвища отмечаются и у славян (Потебня, 1880; Франко, 1892); так, например, именовали друг друга мазуры и украинцы в Галиции, причем мазуры подчеркивали песью природу украинцев, и наоборот. Ср.: «Spotkał raz Mazur Małorusa i pyta go: 'A czy to prawda, że się Rusinek ślepy rodzi?' 'Ano, prawda, — odrzecze, — i dla tego zawsze najmujemy Mazura, żeby mu przez siedem dni w d... dmuchał, dopóki nie przejrzy'»; в этом диалоге каждая сторона, в сущности, приписывает другой признаки собачьей породы, ср. еще *ślepy Mazur* как обычное прозвище мазуров (Франко, 1892, с. 755—756; ср.: Федеровский, I, с. 233, № 105), а также *śleporód* как разновидность польской брани, семантически связанной с *psia krew* (Потебня, 1880, с. 170). Отсюда же объясняется и прозвание вятчан и пошехонцев «слепородами» (Даль-Бодуэн, IV, стлб. 275; Даль, 1904, III, с. 51; Потебня, 1880, с. 173).

[34] Рассматриваемая здесь этимология была предложена в устной беседе В. Н. Чекманом в ходе обсуждения предварительного варианта настоящей работы. Пользуюсь случаем чтобы поблагодарить Валерия Николаевича за плодотворную идею; благодарю также В. Н. Топорова и С. Ю. Темчина за советы и консультации по данному вопросу. Необходимо подчеркнуть, что слово *пес* до сих пор не имело удовлетворительной этимологии. Попытки связать это слово с *пестрый* или с лат. *pecus* 'скот' (см. Фасмер, III, с. 248; Трубачев, 1960, с. 19 сл.; Гамкрелидзе и Иванов, 1984, с. 590, примеч. 2), на наш взгляд, неубедительны.

отнесено с литовским *pìsti* 'coire, futuere', с которым этимологически связано, как кажется, рус. *пизда*; ср. лит. *pisa*, *pyzà*, *pìzė*, *pyzdà* и т. п. Производным от данного глагола является лит. *pìsius* со значением «nomen agentis», т. е. означающее собственно 'fututor', а также вторичные формы *pìsnius*, *pìzius*, которые в современном литовском языке имеют значение 'распутник' (Сл. лит. яз., X, с. 35, 46); при этом форма *Pizius* зафиксирована у Я. Ласицкого (XVI в.) в его описании литовского языческого пантеона — оно фигурирует как имя божества, приводящего невесту к жениху и почитаемого юношами: «*Pizio* iuventus, sponsam adductura sponso, sacrum facit» (Ласицкий, 1615, с. 47; Манхардт, 1936, с. 356 и комментарий на с. 376—377; ср. еще: Ласицкий, 1969, с. 40 и комментарий на с. 80).[35] Для литовского языка восстанавливается также форма **pisùs* со значением 'склонный к совокуплению', ср. дошедшие до нас формы с осложнением основы: *pisnùs*, *pislùs* 'распутник; тот, кто часто мочится' (Сл. лит. яз., X, с., 35); следует иметь в виду, что глагол *pìsti* может иметь значение 'мочиться'. Слову *pisùs* и соответствует, по-видимому, славянское **pĭsŭ (пьсъ)*.[36] Отсюда объясняется употребление слов *кобель* и *сука* в значении 'распутник' и 'распутница' в современном русском языке, которое отвечает значению слова *pìzius* в современном литовском; в обоих языках соответствующие слова функционируют как ругательства.[37] Не менее показательны контексты, где слово *пес* или *собака* заменяет слово с исходным значением 'membrum virile' (см. выше, § 1-3) — возможность такой замены обусловлена, по-видимому, ассоциацией значений nomen agentis и nomen instrumentis.

[35] Ср. песий лай как предвестник свадьбы в русских гаданиях (см. выше, § I-3.1). В других случаях девушки при гадании предлагают псу еду, и он предвещает брак, выбирая еду будущей невесты (Никифоровский, 1897, с. 51, № 325; Мошиньский, II, 1, с. 411), что может трактоваться, вообще говоря, и как реликт ритуального жертвоприношения в свадебном обряде.

[36] Дополнительного объяснения требует сохранение исконного *s*, поскольку в этих условиях оно должно было бы перейти в *x*, т. е. ожидалась бы форма **pĭxŭ (пьхъ)*; на существование такой формы могла бы указывать, вообще говоря, форма *Пхово*, зарегистрированная в новгородско-псковской топонимике (Новг. писц. кн., VI, с. 326, 398, 424), однако форма эта малопоказательна, поскольку может объясняться и как результат диалектного изменения *s* в *x*. Одно из возможных объяснений (при этом не единственно возможное) заключается в предположении, что согласному *s* предшествовал в свое время инфикс *n*, после которого переход *s* > *x* не мог иметь место (ср. лат. *pinso* 'толочь, молоть', этимологически соответствующее лит. *pìsti*). На наличие такого инфикса может указывать как форма *pìnda* 'vulva' (Сл. лит. яз., IX, с. 1036), так и вариантные формы *pizà* ~ *pyzà*, *pizdà* ~ *pyzdà* с тем же значением (там же, X, с. 46), где долгий гласный *y* может объясняться из сочетания *i* + *n*; показательны также дублетные формы *pìskus* и *piñskus* 'бранное слово; непутевый человек' (Сл. лит. яз., IX, с. 1052; X, с. 35).

[37] Ср. чешск. *psice* 'сука; проститутка', а также полабск. *saukó* 'потаскуха' (Фасмер, III, с. 798) или немецкое диалектное заимствование *Zauke* с тем же значением (Трубачев, 1960, с. 21). В литовской фразе *Eik tu, pìziau, nejuokink žmonių!* 'Иди ты, кобель [букв.: распутник], не смеши людей!' (Сл. лит. яз., X, с. 46) слово *pìzius* как бранное выражение ближайшим образом соответствует по своему употреблению русскому *кобель*.

Ассоциация пса с сексуальным началом прослеживается также в греческом и латыни. Соответственно, как греч. *κύων*, так и лат. *canis* может означать 'бесстыдник' (ср. еще греч. *κύνεος*, *κυνώπης*, *κυνόφρων* 'бесстыдный' или лат *caninus* с тем же значением);[38] знаменательным образом, вместе с тем, греч. *κύων* может выступать и в значении 'vulva' (Келлер, I, с. 98).

Таким образом, славянское **pĭsŭ (пьсъ)* может трактоваться как табуистическая замена исконного индоевропейского слова **k̑uōn*, отразившегося в лат. *canis*, греч. *κύων* и т. п.[39] — в точности так же, как славянское **medvědĭ (медвѣдь)* представляет собой табуистическую замену индоевропейского слова, отразившегося в лат. *ursus*, греч. *ἄρκτος* и т. п. Равным образом исконное индоевропейское название змеи, отразившееся в греч. *ἔχις* (ср. также греч. *ὄφις*, лат. *anguis*, отражающие, по-видимому, фонетические табуистические преобразования исходной формы), оказалось вытесненным в славянских языках табуистическим названием, производным от названия земли и означающим собственно 'земной, ползающий по земле' (Гамкрелидзе и Иванов, 1984, с. 526—527; Фасмер, II, с. 100).[40] Едва ли случайно при этом то обстоятельство, что названные животные — змея, медведь и пес — мифологически ассоциируются с противником Громовержца (см. экскурс I; ср. о медведе: Успенский, 1982, с. 85 сл.).

Если согласиться с предложенной этимологией, для славянских языков можно восстановить, по-видимому, исходную форму глагола **pĭsti (пьсти)* с основным значением 'futuere'. Заметим, что в этом случае цитированные выше (§ I-3) формы типа рус. *псить*, ст.-польск. *psać*, серб.-хорв. *псовати* и т. п., вообще говоря, могут трактоваться не как отыменные глаголы (производные от существительного, восходящего к **pĭsŭ*), а как формы, непосредственно восходящие к глаголу **pĭsti*; соотнесение этих слов со словом, означающим 'пес', предстает тогда как вторичное.

[38] Отсюда, в свою очередь, Вергилий называет собаку *obscenus*, Гораций прилагает к ней эпитет *inmundus*, тогда как в «Приапее» (сборнике стихов, приписываемых Катуллу, Тибуллу, Овидию и др.) собака характеризуется как *foedus* (Келлер, I, с. 97 и 424, примеч. 65). В «Октавии» Минуция Феликса (IX, 6) собака упоминается при описании бесстыдных, кровосмесительных оргий, в которых она как бы символически принимает участие.

[39] Некоторые исследователи усматривают отражение исконного индоевропейского названия пса в таких формах, как рус. *сука* (Фасмер, III, с. 798) или болг. *куче* (Младенов, 1941, с. 264; Георгиев и др., III, с. 170).

[40] Ср., вместе с тем, отражение исконного индоевропейского названия змеи в таких словах, как рус. *уж* и *еж*. Характерно, однако, что *уж* выступает как обозначение специфической разновидности змей (при этом безопасной для человека), а не как обозначение змеи вообще и, в принципе, не как обозначение мифологического Змея, которое собственно и подверглось табуизации. Между тем, этимология слова *еж* (из слав. **ežĭ*—букв. 'змеиный') мотивирована тем, что слово это обозначает животное, враждебное змее, пожирателя змей; поэтому здесь сохраняется именно исходное, а не табуистическое название змеи. См.: Фасмер, II, с. 10; Фасмер, IV, с. 150—151; Трубачев, VI, с. 37; Гамкрелидзе и Иванов, 1984, с. 526.

II. Некоторые выводы. Вопрос о форме местоимения

1. Итак, матерная брань связана как с культом земли (см.: Успенский, 1983), так и с мифологией пса; земля выступает как объект, а пес — как субъект действия в матерном выражении. Если синхронизировать то и другое представление (т. е. если не соотносить их с разными хронологическими пластами), мы можем считать, что в основе матерной брани лежит образ пса, оскверняющего землю. Антагонистические отношения собаки и земли выразительно проявляются в украинском поверье, согласно которому «собаку, лежащую на строении или на плотине, вообще не на земле, нельзя заговорить» (Драгоманов, 1876, с. 30—31), т. е. заговор, предохраняющий от нападения собаки, оказывается недействительным, если собака не соприкасается с землей. Ср. еще белорусское выражение *выскаліў зубы як сабака на пятніцу* (Федеровский, IV, с. 361, № 9505; Гринблат, 1979, с. 298), которое представляет особый интерес, если иметь в виду соотнесенность Мокоши-Пятницы с культом Земли (см. в этой связи: Успенский, 1983, с. 54); вместе с тем, белорус. *пятніца* означает нечистую силу (Бялькевич, 1970, с. 320), и, следовательно, данное выражение может быть поставлено в связь с убеждением, что собака отпугивает нечистую силу (см. выше, § I-3.1), — поскольку нечистая сила связана с землей, выходит из земли, обе интерпретации не противоречат друг другу, но относятся, скорее, к разным пластам мифологического сознания.[41]

Замечательно в этом смысле, что греческая Геката, которая считалась вообще трехголовой, в орфической традиции изображалась с головой коня, льва и собаки, что соответствовало трем стихиям — воде, эфиру и земле: конская голова означала воду, львиная представляла эфир, тогда как голова собаки знаменовала землю (Велькер, I, с. 566, примеч. 23).[41a] Собаки играли при этом принципально важную роль в культе Гекаты — настолько, что и сама она могла считаться собакой, т. е. териоморфным божеством (Кел-

[41] Ср. в этой связи также белорусскую быличку, где место Пятницы занимает Неделя, которая оказывается в таком же отношении к собакам: крестьянин спасает Неделю от собак, которые ее преследуют, и она сообщает, что если бы не он, собаки бы ее разорвали и больше никогда бы не было «недели», т. е. воскресенья (Федеровский, I, с. 5, № 4). Пятница и Неделя явно соотнесены друг с другом, отражая, по-видимому, одни и те же мифологические представления, восходящие в конечном итоге к культу Мокоши (Успенский, 1982, с. 137).

Специфическое отношение собаки к пятнице нашло отражение, может быть, и в украинской пословице: «Пес пъятниці не знає» (или: «Чи зна пес пъятницю»! — Номис, 1864, № 540; ср.: Даль, 1904, II, с. 240); речь идет в данном случае именно об отношении к пятнице, а не вообще к постным дням — подобное отношение не распространяется, например, на среду, ср.: «Знає пес середу» (там же, № 533). Впрочем, белорусы могут считать, что «inszy sabaka pjàtnicu znaje» (Федеровский, I, с. 254, № 1271), — так или иначе, отношение собаки к пятнице является, бесспорно, отмеченным, собака и пятница определенным образом коррелируют друг с другом.

[41a] В других случаях Геката представлялась четырехголовой, с головами коня, быка, гидры и собаки: конь означал при этом огонь, бык знаменовал воздух, гидра представляла воду, собака — землю (Группе, 1906, с. 1290, примеч.) Для нас важна во всяком случае ассоциация собаки и земли.

лер, I, с. 137; Роде, II, с. 83, примеч. 3, с. 408; ср. также экскурс I); вместе с тем, Геката могла считаться дочерью Деметры, т. е. Земли. Греческая Геката и славянская Мокошь-Пятница обнаруживают вообще определенное сходство: обе они суть хтонические божества, связанные с загробным миром, с культом змей, с лунарным культом, с колдовством и т. п.; знаменательно, что почитание как той, так и другой богини совершалось на перекрестках и распутьях.[42] Связь коня с водой наблюдается и у славян (ср. обычай приносить в жертву водяному конскую голову — Успенский, 1982, с. 83, 85), и точно так же здесь прослеживается соотнесенность собаки и земли.

2. В свете всего сказанного вызывает недоумение форма притяжательного местоимения 2-го лица ед. числа *(твой)* в сочетании *твою мать* в современных русских ругательствах. В самом деле, эта местоименная форма противоречит устойчивому представлению о том, что употребляющий подобного рода ругательства бранит, в сущности, с в о ю мать, а не мать собеседника, — представлению, которое вполне согласуется с той интерпретацией слова *мать*, которая была предложена нами в первой статье настоящего цикла, т. е. в конечном счете с идеей осквернения Матери Земли (см.: Успенский, 1983, с. 46—50, 54—58).

Соотнесение матерной брани с матерью собеседника возникает, по-видимому, вторичным образом — в результате определенного переосмысления, когда матерная формула превращается в прямое ругательство, т. е. начинает пониматься именно как оскорбление (вместе с тем, матерщина совсем не обязательно функционирует таким образом, см.: Успенский, 1983, с. 36), и когда, соответственно, выражение типа *блядин сын* начинает восприниматься как матерщина (см.: там же, с. 40—41).

Если считать, что функция ругательства является вторичной для матерного выражения и что более ранней является функция проклятия, заклятия и т. п. (см.: Успенский, 1983, с. 44), притяжательное местоимение 2-го лица *(твой)* необходимо рассматривать как инновацию, связанную с утратой первоначального смысла матерщины — именно с переосмыслением ее как оскорбления, относящегося к матери собеседника. Естественно предположить тогда, что данная местоименная форма заменила какую-то другую местоименную форму: следует иметь в виду вообще, что форма матерного выражения не является канонической, обнаруживая, напротив, определенную

[42] Характерно, что в русском языке слово *пятница* может выступать как обозначение часовни или же резной иконы Параскевы Пятницы, которые ставились на перепутье, так же как и обозначение самого распутья, раздорожья (см.: Даль-Бодуэн, III, стлб. 1456; Макаров, 1828, с. 202—203; Чичеров, 1957, с. 56—57). Относительно соотнесенности собаки с луной, которая проявляется в культе Гекаты, см. вообще: Губернатис, II, с. 18—21; Миллер, 1876, с. 199—200; Баррисс, 1935, с. 38. Ср. в этой связи ходячее представление о том, что собаки лают на луну; соответственно могут объясняться цитированные выше (§ 1-4) пословицы типа украинской «Собачи голоса не идуть попід небеса» и т. п., которые понимаются, как мы видели, в связи с противопоставлением собаки и Бога.

вариативность (как правило, в пределах словоизменения), — при том, что набор лексем, входящих в состав этого выражения, оказывается более или менее стабильным.

Упоминание 2-го лица в матерном выражении по первоначальному смыслу относилось, по-видимому, к проклятию, п а д а ю щ е м у н а г о л о в у с о б е с е д н и к а. Иначе говоря, на собеседника как бы переносится ответственность за тот процесс, который выражен в матерной формуле (и, соответственно, за последствия этого процесса).

Отсюда естественно предположить, что первоначально местоимение 2-го лица было не в притяжательной форме, а в форме д а т е л ь н о г о п а д е ж а — в значении dativus ethicus (или dativus incommodi); с вероятностью следует ожидать здесь энкликтическую форму *ти*, и таким образом само выражение (в группе дополнения) гипотетически восстанавливается как *ти матерь*,[43] вместо *твою мать*: последнее выражение *(твою мать)* следует признать результатом позднейшей трансформации. Это предположение находит подтверждение в других славянских языках, где местоимение 2-го лица, действительно, представлено в форме дательного падежа (наряду с формой притяжательного местоимения, которая выступает иногда как альтернативная форма). Dativus ethicus очень близок по своему значению к dativus possessivus, что и способствовало, очевидно, переосмыслению матерной брани как ругательства, обращенного к матери собеседника; в свою очередь, местоименная форма со значением dativus possessivus естественно коррелирует с формой притяжательного местоимения.[44] Отсюда в русских ругательствах

[43] Еще в XVII в. в русских матерных ругательствах употреблялась форма вин. падежа *матерь*. Олеарий (1656) приводит выражения с *мать* и с *матерь* как альтернативные: *(je)butzfui mat* (с. 191, 195) и *butzfui matir* (с. 190). Между тем, в первом издании Олеария (1647 г.) фигурируют только формы с *матерь: (ja) butfui matir* (с. 125, 130); ср.: Олеарий, 1906, с. 186, 187, 192, 546, 547. Равным образом и Конрад Бусов для начала XVII в. цитирует исключительно формы с *матерь: gebut tfuoia matir* (глагол, по-видимому, в форме императива), *gebui matir*. . . (глагол в форме 1-го лица), *geps tfo matir* (глагол в форме прошедшего времени?) (Буссов, 1851, с. 226, 515, 574; ср. изд.: Буссов, 1961, с. 119, 173, 183, 247, 307, 319 — в печатном тексте соответствующие места заменены многоточиями).

[44] Ср., например, сербск. *јебем ти свету Петку* или словацк. *jebem ti Boha (Krista, Mariu)*, где местоименная форма *(ти, ti)* может быть опознана как форма dativus ethicus — при том, что в синтаксически параллельных конструкциях типа сербск. *јебем ти мајку* или словацк. *jebem ti (tvoju) mater (mat')* эта форма может пониматься как dativus possessivus; показательно, что в последнем случае местоименная форма дательного падежа может быть заменена на форму притяжательного местоимения. Местоимение в дательном падеже фигурирует и в древнейшем по времени фиксации матерном выражении, сохранившемся в уже цитированной болгаро-валашской грамоте: **да мѳ ебе пьс женѫ и матере мѳ** (Богдан, 1905, с. 43, № 23; Милетич, 1896, с. 51, №.12/302; ср.: Успенский, 1983, с. 44); местоимение **мѳ** в этой фразе выступает в разных значениях: в первом случае в значении dativus ethicus, во втором — в значении dativus possessivus.

Отметим еще украинское ругательство *хай тобі* (или: *твою*) *маму мордує*! (Номис, 1864, № 3763), которое явно соотносится с матерным ругательством, представляя собой, так сказать, его смягченный вариант; надо полагать, что синтаксическая структура данного предложения отражает синтаксическую структуру матерного ругательства.

форма притяжательного местоимения вытесняет первоначальную форму местоимения в дательном падеже.

Форма дательного падежа в матерном выражении непосредственно согласуется с управлением глагола *лаять (лаяти)*, который также соотносился с местоимением в дательном падеже, ср. хотя бы приводившиеся выше примеры из I-й Новгородской летописи: «лаял *ми* посадник вашь . . . назвал *мя* псом», «ваши люди *нам* лаяли, *нас* безчествовали и срамотилѣ. . .» (ПСРЛ, III, 1841, с. 83, 105); см. еще: Срезневский, II, стлб. 12.[45] Гораздо менее характерно управление винительным падежом (*лаяти кого*, наряду с *лаяти кому* — см. примеры: Дювернуа, 1894, с. 89; Сл. РЯ XI—XVII вв., VIII, с. 181)[46]. Управление винительным падежом появляется относительно поздно и связано, надо думать, именно с тем переосмыслением матерной брани, о котором уже говорилось, т. е. с переадресацией ее к матери собеседника. Двойное управление глагола *лаять* (дательный падеж, наряду с винительным) соответствует при этом вариативности формы местоимения в матерном выражении (дательный падеж, наряду с притяжательной формой), которая наблюдается сейчас в южнославянских и западнославянских языках и которая была возможна, видимо, и в русском.

III. Заключение

Подведем итоги нашего исследования (объединяющие обе статьи настоящего цикла). Матерная брань обнаруживает совершенно несомненное мифологическое происхождение и, соответственно, имеет ритуальный характер. Эта ритуальная формула оказывается более или менее устойчивой (стабильной), относительно мало изменяясь со временем; однако, с течением времени она подвергается разнообразным переосмыслениям (семантическим трансформациям), обусловленным включением в разные мифологические коды. Тем самым, те или иные аспекты восприятия и функционирования матерной брани обнаруживают принципиальную гетерогенность, соотносясь с разными хронологическими пластами. Представляется возможным произвести гипотетическую стратификацию этих пластов, отвечающих разным уровням мифологического сознания.

На глубинном (исходном) уровне матерное выражение соотнесено, по-видимому, с мифом о сакральном браке Неба и Земли — браке, результатом

[45] Ср. староукраинские выражения *лаяти матери (кому)* или *лаяти до матери (кому)*: «шляхтичь шляхтичю лаеть до мт҃ри», «хто кому мт҃ри лаеть» (Статут Казимира Великого, XV в., см.: Сл. стукр. яз., I, с. 541).

[46] Ср. аналогичное управление у лат. *oblatrare* 'набрасываться с лаем или с бранью', который также может управлять как дательным, так и винительным падежом.

которого является оплодотворение Земли. На этом уровне в качестве субъекта действия в матерном выражении должен пониматься Бог Неба или Громовержец, а в качестве объекта — Мать Земля. Отсюда объясняется связь матерной брани с идеей о п л о д о т в о р е н и я, проявляющаяся, в частности, в ритуальном свадебном и аграрном сквернословии (см.: Успенский, 1983, с. 38—40, 52), а также ассоциация ее с г р о м о в ы м у д а р о м (там же, с. 43, 61—62). На этом уровне матерное выражение имеет сакральный характер, но не имеет характера кощунственного. Оно может выступать в качестве заклятия, проклятия, клятвы, но не воспринимается как оскорбление; в этом качестве матерная брань может смыкаться, по-видимому, с ритуальным призыванием грома, имея в таком случае приблизительно тот же смысл, что и божба типа «Разрази тебя (меня) гром!», «Сбей тебя Перун!», «Солнце б тя побило!» и, вместе с тем, «Провал тебя возьми!», «Провалиться мне на этом месте!» и т. п. (см. там же, с. 62—63).

На другом — относительно более поверхностном — уровне в качестве субъекта действия в матерном выражении выступает п е с, который понимается вообще как противник Громовержца (см. выше, § I-4, а также экскурс I). Таким образом, Громовержец травестийно заменяется своим противником в функции субъекта действия — заменяется на свою противоположность, — и это переводит матерное выражение в план анти-поведения, придавая ему специальный м а г и ч е с к и й смысл (как это и вообще характерно для анти-поведения). Соответственно, матерная брань приобретает кощунственный характер. На этом уровне смысл матерного выражения сводится к идее о с к в е р н е н и я земли псом, причем ответственность за это падает на голову собеседника (см. выше, §§ II-1, II-2). Этот уровень характеризует по крайней мере эпоху общеславянского единства, но, может быть, и более раннее состояние.

На следующем — еще более поверхностном — уровне в качестве объекта матерного ругательства мыслится женщина, тогда как пес остается субъектом действия. На этом уровне происходит переадресация от матери говорящего к матери собеседника, т. е. матерная брань начинает пониматься как прямое оскорбление, ассоциирующееся с выражениями типа *сукин сын* и т. п.

Наконец, на наиболее поверхностном и профаническом уровне в качестве субъекта действия понимается сам говорящий, а в качестве объекта — мать собеседника. На этом уровне матерное ругательство начинает ассоциироваться с таким выражением, как *блядин сын* и т. п. (см.: Успенский, 1983, с. 40—41; также выше, § II-2). Выражения *сукин сын* и *блядин сын* оказываются при этом синонимичными, и, соответственно, слово *сука* на данном этапе начинает употребляться в значении 'распутная женщина' (ср. выше, § I-4.2).

Таким образом, в актуальном состоянии матерная брань синтезирует все эти пласты, и разные моменты ее функционирования отражают в реликтовом виде те или иные аспекты ее исторического развития.

Экскурс I: Пес как противник Громовержца

Центральным мотивом мифа о Громовержце является, как известно, поединок Громовержца со Змеем; таким образом, основным противником Громовержца является мифический Змей, который может представать при этом в разных своих ипостасях (см.: Иванов и Топоров, 1974). Вместе с тем, в мифологических представлениях змей и собака замещают друг друга и, соответственно, мифологический змееборец может выступать в качестве убийцы пса (Иванов, 1977, с. 191, 206—208).[47] В частности, они могут замещать друг друга в функции стража, охраняющего вход в загробный мир (см. о змее: Пропп, 1946, с. 243 сл.; Успенский, 1982, с. 58; о связи собаки с загробным миром см. вообще: Клингер, 1911, с. 243 сл.; Миллер, 1876, с. 203 сл.; Кагаров, 1912—1913, с. 573—574). Показательно в этом смысле белорусское предание о том, что собака была сторожем рая (Романов, IV, с. 168, № 24); в той же функции выступает собака в народной легенде о грехопадении (Афанасьев, 1914, с. 99—100, № 14; см. еще: Драгоманов, 1876, с. 1; Кушелев-Безбородко, III, с. 13).[48] Сходную роль играет пес в греческой и скандинавской мифологии; характерен образ Кербера, сочетающего признаки пса и змея (Блумфильд, 1905; Шольц, 1937, с. 35; Кагаров, 1912—1913, с. 574; Пропп, 1946, с. 245—246).[49] Такое же сочетание присуще и облику эриний, которые также принадлежат царству Аида; равным образом и Гидра ассоциируется как со змеем, так и с собакой (Шольц, 1937, с. 30—31, 36—37). В древнерусских лицевых Апокалипсисах встречается символическое изображение ада в виде человекообразного существа с собачьей головой (Максимов, 1975, с. 85), которое соответствует представлению ада в виде змея (Успенский, 1982, с. 58—59). Связь собаки с загробным миром нашла отражение в былине «Вавило и скоморохи»: здесь фигурирует «инишшое» царство, которым правит «царь Собака» (Смирнов и Смолицкий, 1978, с. 301—306; Кривополенова, 1950, с. 37—

[47] Точно так же в антагонистической противопоставленности Громовержцу могут объединяться змей и волк (см.: Веселовский, 1883, с. 328 сл.). Относительно мифологической соотнесенности волка и пса (отражающейся как в этимологии индоевропейского названия собаки, так и в метафорических наименованиях волка) см. при этом: Иванов, 1975, с. 389—390; Иванов, 1977, с. 187—195, 205—206; Гамкрелидзе и Иванов, 1984, с. 590—591.

[48] Ассоциация собаки и змея может проявляться и в представлениях о запредельных людях, т. е. о людях, живущих по ту сторону культурно освоенного пространства и в какой-то мере принадлежащих уже потустороннему миру. Так, в древнерусском «Сказании о Индийском царстве» сообщается, что на краю света живут «люди пол пса да пол человека. . , а иные . . . люди глава песья» (Памятники. . , 1981, с. 466). Это сообщение следует сопоставить с представлением о стране блаженных рахманов, которые, по мнению буковинских рутенов, наполовину люди, а наполовину рыбы (Яцимирский, 1900, с. 268), т. е. обнаруживают признаки змеиной породы, поскольку рыбы в народной мифологии рассматриваются как разновидность змея; ср. в этой связи русские поверья о Лукоморье — царстве, в котором люди, подобно змеям, умирают на зиму и воскресают весной (Успенский, 1982, с. 146—147).

Относительно ассоциации собаки и змея в греческой мифологии см.: Группе, 1906, с. 408—410. Характерно в этом плане, что как змей, так и собака связаны с культом Асклепия (Группе, 1906, с. 1444—1446, а также с. 947, примеч. 5, с. 1448, примеч. 7; Кагаров, 1912—1913, с. 147—150, 575).

[49] Аналогичные представления широко распространены и не ограничиваются индоевропейским ареалом (см., например: Луркер, 1969, с. 206—209; Копперс, 1930, с. 371—373; Кречмар, II, с. 225 сл.; Франк, 1965, с. 214—215). По представлениям чукчей и коряков умерший проходит через особый собачий мир, где собаки нападают на того, кто плохо обращался с ними при жизни (Богораз, II, с. 45; ср.: Крейнович, 1930, с. 52; Термер, 1957, с. 28; Кречмар, II, с. 227). Ср. в этой связи немецкое народное поверье об особом собачьем рае, который находится, по-видимому, перед обычным раем (Шлерат, 1954, с. 30—31).

42, ср. с. 142—144);[50] слово *инишшое*, несомненно, восходит к *иный*, т. е. 'иной' (СРНГ, XII, с. 206) — *инишшое цярьсво* означает, таким образом, 'иное царство' и относится к потустороннему миру.[51] Ср. в этой связи славянские представления о Змеином Царе, который обитает в ирие (вырие), т. е. в царстве мертвых (Успенский, 1982, с. 59—60, 87, ср. с. 145—146); соответственно, былинный образ царя Собаки может быть сопоставлен со сказочным образом царя Змея, который правит в тридесятом царстве (Афанасьев, 1984—1985, № 161, ср. № 164). Вместе с тем, мотив человеческих голов, насаженных на тын вокруг двора царя Собаки, объединяет этот образ с образом Бабы-Яги (ср.: Афанасьев, 1984—1985, № 104, 105, 225, ср. № 575), что и не удивительно, если иметь в виду змеиную природу Яги (см.: Успенский, 1982, с. 93—95, 101). Образ царя Собаки становится понятным на фоне индоевропейских мифологических параллелей: ближайшую аналогию к этому образу представляет греческая Геката, богиня преисподней, окруженная собаками, которая при этом могла осмысляться как собака (Шольц, 1937, с. 39—43; Келлер, I, с. 137; Клингер, 1911, с. 249; Шлерат, 1954, с. 25; ср. выше, § II-1); точно так же в индийской мифологии Яма, царь мертвых, сопровождается собаками и может представляться в собачьем облике (Губернатис, II, с. 25). Равным образом и в египетской мифологии Анубис, покровитель умерших (и бог мертвых в период Древнего царства), почитается в образе собаки или шакала или же в образе псеглавого или шакалоголового человека. Отметим еще, что в образе собаки первоначально мыслился и греческий Харон (Шольц, 1937, с. 32—33); для типологических параллелей см.: Копперс, 1930, с. 371—372; Луркер, 1969, с. 203—209; Франк, 1965, с. 214—222; Кречмар, II, с. 214, 222—224; Термер, 1957, с. 27—28.

Связь собаки с загробным миром объясняет мистические свойства собаки, в частности, ее способность предвещать смерть, а также чуять нечистую силу и т. п. (Клингер, 1911, с. 250, 259—260; Миллер, 1876, с. 202—203; Афанасьев, I, с. 733—734; Кречмар, II, с. 3, 39, 164, 169; Гюнтерт, 1932, стлб. 472—473; Луркер, 1969, с. 200; Браун, 1958, с. 191; Шольц, 1937, с. 25—27; Кулемзин, 1984, с. 160; Крейнович, 1930, с. 48—49; ср. выше, § I-3.1).[52] Соответственно объясняется и роль собаки как жертвенного животного как в индоевропейской, так и в других традициях (см. о индоевропейцах: Иванов, 1977, с. 188—197; Келлер, I, с. 137—138, 142—143; Шольц, 1937, с. 10—11, 16—22, 45; Группе, 1906, с. 803—804; Шлерат,

[50] Ср. попытки интерпретации этой уникальной былины и, в частности, образа «царя Собаки»: Алексеев, 1983, с. 63 (автор ссылается на германские легенды о псе, посаженном на царство); Хаавио, 1967, с. 238—249 (автор возводит эту былину к египетскому источнику). Некоторые параллели к данной былине из житийной и апокрифической литературы указаны Соколовым (1916, с. 113—118), однако о царе Собаке здесь не говорится. Для определения языческих истоков этого произведения любопытна самарская легенда о Вавилескоморохе, где к умирающему герою является ангел и говорит: «Тебя Бог наградил, Вавилоскоморох; ты будешь Вавило-скоморох, голубиный бог» (Садовников, 1884, с. 291).

[51] Ср. мотив «иного царства» в русских сказках (Трубецкой, 1918, с. 17; Пропп, 1946, с. 260 сл.) — так называется здесь потусторонний мир, который посещает сказочный герой.

[52] Ср. в этой связи представление о том, что душа умершего является в образе собаки (см. о славянах: Мошиньский, II, 1, с. 549, 557; Зеленин, 1916, с. 287; о других народах — Клингер, 1911, с. 247—248, 254—256; Шольц, 1937, с. 29—30, 38; Кречмар, II, с. 15, 28, 85, 165; Шлерат, 1954, с. 25—27; Луркер, 1969, с. 203—204; Франк, 1965, с. 116; Афанасьев, I, с. 732, примеч. 2; Лукина, 1983, с. 227). Не менее показательно представление, согласно которому собаки пожирают души мертвых (см. о славянах, германцах, греках, а также о палеоазиатах: Шольц, 1937, с. 31, 34; Шлерат, 1954, с. 31—32, 35); это представление отразилось, вероятно, в иранском похоронном обряде, где трупы покойников отдаются на растерзание псам (см. выше, примеч. 32); аналогичный похоронный обряд наблюдается также у тибетцев и монголов (Кречмар, II, с. 17—21, 227—229; Луркер, 1969, с. 210—211; ср. еще: Франк, 1965, с. 216—217). Относительно ассоциации собаки и смерти см. также: Клингер, 1911, с. 242 сл.; Луркер, 1969, с. 200—203; Франк, 1965, с. 168—175; Баррисс, 1935, с. 35; Кречмар, II, с. 40; Бейер, 1908, с. 419; Касарелли, 1890.

1954, с. 35—36; Баррисс, 1935, с. 34—35; Гюнтерт, 1932, стлб. 479—480; о других народах — Лукина, 1983, с. 228—229; Копперс, 1930, с. 268, 372, 382, 385—386; Кречмар, II, с. 7—8, 27—29, 39, 42—46, 65—94, 108; Франк, 1965, с. 78—99; Термер, 1957, с. 27—32).

Пес и змей могут непосредственно отождествляться в текстах. Ср., например, польское заклинание:

Święty Mikołaju, wyjm kluczyki z raju, [Святой Николай, возьми ключики из рая,
Zamknij pysk psu wściekłemu, Замкни пасть бешеному псу,
Gadowi leśnemu. . . Лесному гаду. . .]

(Котуля, 1976, с. 92, с. ср. 81; см. подробнее: Успенский, 1982, с. 51);[53]

такое же отождествление находим и в болгарском фольклоре:

Стигнаа го кучки, [Нагнали его собаки —
До три льути лами. . . Три лютых змея. . .]

(Иванчов, 1909, с. 35, № 43)

Попаднале девет кучки лами, [Прилетели девять собак змей,
Попаднале на о'ридско поле. . . Прилетели на Охридское поле. . .]

(Миладиновы, 1861, с. 43, № 40)

Характерно, что бес может являться как в виде змеи, так и в виде собаки (см., например, явление беса в образе черного пса в житии Феодосия Печерского — Усп. сб., л. 44а; для типологических параллелей см.: Браун, 1958); равным образом ведьмы, по славянским представлениям, могут оборачиваться собаками (Клингер, 1911, с. 254; ср.: Баррисс, 1935, с. 38—39). Соответственно, в Супрасльской рукописи, в мучении св. Кодрата, святой обращается к бесу, называя его одновременно «псом» и «змеем»: «бѣсъныи пьсе кръвопивыи змию» (Супр. рук., с. 115). Соответствующий текст представляет собой перевод с греческого, ср. в греческом оригинале: *μαινόμενε κύων αἱμοπότα δράκων* (см. там же).

Соотнесенность собаки со змеем как противником Громовержца может проявляться, в ряде специальных моментов. Отметим, в частности, украинское представление о псеглавцах (кинокефалах) как о людях с одним глазом: *песиголовец* — 'сказочный человек с одним глазом во лбу, поедающий людей' (Гринченко, III, с. 148; см. еще: Драгоманов, 1876, с. 2, 384); такое же представление зафиксировано и у южных славян (Мошиньский, II, 1, с. 610). Одноглазость — типичный признак змеиной природы (ср.: Успенский, 1982, с. 94), т. е. образ псеглавца соответствует в данном случае скорее облику мифологического змея, нежели собаки.

Особенно показателен мотив шерсти, играющий важную роль в мифологических представлениях о собаке: как известно, шерсть выступает как один из типичных признаков противника Громовержца, т. е. мифологического Змея (см.: Иванов и Топоров, 1974, с. 31—35, 48—54; Успенский, 1982, с. 106, 166—175). В русской народной легенде собака получает шубу от дьявола за измену, за что она проклята Богом (Афанасьев, 1914, с. 99—100, № 14; Афанасьев, I, с. 729; ср. иначе: Драгоманов, 1876, с. 1; Кречмар, II, с. 161); для типологических параллелей см.: Знаменский, 1867, с. 49; Веселовский, 1889, с. 10; Анохин, 1924, с. 18; Лукина, 1983, с. 227; Кречмар, II, с. 3—6, 8, 16—17. Связь собаки с шерстью может быть очень выразительно представлена в заговорах — в сербских заговорах, напри-

[53] Характерно, что поляки называют волка как *pies*, так и *gad*, а также *robak*, т. е. пользуются словом, обозначающим пресмыкающееся (Зеленин, II, с. 38).

мер, шерсть выступает как характерный атрибут собаки, подобно тому, как звезды являются атрибутом неба и т. п. (Раденкович, 1982, с. 46—48, 106, № 55, 57, 59, 139). Ср. поговорку: «По шерсти собаке и кличка» (чешск. «Podlé srsti psu jméno» — Даль-Бодуэн, IV, стлб. 1425; Челаковский, 1949, с. 324); эта поговорка отвечает реальной практике называния собак, сохранившейся у южных славян (Трубачев, 1960, с. 20). Показательно также *псовина* 'собачья шерсть', *псовый, густопсовый* 'мохнатый' и т. п. (Даль-Бодуэн, III, стлб. 1401). Соотнесенность собаки с шерстью отразилась в ритуальной фразеологии; отметим, в частности, польские ругательства *psia wełna, psia sierść, psia kudła* (Карлович и др., V, с. 412; Густавич, 1881, с. 154) или словенское *pasja dlaka* (Плетершник, II, с. 11), которые соответствуют русским ругательствам с упоминанием шерсти (ср.: Успенский, 1982, с. 100, примеч. 135).[54] Ритуальный смысл имела, возможно, и пословица «Пес космат — ему тепло, мужик богат — ему добро» (Даль-Бодуэн, III, стлб. 263; ср.: Адальберг-Крыжановский, II, с. 903, № 220; Федеровский, IV, с. 270, № 7113), где проявляется связь шерсти с богатством, благополучием (ср.: Успенский, 1982, с. 101—106, см. специально с. 104—105 относительно выражения *мужик богатый*).

Ассоциация пса и змея проявляется, между прочим, в мотиве л ж и, о б м а н а, приписываемом как змею, так и псу, ср. в Слове Даниила Заточника: «сългалъ еси аки песъ» (Зарубин, 1932, с. 25, ср. с. 73) или в Статуте Казимира Великого, XV в.: «. . .имееть речи солган яко пес» (Сл. стукр. яз., II, с. 140); аналогичное значение зафиксировано в старопольском: «łgać, łygać, kłamać, szczekać jako pies» (Сл. стпольск. яз., VI, с. 118), ср. белорусск. *ілжэ як сабака* (Гринблат, 1979, с. 288), *собаками подшитый* 'лукавый' (Носович, 1870, с. 598), а также пословицу: «Ni wièr saBbàccy nikòli» (Федеровский, IV, с. 269, № 7104); отметим еще чешск. *psice, psina* 'потеха, шутка', *dělat si psinu* 'разыгрывать'. Отсюда *брехать* может означать как 'лаять', так и 'лгать, обманывать'; лексика обмана вообще обнаруживает связь с мифологией Змея (см.: Успенский, 1982, с. 139—140). Восприятие пса как субъекта действия в матерном выражении позволяет объяснить, как кажется, лужицкое *jebać* ~ *jebaś* 'обманывать' (Трубачев, VIII, с. 188).

Отметим еще, что мотив гибели собак друг от друга, отразившийся, в частности, в русской пословице «Ешь собака собаку, а последнюю черт съест» (Даль, 1904, I, с. 103),[55] соответствует аналогичному представлению о змеях, специально рассмотренному Проппом (1946, с. 256—258). Достаточно характерен и образ сказочного героя в восточнославянской сказке, чудесным образом рожденного от собаки или же от коровы или кобылы (Афанасьев, 1984—1985, I, с. 479, ср. № 136, 137, 139). Мотив чудесного рождения связан вообще с противником Громовержца, который выступает у восточных славян как «скотий бог» (см.: Успенский, 1982, с. 44—48, 57, 65); на эту связь прямо указывает происхождение от коровы или кобылы, но знаменательно, что в той же функции выступает и собака.

Антагонистическая противопоставленность собаки и грозы наблюдается у немцев: по немецким поверьям, собака опасна во время грозы, поскольку в нее ударяет молния (Гюнтерт, 1932, стлб. 472); ср. совершенно аналогичное отношение к змеям у славян. Вместе с тем, такого же рода представления прослеживаются у угров, что особенно интересно для нашей темы ввиду формального сходства славянской и венгерской матерной брани (см.

[54] В русской сказке Чудо-юдо, которое едет на коне-драконе («конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебренная, хвост и грива — золотые»), бранит своего коня: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, . . . ты, песья шерсть, щетинишься?» (Афанасьев, 1984—1985, I, с. 228, № 137).

[55] Аналогичная пословица была записана в XVI в. Генрихом Штаденом: *Scabacka scabaka isiel*, т. е. «Собака собаку и съела» (Штаден, 1930, с. 99; Штаден, 1925, с. 118). Ср., вместе с тем, латинскую поговорку с прямо противоположным содержанием: «Canis caninam non est».

выше, § I-2, а также § I-3.1). Так, ханты, подобно немцам, считают собаку опасной во время грозы, полагая, что Торум посылает на нее молнии, как и на злых духов (Лукина, 1983, с. 232—233). Равным образом собака ассоциируется у угров с водной стихией (см. там же, с. 229, 233), которая связана с противником Громовержца; характерно в этом смысле, что венгры называют своих собак по имени рек или других водных бассейнов (Гюнтерт, 1932, стлб. 483; Губарнатис, II, с. 33, примеч.). Вместе с тем, обские угры приписывают облик собаки духам нижнего мира: по представлениям манси, собакоподобные демоны пожирают трупы умерших (Мункачи, 1905, с. 121).

Экскурс II: Некоторые специальные фразеологизмы, отражающие восприятие собаки

Восприятие собаки как нечистого животного обусловливает специальный запрет употреблять ее в пищу (Смирнов, 1913, прилож., с. 145, № 16); встречается даже предписание не есть гонимого псом на охоте (там же, с. 144, № 12); считается, что если ребенок съест кусок хлеба, обнюханный собакой, он заболеет болезнью, называемой «собачья старость» (Куликовский, 1898, с. 110).[56] Отсюда может объясняться выражение *собаку съесть на чем* или *на что*[57] 'познать до тонкости какую-либо науку, мастерство и т. п.', ср. также *насобачиться* 'научиться' и т. п.; эти выражения, кажется, не находят соответствия в других языках (ср.: Фасмер, III, с. 703; Михельсон, II, с. 287, № 574; Михельсон, I, с. 619, № 325). В основе данного фразеологизма, может быть, лежит представление о приобретении знания или умения через анти-поведение (поведение наоборот), имеющее колдовской смысл; см. вообще о магическом анти-поведении: Успенский, 1985, с. 227—230. В то же время, поскольку собака связана с загробным миром и, соответственно, обладает способностью чуять демонов, а также предвещать смерть (см. экскурс I), поедание собачьего мяса как бы приобщало к вещим способностям собаки (Клингер, 1911, с. 250—251, 260).[58]

Соответствующее выражение может выступать и как насмешка — так, жителей Петрозаводской и Петербургской губернии дразнили словами *боску съел* или называя их *боскоеды* (Максимов, XV, с. 235; СРНГ, III, с. 124), ср. *боска* ~ *боско* 'собака' (там же); можно предположить, что эта насмешка содержит в себе обвинение в колдовстве или язычестве. Ср. в этой связи сербский медицинский заговор:

Што урок урече,
урочица разрече.
Ко урече дететину
нек пољуби псететину.

(Раденкович, 1982, с. 335, № 527)

[56] Герцен рассказывает в «Былом и думах», как один вельможа подшутил над своими гостями, накормив их собачиной, и в какой ужас пришли гости, когда узнали об этом (Герцен, VIII, с. 242).

[57] Неупотребительное сейчас управление винительным падежом *(съесть собаку на что)* встречается у Пушкина, у Мельникова-Печерского. Ср., между тем, укр. «Собаку на сім ззіли» (Номис, 1964, № 5781).

[58] Один из героев Петрония («Сатирикон», XLIII) говорит: «De re tamen verum dicam, qui linguam caninam comedi», т. е.: «Об этом деле я скажу правду, потому что я съел язык собаки» (см.: Петроний, 1975, с. 77, 288; ср.: Покровский, 1930, с. 86—87; Клингер, 1911, с. 250—251); в подобном контексте специальное значение приобретает поедание собачьего языка. Ср., вместе с тем, латинское выражение «Linguam caninam comedit», которое применяется к тем, кто разглагольствует без меры. В обоих случаях тот, кто съедает собачий язык, как бы теряет способность управлять своей речью.

Этот же мотив нашел отражение в словацкой ритуальной песне явно языческого происхождения:

Dožal'i, dožal'i	[Дожали, дожали
tí ratkovskí ženci	Те ратковские жнецы,
ved' im uvaril'i	Ведь им сварили
kotnú suku v hrnci.	Беременную суку в котле.
Kotnú suku v hrnci,	Беременную суку в котле
z dvadsiat'ima št'enci,	с двадцатью щенками —
každému žencovi,	Каждому жнецу
po jednom št'encovi.	По одному щенку.]

(Демо и Грабалова, 1971, с. 186, № 103)[59]

Ср. еще белорусскую пословицу: «Тры нядзелі кірмаш мелі, пакуль тую сучку з'елі» (Гринблат, 1979, с. 112); слово *кірмаш* означает праздник, и можно догадываться, что и в этом случае речь идет о каком-то языческом обряде, предполагающем ритуальную трапезу. Подобный обряд отразился, по-видимому, и в полесской купальской песне:

На Ивана, на Купала
Сучка в борщ упала,
Девчата тянули граблями,
А хлопцы — зубами.

(Толстая, 1982, с. 82)[60]

Итак, выражение *собаку съесть* первоначально означало, по-видимому, такую полноту знания (или настолько совершенное умение), которое может быть достигнуто с помощью магии.[61]

Нечистота собаки объясняет, как кажется, и выражение *где собака зарыта*. Собаку как нечистое животное нельзя было зарывать в землю, подобно тому как нельзя было хоронить в земле и нечистых (заложных) покойников — нечистое тело провоцировало гнев земли, т. е. всякого рода бедствия (см.: Успенский, 1983, с. 54—55). Ср. белорусские проклятия: «Каб ты як сабака валяўся!» и, вместе с тем, «Каб цябе святая зямля не прыняла!», «Каб зямля твае косці выкідала!» (Гринблат, 1979, с. 221, 226, 209; Федеровский, IV, с. 416, 411; ср.: Номис, 1864, № 3775, 3794, а также № 3797, 3799—3801) — эти выражения предстают в принципе как равнозначные; особенно показательно в этом смысле полесское проклятие: «Шоб тоби не приняла Мать сырая Зямля — сукину дачку́» (Топорков, 1984, с. 233, № 23) — наименование *сукина дочка*

[59] Любопытно, что и Потебня (1882, с. 74) связывает рассматриваемый фразеологизм *(собаку съесть)* с работой косарей, хотя предлагаемое им объяснение нельзя признать удовлетворительным (ср.: Фасмер, III, с. 703).

[60] Собачье мясо может представлять собой ритуальное кушанье у африканских и американских аборигенов (Франк, 1965, с. 46—77; Термер, 1957, с. 18—21; Вёгелин, 1949, с. 319; Баррисс, 1935, с. 42); его едят также в Юго-Восточной Азии и Океании (Симунс, 1961, с. 91 сл.). По свидетельству Порфирия и других древних авторов, собачье мясо было вполне употребительно у греков, которые считали его полезным в медицинском отношении (Шольц, 1937, с. 9—10); употребление собачьего мяса в медицинских целях наблюдается иногда и у немцев (Гюнтерт, 1932, стлб. 481—482). Между тем, в Индии те, кто едят собачину, считаются неприкасаемыми (Падхье, 1934, с. 265—266).

[61] Данное выражение объясняют также со ссылкой на греч. *κύων* или лат. *canis*, которые могут значить как 'собака', так и 'неудачный бросок при игре в кости'; отсюда, в свою очередь, др.-инд. *śva-ghnín* 'удачливый игрок', букв. «убийца собаки» (см.: Фасмер, III, с. 703; Иванов, 1977, с. 199; Гамкрелидзе и Иванов, 1984, с. 591, примеч. 2). Объяснение это не кажется убедительным.

приобретает особую значимость в этом контексте. Соответственно, те или иные бедствия могли приписываться именно осквернению земли, в которой зарыто нечистое тело. Для того, чтобы предотвратить дальнейшие бедствия — остановить гнев земли — считалось необходимым обнаружить нечистое тело и извлечь его из земли (см., например: Зеленин, 1916, с. 84—88; Зеленин, 1917, с. 406, 409; Петухов, 1888, с. 167—168, 173—174; ср.: Смирнов, 1913, с. 271). При этом место захоронения нечистого тела было обычно неизвестно и найти его было трудной задачей; тем самым обнаружить, где собака зарыта — собака олицетворяет нечистое тело — означает: раскрыть первопричину, источник бедствия или вообще найти причину тех или иных событий.

Восприятие собаки как жертвенного животного (ср. экскурс I) отразилось, по предположению Иванова (1965, с. 288, примеч. 81; 1977, с. 200, примеч. 52), во фразеологизме *всех собак вешать (на кого)*. Этот фразеологизм соотносится, между прочим, с выражением *как собак невешанных (нерезанных)*, т. е. «много» (Михельсон, I, с. 402, № 122) — то обстоятельство, что *невешанный* и *нерезанный* выступают здесь как взаимозаменяемые формы, указывает, может быть, на различные формы обрядового заклания пса.

Цитируемые источники

Аввакум, 1960 — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Москва 1960.

Адальберг-Крыжановский, I—IV — Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło *S. Adalberga* opracował Zespół Redakcyjny pod kierunkiem *J. Krzyżanowskiego*, I—IV. Warszawa 1969—1978.

Акад. словарь, I—XVII — Словарь современного русского литературного языка, I—XVII. Москва—Ленинград 1948—1965.

Алексеев, 1983 — *М. П. Алексеев*, Сравнительное литературоведение. Ленинград 1983.

Анохин, 1924 — *А. В. Анохин*, Материалы по шаманству у алтайцев: Сб. МАЭ, IV, вып. 2. Ленинград 1924.

Арним, 1933 — *Б. фон Арним*, Принасяне кучета в жертва при царь Симеона: Български преглед 2 (1933) кн. 1.

Арх. словарь — Картотека Архангельского областного словаря, хранящаяся на кафедре русского языка Московского университета.

Афанасьев, I—III — *А. Н. Афанасьев*, Поэтические воззрения славян на природу, I—III. Москва 1865—1869.

Афанасьев, 1914 — *А. Н. Афанасьев*, Народные русские легенды. Казань 1914.

Афанасьев, 1984—1985 — *А. Н. Афанасьев*, Народные русские сказки, I—III. Москва 1984—1985.

Баррисс, 1935 — *E. E. Burriss*, The Place of the Dog in Superstition as Revealed in Latin Literature: Classical Philology 30 (1935) N 1.

Баялиева, 1972 — *Т. Д. Баялиева*, Доисламские верования у киргизов. Фрунзе 1972.

Бейер, 1908 — *Н. Beyer*, The Symbolic Meaning of the Dog in Ancient Mexico: American Anthropologist 10 (1908) N 3.

Бешевлиев, 1936 — *В. Бешевлиев*, Нѣколко бележки към българската история. София 1936 (= Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, кн. XXXII, 9).

Блумфильд, 1905 — *М. Bloomfield*, Cerberus, The dog of Hades. Chicago 1905.

Богатырев, 1916 — *П. Г. Богатырев*, Верования великоруссов Шенкурского уезда: ЭО, 1916, № 3—4.

Богдан, 1905 — *I. Bogdan*, Documente privitoare la relaţiile ţării Româneşti cu Braşovul şi cu ţara Ungurească în sec. XV şi XVI, vol. I. Bucureşti 1905.

Богораз, I—II — *В. Г. Богораз*, Чукчи, I—II, Ленинград 1934—1939.

Бойс, 1975 — *М. Boyce*, A History of Zoroastrianism: Handbuch der Orientalistik, Abt. I, Bd. VIII, Abschnitt 1, Lief. 2, H. 2A. Leiden — Köln, 1975.

Брандт, 1882 — *Р. Брандт*, О присвоенных животным собственных именах: РФВ 7 (1882) № 1.

Браун, 1958 — *Th. Brown*, The Black Dog: Folklore, LXIX, 1958, September.

Брюкнер, 1908 — *A. Brückner*, Roty sądowe polskie XV. wieku: Jagić-Festschrift, Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin 1908.
Буссов, 1851 — *Conrad Bussow*, Verwirzete Zustand des Russischen Reichs, 1584—1613. Рукопись 1851 г.: ГБЛ, Ин. 850.
Буссов, 1961 — *Конрад Буссов*, Московская хроника, 1584—1613. Москва—Ленинград 1961.
Бялькевич, 1970 — *І. К. Бялькевіч*, Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск 1970.
Вакарелски, 1977 — *Х. Вакарелски*, Етнография на България. София 1977.
Вёгелин, 1949 — *E. W. V*[*oegelin*], Dog: Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend, I. New York 1949.
Велькер, I—II — *F. G. Welcker*, Griechische Götterlehre, I—II. Göttingen 1857—1860.
Веселовский, 1883 — *А. Н. Веселовский*, Разыскания в области русского духовного стиха, VI—X. СПб. 1883.
Веселовский, 1888 — *А. Н. Веселовский*, Из истории романа и повести, вып. II. СПб. 1883.
Веселовский, 1889 — *А. Н. Веселовский*, Разыскания в области русского духовного стиха, XI—XVII. СПб. 1889.
Вильман-Грабовская, 1934 — *H. Willman-Grabowska*, Le chien dans l'Avesta et dans les Vēdas: Rocznik orjentalistyczny, VIII. Lwów 1934.
Виндегрен, 1965 — *G. Windegren*, Die Religionen Irans. Stuttgart 1965.
Ворд, 1982 — *D. Ward*, PRO-form and metaphor — PRO-form and vocative: Russian Linguistics 7 (1982) N 1.
Гамкрелидзе и Иванов, 1984 — *Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов*, Индоевропейский язык и индоевропейцы, I—II. Тбилиси 1984.
Георгиев и др., I—III — *В. И. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев.*, Български етимологичен речник, I—III. София 1962—1982.
Герберштейн, 1557 — [*S. von Herberstein*,] Rerum moscoviticarum commentarij. Antverpia 1557.
Герберштейн, 1557a — [*S. von Herberstein*,] Moscouia der Haupstat in Reissen... Wienn 1557.
Геров, I—V — *Н. Геров*, Рѣчник на блъгарскый язык, I—V. Пловдив 1895—1908.
Герцен, I—XXX — *А. И. Герцен*, Собрание сочинений, I—XXX. Москва 1954—1965.
Гильфердинг, I—III — *А. Ф. Гильфердинг* (изд.), Онежские былины., I—III. Москва—Ленинград 1949—1951.
Гнатюк, 1902 — *В. Гнатюк*, Галицько-руські народни легенди: Етнографічний збірник, XII, Львів, 1902.
Гримм, 1868 — *J. Grimm*, Geschichte der deutschen Sprache, I—II. Leipzig 1868.
Гринблат, 1979 — Выслоўі. Складанне *М. Я. Грынблата* пры ўдзеле *С. Т. Асташэвіч*. Мінск 1979.
Гринченко, I—IV — Словарь української мови. Зібрала ред. журнала «Киевская старина». Упорядкував ... *Б. Грінченко*, I—IV. Київ 1907—1909.
Группе, 1906 — *O. Gruppe*, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, I—II. München 1906.
Губернатис, I—II — *A. de Gubernatis*, Zoological Mythology, I—II. London 1872.
Густавич, 1881 — *B. Gustawicz*, Podania, przesądy, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody, cz. X. Zwierzęta: Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, V. Kraków 1881.
Гюнтерт, 1932 — *Güntert*, Hund: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Herausgegeben von *H. Bächtold-Stäubli*, IV. Berlin—Leipzig 1931—1932, col. 470—489.
Даль-Бодуэн, I—IV — *В. Даль*, Толковый словарь живого великорусского языка (под ред. *И. А. Бодуэна-де-Куртенэ*), I—IV. СПб. — Москва 1911—1914.
Даль, 1904 — *В. Даль*, Пословицы русского народа, I—IV. Москва 1904.
Демо и Грабалова, 1917 — *O. Demo, O. Hrabalová*, Žatevné a dožinkové piesne. Bratislava 1971.
Добровольский, I—IV — *В. Н. Добровольский*, Смоленский этнографический сборник, I—IV. СПб. — Москва 1891—1903.
Добровольский, 1914 — *В. Н. Добровольский*, Смоленский областной словарь. Смоленск 1914.
Дорошевский, I—XI — Słownik języka polskiego (red. *W. Doroszewski*), I—XI. Warszawa 1958—1969.
Дорошенко, 1982 — *Е. А. Дорошенко*, Зороастрийцы в Иране. Москва 1982.
Драгоманов, 1876 — *М. Драгоманов*, Малорусские народные предания и рассказы. Киев 1876.
Драммонд и Перкинс, 1979 — *D. A. Drummond, G. Perkins*, Dictionary of Russian Obscenities. Berkeley 1979.

Дрейзин и Пристли, 1982 — *F. Dreizin, T. Priestly*, A systematic approach to Russian obscene language: Russian Linguistics 6 (1982) N 2.
Дювернуа, 1894 — *А. Дювернуа*, Материалы для словаря древнерусского языка. Москва 1894.
Дюканж, I—VII — Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo Dufresne Domino Du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis S. Benedicti. . . I—VII. Parisiis 1842—1850.
Дюшен-Гийемен, 1962 — *J. Duchesne-Guillemin*, La religion de l'Iran ancien. Paris 1962.
Зарубин, 1932 — Слово Даниила Заточника . . . Приготовил к печати *Н. Н. Зарубин*. Ленинград 1932.
Зеленин, I—II — *Д. К. Зеленин*, Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии, I—II: Сб. МАЭ, VIII—IX. Ленинград 1929—1930.
Зеленин, 1914—1916 — *Д. К. Зеленин*, Описание рукописей Ученого архива имп. Русского Географического общества, I—III. Петроград 1914—1916.
Зеленин, 1916 — *Д. К. Зеленин*, Очерки русской мифологии, I. Петроград 1916.
Зеленин, 1917 — *Д. К. Зеленин*, Древнерусский языческий культ «заложных» покойников: Известия Академии наук, VI серия, XI, № 7. Петроград 1917.
Зеленин, 1930 — *Д. Зеленин*, Загадочные водяные демоны «шуликуны» у русских: Lud Słowiański, I, Kraków 1930, zesz. 2 (Dział B: Etnografja).
Златарский, 1907 — *В. Н. Златарский*, Клятва у языческих болгар: Сборник статей, посвященных . . . В. И. Ламанскому . . . , I. СПб., 1907.
Знаменский, 1867 — *П. Знаменский*, Горные черемисы Казанского края: Вестник Европы, IV, 1867, декабрь.
ЗОРСА, I—XIII — Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества, I—XIII. СПб. 1851—1916.
Иванов, 1964 — *В. В. Иванов*, Происхождение имени Кухулина: Проблемы сравнительной филологии. Москва—Ленинград 1964.
Иванов, 1965 — *В. В. Иванов*, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. Москва 1965.
Иванов, 1975 — *В. В. Иванов*, Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка: Изв. АН СССР, Сер. лит. и языка, 1975, № 5.
Иванов, 1977 — *В. В. Иванов*, Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое — убийце Пса и евразийские параллели: Славянское и балканское языкознание. Москва 1977.
Иванов и Топоров, 1965 — *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*, Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Москва 1965.
Иванов и Топоров, 1974 — *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*, Исследования в области славянских древностей. Москва 1974.
Иванчов, 1909 — *А. Иванчов*, Народни песни от Врачанско: Сб. за народни умотворения, наука и книжнина, XXV. София 1909.
Измарагд, 1912 — Измарагд. . . Москва 1912. С рукописи XVI в. Московского Румянцевского музея за номером 542.
Иностранцев, 1900 — *К. Иностранцев*. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках: ЖМНП, 1900, № 3.
Иностранцев, 1911 — *К. А. Иностранцев*, Парсийский погребальный обряд в иллюстрациях гузератских версий книги об Арта-Вирафе: Известия Академии наук, VI серия, 1911, № 7.
Исаченко, 1965 — *А. V. Isačenko*, Un juron russe du XVIe siècle: Lingua viget, Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky. Helsinki 1965.
Кагаров, 1912—1913 — *Е. Кагаров*, Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции: ЖМНП, 1912, № 10—12; 1913, № 3—4.
Камменхубер, 1958 — *A. Kammenhuber*. Totenvorschriften und «Hunde-Magie» im Vidēvdāt: Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 208 [N. F. 33] (1958) H. 2.
Каравелов, 1861 — *Л. Каравелов*, Памятники народного быта болгар, I. Москва 1861.
Караджич, 1849 — *Вук Стеф. Караџић*, Српске народне пословице. . . Беч 1849.
Касарелли, 1890 — *L. C. Casarelli*, The dog and death: The Babylonian and Oriental Research 4 (1890) N 12.
Кацаров, 1908 — *Г. И. Кацаров*, Клетвата у езическитѣ българи: Списание на българската Академия на наукитѣ, III. София 1912.
Карлович и др., I—VIII — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki*, Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa 1900—1927.
Келлер, I—II — *O. Keller*, Die antike Tierwelt, I—II. Leipzig, 1909—1913.

Клингер, 1911 — *В. Клингер*, Животное в античном и современном суеверии. Киев 1911.
Кольберг, I—XIX — *O. Kolberg*, Lud..., serya I—XIX. Warszawa—Kraków 1857—1886.
Копперс, 1930 — *W. Koppers*, Der Hund in der Mythologie der zirkumpazifischen Völker: Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Lingustik 1 (1930).
Котт, I—III — *F. Št. Kott*, Příspěvky k česko-německému slovníku zvlášte grammaticko-frazeologickému, [I]—III. Praha 1896—1906.
Котуля, 1976 — *F. Kotula*, Znaki przeszłości. Warszawa 1976.
Крейнович, 1930 — *Е. А. Крейнович*, Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии: Этнография, 1930, № 4.
Кречмар, 1938 — *F. Kretschmar*, Hundestammvater und Kerberos, I—II. Stuttgart 1938.
Кривополенова, 1950 — *М. Д. Кривополенова*, Былины, скоморошины, сказки. Архангельск 1950.
Кузьмина, 1964 — *В. Д. Кузьмина*, Рыцарский роман на Руси. Москва 1964.
Кулемзин, 1984— *В. М. Кулемзин*, Человек и природа в верованиях хантов. Томск 1984.
Куликовский, 1898 — *Г. Куликовский*, Словарь областного олонецкого наречия... СПб. 1898.
Кулишич, Петрович и Пантелич, 1970 — *Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић*, Српски митолошки речник. Београд 1970.
Кушелев-Безбородко, I—IV — Памятники старинной русской литературы, изд. *Г. Кушелевым-Безбородко*, I—IV. СПб. 1860—1862.
Лавровский, 1858 — *П. А. Лавровский*, Описание семи рукописей С.-Петербургской Публичной Библиотеки: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1858, кн. 4.
Ларин, 1959 — *Б. А. Ларин*, Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Ленинград 1959.
Ласицкий, 1615 — *Ion. Lasicii Poloni*, De diis samagitarum libellus. Basel 1615.
Ласицкий, 1969 — *J. Lasickis*, Apie žemaičių, kitų sarmatų bei netikrų krikščionių dievus. Vilnius 1969.
Лаш, 1908 — *R. Lasch*, Der Eid, Seine Entstehung und Beziehung zu Glaube und Brauch der Naturvölker. Stuttgart 1908.
Либрехт, 1879 — *F. Liebrecht*, Zur Volkskunde. Heilbronn 1879.
Лукина, 1983 — *Н. В. Лукина*, Формы почитания собаки у народов Северной Азии: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Ленинград 1983.
Луркер, 1969 — *M. Lurker*. Hund und Wolf in ihrer Beziehung zum Tode: Antaios, Bd. X. Stuttgart 1969.
Львов, 1898 — *Д. М. Львов*, Легенда о происхождении табака: Изв. Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете, XIV/6. Казань 1898.
Макаренко, 1913 — *А. Макаренко*, Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб. 1913.
Макаров, 1929 — *М. Макаров*, Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские: Труды и летописи Общества истории и древностей российских, IV/1. Москва 1828.
Максимов, I—XX — *С. В. Максимов*, Собрание сочинений, I—XX. СПб. б. г.
Максимов, 1975 — *Е. Н. Максимов*, Образ Христофора Кинокефала: Древний Восток, I. Москва 1975.
Малинка, 1898 — *А. И. Малинка*, Этнографические мелочи...: ЭО 36 (1898) № 1.
Мансветов, 1882 — *И. Мансветов*, Митрополит Киприан в его литургической деятельности. Москва 1882.
Манхардт, 1936 — *W. Mannhardt*, Letto-Preussische Götterlehre. Riga 1936.
Маньков, 1975 — Иностранные известия о восстании Степана Разина. Под ред. *А. Г. Манькова*. Ленинград 1975.
Маринов, 1981 — *Д. Маринов*, Избрани произведения, I. София 1981.
Марков, 1914 — *А. В. Марков*, Памятники старой русской литературы, I. Тифлис 1914 (Оттиск из «Известий Тифлисских Высших Женских Курсов», I).
Мещерский, 1978 — *Н. А. Мещерский*, Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Ленинград 1978.
Миладиновы, 1861 — Бѫлгарски народни пѣсни, собрани од братья *Миладиновци* Димитрія и Константина... Загреб 1861.
Милетич, 1896 — *Л. Милетич*, Нови влахобългарски грамоти от Брашов: Сб. за народни умотворения, наука и книжнина, XIII. София 1896.
Миллер, 1876 — *В. Н. Миллер*, Значение собаки в мифологических верованиях: Древности, VI, вып. 3. Москва 1876.
Михельсон, I—II — *М. И. Михельсон*, Русская мысль и речь, Свое и чужое — опыт русской фразеологии, I—II. СПб. б. г.

Младенов, 1941 — *Ст. Младенов*, Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София 1941.
Мошиньский, I—II — *K. Moszyński*, Kultura ludowa słowian, I—II. Warszawa 1967—1968.
Мошинский, 1931 — *K. Moszyński*, Pies w wierzeniach i obrzędach: Lud Słowiański, II. Kraków 1931, zesz. 1 (Dział B: Etnografja).
Мункачи, 1905 — *B. Munkácsi*, Seelenglaube und Totenkult der Wogulen: Keleti Szemle, VI. Budapest 1905.
Никифоров, 1922 — *А. И. Никифоров*, Русские повести, легенды и поверья о картофеле. Казань 1922.
Никифоровский, 1897 — *Н. Я. Никифоровский*, Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. . . в Витебской Белоруссии. Витебск 1897.
Никольский, 1885 — *К. Никольский*, О службах русской церкви, бывших в прежде печатных богослужебных книгах. СПб. 1885.
Никольский, 1900 — *Д. Никольский*, О происхождении и смысле собственных имен некоторых животных: Филологические записки, 1900, вып. 4—5.
Новг. писц. кн., I—VI — Новгородские писцовые книги, I—VI и указатель. СПб./Петроград 1915.
Номис, 1864 — *М. Номис* (изд.), Українські приказкі, прислівья и таке инше. СПб. 1864.
Носович, 1870 — *И. И. Носович*, Словарь белорусского наречия. СПб. 1870.
Олеарий, 1647 — *A. Olearius*, Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise. . . Schleßwig 1647.
Олеарий, 1656 — *A. Olearius*, Vermehrte Newe Beschreibung der Muscowitischen und Persischen Reyse. . . Schleßwig 1656.
Олеарий, 1906 — *А. Олеарий*, Описание путешествия в Московию. . . СПб. 1906.
Орт, 1913 — [F.] *Orth*, Hund: Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. . ., [Reihe I], Halbband XVI. Stuttgart 1913, col. 2540—2582.
Падхье, 1933 — *K. A. Padhye*, Dog's Status in Hindu Sacred Literature: The Journal of the Anthropological Society of Bombay 15 (1933), N 3.
Памятники. . , 1981 — Памятники литературы Древней Руси, XIII век. Москва 1981.
Панченко и Успенский, 1983 — *А. М. Панченко, Б. А. Успенский*, Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха. Статья первая: Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ 37. Ленинград 1983.
Перетц, 1902 — *В. Н. Перетц*, Легенды о происхождении картофеля: Памяти Леонида Николаевича Майкова. СПб. 1902.
Перетц, 1916 — *В. Н. Перетц*, Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев, 30 мая—10 июня 1915 года. Киев 1916.
Петрей, 1867 — *Петр Петрей де Ерлезунда*, История о Великом княжестве Московском. . . Москва 1867.
Петроний, 1975 — *Petronii Arbitri*, Satyricon. Introduzione, edizione critica e commento di C. Pellegrino. Roma 1975.
Петухов, 1888 — *Е. Петухов*, Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб. 1888.
Плетершник, I—II — *M. Pleteršnik*, Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana 1894—1895.
Подвысоцкий, 1885 — *А. Подвысоцкий*, Словарь областного архангельского наречия. . . СПб. 1885.
Покровский, 1930 — *М. Pokrovskij*, Pétrone et le folklore russe: Доклады АН СССР, 1930 (серия В), № 5.
Полесский архив — Архив Полесской экспедиции, хранящийся в Инстстуте славяноведения и балканистики АН СССР.
Поливка, 1908 — *J. Polívka*, Lidové pověsti o původu tabáku: Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin 1908.
Полосин, 1963 — *И. И. Полосин*, Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. Москва 1963.
Потебня, 1880 — *А. А. Потебня*, Этимологические заметки: *Слепород, ślepy Mazur, Сучичь:* РФВ 4 (1880) № 3—4.
Потебня, 1882 — *А. А. Потебня*, Этимологические заметки: *Он собаку съел на. . .:* РФВ 7 (1882) № 1.
Потебня, 1914 — *Ал. Аф. Потебня*, О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков 1914.
Пропп, 1946 — *В. Я. Пропп*, Исторические корни волшебной сказки. Ленинград 1946.

ПСРЛ, I—XXXVII — Полное собрание русских летописей, I—XXXVII. СПб. (Пг.,Л.)—Москва 1841—1982.
Раденкович, 1982 — *Љ. Раденковић*, Народне басме и бајања. Ниш—Приштина—Крагујевац 1982.
Рапопорт, 1971 — *Ю. А. Рапопорт*, Из истории религии древнего Хорезма. Москва 1971.
РИБ, I—XXXIX — Русская историческая библиотека, I—XXXIX. СПб. (Пг., Л.) 1872—1927.
Роде, I—II — *E. Rohde*, Psyche, Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen, I—II. Tübingen 1910.
Родосский, 1893 — *А. Родосский*, Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской Духовной Академии. . . СПб. 1893.
Романов, I—IX — *Е. Р. Романов*, Белорусский сборник, I—IX. Киев—Витебск—Вильна 1886—1912.
Садовников, 1884 — *Д. Н. Садовников*, Сказки и предания Самарского края. СПб. 1884.
Семенов, 1893 — *В. Семенов*, Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб. 1893.
Сержпутовский, 1911 — *А. К. Сержпутовский*, Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудина Слуцкого уезда Минской губернии. СПб. 1911.
Симунс, 1961 — *F. J. Simoons*, Eat not this flesh. Madison—Wisconsin 1961.
Сл. лит. яз., I—XIII — Lietuvių kalbos žodynas, I—XIII. Vilnius 1956—1984.
Славейков, 1954 — *П. Р. Славейков*, Български притчи и пословици и характерни думи. София 1954.
Славский, I—V — *F. Sławski*, Słownik etymologiczny języka polskiego, I—V. Kraków 1952—1982.
Сл. РЯ XI—XVII вв., I—XI — Словарь русского языка XI—XVII вв., I—XI. Москва 1975—1986.
Сл. стпольск. яз., I—IX — Słownik staropolski, I—VIII. Wrocław, etc. 1953—1985.
Сл. стсл. яз., I—III — Slovník jazyka staroslověnského, I—III. Praha 1958—1982.
Сл. стукр. яз., I—II — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст., I—II. Київ 1977—1978.
Сл. чешск. яз., I—VIII — Příruční slovník jazyka českého, I—VIII. Praha 1935—1957.
Смирнов, 1901 — *И. Т. Смирнов*, Кашинский словарь. СПб. 1901.
Смирнов, 1913 — *С. [И.] Смирнов*, Древнерусский духовник, Исследование по истории церковного быта. Москва 1913.
Смирнов, 1927 — *В. Смирнов*, Народные гаданья Костромского края: Четвертый этнографический сборник. Кострома 1927.
Смирнов и Смолицкий, 1978 — *Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий*, Новгородские былины. Москва 1978.
Снесарев, 1969 — *Г. П. Снесарев*, Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. Москва 1969.
Соболевский, 1910 — *А. И. Соболевский*, Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб. 1910.
Соколов, 1916 — *Б. Соколов*, О житийных и апокрифических мотивах в былинах: РФВ 76 (1916) № 3.
Соколова, 1972 — *З. П. Соколова*, Культ животных в религиях. Москва 1972.
Соколова, 1979 — *В. К. Соколова*, Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. Москва 1979.
Срезневский, I—III — *И. И. Срезневский*, Материалы для словаря древнерусского языка. . , I—III. СПб. 1893—1912.
Срезневский, 1900 — *В. Срезневский*, Сборники писем И. Т. Посошкова к митрополиту Стефану Яворскому. СПб. 1900.
СРНГ, I—XX — Словарь русских народных говоров, I—XX. Москва—Ленинград 1965—1985.
Стоглав, 1890 — Царьския вопросы и соборныя ответы о многоразличных церковных чинех (Стоглав). Москва 1890.
Супр. рук. — Супрасълски или Ретков сборник [Супрасльская рукопись]. Изд *Й. Заимов, М. Копалдо*, I—II. София 1982—1983.
Сыхта, I—VI — *B. Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—VI. Wrocław, etc. 1967—1973.
Сянь-лю, 1932 — *Chungshee Hsien Liu*. The Dog-Ancestor Story of the Aboriginal Tribes of Southern China: The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland 57 (1932).
Термер, 1957 — *F. Termer*. Der Hund bei den Kulturvölkern Altamerikas: Zeitschrift für Ethnologie 82 (1957) H. 1.

Толстая, 1982 — *С. М. Толстая*. Вариативность формальной структуры обряда (Купала и Марена): Труды по знаковым системам 15 (= Уч. записки Тартуского университета, 576). Тарту 1982.
Толстов, 1935 — *С. П. Толстов*. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен: Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10.
Топорков, 1984 — *А. Л. Топорков*, Материалы по славянскому язычеству (культ матери — сырой земли в дер. Присно): Древнерусская литература, Источниковедение. Ленинград 1984.
Топоров, 1968 — *V. N. Toporov*, Parallels to Ancient Indo-Iranian Social and Mythological Concepts: Pratidānam, ed. by *J. C. Heesterman et al.* The Hague—Paris 1968.
Топоров, 1973 — *В. Н. Топоров*, О семиотическом аспекте митраической мифологии в связи с реконструкцией некоторых древних представлений: Semiotyka i struktura tekstu, red. *M. R. Mayenowa*. Wrocław, etc. 1973.
Тредиаковский, I—III — [*В. К.*] *Тредьяковский*, Сочинения, I—III. СПб. 1849.
Трифонов, 1937 — *Ю. Трифонов*, Към въпроса за византийско-български договори с езически обреди: Изв. на българския археологически институт 11 (1937). София 1938.
Трубачев, I—XII — *О. Н. Трубачев* (ред.), Этимологический словарь славянских языков, I—XII. Москва 1974—1985.
Трубачев, 1955 — *О. Н. Трубачев*, К этимологии слова *собака:* Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, XV. Москва 1955.
Трубачев, 1960 — *О. Н. Трубачев*, Происхождение названий домашних животных в славянских языках. Москва 1960.
Трубецкой, 1918 — *Е. Трубецкой*, Иное царство и его искатели в русской сказке. Москва 1918.
Унбегаун, 1969 — *В. О. Unbegaun*, Selected Papers on Russian and Slavonic philology. Oxford 1969.
Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. Изд. *О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон*. Москва 1971.
Успенский, 1982 — *Б. А. Успенский*, Филологические разыскания в области славянских древностей. Москва 1982.
Успенский, 1982а — *Б. А. Успенский*, Царь и самозванец, Самозванчество в России как культурно-исторический феномен: Художественный язык Средневековья. Москва 1982.
Успенский, 1983 — *Б. А. Успенский*, Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (Статья первая): Studia Slavica Hung. 29 (1983).
Успенский, 1983а — *Б. А. Успенский*, Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. Москва 1983 (IX Международный съезд славистов, Доклады).
Успенский, 1985 — *Б. А. Успенский*, Анти-поведение в культуре Древней Руси: Проблемы изучения культурного наследия. Москва 1985.
Фасмер, I—IV — *М. Фасмер*, Этимологический словарь русского языка, I—IV. Москва 1964—1973.
Федеровский, I—VIII — *М. Federowski*, Lud białoruski na Rusi litewskiej, I—VIII. Kraków—Warszawa 1897—1981.
Франк, 1965 — *В. Frank*, Die Rolle des Hundes in afrikanischen Kulturen. Wiesbaden 1965.
Франко, 1892 — *I. Franko*, «Bajka Węgierska» Wacława Potockiego i «psia krew»: Wisła 6 (1892) zesz. 4.
Франко, 1895 — *I. Franko*, «Psia krew» i «psia wiara»: Lud I (1895) zesz. 4 i 5.
Хаавио, 1967 — *М. Haavio*, Suomalainen mytologia. Porvoo — Helsinki 1967.
Харлампович, 1914 — *К. В. Харлампович*, Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, I. Казань 1914.
Челаковский, 1949 — *F. Čelakovský*, Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Praha 1949.
Чичеров, 1957 — *В. И. Чичеров*, Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. Москва 1957.
Чубинский, I—VII — *П. П. Чубинский*, Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. . . Юго-Западный отдел, I—VII. СПб. 1872—1878.
Шапкарев, I—IV — *К. А. Шапкарев*, Сборник от български народни умотворения, I—IV. София, 1968—1973.
Шапкарев, 1884 — *К. А. Шапкарев*, Руссалии, древен и твърдѣ интересен български обичай запазен и до днесь в Южна Македония. Пловдив 1884.
Шереметев, 1902 — *П. Шереметев*, Зимняя поездка в Белозерский край. Москва 1902.

Шлерат, 1954 — *B. Schlerath*, Der Hund bei den Indogermanen: Paideuma 6 (1954) H. 1.
Шольц, 1937 — *H. Scholz*, Der Hund in der griechisch-römischen Magie und Religion. Inaugural-Dissertation. . . Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin 1937.
Штаден, 1925 — *Г. Штаден*, О Москве Ивана Грозного, Записки немца-опричника. Москва 1925.
Штаден, 1930 — *H. von Staden*, Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Hamburg 1930.
Щуров, 1867 — *И. Щуров*, Календарь народных примет, обычаев и поверьев на Руси: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1867, кн. 4.
Юль, 1900 — Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. Москва 1900.
Ягич, 1896 — *И. В. Ягич*, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб. 1896. Оттиск из «Исследований по русскому языку», I. СПб. 1885—1895.
Якобсон, I—VII — *R. Jakobson*, Selected writings, I—VII. The Hague, etc. 1962—1985.
Якобсон, 1950 — *R. Jakobson*, Slavic Mythology: Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend, II. New York 1950.
Якушкин, 1983 — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи *П. И. Якушкина*, I. Ленинград 1983.
Яхонтов, 1883 — *И. К. Яхонтов*, Иеродиакон Дамаскин, русский полемист XVII века. СПб. 1883.
Яцимирский, 1900 — *А. И. Яцимирский*, Румынские сказания о рахманах: Живая старина 10 (1900) вып. 1—2.

Принятые сокращения

(помимо сокращений, раскрытых в библиографии)

БАН — Библиотека Академии наук
ГБЛ — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Гос. Исторический музей
ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук (Пушкинский дом)
РФВ — «Русский филологический вестник»
Сб. МАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук»
ЭО — «Этнографическое обозрение»

«Наука как символическое описание» и «Диалектика» П. А. Флоренского

(Предисловие и примечания С. М. Половинкина)*

Предисловие к статьям П. А. Флоренского

За основу публикуемых текстов «Наука как символическое описание» и «Диалектика» принят машинописный текст, правленной рукой П. А. Флоренского. Опубликованный текст «Наука как символическое описание» под заглавием «Символическое описание» (Феникс. Сборник художественно-литературный, научный и философский. Кн. I. М., Изд-во «Костры», 1922) отличается от этой машинописи небольшой редакционной правкой, несколькими купюрами, носившими, вероятно, цензурный характер, и отсутствием сносок. Этот текст содержит ряд грубых ошибок, допущенных явно по вине редакции. В данной публикации эти ошибки исправлены по машинописи. Все купюры восстановлены. В случаях небольших расхождений опубликованного текста и машинописи принимался текст публикации.

Сохранился написанный рукой П. А. Флоренского черновик обоих текстов. Он учитывался в спорных случаях.

Сохранился черновик примечаний и два листа, где начат их беловик. Текст примечаний, составленных П. А. Флоренским, сохранен. Добавления к этим примечаниям, а также все другие добавления публикаторов, даны в квадратных скобках [. . .].

«Наука как символическое описание» и «Диалектика» пронумерованны как 1 и 2. Эта нумерация означает их место в ряду частей раздела «4. Мысль и язык» выпуска 1 книги «У водоразделов мысли»:

1. Наука как символическое описание.
2. Диалектика.
3. Антиномия языка.
4. Термин. . .

(см.: П. А. Флоренский. Мнимости в геометрии. . . М., «Поморье», 1922, с. 68).

Время подготовки и написания «Науки как символического описания» и «Диалектики» намечается следующими датами, найденными в подготовительных материалах:

1. Сохранился листок с текстом, названным «Диалектика» и помеченным «1915. III. 28. Сергиев Посад. Ночь, после подготовки к службе. — Переписываю и дополняю 1915. IV. 7. Ночь. Перед подготовкой к службе». Этот текст помещен в Приложении.

2. Сохранился лист черновика с датой «1918. III. 5. Сер[гиев] Пос[ад]».

3. Сохранился листок с пометкой «Диалектика» (1919. X. 15. Москва. «Губотднарообраз») и текстом об Апостоле Фоме, как символической фигуре философии.

* Текст подготовлен к печати С. М. Половинкиным, А. С. Трубачевым и М. С. Трубачевой.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

Машинописный текст, по которому готовилось данное издание, имеет связный характер, т. е. «Наука как символическое описание», «Диалектика», «Антиномия языка» и т. д. напечатаны единообразно в подборку друг другу и в порядке, указанном в опубликованном проспекте книги «У водоразделов мысли». Это свидетельствует о том, что эти тексты готовились как выпуск 1 книги «У водоразделов мысли», готовившейся к изданию в 1922 г. в издательстве «Поморье». Более того, было объявлено, что «Издательство „Поморье" приступило к печатанию труда П. А. Флоренского «У ВОДОРАЗДЕЛОВ МЫСЛИ» (П. А. Флоренский. Мнимости в геометрии. . . М., «Поморье», 1922, с. 68). Опубликование «Науки как символического описания» в «Фениксе» в 1922 г. подтверждает дату 1922 г. как самое позднее время готовности этого машинописного текста.

Таким образом, самые ранние из дошедших подготовительных материалов к «Науке . . .» и «Диалектике» относятся к марту 1915 г. Сохранившиеся даты на черновиках свидетельствуют об интенсивной работе над «Наукой. . .» и «Диалектикой» в 1918—1919 гг. К 1922 г. выпуск 1 книги «У водоразделов мысли» был, в основном, подготовлен к печати и, даже, начат печатанием. Эта готовность относится и к частям выпуска 1 «Науке. . .» и «Диалектике».

Идеи, лежащие в основе всего разделе «Мысль и язык», содержатся уже в первой программе лекций по истории древней философии на 1908/09 учебный год для студентов III курса МДА. В программе, составленной 25 октября 1908 г. содержится пункт: «Связь мысли и языка; закон развития языка и закон развития мысли». (Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Флоренский — профессор МДА. — «Богословские труды», Юбилейный сборник «Московская Духовная Академия. 300 лет (1685—1985)». М., Издание Московской Патриархии, 1986, с. 226).

В «Науке. . .» и «Диалектике» обсуждается проблема взаимоотношения науки и философии.

«Наука. . .» посвящена и до сих пор широко обсуждающейся проблеме «описание — объяснение». В конце XIX в. и в начале XX в. широкое обсуждение ее только начиналось. Само выдвижение этой проблемы, прежде всего, связано с именем Эрнста Маха, который сам перечислил предтеч своего тезиса «наука есть описание», называя среди них даже Ньютона. Но все же усилия именно Маха привели к широкому распространению этого тезиса среди ученых и философов. Махом и его многочисленными последователями в разных странах, в том числе и в России, наука понималась не как механическое объяснение, а как описание на основе принципа экономии мышления. В рамках механического мировоззрения объяснить явление означало построить механическую модель этого явления. Подлинной реальностью обладали лишь эти механические модели и их полная совокупность — всеохватывающий механизм вселенной. Явление полагалось требующим объяснения «неизвестным». Объяснение как бы растворяет явление в объясняющей механической модели. При этом явление в разной степени отрицается и заменяется весьма сомнительной, зачастую, механикой. В этом состоит суть «механической мифологии».

Сомнительность многих механических моделей подтверждается и следующим обстоятельством, подмеченным П. А. Флоренским. Механическое объяснение претендует на единственность предлагаемой механической конструкции, что означает аподиктичность механического объяснения. Но П. А. Флоренский прослеживает множественность механических моделей для объяснения одного и того же явления. Сейчас эту ситуацию называют проблемой множественности эквивалентных описаний, дающих совершенно различные онтологические конструкции реальности. О чем же свидетельствует этот многозначительный факт? Он свидетельствует, что «так» явления недоступно механическому объяснению. В этом выводе сходятся и Мах, и Флоренский. Доступно лишь «как если бы было так», а это свидетельствует о «фиктивности» механического объяснения, о его неизбежной гипотетичности.

Отвергнув реальность механических моделей, Мах отвергает и всякую реальность лежащую вне ощущений. Отвергнув механическое объяснение, он отверг и всякую связь науки-описания и возможной (а у Маха и невозможной) реальности, символа и символизируемого.

Что же импонировало П. А. Флоренскому в этой концепции науки как «упрощенного и упорядоченного описания»? Разрушение с этих позиций несколько столетий господствовавших, а посему и слишком самоуверенных, претензий механицизма на механическое объяснение как единственно возможного. Но симпатия к Маху по поводу его разрушительной по отношению к механицизму работы тут же сменяется у П. А. Флоренского подчеркиванием противоположности в понимании науки как описания. Кратко это различие можно выразить так:

Мах: физика = экономичное описание;
Флоренский: физика = символическое описание.

Прежде всего, у П. А. Флоренского, физика, понимаемая как описание, не должна служить ни скептицизму, ни феноменализму. Вопросы П. А. Флоренского «Что именно описывает физика?», «Какова степень метафизической значительности этого описания?», «Что означает его экономичность? ведут в сторону прямо противоположную устремлениям Маха.

Описание у П. А. Флоренского не есть отрицание реальности описываемого, его подмена. Описание и есть описание именно описываемой реальности. Наука есть описание, но о п и с а н и е с и м в о л и ч е с к о е, описание при помощи символов. В символах же сочетается и свободное творчество нашего духа и сама реальность. Вот определение символа, данное П. А. Флоренским в «Иконостасе», работе, которая писалась почти в одно и то же время с «Наукой. . .» и «Диалектикой»: «. . .обычное понимание символа, как чего-то самодовлеющего, хотя и частично условно, истинного, коренным образом ложно, потому что символ или больше этого, или меньше. Если символ, как целесообразный, достигает своей цели, то он реально неотделим от цели — от высшей реальности, им являемой; если же он реальности не являет, то значит — цели не достигает, и, следовательно, в нем вообще нельзя усматривать целесообразной организации, формы, и значит, как лишенный таковой, он не есть символ, не есть орудие духа, а лишь чувственный материал» (П. А. Флоренский. Иконостас. — «Богословские труды», № 9, М., 1972, с. 98). Здесь проявляется двойственность символа: он и «самостоятельная реальность, никак не связанная с символизируемым», и само это символизируемое.

Из этой двойственности вытекают, как указывает П. А. Флоренский, следующие опасности для познающего. Во-первых, отождествление символа с символизируемым. Так делал механицизм, отождествляя персонажи «механической мифологии» с самой реальностью. Во-вторых, опасность превращения символа в особую самодовлеющую сущность, оторванную от символизируемого. Чтобы избежать этих опасностей, необходимо, как рекомендует П. А. Флоренский, «особым усилием все время держаться сразу и при символах и при символизируемом», а также «трезвенной мыслью и жезлом железным» пасти символы. Чему же подобны эти пасомые символы? Не неким ли млекопитающим, пасущимся на пажитях близких нам реальностей и питающим млеком не только потомство свое, но и нас грешных? Но не подобна ли современная физика птице, которая взлетает, летает долго и высоко, но всегда снова возвращается на землю, и из заоблачных высей приносит странные, непонятные, порою пугающие людей вести? Не является ли символом современной физики не млекопитающее (оно по своему прекрасно красотою млекопитающего), но птица с масличным листом в клюве? А может быть все же надо приблизить физику к нашим пастбищам и требовать от нее все больше и больше молока и отучить бодаться?

П. А. Флоренский утверждает однородность описания и образа: описание есть речь, состоящая из слов, а эта речь есть сочетание конкретных образов. Таким образом, и образ, и символическое описание есть слово: «Все, растворимое сознанием, претворяется в слово». Как следствие отсюда вытекает тезис: «Физика есть язык». Таким образом, «символическое описание» в языке — единственное, на что способна физика. Дилемма «описание — объяснение» разрешается П. А. Флоренским в пользу описания. Среди явно описательных наук выделяется физика, претендующая на объяснительную значимость. Но эти претензии иллюзорны, ибо и физика есть не что иное, как описание реальности посредством «символов-слов-образов», но это описание более полное, точное и глубокое, чем в других науках. Т. е. объяснение есть некоторый вид описания.

В трактовке физики как символического описания у П. А. Флоренского можно усмотреть характерную черту неклассической физики: на устранимость субъекта из физического описания. Если классическая физика — механика в своем идеале — претендовала на объективность описания, т. е. на устранение субъекта из физической теории, то физика XX века отказалась от таких претензий. П. А. Флоренский оказался чрезвычайно чуток к этому повороту от классической физики к неклассической, но предостерегал от чрезмерной субъективизации физики.

«Наука. . .» вносит свой вклад в понимание монадологии П. А. Флоренского. Ведь его «символ-слово-образ» есть особая живая сущность, есть «сгусток, уплотнение, кристалл» описания, т. е. творимая ученым живая монада особого типа: отделившись от символизируемого, она должна удерживать в себе это символизируемое. Если этого не происходит, то символ вырождается в чувственно воспринимаемый знак. Чтобы избежать этого символотворец должен находиться в особых отношениях с символизируемым: символ — тварная монада — должен исходить и от него, и от символизируемого. Символотворец как бы освобождает путь перед символом-монадой, исходящей от символизируемого, он как бы прорубает окно, через которое видно само символизируемое. Здесь возникают особые опасности. «Символы-образы-монады» могут либо увести от реальности, от жизни, либо «присосаться к жизни и душить ее». Отношения между творцом и тварной монадой сложны и опасны.

Так понимаемое П. А. Флоренским «символическое описание» в физике сходно с творением художественных образов. Это роднит науку и искусство. И ученый, и художник стремятся добиться единства трансцендентного описанию и имманентного ему. А попытки самоустраниться и ученого, и художника из научной теории или из художественного произведения иллюзорны. Это осознано и самой современной неклассической наукой, преодолевшей классическую, и современным искусством, преодолевшим натурализм.

В начале «Диалектики» П. А. Флоренский оригинально связывает проблему «объяснение — описание» с необходимостью диалектики — существа философии — для науки. Ведь объяснение есть описание особого вида, а именно, объяснение есть точное, полное, всестороннее, связное, проникающее предельное описание. Но стремление к такому описанию и есть задача философии, а в рамках философии именно диалектики. И здесь прежде всего П. А. Флоренский указывает противоположность устремлений философии и науки. Соответствующие страницы звучат как гимн диалектике.

Если в каждой из наук господствует «условная манера», «схемостроительство из себя», самозамкнутость, то диалектика пронизана «подлинной отзывчивостью» к реальности, «умной медитацией жизни, претворяемой в текущее слово».

Если наука — «спеленутая мумия», враждебна жизни и стремится господствовать над ней, а в итоге, жизнь тащит на поводу упирающуюся науку, то диалектика — живое тело.

Если в науке символ мертв, то в философии символы оживают.

Если наука есть одностороннее описание, то диалектика есть «не одно описание, а множество таковых превращаемых одно в другое».

Если наука отрицает все, что находится вне ее, и стремится представить себя как единственно возможное, то диалектика стремится к своим пределам и далее к выхождению за свои пределы путем напряженного диалога между различными возможностями.

Если наука во всем срединна, «не примыкает к полюсам творческой силы», то философия предельна и, стремясь к полноте описания, молнией сверкает между этими полюсами.

Если наука «мелко плавает в поверхностном слое мысли, и общества», то диалектика все время углубляет пласкость своего описания.

Если наука брезгует соборной всенародностью и есть дело кружка и касты, то философия — народна, есть «прямой рост бытового жизнепонимания».

Если наука рабствует себе и стремится всех сделать своими рабами, то философия свободна и стремится освободить от рабства.

Если наука безразлична, в ней нет волнения, она приучает ничему не удивляться, что ведет к закреплению привычного, то диалектика, исходя из удивления, культивирует чувство новизны.

Если наука борется с удивлением, пытается все, вызывающее удивление, свести к простым и известным элементам, то философия есть «организованное удивление».

Удивление у П. А. Флоренского онтологично. Оно не есть просто психологическое состояние, на чем настаивали многие философы, цитируемые им. Удивление есть удивление «чем-то», удивление тайной. В удивлении всегда наличествует вопрос «Что есть ты?» И удивившая тайна такова, что она ответствует вопрошающему своим именем: «Имя есть Тайна, им именуемая». А далее следует новый вопрос и новый ответ. Вопросы и ответы ритмически чередуются. Происходит «узнавание тайны», которое и есть цель диалектики. Это «узнавание тайны» есть ряд имен — «ритм имен», — прошедших испытание вопросами. Диалектика и само философское мышление диалогично: «Этот ритм вопросов и ответов драматически символизируется в виде диалога, причем каждая точка зрения художественно воплощается отдельным лицом». Это диалогическое переживание реальности едино в себе и воплощено в единый символ, символ символов — Идею. Идея есть символ, а символ есть часть целого символизируемого, т. е. символ не есть все символизируемое, но часть. Символ, являясь частью, указует на целое символизируемое, т. е. символ указует на что-то, находящееся за его пределами. Символ не есть только символ, а сам влечет нас за свои пределы к полноте символизируемого. Будучи предметом нашей мысли, символ как предмет нашей мысли влечет нас за пределы нашей мысли к символизируемому. Здесь находится начало апофатического богословия и апофатической философии.

Таким образом, диалог не есть просто умственное упражнение, турнир, где выясняется, кто кого победил в споре, но проникающее в суть реальности словесное действо. Оно основано на том, что человек в существе своем проникающ и глубинен. И орудием этой проникающей глубинности является слово. Философия и есть выражение этой проникающей способности человека: «Философия — слово природы, слово тайны мира, слово жизни». Поверхностен лишь отрекающийся своей глубинности человек.

Предметом философии у П. А. Флоренского является «Имя имен». «Личное Имя» — символ Тайны. За этим пределом лежит богословие. Это Имя и есть объяснение Тайны мира. Так, в конечном итоге, решается прблема «описание — объяснение».

Вся философия П. А. Флоренского есть страстный порыв мысли к реальности. Этот порыв, дойдя до пределов философии, приходит к богословию Имени. Диалектическое, диалогическое понимание П. А. Флоренским природы мысли есть понимание трудности этого пути для человеческой мысли. Здесь мы находим типичное выражение русского онтологизма посредством символизма, преодолевающего западноевропейский «меонизм» (выражение Владимира Эрна), столь характерный для философии конца XIX — начала XX в.

С. М. Половинкин

Наука как символическое описание

I. В 1872 году, Эрнст *Мах*, тогда еще только выступавший на поприще мысли, определил физическую теорию, как абстрактное и обобщенное описание явлений природы.[1] Рассуждая историко-философски, это событие не было ни великим, ни даже значительным. Оно не подарило философии ни новых методов, ни новых мыслей, но общественно, в мировоззрении широких кругов, образующем собою философскую атмосферу и больших мыслителей, этот 1872-й год можно считать поворотным: в напыщенной стройности материалистической метафизики, всесильно и нетерпимо диктаторствовавший над сердцами, тут что-то хряснуло. Где-то произошла не то снисходительная улыбочка, не то смешок. И хотя, по провинциям мысли, и доныне встретишь иногда запоздалого мародера, твердящего о добрых старых временах «научного» миропонимания, однако тогда, именно тогда, начал осыпаться этот бутафорский дворец.

Послушаем свидетельство историка науки: «Французские энциклопедисты XVIII века думали, что они были недалеки от окончательного объяснения мира физическими и механическими принципами: Лаплас даже воображал себе ум, могущий предсказать ход природы на всю вечность, раз будут даны массы всех тел, их положения и начальные скорости. В XVIII веке эта жизнерадостная переоценка объема новых физико-механических идей была простительна. Это — даже освежающее, благородное и возвышенное зрелище; и мы можем глубоко сочувствовать этому выражению интеллектуальной радости, столь редкой в истории. Но теперь, по истечении столетия, когда наше суждение стало трезвее, миропонимание энциклопедистов представляется нам *механической мифологией*, не далекой от анимистической мифологии древних религий. Оба эти взгляда содержат неправильные и фантастические преувеличения неполного восприятия».[2] Направление к более полному представлению может быть результатом долгого и кропотливого исследования. «Предсказывать этот результат или даже пытаться ввести его в какое-нибудь современное научное исследование будет мифологией, а не наукой».[3] Таково беспристрастное суждение Э. *Маха*. В 1872 году оно еще только нарождалось.

Два года спустя, другой исследователь, известный своими работами и, главное, точностью своего ума, объявил задачею механики — «дать наиболее полное и возможно более простое описание движений, происходящих в природе».[4] Это был один из наиболее заслуженных физиков XIX-го века, знаменитый основатель спектрального анализа, Густав Роберт *Кирхгофф*. Но если мысли молодого Маха не встретили себе отклика, то как было замолчать определение ученого уже прославленного. Оно и вызвало ... «всеобщее изумление».[5] Сейчас нам приходится лишь изумляться этому изумлению; к тому же, понять математическое естествознание как *описание* — было не разрывом, а напротив — преемством традиции, установленной еще *Ньютоном*, подчеркнутой в 1855 году *В. И. Ранкиным*, а с 1870 года в философии развиваемой Шуппе.[6] Но не прошло и тридцати лет, как «всеобщее изумление» сменилось всеобщим же признанием. Дальнейшие труды *Маха*,[7] «Принципы механики» Гейнриха *Герца*,[8] острые анализы Пьера *Дюгема* в области истории методологии физики,[9] громкая своим общественным действием натурфилософия Вильгельма *Оствальда*,[10] высокоавторитетные высказывания красы французских математиков Анри *Пуанкаре*,[11] методологические обсуж-

дения *Клиффорда*,[12] *Сталло*,[13] *Энриквеса*,[14], моделирование Вильяма *Томсона* (лорда Кельвина),[15] хотя быть может и вопреки замыслу самого ученого, вообще самосознание физики в лице многих и многих, а с другой стороны — встречные течения философии, в особенности оффициозно провозглашенный пролетарской философией, а на деле полумистической эмпириокритицизм *Авенариуса*, *Корнелиуса*, *Петцольда*, *Карстаньена*, *Гольцапфеля*[16] и других, и по этому недоразуменному провозглашению усиленно проповедуемый умственным пролетариатом всех стран,[17] менее чем в тридцать лет, говорю, эти совокупные усилия утвердили общество в мысли, что действительно физическая теория есть не более, как символическое о п и с а н и е, «упрощенное и упорядоченное описание», хотя, кстати сказать, доныне еще отнюдь не стало ясным, чего именно описание есть физика. Различно у различных исследователей выражаемый, этот взгляд есть ныне общее место теории и методологии знания, выросших на почве исторического изучения методов физики и прочих наук, ей сродных. Доказывать описательный характер их — значит ломиться в открытую дверь. Однако, следует всячески воздержаться от спешной мысли, будто таковым признанием брошена тяжесть на чашку скептицизма и феноменализма. Ведь еще не сказано, ни — что именно описывает физика, ни — какова степень метафизической значительности этого описания, ни, наконец, — что означает его экономичность.

II. Однако, ради большей определенности дальнейшей мысли, вглядимся в начала, излагаемые Г. *Герцем*. Метод познания природы по Герцу, заключается в следующем: «. . . мы создаем себе внутренние образы или символы внешних предметов и создаем мы их такими, чтобы логически необходимые последствия этих образов были всегда образами естественно необходимых последствий изображенных в них предметов».[18] Предпосылкою возможности этого метода служит требование, чтобы существовало известное согласие между природою и нашим духом; опыт свидетельствует об осуществимости сказанного требования. «Раз нам удалось из накопленного до сих пор опыта вывести образы требуемого характера, то мы можем уже из них, как из моделей, в короткое время вывести те последствия, которые наступят во внешнем мире гораздо позже, без нашего содействия или как последствия собственного нашего вмешательства в ход вещей; так мы можем предварять факты и решения наши в настоящем соображать с достигнутым уже познанием. — Образы, о которых мы говорим, суть наши представления о вещах; они имеют *одно* общее с вещами существенное свойство, которое заключается в исполнении названного требования, но для исполнимости этого требования вовсе не необходимо, чтобы они имели еще что-нибудь общее с вещами. В действительности мы и не знаем, и у нас нет никаких средств узнать, имеют ли наши представления о вещах еще что-нибудь общее с последними, кроме того *одного* основного свойства.

Требование, чтобы последствия образов были опять образами последствий, не дает еще однозначного определения тех образов, которые мы создаем себе о вещах. Возможны различные образы одних и тех же предметов и они могут различаться между собой в различных направлениях».[19] Образы эти должны быть непротиворечащими законам мысли; существенные отношения образов должны не противоречить отношениям вещей; и, наконец, образы должны быть наиболее целесообразны. «Из двух образов одного и того же предмета более целесообразным будет тот, который будет отражать больше существенных отношений предмета, который будет, как мы хотели бы ска-

зать, более ясным. При равной ясности будет более целесообразным тот из двух образов, который рядом с существенными чертами содержит меньшее число излишних и пустых отношений, т. е. образ более простой. Совершенно избегнуть пустых отношений невозможно: они потому уже нераздельны от образов, что, ведь, это только образы и к тому же образы нашего особого духа и потому не могут не зависеть также от специальных особенностей его работы созидания этих образов».[20] Итак, образы должны быть «допустимы», «правильны» и «целесообразны». Но таковые условия могут быть соблюдены многими, весьма различными способами, и даже в самой механике, повидимому столь определенной и замкнутой в себе, Герц усматривает три, совершенно различных, системы образов, которые он называет «тремя картинами мира». *Систем* таких насчитывается три (тут не приняты в расчет новейшие течения, делающие из механики отрасль электро-динамики); однако, это не ограничивает числа отдельных *образов*. Умы «узкие и сильные», каковые признаки *П. Дюгэм* приписывает французам и немцам, стремятся сократить число образов, спаивая их по возможности в неразрывную, но мало выразительную, мало говорящую воображению цепь дедукций; умы «широкие и слабые», а так именно тот же исследователь характеризует англичан, стремятся напротив к разнообразию ярких и взаимо-независимых моделей. Версальские сады и английские парки — вот соотношение работ материковых и работ английских. Понятно, впрочем речь может быть здесь лишь о стрелениях, о пределах: внимательный анализ и в работах французских классиков открывает несвязности и противоречия, равно как и английские романтики науки не безусловно чужды той или иной системы. Но сейчас нам нет нужды говорить о свойствах работ континентальных: в преувеличенном и предельно-стилизованном виде эти работы суть именно то самое, за что нам, с детских лет, выдают сущность науки. Нам полезнее обратить взор к уму английскому, не терпящему в науке придворной чопорности и условного, задним числом наводимого единства, — к отважной мысли, показывающей себя в незаштукатуренном и неприкрашенном виде, с теми скачками, невязками, противоречиями и отступлениями, которые свойственны живой, не препарированной умственной деятельности.

Говорю — «полезнее» — не к тому, чтобы исключить из науки мышление материковое, но чтобы легче разобраться в сути научной деятельности.

III. Для английского ума, — говорит П. Дюгэм, — «теория . . . — не объяснение и не рациональная классификация физических законов, а м о д е л ь этих законов. Не для удовлетворения требований разума, а для воображения она строится. Вследствии этого она свободна от велений логики. Английский физик может построить одну модель, которая воспроизводила бы одну группу законов, и другую модель, совершенно отличную от первой, для другой группы законов, и он может это сделать даже в том случае, когда некоторые из этих законов общи обеим группам. Геометр из школы Лапласа или Ампера считал бы абсурдом давать одному и тому же закону два различных теоретических объяснения и утверждать, что правильны оба. Физик из школы Томсона или Максвелла не видит никакого противоречия, если один и тот же закон фигурирует в двух различных моделях».[21] Возьмем, как пример лекции по молекулярной динамике и волнообразной теории света, читанные гордостью Англии — Вильямом *Томсоном*, возведенным за научные заслуги в пэрство и получившим титул лорда Кельвина. Томсону надо изобра-

зить деятельность материальной молекулы в различных разрядах световых явлений. Нужно ли изобразить свойство упругости в кристаллическом теле? Материальная молекула изображается в виде восьми массивных шаров, помещенных на углах параллепипеда и связанного между собою упругими нитями. Нужно сделать доступным воображению теорию рассеяния света? Материальная молекула представляется тогда состоящей из известного числа шарообразных, концентрических оболочек, удерживаемых упругими нитями. Эфир при этом представляется однородным, несжимаемым телом, для очень быстрых колебаний твердым, для медленных действий — совершенно мягким, на подобие студня или глицерина. Круговая поляризация? Тогда молекула представляется твердой оболочкой, внутри которой быстро вращается около оси, укрепленной в этой оболочке, гиростат. Затем, вместо этой модели предлагается другая: вместо одного гиростата в оболочке помещаются два, с противоположно направленными вращениями, причем оси гиростатов соединены шарнирами. В других случаях Томсон представляет эфир как однородную несжимаемую, невязкую жидкость; вихри в этой жидкости будут тогда молекулами. Или: эта несжимаемая жидкость изображена рядом твердых шаров, связанных между собою особыми шарнирами. Или: свойства материальных тел поясняются кинетической теорией Максвелла и Тэта. За эфиром, — то признается большая вязкость, то напротив безусловно отрицается. Чтобы объяснить тяготение, призываются на помощь корпускулы Лесажа. Еще для иных целей свойства эфира иллюстрируются коробками из твердого вещества, с заключенными в них гиростатами, причем коробки эти соединены нитями из сгибаемого, но нерастяжимого, вещества. Еще в другом месте Томсон обращается к модели эфира и диэлектриков, предложенной Максвеллом: это именно род сот, стенки которых построены вместо воска из упругих тел; содержимое же ячеек — совершенная жидкость в быстром вихревом движении. И т. д. и т. д.[22]

IV. Таковы наглядные образы одного и того же. Но, может быть, еще более значительно нечто подобное в алгебраических частях английских произведений. Разверните любой классический трактат по физике, принадлежащий перу француза или немца. Вы увидите здесь последовательную цепь умозаключений, облеченных в одежду математического анализа. Трактату предпослано введение, которым устанавливаются гипотезы, связывающие опытно найденные величины, и доказывается, что действительно эти последние могут быть рассматриваемы, как величины. Алгебраический анализ имеет значение только средства, только облегчает вычисления; но суть дела всегда может быть передана в виде силлогизмов. Ничего подобного не найдем мы у физиков английских, и не каких-либо, а бесспорно гениальных и бесспорно первоклассных. Совершенно новые элементы не только не получают оправдания, но даже не определяются. К тому, что можно назвать введением, — полное равнодушие. Алгебраическая часть теории тут — не вспомогательное средство, а сама есть своеобразная модель, картина. «Она представляет собой доступный воображению ряд знаков, изменения которых, происходящие по правилам алгебры, более или менее верно воспроизводят законы подлежащих изучению явлений, как их воспроизводили бы ряд различных тел, движущихся, согласно законам механики».[23] В английских трактатах нечего искать чего-нибудь аналогичного теориям континентальных ученых, ибо в них — или чувственно-созерцаемые модели — машины, или наглядно-мыслимые математические символы, поддающиеся различным ком-

бинациям и преобразования и стоящие в сознании вместо изучаемых процессов. «Когда француз впервые открывает сочинение Максвелла, — свидетельствует гениальный Пуанкаре о гениальном Максвелле, — к его чувству восхищения примешивается какое-то чувство недовольства, часто даже недоверия... Английский ученый не стремится построить цельное, стройное и окончательное здание. Скорее он хочет как будто дать ряд предварительных и несвязанных между собой конструкций, установление связи между которыми трудно, порой даже невозможно».[24] Тут, в развитии алгебраических теорий, обнаруживается то же отсутствие порядка и метода, что и в собрании механических моделей. Дюгэм, подвергший внимательному анализу гениальный труд английского физика,[25] с чувством плохо скрытого возмущения свидетельствует о равнодушии у Максвелла ко всякой логике и даже ко всякой математической точности. «Рассуждения и вычисления, которыми многократно силится подтвердить их [свои уравнения. — П. Ф.] Максвелл, кишат противоречиями, темными местами и очевидными ошибками».[26] И вот окончательный приговор:

«Как бы она ни натягивала на себя математическую одежду, книга Максвелла об электричестве и магнетизме, еще меньше, чем книга У. Томсона «Лекции по молекулярной динамике», есть система логическая. Подобно ей, она состоит из ряда моделей, из которых каждая изображает группу законов, без всякой связи с другими моделями, служащими для изображения других законов, частью или даже вполне тех же самых. Разница только та, что эти модели состоят не из гиростатов, не из упругих нитей, не из глицерина, а из ряда алгебраических знаков. Все эти различные частичные теории, каждая из которых развивается отдельно, вне всякой связи с предыдущими, часто вторгающиеся в области, исследованные уже в других теориях, обращаются не столько к нашему разуму, сколько к нашему воображению. Это — картины, автор которых совершенно свободно выбирал объекты, подлежащие изображению, как и порядок их группировки. Что за важность, если то или другое из изображаемых лиц фигурировало уже в другой позе в другой картине? Плохой прием встретил бы логик, если бы он отнесся к этому неодобрительно. Картинная галерея не есть цепь строго логических умозаключений».[27]

V. Таков приговор. Но приговор этот, бесспорно необходимый с точки зрения французско-немецкой физики, не падает ли на голову этой последней, облиая и ее в непонимании самое себя? Да, конечно Лаплас, Ампер, Коши, Нейман, Гельмгольц и проч. — это наука. Но не правильно ли сказать и то, что скорее физику можно отставать от Фарадея, Томсона, Максвелла и проч., нежели их — от физики? И если, например, электромагнитная теория света не удовлетворяет методологическим требованиям французских физиков, то не значит ли это, попросту, что соответственные требования выражают лишь своеобразный стиль французской мысли, но отнюдь не существо физического знания. Припомним: когда-то Вольтер, как раз за ту же непринужденность величайшего гения английской — а, быть может, и мировой — поэзии, обзывал последнего варваром. Но, «варварские» драмы пережили «веков завистливую даль», а втиснутые в чопорные рамки трех единств трагедии Вольтера читаются едва ли даже историками литературы. Очевидно, и в физике не требования логической стройности определяют научную ценность какого-нибудь Максвелла, а напротив, вольности Максвелла учат о необязательности в науке внешней системы и логического порядка.

Что же, в таком случае, есть электромагнитная теория Максвелла, заложившая фундамент всей современной физики и, скажем более, всего нового понимания мира. «На вопрос, что такое теория Максвелла, — говорит Г. Герц, глубже и, притом, сочувственнее кого-либо проникший в «Treatise on Electricity and Magnetism», — я не сумел бы дать более краткого и определенного ответа, чем следующий: теория Максвелла есть система уравнений Максвелла».[28]

Но, если так, то необходимо спросить себя: каков же *смысл* этих уравнений? Простейший ответ гласит: Во-первых — включение световых явлений в область электромагнетизма, во-вторых, — *возможность* механически объяснить эту последнюю. По-видимому, теорией Максвелла уготовано величайшее торжество механическому миропониманию; хотя Максвелл и не дал самого объяснения, но зато доказал возможность его. Но это — только повидимому. И мы в этом убедимся, как скоро рассмотрим, что значит «возможность механического объяснения» чего бы то ни было.

Прежде чем объяснить физическое явление, надо установить его. Но установить — это значит опытно открыть, какие именно величины q определяют его, измерить их и связать их между собой и со временем. Эти определяющие величины называются *параметрами*; связи же их, или законы их действия, выражаются обычно дифференциальными уравнениями. Если даны дифференциальные уравнения параметров, то тем самым явление *описано*. Что же, теперь, значило бы объяснить его механически? Это значило бы придумать движения некоторой среды, будь то невесомая материя или иная, более тонкая, вроде, например эфира, и подставить их на место самого явления — так, чтобы дифференциальные связи от такой подстановки не нарушались. Определеннее: Параметры q должны быть выражены чрез пространственные координаты точек или частиц движущейся среды и, будучи преобразованы таким образом, должны соблюсти совместность дифференциальных уравнений. Но кроме того, среда наша, как именно *движущаяся*, а не вообще претерпевающая какие-либо изменения подлежит в своих движениях основным началам механики. Иначе говоря, придуманное нами движение не есть произвольная подстановка новых переменных, но есть именно механическое движение, т. е. связано законом сохранения энергии и началом наименьшего действия. Объяснять их сейчас нам нет надобности, да и некогда; достаточно запомнить, что оба эти начала опять таки суть особые математические выражения, связывающие между собою координаты, массу и время.

Но нет необходимости на самом деле подыскивать рассматриваемое движение: теоретическая физика приводит к более простому и в общих чертах производимому действию, именно к составлению двух функций U и T (U — функция q, а T — q и их производных по времени), причем U рассматривается как потенциальная, а T как кинетическая энергия придуманной нами механической системы. Если возможно придумать функции U и T, удовлетворяющие вышеуказанным условиям, то механическое объяснение занимающего нас физического процесса было бы возможно. Таков ход решения. Но каков же самый ответ? — Ответ таков: или вообще невозможно подыскать функции U и T, — и следовательно механическое объяснение принципиально исключается; или же, если возможно найти *одну* пару таких функций, то их можно образовать тогда и с к о л ь к о у г о д н о. Другими словами: *или* механическое объяснение вовсе невозможно, или оно произвольно, ибо

не допускает выбора между бесконечным множеством равноправных механизмов, и все они одинаково дают отчет в особенностях изучаемого явления. Следовательно: все объяснения *условны*, ибо всякому данному объяснению с равным правом может быть противопоставлено другое, этому — опять новое, — и так до бесконечности. Но все эти объяснения — не «*так*» явления, а лишь «*как если бы было так*», т. е. модели, символы, фиктивные образы мира, подставляемые вместо явления его, но отнюдь не объяснение их. Ведь объяснение притязает непременно на *единственность*, между тем как эти модели действительности допускают беспредельный выбор. Объяснение есть точное знание, а эти модели — игра фантазии. Объяснение аподиктично, а модели — лишь гопотетичны, и вечно гипотетичны, по природе своей обречены на вечную гипотетичность. После сказанного едва ли надо пояснять, что истинный, философский смысл «возможности механического объяснения» есть именно *невозможность*», тогда как слово «возможность» может быть употреблено в особом рабочем значении.

Максвелл начал свои исследования именно с попытки придумать механизм, подражающий электростатическим и электромеханическим явлениям. «Система его, — по суждению о ней Пуанкаре, — была странна и мало привлекательна, так как он предполагал весьма сложное строение эфира; можно было подумать, что читаешь описание завода с целой системой зубчатых колес, рычагами, передающими движения и сгибающимися от усилия, центробежными регуляторами и передаточными ремнями».[29] Впоследствии Максвелл оставил свой механизм; другие попытки в том же направлении тоже «имеют какой-то искусственный характер, неприятно поражающий наш ум».[30] Поэтому-то и пришлось от наличного объяснения обратиться к доказательству принципиальной *возможности* объяснения, а механическое исследование возможности привело к выводу, указанному выше. Он-то, вывод этот, теперь и поясняет нам психологию английского ума: физика, как сказано, есть описание, но описание это может быть воплощено и в абстрактные символы математики и в конкретные образы механики. Но механизм, как бы ни был он конкретен, притязает не объяснить, а тоже — лишь описать явления и ровно столько, сколько имеет силы описать. Несколько конструктивно несовместимых механизмов могут, однако, быть вполне единогласны в своей функции, которую они несут теоретически, — в описании, и тогда ничто не мешает нам, если вообще наш ум склонен к описыванию явлений посредством механических моделей, пользоваться этими, взаимно исключающими образами подобно тому как нет препятствий пользоваться различною аналитическою символикой. Это можно сравнить с наименованием в различных книгах, или в различных главах одной книги, одних и тех же величин разными буквами, — если бы это почему-либо оказалось подходящим или выгодным. Как буквы и их сочетания в анализе суть мысленные подстановки вместо явлений, но отнюдь не их метафизические сущности, так и в механических моделях опять-таки должно видеть не более как символы, в некотором отношении лишь, но вовсе не всеми своими сторонами, могущие заменить соответственные явления. Иначе говоря, ни математические формулы, ни механические модели не устраняют реальности самого явления, но стоят на ряду с нею, при ней и ради нее. Объяснение хочет снять самое явление, растворить его реальность в тех силах и сущностях, которые оно подставляет вместо объясняемого. Описание же символами нашего духа, каковы бы они ни были, желает углубить наше внимание и послужить осознанию предлежащей нам

реальности. Противоречия английских моделей и английских формул живо свидетельствует о желании англичан не объяснять мир, но лишь *описывать* его теми средствами, которые, по свойствам именно английского ума, наиболее берегут *его* силы, силы английского ума. Было бы крайней нечуткостью к жизни считать наиболее экономичным один единственный путь мысли, свой собственный, и не понимать, что экономичность или неэкономичность известного мысленного действия определяется не действием, как таковым, а его местом и назначением в целостной духовной деятельности данного психологического типа и даже данного мыслителя. Физика английская, по общему своему укладу, в своем бытии, так сказать в молчании исторического роста, а не только в нормах, провозглашаемых тем или иным отдельным мыслителем, менее какой-либо иной притязает на объяснение. Ей дорог сырой факт, ей дорога природа и дорого описание действительности посредством символов, избираемых всякий раз наиболее соответственно своеобразному умственному складу данного исследователя. Образно: английскому вкусу нравится дерево с его естественными волоками, незакрашенное масляной краской, нравится все возможно непосредственно добытое из земли, из леса, из моря.

VI. Действительность описывается символами или образами. Но символ перестал бы быть символом и сделался бы в нашем сознании простою и самостоятельною реальностью, никак не связанною с символизируемым, если бы описание действительности предметом своим имело бы одну только эту действительность: описанию необходимо, вместе с тем, иметь в виду и символический характер самых символов, т. е. особым усилием все время держаться сразу и при символе и при символизируемом. Описанию надлежит быть двойственным. Это достигается через критику символов. «Мы требуем от такового описания, — говорит Г. *Герц*, — чтобы оно нам ясно показывало, какие свойства приписаны образам ради допустимости их, какие — ради их правильности и какие — ради целесообразности их. Только такое знание нам дает возможность изменять наши образы, исправлять их. То, что приписывается образам ради целесообразности их, заключается в обозначениях, определениях, сокращениях, одним словом, во всем том, что мы по произволу можем добавлять и отбрасывать. То, что приписывается образам ради их правильности, заключается в тех данных опыта, которые послужили для построения образов. То, что приписывается образам ради допустимости их, дано в свойствах нашего духа. Допустим ли образ или нет, мы можем решать однозначным образом в утвердительном или отрицательном смысле, и решение наше останется правильным на все времена. Правилен ли образ или нет, тоже может быть решено однозначным образом в утвердительном и отрицательном смысле, но только решение это будет соответствовать современному (и добавим: индивидуальному в данный момент. *П. Ф.*) состоянию нашего опыта и может быть изменено с накоплением в будущем более зрелого опыта. Целесообразен ли опыт или нет, однозначно решать вообще невозможно, а относительно этого могут всегда быть различные мнения. Один образ может обладать известными преимуществами в одном отношении, другой — в другом, и только непрестанное испытание многих образов дает возможность с течением времени установить, в конце концов, образ наиболее целесообразный».[31]

Этими и может быть другими подобными мерами символический образ утверждается и связывается зараз: утверждается, как *особая* сущность, а

связывается — как сущность именно *познавательная*, — т. е. сдерживается имманентным самому описанию действительности. Тут — та же двойственность, что и в искусстве: художественным образам приличествует наибольшая степень воплощенности, конкретности, жизненной правдивости, но мудрый художник наибольшие усилия приложит, быть может, именно к тому, чтобы, преступив грани символа, эти образы не соскочили с пьедестала эстетической изолированности и не вмешались в жизнь, как однородные с нею части ее. Изображения, выдвигающиеся за плоскость рамы; натурализм живописи до «хочется взять рукой»; внешняя звукоподражательность в музыке; протокольность в поэзии и т. п., вообще всякий подмен искусства имитацией жизни, — вот преступление и против жизни и против искусства, соответствующее расплывчатости рубежей между научными образами и изучаемой действительностью. Не только оживающий портрет (Гоголь) или отделившаяся тень (Андерсен), но и материализовавшаяся схема науки, вроде например «Système du Monde», «Kraft und Stoff»,[32] или общественного класса, самоопределившись, могут присосаться к жизни и душить ее. Право на символотворчество принадлежит лишь тому, кто трезвенной мыслию и жезлом железным пасет творимые образы на жизненных пажитях своего духа. Не виртуозность разработки, но аскетическое трезвение в самом буйстве творческих порывов есть признак истинного творчества.

Но что же значит эта обузданность образа, наук ли, искусств ли? Как возможно образу не обращаться в трансцендентный описанию предмет, но быть имманентным знанию орудием его? О чем свидетельствует эта нерушимая связанность образа и описания? — О чем же ином, как не об *однородности* описания и образа. Иными словами, самое описание есть образ или система образов, но взятые критически, т. е. именно как образы; и, обратно, образы, содержимые в описании, суть не что иное, как сгустки, уплотнения и кристаллы того же описания, т. е. самое описание, но предельно живое и стремящееся уже, — вот-вот, к самостоятельности.

Действительно: Описание, как *речь*, состоит из *слов*. Но слова суть прежде всего конкретные образы, художественные произведения, хотя и в малом размере.[33] Каждому слову, а равно и сочетаниям их, непременно соответствует некоторая наглядность, и эта наглядность, в сути дела, ничем не отличается от образности физических моделей или математических символов. Если же привычка и беглость мысли при пользовании словами не дают нам задержаться на каждом из них и отчетливо насладиться художественностью их, в их отдельности, то привычка же и беглость мысли, многократно ходившей одними и теми же путями, стирают и пластику самых образов, например, механических моделей, размывают их отчетливость, обесцвечивают их красочность; тогда же за образами остается лишь их служебно-вспомогательная должность. Научное описание — подобно морскому валу: по нему бегут волны, возбужденные проходящим пароходом; поверхность этих изборождена колебаниями от плавников большой рыбы, а там друг по другу, — все меньшие и меньшие зыби, включительно до мельчайшей, может быть микроскопической, ряби. Так и описание: основные образы, распределяющие главные линии этой живописи словами, состоят из образов второстепенных, те, в свой черед, — опять из образов, и так далее. Основной ритм осложняется вторичными, те — третичными, а все же они, осложняясь и сплетаясь, образуют сложную ритмическую ткань. Итак: если принять за исходную точку наших рассмотрений *образ*, то и все

описание действительности окажется пестрым ковром сплетающихся образов.

Но, впрочем, можно исходить и из описания, как такового. Чем же тогда представятся образы и символы?

Всякий образ и всякий символ, как бы сложен и труден он ни был, *мы называем*, и следовательно, уже по этому одному он есть *слово*, входит в описание, как слово, да и не мог бы войти иначе. Далее, каждое из этих слов может быть раскрыто: образ описуем, математический символ поясним и определим. Значит, вместо образов и символов могут быть подставлены *их* описания, своим чередом несущие в себе образы и символы, каковые опять-таки могут быть раскрыты подстановкой на место их соответственных им описаний. И так — далее. Каждый символ и каждый образ высшего порядка может быть заменен описанием его, чрез образы и символы низшего порядка, включительно до первичных описаний — предложений. Во всей науке нет решительно ничего такого, каким бы сложным и таинственным оно не казалось, что не было бы сказуемо с равной степенью точности, хотя и не с равным удобством и краткостью, — и словесною речью. Физика описывает действительность дифференциальными уравнениями и другими, тому подобными, формулами. Но нет такого дифференциального уравнения, как нет и какой угодно другой такой математической формулы, которые не могли бы быть рассказаны. Нет и быть не может. Точно так же нет такого механизма, как бы неимоверно сложен он ни был, который не мог бы быть описан словами. Нет и быть не может. Дар слова есть дар всепременимый, и область слова — не менее области сознания, если только не более. Все, растворимое сознанием, претворяется в слово.

Если исходить из о т д е л ь н ы х с л о в, построяющих речь, из Wörter, из mots, то физика есть образы и символы, системы образов и символов, система систем образов и символов, система систем систем и т. д. и т. д., т. е. в предельном счете — слова и сочетания слов. Если же отправляться от слов в их связности, точнее — от связности слов, от *непрерывной речи*, расчленяющейся на слова, т. е., иначе говоря, если основою взять *Worte*, *paroles*, то физика оказывается тогда описаниями, системою описаний, системою систем описаний, системою систем систем и т. д. и т. д.; предельно же в физике тогда надо видеть речь и сочетание речей. Оба угла зрения на язык антиномически сопряжены: как бы далеко ни шел анализ языка, всегда он — и слово (даваемое предложением) и предложение (состоящее из слов).[34] То, что говорится о языке вообще, дословно повторяется и о физике в частности. Под обоими углами зрения, *физика есть ничто иное, как язык*, и не какой-либо, не выдуманный, а тот самый язык, которым говорим все мы, но только, ради удобства и выгоды времени, — в известной обработке.

VII. Мы пришли к формуле: «Физика есть описание», откуда возникла другая формула: «Физика есть язык». Однако, стоило ли тратить усилия, имея предметом доказательства существо отдельной науки. Так молчаливо спрашиваете Вы, — по крайней мере должны бы были спросить. И Вы правы в своем сомнении, если только не приметили, что путь наш — доказательство a fortiori, что применимый к физике, он тем более относится ко всякой другой науке, а потому — и к целостной науке, как связной деятельности мысли. Ведь, по всеобщему признанию, физика есть типический образец точности, естественная наука по преимуществу. Никому и в голову не приходило усумниться, подлинно ли в физике нужно видеть передовую волну математи-

ческого естествознания, и потому — наибольшую объяснительную силу, — буде таковая вообще признается за наукой. Физико-химия, химия, астрономия, минералогия, динамическая геология, метеорология, психо-физиология, психология и морфология — все эти науки имеют в себе возрастающую степень явной описательности; не предвидится отрицания их описательной стороны. Но если в них усматривается еще сторона объяснительная, нисходящая в степени, то, кажется, таковая вполне разрешается в соответственную меру вторжения физики в ряд этих наук. Никто не будет возражать против мысли об участии физики в деятельности астрономии, химии, минералогии и даже наук биологических, по преимуществу — физиологии. И едва ли можно спорить, что за вычетом этого именно, объяснительного, участия в них физики, останется чистое описание, явное описание морфологии в самом широком смысле слова, если науку о строении чего бы то ни было, будь то звездные миры и мельчайшие организмы, назвать в широком смысле морфологией. Физика есть не только царица наук, по своему месту и развитию, но и основная материя науки, по тому участию во всех естественно-научных дисциплинах, к которому она единодушно призывается специалистами областей самых разнообразных. Однако, физика-то, последнее прибежище объяснительных притязаний, оказывается сама чистым описанием, ничем существенно не преимуществующим над прочими науками, тоже описаниями, но по явности своей описательности уже не нуждающимися в сложном методологическом разборе обсуждаемой здесь стороны.

Может быть вопрос о сравнительной степени точности и тонкости описаний физики и описаний других наук. Подлежит обсуждению и различие их предметов или, иначе говоря, тех линий и плоскостей, по которым разрезывается действительность задачами той или иной науки. Необходимо, далее, сопоставить сравнительные глубины залегания, которыми определяются плоскости различных наук. В перечисленных здесь и во многих иных смыслах могут быть, наконец, разрабатываемы различные классификации наук. Но всегда останется общее основоначало всех наук — именно то, неотделимое от существа их, что все они суть *описания* действительности. А это значит: все они суть *язык и только язык*. Так мы подошли к острому афоризму аббата Кондильяка: «Une science n'est qu'une langue bien faite — всякая наука есть лишь хорошо обработанный язык»,[35] что в смягченном виде повторил и Дж. Ст. Милль, заявив «язык есть catalogue raisonné понятий всего человечества».[36]

Диалектика

VIII. Наука — язык. Откуда же, однако, ходячее слово «*объяснять*»? Если наука не объясняет, то кто же и что же объясняет? Иль самое слово «*объяснять*» пусто? Но возможно ли пустое слово? Возможно ли слово ничего не значущее? Разве слово не есть *Λόγος* — деятельность и явление разума? И если «мысль есть язык», то разве ложно обратное, «язык есть мысль».[37] — Конечно, нет.

Питаясь от того же широкого лона, что и Наука, слово «*объяснять*» имеет жизнь. Но тогда, если оно не пусто, — пустым же не может быть

слово, — то Наука, как описание, и наука, как объяснение, — не разное, но одно. Однако, описание есть самый язык; значит, «объяснять» не может быть ничем иным, как модусом слова «описывать». Объяснить — это тоже описать, но описать в некотором особливом смысле. Точность описания, широта его, проникновенность и связность — в таких признаках видим мы объясняющую деятельность Науки. Объяснительность — лишь свойство описания; объяснение — не иное что, как описание же, но особое, особой уплотненности, особой проникновенной сосредоточенности, — описание любовно вдумчивое. Наука — язык; объяснительное же в Науке — особый чекан языка, особое его строение, степень его плотности. Гений есть внимание.[38] Впрочем, уж давно понято, что суть объяснения — в широте его охвата и в связности. «Раз какой-нибудь факт известен со всех своих сторон, то именно тем самым он объяснен, и задача науки завершена»,[39] отрезал злосчастный основатель термодинамики Юлий Роберт М а й е р. Но если так, то «объяснить» в точном смысле слова — это значит дать описание всестороннее, т. е. исчерпывающе полное или предельное.

IX. Так рассеиваются сами собой недоумения о философии. Если философия не объясняет, — спрашиваешь сам себя, — то что же она делает? Но да, она объясняет; если хотите, она одна и объясняет, в точном смысле слова, ибо она одна стремится к все-связному, *все*-стороннему познанию действительности. Бытовое жизнепонимание бессвязно и непоследовательно: аметодично; у него нет ни определенного предмета, ни определенной точки зрения. Смешивая все предметы и все возможные точки зрения, по произволу меняя один на другой и переходя с одной на другую, не отдавая себе отчета в своей подвижности и неопределенности, житейская мысль владеет полнотою всесторонности, но в этой полноте нет порядка, нет формы, а потому нет самоотчетности. В нем — *все* есть, все возможное богатство мысли. Но нельзя распознаться в этом богатстве, трудно, а порой — и недостижимо, отыскание требующегося, вот сейчас, предмета или угла зрения. Житейскою мыслью в с е объяснено, уже объяснено, и она ни в чем более не нуждается. Однако, объяснено — где-нибудь и к а к-нибудь, — г д е же и к а к именно — найдешь лишь случайно. Такое жизнепонимание подобно огромной библиотеке, не только не имеющей каталога, но и не расставленной по плану.

X. Против этой аметодии борется наука. Неопределенное множество предметов она отбрасывает, оставляя один, или ограничиваясь узким кругом некоторых определенных, и сжимая кругозор железным кольцом допущенного. Сдвиги и перемещения мысли она возбраняет, приставляя к наблюдателю железный головодержатель и на глаза одевая шоры. Метод науки — просеивать житейское мировоззрение и, оставляя лишь очень определенный подбор его обрывков, остальное объявлять за пределами своей области, а потому — и вне закона, по крайней мере, с в о е г о закона, закона этой именно отдельной науки. Каждая отдельная наука по-своему производит такой отбор и такую задержку мысли; от метода одной науки нет моста к методу другой. Области наук отрезаны друг от друга. Между науками нет связи.*

* Карандашом вписана незаконченная фраза «Не случайность этого».

На самом деле нет поэтому и Науки, а есть лишь много наук, самым существом своим отрицающих друг друга. Но все они имеют одно общее, — это именно: взаимное отрицание. Их общее — безусловная, методологическая, а потому и методическая, нетерпимость к тем предметам и тем центрам перспективы, которые не соответствуют задачам данной науки. Каждый данный метод, т. е. каждый данный способ ограничения кругозора и установки неподвижной точки, мыслится под категорией единственности: в этом его суть. Каждая данная наука в данном ее, здесь и теперь, состоянии, мыслится единственной. Эта-то «единственность» каждой науки и образует общую форму всей научной деятельности, в силу чего мы получаем право говорить о Науке. Однако, эта единственность — только категория, только прием мысли. Всякий раз и непрерывно самая жизнь сбивает науку с занятой позиции и обнаруживает — как бедность очерченной области, так и принужденную искусственность избранной точки зрения. Самая жизнь, говорю, размывает те насильственные плотины, которыми науке хотелось бы стеснить ее. Но наука, упорная в избранном принципе, в ответ на такой размыв своих сооружений, спешит приспособиться как-нибудь поудобнее к обнаружившимся запросам жизни, наново описывает замкнутую черту своего кругозора и вновь занимает определенную точку зрения. И содержание и форма науки этим изменяется; в сущности наука сбита именно с начала своей узости и недвижности, ибо она думала остаться в избранной ею области и на занятой точке зрения, но фактически оказалась вынужденной изменить как ту, так и другую. Но, гордая, она не сознается в своем крахе. Фактически уступив свою наличность, она еще упрямее держится *замысла* господствовать над жизнью, хотя и вынуждена довольствоваться чисто-формальной общностью прежней и новой своей позиции. Не считаясь с действительным изменением и перемещением того, что по сути ее требований должно было остаться неизменным и недвижным, она выдает за свою неизменность и недвижность — неизменность и недвижность голого с в о е г о т р е б о в а н и я этой неизменности и недвижности жизни. Жизнь меняет науку, эта перемена совершается вопреки ее строго-консервативной сущности. Жизнь тащит на поводу упирающуюся науку. И ход ее, исключаемый ее природою, ход насильственный, столь же непреднамеренный, как и самая жизнь, ее влачащая. История науки — не разматывание клубка, не развитие, не эволюция, а ряд больших и малых потрясений, разрушений, переворотов, взрывов, катастроф. История науки — перманентная революция. Но в этом ряде толчков, в этой постоянной ломке науки упорно пребывает *нечто:* ее *требование* метода, ее *требование* неизменности и ограниченности. Тощая и безжизненная, как сухая палка, торчит наука над текущими водами жизни, в горделивом самомнении торжествует над потоком. Но жизнь течет мимо нее, и размывает ее опоры. Из года в год по-новому устраиваются приблизительные и эфемерные осуществления неизменности и недвижности. Чреда этих паллиативов, этих мнимых побед над жизнью, снизанных притязанием быть о д н и м и тем же, называется историей науки. «Думал о фикции и о науке, — записывает в своем «Дневнике» Гете 10-го июня 1817-го года. — Ущерб, который они приносят, проистекает исключительно из потребности рефлектирующей способности суждения, которая создает себе какой-нибудь образ, чтобы использовать его, а потом конституирует этот образ, как нечто истинное и предметное, вследствии чего то, что некоторое время оказывало помощь, становится в дальнейшем вредом и помехою».[40]

XI. Беспорядочному богатству и жизни неустроенной противостоит упорядоченная пустота и смерть. Если «объяснить» — это значит исчерпывающе описать, то ни в житейском мировоззрении, ни в научной систематичности *нет* объяснения. И его бы *вообще* не было, если бы метод, как таковой, существенно исключал богатство и жизнь. К счастью, эта-то их непримиримость не только не доказана, но и опровергается фактом: существует философия, — и значит связность совместима с полнотою. Существует философия — значит описание может быть жизненным. Философия есть — и мертвящий метод науки теряет свою железную жесткость. Этого достигаем посредством *времени*. «Volentem ducunt fata, nolentem trahunt — согласного Рок ведет, несогласного — тащит».[41] Влекущий Рок есть Время. Время влачит упрямящуюся Науку. Время разбивает ее скалы. Время рушит каждое данное осуществление ею своего метода. Время влачит. Но разве нельзя полюбить самый Рок, — и Время сделать методом? Подруки тогда оно поведет, — туда, куда мы определили. Тогда Время станет стимулом жизни и успеха. Не бурным Бореем будет завывать тогда едкое Время, — атласным Зефиром заластится к мысли.

Время, во-вне стремящееся, размывает и уничтожает. Но внутрь вобранное, оно подвигает и животворит. Признать неправду Науки — значит сказать «д а» Времени, сказать «д а» Жизни, т. е. сделать Время, сделать Жизнь своим методом. Сказать же «*да*» Жизни — значит оживить мысль. Тогда застывшие члены разгибаются, и, развернув крылья, поддуваемая Временем, мысль воспаряет над миром. Сократ впервые сознательно обратился к этому методу. Но испуганно встретили современники живую мысль. Платон оставил нам выразительное свидетельство об их растерянности: имею в виду беседу Сократа с Евтифроном. Бедный прорицатель уж совсем растерялся от вопросов своего собеседика, но этот последний не отстает и требует определения. «Скажи прямо», — вынуждает *Сократ*. Евтифрон: «Не знаю я, Сократ, как тебе сказать то, что я думаю. Кружится как-то около нас все, что мы предположим, и не желает стоять там, где мы его утвердим».
Сократ: «На изделия моего предка Дедала похоже то, что ты говоришь, Евтифрон [— Легендарный ваятель Дедал, по преданию, первый начал делать статуи с открытыми глазами и отделять ноги от туловища; статуи Дедала казались совсем живыми, — их привязывали, чтобы они не убегали. — *П. Ф.*]; и если бы это были мои *слова* и положения, то ты вероятно сострил бы на мой счет, что вот и у меня, по родству с ним, мои словесные изделия тоже убегают и не хотят стоять там, где их поставят; но теперь ведь это твои собственные предположения, так уж острота-то не годится. Это у тебя, они не хотят оставаться на месте, как и самому тебе кажется».
Евтифрон: «А мне, Сократ, кажется, что эта же острота подходит приблизительно и к моим словам, потому что не я вложил (в них) эту способность — расхаживать и не стоять на том же месте, а ты-то вот и есть этот самый Дедал, как мне кажется. Уж у меня-то они так бы себе и оставались на месте».
Сократ: «Так уж я, мой друг, пожалуй буду посильнее в искусстве, чем он, в том отношении, что он-то, делал подвижными только свои собственные изделия, а я, кроме своих, повидимому также и чужие. И разумеется самая-то тонкость моего искусства в том, что я не волён в нем: ведь чтобы мысли мои твердо стояли на месте, — этого я желал бы больше, чем обладать не только что искусством Дедала, но и богатством Тантала».[42] Так оживают символы

действительности. Иначе говоря, так возникает д и а л е к т и к а. (Этимологическое изъяснение слова диалектика.)*

Философия, в самом существенном отрицает метод науки — отрицает и борется с ним и плавит его неподвижность жаром своего Эроса к подлинно — сущему. В противоположности мысли, которая твердо «стоит» и «недвижна», и мысли, которая «убегает и не хочет стоять, где ее поставили» указывается несовместность Науки и Философии. Эта несовместность есть непримиримость условной манеры и подлинной отзывчивости, непримиримость рабства и свободы, непримиримость спеленутой мумии и живого тела. Философия может кротко перенести простое *отсутствие* метода в житейском воззрении; но она беспощадна к *искажению* жизни в методе Науки. Философия протягивает руку помощи первому; но Науку она может только осаживать в ее горделивом притязании, и не раньше прекратит враждебные действия, чем ее, рабскую, приведет в рабство. Рабство Науки — в ее схемостроительстве из себя: не ведая нищеты духовной, она ослеплена маревом собственных творений и себе рабствует, рабствуя же себе, враждебна жизни. Наука враждебна жизни. Но враг врага жизни, философ, через отрицание отрицания, возвращается к жизни. Наука во всем серединна, задерживаясь на линии безразличия, и потому не приникает к полюсам творческой силы: ни жизнь природы, ни волнение личности в глубинах своих не доступна ей. И то же происходит в отношении широты своего распространения: брезгуя соборною всенародностью она боится и затвора самопознания, и лишь мелко плавает в поверхностном слое как мысли, так и общества. Наука — всегда дело кружка, сословия, касты, мнением которых и определяется; философия же существенно народна. Философия есть прямой *рост* бытового жизнепонимания, его непосредственная обработка, его любимое чадо. Как и родитель ее, она существенно требует неопределенной, бесконечной, целокупной полноты своей области; как и житейское воззрение, философия требует живого, т. е. движущегося наблюдателя жизни, а не застылой условной неподвижности. Философия, короче, утверждает богатство и жизнь, соглашаясь с наукою лишь в необходимости *пути*. Философия не довольствуется ни одной степенью описания, стремится к большей и большей полноте, ибо она последовательно углубляет плоскость своего описания. Философия имеет предметом своим не о д и н закрепленный раккурс жизни, но раккурс переменный, подвижную плоскость мирового разреза. Не фактически вынуждаемая историей, но по изволению своей свободы, она избирает в удел себе переменную точку зрения. Последовательными оборотами, философия ввинчивается в действительность, впивается и проникает ее все глубже. Она есть умная медитация жизни, претворяемой в текущее слово, чтобы быть умным, каждое движение созерцающего духа — в духе дает свой словесный образ, необходимо возникающий, как волна, что бежит за пароходным винтом.

И философия есть язык; но она — не о д н о описание, а *множество* таковых, превращающихся одно в другое. Она — д р а м а, ибо символы ее — символы движущиеся. Д и а л е к т и к а — таково имя описания, свободно определившего себя к углубляющемуся воззрению: так и драма есть зрительно явленная диалектика. Если науки теснимы историей к тому же и, сбитые напором необходимости, лишаются связности и внутреннего

* Фраза в скобках вписана карандашом.

единства, при многих точках и меняющемся поле зрения, то философия, напротив, по своему почину определив себя к движению, сделав именно *движение* началом своей связности, блюдет единство в беге жизни и одна только может с истинным правом сознавать себя объяснительницею жизни. Повторяю, в полном смысле, — «о б ъ я с н я т ь» — принадлежность не наук, с их мнимо-неизменными углами зрения, с их иллюзорно пребывающими посылками, классификациями, терминами и методами, — а принадлежность философии, с ее непрерывно-приспособляющимся вживанием в предмет познания, ибо одна только философия методом своим избрала диалектику.

XII. Диалектика есть касание действительности. Не о символах действительности, им созданных, повествует философ, но *самые* символы, в их рождении от действительности, показывает. Он не научает, а перед нами *испытует* действительность. Диалектика есть непрерывный опыт над действительностью, чтобы углубиться в последовательные слои ее реальности. По Премудрому, «глаз никогда не насыщается зрением, а ухо — слухом» (ср. Еккл. I, 8). Это ненасыщаемое вглядывание в реальность и это ненасыщаемое вслушивание слова ее есть диалектика. Прорываясь сквозь оболочки нашей субъективности, сквозь омертвевшие отложения нашего духа, мысль философа есть присно опытная мысль, ибо она неизменно работает не н а д символами, как таковыми, а лишь символами над *самой* действительностью. Пока животрепещут — они несут свою должность; но когда, — усыхая и мертвея, — подобно осеннему листу они отпадают от золотого древа жизни, тогда мысль прорывается и чрез них — к новому соприкосновению с самою жизнью, и так — еще и еще. Наука довольствуется единичным опытом и, построив схему, обволокнув его схемою, работает над обволакивающей схемой; философия ищет присно-неувядаемого опыта, и мысль снует от себя к жизни и от жизни вновь к себе. Это снование ее есть диалектика, философский метод. «Всякий метод есть ритм», — говорит *Новалис*[43] —, ритм вопросов и ответов, добавим мы. Никакой ответ не есть пограничный последний ответ. Сопоставленный с реальностью, он побуждает к новому вопросу, но и ответ на этот новый вопрос не будет последним. «Мышление, это — речь, которую душа ведет сама с собою о том, что рассматривает, — говорит у *Платона* Сократ. — Так я сказал бы, не как вполне уверенный в этом, но мне представляется, что душа, когда она мыслит, просто разговаривает с собою, ставя себе вопросы и давая на них ответы, то положительные, то отрицательные; а когда она, после более или менее быстрого обозрения вопроса, остановилась на чем-нибудь, пришла в согласие с собою и более не колеблется, то это есть ее *готовая* мысль. Таким образом, *иметь* готовую мысль есть как бы *объявлять*, а *сама* готовая мысль есть как бы объявление, только объявление не другому и не вслух, а объявление без звуков и самому себе».[44] А в другом диалоге Платон, устами Иностранца, еще определеннее спрашивает Теэтета: «Мышление и речь — не одно и то же ли, кроме того только, что мышление у нас называется внутренний разговор души самой с собою, бывающий без звука — *οὐκοῦν διάνοια μὲν καὶ λόγος ταὐτὸν πλὴν ὁ μὲν ἐντὸς τῆς ψυχῆς πρὸς αὐτὴν διάλογος ἄνευ φωνῆς γιγνόμενος τοῦτ᾽ αὐτὸ ἡμῖν ἐπωνομάσθη, διάνοια*».[45] Так ритмом вопросов-ответов, атезисов и тезисов, повышений и понижений пульсирует мысль философа. Вдыхания и выдыхания, разрушения и созидания ткут переливчатую ткань, складками которой окутываются и складками же которой разоблачаются линии сокровенной Изиды.

»In Lebensfluten, in Tatensturm
Wall ich auf und ab,
Webe hin und her!
Geburt und Grab,
Ein ewiges Meer,
Ein wechselnd Weben,
So schaff ich am sausenden Webstuhl der Zeit
Und wirke der Gottheit lebendiges Kleid.«

«В волнах жизни, в буре деяний, поднимаюсь я в высь, опускаюсь я долу, ношусь я туда и сюда. Я рожденье и смерть, я вечное море, меняющаяся ткань, пламенная жизнь. Так работаю я на жужжащем станке Времени и тку живую одежду Божества».[46]

Не на поверхности только, но и у истоков своих, Наука и Философия ставят себе прямо-противоположные задачи. Самые мирочувствия, Науку и Философию порождающие, несовместны друг с другом, хотя возникают от одного толчка, толчка действительности. Но, потрясенная толчком, Философия воспринимает в себя движение, то острое чувство новизны, которое зовем мы удивлением, и, поняв его, как желанное, старается о жизни в нем. Философия есть неувядаемый цвет удивленности, — сама организованная удивленность. Напротив, Наука неблагодарно приемлет толчок действительности; не ангела — вестника жизни — видит в реальности, кинувшей взор чрез прорыв самости нашей, но встречает этот толчок, как враждебного пришельца, как нарушителя косности ее и самодовольства. И если, в данный раз, Науке, волей неволей, пришлось удивляться, то это не значит, что удивление свое она истолкует иначе, как несчастную непредвиденность. Да, непредвиденность, которую она впредь, по силе возможности, постарается предупредить. Девиз философии — Вечно-юное Удивление; Горациево «Nil admirari[47] — ничему не удивляться» — маячит Науке. В то время, как первая ищет обновить все, ставшее привычным и застящее живой свет реальности, вторая только и старается об укреплении тех схем и образов, которые уже не волнуют, которые сами собой разумеются, которые отмерли. Вот выраженная в литературе эта противоположность:

Философия	**Наука**
Принц Гамлет:	*Г-жа Простакова:*
«Есть многое на свете, друг мой Горацио, что и не снилось мудрецам.»	«Верь, друг мой Иванушка, все то пустяки, чего ты не знаешь.»
(*Шекспир* — Гамлет.)	(*Фонвизин* — Недоросль.)
«Все — тайна»: *(Достоевский.)*	*М. А. Новоселов:* «Но есть же, Лев Николаевич, в жизни кое-что таинственное?» *Л. Н. Толстой* (раздраженно напирая на каждое слово): «Ничего такого, друг Михаил, *нет.*» (Разговор М. А. Новоселова с Л. Н. Толстым).[48]

Принц Гамлет и Достоевский выражают то царственное смирение ума, без которого *нет* философии; устами же г-жи Простаковой и Л. Н. Толстого глаголет самоуверенный дух Науки.

XIII. Если диалектика есть организованное удивление, то естественно думать об основателях диалектического метода, как об открывших или сознавших смысл *удивления* и вес этого высокого строя души в философии. И впрямь, уже посвятительный путь мистерий направлялся к обновленному мировосприятию, к присно-изумленному взору на жизнь. В философских школах, Пифагоровой по преимуществу, впрочем не только Пифагоровой, но и Элейской и других, устроенных наподобие созерцательных содружеств-монастырей, философское воспитание клонилось не к обучению готовым философским догматам школы, но к обостренному внимательному созерцанию жизни, к тому, чтобы вернуть навек душе

. . . те дни,
Когда ей были новы,
Все впечатленья бытия,[49]

чтобы, как проспавшийся крепительным сном, ум непредубежденным и омытым оком узрел золотой зрак бытия и узревши — удивился, удивившись же — изумился, а изумившись — восхитился, и, восхищенный, видел бы уже не внешние перегородки бытия, не пыльные чехлы его, но «суши глубородительную бездну»,[50] творческие волнения жизни, коснулся бытийственных ложесн ее. Ведь э т о и называется метафизикой, — в ее подлинном и единственно-допустимом уклоне. Но еще определеннее представляют диалектику те, величайшие, кто понял ее первоосновность в философии, — величайшие применители и теоретики диалектического метода. Укол своей непобедимой иронии и жар своего всепобедного эроса и повивальные приемы своей матери Сократ направляет на ум, чтобы отверзть ему истоки удивления и чтобы сама глубинная действительность могла предстать уму, как змеиная кожа, с обновленной чувствительностью к бытию. Духовные преемники Сократа — Платон, а за ним Аристотель, в один голос свидетельствуют, что философия, она же — диалектика, зачинается удивлением. Сократ указывает Феэтету, в диалоге с именем последнего, на факт изменяемости.

Теэтет: «. . . я чрезвычайно удивляюсь, — *θαυμάζω*, — что́ это такое, и когда пристально всматриваюсь в это, — у меня от темноты кружится голова».

Сократ: «Феодор, кажется, не худо гадает, друг мой, о твоей природе: ведь удивляться есть свойство особенно философа; ибо начало философии не иное, как это, и тот, кто Ириду (вестницу богов. — П. Ф.) назвал порождением Фавманта (Удивляющегося), не худо знает ее генеалогию (сродословствовал. — *П. Ф.*) — *μάλα γὰρ φιλοσόφου τοῦτο τὸ πάθος, τὸ θαυμάζειν· οὐ γὰρ ἄλλη ἀρχὴ φιλοσοφίας ἢ αὕτη, καὶ ἔοικεν ὁ τὴν Ἶριν Θαύμαντος ἔκγονον φήσας οὐ κακῶς γενεαλογεῖν*».[51]

Пересказывая впоследствии это место из диалога, К л и м е н т А л е к с а н д р и й с к и й замечает: «Начало Истины — удивление, как говорит Платон в Теэтете».[52] Характерно самое словоупотребление. По корню своему, *θαῦμα* означает высшую степень душевного потрясения, когда неожиданно сосредоточенное его внимание как бы цепенеет, человек теряет обычное сознание, окаменевает при виде какого-либо неожиданного явления — он из-ум-евает, т. е. выходит из ума, вы-ступает из обычного сознания, из себя самого, переживает *ἔκ-στασις*, что опять таки указывает на из-ступление, и потому, изумевая, *вос*-торгается, приходит в *вос*-торг:

«Восторг внезапный ум пленил». *Θαῦμα* определяет чудо субъективной стороны; *τέρας* — чудо как объективная реальность, причем слово *τερας* сближается с корнем откуда *ἀστήρ, ἄστρον*, т. е. звезда, небесное светило. Иными словами, мистическое выхождение из себя, восторг при постижении чуда, метапсихологический опыт есть источник философии. Вот что значит *удивление* в приведенной мысли Платона.

Подобно Платону — и *Аристотель:* «. . . вследствие удивления люди и теперь, и прежде начинали философствовать, сперва почувствовав *удивление* к тем из вызывающих недоумение предметов, которые были под руками, а потом мало по малу идя таким образом далее и встретив затруднение в более важном . . . А кто недоумевает и удивляется, тот думает, что он не знает. — *Διὰ γὰρ τό θαυμάζειν οἱ ἄνθρωποι καί νῦν καὶ τὸ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν, ἐξ ἀρχῆς μὲν τὰ πρόχειρα τῶν ἀτόπων θαυμάσαντες, εἶτα κατὰ μικρὸν οὕτω, προϊόντες καὶ περὶ τῶν μειζόνων διαπορήσαντες. . . . ὁ δ'ἀπορῶν καὶ θαυμάζων οἴεται ἀγνοεῖν».*[53]

Как запев всей философии, тема удивления выступает после этих двух, величайших ее творцов, неоднократно. Но не задаваясь собрать свидетельства многих, сошлось на Гете: его свидетельство заменит многие.

»Doch im *Erstarren* such ich nicht mein Heil,
Das *Schaudern* ist der Menschheit bestes Teil;
Wie auch die Welt ihm das Gefühl verteure,
Ergriffen, fühlt er tief das Ungeheure. —

Но я не ищу своего спасения в равнодушной неподвижности; трепет есть лучшая часть человека; как ни дорого заставляет его свет платиться за проявление чувства, но только испытывая волнение, он глубоко чувствует беспредельное».[54] Это потому, что в таком трепете, трепете изумления, рождается всякая великая мысль. И — у самого *Гёте:* когда он, в Италии, по его словам, «набрел на *ἓν καὶ πᾶν* в ботанике», т. е. на свое перворастение, — сделанное открытие «привело его в изумление».[55] Генрих *Фосс* рассказывает, как Гёте обсуждал однажды приведенное нами выше выражение из Платонова Теэтета — "*Θαυμάσαι τά πράγματά ἐστιν ἀρχή φιλοσοφίας*", переводя его вольно: «Изумление есть мать всего прекрасного и доброго». *Гёте* назвал тупицей того, кто не изумляется вечной закономерности природы, и прибавил, что подлинный мудрец и настоящий человек кончился, как только потеряна способность изумляться . . .[56] А Эккерману *Гёте* сказал: «Высочайшее, чего достичь может человек, есть изумление, и если протофеномен привел его в изумление, то пусть и удовлетворится он этим; еще высшего первоявление дать ему не в состоянии и дальнейшего человек искать за ним не должен».[57]

Ту же мысль об удивлении, как начале философии, развивает, со ссылкой на Платона, *Шопенгауер*. Ее же можно встретить у многих других мыслителей — Бэкона, Гоббса, Декарта, Кондильяка, Канта, Шульце, Зигварта, Циглера, Бенеке[58] и др. Словом, эта мысль является общепризнанной.

XIV. Поучительно проследить, как понятие об у д и в л е н и и, первоимпульсе творческой мысли, возникает вновь и вновь у мыслителей самого разного направления, каждый раз в том или ином частном оттенке и применительно к тому или другому частному предмету или стороне умственной деятельности. Франциск Б э к о н в 1623-м году отмечает, что «удивление есть семя знания»: «Всякое знание и удивление (— которое есть семя знания —) сами по себе приятны — omnis enim scientia et admiratio (quae est

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA KÖNYVTÁRA

semen scientiae) per se jucunda est».[59] Подобную же мысль высказывает и Гоббс в [1640] году.[60] Аббат *Кондильяк* в [1754] году, обсуждая последовательность возникновения психических состояний у его знаменитой оживающей статуи, после: внимания, удовольствия и страдания, радости и скорби, памяти, постепенно укрепляющейся, сравнения и суждения, делающихся привычными, — ставит удивление. Статуя не может удивляться, пока у нее нет еще суждения; не может она удивляться и тогда, когда в каждое мгновение у нее есть только одно восприятие, а также — и тогда, когда одно восприятие незаметными переходами обращается в другое. «Но она не может не быть удивленной, если она вдруг переходит от состояния, к которому она привыкла, к другому, совсем отличному, о котором она еще не имела никакого понятия. Это удивление заставляет ее лучше чувствовать различие ее способов существования. Чем более внезапен переход от одних к другим, тем ее удивление больше, и тем более также она поражена контрастом удовольствия и страданий, которые их сопровождают. Ее внимание, определяемое удовольствиями и страданиями, которые заставляют себя лучше чувствовать, прилагается с большей живостью ко всем ощущениям, которые за ним следуют. Статуя сравнивает их, следовательно, с большею тщательностью; она судит, следовательно, лучше их отношения. Удивление увеличивает, значит, деятельность операций ее души: но так как оно увеличивает ее, только заставляя примечать более чувствительную противоположность между ощущениями приятными и ощущениями неприятными, то всегда удовольствие и скорбь бывает первым двигателем души».[61]

Таким образом, по Кондильяку, удивление, хотя и одно из коренных состояний в процессе знания, но не первое, как и не последнее — оно есть одна из основных ступеней.

Но Декарт, глубже проникающий в жизнь души, обсуждая страсти души — les passions de l'âme, passiones animae, т. е. те страдательные состояния, те чувствования и волнения, которые она ощущает и которые производятся в ней изменениями в теле, делает классификацию страстей и на первом месте ставит удивление, admiration, admiratio.

«Когда первая встреча с каким-либо предметом поражает нас и мы думаем о ней как о новом или очень отличном от всего, прежде известном, или от того, каким мы предполагаем его, — мы удивляемся предмету и привлечены им. Ввиду того, что это может произойти прежде, нежели мы каклибо узнали о пригодности или непригодности для нас этого объекта, мне кажется, что удивление — первая из всех страстей; и она не имеет противоположной, так как, если наличный объект не обладает ничем поражающим нас, он вовсе не затрагивает нас, и мы обсуждаем его бесстрастно».[62]

«Изумление связано с уважением или пренебрежением, сообразно величине объекта или незначительности его, которая нас удивляет. Мы можем только уважать самих себя и пренебрегать собою; отсюда и вытекают страсти, а затем привычки великодушия или гордости и унижения или низости.»

Далее, Декарт выводит из удивления — благоговение и презрение, любовь и ненависть, желание, надежду, боязнь, зависть, беспечность и отчаяние, нерешительность, отвагу, соревнование, безумие, испуг, угрызение совести, радость и печаль, злорадство, зависть, печаль, самоудевлетворение и раскаяние, благосклонность и признательность, негодование и гнев, славу и позор, отвращение, сожаление и радость, — словом, все состояния души,

усматривая среди них только ш е с т ь первоначальных, а именно: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль. Но все они, как изначальные, так и прочие, определяются первострастью — удивлением. Декарт останавливается на ней постоянно, обсуждая ее психологическую природу. «Удивление, говорит он, — есть внезапная неожиданность для души, понуждающая последнюю обсуждать внимательно предметы, которые кажутся ей редкими и выдающимися. Он прежде всего причиняется данным в мозгу впечатлением, которое представляет предмет как редкий и стало быть достойный рассмотрения».[63] Далее, Декарт пытается выяснить психофизиологическую причину рассматриваемого чувства и отмечает своеобразную природу его, — бесстрастность или чистую духовность: «Эта страсть имеет ту особенность, что нельзя отметить в сопутствии с ней каких-либо изменений в сердце и крови, как при остальных страстях. Причина этому та, что, не воспринимая предмета ни хорошим, ни дурным, а только познавая вещь, которой дивится, эта страсть имеет отношение не к сердцу и не к крови, от которых зависит все болагополучие тела, а только к мозгу, где находятся органы, служащие этому познанию».[64]

Наиболее глубокие соображения об удивлении находим у К а н т а, который видит источник его в созерцании объективной целесообразности. В этом пункте Кант наиболее отходит от духа кантианства, и почти вступает в область конкретной метафизики, ибо объективная целесообразность есть и в мышлении Канта понятие наполовину высунувшееся из законных пределов трансцендентального идеализма. «Но можно достаточно усмотреть, и как правомерную, основу удивления перед целесообразностью, воспринимаемою в сущности вещей (поскольку можно конструировать их понятия). Разнообразные правила, единство которых (из одного принципа) возбуждают удивление, все синтетические; они не следуют из п о н я т и я об объекте, например, о круге, но нуждаются в том, чтобы этот объект был дан в созерцании. Тогда это единство приобретает тот вид, как будто оно эмпирически емеет внешнюю, отличную от нашей способности представления, основу правил и, следовательно, как будто соответствие объекта с потребностью правил, присущею рассудку, само по себе случайно, — значит, возможно только через прямо на него направленную цель».[65] По существу это разум вносит в пространственное представление целесообразность, образовывая представление соответственно понятию. «Но, так как это размышление требует уже критического применения разума, значит, не может заключаться только в определении предмета по его свойствам, то последнее мне ничего не дает, кроме соединения разнородных правил (даже по тому, что они имеют в себе неоднородного) в одном принципе, который, не требуя для этого особого основания, лежащего вне моего понятия и вообще вне моего представления a priori, все-таки a priori познается мною, как истинный. А у д и в л е н и е это претковение духа по поводу несоединимости представления и данного через него правила с принципами, уже лежащими в его основе, что возбуждает, следовательно, сомнение в том, правильно ли мы это видели и правильно ли об этом судили; изумление же есть постоянно возвращающееся удивление, не смотря на то, что это сомнение уже исчезло. Следовательно, последнее есть вполне естественное действие той замеченной целесообразности в сущности вещей (как явлений), которую нельзя порицать постольку, поскольку соединение этой формы чувственного созерцания (которое называется пространством) с способностью понятий (с рассудком) не только необъяснимо для

нас в том, почему оно именно таково, а не какое-либо другое, но кроме того для души оно есть нечто расширяющее ее сферу, ибо оно как бы дает ей предчувствовать нечто, лежащее вне этих чувственных представлений, в чем может находиться, хотя и неизвестная для нас, последняя основа этого соответствия. Хотя для нас и не нужно знать эту основу, если дело идет только о формальной целесообразности наших представлений a piori, но все-таки уже возможность усматривать ее внушает нам вместе с тем и удивление к тому предмету, который нас к этому побуждает.»[66]

Эта целесообразность вещей есть, поскольку оценивается субъективно, к р а с о т а, но она — и более чем красота, ибо подлежит оценке о б ъ е к т и в н о й и тогда оказывается о т н о с и т е л ь н ы м с о в е р ш е н с т в о м в е щ и. Итак, относительное совершенство вещи, переживаемое как ее красота, служит источником у д и в л е н и я.

Таково учение об удивлении некоторых философов. Ограничиваемся сказанным: его достаточно для доказательства, что удивление на протяжении веков рассматривалось как семя и корень философии, и скажем о другом.

XV. Изумляющийся Апостол Фома — символическая фигура философии. Ложно представление о нем, как о скептике, ибо в основе его духовного склада лежит отнюдь не маловерие, а *удивление*, пораженный которым, всякое дело он доводит до его наиболее глубоких корней. Фома вопрошает не ради ослабления или отвержения, но ради вящего укрепления. Его преданность Истине высказалась в его словах другим ученикам Христовым — «йдем и мы, да умрем с Ним» (Иоан. 11, 16), сказанных на объяснение Господа, что Лазарь умер: «И радуюся вас ради, яко не бех тамо: но йдем к нему» (Иоан. 11, 14—15). Фома понял, что предстоит укрепление их веры — и он готов не только идти к четырехдневному Лазарю, ради этого унрепления, но и сам умереть вместе с Лазарем, лишь бы получить крепость веры: иными словами, он готов и сам умереть, лишь бы быть воскрешенным, т. е. перстом осязать реальность воскрешающей духовной силы. Это — не расслабленный скептицизм, а великий эрос к высшей реальности, и потому — испытание ее. То же его свойство проявилось и тогда, когда Господь, в прощальной беседе с учениками, стал говорить об уходе своем в дом Отца Своего, чтобы уготовать место и ученикам, и сказал, что они знают, куда Он идет и — путь Его. Фома же, ища себе получить окончательно ясное объяснение, прерывает Господа вопросом: «Господи, не вемы, камо идеши: и камо можем путь ведети» (Иоан. 14, 5). После испытания силы и пути, он совершает испытание Самого Господа — желая осязать Его раны, чтобы убедиться в телесности Его воскресения (Иоан. 20, 24—25, 26—29). Он не сомневается в воскресении Христовом, но хочет получить подтверждение своей веры. Он — виновник удостоверения Церкви в истинности воскресения Христова, именно т е л е с н о г о воскресения. И он же оказался, силой своего требования д о к а з а н н о с т и веры, виновником удостоверения Церкви и в истине телесного вознесения Божией Матери. Да, это Фома настоял на необходимости з а в е р и т ь самый основной факт христианства — творческую реальность в мире — силы духовной, это он навеки разломал и стер всякую опору кантианства и пассивного отношения к миру.

Достойно пристального внимания то обстоятельство, что о троекратном выступлении Фомы пред Господом говорил именно Орел духовного созерцания Иоанн Тайнозритель, а не синоптики; он видел в Фоме своего союзника — родственное себе духовное начало: духовное созерцание опирается на

испытание, испытание же рождается из удивления. Из Фомина удивления родилось и Фомино уверение, которым было навеки закреплено величайшее духовное достояние человечества. «Plus nobis Thomae infidelitas ad fidem, quam fides credentium discipulorum profuit — более значило нам для веры неверие Фомы, нежели вера доверчивых учеников» восклицает св. Григорий Великий. «Фома святой неверием своим бóльшую веру в церкви Христовой возрасти», говорил св. Димитрий Ростовский. И тó же должно повторить об удостоверении Фомою воскресения и вознесения Богоматери, которое тоже должно было запомниться Иоанну Богослову, хотя бы по одному тому, что Пречистая Дева жила у него в доме. И тут его требование *доказанности* послужило источником веры церковной в исключенность из порядков естества Честнейшей Херувим, т. е. опять таки ниспровергло кантианскую замкнутость мира и бездейственность человека.

Фома — начало философии. Отвлеченно, это начало есть *θαῦμα*, удивление, или, по Платоновской мифологии, — Фавмант, Удивляющийся. И одна ли случайность делает имя Фомы, *Θωμᾶς*, до странности созвучным с именем *удивления* и *удивляющегося*. Ведь на ионическом (например, у Геродота) и на дорическом наречии *θαῦμα* произносится как *θῶμα*, подобно тому как *τραῦμα* произносится *τρῶμα* и *πιφαύσκειν* — *φωσκειν*, А у дорян были даже имена *Θωμων* и *Θωμάντος*. Правда, самое имя Фомы есть имя арамейское и по древним истолкованиям означает *бездна, неохватимая, непознанная глубина* и *близнец* — *ἄβυσσος* — abyssus, *δίδυμος* — geminus, *ἀκαταληπτος βαθύτης*, а по новейшим — только [t·'om] — Tebom, т. е. *близнец*, как и в Евангелии он назван *ὁ Λεγομενος Διδὺμος* (Иоан. 11, 16; 21,2). Но было бы поспешностью выводить отсюда, что Евангелист самое имя *Фома* объясняет о т с е б я как *Близнец*. Нет, он говорит только, что Фома *прозывался Д и д и м о м*. А из фрагмента истории Авгаря Едесского, сообщаемого Евсевием, известно, что другое имя Фомы было Иуда — *Ἰούδας ὁ καὶ Θωμᾶς*. Но, что бы ни значило имя Фомы по арамейски, *Непознанное* и *Бездна*, или даже *Близнец*, естественно думать, что в имени этом была и греческая прививка, греческое наслоение, особенно естественное в виду близости Палестины именно к областям ионийского диалекта и сношений с ними — и *Фома* на коренном своем значении *Близнец* наслоило, путем аррадикации, значения *Удивляющегося*, подобно тому как арамейское имя П а в е л наслоило латинское значение Paulus. Но если бы этого и не было, то трудно не видеть в указываемом созвучии чего-то напрашивающегося на внутреннее сопоставление некоторой чрезвычайно выразительной исторической телеологии, которая закрепила за Фомою его символико-типическое значение. И в самом деле, дальнейшая судьба этого Апостола раскрывает всю ту же его духовную сущность. Всегда, его испытание язв Христовых, — вера, предваряющая опыт, но все же требующая, потом уже, проверки себя, — было образом трудного пути философствующей мысли.

Он же, апостол Фома, просветитель парфян, персов и индусов, по жребию, который выпал ему по воле Провидения, когда апостолы распределяли между собой пределы земли для проповеди. Это он, в Персии, просвещал магов и крестил трех волхвов, пришедших более тридцати лет тому назад поклониться Новорожденному Богомладенцу. Это он — проповедник в Индии, — что кстати сказать, кроме свидетельства Григория Назианзина, псевдо-Дорофея, Никифора и многих других источников, свидетельствуется надписью в Оодейпуре близ Сагура, в Восточной Индии, открытою в 1900 году. Среди мудрецов и тайноведцев, и сам мудрец и тайноведец, как то

явствует из полного глубочайшей содержательности жития его, он оказывается на своем месте. Да, в Персии и Индии, магам и брахманам, требовалась именно такая проповедь, проповедь веры, проведенной чрез горнило сомнений, слово Божие — в одеждах человеческой мудрости; в Индии требовалась пышность созерцания и ведение сокровенное, блеск чудесного могущества, мощь, изобилие. И Фома, обративший Индию, по житию, явил то, что требовалось: удивил, поразил, покорил, — о чем можете подробнее узнать из жития его.

Индийские христиане издревле называются христианами апостола Фомы и начало своей Церкви возводят к этому апостолу. По преданию, апостол сошел с корабля в городе Крангор на Малабарском берегу, долго жил в городе Паруре, лежащем недалеко от Крангора, и путешествовал отсюда в Мелапур на Коромандельском берегу; в шести верстах от Мелапура на скале Кадурман принял мученический венец. Существовало в Индии христианство и после Апостола Фомы. Бл. Иероним пишет, что во II-м веке в Индию к брахманам путешествовал катехет александрийской школы Пантен и нашел там христиан;[66a] но впоследствии малабарские христиане стали несторианами. Это, однако, не мешает думать, что наиболее глубокие корни индийского христианства, сообразно свойству корней вообще, а индийских в особенности, пребывают в неизвестности, таятся под спудом, а может быть и под прикрытием индусского быта. Как о том гадают и русские старообрядцы, пославшие на поиски их казака Хохлова. Мы мало знаем об Индийской Церкви. Но мы догадываемся о том, что и доныне, сокровенное, длит свое существование христианство Фомы и, может быть, выйдет к народам Европы, когда под ударами судьбы у них разрушится питающая их позитивизм внешняя цивилизация комфорта и внешняя наука систем и когда они взыщут небесного града и того таинственного дворца, который строил на небе духовный архитектор, изображаемый с наугольником, патрон каменщиков, строителей и философов, св. Фома; великолепие этого дворца было удостоверено воскресшим братом царя Гундафора. Тогда-то христианство индийское сможет вложить в сокровищницу Церкви свой дар — утонченную человеческую душу и изощренный опыт иных миров.[67]

XVI. Удивление есть зерно философии. В зерне содержится все, что из него вырастет, и еще многое другое, чему по неблагоприятству условий прозябнуть не придется; но сокровенному ростку зерна надлежит выйти на свет дневной, разорвав свои оболочки, и расправить зародышевые листики. Поцелуем вешнего луча — сжатая и бесцветная почва расправляется в свежую зелень и в пышные цветы. Так, под пристальным взором внимания, распускаются в уме, из невидного и невыразимого зачатка, мысли, — богатые, полные. Мысли, т. е. слова, ибо слова-то и суть мысли раскрытыя. Взор любовно ласкает и нежит тайну действительности, — удивившую философа. И чем нежнее эта ласка, чем сосредоточеннее внимание, чем благодарнее приятие, тем выразимее становится тайна, — чтобы, подняв слои выраженного, мысль открыла новые и новые линии выразимости. Плененная тайной, мысль льнет к ней и не может отстраниться от нее — благоуханной розы — не по хищническому расчету — отнять, но движимая эросом.

«. . . . . Чем нежней
Устами в жертве тайной припадаю,
Тем чаша благовонная темней:
Ни нег твоих, ни мук не разгадаю . . .»[68]

Мысль волнуется, и приникает, волнуясь, к тайне жизни. И вопрошает себя: «Что есть она, меня удивившая? *τί ἐστι*».[69] Что есть? Это значит: «К чему же, собственно, влекусь я? Что удивило меня? Что глядит на меня в разрыв моего собственного, привычного достояния? Что волнует меня?» И мысли вопрошающей ответствует, устами самой мысли, ласкаемая тайна. Но слышимый ответ жарче волнует мысль, ибо не то он, не сокровенное сердце тайны, недоступное, — лишь благоухание ея. И снова мысль вопрошает, еще нежнее, еще жарче, еще любовнее: «*τί ἐστι*», — и снова не безмолвствует тайна, сама свидетельствуя о себе своим именем, называя *τὸ τί ἐστι*. Но еще более волнуется мысль, еще теснее влечет ее к тайне. И вновь получает ответ, еще имя — и вновь возгорается трепетом неизъяснимым. Так развивается эта «Песнь Песней» — диалог мысли и тайны. Вопросы и ответы, и снова вопросы, ответами возбуждаемые, и новые ответы — радость присного обретения в имени, пиршественное узнание, называемое диалектикой. Ведь диалектика, возникшая как эротический диалог, по внешнему составу непременно есть разговор. Но иначе мыслит о ней *Платон*.

«Не называешь ли ты диалектиком того, — спрашивает Сократ —, кто берет основание сущности каждого предмета? и не скажешь ли, что человек, не имеющий основания, так как не может представить его ни себе, ни другому, в том же отношении и не имеет ума? — *Ἦ καὶ διαλεκτικὸν καλεῖς τὸν λόγον ἑκάστου λαμβάνοντα τῆς οὐσίας*».[70]

Диалектик — тот, кто опирает свой ум на смысл постигаемой им реальности — на *Λόγος τῆς οὐσίας*, что вместе с тем должно переводить и: «*слово реальности*». Самый ум живет, лишь опираясь на объективный, вне его сущий разум реальности, а без этой опоры мертвеет и перестает быть умом. Но что значит «представить это основание, этот смысл, это слово реальности, себе и другим? — *Назвать* его, т. е. дать ему имя и возвестить названное — мысль особенно убедительная по-гречески, где *Λόγος* значит и содержание мысли и выражение мысли одновременно. «А давать имя-то есть, как видно, дело законодателя, состоящего под надзором диалектика, если имена должны быть даваемы хорошо», — еще определяет задачу диалектика Сократ.[71] Как же, однако, давать имя? Имя — ответ на вопрос: «*Что* есть это? *Τί ἐστι;* Имя — *τὸ τί ἐστι* — сказуемое нашего переживания, оно есть именно то, что сказывается о несказанном, подлежащем раскрытию чрез имя, чрез ряд имен, чрез ритм имен. Если дело диалектика — назвать имя реальности, то эта его деятельность — лишь заключительная в испытании вопросы. «Умеющего же спрашивать и отвечать иначе ли назовешь ты, чем диалектиком? — *Τὸν δ' ἐρωτᾶν καὶ ἀποκρίνεσθαι ἐπιστάμενον ἄλλο τι σὺ καλεῖς ἢ διαλεκτικόν;*» спрашивает Сократ Ермогена,[72] и получает само собой разумеющееся «конечно». Диалектика есть умение спрашивать и отвечать. Этот ритм вопросов и ответов драматически символизируется в виде диалога, причем каждая точка зрения художественно воплощается отдельным лицом. Диалог есть собственнейшая литературная форма философии: по определению *Диогена Лаэртского* «диалог есть речь, состоящая из вопросов и ответов о каком-нибудь предмете философии или политики, составленная с искусством и изяществом и сохраняющая за каждым из участвующих в разговоре его собственный характер».[73] Но ряд ответов — имен, ставимый рядом вопросов — удивлений, чредою *τί ἐστι;* не был бы еще *диалектическим* опытом над жизнью, если бы не был *путем*, т. е. если бы не был, несмотря на свою множественность, и единством.[73a] Переживание реальности едино в себе. Единое, оно

не только должно быть развернуто в ряд расчлененных вопросов — ответов, но и обратно, ему надлежит в самом множестве их явить свое единство: ряд вопросов — ответов должен быть связан в единое, сочлененное целое; единое переживание должно воплотиться в единичный символ. Тогда «текучее естество Времени»[74] не только проходит последовательностью своих мгновений, но и, протекая, обозревается единым взглядом, как связное организованное Целое. «Важнейшая проба, диалектическая ли у кого природа или нет», по Платону, состоит в испытании этой именно способности к ощущению не только множества в единстве, но и обратно, единства во множестве, созерцание множества — как единичности. «Сводитель под один обзор есть диалектик, а не сводитель — не диалектик — *ὁ μὲν γὰρ συνοπτικὸς διαλεκτικός, ὁ δὲ μὴ οὔ*».[75] Такой обзор, такой с и н о п с и с, дающий в единой совместить множество точек зрения, в одной — разные, в мгновенной — последовательные, — дающий «во единой черте времени»[76] множество разделенных созерцаний, из коих каждое имеет бесконечность с в о е г о кругозора — такой синопсис подводит нас к бесконечности бесконечностей, к символу символов, — к Идее.

Житейское мировоззрение обращается с единичным, живым, конкретным. Наука рушит конкретность, дробит единичное; тогда возникает абстрактное, — общее, застывшее в своей жертвенной множественности. Но диалектика расплавляет узы, закрепляющие в недвижимости — впрочем не жизнь, а лишь призраки ее. Тогда течет высвобожденная множественность и, утекая, снова свивается в единичное, но теперь уже не одно *из* единичных, но в единичное преимущественно, — в единичное, охватывающее собою единичности. Это — всеобщее. Это — идея.

«Что есть всеобщее?» — спрашивает себя *Гёте*.
— Отдельный случай.
«Что есть особенное?»
— Миллион случаев.[77]

Иначе говоря, всеобщее есть «единовременное и последовательное — das Simultane und das Sukzessive» зараз, по выражению того же *Гёте*.[78] *Πᾶν* свивается в *ἕν*, в *ἕν* усматривается *πᾶν*. В reale созерцается realiore, в мгновенном — вечное. Платон называл «синопсисом», Гёте — «гениальным методом» то орлье зрение с высоты, когда острым взором в конкретно-единичном, в «отдельном случае», видится универсальное. Но, в существе дела, речь идет все об одном и том же, как одно и то же, несмотря на различие наименований, и открываемое этим «гениальным» методом. По Платону, это — «идея», «тип» бытия; по Гёте — «первоявление», «протофеномен» — *το πρωτοφαινόμενον*, das Protophänomen. Теперь предпочитают его иногда именовать «символом» — Вячеслав *Иванов*, например. Но, повторяю, речь идет все об одном: «есть выдающиеся явления, которые стоят перед нами, как представители многих других, так как заключают в себе известную полноту», — пишет *Гёте* Шиллеру.[79] Эта их полнота ждет своего открывателя. Творец «должен единичное возвысить . . . до всеобщности»[80] — т. е. увидеть в нем с и м в о л, все собою охватывающий.[81] «Всеобщее» есть потому «отдельный случай», что *достигнутость* делает нечто индивидуальным, превращает в «уникум», поэтому делает все остальные случаи, подобные ему, уже излишними. И обратно:

«отдельный случай», мысленно доведенный до индивидуального совершенства, тем самым становится «всеобщим». В ее абсолютно-мыслимом земном осуществлении, эта формула Гёте есть как бы тайна всех религиозных богоявлений; приблизительное осуществление ее есть основной закон художественного творчества и в частности, только художественной формы, — Что же касается до «общего», то оно всегда вариационно, множественно, есть как бы вечное подготовление ко всеобщему и потому многослучайно и в своем проявлении держится закона: чем больше раз, тем лучше. Уже самая эта степень нам здесь красноречиво указывает, что «общее» не может стать единственным, т. е. «отдельным случаем».[82]

Путь к всеобщему, к «*ἕν καὶ πᾶν*», по Платону, есть диалектика. У Гёте — это Darstellung. Философии, — пишет он в 1794 г., определяя собственно свою задачу, — философии надлежит «воспринять природу не разрозненно и по частям, но представить ее деятельно и жизненно устремляющейся из целого к частям. — Die Natur nicht gesondert und vereinzelt vorzunehmen, sondern Sie wirkend und lebendig aus dem Ganzen in die Teile strebend *darzustellen*».[83] Darstellung дает «идеальную картину», «конкретную метафизику». «. . . В картине ничего не должно быть обособленного или разъединенного; в ней должно быть целое и должна быть жизнь; картина требует того, чтобы от ее центра исходил ток творческого движения ко всем, даже мельчайшим, подробностям, чтобы во всем чувствовалось воздействие целого».[84] Если действительность так проработана, она вся живет, в ней нет ничего внешнего, условного, не воплощающего в себе интуиции целого. В малейшей частности открывается целое, в его таинственной глубине, в его пленительном и радующем совершенстве. Все выражает целое, и целое — именно во всем, а не где-то *рядом* с ним. Будучи метафизическим, или, точнее, мистическим, целое не может быть и мыслимо наряду с орудиями своей воплощенности или позади них: тогда оно было бы только родом эмпирического и чувственного. Но нет, оно есть живая связь своих органов, сердце своих, — своих именно —, явлений, — отнюдь не мертвых и не пустых, а наполненных жизнью таинственного первоявления сверхчувственной своей идеи. Лепесток розы — не роза в ее духовной сущности: но роза именно в лепестках своих является, и пренебрежительно общипывая лепестки, как не-розу, мы лишимся именно розы, и потому о лепестке мы говорим, как о розе. Противоречивость всякого воплощения в том и состоит, что воплощение — более себя самого, что оно и А и более чем А — зараз. Всякое ведь воплощение, будучи частью, есть в то же время и целое.

Часть, равная целому, причем целое не равно части, — таково определение символа. Символ есть символизируемое, воплощение есть воплощаемое, имя есть именуемое, — хотя нельзя сказать обратно, — и символизируемое не есть символ, воплощаемое не есть воплощение, именуемое не есть имя. Не есть все это, но мы знаем, а потому и говорить можем лишь об этом, о явленном, представленном, именованном. И потому, сказав «не есть все это» — мы вступаем на путь апофатического богословия, апофатической философии: все, что не есть это, — и вообще не есть, не есть, как предмет нашей мысли. Роза — не лепестки, но лепестки — роза. Хорошо известна отповедь Гёте на афоризм Галлера: «В глубь природы не может проникнуть ни один тварный дух; блажен, кому она показывает хотя бы свою внешнюю шелуху». Но эта отповедь все еще не достаточно усвоена; напомним ее:

»*Ins Innre der Natur* —«
O, du Philister! —
»*Dringt kein erschaffner Geist.*«
Mich und Geschwister
Mögt ihr an solches Wort
Nur nicht erinnern;
Wir denken: Ort für Ort
Sind wir im Innern.
»*Glückselig, wem sie nur*
Die äußre Schale weist!«
Das hör' ich sechzig Jahre wiederholen
Und fluche drauf, aber verstohlen;
Sage mir tausend, tausend Male:
Alles gibt sie reichlich und gern;
Natur hat weder Kern
Noch Schale,
Alles ist sie mit *einem* Male;
Dich prüfe du nur allermeist,
Ob du Kern oder Schale seist.

Müsset im Naturbetrachten
Immer *Eins* wie *Alles* achten;
Nichts ist drinnen, nichts ist draußen;
Denn was innen, das ist außen.
So ergreifet ohne Säumnis
Heilig öffentlich Geheimnis.

Freuet euch des wahren Scheins,
Euch des ernsten Spieles:
Kein Lebend'ges ist ein Eins,
Immer ist's ein Vieles«.

«*Во-внутрь природы*» —
О, ты Филистер! —
«*Не внидет ни единый сотворенный дух*» . . .
Мне и моим собратьям
Можно было бы это слово
Вовсе и не напоминать;
Мы думаем: шаг за шагом
Мы и внутри.
«*Уж счастлив тот, кому она*
Внешнюю покажет скорлупу!»
Шестьдесят лет слышу я, как это повторяют,
И шлю проклятия на это, втихомолку
Говорю себе тысячекратно:
Все дает она с избытком добровольно

Природа не имеет ни зерна, ни скорлупы,
Все это — она — зараз
Себя лишь испытывай наипаче,
Сам ли ты зерно или скорлупа.»

«Наблюдая природу вы должны всегда единичное почитать за все; ничего нет внутри, ничего нет наружи, ибо что внутри, то и вне. Так не медлите же схватить святую открытую тайну».

Радуйтесь на правдивую иллюзию, радуйтесь на серьезную игру: ничто живущее не единичность, всегда это есть множественность».[85]

Природа не имеет ни зерна, ни скорлупы: и то и другое она зараз. Нет ничего, что было бы подобно зерну, — как его представляют себе люди по-

верхностные, — только внутренним, невоплощенным, бесформенным. Нет ничего и такого, что подобно скорлупе, — как ее понимают те же люди, — что было бы только внешним, одною плотью, одною оболочкою. Все что есть — имеет форму; всякая форма содержит в себе некое «*есть*». Нет бытия без формы, нет формы пустой, без бытия ею оформленного. Ни зерна, ни скорлупы — а лепестки, лепестки розы, и каждый из них есть оболочка и содержание зараз, цветное благоухание и благоуханный цвет, содержательная оболочка и зримое содержание — проще: я в л е н и е, в древнем смысле этого слова, как *φαινόμενον*, как являющаяся ноуменальность, как воплощенная духовность, как созерцаемая умопостигаемость.

Мы говорим: «Природа». Но природа дана нам ведь не *вне* нашей жизни с нею, и то, что мы говорим о природе, — сказали тем самым о жизни нашей мысли, о философии. Философия — слово природы, слово тайны мира, слово жизни. Слово же это — подобно розе. Каждый лепесток диалектики благоухает Тайной, каждый есть имя Тайны, каждый — истенен, но — в отношении к Истине, к Тому Слову Жизни, Которым «все быша». Забудь об этой относительности отдельного лепестка, закрепи в его самодовлеемости, — и усыхая, желтея и сморщиваясь, он, бузуханный, станет ложью. Имя есть Тайна, им именуемая; вне же Тайны, оно не только безжизненно, но и вовсе не есть имя — лишь «звук пустой», «воздушное ничто», — flatus vocis, говорили схоластики. Но обращенное к Тайне, оно являет Тайну, и влечет мысль к новым именам. И все они, свиваясь в Имя, в Личное Имя, живут в Нем: но Личное Имя — Имя имен — символ Тайны, — предел философии, вечная задача ее. Это Имя вечно питает философию, ибо не живя сам — он не мог бы и философствовать.

Мы начали с вопроса об о б ъ я с н е н и и, именно — что есть объяснение, если философия — лишь язык. Теперь мы ответили себе на поставленный вопрос: Имя, вот что объясняет Тайну мира. Да, Имя объясняет ее предельно, имена — частично. В языке, как таковом, заложено объяснение бытия; факт существования языка есть факт существования философии; ибо язык по существу своему диалектичен. В слове, как таковом, бьется ритмический пульс вопросов и ответов, выхождений из себя и возвращений в себя, общения мысли и углублений в себя. «Превосходно то, что язык — это новое искусственное чувство духа, — говорит Гердер, —[86] уже в самом начале является и должен быть средством для общения! Я не могу себе представить даже первой человеческой мысли, первого обдуманного суждения иначе, как ведя в душе своей диалог иги пытаясь его вести; таким образом первая человеческая мысль самим существом своим создает возможность разговаривать с другими; первый понятый мною знак является словесным знаком для меня и средством общения с другими». Иначе, в слове, как таковом, заложена антиномия внутреннего и внешнего. Углубиться в эту антиномию — значит углубиться в первичную антиномию языка.

Приложение

1915. III. 28.
Сергиев Посад.
Ночь, после подготовки к службе. —
Переписывано и дополняю 1915. IV. 7.
Ночь, перед подготовкой к службе.

Диалектика

Рассуждать *не* диалектически — это значит давать такие формулы и определения, которые по замыслу дающего их имеют значение *не* только в данном контексте времени и пространства, но и *вне всякого* контекста, т. е. такие, которые осмыслены *сами в себе*. Это значило бы притязать на *абсолютные формулы*, на абсолютное суждение, на абсолютную истинность своих высказываний. (Таковые принадлежат Церкви, а не мыслителю.)

Но это стремление глубоко-противохристианское. Следовательно, единственный христианский — смиренный — путь рассуждений — это диалектика: я говорю то, что *сейчас*, в данной комбинации суждений, в данном контексте речи и отношений *истинно*, но ни на что большее не притязаю.

Замечательно, так именно *всегда* говорит мой духовный отец *Епископ Антоний*.* Если пытаться брать его высказывания как безотносительные к *лицу*, которому они высказываются, к месту и времени, *где* и *когда* они высказываются, к цели, *ради* которой высказываются, то покажется, что он все время противоречит себе. Но если понимать его речи изнутри, то окажется глубочайшее жизненное единство всех высказываний.

Примечания

[1] Е. Мах, — Die Gestalten der Flüssigkeit. Prag, 1872. Э. Мах, Принцип сохранения работы. История и корень его. [Перевод с пересмотренного и исправленного автором немецкого издания Г. А. Котляра. Под редакцией профес. Н. А. Гезехуса с предисловием автора к русскому изданию. СПб. 1909].

[2] Э. Мах
[Вероятно, П. А. Флоренский дал свой перевод.
Ср.: Эрнст Мах, — Механика. Историко-критический очерк ее развития. Разрешенный автором перевод с 6-го исправленного и дополненного немецкого издания Г. А. Котляра. Под редакцией профессора Н. А. Гезехуса. СПб., 1909, с. 389].

[3] Э. Мах
[Вероятно, П. А. Флоренский дал всой перевод.
Ср.: Эрнст Мах, — Механика. Историко-критический очерк ее развития. Разрешенный автором перевод с 6-го исправленного и дополненного немецкого издания Г. А. Котляра. Под редакцией профессора Н. А. Гезехуса. СПб., 1909, с. 390].

[4] Kirchhoff, — Vorlesungen über mathematische Physik. Mechanik. Lpz. 1874, S. 1. Г. Герц называет его «столь строго точным мыслителем» (Г. Герц, — Три картины мира, — в сборнике «Новые идеи в философии», №. 11, СПб., 1914, с. 89).

[5] Э. Мах, — Основные идеи моей естественно-научной теории познания и отношение к ней моих современников (Scientia, Vol. VIII, Anno IV (1910). N. XIV — 2). Рус. перев. Г. А. Котляра в «Новые идеи в философии», сборник № 2, Борьба за физическое мировоззрение, «Образование», СПб., 1912, с. 129: [«Столь же характерно «всеобщее изумление», с которым было встречено два года спустя определение у Кирхгоффа задачи механики, как «полного и простейшего описания движений»]. Э. Мах. — Механика. Перевод с 6-го нем. изд. Г. А. Котляра, под ред. Н. А. Гезехуса, СПб., 1909, с. 225: [«Когда же Кирхгофф в 1874 году выступил в своей механике со своим принципом «описания», выступил с положениями, которые соответствовали только частии моих, и тем не менее вызвал «всеобщее изумление» специалистов я научился быть скромным. Но мало по малу великий авторитет Кирхгоффа оказал все же свое влияние, что, без сомнения, привело и к тому, что моя механика, появившаяся в 1883 году, не показалась уже столь странной»].

* См. о нем: Иеродиакон Андроник (Трубачев). Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник священника Павла Флоренского. — «Журнал Московской Патриархии», 1981, № 9, с. 71—77, № 10, с. 65—73.

[6] [Сноска не сохранилась. Вероятно, здесь П. А. Флоренский следует поискам Э. Маха единомышленников среди естествоиспытателей и философов прошлого и настоящего. См.: Эрнст Мах, — Механика. . , СПб., 1909, с. 161: «Многократные определенные заверения Ньютона, что ему важны не умозрения о скрытых причинах явлений, а исследование и констатирование того, что дано в фактах, его ход идей, ясно и кратко выражающийся в его словах hypotheses non fingo («я гипотез не строю») характеризуют его, как философа выдающегося значения. Он вовсе не желает привести себя в изумление собственными своими выдумками, поражать себя или импонировать себе, он хочет познать природу». См.: Эрнст Мах, — Основные идеи моей естественно-научной теории познания и отношение к ней моих современников. «Новые идеи в философии», № 2, СПб., 1912, сс. 127—129: «До 80-х годов протекшего столетия я чувствовал себя так, будто я один плыву против общего течения, хотя на самом то деле это давно обстояло иначе. Незадолго до выпуска «Механики», я натолкнулся в поисках сочинений родственного содержания на книгу Авенариуса «Философия, как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил» (1886 г.) и успел еще сослаться на эту работу в предисловии к Механике. Два года спустя после издания моего «Анализа» был выпущен в свет первый том «Критики чистого опыта» (1888) Авенариуса, а несколько лет спустя вдохнули в меня бодрость работы Г. Корнелиуса Psychologie, als Erfahrungswissenschaft (1987) и «Введение в философию» (1903) и И. Петцольда «Введение в философию чистого опыта» (1900). Таким образом я убедился, что некоторой части, по крайней мере, философов я далеко не так чужд, как мне давно казалось. . . Лишь несколько лет тому назад я познакомился с работами В. Шуппе и именно с его «Erkenntnistheoretische Logik» 1878, и убедился, что этот автор идет родственными мне путями уже с 1870 года.

Значительно реже я встречал признание со стороны физиков. Правда, вместе с Оствальдом я имел весьма знаменитого предшественника в лице В. И. М. Ранкина, который уже в небольшой своей статье «Outlines of the Science of Energetics» (The Edinburgh New Philos. Journ. Vol. II, New Series, p. 120, 1855), опубликованной в 1855 году, указывал на различие между объяснительной (гипотетической) и абстрактной (описательной) физикой, называя только последнюю истинно-научной, а первую — лишь подготовительной ступенью для второй. . . Поздно мы услышали слова Герца, что теория Максвелла заключается собственно в уравнениях Максвелла, поздно мы услышали слова Гельмгольца в предисловии к механике Герца (стр. XXI). Лишь в 1906 году появилась книга П. Дюгема «Физическая теория», в которой мы находим полный разрыв со старой точкой зрения»].

[7] [Сноска не сохранилась. Вероятно имеются в виду книги Э. Маха «Анализ ощущений» (1-е изд. 1886 г.) и «Познание и заблуждение» (1-е изд. 1905 г.). Существуют русские переводы: Анализ ощущений и отношение физического к психическому. Разрешенный автором перевод с рукописи 5-го дополненного немецкого издания Г. Котляра, с предисловием автора к русскому переводу и с вступительной статьей А. Богданова. Изд. 2-е, М., 1908. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. Разрешенный автором перевод со второго, вновь просмотренного немецкого издания Г. Котляра под редакцией профессора Н. Ланге. М., 1909].

[8] Г. Герц, — Три картины мира (вступительная статья к «Принципам механики»). «Новые идеи в философии», № 11, СПб., 1914, стр. 65—67.

[9] Пьер Дюгем, — Физическая теория. Ее цель и строение. Перевод с франц. Г. А. Котляра. [С предисловием Эрнста Маха к немецкому изданию]. СПб., 1910, «Образование».

[10] [Сноска не сохранилась. См.: Вильгельм Оствальд, — Натур-философия. Лекции, читанные в Лейпцигском университете. Пер. Г. А. Котляра, под ред. М. М. Филиппова. М., б. г., с. 334, IV. Вильгельм Оствальд, — Натур-философия. Перевод с немецкого А. В. Травкина, под ред. В. В. Битнера. СПб., Изд. «Вестника Знания», 1910, с. 86].

[11] [Сноска не сохранилась. Вероятно, прежде всего имеются в виду книги Анри Пуанкаре «Наука и гипотеза», «Ценность науки», «Наука и метод», «Последние мысли». См.: Анри Пуанкаре, — О науке. Пер. с фр. Под ред. Л. С. Понтрягина. М., 1983].

[12] [Сноска не сохранилась. Клиффорд Уильям Кингдон (1845—1879) — английский математик. Вопросов методологии науки касался в посмертно изданном труде «Здравый смысл в точных науках» (1882). Есть русский перевод: В. К. Клиффорд, — Здравый смысл точных наук, 2-е изд., Пг., 1922.]

[13] [Сноска не сохранилась. Сталло (Stallo) Джон Бернард (1823—1900) — американский юрист и философ науки. См.: The concepts and theories of modern physics, New York, 1882; есть немецкий перевод с предисловием Эрнста Маха: Die Begriffen und Theorien der modernen Physik, Berlin, 1901].

[14] [Сноска не сохранилась. См.: Ф. Энриквес, — Проблемы науки. Ч. I. Перевод с итальянского. Под ред. пр.-доц. А. И. Бачинского и пр.-доц. Г. Г. Шпета. М., Кн-во «Космос», 1911.]

[15] [Сноска не сохранилась. См.: Томсон (Кельвин) Уильям — Строение материи. Популярные лекции и речи. СПб., 1895.]

[16] [Сноски нет. Авенариус (Avenarius) Рихард (1843—1896) — немецкий философ. В 1876 г. в книге «Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Prinzip des kleinsten Kraftmasses» сформулировал основные положения эмпириокритицизма. Основные работы: «Der menschliche Weltbegriff», 1891; «Kritik der reinen Erfahrung», 1888—1890. Есть русские переводы:
Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил. Пролегомены к критике чистого опыта. Пер. со второго нем. изд. Г. А. Котляра. СПб., Изд. «Образование», 1913.
Человеческое понятие о мире. Пер. со второго (1905 г.) посмертного изд. Н. Самосонова. М., 1909.
Критика чистого опыта. Пер. с нем. Ив. Федорова. Тт. 1—2. СПб., 1907—1908.
Корнелиус (Cornelius) Ганс (1863—1947) — немецкий философ. Основные работы: «Einleitung in die Philosophie», 1903; «Psychologie als Erfahrungswissenschaft», 1897; «Transzendentale Systematik», 1916.
Есть русский перевод:
Введение в философию. Пер. с нем. Г. А. Котляра под ред. и с. пред. Н. Н. Ланге. М., Издание Д. П. Ефимова, 1905.
Петцольдт (Petzoldt) Иосиф (1862—1929) — немецкий философ, ученик Э. Маха и Р. Авенариуса. Основные работы: «Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung», 1900—1904; «Das Weltproblem von positivistischem Standpunkte aus», 1906.
Есть русские переводы:
Введение в философию чистого опыта. Т. I. Определенность души. Авторизованный перевод с нем. Г. А. Котляра с пред. автора к русскому изданию. Изд. «Шиповник», СПб., 1909.
Проблема о мире с точки зрения позитивизма. 2-е русское изд. Перевод с немецкого с предисловием и примечаниями М. А. Лихарева. СПб., 1911.
Карстаньен (Carstanjen) Фридрих, профессор философии Цюрихского университета, ученик Р. Авенариуса. Основная работа: «Richard Avenarius' biomechanische Grundlegung der neuen allgemeinen Erkenntnistheorie. Eine Einführung in die Kritik der reinen Erfahrung», München, T. Ackermann, 1894; 2. Aufl., Leipzig, O. R. Reisland, 1897.
Есть русский перевод:
Введение в «Критику чистого опыта». Перевод В. Лесевича, по неизданной рукописи второго, пересмотренного и дополненного автором, издания. 2-е изд., исправленное. СПб., 1899.
Гольцапфель (Holzapfel) Рудольф Мария (1874—1930) — немецкий философ и поэт. Основное философское произведение: Panideal. Psychologie der sozialen Gefühle. Mit einem Vorwort von E. Mach. Leipzig, 1901.
См.: Р. Авенариус, — Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского. Новая теория позитивного идеализма (Holzapfel. Panideal). Критическое изложение А. Луначарского. М., Издание С. Дороватского и А. Чарушникова, 1905, с. 131—206.]

[17] [Сноски нет.
Вероятно, П. А. Флоренский имеет в виду А. А. Богданова, который, ставя вопрос «зачем нужна и полезна философия Маха для сознательного борющегося пролетариата и для товарищески присоединившейся к нему части интеллигенции», отвечает: «У Маха многому можно научиться. А в наше бурное время, в нашей залитой кровью стране особенно дорого то, чему он учит всего больше: спокойная неуклонность мысли, строгий объективизм метода, беспощадный анализ всего принятого на веру, беспощадное истребление всех идолов мысли. Все это нужно нам не только для цельности и научности мировоззрения.» (А. Богданов, — Вместо предисловия. Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха? В кн.: Э. Мах, — Анализ ощущений и отношение физического к психическому. Разрешенный автором перев. с рукописи 5-го дополненного немецкого издания Г. Котляра, с предисловием автора к рускому переводу и с вступительной статьей А. Богданова. 2-е изд., М., 1908). Такую позицию А. А. Богданова критиковал В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм»].

[18] Г. Герц, — Три картины мира. «Новые идеи в философии», № 11, СПб., 1914, с. 65.

[19] Там же, с. 65—66.

[20] Там же, с. 66—67.

[21] Пьер Дюгем, — Физическая теория. Ее цель и строение. Перевод с фр. Г. А. Котляра. С предисловием Эрнста Маха к немецкому изданию. СПб., «Образование», 1910, с. 96—97.

[22] Изложено всюду по Дюгему, id., с. 98—100.
См. В. Томсон, — Строение материи. [Популярные лекции и речи, СПб., 1895.]
[23] Пьер Дюгем, — Физическая теория. ., СПб., 1910, с. 94.
[24] H. Poincaré, — Electricité et Optique, 2 éd, 1901, T. 2, p. VIII-H. Poincaré, — La science et l'hypothèse, Paris, 1902, p. 247.
[См.: Анри Пуанкаре, — О науке. Пер. с фр. Под ред. Л. С. Понтрягина. М., 1983, с. 131—133. Цит. по: Дюгем, id., с. 101.]
[25] P. Duhem, — Les théories électriques de J. Clerk Maxwell. Etude historique et critique, Paris, 1912.
[26] Пьер Дюгем, — Физическая теория. . , СПб., 1910, с. 107.
[27] Пьер Дюгем — Физическая теория. . . , 1910, с. 102—103.
[28] H. Herz, — Untersuchungen über die Ausbreitung der electrischen Kraft, Lpz. 1892, S. 23.
[29] А. Пуанкаре, — Теория Максвелля и герцовские колебания. Перевод под редакцией [проф.] М. А. Шателена и В. К. Лебединского. СПб., 1900, стр. 2.
[30] id., стр. 1.
[31] Г. Герц, — Три картины мира. «Новые идеи в философии», №11, СПб., 1914, с. 67—68.
[32] [Сноски нет. П. А. Флоренский имеет в виду труды Пьера Симона Лапласа (1749—1827) «Exposition du système du monde», (v. 1—2, 1795—1796) и Фридриха Карла Христиана Людвига Бюхнера (1824—1899) «Kraft und Stoff» (1855).
Есть русские переводы:
Изложение системы мира. Пер. М. С. Хотинского. Тт. 1—2. СПб., Изд. «Общественная польза», 1861.
Изложение системы мира. Пер. В. М. Васильева. Л., «Наука», 1982. Сила и материя. Очерк естественного миропорядка вместе с основанной на нем моралью, или учением о нравственности. Пер. с 21-го немецкого изд. Н. Полилова. СПб., 1907.]
[33] [Текст сноски не сохранился.
См.: Вильгельм фон Гумбольдт, — Избранные труды по языкознанию. М., «Прогресс», 1984, с. 306: «. . . слово проявляет себя как сущность совершенно особого свойства, сходная с произведением искусства. . .»
А. А. Потебня, — Эстетика и поэтика. М., «Искусство», 1976, с. 196: «Слово только потому есть орган мысли и непременное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения».]
[34] Подробнее об этой антиномии языка, открытой впервые В. Гумбольдтом, см.: [Вильгельм фон Гумбольдт, — Избранные труды по языкознанию. М., «Прогресс», 1984, с. 90: «Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения словами предметов, а затем уже происходило соединение слов. В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи. Но слова оказывается возможным выделить уже в самой грубой и неупорядоченной речи, так как словообразование составляет существенную потребность речи. Слово образует границу, вплоть до которой язык в своем созидательном процессе действует самостоятельно. Простое слово подобно совершенному и возникшему из языка цветку. Словом язык завершает свое созидание. Для предложения и речи язык устанавливает только регулирующие схемы, предоставляя их индивидуальное оформление произволу говорящего. Хотя слова даже в речи часто выступают изолированно, однако правильное их извлечение из речевого континуума под силу лишь остроте развитого языкового чутья; это именно тот момент, в котором явственно обнаруживаются все преимущества и изъяны отдельных языков».]
Потебня, —Мысль и язык. 3-е издание, Харьков, 1913.
Victor Henry, — Les antinomies [linguistiques. Paris, 1896, p. 78].
[35] Étienne Bonnot de Condillac, — Cours d'études pour l'instruction du prince de Parme, [v. 1—13], Grammaire, Parme, 1769—1773.
[36] [Дж. Ст. Милль, — Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. с англ. В. Н. Ивановского. 2-е изд. М., 1914, с. 18.]
[37] Макс Мюллер, — Наука о мысли. Перевод В. В. Чуйко. СПб., 1891. Гл. 11. § 4, [Язык есть истинная история человеческого ума], с. 61: [«Но даже после того, как философия и филология установили факт, что язык есть мысль, а мысль есть язык, прошло некоторое время прежде, чем выведено было заключение, что настоящее историческое развитие человеческого ума должно быть изучаемо в истории языка. . . Истинные архивы, в которых только и может быть изучаемо развитие человеческого ума, суть архивы языка и эти архивы в непрерываной линии протягиваются от нашей последней мысли до первого слова, произнесенного нашими предками. Здесь-то человеческий ум оставил нам то, что может быть названо его истинной автобиографией, если только мы способны разобрать ее».]

[38] [Сноски нет.
Французский натуралист Жорж Луи Леклерк Бюффон (1707—1788) видел в гении лишь сильнейшую степень внимания].

[39] J. R. Meier, — Mechanik der Wärme, Stuttgart, 1897, S. 239. [Майер Юлий Роберт (1814—1878) — немецкий врач и естествоиспытатель, один из открывателей закона сохранения и превращения энергии.
См.: Ф. Розенбергер, — История физики. Ч. 3. Вып. 2. М.-Л., 1936, с. 30, 32—33: «Долгое время идеи его не получали признания и отсутствовали стимулы к дальнейшей работе... В 1842 г., в котором он опубликовал основы своих новых воззрений на силу, он приступил к устройству своего собственного домашнего очага. Но вскоре на его голову посыпались беды, достигшие своего апогея в форме продолжительного и, как говорят, не вполне добровольного пребывания в лечебнице для умалишенных. Этот период бедствий продолжался до конца пятидесятых годов, когда в ученом мире заслуги Майера получили признание и все близкие к нему убедились в его умственном здоровье и большом значении его работ... Его глубокую убежденную религиозность и идеальный взгляд на жизнь, устоявший вопреки жизненным невзгодам, лучше всего характеризуют заключительные слова одной из популярных лекций, прочитанных им в 1871 г.: «В новейшее время, как вы знаете, потребность в пище хотели возвести в принцип под названием „борьба за существование" и благодаря этому пришли к совершенно односторонним выводам. Подобная „борьба за существование", конечно, существует; но не голод, не война и не ненависть поддерживают мир, его поддерживает любовь» («Mechanik und Warme», стр. 396, Stuttgart, 1874)»].

[40] См. у Метнера, Гете, стр. 159
[Эмилий Метнер, — Размышления о Гете. Книга I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., Изд-во «Мусагет», 1914, с. 159].

[41] Сенека [У Сенеки этого высказывания найти не удалось. Оно сделано в духе стоицизма. В книге Н. О. Овруцкого «Крылатые латинские изречения в литературе» (Киев, 1962) об источнике этого изречения сказано: «Первоисточник не установлен» (с. 209).] Подробнее о сем см. «Столп и Утверждение Истины» [М., 1914] экскурс «Время и Рок» [с. 530—534]. Еще: Ветухов [А. В.] «Година». [Этимологическая заметка. (Из «Известий» II отд. имп. Академии наук). Петроград, 1915.]

[42] Платон, — Евтифрон, 11 b, c, d, пер. М. С. Соловьева (Творения Платона. Пер. с греч. Вл. Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого. Т. 2, М. 1903, стр. 266—267). [См.: Платон, — Диалоги. М., «Мысль», 1986, с. 262.]

[43] Новалис, — Фрагменты [в переводе Григория Петникова]. 1. [М., Кн-во «Лирень», 1914], с. 16.

[44] Теэтэт, 189e [—190a] Перев. ср. у Д [неразб.], с. 77.
[См.: Платон, — Сочинения в трех томах. Т. 2. М., «Мысль», 1970, с. 289.]

[45] Платон, — Софист, 263e (Opera ex rec. Hirschigii. T. I, p. 199, 4—7). [Opera graece et latine I—III, ed. R. Hirschigii — C. H. Schneideri. Paris. 1862—1873.
См.: Платон, — Сочинения в трех томах. Т. 2. М., «Мысль», 1970, с. 392.]

[46] Вольфганг Гете, — Фауст. Перевод в прозе Петра Вейнберга. СПб., 1904, с. 21.
[См.: Гете, — Собрание сочинений. Т. 2. Фауст. Пер. с нем. Б. Пастернака. М., «Художественная литература», 1976, с. 25:

«Дух
Я в буре деяний, в житейских волнах,
В огне, в воде,
Всегда, везде,
В извечной смене
Смертей и рождений.
Я — океан,
И зыбь развитья,
И ткацкий стан
С волшебной нитью,
Где, времени кинув сквозную канву,
Живую одежду я тку божеству».]

[47] Horatius, — Epistularum Liber, 1, 6, 1.
[Плутарх приписывает эти слова Пифагору.
См.: Квинт Гораций Флак, — Полное собрание сочинений. М.-Л., «Academia», 1936, с. 295:

«Сделать, Нумиций, счастливым себя и таким оставаться
Средство, пожалуй, одно только есть — „ничему не дивится"».
Пер. Н. С. Гинцбурга]

[48] Личное устное сообщение М. А. Новоселова.

[49] [А. С. Пушкин, — Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. М., «Изд. АН СССР», 1963, с. 159:

«Демон

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия. . .»]

[50] [Ирмос первый песни праздника Сретения Господня.]

[51] Платон, — Теэтет, 155 c, d.
Opera ex rec. Schneiderii, т. 2., p. 119 20—27. Творения Платона в перев. [В. Н.] Карпова, т. 5, [М., 1879], с. 345—346.
[См.: Платон, — Сочинения в трех томах. Т. 2, М., «Мысль», 1970, с. 243.]

[52] Климент Александрийский. П., p. 380A
[Сноска на раннее издание Патрологии Миня. Соответствующее место см.: MIGNE. Patrol. Graecae. Vol 8. Paris, 1891, pp. 980—981.
В русском переводе: «Начало истины или знания (гносиса) есть удавление» — говорит Платон в Феатете» (Строматы. Творение учителя Церкви Климента Александрийского. Пер. Н. Корсунского. Ярославль, 1892, стлб. 215; книга 2, глава 9). Ср. также: «Принять и постигнуть учение Богооткровенное (Мф. 19, 17), это значит получить в нем благо истиннейшее и величественнейшее. Мудрец истинный первее всего поэтому и удивляется сему новому чуду творения». Прим.: «По-видимому, намек на слово Платона, что «началом знания служит удивление» (там же, стлб. 845; книга 7, глава II).]

[53] Аристотель, — Метафизика, I, 2, 282b.
[Аристотеля Метафизика.] Перевод [с греческого подлинника и объяснения] П. Первова и В. Розанова [Вып. I. Книги I—V. СПб., 1895. Извлечено из ЖМНП за 1891—1895 гг.,] с. 16—17.
[См.: Аристотель, — Сочинения в четырех томах. Т. I, М., «Мысль», 1976, с. 69.]

[54] GOETHE, — Faust, II, Erster Akt. Finstere Galerie.
[Вольфанг Гете, — Фауст. Перевод в прозе Петра Вейнберга. СПб., 1904, с. 230.
См.: Гете, — Собрание сочинений. Т. 2. Фауст. Пер. с нем. Б. Пастернака. М., «Художественная литература», 1976, с. 236:

«Фауст

Я не ищу покоя столбняка.
Способность потрясаться — высока,
И непривычность чувства драгоценна
Тем, что роднит с безмерностью вселенной».]

[55] GOETHE, 1787, VI, 6 (Метнер, с. 300).
[См.: Эмилий Метнер, — Размышления о Гете. . ., с. 300.]

[56] Voss, — Goethe und Schiller ed. Graef. Reclam. An Boie 1804. II. 25 (Метнер, id., с. 301). [См.: Эмилий Метнер, — Размышление о Гете. . ., с. 301 и 516.]

[57] 1829. II. 18 (Метнер, id., с. 301).
[См.: Эмилий Метнер, — Размышление о Гете. . , с. 301.]

[58] [Сноки нет.
Об удивлении, как «первоимпульсе творческой мысли» у Бэкона, Гоббса, Декарта, Кондельяка, Канта будет сказано дальше. Шопенгауэр (SCHOPENHAUER) Артур (1788—1860) — немецкий философ. Главный философский труд «Die Welt als Wille und Vorstellung», Leipzig, 1819. Есть русский перевод. См.: Мир как воля и представление. Т. II, заключающий в себе дополнения к четырем книгам первого тома. Перевод Ю. И. Айхенвальда. М., Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1901, гл. XVII. О метафизической потребности человека, с. 155—156: «Философские дарования в том именно и состоят, что человек способен удивляться обыденному и обыкновенному, и это побуждает его задумываться над общим характером явлений, — между тем как исследователи в области реальных наук удивляются только перед исключительными и редкими явлениями, и вся цель их заключается в том, чтобы свести последние к явлениям более известным. Чем ниже стоит человек в интеллектуальном отношении, тем менее загадочного представляет для него бытие: напротив, все в мире, как оно существует, и то, что оно существует, кажется ему понятным само собою».
Шульце (SCHULZE) Готлоб Эрнст по прозвишу Энезидем по заглавию своего главного произведения (1761—1833) — немецкий философ, у которого в Геттингене учился Шопенгауэр. В черновиках П. А. Флоренского сохранилась ссылка на книгу:

Schulze G. E., — Psychische Anthropologie, Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1., 2., 3. Ausg. 1816, 1819, 1826.
Зигварт (Zigwart) Христоф (1830—1904) — немецкий логик. Главное произведение «Logik», Bd. 1—2, 1873—1878. Есть русский перевод: Логика. Перевод с 3-го нем. изд. И. А. Давыдова. Т. I и II, вып. 1—2. СПб. Издание т-ва «Общественная Польза», 1908—1909. Какого из Циглеров имел в виду П. А. Флоренский неясно. Возможно, это Цигле р (Ziegler) Теобальд (1846—1918) — немецкий философ и педагог.
Бенеке (Beneke) Фридрих Эдуард (1798—1854) — немецкий философ и психолог. В черновиках П. А. Флоренского сохранилась ссылка на книгу: Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft. Berlin, 1833; 4. Aufl., Berlin, E. S. Mittler und Sohn, 1877].

[59] [См.: Френсис Бэкон, — Сочинения в двух томах. Т. I. Великое Восстановление Наук. М., «Мысль», 1971, с. 92]

[60] Hobbes, — Hum[an] nat[ure] IX. 18.
[Трактат «Человеческая природа» написан Томасом Гоббсом в 1640 г. и издан в 1650 г. Гл. IX. 18. Изумление и любопытство. См.: Томас Гоббс, — Избранные произведения в двух томах. Т. I. М., «Мысль», 1964, с. 488: «Эта надежда и это ожидание будущего знания, возбужденные каким-нибудь новым и странным событием, и составляет ту страсть, которую мы обычно называем изумлением. Та же страсть, рассматриваемая как желание, есть любопытство, представляющее собой желание знать».]

[61] Condillac, — Traité des sensations, I partie, H, §§ 17, 18 (Oeuvres philosophiques de Condillac. T. III. Paris, [1798] An. VII. pp. 29—31).
[Вероятно П. А. Флоренский дал свой перевод.
См.: Этьенн Бонно де Кондильяк, — Сочинения в трех томах. Т. 2. М., «Мысль», 1982, с. 200—201.]

[62] Декарт, — Passiones sure affectus animae, I, 53. (Renati Des Cartes Opera philosophica [omnia, in tres tomos distributa. . .] Francofurti ad Moenum, [Sumtibus Friderici Knochii,] 1697, p. 22.
[См.: Ренэ Декарт, — Избранные произведения. Редакция и вступительная статья В. В. Соколова. М., Гос. изд. полит. лит., 1950, с. 645—646.]

[63] [См.: Ренэ Декарт, — Избр. пр. . . . М., 1950, с. 629.]

[64] См.: Ренэ Декарт, — Избр. пр. . . . М., 1950, с. 530.]

[65] [Сноска не сохранилась.
Цитата дана по кн.: Иммануил Кант, — Критика способности суждения. Пер. Н. М. Соколова. СПб., Издание М. В. Попова, 1898, с. 246—247.
См.: Кант, — Критика способности суждения. Ч. II. § 62:
Иммануил Кант, — Сочинения в шести томах. Т. 5. М., «Мысль», 1966, с. 388—389.]

[66] [Сноска не сохранилась.
Цитата дана по кн.: Иммануил Кант, — Критика способности суждения. Пер. Н. М. Соколова. СПб., Издание М. В. Попова, 1898, с. 247—248.
См.: Кант, — Критика способности суждения. Ч. II. § 62:
Иммануил Кант, — Сочинения в шести томах. Т. 5. М., «Мысль», 1966, с. 389—390.]

[66a] [Блаженный Иероним († 420) в 36 разделе «Книги о знаменитых мужах» писал: «Понтен, философ стоической школы, в Александрии, где по некоторому древнему обычаю со времен евангелиста Марка всегда были церковные учители, столько славился умом и образованностью, как в божественных писаниях, так и в светской литературе, что по просьбе послов Индийского народа был послан Димитрием, епископом Александрийским,* в Индию.** По прибытии в Индию он нашел, что Варфоломей, один из двенадцати апостолов, проповедал там пришествие на землю Господа нашего Иисуса Христа по евангелию Матфея, которое написанное на еврейском*** языке, по возвращении в Александрию, он принес с собою. Хотя существует много его толкований на Священное Писание, но он более принес пользы Церквам живым голосом. Он учил при императора Севере**** и Антонине, по прозванию Каракалле ***** (Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 5. Изд. 2-е Киев, 1910, с. 283—284). Сведения эти почерпнуты, вероятно, из «Церковной истории» Евсевия Памфила (ок. 260—340) (книга V, 10 — см.: Богословские труды. Сб. 25. М., 1984, с. 16). Блаженный Иероним упоминает еще раз о Понтене, излагая Хронику Евсевия Памфила, под 194 годом: «Климент, пресвитер Александрийской Церкви и стоический философ Пантен славятся как красноречивейшие защитники нашей веры» (Творения. . . Ч. 5. Изд. 2-е, Киев, 1910, с. 347).]

* Святой Димитрий, 189—231.
** По предположениям некоторых современных исследователей — Южная Аравия.
*** арамейском.
**** Септимий Северо, 193—211.
***** Антонин Каракола, 211—217.

[67] [См.: Житие и страдание святого апостола Фомы. — Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга вторая. Месяц октябрь. [День шестой.] Изд. 2. М., 1904, с. 139—154.]

[68] Вячеслав Иванов, — Плоть и кровь, I (Вячеслав Иванов, — Cor ardens. Часть II. М., 1912, с. 158).

[69] Аристотель, Платон.

[70] Платон, — Государство, VII, 534b.

[Цитата дана по книге: Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором [В. Н.] Карповым. Издание второе, испр. и доп. Ч. Ш. Политика или Государство. СПб., 1863, с. 384. См. Платон, — Сочинения в трех томах. Т. III. Ч. I. М., «Мысль», 1971, с. 346.]

[71] Платон, — Кратил, 390 d.

[Цитата дана по книге: Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором [В. Н.] Карповым. Ч. V. М., 1879, с. 211. См.: Платон, — Сочинения в трех томах. Т. I. М., «Мысль», 1968, с. 425.]

[72] Платон, — Кратил, 390 c.

[Цитата дана по книге: Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором [В. Н.] Карповым. Ч. V. М., 1879, с. 210. См.: Платон, — Сочинения в трех томах. Т. I. М., «Мысль», 1968, с. 425.]

[73] Диоген Лаэртский, — Платон (цит. по Истории Физики Любимова, I, с. 65). [См.: Н. А. Любимов, — История физики. Опыт изучения логики открытий в их истории. Ч. I. Период греческой науки. СПб., Тип. В. С. Багашева, 1892, с. 65. См.: Диоген Лаэртский, — О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., «Мысль», 1979, с. 164.]

[73a] Далее зачеркнуто:

«Диалектика есть искусство обсуждать вопрос с различных точек зрения, но так, однако, чтобы в конце концов получалось впечатление, „в котором душа обхватывает зараз, как бы единым актом воображения, — по определению Патера, — через все переходы долгого разговора, все на первый взгляд противоположные препирательства всех участников разговора"». (W. Pater. — Plato and Platonism, 1893, London and New York, p. 165 (из реферата А. Н. Гилярова в «Вопросах Ф[илософии] и Психологии], год V, 1894, кн. 23(3), с. 439).

[74] Сноска не сохранилась.

[75] Платон, — Государство, VII, 537c.

[Цитата дана по книге: Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные Профессором [В. Н.] Карповым. Издание второе, испр. и доп. Ч. III. Политика или Государство. СПб., 1863, с. 389. См.: Платон, — Сочинения в трех томах. Т. III. Ч. I. М., «Мысль», 1971, с. 350.]

[76] Сноска не сохранилась.

[77] [См.: Эмилий Метнер, — Раемышления о Гете. . , с. 101 и 448.]

[78] [См.: Эмилий Метнер, — Размышления о Гете. . , с. 153.]

[79] [См.: Эмилий Метнер, — Размышления о Гете. . , с. 204.]

[80] [См.: Эмилий Метнер, — Размышления о Гете. . , с. 209.]

[81] [См.: Гете. — Избранные философские произведения. М., «Наука», 1964, с. 356: «Первичный феномен идеален, реален, символичен, тождествен. Идеален, как последнее познаваемое;

реален, как познанный;
символичен, ибо охватывает все случаи;
тождествен со всеми случаями.»]

[82] [См.: Эмилий Метнер, — Размышления о Гете. . , с. 154—156.]

[83] [Эмилий Метнер, — Размышления о Гете. . , с. 150.]

[84] [См.: Эмилий Метнер, — Размышления о Гете. . , с. 151.]

[85] [См.: Эмилий Метнер, — Размышления о Гете. . , с. 68—69, 508.
См.: Гете, — Избранные философские произведения. М., «Наука», 1964, с. 418 и 417: стихотворения Гете «Наоборот (физику)» и «Эпиррема». — Allerdings (Dem Physiker). Epirrhema.]

[86] Herder, — Sammtliche Werke, Taschenausgabe, 1827. Zur Philosophie und Geschichte, Bd. II. SS. 54—55. (Цит. по [Р.] Гайму, — В [ильгельм] фон-Гумбольдт. [Описание его жизни и характеристика. Пер. с нем. М., Издание К. Т. Солдатенкова, 1898], с. 413—414.

MISCELLANEA

Фридрих Ницше и М. Ю. Лермонтов

ДАНУШЕ КШИЦОВА

(D. Kšicová, Filosofická fakulta University J. E. Purkyně, ČS-60200 Brno, A. Nováka 1)

Об отношении Фридриха Ницше (1844—1900) к творчеству М. Ю. Лермонтова (1814—1841) до сих пор известно очень мало.[1] В самой полной библиографии работ о Ницше не приводится никаких данных, касающихся этой темы, хотя в ней и цитируется ряд русских работ, посвященных сравнительному изучению Ницше и Достоевского или Ницше и Л. Н. Толстого.[2] Сам Ницше о Лермонтове не пишет ни в одном своем печатном произведении, хотя, например, о Достоевском, принадлежавшем к его любимым авторам, высказывается довольно часто.[3] Он даже признает, что Достоевский единственный психолог, у которого ему стоит учиться.[4] Такое признание тем более значительно, что Ницше относился довольно критически к большинству классиков или гениальных современников.[5]

В начале XX столетия, в период культа Ницше, на определенные аналогии в творчестве Лермонтова и Ницше обратили внимание самые известные тогдашние русские писатели — Владимир Соловьев, Д. С. Мережковский, а вслед за ними и другие авторы. Владимир Соловьев находил в Лермонтове «. . . прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которые для краткости можно назвать „ницшеанством" . . .»[6] Соловьев, усматривающий в ницшеанстве небрежение человеком, пытается найти общественное обоснование сверхчеловека, лишенного божественного бессмертия. Гений может стать сверхчеловеком, т. е. богочеловеком, лишь посредством морального возрождения, которого, по мнению Соловьева, Лермонтову, однако, не достает. Соловьев, не понявший

[1] Ср.: Danuše Kšicová, Lermontov předchůdce Nietzscheovy filozofie? Slavia 1971, 2, 184—203; *ее же*, Poéma za romantismu a novoromantismu: Česko-ruské paralely. Brno 1983, 67—86.

[2] H. W. Reichert, K. Schlechta, International Nietzsche Bibliography. Chapel Hill, University of North Carolina, 1960, 133 p.

[3] Об отношении между творчеством Достоевского и Ницше ср., напр.: A. I. Smirnov, Dostojevskij a Nietzsche. Praha 1905. Об этом опубликованном докладе пишут довольно критически: B. Tramer, Dostojevskij a Nietzsche: Slavia 19 (1950) 61—85; V. Černý, Essai sur le Titanisme dans la Poésie Romantique. Praha 1935.

[4] Максималистический критик и убежденный скептик Ницше написал о Достоевском: «er gehört zu den schönsten Glücksfällen meines Lebens, mehr selbst noch als die Entdeckung Stendhals». Fr. Nietzsche, Streifzüge eines Unzeitgemäßen, Götzen-Dämmerung. Werke in drei Bänden, München 1955, 2: 1021.

[5] Там же.

[6] *Вл. Соловьев*, Лермонтов: Вестник Европы 36 (1901) кн. 2, 441—459; Собрание сочинений В. Соловьева, 8. СПб. 1913, 348—370. Ср. также другую статью Соловьева о Ницше: Идея сверхчеловека, 1899: там же, 9: 265—374.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

сущности характера Лермонтова, считает его гордость и своеобразие – эгоизмом. Это утверждение Соловьева вызвало критическое выступление Д. С. Мережковского в его книге «Лермонтов — поэт сверхчеловечества».[7] Мережковский прав, критикуя соловьевскую характеристику Лермонтова, представленного в роли злого демона, который должен был неминуемо погибнуть, так как не был в состоянии покориться Богу. Доказывая на ряде примеров из истории русской литературы, что именно покорности было в прошлом русской общественной мысли всегда достаточно, Мережковский утверждает, что Лермонтов является единственным из русских писателей, богоборчество которого можно сравнить с борьбой Иакова с Богом, которую Господь благословил. Богоборчество Лермонтова связано с вечной дилеммой: если существует Бог, почему на свете столько зла? Анализируя отношение Лермонтова к религии, Мережковский сосредотачивается на его «Демоне». Резюмируя, что Демон — это ни дьявол, ни ангел, Мережковский приходит к мистическому выводу: «Не одно ли из тех двойственных существ, которые в борьбе с Богом не примкнули ни к той, ни к другой стороне? — не душа ли самого Лермонтова в той прошлой вечности, которую он так ясно чувствовал?» (55). Если мистик Соловьев находил начало лермонтовского таланта в предании о его средневековом шотландском предке, похищенном феями в их сказочное царство, то мистик Мережковский убежден в том, что у Лермонтова: «. . . Вечное Материнство и Вечная Женственность, то что было до рождения, и то, что будет после смерти, сливаются в одно» (76).[8] В отличие от Соловьева, считавшего теорию сверхчеловека для Лермонтова гибельной, Мережковский был убежден в том, что демонизм Лермонтова, который он считал русским вариантом теории сверхчеловека, был путем поэта к его искуплению. Философский смысл теории сверхчеловека для них обоих в сущности не является важным.

С виталистической точки зрения Демона анализирует В. В. Розанов – хороший знаток дохристианских религий. Доказывая, что дохристианский культ плодородия был в христианстве заменен культом смерти, Розанов находит в демонизме аналогию с дохристианскими религиями — с их культом природы. Поэме «Демон» он дает высокую оценку именно потому, что вопрос о сущности добра и зла здесь автором решается не в узко этическом, а в широко трансцендентальном смысле.[9]

Попытку охарактеризовать не только творчество Лермонтова, но также и Ницше, мы находим в статьях А. Налимова и Р. И. Сементковского,[10] не

[7] *Д. С. Мережковский*, М. Ю. Лермонтов — поэт сверхчеловечества. СПб. 1909. Дальше цитируется страница прямо в тексте.

[8] В этом отношении Мережковский близок С. Фрейду. Напр., трагедию короля Лира Фрейд усматривает в том, что старый король должен был избрать одну из трех женщин, среди которых Корделия была воплощением Моар — королевой смерти, представляющей собой третью форму материнства. Первой из них является по Фрейду сама мать, второй — любовница, похожая на мать, и третьей — мать-земля, принимающая почившего человека в свои объятия. Ср.: R. Marthe, La révolution psychoanalytique, La vie et l'œuvre de Freud, 2 tomes. Paris 1964, Freud et la litérature.

[9] *В. Розанов*, «Демон» Лермонтова и его древние родичи: Русский вестник, т. 281, 47; СПб. 1902, 45—56.

[10] *А. Налимов*, Лермонтов и Ницше (1841—1901 гг.): Литературное обозрение 8, 1902, № 1, 43—45; *Р. И. Сементковский*, Драмы Лермонтова и сверхчеловек: Ежегодник императорских театров 1915, 160—188. У Сементковского это исторически связано с фактом, что статья им писалась в начале первой мировой войны.

представляющих собой, однако, большого вклада в изучение творчества Ницше. Налимов ценит, скорее, поэтический талант Ницше, а у Сементковского появляется зарождение той интерпретации, которая впоследствии связала Ницше — критика немецкой экспансивности — с идеологией нацизма.[11]

Определенный отголосок русской эстетической мысли, связывающей Лермонтова с Ницше, есть также в чешской критике и философии того времени. Самыми известными были, естественно, упомянутые работы Владимира Соловьева и Д. С. Мережковского. Книга «Лермонтов — поэт сверхчеловечества» была одобрена, например, самым известным чешским критиком Франтишком Ксавером Шальдой, справедливо утверждавшим, что Лермонтова нельзя ограничивать никакой односторонней интерпретацией. Его творчество перерастает байронизм, субъективизм, а также теорию сверхчеловека.[12] С полемикой между Соловьевым и Мережковским знакомит чешских писателей Богдан Павлу.[13] Он убежден в том, что Лермонтова связывает с Ницше вечное стремление найти мир, обитаемый более совершенными существами, чем это имеет место в действительности.

Анализом философско-эстетических взглядов В. Соловьева, в том числе и его интерпретацией Лермонтова, занимался Т. Г. Масарик во втором томе своей истории русской философской мысли «Россия и Европа».[14] Соловьев считает, по мнению Масарика, основным принципом творчества М. Ю. Лермонтова скептическую и пессимистическую рефлексию, дающую повод к познанию самого себя. Масарик анализирует также соловьевскую интерпретацию психопатической теории сверхчеловека по отношению к Лермонтову. Соловьев находит эту теорию полной победой эгоизма и пренебрежения к людям. Лермонтов в любви предпочитает скорее не ее объект, а самый процесс любовных переживаний. Масарик обращает внимание на то, что Соловьев упрекает Лермонтова в интересе к чувственности демона, и на мистическое убеждение Соловьева в том, что у Лермонтова было т. н. «другое зрение» — он предвидит свою собственную смерть, в чем Соловьев находил обоснование своего мистицизма.

Таким образом все, кто в это время занимался данной проблематикой, ограничивались лишь частью философии Ницше — его теорией сверхчеловека, начало которой усматривается в романтическом демонизме, нашедшем такое яркое выражение у Лермонтова. Исследователи, в основном, сосредотачивались на анализе творчества Лермонтова, ограничиваясь, по отношению к Ницше, лишь высказываниями в форме эссе. Это, безусловно, связано с тем, что философия Ницше, хотя и популярная в свое время, была тогда сравнительно мало изучена. (Самое известное произведение «Так говорил Заратустра» затмевало все остальные произведения Ницше.) Философское

[11] Влиянием ницшеанства на немецкую буржуазную философию и фашизм занимается советский ученый *С. Ф. Одуев*, Тропами Заратустры. Москва ²1976.

[12] F. X. Šalda, Siluetka Lermontova. Venkov 6. 10., 13. 10. 1918, in: Časové a nadčasové. Praha 1936.

[13] B. Pavlů, Vzkříšení Lermontova: Národní listy 1911, № 228, p. 1.

[14] T. G. Masaryk, Rusko a Evropa, vol. 2: K ruské filozofii dějin a náboženství. Praha, 1921, 367—368.

наследие Ницше деформировали также издатели произведений Ницше — его сестра Форстер-Ницше, братья Горнеффер и издатель Вейсс.[15]

Внимание к проблеме сверхчеловека в связи с творчеством Лермонтова вполне понятно, ибо в этом отношении напрашиваются наиболее явные аналогии. Однако в данном случае необходимо прежде всего выяснить, знал ли Ницше творчество Лермонтова. Нам удалось узнать,[16] что Ницше действительно читал два основных произведения Лермонтова — поэму «Демон» (немецкий перевод он купил, будучи шестнадцатилетним юношей, в 1859—60 г.) и роман «Герой нашего времени», прочитанный ему матерью в октябре 1879 г., когда у него болели глаза.[17] Важно другое — какое впечатление произвело на Ницше это чтение? Относительно «Демона» пока не удалось найти непосредственных сведений. Впечатление от чтения поэмы вряд ли было сильнее нежели влияние остальной романтической литературы, с которой Ницше был знаком. Об этом свидетельствует хотя бы следующий факт. Несколько лет спустя, в сентябре 1874 г., переводчик «Демона», Теодор Опиц, посвятил Ницше свое стихотворение по случаю третьего «Несвоевременного размышления» Ницше.[18] Философ об этом писал своему другу Эрвину Роде в письме от 21/XII 1874 г., в котором говорит о Т. Опице как о переводчике Петефи. Следовательно, можно заключить, что Ницше знал в 1874 г. Ф. Опица скорее как переводчика Александра Петефи, чем как переводчика Лермонтова. Это и понятно, потому что переводы Петефи, изданные в 1867 г.,[19] Ницше помнил

[15] Особенно печальную роль сыграло напечатание произведения «Воля к власти», которое издатели считают главным произведением Ницше, несмотря на то, что на самом деле это была фальсификация, возникшая на основании неупорядоченного и отрывочного литературного наследства. «Воля к власти» стала, однако, базисом для неправильной интерпретации творчества Ницше и позднее привела к злоупотреблению его сочинениями для идеологии фашизма. Ср.: P. Tomášek, Případ Nietzsche. Host do domu 1968, № 8, p. 67—69; K. Schlechta, Nachwort. In: Fr. Nietzsche, Werke in drei Bänden, 3. München 1956, 1431—1452. Известный немецкий философ Карл Шлехта принимал участие в критическом подходе к творчеству Ницше, напечатав в приведенном издании вместо «Воли к власти» лишь неупорядоченное наследие Ницше.

[16] На основании неопубликованного наследия Ницше, благодаря издателю полного собрания сочинений Ницше в 30 тт., Маззини Монтинари: Fr. Nietzsche, Werke, Kritische Gesamtausgabe. Hrsg. von G. Colli und M. Montinari, IV. Abt., Bd. 1—3, IV/4, Berlin 1967, 1969. Монтинари принимает также участие в издании международного альманаха Nietzsche-Studien. Hrsg. von Walter de Gruyter, Berlin, New York. Ср.: Fr. Rau, Disparate Angesätze in der Nietzsche-Forschung: Nietzsche-Studien 31 (1978) 3, 290—298. Высокую оценку получила монография М. Монтинари: Nietzsche. Astrolabio-Ubaldini, Rom 1975. Ср. рец.: Fr. Volpi, Nietzsche in Italien, Neue Forschungen zwischen Philologie und philosophischer Zeitkritik: Philosophischer Literaturanzeiger 34 (1981) 2, 169—170.

[17] В библиотеке Ницше, сохранившейся в Веймаре, имеется книга: Puschkin Alexander und Lermontov M., Dichtungen. Deutsch von Th. Opitz. Berlin 1859. Перевод Демона находится на с. 91—128. По характеру подписи Ницше на титульной странице М. Монтинари определил, что Ницше купил данную книгу в шестнадцатилетнем возрасте. О том, что Ницше читал «Героя нашего времени», свидетельствуют следующие данные: 14/XI 1879 г. Ницше писал из Наумбурга своему другу богослову Францу Овербеку в Базель: «Meine Mutter hat mir vorgelesen Gogol, Lermontoff, Bret Harte, M. Twain, E. A. Poe. . .» «Герой нашего времени» имеется также в веймарской библиотеке Ницше: M. Lermontoff, Ein Held unserer Zeit. Deutsch von Wilhelm Lange, Leipzig 1878, Reclam s. J., № 968—969.

[18] Schopenhauer als Erzieher. Leipzig 1874. Стихотворение перепечатано в приложении издания: Historische-kritische Gesamtausgabe der Werke und Briefe Nietzsches. München 1938, Bd. IV der Briefe, München 1942, 825.

[19] In: A. Petőfi, Lyrische Gedichte. Deutsch von Th. Opitz, Pest 1867.

лучше, чем перевод Лермонтовского «Демона», прочитанный им восьмью годами раньше. Однако наиболее достоверные сведения, касающиеся творчества Лермонтова, почерпнуты нами из письма (от 31/X 1879 г.) уже зрелого Ницше своему другу, также философу, Паулу Рэ. Речь идет о «Герое нашего времени»: „Sie hat mir Lermontoff vorgelesen; ... ein mir sehr fremder Zustand, die westeuropäische Blasirtheit, ist allerliebst beschrieben, mit russischer Naivität und halbwüchsiger Weltweltenweisheit ..."[20]

Презрительное отношение требовательного Ницше к роману не дает основания предполагать, что он нашел в романе что-нибудь родственное своей собственной философской концепции. Однако, вполне допустима возможность автостилизации, подобно тому, как это было сначала и в его отношении к Достоевскому,[21] творчество которого он ценил высоко. Тем более представляется такая возможность в отношении Ницше к Лермонтову, чья популярность повысилась на Западе только в конце столетия в связи с возрождением неоромантических тенденций. Ницше мог считать Лермонтова по сравнению с Байроном второстепенным автором, что, однако, никак не исключает возможности подсознательного воздействия русского поэта на философа. Насколько родственны Лермонтов и Ницше, можно судить только на основании конкретного сравнительного анализа их творчества.

Для философии Ницше характерны следующие проблемы:

1) каково «действительное» положение человека в мире;

2) как обыкновенно воспринималось положение человека в мире со стороны предшественников Ницше;

3) каково будет правильное представление о человеке, если мы узнаем его «действительное» положение в мире.[22]

Оригинальность Ницше заключается не в постановке новых проблем в философии, а, главным образом, в их максимально радикальном решении. Ницше убежден в том, что свое место в мире определяет сам человек. Этот факт должен быть поэтому, с его точки зрения, воспринят как поведение «человеческое, слишком человеческое». Из этого основного положения следует заключение, которое Ницше все время повторяет в самых разнообразных формулировках. Оно является ответом на первый вопрос: Положение человека в мире, каковым оно «в действительности» является — не имеет смысла. Это основное несогласие Ницше с действительностью мы найдем во всех его трудах. Ницше, убежденный в случайности, хаотичности, чудовищности и бессмысленности всего в мире и самого человека, борется против всевозможных авторитетов и «вечных» категорий. От нового восприятия античной культуры Ницше переходит к критике современного переосмысливания истории, к отрицанию фальшивой морали, к отрицанию христианства как деморализирующей идеологии, до осуждения человека толпы, или такого проявления посредственности, каким был для Ницше немецкий филистер.

С таким же отвращением к действительности, полностью несоответствующей идеалу современного человека, с похожим аристократическим отвращением к посредственности и связанным с этим чувством разочарования, потери иллюзий и скепсиса, мы встречаемся в творчестве всех романтических

[20] Nietzsche, Werke. Walter de Gruyter, Berlin, Bd. IV/4, 82.
[21] B. Tramer, Dostojevskij a Nietzsche; Slavia 19, 1950, 61—85.
[22] K. Schlechta, Nachwort: Fr. Nietzsche, Werke in drei Bänden.

поэтов, в том числе и Лермонтова. Отсюда и чувство исключительности, так характерное для романтического восприятия поэта. Поэт становится пророком, несмотря на то, что это пророк, преследуемый насмешками и потому бежавший из общества (см. «Пророк» Лермонтова), или философ, воспользовавшийся только именем, а не учением древнеперсидского мудреца Заратустры. У Ницше, как и у всех романтиков, ум борется со страстным чувством, что и отразилось в его двойственном отношении к собственному поэтическому таланту. Он и гордился им и презирал его,[23] что видно из его саркастических изречений о языке.

Между русским поэтом и Ницше имеются и некоторые совпадения в их личной жизни, вытекающие из близких взглядов и из некоторых сходных черт их характеров. Это касается прежде всего их отношения к женщинам. Пренебрежение и одновременно увлечение ими сильнее выражено у Ницше. Он не признавал женской эмансипации, считая ее лишь исходом неудачно сложившейся личной жизни и абсолютно несоответствующей характеру женщины. Женщина с точки зрения Ницше — хищная самка, которую можно усмирить только рождением ребенка.[24] Однако известно, что наряду с немногочисленными друзьями у Ницше было также несколько близких подруг, которых он очень уважал. Среди них были и русские — дочь русского генерала Лоу Саломе, на которой он хотел жениться, и дочь Герцена Ольга. Благодаря их посредничеству Ницше познакомился с русской литературой, главным образом с Достоевским.[25] Лермонтов же изображает большинство своих героинь с гораздо большей симпатией, чем своих героев. Однако Лермонтов доказал в действительности, как он умеет презирать женщину, когда-то обидевшую его. Вспомним его роман с Е. А. Сушковой, которую он заставил разойтись с женихом, чтобы потом ее бросить.[26]

Еще ближе Лермонтов и Ницше в своем понимании любви. Оба они могли любить лишь недоступное, что также является типичной романтической чертой. Такова была любовь Лермонтова к Вареньке Лопухиной, а у Ницше — к Косиме Лист-Вагнер, подруге, етавшей впоследствии женой Рихарда Вагнера, которую он и любил и ненавидел.[27]

Определенные сходства имеются и в их характерах. Оба они отличаются страстностью, оба они одновременно способны чувствовать и иронизировать

[23] In: Ecce homo. K. Schlechta, Nachwort, p. 1446. Шлехта обратил внимание на то, что с теми же мыслями можно встретиться и в других произведениях Ницше: Menschliches, Allzumenschliches (I, 810), Morgenröthe (I, 903; I, 1045), etc.

[24] In: Also sprach Zarathustra, Götzen-Dämmerung, Ecce homo etc. Одной из причин был сифилис — источник прогрессивного паралича Ницше, приведший его к последующему безумию. In: Th. Mann, Dostojewski — mit Massen (1946), Gesammelte Werke, Bd. 10, Berlin 1955, 617—635.

[25] До своего брака с антисемитом Ферстером это была сестра Ницше Лизбет, потом Косима Вагнер, шестидесятилетняя Мальвида фон Мейсенбург (ее воспитанницей была как раз дочь Герцена, Ольга; Мальвида фон Мейсенбург ее познакомила с Ницше) и Лоу Саломе. Ее брак с Ницше не осуществился, может быть, из-за семейных интриг, может быть потому, что она сошлась с другом Ницше, Паулом Рэ. Ср.: O. Fischer, Fr. Nietzsche. Praha 1912; B. Tramer, Dostojevskij a Nietzsche.

[26] Ср.: *Е. Сушкова-Хвостова*, Записки, 1812—1841. Первое полное издание, ред. Ю. Т. Оксмана. Ленинград 1928.

[27] Zd. Nejedlý, Nietzscheova tragédie: Česká kultura 1913, 641—644, 680, 714, 737; H. Bélart, Fr. Nietzsches Freundschafts. Tragedie mit R. Wagner und Cosima Wagner-Liszt, 1912.

до сарказма (ср. «Ecce homo», «Антихриста» Ницше и «Тамбовскую казначейшу», «Сашку» и «Сказку для детей» Лермонтова). Оба они убеждены в своей гениальности. У Ницше и связи с его болезнью эта черта усиливается в последний период его жизни и переходит в тщеславие. Лермонтов и Ницше близки друг другу также тем, что подчеркивают свое иностранное происхождение. У Лермонтова это связано с его увлечением экзотикой. Он много раз упоминает о своем шотландском происхождении по линии отца. Своего легендарного испанского предка Лерму он изобразил на портрете. Испанская тематика имеется в его первой драме «Испанцы»; в Испании происходит действие первых пяти редакций «Демона» и поэма «Исповедь». Ницше никогда не считал себя настоящим немцем. Он всегда подчеркивал свое польское аристократическое происхождение. Это связано с его ненавистью к немецкому образу мышления, особенно после победы Германии над Францией. Ницше также не переносил поведения немецких буржуа, с которыми он встречался на курортах северной Италии, где он провел десять лет жизни, борясь со своей болезнью. Чересчур националистические постановки опер Вагнера в Байрейте послужили одной из причин разрыва Ницше с Вагнером.[28] Творчество обоих также до известной степени монотематично. Философская концепция Ницше была им в основном разработана уже в 1872—73 гг. и он развивает ее в большинстве своих статей и книг.[29] Лермонтов также создает в большинстве своих произведений разные варианты одного и того же психологического типа, до известной степени автобиографического.

Определенное сходство можно найти и в стихе Ницше и Лермонтова. Все произведения Ницше, начиная с «Человеческого, слишком человеческого» — это, в сущности, своеобразно мотивированные афоризмы, что определяется самим творчеством Ницше и состоянием его здоровья. С 1876 г. Ницше мог читать из-за своей глазной болезни лишь с большими затруднениями. Когда он писал, он предпочитал ничего не читать, чтобы не отвлекаться. Принадлежа к моторному типу, он создавал большинство своих произведений во время продолжительных прогулок в горах. В таких условиях он не мог писать по-другому. Определенная афористичность характерна и для творчества Лермонтова,[30] как и для ряда других писателей и философов эпохи романтизма: Шеллинга, Окена, Стеффенсона, Новалиса.[31] Романтической чертой является и увлечение Ницше горными высотами с их чистым воздухом, для него необходимым. Все черты, однако, характерны для большинства писателей-романтиков.

Уже Соловьев и Мережковский искали сходства прежде всего между Демоном Лермонтова и «сверхчеловеком» Ницше. Однако данных о непосредственном влиянии Лермонтова на Ницше пока найти не удалось. Этот факт можно объяснить или тем, что Ницше о своем юношеском чтении Демона

[28] In: Ecce homo. Z. Nejedlý, там же.

[29] In: K. Schlechta, Anni Anders, Friedrich Nitzsche, Von den verborgenen Anfangen seines Philosophierens. Stuttgart—Bad Cannstatt 1962. Шлехта имеет в виду прежде всего статьи Ницше «О пафосе правды», «О правде и лжи во внеморальном смысле» и рукопись «П 120», написанные в период между четвертым «Несвоевременным размышлением» и произведением «Человеческое, слишком человеческое», Helwig Kolleritsch: Philosophy and History 1 (1968) № 1, 42—45.

[30] Ср.: *Б. М. Эйхенбаум*, Лермонтов. Ленинград 1924.

[31] In: E. Rádl, Romantická věda. Praha 1918, 197—200.

совершенно забыл, или нарочно о нем не говорил, потому что он Лермонтова не очень ценил. Напротив, о Манфреде Байрона, которого Ницше читал в тринадцатилетнем возрасте, он вспоминает с восхищением и в конце своей творческой деятельности, в «Ecce homo». Если так сильно подействовал на Ницше демонический Манфред, вряд ли можно предполагать, что он остался совершенно холодным к не менее глубоко философской поэме Демон.

При непосредственном сравнении Демона с Заратустрой и с концепцией сверхчеловека, сформулированной Ницше в его самом поэтическом творении,[32] на первый план выступают следующие факты.[33] В отличие от романтиков, которые хотя и борются с действительностью, но воспринимают ее как трудно преодолимую реальность, Ницше — завершитель нигилистических тенденций — отвергает все конвенции. Сознание бессмысленности мира дает ему абсолютную свободу критики всего и возможность искать другого принципа в жизни.[34] Ницше — считает, что всё в жизни зависит лишь от самого человека, которого надо совершенствовать как единственную реальность. Так возникает образ сверхчеловека. Для большинства трагических героев демонического типа эпохи романтизма характерен высокий интелект и стремление к познанию.[35] Романтиками в большинстве случаев актуализуется библейский мотив о запретном древе познания. На нем основан конфликт «Каина» и «Манфреда» Байрона, «Фауста» Гете — это все герои, терзаемые жаждой познания. Демон Лермонтова другой — это павший ангел, существо, находящееся между небом и землей. Он познал всё, и это ему необходимо право всем пренебрегать и всё ненавидеть. Он бессмертен, основной вопрос о жизни и смерти поэтому его не мучит. Своим скепсисом он близок Заратустре, однако отличается от него своими мечтами о любви и счастье, а также своей дальнейшей судьбой. От усталости вечного уединения он готов примириться с небом. Подобно Фаусту, за минуту блаженства он согласен пожертвовать всей своей вечной жизнью. Искупления он ищет в любви. Однако, как и все герои Лермонтова, «Демон» эгоистичен в своей любви. Для него важны скорее сами переживания любви, чем ее предмет. Поэтому он не только изгнан из рая, но также не способен действительно любить. Лишив Тамару детской чистоты и дав ей возможность заглянуть в мир познания,[36]

[32] К. Шлехта относится к «Так говорил Заратустра» довольно критически. В цитированном послесловии он подчеркивает, что в нем повторяются мысли, высказанные Ницше уже раньше в его произведении «Человеческое, слишком человеческое». Однако сам Ницше считал «Заратустру» своим лучшим произведением. Ср.: Ecce homo, 78—91. Современный советский философ С. Ф. Одуев считает «Так говорил Заратустра» символической поэмой, «. . . в которой каждый образ, каждая фраза наполнены претендующим на пророческие откровения философиским подтекстом». Ср.: *С. Ф. Одуев,* Тропами Заратустры, 3.

[33] Не претендуя на анализ условий, при которых возникли оба произведения, обратим внимание на некоторые факты: «Демон» писался Лермонтовым в течение всей его творческой жизни (1828—1841), сохранилось восемь редакций. Четыре тома книги «Так говорил Заратустра» были написаны в течение восемнадцати месяцев и отдельные части Ницше не писал, по собственному признанию, никогда дольше десяти дней. Отдельные части печатались в течение 1883—85 гг.

[34] Эта новая интерпретация творчества Ницше сформулирована Шлехтой в его произведении: Der Fall Nietzsche, Aufsätze u. Vorträge. München 1958.

[35] In: I. Matuszewski, Diabeł w poezji. Warszawa 1900; V. Černý, Essai sur le Titanisme. Prague 1935.

[36] Ср.: *Е. М. Пульхритудова,* «Демон» как философская поэма. В сб.: Творчество М. Ю. Лермонтова, Москва 1964, 76—105.

он приносит ей гибель и смерть. Это момент наибольшего разочарования Демона. Все его надежды рухнули, его покидает и душа Тамары, которую спасает Ангел. Герой Лермонтова потерпел поражение, как и другие романтические герои: Каину досталось вечное проклятие, Манфред исчез в царстве тьмы. Это вполне закономерно, так как все они стремились к недостижному, что является трагическим конфликтом всех романтических героев. Счастье не соединимо с духом отрицания. Ницше был в этом убежден, поэтому его Заратустра побеждает самого себя. Ему не нужно счастья, он хочет лишь осуществить свои творческие устремления. Демон потерпел поражение, потому что хотел человеческой любви, не будучи способен на любовь. Напротив, пророк Заратустра побеждает, потому что он окончательно лишился последней человеческой черты — сострадания. Он стремится достичь, во что бы то ни стало, самоопределения.[37] Однако Заратустра — это не сверхнечеловек. Это лишь его стилизированный учитель и глашатай.

Для сверхчеловека характерно отрицание всего человеческого. Он не обладает человеческими свойствами, он не является высшей категорией в развитии человечества. Ницше отвергает интерпретацию своей теории сверхчеловека теорией Дарвина.[38] Несмотря на это, такую интерпретацию оправдывают современные исследования.[39] Сверхчеловек не является идеалом современного культурного человека. (Христианское понимание сверхчеловека Соловьевым противоречит полностью антихристианской ориентации Ницше.) Ницше даже провозглашает, что сверхчеловек ближе к Цезарю — олицетворению насилия, чем рыцарю Святого Грааля Парсифалу — символу великого будущего немецкого народа. Даже это сравнение является, по всей вероятности, отголоском антинемецкого настроения Ницше, высказанного им в Ecce homo.

Своего сверхчеловека Ницше вовсе не идеализирует. Он отличается от обыкновенных людей прежде всего потерей веры в Бога, место которого никто не мог занять. Ницше не приводит для характеристики своего «сверхчеловека» никаких более исчерпывающих данных. Он обращает внимание только на нескольких отдельных лиц, у которых подчеркивает их самую характерную черту, ср.: «человек с совестью», «римский папа», «паломник-тень», «самый некрасивый человек», «злой волшебник». Последний, однако, не принадлежит к окружению сверхчеловека, — это скорее вариант дьявола-искусителя. «Паломник-тень» — это, пожалуй, олицетворение того «таинственного другого голоса», который Шлехта в своей статье находит в большинстве произведений Ницше, особенно в «Так говорил Заратустра». Олицетворения, символизирующие человечество, использует и Маяковский в своей ранней трагедии «Владимир Маяковский». Стоило бы изучить, насколько Маяковский и футуристы вообще, в творчетсве которых сильная личность играет столь важную роль, продолжают ту футурологическую концепцию человечества, которая имеется у Ницше.

«Сверхчеловек» Ницше возник как материализация отрицания. С демоном эпохи романтизма его связывает отрицание абсолютного авторитета Бога.

[37] Ср.: J. Zumr, Filozof hrdé lidskosti. In: L. Klíma, Vteřiny věčnosti. Praha 1967, p. 13 an.

[38] In: Ecce homo.

[39] In: K. Schlechta, Anni Anders, Fr. Nietzsche. А. Андерс доказывает, что Ницше хорошо ориентировался в естественных науках.

В отличие от сильных романтических героев, которые борются с Богом, хотя иногда сомневаются в его существовании, Ницше, в сущности, атеист. Однако он выступает не только против Бога, но и против человека, которого хочет наделить совершенно другими качествами, изменить коренным образом, выбрав нескольких самых талантливых одиночек. Романтические герои всё отрицают, а сверхчеловек Ницше в момент своего самого большого сопротивления становится положительным и творческим началом. Третий философский вопрос о концепции мира, в бессмысленности которого Ницше убежден, решается Ницше таким образом, что человечеству предлагается горькое лекарство в виде учения о «сверхчеловеке», «Великом полудне», «Воле к власти» или «Власти земли». Всё это — достигается ценой потери «маленького счастья», недостойного «сверхчеловека». То, ради чего боролись все романтические герои, отвергается как ненужный балласт. Это романтический принцип, доведенный до абсурда. Под вопросом, конечно, что же тогда еще остается «человеческим, слишком человеческим». Виталист Ницше, критик всех моральных «предрассудков», предлагает, таким образом, новую модель аскетизма, который, наряду с другими требованиями, становится для него основой для подбора индивидуумов в категорию сверхчеловека.

Как бы ни было проблематично решение, которое предлагает современному обществу Ницше, неоспоримым фактом остается, что его создатель не был в своем зрелом творчестве пессимистическим нигилистом. В своем мире крайнего отрицания, которым он жил и желал искупить себя, он сумел найти то положительное, что оказалось столь плодотворным для целого поколения поэтов и философов. Парадоксальным является факт, что радикал и волюнтарист Ницше развивает главные тезисы своего учения, используя основные романтические принципы, которые, однако, приобретают у него новое качество. Недаром были среди авторов, которых он уважал больше всего, аналитик общества Стендаль и гениальный психолог Достоевский, сумевший изобразить людей, способных глубоко мыслить, а также людей, бичуемых своими страстями.

Ряд совпадений, которые можно найти в творчестве Лермонтова и Ницше, нельзя всегда связывать с романтизмом, из которого они оба исходили. Лермонтов также не был всегда романтиком, особенно в последний период своего творчества, когда им овладевало глубокое чувство отчужденности и бессмысленности жизни. Это характерно для известных стихотворений «Как часто, пестрою толпою окружен» (1840) «И скучно и грустно» (1840), в которых он доходит до крайнего нигилизма. Это корни того фатализма, которым кончаются роман «Герой нашего времени» (1840) и жизнь самого автора, стреляющего в трагической дуэли в воздух, а не в своего противника. С похожими проявлениями экзистенциализма можно встретиться уже в более раннем творчестве Лермонтова. Его поэма «Тамбовская казначейша» (1838) написана в духе гоголевского гротеска. Анекдот о жене, проигранной мужем в карточной игре, — это не только пародия на сентиментальные провинциальные любовные романы, популярные во второстепенной романтической литературе, но, прежде всего, отчаянный протест против мира, в котором личные отношения обесценены, в котором люди меняются на вещи, которыми возможно своевольно манипулировать.

Убежденность в абсолютной бессмысленности современной жизни привела Ницше к его радикальному отрицанию всех философских систем. Несмотря на это, он близок ряду своих предшественников. Он был не только

продолжателем философии Шопенгауера, но через волюнтаризм он связан и с религиозно ориентированным Киркегором. Экзистенциалисты также считают Ницше своим предшественником, однако, в отличие от Ницше, они дошли до абсолютного скепсиса, Ницше чуждого. Ницше был все-таки убежден в том, что «. . . творческая деятельность человека развивается лишь в тени иллюзии любви . . .»,[40] что с абсолютной потерей иллюзий жизнь кончается.

Хотя Лермонтов и Ницше с философской точки зрения величины совершенно разные, всё же имеются и определенные сходства в их творчестве, которые мы по праву можем связывать с фактом, что Ницше знал два основных произведения Лермонтова. Даже никак не переоценивая этот факт, мы все-таки можем резюмировать, что Лермонтов, вместе с другими представителями романтической литературы, дал импульс к последующему, хотя и столь своеобразному развитию философии Ницше.

[40] Fr. Nietzsche, Unzeitgemässe Betrachtungen, II, Zweites Stück, Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben, Teil 7: «nur in Liebe aber, nur umschattet von der Illusion der Liebe schafft der Mensch. . .» Fr. Nietzsche, Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe, Berlin 1980, 1 : 296.

От Ивана Хворостинина до Петра Чаадаева

К проблеме генезиса русского западничества

В. Г. ЩУКИН

(W. Szczukin, Instytut Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego, ul. Manifestu Lipcowego 8, PL—31-109 Kraków)

В научной литературе нет единого понимания термина «западничество». На наш взгляд, наиболее соответствует истине концепция польского историка общественной мысли А. Валицкого, который, во-первых, относит понятие «западничество» к вполне определенному идейному течению 1840-х годов и выступает против расширительной трактовки самого термина, а с другой — считает необходимым включить в число западников не только Т. Н. Грановского, К. Д. Кавелина, В. П. Боткина и других «умеренных» деятелей, но также Белинского и Герцена — то есть разнородные голоса, нашедшие общий язык благодаря философии Гегеля и утопической вере в возможность либерального прогресса на европейский манер у себя на родине. При этом исследователь подчеркивает, что ближе всего к идеальной модели западничества стоял Белинский, хотя в его мировоззрении и в мировоззрении его соратников западнический аспект не был единственным. Сплочению рядов западников в значительной мере способствовал спор со славянофилами.[1]

В настоящей работе западничество рассматривается как явление *общественно-литературное*. Нас интересует не столько завершенная идеологическая доктрина, сколько динамический процесс становления идеологии в живом человеческом сознании русского интеллигента. В процессе исторического развития общества социальное психо- и умонастроение в результате воздействия разного рода факторов стремится к единогласию, логической законченности и самовыражению в виде манифестов, программных статей и т. п. Поэтому понимая под западничеством историческую форму русского демократического либерализма, классический период которого приходится на 1840—1848 гг., мы не должны упускать из виду насчитывавшую более двух столетий традицию русского европеизма. С этой точки зрения прав А. Койре, называвший западников и славянофилов «продолжателями и наследниками двух традиционных умонастроений (attitudes mentales), существовавших в их стране перед лицом европейской цивилизации».[2]

Где следует искать причину появления этих умонастроений? На наш взгляд, следует обратить внимание, во-первых, на место, которое занимала и занимает русская цивилизация среди других цивилизаций земного шара, а во-вторых, на исторические условия ее развития в новое время, начиная с эпохи Возрождения, которая ознаменовала собою выход Европы на пере-

[1] A. Walicki, W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa 1964, 10—12, 363—364.

[2] A. Koyré, La philosophie et le problème national en Russie au début du XIX siècle. Paris 1929, 10.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

довые позиции в самых различных отраслях жизни, связанный со становлением индустриального общества.

Возникнув в конце первого тысячелетия нашей эры, русская культура долгое время находилась в сфере влияния ближневосточной (семито-византийской) суперкультуры. В XVII—XVIII в. происходит смена цивилизационной ориентации: культура России становится периферийной по отношению к западноевропейской суперкультуре и подвергается вестернизации, которая в неравной степени отложила свой отпечаток на различные стороны национальной жизни. В последние 100—150 лет Россия, подобно Японии, начинает обнаруживать в себе признаки *ведущей* цивилизации, не примыкающей до конца ни к одному из существующих культурных полей притяжения.[3]

Процесс вестернизации в различных странах протекал по-разному, с большим или меньшим успехом, и неизбежно приводил к поляризации в рядах интеллигенции. Одна ее часть становилась сторонницей усвоения начал европейской цивилизации, другая выступала за сохранение прежней культурной традиции.[4] Однако нигде, кроме России и Японии, не возникало таких сходных по своему характеру общественных группировок, как русские западники и сторонники японского движения под лозунгом «буммеи-каика» (цивилизация и просвещение).[5] По-видимому, такое поразительное совпадение программы тех и других объясняется тем, что и Япония, и Россия, расположенные на перекрестке суперцивилизаций, являются *пограничными* культурами с высокой степенью национального самосознания, веками подкрепляемого насущной потребностью внешнеполитического успеха, а также тем, что первоначальная культура этих стран развивалась в условиях относительной замкнутости. Пограничный характер русской культуры, ее промежуточное положение между Западом и Востоком бросались в глаза как русским, так и иностранцам[6] и с необходимостью вытекали из геополитической ситуации России. Поэтому в условиях кризиса традиционной культуры, который в России приходится на XVII в., в просвещенных кругах появляется группа людей, у которых любое столкновение с Европой порождает горькое сознание собственной отсталости и желание решительным образом порвать с «отеческим законом» и преданиями старины, чтобы стать в один ряд с европейскими странами, чья цивилизация осмыслялась как общечеловеческая. Этих людей мы будем в дальнейшем называть русскими европеистами.

Так в предельно обобщенной форме может быть описан местный, отечественный контекст появления и развития русского европеизма, который

[3] Ph. Bagby, Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations. London 1958, 241—244. Об интеллектуальной вестернизации России см. D. W. Treadgold, The West in Russia and China. Religious and Secular Thought in Modern Times, 1, Russia, 1472—1917. Cambridge 1973.

[4] A. J. Toynbee, A Study of History. London 1954, VIII, 88; IX, 166. См. также L. A. Coser, Men of Ideas: A Sociologist's View. New York 1965.

[5] О японских «западниках» см. напр. J. W. Hall, Japan: from Prehistory to Modern Times. New York 1971, 285—293.

[6] Ср. напр. высказывание маркиза Астольфа де Кюстина: «Москва, расположенная (plantée) на границе двух континентов, является местом для отдыха в половине пути между Лондоном и Пекином (A. de Custine, La Russie en 1839, III. Paris 1843, 268), со словами Герцена, написавшегося в брошюре «О развитии революционных идей в России», что судьба этой страны, «помимо всего прочего, заключается и в том, чтобы стать великим караван-сараем цивилизации между Европой и Азией» (*А. И. Герцен,* Собрание сочинений в тридцати томах, VII. Москва 1956, 156).

был детищем пограничной культуры и только внешне напоминал французскую англоманию или немецкую галломанию. Однако поскольку речь идет об усвоении культурного наследия Европы, нельзя обойти молчанием общеевропейский интеллектуальный и социопсихологический контекст, в условиях которого проходило развитие этого умонастроения.

XV—XIX вв. были порою разрыва патриархальных связей и традиций, порою становления современного индивидуализма, мучительного отчуждения личности от общества в процессе производства материальных и духовных ценностей и рационализации человеческого мышления.[7] Процесс этот был весьма сложным: индивидуализм и рационализм, составлявшие основы основ *либерализма* в экономике, политике и культуре,[8] испытывали на себе сильное противодействие со стороны консервативных, ретроспективных по своей природе тенденций — различных форм коллективизма и иррационализма. Барокко и романтизм были в момент своего зарождения консервативной реакцией на Возрождение и Просвещение, попыткой вернуться к старой, доренессансной Европе или «обновить» ее. Антиномии личности и общества, прогресса и традиции, сознательности и «непосредственности» особенно болезненно терзали души и умы европейцев после Великой французской революции, когда в литературе пользовался огромной популярностью миф о сатане-освободителе или об утраченном рае.[9]

Русский европеист, интеллектуально переживавший волнующие Европу проблемы, смотрел на них глазами человека, выросшего в условиях докапиталистического общества с неразвитой частной собственностью, общества, не пережившего эпоху Возрождения. Оба культурных контекста — русский и европейский — надо иметь в виду, рассматривая эволюцию европеизма, приведшую к возникновению классического западничества.

После предварительных замечаний можно перейти к весьма беглому, едва затрагивающему важнейшие этапы, историческому обзору вышеупомянутой эволюции, насколько это позволяют сделать рамки журнальной статьи.

*

Первые увлечения западными идеями в России появляются как раз в то время, когда Московское государство замыкается в себе и «вырабатывает однобокий, отсталый тип средневекового миросозерцания на основах непонятого или дурно понятого византинизма».[10] Это были идеи Возрожде-

[7] Анализируя психологию личности, освобождающейся от уз патриархальной традиции, З. Бэрбу указывает на процессы индивидуализации и рационализации, переживаемые ею. См. Z. Barbu, Problem of Historical Psychologie. London 1961. А. Валицкий успешно использовал эти понятия для характеристики причин, вызвавших споры славянофилов с западниками. См. A. Walicki, Słowianofile a «zbędni ludzie» na tle prądów lat trzydziestych-sześćdziesiątych: Slavia Orientalis, 1961, No 4, 534—539.

[8] Под либерализмом мы понимаем общественно-политическую тенденцию, важнейшими чертами которой являются: 1) стремление к освобождению личности от ограничений, накладываемых традицией, общественной структурой или законом; 2) векторное представление об общественном прогрессе и вера в его осуществление; 3) постулат постепенности прогресса и последовательности всех его стадий; 4) отказ от нелегальных и насильственных средств борьбы. Ср. G. Fischer, Russian Liberalism. From Gentry to Intelligentsia. Cambridge Mass. 1958, VII—VIII.

[9] См. об этом J. i. A. Walicey, U źródeł problematyki «zbędnego człowieka» w twórczości Turgieniewa: Slavia Orientalis, 1957, No 1, 7—8.

[10] *С. Ф. Платонов*, Москва и Запад. Берлин 1926, 37.

ния и Реформации, выразившиеся в ересях «стригольников» и «жидовствующих», которые, как пишет академик С. Ф. Платонов, представляли собою «редкие зарницы, не разгонявшие ночного мрака и страшившие косное суеверие массы».[11] Говорить о каком-либо европеизме здесь не приходится: отдельные религиозные идеи Запада подвергались в условиях русского средневековья полной ассимиляции. Столетие спустя, при Иване Грозном, несмотря на оживление культурных контактов с Европой, несмотря на то, что молодые люди пусть крайне редко, но всё же посылались для обучения наукам в Германию,[12] в среде русской интеллигенции еще не появляется тоска по Европе — настроение князя А. М. Курбского имело совсем другой характер. Нужен был опыт Смутного времени, поколебавшего веру в могущество «богоизбранного» народа московского и обнажившего неустойчивость старого, средневекового порядка вещей, чтобы Запад стал привлекать русских не только как убежище от опалы и царского гнева или по чисто материальным соображениям. Уже при Борисе Годунове никто из отправившихся за границу «для науки разных языков и грамоте» восемнадцати русских «ребят» не вернулся на родину, а один из них, Н. А. Григорьев, стал в Англии священником.[13] При дворе Лжедмитрия I процветает полонофильство, то усиливавшееся, то ослабевавшее на протяжении всего XVII в. На первых порах оно выражалось в оргиях, несоблюдении постов, переодевании в польские костюмы и чтении третьестепенных польских писателей. Во всем этом преобладало отчаянное отрицание обычая отцов и «московского плюгавства», как выразился живший в эпоху Смуты Василий Измайлов, сын смоленского воеводы.[14]

Первым русским европеистом с уверенностью можно назвать князя Ивана Андреевича Хворостинина, который в молодости служил кравчим при дворе Лжедмитрия I, где мог познакомиться с польскими обычаями и верой, что не помешало ему после непродолжительной ссылки в монастырь при Шуйском мужественно сражаться с поляками в 1612 г. и свято чтить память патриарха Гермогена, одного из организаторов ополчения. Однако после вторичного возвышения при дворе Михаила Федоровича Хворостинин снова попадает в опалу за пристрастие к «ляцкой» вере. При обыске у него находят латинские книги и образа. Вскоре после этого, по всей вероятности, под влиянием польско-чешской секты социниан он стал отрицать воскресение мертвых, необходимость поста и молитвы, а на страстной неделе в 1622 г. ел мясо и «пил без просыпу», за что был второй раз сослан в монастырь, но вскоре письменно раскаялся в своей ереси, постригся в монахи и спустя три года умер.[15]

Все эти факты сами по себе не доказывают наличия еврофильского умонастроения у Хворостинина. Мы располагаем, однако, ценными свидетельствами его современника и дальнего родственника, известного в свое

[11] Там же.

[12] А. Курбский упоминает о «ближнем сроднике» бояр Лыковых, учившемся в Германии. См. там же, 34.

[13] См. там же, 40.

[14] См. об этом: *Г. В. Плеханов*, История русской общественной мысли, ч. I. Москва—Ленинград 1925, 264—265.

[15] О жизни И. А. Хворостинина см.: *С. Ф. Платонов*, Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. Санктпетербург 1913, 232—237.

время писателя князя С. И. Шаховского, который обращает внимание на личные качества «еретика». Две черты его характера особенно знаменательны — это «фарисейской гордостью надменность» и терпимость по отношению к чужой вере и обычаю.[16] Хворостинин внутренне чувствовал себя выше окружающих, любил поучать других, страдал от духовного одиночества — и искал спасения от него на Западе. Всё это отдаленно напоминает нам теоретика русского европеизма и родоначальника «лишних людей» XIX в. — П. Я. Чаадаева. Оскорбленное человеческое достоинство, порождающее критический взгляд на окружающую действительность, нежелание жить «как все», то есть в соответствии с нивелирующими индивидуальность нормами патриархальной морали и в условиях самодержавной субординации (Хворостинин называл царя деспотом русским), признание того, что чужое, западное может быть лучше «нашего» — все эти качества составляют психоидеологический кодекс русского европеиста, который переходит из поколения в поколение. Достойным внимания является также факт, что первый европеист сразу стал героем литературного произведения, хотя запечатлевший образ Хворостинина С. И. Шаховской резко осуждал его «фарисейскую гордость». Литература уже начинала интересоваться индивидуальностью, а в недалеком будущем сама будет выражать индивидуальное миросозерцание писателя и тогда же восхищение Европой перейдет на страницы книг. Европеизм, как, впрочем, многие другие настроения умов, приобретет в России характер общественно-литературный, станет неотъемлемой частью литературного сознания.

Если проследить дальнейшее развитие европеизма в XVII в., то можно обнаружить интересную закономерность. Известные нам еврофилы появляются через равные промежутки времени, необходимые и достаточные для смены поколений (приблизительно каждые 25 лет).[17] Вторая волна европеизма связана прежде всего с именем боярина А. Л. Ордина-Нащокина и приходится на 1640—1650-е годы. Ордин-Нащокин по времени своего рождения мог быть сыном Хворостинина. Это был человек совершенно иного склада: европеизм не превращал его в «лишнего человека». Выдающийся дипломат, приближенный царя, он был европеистом в душе и у себя дома, но на людях старался придерживаться принятых норм поведения (иначе он вел себя с иностранцами, которым казался европейцем в московской одежде). Понимая необходимость реориентации России на Запад, он опасался последствий радикальных мер и ограничивался насаждением бюрократии и меркантилизма.[18] Умеренность Нащокина, на наш взгляд, во многом объясняется личными причинами: в молодости (родился он около 1610 г., двадцать лет ему исполнилось в 1630 г.) он не пережил потрясений, связанных с историческими событиями, что пришлось на долю Хворостинина, видевшего «конечное разорение» времен Смуты.

Сын Ордина-Нащокина Воин, воспитанный в атмосфере преклонения перед иностранным, к полному отчаянию своего воспитателя-отца бежит на двадцатом году жизни за границу, прокладывая путь длинной веренице рус-

[16] См. там же, 236.

[17] Это в некоторой степени подтверждает теорию Анри Пейра, который считал, что история культуры делится на эпохи, каждая из которых создается благодаря деятельности определенного поколения. См. H. Peyre, Les Générations littéraires. Paris 1948, 99—105, 173—180, 214—217.

[18] Об А. Л. Ордине-Нащокине см.: *С. Ф. Платонов,* Москва и Запад, 118—123.

ских политических эмигрантов (покинуть Россию безуспешно пытался и Хворостинин). Воин Нащокин несет в себе все черты отчужденного, «лишнего» человека: сначала его «окончательно стошнило» в Москве, но потом трудно было и в Польше. Не найдя себе подходящего занятия, без средств к существованию он пишет после пяти лет скитаний покаянное письмо и прощенный возвращается в Россию, чтобы дожить свои дни воеводой в захолустье. Г. В. Плеханов называет Воина одной из первых жертв поворота Москвы к Западу. В его судьбе легко увидеть черты, которые позднее повторятся у И. В. Головина, Н. И. Сазонова, А. И. Герцена и других эмигрантов, которые переживают подобную психологическую эволюцию: от внутреннего неприятия русской жизни переходят к отрицанию западной. Настроения тоски, одиночества, душевного кризиса переживает также сверстник Воина — князь В. В. Голицын, знаменитый фаворит правительницы Софьи, человек не только европейски образованный, но и интересовавшийся новостями европейской мысли.[19]

От поколения к поколению просвещенность и интеллектуальная развитость русских европеистов неизменно возрастает. Наряду с этим процессом дает о себе знать и другой, который в полную силу разовьется в последующих столетиях — процесс усвоения европеизма выходцами из демократических (то есть плебейских) социальных сфер. Свидетельством тому — судьба Г. К. Котошихина, автора известной книги «О России в царствование Алексея Михайловича». Это сочинение послужило Белинскому непосредственным поводом для написания цикла статей, известных под общим названием «Россия до Петра Великого» и представляющих собою первый манифест западничества 1840-х годов. Сверстник Воина Нащокина и В. В. Голицына, безвестный писец, затем подьячий в посольском приказе, Котошихин был прикомандирован во время мирных переговоров со шведами в 1657 г. к русскому посольству в Дерпте, под начало вышеупомянутого А. Л. Ордина-Нащокина. Познав шведские нравы во время поездки в Ревель в 1660 г., Котошихин начинает смотреть на московские порядки критически. Между тем в Москве по несправедливому обвинению его отца в краже у него самого отняли дом и выгнали на улицу жену — событие немыслимое в тогдашней Европе и считавшееся в России в порядке вещей. Чувство собственного достоинства у Котошихина было уязвлено, а духовной силы для того, чтобы усмирить бунт оскорбленной личности, еще не было и не могло быть на данном этапе индивидуализации и рационализации. Поэтому он становится шведским шпионом, а затем бежит в Польшу, но после безуспешных попыток служить королю в войне против русских поселяется в Стокгольме, где подобно Воину Ордину-Нащокину не находит себе места и умирает во время пьяной драки.[20] Любопытно, однако, что у Котошихина бунт против московского «плюгавства» с позиций оторвавшегося от общественной почвы еврофила выражается в самой естественной для русского человека форме общественного и личного протеста — в форме литературного высказывания. Между строк его на первый взгляд протокольного отчета о разных сторонах жизни Московского госу-

[19] О В. А. Ордине-Нащокине см.: *Г. В. Плеханов*, указ. соч., ч. I, 276—279; о В. В. Голицыне: там же, 306—318.

[20] О Г. К. Котошихине см.: Ar. H. Hjärne, En rysk emigrant i Sverige för två hundra år sedan: Historisk Tidskrift, Stockholm 1881, 53—84; см. также предисловие В. П. Барсукова в кн.: *Г. Котошихин*, О России в царствование Алексея Михайловича. Санкт-Петербург 1906, XV—XXXIII.

дарства пробивается горькая саркастическая усмешка человека, вкусившего от плода познания и отвергнутого своими «безгрешными» соотечественниками.

К следующему поколению русских европеистов относится Петр I и его ближайшие сподвижники. Личная судьба царя-преобразователя была уникальной на фоне биографий всех других членов царствовавшей фамилии. На десятом году жизни (1682) он является свидетелем кровавой резни, жертвою которой пали ближайшие родственники его матери. С этого момента Петр живет в «потешном» селе Преображенском, в скромном деревянном доме, окруженный незнатной прислугой. Москва ассоциировалась в его сознании с кровью, кознями бояр и унижением его человеческого и царского достоинства. В семнадцать лет, в один из ключевых моментов развития каждой личности, охваченный смертельным страхом, он бежит от восставших стрельцов в Троице-Сергиев монастырь в одной ночной рубашке — как раз в тот момент, когда к нему должен был явиться ученый монах для обучения богословию и схоластическим наукам. К тому же ученые монахи вообще придержвались Софьи и Милославских и потому царица Наталья Кирилловна не пускала их к сыну. Несчастное детство помешало Петру получить «правильное» богословско-греческое образование, а интерес к военному делу заставил его обратиться к немцам, которые обучили царя точным наукам.[21] Необычное, не придворное воспитание государя развило вкус к плебейству, а страх перед старой боярской Москвой бросил его в объятия стихии, которая во многом была и в еще большей степени казалась полной противоположностью московского благочестия: Петр сделался поклонником нравов Немецкой слободы. Немецко-протестантский европеизм царя в гораздо большей степени отвечал тогдашним экономическим и политическим потребностям России, нежели польско-католический его вариант, заключавший в себе большую долю консерватизма. Немцы и голландцы ценили личную инициативу, рационально-практическое отношение к жизни; индивидуализм феодально-рыцарского типа были для них анахронизмом. Принятие такого рода европеизма в качестве основы для внутренней политики России означало усиление самодержавного деспотизма при одновременной демократизации доступа к власти: политическую карьеру обеспечивала не «порода», а личные способности и полная преданность государю.

К 28—30 годам жизни европеизм Петра вполне созрел. Это совпало с переломом в ходе Северной войны, с постройкой Петербурга, с началом радикальных преобразований. Ориентация на Европу стала официальной политикой, Россия вышла на общеевропейскую политическую арену. Эти обстоятельства определили пути развития русского европеизма в XVIII в. Он утратил оппозиционный характер, стал обязательным элементом миросозерцания образованного общества: все тогдашние мыслители, включая даже противника петровского деспотизма и «Табели о рангах» князя М. М. Щербатова, были в той или иной степени сторонниками европеизации, как верно заметил А. Валицкий.[22] XVIII век был периодом «мирного» развития европеизма, постепенного усвоения плодов западной цивилизации всё более широкими слоями общества без заметных качественных скачков. Важней-

[21] См. об этом: *С. Ф. Платонова*, Москва и Запад, 148—153.

[22] A. Walicki, Słowianofile i okcydentaliści. Z dziejów problematyki narodu i problematyki historyzmu w myśli rosyjskiej pierwszej połowy XIX wieku: Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej, t. 4. Warszawa 1959, 158—159.

шим фактором, способствовавшим европеизации, было государство; каждый последующий самодержец вынужден был придерживаться этой политики, так как это был единственный путь к укреплению внутреннего и внешнего могущества России — дела, начатого Петром I. Последнее обстоятельство явилось причиной того, что интеллигенция в основном признавала ведущую роль самодержавия в процессе насаждения европейской цивилизации. Однако вечно так продолжаться не могло. Европеизация как цель развития никоим образом не соответствовала самодержавию — реликту старой, допетровской России, применяемому в качестве главного средства для достижения этой цели. Пути европеизма и государственной власти рано или поздно должны были разойтись.

Между тем мыслящая Россия прилагала все усилия, чтобы «в просвещении стать с веком наравне». Идеи французских просветителей самых различных оттенков не столько усваивались умами, сколько осуществлялись в повседневной жизни, воспринимались как руководство к действию. Томики Вольтера, добравшиеся до самых отдаленных уголков империи, были восприняты как откровение довольно многочисленной группой дворян, вырвавшихся из-под влияния патриархальной нравственно-религиозной традиции и не приставших ни к какой другой. Дворянских детей воспитывали вольтерьянцы-французы. Сложился целый комплекс бытового и культурного поведения вольтерьянца, который заключал в себе стихийный атеизм, циничное отношение к авторитетам и свободу от общепринятых норм нравственности.[23] С другой стороны, в России, где всегда были сильны антиклерикальные и стихийно-реалистические настроения, в обстановке ускоренного развития культуры нашел многочисленных сторонников рационалистический пафос учения Вольтера, а также идея непрерывного эволюционного подъема европейской культуры и оптимистическая вера в прогресс человечества. Популярность Вольтера в России была сильна и в XIX в., особенно в его первой четверти; в вольтерьянской атмосфере воспитывался революционер-космополит М. А. Бакунин и будущие западники — Белинский и Герцен. Летописец западничества и сопредельных ему сфер русской интеллектуальной жизни — И. С. Тургенев, рисуя портреты отцов и дедов «лишних людей», неизменно изображал вольтерьянцев.

В тесной связи с вольтерьянством и другими тенденциями века Просвещения в Россию проникает идеология либерализма. Она выражала мировоззренческую позицию личности, которая принимала мир таким, каков он есть, и, мечтая о его усовершенствовании, питала симпатию к «серой» обыденности и трезвой деловитости. Эта идеология быстро завоевала симпатию русских европеистов, которым импонировал апофеоз человеческой индивидуальности, признаваемой либералами целью и двигателем любого прогресса. Но в силу того, что передовые европейские идеи накладывались на неразвитые общественные отношения и формы культурной жизни, либерализм в России соседствовал с идеализацией естественной природы и патриархально-аграрного общества.

[23] О русском вольтерьянстве см.: *В. В. Симповский,* Из истории русской мысли XVIII—XIX столетия (Русское вольтерьянство): Голос минувшего, 1914, I, 105—131; *К. Н. Беркова,* Вольтерьянство в России. В кн.: Вольтер. Москва—Ленинград 1931, 207—219; É. Haumant, La culture française en Russie (1700—1900). Paris 1913, 109—112, 126—128, 133—137.

Именно таким был либерализм одного из отдаленных предшественников Белинского — Д. И. Фонвизина. Испытав сильное влияние космополита и конституционалиста графа Н. И. Панина, у которого служил личным секретарем, он впервые попадает во Францию в 1777 г. Там его постигло разочарование: идеальный образ отчизны разума, свободы и справедливости померк в его глазах при виде социальных контрастов, пропасти между формальной и действительной свободой человека. Он тоскует по «здоровым», «неиспорченным» русским нравам. В контексте европейской культуры Фонвизин ведет себя как консерватор, критикующий «умирающую» Европу с докапиталистических позиций — но как только он заводит разговор о России, консерватизм уступает рационалистической вере в то, что едва начинающая жить цивилизация в своем развитии учтет отрицательный опыт Европы и избежит ее ошибок. «Если здесь прежде нас жить начали, то по крайней мере мы, начиная жить, можем дать себе такую форму, какую хотим, и избегнуть тех неудобств и зол, которые здесь вкоренились, — пишет он из Франции. — Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тот, кто родился, посчастливее того, кто умирает».[24] Нетрудно заметить, что мысль эта в различных вариациях повторится в XIX в.: у раннего И. В. Киреевского, В. Ф. Одоевского, П. Я. Чаадаева периода «Апологии сумасшедшего», у Герцена и даже частично у Белинского — до 1847 г.[25]

Разочарование Фонвизина в «отчизне просвещения» не превратилось в устойчивое умонастроение. После возвращения на родину его европейские и либеральные симпатии усиливаются, что нашло яркое отражение в «Рассуждении о непременных государственных законах», написанном в 1783 г. под непосредственным руководством сторонников конституционной монархии Н. И. и П. И. Паниных.[26] В этом документе резко осуждается русское бесправие, беспорядочность, рабство и деспотизм. Не исключено, что возвращение Фонвизина к родным пенатам из «испорченной» Франции отрезвило его, вернее восстановило в нем тот «инстинкт реальности», которым всегда отличался этот замечательный писатель-сатирик. Во всяком случае, когда 10 июля 1786 г. он в четвертый раз выезжал из России, то записал в своем дневнике: «И я возблагодарил внутренно бога, что он вынес меня из той земли, где я страдал столько душевно и телесно»,[27] — а потом нисколько не удивился, когда его слуга Семка объявил, что возвращаться в Россию не хочет.[28] А сколько убийственной иронии в рассказе Фонвизина о том, как на обратном пути из Австрии киевский трактирщик заставил его битый час стоять под проливным дождем, пока провожавший мальчик не крикнул: «Отворяй: родня Потемкина!» — и ворота тотчас же отворились. «Тут

[24] *Д. И. Фонвизин*, Письмо к Я. И. Булгакову от 25 января (5 февраля) 1778 года. Собрание сочинений в двух томах, II, Москва—Ленинград 1959, 493.

[25] Миф о «молодой России», в которой есть все условия для разумного и планомерного осуществления прогресса, восходит к Г. В. Лейбницу (см.: L. Richter, Leibnitz und sein Rußlandbild. Berlin 1946). Ту же мысль повторил Дидро в поданной им Екатерине II записке «Essai historique sur la Police» (см.: *Г. В. Плеханов*, указ. соч., ч. 3, 144). На русской почве мысль о молодости русской цивилизации по отношению к предшествующей культурной традиции впервые появляется в XI в., в ораторской прозе митрополита Иллариона.

[26] *Д. И. Фонвизин*, Собрание сочинений в двух томах, II, 254—267.

[27] Там же, II, 568.

[28] Там же, II, 570.

почувствовали мы, что возвратились в Россию»,[29] — заключает свое повествование писатель.

Пример Фонвизина показывает, что просветитель, который оживлял классицистические каноны картинами неуклюжей и аляповатой жизни Простаковых и Скотининых, не мог выступать в качестве последовательного защитника традиционных, «здоровых» русских устоев. Даже интерес к религии и мартинизму, усилившиеся в последние годы жизни писателя в связи с болезнью и поправением политического курса, не повлияли на его отношение к Европе и России. Однако в следующем поколении европеистов могло быть и так, что отход от рационально-реалистического взгляда на жизнь приводил к отказу от европеизма. Свидетельством тому — духовная драма Н. М. Карамзина.

Для поколения Белинского и Герцена имя Карамзина было связано с «Историей государства Российского», с консервативными проектами «спасти» отечество от «хаоса» европейских революционных потрясений, с идеей органичности и «народности» русского самодержавия. Однако для читателей конца XVIII — начала XIX в. Карамзин был идолом «арзамасцев», борцом за модернизацию русского литературного языка, а также автором «Писем русского путешественника», которые не были путевыми заметками, а писались в Москве по возвращении из заграничного путешествия. «Письма» были задуманы как своеобразная энциклопедия, знакомящая русских людей с новейшими достижениями европейской техники, с просвещенными формами общежития, с личностью и творениями величайших мыслителей, писателей и поэтов того времени: Канта, Гердера, Гете, Лафатера, Руссо — и наконец с политическим устройством передовых в этом отношении стран — Швейцарии и Англии. Шаг за шагом, от письма к письму путешественник заставляет читателя полюбить удобства западной жизни, хозяйственность, экономность, опрятность, трудолюбие, привязанность к семейному очагу — все выработанные Европой ценности, которые объединяются у Карамзина в общем понятии человечности, *гуманности* — слово это, введенное в русский язык Карамзиным, станет со временем девизом западников.

Трудно в данном случае согласиться с А. Валицким, считающим, что «гуманный космополитизм» «русского путешественника» был неглубоким:[30] «Письма» свидетельствуют о том, что «любопытный скиф» вполне освоил богатство европейской культуры, за исключением философии, время которой в России еще не наступило. Заметим, что Карамзин мог быть сыном Фонвизина и отцом Чаадаева.[31] При чтении «Писем русского путешественника» бросается в глаза начитанность, культурная утонченность, интеллигентность автора, которая выражается во всем, вплоть до языка и стиля, и оставляет далеко позади себя Фонвизина и других писателей XVIII в., — хотя напряженного поиска историософской мысли мы в них не найдем.

Под панегириком Петру I в письме из Парижа (май 1790 года) мог бы подписаться любой западник. Совершенным диссонансом по сравнению с позднейшими высказываниями Карамзина звучат знаменитые слова:

[29] Там же, II, 571.
[30] A. Walicki, W kręgu konserwatywnej utopii, 30.
[31] Д. И. Фонвизин родился в 1744 г., Н. М. Карамзин в 1766, П. Я. Чаадаев — в 1794.
[32] *Н. М. Карамзин,* Сочинения в двух томах, I. Ленинград 1984, 346.

Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек![32]

Эти строки были написаны в 1792 г., а 22 сентября того же года было объявлено первым днем новой эры; Собор Парижской богоматери был превращен в «Храм разума», а Людовик XVI — казнен на гильотине по решению Конвента большинством в один голос. Террор поглощает даже тех, кто провозгласил его. Как жить дальше сентиментальному писателю, воспитанному не на грубоватых фарсах Вольтера и инвективах Дидро, а на утонченном психологизме Стерна и руссоистской мечте о «сельской хижине»? Литературный аспект мировоззрения играет огромную роль в жизни любого представителя «мыслящего меньшинства» — тем более важен он для писателя. Либерализм и европеизм Карамзина покоились на сентиментальном фундаменте, на склонявшемся к упадку просветительстве, которому не были чужды и предромантические веяния (вспомним «Остров Борнгольм», чьи образы волновали душу Чаадаева). По справедливой мысли Н. Я. Эйдельмана, Карамзин «надеялся на новую историческую весну, на быстрое,светлое торжество разума, просвещения»[33] — и доброты чувствительного сердца, добавим мы. Надеялся вместе с Шиллером, Гете, Радищевым, со всей образованной Европой, которая уповала на Париж первых трех лет революции и отшатнулась от следующих двух. Но «оказалось, что история не ходит путями сентиментального просвещения».[34] В годы отчаяния, в годы поиска утраченного смысла жизни у Карамзина вырываются слова, повторенные впоследствии Герценом в книге «С того берега»: «Век просвещения! Я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя».[35] Писателю было в то время 27 лет. А в 37 лет, — другая важная дата в жизни каждого мыслящего человека: вспомним перелом в мировоззрении Чаадаева в 1831 г., духовный кризис Герцена в 1848—1849, — Карамзин жертвует европеизмом, убежденный в необходимости защищать родину от Бонапарта и кровавого хаоса, уходит в изучение истории, предостерегает царя перед опасностью поспешных реформ . . . Но семена, брошенные «русским путешественником не погибли: европеизм был привит поколению участников европейского похода 1813—1815 гг., поколению Чаадаева и декабристов.

Начало XIX в. было порою либеральных надежд на «русскую хартию», и в то же время это были годы патриотического подъема, связанного с наполеоновскими войнами, которые закончились Венским конгрессом. Европейские умы поворачивали от Просвещения к романтизму, к идее национального духа и целому ряду консервативных идеалов. Судьбы европеизма в России были столь же запутаны и противоречивы, сколь противоречива была и европейская действительность, и внутренняя политика Александра I.[36] В то время, как либерально-просветительский европеизм спускался в низы общества и возжигал умы провинциональных мудрецов (в это время читал

[33] *Н. Эйдельман,* Последний летописец. Москва 1983, 38.
[34] Там же.
[35] *Н. М. Карамзин,* Мелодор к Филарету. Сочинения в двух томах, II, 180.
[36] О противоречивом сочетании европеизма и национализма в политике Александра I и его преемников в сопоставлении с общественно-политической мыслью того времени см.: L. Schapiro, Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth Century Thought. New Haven 1967.

Вольтера отец Белинского), в петербургском высшем свете, особенно среди его прекрасной половины, сильно было влияние графа Жозефа де Местра — сардинского посланника, который был непримиримым врагом либерализма и противопоставлял эгоизму конкурирующих друг с другом индивидуальностей принцип сословной и религиозной солидарности в рамках старого монархического порядка и в лоне единой для всей Европы, включая Россию, католической церкви. Утонченный консерватизм Местра пришелся по вкусу высшей аристократии, которая в первой четверти XIX в. переживала момент наибольшего духовного, культурно-бытового и даже языкового отчуждения от плебейского большинства: многие аристократы не знали русского языка. В результате местровской пропаганды в аристократических сферах наблюдаются массовые обращения в католичество, особенно частые в 1814—1815 гг. и бывшие реакцией на патриотический подъем и антифранцузские настроения.[37] Именно Местр обратил в католичество С. П. Свечину, в парижском салоне которой собирались ультрамонтанцы и консервативно-романтические философы эпохи Реставрации: Пьер Симон Балланш, Луи Габриэль Амброз де Бональд и Анна Мария Жозеф Альбер де Сиркур. В часовне Свечиной в Париже приняло католичество немало русских эмигрантов и полуэмигрантов, чьи имена вошли в историю как России, так и других европейских стран — среди них княгиня З. А. Волконская, В. С. Печерин, князь И. С. Гагарин.[38]

Это консервативное, прокатолическое течение в русском европеизме сыграло большую роль в формировании первоначальной формы западничества, связанной с романтическим историзмом Шеллинга и вышеупомянутых французских традиционалистов, единственным представителем которого был Чаадаев.

В атмосфере идеологического синкретизма александровской эпохи консерватизм шел бок о бок с постпросветительским либерализмом, адептами которого были многие декабристы, ранний Чаадаев, Пушкин, а также колоритная фигура тех лет — князь П. Б. Козловский, яркий пример того, что спустя сто лет после реформ Петра I отдельные *европеисты* превращались в настоящих *европейцев*. Немногие дошедшие до нас свидетельства современников говорят о том, что Козловский уже в 1811 г. высказывал мысли, которые удивительно напоминают первое «Философическое письмо» Чаадаева: о бесхарактерности русской нации и невыразительности русских лиц, о грубости нравов и пронизывающем все сословия рабстве.[39] Длительное пребывание за границей (Козловский служил при различных дипломатических миссиях с 1803 по 1821 г., а позднее кочевал из одной европейской столицы в другую) выработало интересный тип космополита, поклонника английского конституционного строя с сочетанием личной свободы и суровой ответственности перед законом. Этот «русский, разжиревший на цивилизации» (выражение Жермены де Сталь, хорошо знавшей Козловского) родился в один год с В. А. Жуковским (1783) и стоял на рубеже двух великих исторических эпох: века XVIII, в течение которого идейные разногласия не выхо-

[37] О Жозефе де Местре и его русских связях см.: *М. Степанов*, Жозеф де Местр в России: Литературное наследство, 29—30. Москва 1937, 577—726.

[38] О русских аристократических салонах в Париже см. W. Śliwowska, W kręgu poprzedników Hercena. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk 1971, 28—36. Там же, на стр. 33 — обширная библиография о жизни и деятельности С. П. Свечиной.

[39] См.: *Г. Струве*, Русский европеец. Материалы для биографии и характеристики князя П. Б. Козловского. Сан-Франциско 1950, 39—41.

дили за рамки домашней ссоры собеседников, сидящих за общим столом, и века XIX, который поставит перед каждым мыслящим человеком суровый вопрос: с кем ты? — и заставит связать свою личную судьбу с избранной доктриной, партией, печатным органом и т. п. Мысли Козловского о необходимости отмены крепостного права и установления в России парламентарной монархии вполне соответствовали программе правого крыла декабристов, но «русский европеец» остался чужд культу патриотизма и гражданской доблести, который был свойственен настроениям плеяды офицеров-героев 1812 г. Козловский, живя за границей, не был свидетелем ни Бородина, ни московского пожара. Его молодость пришлась на «дней Александровых прекрасное начало», когда жизнь и мышление еще не были подвижничеством, обязательным служением *одному* идеалу. Он пронес дух этого времени через всю жизнь и мог сочетать в себе французскую легкость ума и чисто русское барство с его безалаберностью, новейший экономический и политический либерализм и глубокую набожность (он тайно перешел в католичество в 1803 г.), презрение к Меттерниху и версальскую галантность.[40]

Козловский укрылся на Западе, чувствуя себя чужим в России. Всеми силами старался он укрыться также от надвинувшейся эпохи Священного союза, эпохи господства романтизма в умах европейцев, которым всё более чуждыми становились милые сердцу князя Вергилий, Гораций, Ювенал, Расин, но сделать это было гораздо труднее. Поэтому, наверное, во взглядах на сущность русской цивилизации и на прошлое России, которые он изложил в разговоре с маркизом Астольфом де Кюстином на корабле, плывущем из Любека в Кронштадт весной 1839 г., преобладают не столько идеи, почерпнутые у Местра и Бональда, сколько чаадаевская горечь и чаадаевское презрение к России как она есть — настроение типично романтическое. Козловский считал, что Россия отстала от Европы на тысячу лет, потому что Запад пережил нашествие варваров в V в., а Россия сбросила татарское иго в XV. Домонгольская Русь была высококультурным государством с развитой аристократией, но народ оставался языческим и патриархальным. К тому же русские никогда не прошли школы рыцарства: благородное влияние крестоносцев и католичества остановилось на Польше. Поэтому Россия не знала, что такое честь, bonne foi. Влияние Византии было двойственным: с одной стороны, она передала русским вкус к художествам, с другой стороны — привычку лукавить и лгать. Когда Европа шла освобождать от неверных гроб господень, татарское иго породило в России крепостное право и самодержавие — «идолопоклонническую демократию», всеобщее равенство рабов.[41]

Трудно сказать, была ли историческая концепция Козловского самостоятельной, выношенной им самим или же сотканной из множества чужих мыслей, подслушанных им в европейских и петербургских салонах. Вполне вероятно, что он был знаком с первым «Философическим письмом» Чаадаева, хотя ряд идей Козловского: о татарском иге как главной причине отсталости и деспотизма, о свободолюбии и рыцарстве «европейской» Польши — звучит не по-чаадаевски. Легко можно найти у него точки соприкосновения с мыслью Пушкина о том, что Русь спасла Европу от татар (в неотправленном письме

[40] Наиболее полная биография П. Б. Козловского: W. Dorow, Fürst Kozloffsky. Leipzig 1843. См. также: *Г. Струве*, указ. соч.

[41] A. de Custine, указ. соч. I, 159—172. Ср. комментарий, *Г. Струве*, указ. соч. 42—48.

к Чаадаеву от 19 октября 1836 г.) или с полонофильством П. А. Вяземского. Важно другое — то, что в 1830-х годах русский европеизм, функционируя в условиях усиливающейся реакции в России и романтизма на Западе, в условиях повсеместно возрастающего интереса к проблематике историзма и национальности, уже не мог довольствоваться одним умонастроением, а неизбежно стремился вылиться в законченную историософическую концепцию. Общее течение захватило и «пустого Козловского» (выражение Н. И. Тургенева), вечного острослова, оратора-собеседника, никогда не претендовавшего на роль философа. Отсюда один шаг до Чаадаева, до появления историзма, но сам Козловский такого шага не сделал.

Событием, которое явилось причиной величайшего качественного сдвига, наступившего в развитии русского европеизма — мы имеем в виду вознесение его на уровень историософской мысли — была Отечественная война 1812 г. Лучшие умы России видели в ней важный исторический рубеж, сыгравший роль катализатора, ускорившего духовное развитие русского общества. «Двенадцатый год был великою эпохою в жизни России. По своим следствиям он был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого», — писал Белинский в четвертой статье пушкинского цикла и пояснял, что под «следствиями» имеет в виду «поколебленность прежней патриархальности», «сильно двинувшуюся вперед цивилизацию, колоссальное развитие умов».[42] Подобную оценку 1812 г. можно встретить у Герцена, Чернышевского, А. Н. Пыпина. Война с Наполеоном поставила перед «мыслящим меньшинством» мучительные проблемы исторической роли народа и нации, что привело в следующем поколении, через 27—29 лет, к возникновению славянофильства и западничества.

Европейский поход 1813—1815 гг. был первым столкновением русского воинства, представлявшего собою миниатюрное подобие России, с иной, высшей цивилизацией. Тщательно возделанные поля Саксонии, чистота и опрятность австрийских крестьян, немецкая расчетливость, французская образованность и свободолюбие произвели впечатление особенно на молодежь, на поколение Чаадаева (ему было тогда 19—20 лет) и будущих декабристов.[43] По свидетельству М. И. Жихарева, Чаадаев «до конца жизни поминал не иначе, как с восхищением, очень понятным всякому, кто знает различие между русской деревней и деревней в Силезии или Венгрии», о стоянке своего полка в силезском селении Ланг Билау (ныне Белява, городок, расположенный в 40 км к юго-западу от Вроцлава),[44] где «впервые охватило его веяние европейской жизни в одной из самых прелестных и обольстительных ее

[42] *В. Г. Белинский*, Полное собрание сочинений, VII. Москва 1955, 269.

[43] О французских впечатлениях русских офицеров см. напр.: W. et R. Śliwowski, La France vue par les Russes (de Fonvizine à la Commune): Les Cahiers de Varsovie, Publication du centre de civilisation française de l' Université de Varsovie. Varsovie 1972, 176—177, 181—184.

[44] Согласно статистическим данным, в конце XVIII — начале XIX в. Ланг Билау (Lang Bilau) было крупнейшим в Силезии центром мануфактурного производства (ткачество), по своему характеру напоминающее город. Население его в 1790 г. составляло свыше 7000 жителей, 70,9% которых занимались ремеслом на дому, а 18,8% были свободными крестьянами. Доход жителей Ланг Билау был одним из самых высоких в тогдашней Силезии. См.: Atlas Historyczny Polski. Śląsk w końcu XVIII wieku, t. 1. Pod redakcją J. Jan-czaka i T. Ładogorskiego. Część 2. Komentarz. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk 1976, 111—115.

форм».[45] День вступления русской армии в Париж придал умонастроению чаадаевского поколения романтический характер: победители Наполеона вернулись завоеванными духовно, пристыженными за свою отсталость, переполненными несбыточных мечтаний, которые смелостью своею превосходили обещания Александра I и которые давно были осуществлены в Западной Европе. В Париже многим из них приходилось скрывать свою национальность, прятать русские мундиры и покупать себе французское платье, чтобы на них не смотрели косо, как на варваров.[46]

Глубокая психическая фрустрация, явившаяся результатом столкновения с Европой, в сочетании с патриотической памятью о славе 1812 г., имела далеко идущие последствия. Романтическая антитеза России и Европы стала в глазах сверстников Чаадаева мерилом всех вещей. Романтический историзм, вынесенный не только из книг, но из живого ощущения сопричастности к ходу истории, обратил их взгляд в прошлое, куда уходили своими корнями и блистательные первоосновы европейской цивилизации: «церковь, за́мок и школа»[47] — и приводящее в отчаяние состояние России, лишенной этих благотворных начал. Другой важный результат Отечественной войны метко охарактеризовал современный советский исследователь А. А. Лебедев: «Тут впервые, пожалуй, для мыслящего русского общества чувство гордости за свой народ отделилось от гордости за свою страну, патриотизм переставал быть чувством государственным».[48]

В 1814 г., когда возник Священный союз, самодержавие исчерпало свои возможности вести страну по пути прогресса: защита европейского статус-кво шла вразрез с необходимостью либерализации внутреннего строя России и была для монарха гораздо важнее. Царь перестал быть символом прогресса и европеизации. Общеевропейский поворот вправо окончательно обнаружился в 1820 г., на конференции в Троппау, куда прискакал Чаадаев, чтобы рассказать царю о бунте в Семеновском полку, и где состоялся тот разговор с самодержцем, о содержании которого нам ничего не известно: Чаадаев упорно молчал об этом до самой смерти.[49] Начиная с 1820 г. (а не с 14 декабря 1825 г., как обычно принято считать)[50] в Европе спадает революционная волна, а в России наступает длительный период политической реакции, не совсем точно именуемый «николаевской эпохой».

С 1814 по 1820 г. совершается важный процесс, который практически выразился в создании первых декабристских организаций, а в сущности представлял собою разрыв негласного союза интеллигенции с царем. Отныне русские европеисты вновь становятся чужими, *лишними* в своем государстве, как это было в допетровской России.

Новое настроение умов, прежде чем стать определенным мировоззрением, формируется в сфере культурного поведения людей: в этикете, манерах,

[45] *М. Жихарев*, Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Статья первая: Вестник Европы, 1871, 6, 186.

[46] См. W. et R. Śliwowski, указ. соч., 183.

[47] Выражение Чаадаева в передаче М. И. Жихарева — указ. соч., 187.

[48] *А. Лебедев*, Чаадаев. Москва 1965, 46.

[49] Существует гипотеза Ю. Н. Тынянова о том, что Чаадаев убеждал царя отменить крепостное право и аракчеевские военные поселения. См.: *Ю. Н. Тынянов*, Сюжет «Горя от ума», Пушкин и его современники. Москва 1963, 360—366.

[50] Впервые на это важное обстоятельство указал *А. А. Лебедев*, — указ. соч., 63—65.

привычках. «Лишние люди» — дворянские интеллигенты, отчужденные от родной им общественной и национальной почвы, чуждые политике своего государя, а иногда и бегущие прочь от любой политики — до момента своего появления на сцене общественной жизни в 1820 г. были, как правило, русскими денди.[51] Дендизм в России представлял собой наивысшую степень развития европеизма как умонастроения, еще не породившего историософской доктрины. Он возникает сразу после возвращения русских из европейского похода и продолжается на протяжении всего XIX в., постепенно затухая: первыми денди были П. Я. Чаадаев, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, П. П. Каверин (офицер лейб-гусарского полка, приятель Пушкина и Чаадаева, упомянутый в первой главе «Евгения Онегина»), позднейшими — И. С. Тургенев, А. С. Дружинин, молодой Л. Н. Толстой, К. Н. Леонтьев.

Дендизм был сознательно культивированным комплексом поступков, составлявших салонный, светский стиль жизни. Денди стремился отлить жизнь в изящную форму, вырабатывал в себе склонность к холодному сарказму, был театралом, кутилой, автором едких эпиграмм. На Западе денди своим культом эстетики быта протестовали против буржуазного прогресса с его презрением к элитарному просвещению и торжествующей посредственностью. В России, где не было не только буржуазии, но и выработанной традиции культурного поведения, дендизм был своеобразной формой протеста европеизированной элиты против тогдашнего «плюгавства» — не только в сфере манер и привычек, но также в сфере культурных и духовных традиций. И на Западе, и в России денди был индивидуалистом, но только в России его индивидуализм принимал просветительские формы. Целью Чаадаева, Пушкина, в меньшей степени других индивидуалистов, думающих «о красе ногтей», было воспитание вкуса к изяществу, тонкой образованности, к постоянству бытовых и культурных привязанностей в широких кругах русского общества. «Дендизм у нас не был элементарным „искусством повязывать галстук", — пишет Л. П. Гроссман. — В лице своих лучших представителей он являл одну из попыток придать взбаламученной русской жизни и расплывчатым отечественным нравам законченный чекан и определяющую граненность».[52] Исследователь совершенно справедливо отмечает близость денди к онегинскому типу, то есть к «лишнему человеку». От себя добавим, что гранью, отделяющей «чистого» денди от «лишнего человека» была утрата надежды на неизменность прогресса, исходящего от царя, потеря чувства сопричастности к официальному «оздоровлению» России. Денди еще пытается участвовать в насущной жизни — «лишний человек» принципиально отворачивается от действительности спиной, не находя для себя в ней места. В первом видно наследие века Просвещения — последний занимает принципиально антипросветительскую, романтическую позицию: он, как Иван Карамазов, считает действительную жизнь «эвклидовской дичью» и «жить по ней не может согласиться».[53]

[51] См.: *Л. Гроссман,* Пушкин и дендизм, Этюды о Пушкине. Москва—Петроград 1923, 5—36; E. Kahler, Man the Measure. A new Approach to History. New York 1961.

[52] *Л. Гроссман,* указ. соч., 36.

[53] *Ф. М. Достоевский,* Полное собрание сочинений в тридцати томах, XIV. Ленинград 1976, 222.

Чаадаев стал «лишним человеком» раньше всех, в 1820 г., после разговора с царем в Троппау.[54] Духовная судьба Пушкина была иной: не будучи, как Чаадаев, «гордым» индивидуалистом с болезненно развитым чувством собственного достоинства, человек общительный и от природы склонный любить жизнь в ее *реальных* проявлениях, Пушкин не мог стать «лишним человеком» всерьез и надолго.[55] К тому же он был литератором; оставаясь верен идеалам русского денди, он облагораживал нравы, производя колоссальную работу по созданию совершенного литературного стиля и приучая современников *серьезно* относиться к изящной словесности при всей кажущейся несерьезности своего поведения. Чаадаев пошел другим, романтическим путем. Душевное равновесие он сохранил, обратясь к своеобразно понятой религии, а в сфере общественной жизни пытался победить в себе «лишнего человека», действуя на других личным примером благородства, изящества в манерах, независимости в мыслях. Для этого он использовал жанры беседы, поучения, философского монолога, в котором нет-нет, да и вступал в противоречие с самим собой — верный признак романтической раздвоенности. Напряженная работа мысли приведет Чаадаева к созданию цикла «Философических писем к даме», первое из которых вызовет в новой исторической обстановке и на новой философской основе ожесточенный спор. Случится это спустя 20 лет после памятного разговора в Троппау, а одним из участников спора будет девятое, считая от Хворостинина, поколение русских европеистов — западники.

*

Подведем некоторые итоги.

История европеизма в России является частью мирового процесса эмансипации личности, ее индивидуализации и рационализации. Специфику русского индивидуализма составляет отчуждение личности не только от социальной, но и от национальной среды, что приводит к появлению «лишних людей» в их различных исторических вариантах.

С точки зрения стадий, которые проходит в своем развитии «лишний человек», можно выделить три периода в развитии русского европеизма. Первый начинается сразу после Смуты и продолжается до первых петровских реформ (приблизительно 1612—1698 г.). В это время быть европеистом значило обречь себя на абсолютное одиночество и враждебное отношение общества, что чаще всего приводило к эмиграции или к трудному компромиссу с самим собой и с окружением. Второй период приходится на 1699—1820 гг. Став государственной политикой, европеизм временно прекратил порождать «лишних людей». В кругах просвещенной элиты совершается процесс усвоения передовой европейской мысли и углубления эстетической,

[54] О Чаадаеве как «лишнем человеке» см. F. F. Seeley, The Heyday of the Superfluous Man in Russia: The Slavic and East European Review 31 (1952) No 76, 92—112.

[55] В «Молитве лейб-гусарских офицеров» Пушкин пишет: «Избави, господи, [...] Чаадаева гордости». В этом плане интересны также слова Пушкина в письме к П. А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г.: «Видишь ли ты иногда Чаадаева? Он вымыл мне голову за „Пленника". Он находит, что он не довольно blasé [пресыщен. — В. Щ.]. Чаадаев, по несчастью, знаток в этой части. Оживи его прекрасную душу, поэт!» (*А. С. Пушкин*, Сочинения, VII. Санкт-Петербург 1903, 70. Цитирую по книге: *М. Гершензон*, П. Я. Чаадаев, Жизнь и мышление. Санкт-Петербург 1908, 35—36).

моральной и духовной культуры личности. Это приводит в конце периода к появлению русского дендизма, предвещавшего новый качественный скачок. Третий период длится от 1821 до 1840 г., когда русские левые гегельянцы выступают в роли западников. Это «золотая пора» «лишних людей», описанная Тургеневым, пора кружков, паломничества в Берлин за знаниями, пора увлечения философией и выбора общественно-идеологической позиции: некоторые из «лишних людей» перестают чувствовать себя лишними, заплатив за это отречением от европеизма — они становятся консервативными романтиками, славянофилами.

Возможна и другая периодизация: в ее основу может быть положен признак возникновения на почве европеистских настроений оригинальной и законченной историософской концепции. С этой точки зрения ключевым моментом является деятельность Чаадаева. Тогда всю историю русского европеизма до возникновения классического западничества можно разделить на два хронологически неравных периода: до 1 декабря 1829 г. (день, когда Чаадаев завершил работу над первым «Философическим письмом») и после этой даты. Во внутренне противоречивой, синтезирующей самые различные идейные тенденции доктрине Чаадаева сказался двухсотлетний опыт накопления и переработки европейской мысли в применении к русским реалиям. Вполне естественно, что качественный скачок от умонастроения к первой, романтической форме западничества как идеологии совершил человек, принадлежавший по рождению и воспитанию к общественной и интеллектуальной элите: еще его дед, князь М. М. Щербатов, выступал на поприще историософии. С 1829 по 1840 г. происходит стремительное усвоение навыков философского мышления всё более демократическими слоями. Кружок Н. В. Станкевича объединяет не только аристократов: в него входит дворянин согласно документам, но подлинный плебей и демократ по духу — Белинский, а также воронежский прасол А. С. Кольцов. Западники, приняв эстафету от Чаадаева, взяли от него только то, что не противоречило их либерально-демократическим убеждениям и более плебейскому взгляду на жизнь. Наступает пора интенсивного усвоения всей читающей Россией «западного силлогизма» в мышлении, хотя и совсем не в той форме, о которой мечтал Чаадаев.

«Столь типично венгерский и столь типично русский»

(Жанровое влияние «Евгения Онегина» в венгерской стихотворной эпике)

Л. ИМРЕ

(Imre L., KLTE XIX. századi Magyar Irodalomtörténeti Tanszék, Debrecen, H-4010)

Обстоятельства и этапы восприятия романа А. С. Пушкина в Венгрии известны. Ференц Толди[1] еще при жизни Пушкина, в 1834 г. упоминает «Евгения Онегина» как творение, описывающее нравы «высшего света».[2] С самим произведением венгерский читатель знакомится вначале на немецком языке, позднее появляются отрывки из него в переводе Имре Зилахи[3] и Кароя Берци[4] и, наконец, в 1866 г. выходит полный венгерский текст «Евгения Онегина», выполненный Кароем Берци. Он становится популярнейшей «венгерской» книгой, а с уходом моды 70-х годов на роман в стихах

[1] Toldy Ferenc (1805—1875) — выдающийся представитель венгерской литературы XIX в., историк литературы, один из основных организаторов венгерской литературы эпохи реформ.

[2] Toldy F., A muszka irodalom jelen állapota: Tudománytár 1834, IV, 65—82. Разумеется, Толди тогда еще не был знаком с пушкинским романом, он опирается на работу некоей «восторженной русской дамы», вышедшую на французском языке. Цитируется по книге: Kovács E., Puskin és a magyar társadalom. In: Magyar— orosz történelmi kapcsolatok. Budapest 1956, 172. Кроме этого о восприятии «Евгения Онегина» в Венгрии см. также: Komlós A., Puskin és a magyar irodalom: Filológiai Közlöny 1955; György L. A magyar és az orosz irodalom kapcsolatai. Kolozsvár 1946; Rejtő I., Az orosz irodalom fogadtatása Magyarországon. Bp. 1958; Barta J., Arany és köre orosz irodalmi kapcsolatai. In: Klasszikusok nyomában. Bp. 1976; Máthé-Haupt Gy. Puskin hatása a magyar társadalmi gondolkodás és irodalom fejlődésére: Irodalomtörténet 1949; Zsigmond F., Orosz hatások irodalmunkban. Bp. 1945; Sőtér I., A verses regény és a regény (Az Anyegin és a magyar irodalom). In: Az ember és műve. Bp. 1971.

[3] Zilahy Imre (1845—1867) — принадлежал к «литературной оппозиции», автор переводов из А. Пушкина и М. Лермонотова, собранных им в антологию «Északi fény» («Северное сияние», 1866 г.). В 1863 г. в журнале Яноша Вайды «Nővilág» («Мир женщины») появляется отрывок из «Евгения Онегина» под названием «Сон Татьяны» в переводе Имре Зилахи (см. Rejtő I., Az orosz irodalom fogadtatása Magyarországon. Bp. 1958. 27). Янош Арань в своем журнале «Koszorú» [«Венок»] в том же году печатает отрывки из перевода «Евгения Онегина», выполненного К. Берци.

[4] Bérczy Károly (1821—1867) — журналист, автор новелл и романов, заметная фигура в тогдашней литературной жизни, однако подлинное признание принес ему перевод «Евгения Онегина», вышедший в свет в 1866 г. По хронологии близки к венгерскому первый чешский и хорватский переводы пушкинского романа, сделанные в 1860 г., на сербский и болгарский языки «Евгений Онегин» был переведен значительно позднее (см. *А. А. Уманцев*, Пушкинские веяния в чешской литературе. Прага 1937). Дальнейшее влияние романа на восточноевропейские литературы наиболее ощутимо, пожалуй, в произведении А. Мицкевича «Пан Тадеуш». Небезынтересно отметить, насколько по-разному реагировали славянские литературы на пушкинский роман: для чехов он явился весьма интенсивным толчком (см. *Ю. Доланский*, Пушкин в истории чешской культуры. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, II. Москва 1958), у словенцев же он не был переведен до самого начала XX в., очевидно из-за отсутствия условий восприятия, как отмечает И. Приятель: «не было того подобия, как у поляков или венгров» (*И. Приятель*, А. С. Пушкин у словенцев. В кн.: А. С. Пушкин в южнославянских литературах, XII).

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

притягательная сила этого жанра продолжает ощущаться даже в литературе 20—30 гг. нашего столетия. (В широком смысле влияние «Евгения Онегина» в венгерской эпике можно проследить, начиная с романов Бёти[5] и Ашбота,[6] впервые воспевших утраченные иллюзии, и кончая онегинской атмосферой у Круди.)[7] Предметом нашего исследования является не исчерпывающий анализ истории влияния пушкинского романа на венгерскую литературу, а отдельные аспекты данной темы, представляющие особый интерес или получавшие до сих пор ошибочную или недостаточно полную трактовку.

1. После волны увлечения Достоевским в венгерской духовной жизни начала века второе поколение «Нюгата» тяготело не к русскому мистицизму, а к «солнечному реализму» Пушкина.[8] «С одной стороны, он западнее даже самих западных литератур, с другой стороны, он — родоначальник народности. «Евгений Онегин» и вся поэзия Пушкина (насколько я могу судить об этом) — это удачный сплав подлинно западного и подлинно отечественного духа», — пишет Дюла Ийеш,[9] видя специфику произведения Ласло Араня «Герой миражей»[10] в том, что оно «одновременно и типично венгерское и типично русское».[11] Байроновский и русский, европейский и национальный характер «Евгения Онегина» — это действительно удачный сплав, вызвавший к жизни шедевр искусства, так же, как и «Герой миражей», наряду с лучшими венгерскими романами в стихах, несет на себе двойную печать: пушкинского и венгерского, русского и отечественного характера.

До сих пор не утихли споры о том, оригинален образ Онегина или заимствован, европейский он по своей сути или русский. Сторонники формального метода (отчасти и русские формалисты), западные буржуазные исследователи «Евгения Онегина»[12] уделяют весьма незначительное внимание социальному фону произведения, приметам русской действительности, видя в романе не более чем русский вариант романтической меланхолии, чайльд-гарольдизма.[13] (Стоит заметить, что у самого Пушкина можно найти подтверждения подобным аргументам; в одном месте он, например, называет

[5] Beőthy Zsolt (1848—1922) — литературовед, писатель, роман которого «Бела Калозди» (1875) ядляется типичным продуктом литературной волны об утраченных иллюзиях, навеянной «Евгением Онегиным».

[6] Asbóth János (1945—1911) — писатель, политический деятель. Его роман «Мечтатель» (1878) относится к ряду порвавших с иллюзиями произведений, возникших под влиянием «Евгения Онегина».

[7] Krúdy Gyula (1878—1933) — один из выдающихся прозаиков начала XX в.; роман Пушкина оказал значительное воздействие на его художественный язык и жизнеощущение его героев.

[8] См. Bodnár Gy., A Nyugat és az orosz irodalom. In: Tanulmányok a magyar—orosz irodalmi kapcsolatok köréből, II. Bp. 1961, 449.

[9] Illyés Gyula (1902—1983) — выдающийся представитель венгерской литературы XX в., поэт, писатель, эссеист, переводчик, редактор.

[10] Arany László (1844—1896) поэт, переводчик. Один из первых пропагандистов русской литературы в свою эпоху. Переводил многих поэтов, написал работу о М. Ю. Лермонтове. Его роман в стихах «Герой миражей» (1873), написанный в манере «Евгения Онегина», представляет собой значительное произведение того времени.

[11] См. Illyés Gy., Puskin: Nyugat 1937, I, 218.

[12] Характерным примером может служить одна из последних монографий о Пушкине: W. Vickery, Alexander Pushkin. New York 1970.

[13] *Я. Л. Левкович,* Пушкин в работах американского исследователя: Русская литература, 1973/4, 200.

пресыщенность, изображенный в романе дендизм, преждевременную духовную старость болезнью молодого поколения Европы начала XIX в.). Другие интерпретаторы романа уже в середине прошлого века искали общественных причин утраты надежд, равнодушия к красоте и ценностям жизни и усматривали в разочарованном герое разоблачение светских бездельников. Герценовская интерпретация романа нашла своих сторонников в Венгрии в лице Пала Дюлаи[14] и его единомышленников из круга журнала «Будапешти Семле» («Будапештский вестник»), которые подчеркивали общественно-критическое значение образа «лишнего человека».[15] Таких взглядов придерживался и Ласло Арань, создавший в образе Балажа Хюбеле антигероя, не находящего возможностей полезного применения своим силам. Я. Вайда во «Встречах»[16] в образе Эрнё Вирани хотел изобразить представителя того «потерянного» поколения, которому не следовало бы забывать о своем общественном долге. Дюлаи в романе «Ромхани» следует внутренней логике «Евгения Онегина». Пушкин весьма однозначно показывает, что Онегин становится ветреным под влиянием неправильного воспитания, среды, светского образа жизни, как бы от скуки, а его заимствованное, поддельное поведение и манеры, собственно говоря, являются повторением западноевропейских образцов. Насколько пресыщенный Онегин — порождение Европы, настолько Татьяна, в противовес ему, — дитя России. (Даже имя связывает ее с прошлым, с народом, как и ее любовь к няне, к русскому пейзажу, к народной поэзии и т. д.). Однако в ходе романа контраст между европейско-аристократическим Онегиным и русскою душой Татьяной, т. е. между эгоизмом европейской цивилизации и неиспорченной естественностью отчасти слабеет: Онегин, вызывавший Ленского на дуэль еще не будучи в состоянии подняться над предрассудками света, за несколько лет проходит серьезную эволюцию — во время странствий в нем растет интерес к родине, к народу, в любви он становится способен на глубокие и искренние чувства. П. Дюлаи в своем герое изображает поверхностного, ветреного лжепатриота, который под влиянием поражения освободительного движения 1848—49 гг. и пережив глубокую любовь, превращается в зрелого и серьезного человека.

На венгерский роман в стихах наиболее сильное влияние оказал общественно-критический пафос «Евгения Онегина», однако в его несколько видоизмененной форме. Правда, и у Пушкина молодежь характеризуется байроновским сплином, скукой, неспособностью к искренним чувствам и активному действию. Венгерские авторы легкомысленной, порою бунтарской молодости чаще всего противопоставляют зрелую, серьезную, трудовую жизнь, почти адекватным выражением чего у Дюлаи является молодой приверженец Кошута,[17] пришедший после событий 1849 г. к осознанию будто

[14] Gyulai Pál (1829—1909) — писатель, поэт, критик, историк литературы. В 1850-е годы был ведущим критиком народно-национального направления. Его роман в стихах «Ромхани» (1869—1872) был создан в жанре «Евгения Онегина».

[15] Szeghy M., Az újabb orosz irodalom (Nouvelle phase de la littérature russe. Par A. Herzen. Bruxelle et Grand, 1864): Budapesti Szemle 8 (1867) 260.

[16] Vajda János (1827—1897) — наряду с Яношем Аранем крупный венгерский поэт второй половины XIX в. Его романы в стихах «Роман Альфреда» (1875) и «Встречи» (1877) по форме близки «Евгению Онегину».

[17] Kossuth Lajos (1802—1894) — политик, выдающийся деятель венгерской освободительной борьбы 1848—1849 гг., сыгравший решающую роль в организации вооруженного освободительного движения против Габсбургов.

бы высшей правды — к позиции Ф. Деака.[18] Ласло Арань также с нескрываемой критикой изображает Балажа, «охотника за мечтами», вступающего в армию Гарибальди. Пушкинский роман в стихах смог стать репрезентативным жанром у Дюлаи и его круга именно как носитель такого рода идей. (Разумеется, увлечение «Евгением Онегиным» у П. Дюлаи, Я. Араня, Й. Этвеша[19] и Ласло Араня во многом восходит к неодинаковым корням.) Было бы однако грубым упрощением видеть в венгерских последователях «Евгения Онегина» глашатаев некоего однородного эволюционизма. И хотя тональность и композиция не вполне пригодны для пропаганды революционных идей (вместо определенности они выражают сомнения, неуверенность), всё же в рамках жанра могут уживаться самые разные политические и общественные стремления. В романе Золтана Балога[20] «Алпари» воспевание старинного патриархального дворянского быта вызывает ассоциации с поэтическими строками «Евгения Онегина», воссоздающими атмосферу семейства Лариных, а у Иштвана Фейеша[21] в романе «Камилло» эта ностальгия по ушедшему переходит в поддержку венгерских джентри. (По ходу действия автор в компании участников лисьей охоты произносит слова одобрения и приветствия в защиту за всё беспричинно обвиняемых джентри.) Критика общественных порядков иногда распространяется на всю общественную жизнь Венгрии после соглашения 1867 г.: «Все на словах пеклись о благе родины, обзывая друг друга предателями, но не способны были исцелить кровоточащие раны отчизны» (Густав Ченгеи,[22] «Квасной патриотизм»). Золтан Эрдейи[23] в своем произведении «Базилик» высмеивает не только скоропалительные экономические реформы («Здания возводят, реформы проводят, новшества вводят, там и сям латают, колодцы роют. Планируют строительство ликеро-водочных заводов, потом мельниц, выкорчевывая повсюду кустарники и деревья»), но и выспренний ура-патриотизм («Кричит „виват", если надо голосовать, и в „предательстве" уличит кое-кого»), а также беспринципность метящих в дворяне немецких и еврейских арендаторов («Конечно, ни чисто венгр, ни джентри, он с пылкой интонацией перемежает немецкую речь еврейскими словечками»). На фоне романов в стихах Шандора Эндрёди[24] также ощущается дыхание времени, сетует ли он на материалистичность тогдашнего поколения (см. начало лирического отступления в романе «Эдем»: «Так как мы живем в очень реалистическую эпоху»), или описывает трудности ведения хозяйства в поместье Бюкки («По любви»). Герои этих романов ищут разрешения эко-

[18] Deák Ferenc (1803—1876) — либеральный политический деятель, руководитель национально-дворянского сопротивления в 50—60 гг. XIX в., сторонник австро-венгерского соглашения, которое было достигнуто под его руководством в 1867 г.

[19] Eötvös József (1813—1871) — либеральный политический деятель, автор романов. Наряду с Яношем Аранем и Палом Дюлаи — один из наиболее авторитетных участников т. н. литературной партии Деака.

[20] Balogh Zoltán (1833—1878) — поэт, чей роман в стихах «Алпари» (1871) — одно из первых произведений в этом жанре.

[21] Fejes István (1838—1923) — поэт консервативного толка, автор нескольких стихотворных романов.

[22] Csengey Gusztáv (1842—1920) — консервативный поэт, перу которого принадлежит несколько романов в стихах.

[23] Erdélyi Zoltán (1872—1915) — известный в свое время поэт, автор многих романов в стихах.

[24] Endrődi Sándor (1850—1920) — значительный оппозиционно настроенный поэт неоромантического направления, автор многих эпических произведений, созданных в жанре «Евгения Онегина».

номических или нравственных проблем страны в развитии капиталистических отношений, в частном труде (главный герой романа «Алпари» становится «добрым фабрикантом»), или в возвышенной филантропической деятельности, противостоящей официальной политике, в воспитании народа: «Здесь нужен учитель, а не депутат», — провозглашает Густав Ченгеи в заключении своего «Дон Кихота». Этот роман в стихах, появившийся в 1903 г., во многих отношениях представляет собой документ, свидетельствующий о внутреннем опустошении и окончательной несостоятельности народно-национального либерализма. В то время как герой произведения Ш. Эндрёди «Закат», написанного в 1870-е годы, зачитывался Шопенгауэром и Дарвиным, Ченгеи и некоторые его современники в начале XX в. всё еще вульгаризируют Деака и Этвеша. Более того, в романах в стихах встречаются и откровенно ретроградные заявления, так, например, Карой Сечи[25] в романе «Прекрасная шлонка» с ненавистью отзывается о русском народе (правда, в связи с подавлением освободительной борьбы), а Геза Зичи[26] в романе «Путь к счастью» обвиняет глашатаев «прав народа» в «грязной и лживой», торгашеской и бесстыдной демагогии.

«Евгений Онегин» приобрел известность как роман утраченных надежд, а подражания ему стали выражением скептических и ностальгических настроений, бытовавших после австро-венгерского соглашения 1867 г., носителями в основном консервативных идей. В то время как у Ласло Араня и Дюлаи эти скептические настроения еще сочетались с большим нравственным и интеллектуальным порывом, к началу века они низвелись до анахронистического либерализма. Этим объясняется тот факт, что в XX в. жанр романа в стихах наиболее успешно возродился у таких поэтов (начиная с З. Шомйо[27] и кончая Е. Джидой),[28] которые сосредотачиваются на лирической интимности личной сферы, не связывая усталости разочарований с политическими тенденциями.

2. Освоить лирическую композицию, часто упоминаемую субъективность «Евгения Онегина» несравненно более сложно, чем перенять чуткость к общественным вопросам. У Пушкина действие романа развертывается сравнительно медленно, прерываясь лирическими отступлениями, которые хотя и продолжают тему, однако в направлении не эпического, а лирического развития.[29] Особое отношение автора к герою, непринужденно-эмоциональные отступления от сюжетного хода, столь удивительные у Пушкина, вдохновляют даже неумелых его подражателей. Например, Бела Рона[30] в конце первой главы «Мары» («Расти большая, дорогая Маричка . . .»), Иштван Балог[31] в последних строках романа «Балинт Банго» («Остальное

[25] Széchy Károly (1848—1906) — историк литературы, автор романа в стихах «Прекрасная Илонка».

[26] Zichy Géza (1840—1906) — поэт, писатель, композитор; его перу принадлежит написанный в 1875 г. роман в стихах «Путь к счастью».

[27] Somlyó Zoltán (1882—1937) — новаторский поэт начала века, принадлежал к первому поколению журнала «Nyugat».

[28] Dsida Jenő (1907—1936) — один из наиболее выдающихся трансильванских поэтов периода между двумя мировыми войнами, автор романа в стихах «Перед зеркалом».

[29] *Б. В. Томашевский*, Пушкин, II. Москва—Ленинград 1961, 532.

[30] Rónа Béla (1871—1928) — второстепенный поэт, автор романа в стихах «Мара».

[31] Balog István (?—1902) — второстепенный поэт, в 1883 г. написал роман в стихах «Балинт Банго».

пусть доскажут другие») превосходят самих себя. Впрочем менее именитые подражатели, несмотря на внешнее сходство, превратно понимают как раз суть пушкинской субъективности: они не замечают, что одно дело подать какую-нибудь историю в восхищенном или меланхолическом тоне, а другое — ка́к это сделано в «Евгении Онегине», когда имеется объективная фабула, но отношение к ней автора настолько субъективно, что он присутствует в ней как отдельное лицо, наряду с Онегиным и Татьяной в качестве третьего главного героя, частично как участник событий (был знаком с Онегиным), со своей личной судьбой, характером, взглядами. (Подобное субъективное отношение, кстати, свойственно и романтическим романам, например, у Шатобриана в форме авторских отступлений, восклицаний, повторов, вопросов в адрес главного героя.)[32] Венгерские романы в стихах обычно не выделяют в лирических отступлениях автора в качестве отдельного лица, однако авторский лиризм окрашивает всё произведение.[33] Зато часто пользуется отступлением в пушкинском понимании Эндре Ади[34] в романе «Маргита хочет жить», относя и себя к персонажам произведения: «А как доставалось от меня Енё Ракоши!» У Ади встречается обращение («А вы, молодые поэты, послушайте меня!»), ироничное по отношению к самому себе вступление («Несладко мне, потому что все равно упрекнут меня, что я избегаю лиризма по причине собственной лиричности»), авторский комментарий («Мелок и недоверчив этот мир»). Пушкинский тон имитирует Сабеди[35] в романе «Петер Келен», делая непосредственные, шутливые вставки («Да простит читатель наш низкий вкус!»), а Эндрёди в «Закате» подражает синтаксису отдельных строк «Евгения Онегина» («Блажен, кого судьба одарила наслаждениями»); у Марцелла Бенедека[36] в «Воскресении Дон Жуана» при обращении к главной героине также ощущается пушкинская интонация: «Маргит! Маргит! В моих очах блестит слеза, когда пишу я твое имя».

[32] Отступления встречаются и в традиционном комическом эпосе, однако они носят не лирическую, а эпическую функцию, например, у Ариосто отступление описывает содержание предыдущей песни, в «Дон Жуане» Байрона каждую песнь предваряет авторское вступление, у Пушкина же отступления по сути дела не нарушают развертывание сюжета, они лишь представляют автора как новый образ (см. *И. М. Семенко,* О роли образа автора в «Евгении Онегине»: Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской, II, 1957, 124—146).

[33] Однако только Г. Ченгеи открыто заявляет в своем «Квасном патриотизме» о расхождении с Пушкиным:

«И здесь — будь у меня смелость — следовало бы краткое отступление,
Полное нежных чувств, к тому же субъективных,
Дал бы волю своей душе между главами. . .
Но что скажет тогда критика?
Боже упаси ее возмущать. . .
О, Пушкин, глаголящий уже
Среди блаженных, на небесах,
Божественна твоя книга,
Но меня, пожалуйста, не искушай.
Не счесть поклонников твоего произведения —
Дай мне мой сказ поведать беспристрастно».

[34] Ady Endre (1877—1919) — наиболее значительный представитель венгерской поэзии начала XX в., в 1912 г. написал свой единственный роман в стихах «Маргита хочет жить».

[35] Szabédi László (1907—1959) — трансильванский венгерский поэт, литературовед, прозаик, автор романа в стихах «Петер Келен» (1938).

[36] Benedek Marcell (1885—1969) — переводчик, литературовед, в молодые годы (1904) написал стихотворный роман «Воскресение Дон Жуана».

Чуть ли не шаблоном становится поэтическое признание, выраженное в описании природы, сумрачный пейзаж как символ авторского настроения. Например, строки из «Утраченного счастья» Золтана Эрдейи («Унылое очарование осеннего пейзажа, прощальный луч заходящего солнца теплом наполняет его сердце») или картина природы в «Алпари»: «И лето ушло в небытие, как и его предшественница — весна, и падают желтые листья: еще неделя, другая — и зима наступит, заснежит» — воспринимающаяся как бы калькой с «Евгения Онегина». Впрочем картины природы несут такую важную нагрузку потому, что в пушкинском романе природа, внешний мир отражают события внутреннего мира, души, и описания пейзажа непосредственно связаны с настроением поэта. (В то время как ход событий в традиционном эпическом повествовании идет по прямой линии, в стихотворном романе он замыкается в круг, центром которого являются поэт и его герой.)[37]

Подобно этому почти обязательным становится заимствование «незавершенного конца» произведения. Здесь речь идет не просто о неожиданности концовки. Отрывочность, недосказанность проявляется даже в многозначительных паузах, следующих за сценами наибольшего драматического напряжения.[38] Роман в стихах «Ромхани» на самом деле не завершен, Ласло Арань в «Герое миражей» или Эндрёди в «Эдеме» расстаются со своими героями, как и Пушкин, в самый драматический момент повествования. Необычный вариант концовки избрал Эндрёди в романе «Закат»: Казмер, наконец, обретает свою прежнюю любовь, и поэт именно под влиянием такой счастливой развязки и как бы в противовес ей, в лирическом порыве заявляет о своей неуспокоенности: «Но я, кому бродить по миру с болью, на эту идиллию не в силах смотреть: кто нашел счастье на склоне лет, пусть его ничто не омрачит».

Еще современники отмечали влияние любовной линии «Евгения Онегина» на венгерские романы в стихах. Даже в романе Кароя Саса старшего[39] «Возвратившийся», написанном в 1872 г., к тому же не в типично онегинском жанре, находит выражение известная схема: «Я вернулся — и Вас снова вижу, но об руку с другим, с мужем». Свидание и осознание истинной ценности ранее отвергнутой девушки — многократно повторяющийся мотив. Встреча с простой, чаще всего провинциальной героиней, ныне почитаемой в светском кругу дамой,варьирующиеся любовные треугольники — вот что составляет основу сюжета данных произведений. Особенно долгая жизнь выпала образу Татьяны. Она вдохновила Имре Зилахи в романе «Спящая любовь» на создание образа Маргит, превратившейся, к изумлению главного героя, из дикарки в степенную красавицу. Героиня романа Эмиля Абрани[40] «Терез» точно так же посещает комнату Андора в его отсутствие, как Татьяна

[37] *В. М. Жирмунский*, Байрон и Пушкин. Петроград 1924.

[38] Как отмечает В. М. Жирмунский в цитированной выше работе, Пушкин этой недосказанностью стремился повысить степень вчувствования читателя, придавая перерывам и рядам точек композиционное значение. Эти знаки перерыва напоминают архитектурные руины, столь характерные для пейзажного искусства парков XVIII в. Очевидно, что новое понимание проблемы единства художественного произведения связано с изменением художественных вкусов в период после классицизма. Там же, стр. 52—53.

[39] Szász Károly (1829—1905) — поэт, переводчик, принадлежал к поэтическому кругу Араня и Дюлаи.

[40] Ábrányi Emil (1851—1920) — поэт, значительный представитель неоромантизма конца XIX в.

— имение Онегина. Эдит в романе Корнеля Абрани[41] «Иван» подобно Татьяне изливает душу своей няне, а Катинку, героиню произведения Кароя Саса младшего[42] «Дочь священника из Сабадфалвы», как и Татьяну, лучше всего характеризуют ее любимые книги (Йокаи, роман Дж. Элиот «Адам Бид»). Пожалуй, можно было бы составить целую антологию из писем влюбленных героинь, которые, следуя Татьяне, первыми признаются в своих чувствах. Письмо Илоны из романа в стихах Марцелла Бенедека — это как бы переложение пушкинского текста: «Что я чувствую — наверное, можешь представить, и коль небо даст силы моему перу, я опишу здесь свою любовь, даже если покраснеет моя невинная белая бумага». Подобной имитацией является и письмо Лары к Енё из произведения Золтана Эрдейи «Утраченное счастье»: «Прости иль прокляни! — все от тебя зависит, в душе тебя я все ж благославляю, желаю — будь счастливее . . .» Геза Зичи заимствует другое место из письма Татьяны: «Уходите? — о, Вас я понимаю, здесь так уныло все, так низменно!» Эндрёди также включает женское признание в свои романы «Закат» и «Генрик», отдельные строки последнего почти дословно повторяют пушкинский текст: «Альфред! Твое лицо повсюду вижу, люблю тебя, моя мечта, мое спасение». Героиня «Дочери священника из Сабадфалвы» отвечает словами Татьяны, обращенными к Онегину при их последней встрече: «Я Вас любила, не отрицаю, и очень долго Вас ждала. Вина в том Ваша, не моя . . .»

Образ Онегина вызвал к жизни фигуру пресыщенного молодого аристократа, которому «наслаждения наскучили», «работать не было нужды», «большое состояние, полученное в наследство, не могло разогнать его скуку» — так характеризует Золтан Эрдейи своего героя Оскара Петенди в «Утраченном счастье». Повторяются многие детали жизни Онегина: у Ласло Араня — детство и воспитание Балажа Хюбеле, в романе Шандора Шомло[43] «Эден» — дуэль, как и в «Алпари», да и в ряде других произведений; наследование сельского поместья в романе Ревицкого[44] «Сентябрь» и в «Закате». (Влияний, разумеется, не всегда могут избежать и романы в прозе. Так, например, герой романа Жолта Бёти «Бела Калозди» тоже получает в наследство имение, теряет охоту к жизни, путешествует по Европе, разбивает женские сердца, талантлив, но не находит применения своим силам, страдает от сплина, разочарован, опустошен, терзаем сознанием своей вины.) В «Утраченном счастье» на столе оказывается даже самовар, а главный герой романа «обожает Дон Жуана и Пушкина боготворит». (Непосредственные указания на «Евгения Онегина» содержатся во многих произведениях, в частности, в «Герое миражей»: «Вот, примером может служить сон Гайдэ и Татьяна, а также «Или-», «Эне-», Зрини- и прочие ады».) Относительно бездумное заимствование сюжетных элементов, однако, почти не оставляет впечатления искусственности, поскольку образ жизни русской аристократии, контраст между городом и провинцией, смесь чужих и отечественных, европейских и национальных обычаев — все это не было чуждо и характеру венгерской

[41] Ábrányi Kornél (1849—1913) — поэт, писатель, переводчик.

[42] Szász Károly младший (1865—1950) — поэт консервативного толка, критик, сын Кароя Саса. Роман в стихах «Дочь священника из Сабадфальвы» написан им в 1927 г.

[43] Somló Sándor (1859—1916) — второстепенный поэт, автор стихотворного романа в стихах «Эден».

[44] Reviczky Gyula (1855—1889) — один из крупнейших поэтов периода австро-венгерского соглашения. Его романы в стихах «Сентябрь» и «Граф Зденко» остались в виде фрагментов.

действительности. Использование композиционных приемов «Евгения Онегина» помогало венгерской литературе освободиться от бремени псевдонародности, создавая современную урбанистическую атмосферу, обеспечить возможность реалистического воссоздания действительности.

3. Искрометно-едкий, игривый, непочтительный юмор байроновского «Дон Жуана» трансформируется в «Евгении Онегине» в мягкую иронию, окрашенную житейской мудростью, сатира занимает в романе незначительное место.[45] Венгерские последователи Пушкина порой нарушают эту внутреннюю закономерность жанра, стремясь, в первую очередь, к общественной сатире. Сатирическое отношение основывается обычно на однозначности, на принятии враждебной позиции к изображаемому миру или даже на его осуждении и презрении к нему. Сатира всегда оказывается односторонней, потому что рисует свой предмет под таким углом зрения, который наиболее ярко проявляет негативные черты. Искажение действительности, гипертрофированное преувеличение недостатков не свойственны «Евгению Онегину», в нем доминирует сочувствие, терпимость, ироническое прощение. (К такой авторской позиции, пожалуй, наиболее близок Янош Арань во второй песне романа в стихах «Иштак-дурачок» и этим он, вероятно, обязан «Евгению Онегину» в переводе Кароя Берци.) Сатирик находится в непримиримом конфликте с действительностью — автор же «Евгения Онегина» не испытывает ненависти к изображаемому миру, а наоборот, поэтизирует его. (Конечно, отрицательное отношение Пушкина к своему обществу находит выражение в романе: Онегин порывает с этим миром, Татьяна же противопоставляет ему свое нравственное превосходство.) Сочувствие к людям, любовь к жизни настолько полнокровно и разнообразно проявляются в «Евгении Онегине», что подобное ему произведение авторы венгерских стихотворных романов были неспособны создать уже в силу недостаточности таланта. Кроме второй песни «Иштока-дурачка» наиболее соответствует такой высокой мерке «Герой миражей», несколько приближается к ней также произведение более позднего автора Лёринца Сабо «Трели кузнечика».[46] (Оно не может считаться романом в стихах, только лишь ход эпического повествования да некоторые моменты авторской установки позволяют провести такую параллель.)

Пушкинская ирония, связанная с образом автора, не унизительна, как у Байрона, а нежна и поэтична. (Следует заметить, что поэт иронически относится не только к Ленскому, но и к Онегину, а поначалу даже и к Татьяне.) Венгерской стихотворной эпике недостает как раз этой особенной амбивалентности, поэтической глубины, свойственной «Евгению Онегину». Например, Дюла Сентеши[47] в своем произведении «Мечтатель» часто прибегает к ироническим отступлениям (вроде отрывка, начинающегося словами «Я знаю многих великих людей, выросших на улице»), однако они остаются на поверхности, потому что автор по своей прихоти подходит к одним и тем же явлениям то с пафосом, то с иронией.

[45] *В. Маркович,* Юмор и сатира в «Евгении Онегине»: Вопросы литературы, 1969/1, 67—68.

[46] Szabó Lőrinc (1900—1957) — выдающийся представитель венгерской поэзии XX в., цикл его стихотворений «Трели кузнечика» имеет отдаленное сходство с романом в стихах.

[47] Szentessy Gyula (1870—1905) — оппозиционно настроенный, сочувствующий социалистическим идеям поэт-романтик.

Особый и отнюдь не редкий случай, когда трудно определить преднамеренность или случайность иронии, как, например, в начале оставшегося незаконченным романа в стихах Михая Бабича[48] «Поход в никуда»: «О, все, кого я любил в своей жизни, кто еще отваживается прильнуть к моей душе, слушайте, вдруг поймете меня . . .» Юмор произведений, возникших в 1870-е годы во время «бума» стихотворного романа («Эден», «Квасной патриотизм», «Алпари», «Путь к счастью», «Возвратившийся», «Закат» и др.), нередко является слепым подражанием Пушкину, приглушаемым к тому же сатирическими элементами. Распространены легко повторяемые мотивы вместо всеобъемлющего глубокого юмористического подхода: вставки в скобках (в романе Кароя Сомори[49] «Пал Пал»: «Днем спал, зато вечером тон задавал, то есть бренчал на старом пианино»); шутливое использование иностранных слов или цитат: «To be or not to be ! — такова ныне наша судьба» («Камилло»). Авторы часто прибегают к той разновидности онегинского юмора, которой пользуется Пушкин, когда критически или скептично высказывается о своем произведении и художественном творчестве вообще. Таково подтрунивание Дюлы Руднянского[50] над критиками в предисловии к роману в стихах «Несчастный» («О, что за звуки! Нет им равных, строфа бежит, уже десятая по счету»), даже Ади считает юмористическим приемом указание на художественную форму в романе «Маргита хочет жить»: «Мой небольшой роман однажды все же подойдет к концу, но когда же наступит конец вечному венгерскому горю?» Сама литература, литературное воплощение жизни нередко становится объектом смеха, однако чаще всего в форме добродушной колкости, в то время как Байрон, Янош Арань, ставя под сомнение литературность, отрицали таким образом современную жизнь, действительность, иерархию сложившихся ценностей.

Пестрота языка, частое употребление иностранных слов, игра словами, аббревиатурами, остроумные рифмы, несогласование лексических единиц — всё это и есть, собственно говоря, элементы иронического стиля романа в стихах. Сочетание несовместимых языковых пластов уже само по себе юмористично, как, например, надпись на надгробном памятнике Ларина в «Евгении Онегине», которую столь тщательно анализирует Ю. М. Лотман.[51] Габор Олах[52] пользуется таким приемом в «Герое нашего времени» для низведения пафоса («Права народу! — раздается возглас, — социализм, спаситель мира!»), Эндрёди в своем произведении «По любви» — с целью шутливой характеристики («И входит с важностью на лице, словно земной двойник Святого Петра»), Ревицкий в «Сентябре» — для воссоздания общей атмосферы («На балы, журфиксы он никогда не ходил, ведь для этого пригодны красавцы-мужчины»). Интересный колорит придают пушкинскому роману старославянские выражения. Арань в «Иштоке-дурачке» для оживления языка исполь-

[48] Babits Mihály (1883—1941) — выдающийся представитель венгерской лирики XX в., один из лидеров первого поколения «Nyugat»-а. Его стихотворный роман «Поход в никуда» (1913) остался незаконченным.

[49] Szomory Károly (?—1899) — второстепенный поэт, автор романа в стихах «Пал Пал».

[50] Rudnyánszky Gyula (1858—1913) — поэт оригинального склада конца XX в., автор неоконченного романа в стихах «Несчастный».

[51] *Ю. М. Лотман,* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975, 54—56 с.

[52] Oláh Gábor (1881—1942) — поэт, романист, автор романа в стихах «Герой нашего времени» (1909).

зует народную, диалектную лексику. Последователи Пушкина перемешивают в своих произведениях архаические, выспренние выражения с грубоватыми, низменными с целью вызвать ощущение новизны, однако именно такой прием очень быстро стирается, становится механическим. (И Байрон, и Пушкин, и Арань достигали этим приемом эффекта прежде всего потому, что применяли его впервые, читателя он ошеломлял и поражал своей неожиданностью, но не пестротой и разнородностью.) Требующая высокой степени осознанности игра языковыми элементами лишь у великих художников слова приводит к желаемому результату, армия же их подражателей чаще всего ограничивается имитацией внешних эффектов. (В «Балинте Банго» Иштвана Балога подвыпивший поп «из старого кувшина без ручки облил героя дня какой-то бурдой».) Только в «Иштоке-дурачке», «Герое миражей», во «Встречах» и еще в нескольких произведениях привычные слова, образы, мотивы создают новые взаимосвязи, обретают необычный смысл; новый контекст подчеркивает иные оттенки их значений, а непривычная расстановка элементов приводит к созданию новаторской во всех отношениях художественной формы. (По образному выражению М. Бахтина, язык романа в стихах складывается из пересекающих друг друга языковых пластов.)[53]

Примечательно, что меньше всего венгерские подражатели старались следовать как раз стиховой форме Пушкина. Непосредственная причина этого в том, что хотя моду на роман в стихах вызвало появление «Евгения Онегина» в переводе К. Берци, однако венгерским образцом этого жанра стал всё же «Иштек-дурачок» Араня, получивший известность в 60-е годы и вслед за Байроном утвердивший станс чуть ли не единственно возможной формой стихотворного романа. Онегинская строфа, изобретенная Пушкиным, состоит из трех четверостиший и одного двустишия. В четверостишиях представлены три возможных вида рифмовок: вначале перекрестная, затем смежная и наконец опоясывающая; завершает их двустишие с мужской рифмой: a b a b c c d d e f f e g g. Первое четверостишие кратко очерчивает тему, второе и третье неспеша развивают ее, в двустишии чаще всего содержится афористическое обобщение. В венгерской литературе почти нет примеров четырнадцатистишной онегинской строфы. Пожалуй, наибольшее сходство с ней можно обнаружить в стиховой форме романа «Ромхани», являющейся комбинацией онегинской строфы и «строфы Химфи»: пушкинский четырехстопный ямб с чередованием мужских и женских клаузул[54] и двенадцатистишная строфа, а также рифмовка a b a b c d c d e e f f, заимствованные у Шандора Кишфалуди.[55] Отдаленное сходство онегинской строфы с сонетом позволяет и пушкинский роман считать одним из источников, влияние которых отразилось в «Трелях кузнечика».

4. На вопрос о возникновении, расцвете и упадке жанров, их судьбе, форме существования (которую со времени появления «Эволюции жанров» Брюнетьера принято объяснять биологическими параллелями) наука о литературе, собственно говоря, до сих пор не дала точного ответа. При исследо-

[53] *М. М. Бахтин,* Слово в романе: Вопросы литературы 1965/8.

[54] Papp F., Gyulai Pál, II. Budapest 1941, 167; Galamb S., Gyulai Pál novellái: Irodalomtudományi Közlemények 1921, 139.

[55] Kisfaludy Sándor (1772—1844) — один из крупных поэтов эпохи венгерского Просвещения и Реформ. Его сентиментальный любовный цикл «Химфи» в свое время пользовался огромным успехом.

вании возникновения отдельных жанров, в данном случае романа в стихах, приходится считаться с такой сложной системой взаимоотношений истории общества, культуры и литературного развития, что рамки нашей статьи позволяют лишь вкратце коснуться этого вопроса.

«Евгений Онегин» появился в эпоху расцвета романтизма и жанра романа. Его место в истории эволюции следует искать в его свойствах и функции, возникших отчасти под *влиянием* стиля эпохи и данного жанра, отчасти *вопреки этому*.

На тесную связь отдельных мест в пушкинском романе с сентиментализмом и романтизмом указывало еще русское буржуазное литературоведение («Новая Элоиза» — не только любимое чтение Татьяны, но и один из источников «Евгения Онегина»: первая половина знаменитого письма Татьяны почти дословно повторяет первое письмо Юлии, содержащее признание в любви).[56] Более поздние исследования, на авторитет которых можно полагаться,[57] в общем и целом считают пушкинский роман произведением реалистическим, отмечая, однако, присутствие в нем романтизма, хотя романтизм как метод и универсальный способ выражения становится для Пушкина неприемлемым, тематически он остается верен ему. Нельзя не заметить, например, что главные персонажи «Евгения Онегина» наделены романтическими чертами: Онегин — изверившийся романтик, в нем Пушкин осуждает романтическую разочарованность и индивидуализм. Татьяна воспитывалась на сентиментальных романах, она — воплощение романтического идеала чистоты, живущего в мире грез, беззащитного перед действительностью. В образе Ленского — поклонника Канта и Шиллера — дана критика оторванного от жизни идеализма, романтического экстаза, бесплодных мечтаний. Постоянное осмеивание романтического пафоса в шутливом тоне авторского текста, разрыв с романтической сюжетной канвой и характеристикой героев — всё это доказывает, что «Евгений Онегин» — не настолько победа реалистического искусства, насколько свидетельство отхода от романтизма.

«Евгений Онегин» выступает и против жанра романа (или по крайней мере полемизирует с ним), причем именно в пору его наивысшего подъема. Еще в XVIII в. роман был универсальной и главенствующей литературной формой, оказывая значительное влияние и на остальные жанры. (Это часто доказывается на примере «Дон Жуана» Байрона и гетевского «Фауста».) Несмотря на такое победное шествие романного жанра уже в начале XIX в. начинают вырисовываться первые признаки его кризиса. У этого казалось бы молодого жанра оказалось немало противников. Гегель и другие ставят его ниже эпоса, который, по их мнению, достоин представлять органично, однородное, коллективистское общество. Гете и Шиллер считают роман бесформенным, недостаточно поэтическим жанром. А Фридрих Шлегель ценность романа видит в авторской исповедальности, в проявлении личности. Из чего следует, что «Исповедь» Руссо — гениальный роман, а «Новая Элоиза» — весьма посредственное, второстепенное произведение этого жанра. Разумеется, с точки зрения Шлегеля, романы Филдинга слабы, поскольку сила этого жанра, по его мнению, заключается в том, что гениальный инди-

[56] *В. В. Сиповский,* Онегин, Татьяна и Ленский. С.-Петербург, 1899, 11—15.
[57] *Г. А. Гуковский,* Пушкин и проблемы реалистического стиля. Москва 1957.

вид дает широкий, доселе невиданный простор излияниям своей души.[58] Таким образом, в противовес остросюжетному, объективному реалистическому роману в начале XIX в. появляется потребность в таком жанре, который, давая предметное изображение мира, может одновременно быть и энциклопедией «внутренней жизни», выражая к тому же авторскую интимность и поэтичность. Собственно говоря, такой потребности отвечают «Дон Жуан» и «Евгений Онегин»; этим на самом деле объясняется и увлечение пушкинским произведением Дюлы Круди, который в период нового кризиса романного жанра ориентировался как раз в этом направлении.

Быстрое распространение жанра стихотворного романа в венгерской литературе 70-х годов прошлого века объясняется несколькими причинами. Дело не только в том, что Янош Арань, например, чуждался прозы и поэтому для изображения современной действительности выбрал байроновскую (а во второй песне «Иштока-дурачка» — байроно-пушкинскую) художественную форму. Нельзя не согласиться с часто встречающимся утверждением, что многие венгерские авторы, стремясь к совершенствованию стихотворного эпоса, увидели подходящий метод для этого в следовании «Евгению Онегину». Несомненно и то, что в Венгрии после австро-венгерского соглашения наступил тот период разочарований, сомнений в господствующих идеях XIX в., разуверения в либерализме, который в годы после французской революции являлся источником скепсиса в «Дон Жуане» и «Евгении Онегине». Следует обратить внимание на такой важный момент, как отношение венгерского стихотворного романа к романтизму и роману как жанру. Ярко выраженная антиромантическая направленность жанра содержит по сути дела требование достоверного, неприкрашенного изображения действительности. (Поэтому «Герой миражей» по праву считается первым произведением критического реализма в венгерской литературе.) Его отдельные ситуации и персонажи, как и в «Евгении Онегине», напоминают романтические, однако злободневная тематика, реалистические фигуры, лишенная пафоса манера изложения, достоверное изображение общественной жизни и сам непосредственный, непринужденный стиль указывают на отход от романтического эпоса, занимавшего еще в то время в венгерской литературе господствующее положение. Разумеется, было бы неверно говорить о реализме «Героя миражей» в бальзаковском или толстовском смысле, ведь рамки данного жанра не дают простора подробному, исчерпывающему и всестороннему изображению и заведомо исключают возможность, более того, саму попытку объективного изображения. И так же, как в «Евгении Онегине», отход от романтизма, спор с ним становится жанровой особенностью романа в стихах.

Тогда как возникновение стихотворного романа в Европе было вызвано желанием вытеснить традиционный роман, стремления венгерских авторов определялись их отношением к венгерскому роману середины XIX в. Дело не просто в запоздалости, отставании от европейского романа. Янош Арань, Пал Дюлаи, Ласло Арань и другие пытаются преодолеть традиционный роман не только лиричностью, более полным и неоднозначным изображением личности, они ищут подходящую форму в противовес как затасканным шаблонам приключенческого романтизма, так и кажущемуся плоским, «материалистическим», приземленным, а иногда даже называемому натуралистичным

[58] *В. В. Кожинов,* Происхождение романа. Москва 1963, 405—406; Fenér F., Az antinómiák költője. Budapest 1972, 347—358.

французскому роману. (Общеизвестно неприятие кругом Дюлаи Бальзака и Флобера.) Таким образом, суть не в заимствовании онегинских мотивов или в сходстве предмета изображения, образов, языка и композиции (частично отмеченных в данной работе), а в родстве творческой направленности. Венгерский роман в стихах 70-х годов оттого «столь типично венгерский и столь типично русский», что (вслед за Пушкиным), значительно видоизменив западноевропейскую традиционную форму, он предстает как специфически восточноевропейское образование: задушевность описания национальных особенностей, пейзажа, провинции, более отсталых отношений вызывает чувство глубокой лирической сопричастности, желание дать достоверную картину эпохи, одновременно предоставляя место сомнениям, надеждам, тревогам, приливам нежности. «Герой миражей», например, стремится и способен превзойти современные ему венгерские романы не только своей поэтичностью, но также гуманностью, нравственным, эмоциональным и духовным потенциалом, чему способствует как раз его внешне причудливая, неорганизованная, импровизированная форма. Обращение к Пушкину мотивировано поисками образца для выражения привязанности к отечественным поэтическим традициям, к специфически венгерским явлениям, к историческим, политическим особенностям и духовному складу венгерского прошлого. Поэтому «типично венгерское и типично русское» качества этого жанра не противостоят, а взаимно обогащают друг друга, обеспечивая возможность более поэтичного и искреннего, реалистического, современного и непосредственного выражения, выявляющего национальные черты и соответствующего эпохе и общественным условиям.

«Мертвые души» и воскресение

Ф. ТАЛЛАР

(Tallár F., MTA Filozófiai Intézet, Lukács Archívum és Könyvtár, Budapest, Belgrád rkp. 2, H-1056)

«Видите ли этим зарождающиеся атомы каких-то новых стихий, видите ли эту движущуюся, снующуюся кучу прозаических повестей и романов, еще бледных, неопределенных, но уже сверкающих изредка искрами света, показывающими скорое зарождение чего-то оригинального: колоссальное, может быть совершенно новое, неслыханное в Европе, поток, предвещающих будущее законодательство России в литературном мире. . .»

Н. В. Гоголь*

1. История литературы уже подтвердила правоту этих страстных гоголевских слов. В 30-х годах прошлого века в русской литературе началось такое движение, которое в конце столетия подобно буре ворвалось в Западную Европу. Гоголь наряду с Лермонтовым является не только родоначальником и вершиной этого движения; как автору «Мертвых душ» ему одновременно принадлежит и создание первого синтеза в том сугубо русском, ищущем выхода и спасения, «мессианском» смысле этого слова, под знаком которого позднее родились великие обобщения Толстого и Достоевского. И хотя о его творчестве написаны тома книг, осветивших разные аспекты его исскуства, все-таки не исключено, что писатель как бы и сейчас, спеша домой, кутаясь в свой плащ, оглядывается на нас с конца Невского проспекта и, прикрывая рот рукой, всё так же смеется.

Стихийная мощь гоголевского творчества, для которого часто превозносимая непосредственность и завораживающая сила описаний не более чем средство воплощения, но отнюдь не искомый принцип, так же, как комическое или ироническое разоблачение, до сих пор остается неразгаданной, и даже лирические отступления, сулящие личную интимность, оборачиваются застывшими масками, если мы захотим обнаружить в них самого Гоголя.

Предметом нашего исследования является первый, авторизованный самим писателем, том «Мертвых душ» — пожалуй, наиболее загадочного произведения «скрытного Гоголя». Ссылаться на сожженный, позднее реконструированный из отрывков второй том «Мертвых душ», а также на другие произведения Гоголя мы будем лишь в том случае, если они проливают свет на это произведение, оказавшее решающее влияние на последующее развитие русской литературы. Наконец хочется предупредить читателя, что теоретически выделив составные компоненты в чрезвычайно сложной, построенной на равновесии антиномных творческих начал структуре произведения, в ходе анализа мы вынуждены представить во временной последовательности и рассматривать как два этапа то, что в произведении наличествует синхронно.

* *Н. В. Гоголь*, Полное собрание сочинений, 8. Статьи, б. м. 1952, 539.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

1.1. «Гоголь важен не только как гениальный писатель, но вместе с тем и как глава школы — единственной школы, которою может гордиться русская литература, потому что ни Грибоедов, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Кольцов не имели учеников, которых имена были бы важны для истории русской литературы», — пишет Н. Г. Чернышевский,[1] выделяя здесь т. н. «натуральную школу», на каждом представителе которой действительно легко обнаруживается влияние Гоголя. Но чем объясняются столь же легко обнаруживаемые отличия — степенью таланта Гоголя или коренной разницей творческих принципов? «Натуральная школа», которая на своем первоначальном, т. н. «физиологическом» этапе выдвигала задачу социографического охвата русской действительности, зародилась непосредственно из стремления к описательству, пыталась в документальных очерках запечатлеть различные, изолированные звенья общественной сферы, исходя из уверенности в том, что их простое сложение даст полную картину общества. Характерны уже сами названия этих очерков: «Петербургские углы» Н. А. Некрасова, «Петербургская сторона» Е. П. Гребенки, «Московские рынки» и «Свадьба в Москве» И. Т. Кокорева, «Петербургский дворник» В. И. Даля, «Петербургский фельетонист» И. И. Панаева и др.

В. Г. Белинский, впервые связавший имя Гоголя с «натуральной школой», во всяком случае судя по его критическим выступлениям того времени, именно в этой способности к документальному, непосредственному изображению видел не только наибольшую ценность творчества Гоголя («И между тем Гоголь все-таки обладает удивительною силою непосредственного творчества в смысле способности воспроизводить каждый предмет во всей полноте его жизни, со всеми его тончайшими особенностями»), но как бы и единственный и исключительный принцип его искусства: «... эта-то, говорим мы, удивительная сила непосредственного творчества в свою очередь много вредит Гоголю. Она, так сказать, отводит ему глаза от идей и нравственных вопросов, которыми кипит современность и заставляет его преимущественно устремлять внимание на факты и довольствоваться объективным их изображением».[2] Белинский, восторженно приветствовавший «Мертвые души» как произведение, знаменующее новую эпоху в литературе, здесь, однако, явно несправедлив. Только, как выяснится позже, он сам понял свою неправоту, в отличие от тех, кто порою и сегодня, со ссылкой на Белинского, продолжает искать разгадку Гоголя и «Мертвых душ» именно в непосредственной, документальной силе изображения.

Если рассматривать «Мертвые души» как собрание картин и характеров, укрупняющих отдельные, специфические черты, как произведение, вызванное к жизни стремлением к непосредственной изобразительности — своего рода русский вариант «Записок Пиквикского клуба» (чему немало было примеров в процессе исследования аналогий всемирной литературы) — то возникнет целый ряд неразрешимых вопросов. Путешествие Чичикова и проходящая на этом фоне анекдотическая линия, как и любой технический прием, лишенный более глубокого содержания, могли бы, пожалуй, связать разрозненные эпизоды в некое формальное целое, в звенья одной цепи, но стать носите-

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Очерки гоголевского периода русской литературы. — Избранные литературно-критические статьи. Москва 1953, 110.

[2] *В. Г. Белинский,* Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя *Мертвые души.* — Статьи о классиках. Москва 1973, 410—411.

лем отчетливо ощутимого органического единства, пронизывающего все отдельные элементы «Мертвых душ», они не способны. И лишь вникнув в сущность этого пластичного смыслового единства, мы сможем ответить на вопрос, каким образом это произведение, включающее всего-навсего пять встреч, а значит лишь пять развернутых, скажем так, «портретов», несколько групповых зарисовок и бесчисленное множество назначительных самых по себе эпизодов, если и не становится энциклопедией русской действительности, то по крайней мере дает объективную картину ее структуры, выступает носителем вызывающих брожение «идей и нравственных проблем». Только лишь исходя из этой содержательной формы, охватывающей целый круг основополагающих общественных коллизий, можно понять назначение неожиданных медитаций, эстетических рассуждений, роль вырастающих в пространные предложения сравнений, скорее затемняющих, нежели раскрывающих суть сравниваемого, и, наконец, функцию лирических отступлений, с патетической торжественностью превозносящих Россию, которые столь нелегко совместить с так сказать «разоблачительно-сатирической» струей.

М. Е. Салтыков-Щедрин в заключительной части своих «Губернских очерков» не случайно с однозначно иронической остротой прибегает к общеизвестному гоголевскому сравнению Руси с птицей-тройкой: «Я еду. Лошади быстро несутся по первому снегу; колокольчик почти не звенит, а словно жужжит от быстроты движения; сплошное облако серебристой пыли подымается от взбрасываемого лошадиными копытами снега, закрывая собою и сани, и пассажиров, и самых лошадей . . . Красивая картина! Да, это точно, что картина красива, однако не для путника, который имеет несчастие в ней фигурировать. Эта снежная пыль, которая со стороны кажется серебристым облаком, влечет за собою большие неудобства».[3] Безусловно, Щедрину — автору *«Губернских очерков»* — и физиологическому направлению, стремившемуся к энциклопедическому охвату русской действительности, оставалась чуждой возвышенная, объемлющая огромные перспективы, исторически окрашенная лирика Гоголя. Но то, что никогда не могло органично войти в «натуральную школу», что создавало бы там ощущение искусственно приклеенной к произведению апологии, у Гоголя смогло стать неотъемлемым и достоверным, давая понять что это не просто заключительный пассаж, смягчающий остроту разоблачительного документа, что произведение в целом строится по совершенно иным конструктивным принципам.

И здесь следует восстановить справедливость в отношении Белинского. Во-первых, потому, что в связи с «Мертвыми душами» он тоже подчеркивает центральное место лирического у Гоголя,[4] во-вторых, как явствует из его писем, он и без этого прекрасно видел основные отличия творчества Гоголя от «натуральной школы», связать же эти две разные тенденции вынужден был из соображений прежде всего политического порядка. Ведь выход «Мертвых душ» приблизительно совпал с окончательным разрывом между «западниками» и «славянофилами», с образованием двух враждующих лагерей. Вследствие этого каждый лагерь пытался представить Гоголя, влиятельнейшего писателя эпохи, своим, а влиятельнейшее произведение эпохи «Мертвые души» — выражением своих собственных идей. Преимущественно политические и тактические мотивы этого стремления становятся очевидными из

[3] *М. Е. Салтыков-Щедрин,* Собрание сочинений в 20 томах, т. 2. Москва 1965, 462.
[4] См. *Белинский,* Объяснение. . ., 375.

письма Белинского К. Кавелину: «Насчет Вашего несогласия со мною касательно Гоголя и натуральной школы я вполне с Вами согласен, да и прежде думал таким же образом. Вы, юный друг мой, не поняли моей статьи, потому что не сообразили, *для кого* и *для чего* она писана. Дело в том, что писана она не для Вас, а для врагов Гоголя и натуральной школы, в защиту от их фиксальных обвинений. Поэтому я . . . кое-что изложил в таком виде, который мало имеет общего с моими убеждениями . . . Например, всё, что Вы говорите о различии натуральной школы от Гоголя, по-моему совершенно справедливо, но сказать это печатно я не решусь: это значило бы наводить волков на овчарню, вместо того, чтобы отводить их от нее . . . Вы, юный друг мой, хороший ученый, но плохой политик . . .»[5]

Цитирование этого места, которое можно было бы подкрепить отрывками и из других писем, важно еще и потому, что отсюда берет свое начало большинство и ныне живущих представлений, согласно которым Гоголь — энциклопедический бытописатель русской действительности, зорким глазом и уверенным пером запечатлевающий явления в их непосредственности. Основой таких концепций часто служит «тактическое» толкование Белинского, сегодня уже утратившее свою функцию.

1.2. «Совершенно очевидно, — писал Ж. Барбе д'Оревильи в появившейся во Франции рецензии на «Мертвые души», — что автор и не помышлял о том, чтобы создать характер. Чтобы быть личностью своеобразной, еще не достаточно быть вором, моющим руки французским мылом, носить сюртук рыжего цвета с искрой и сморкаться с большим шумом. Все это вовсе не так смешно и оригинально. Как знать, может быть это считается глубоким в России? Возможно. Но мы, французы, слывущие самыми „легковесными" из европейцев, мы называем это поверхностным . . . Неженка Манилов, от которого не дождешься никакого живого или хотя бы даже заносчивого слова, госпожа Коробочка, хвастун Ноздрев, скряга Плюшкин (эти люди скорее дурных привычек, чем страстей) не могут быть поставлены в один ряд с великолепным многообразием характеров, которыми изобилует Человеческая комедия . . .»[6] Для доказательства того, что французский критик ошибся в своей общей негативной оценке, не стоило бы приводить цитату, в наши дни это уже более чем очевидно. Гораздо интереснее те его конкретные замечания, в которых обнаруживается прозорливость, вызванная иной точкой зрения и иной шкалой ценностей.

В отличие от исследователей аналогий всемирной литературы, которые, разумеется, уже упоминали и Бальзака, и его «Человеческую комендию», Барбе д'Оревильи прав прежде всего в том, что «Мертвые души» «не могут быть поставлены в один ряд» ни с творчеством Бальзака, ни вообще с западноевропейским буржуазным романом. «Мертвые души» — одно из первых выдающихся достижений «святой русской литературы», рожденное типично русской проблематикой, и — не считая отдельных заманчивых аналогий — его естественные взаимосвязи могут быть раскрыты лишь исходя из этой литературы и стоящих за ней коренных вопросов русской общественной жизни. Непосредственно к этому примыкает и другое справедливое наблюдение французского рецензента относительно того, что автор «Мертвых душ» «и не

[5] *В. Г. Белинский*, ПСС в 13 томах, т. 12. Москва 1956, 432—433.
[6] Литературный архив, 1859, 257—258 с.

помышлял о том, чтобы создать характер», «личность». О создании характеров, по крайней мере в смысле характера буржуазного индивида, самоутверждающегося в собственной судьбе, Гоголь действительно не помышлял. Тогда как Барбе д'Оревильи недовольствуется «Мертвыми душами», Гоголь характерным образом в одной из своих статей с некоторой пренебрежительностью отзывается о почитаемом в то время романном жанре, называя его «слишком условленным», причем именно по той причине, что «всё, что ни является, является потому только, что связано слишком с судьбой самого героя. Здесь[. . .] допускается одно только слишком тесное соединение между собою лиц; всякие же дальние между ними отношения или же встречи такого рода, без которых можно бы обойтись, есть порок в романе, делает его растянутым и скучным».[7] Гоголь назвал «Мертвые души» поэмой и с изрядной долей горечи иронизировал над теми, кто подходил к его произведению с мерками романного жанра, то есть западноевропейского буржуазного романа.[8]

В статье Барбе д'Оревильи заслуживают внимания не только его отрицательные замечания, подчеркивающие расхождения во взглядах, но и положительные определения: по его мнению, Гоголь характеризует своих «героев» такими внешними признаками, как их одежда, такими приметами, как шумное сморкание или мытье рук французским мылом. Подобные выводы — разумеется, уже с другим оценочным акцентом — можно обнаружить полвека спустя в работах Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума: «„характеры", „типы" Гоголя — и суть маски, — пишет Тынянов, — . . . не испытывающие никаких „переломов" или „развитий"». Один и тот же мотив проходит через все движения и действия героя, — творчество Гоголя лейтмотивно». «Маской может служить, прежде всего, одежда, костюм . . . маской может служить и подчеркнутая наружность . . . Далее, реализуются и превращаются в словесную маску простые языковые метафоры».[9]

В поразительно своеобразных вступительных сценах «Мертвых душ», задающих тон всему произведению и одновременно определяющих его основной настрой, перед нами действительно сразу же, в подчеркнутой форме возникает этот мир, населенный масками: «. . . когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из под которого видна была манишка, застегнутая тульской булавкою с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой». Молодой человек, скрывающийся за подробно описанным костюмом, нигде больше в произведении не фигурирует (разве только в другой одежде); как в начале, так и позднее нам ничего о нем не известно. Таким образом бричку встретил некий костюм, говоря словами Тынянова — маска, а под нею «кто-нибудь» или «кто угодно». А господин в бричке? «В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя ска-

[7] *Н. В. Гоголь*, ПСС 8, 481—482.

[8] См. письмо Гоголя Н. Я. Прокоповичу от 14 мая 1843 г.: «Чем же я виноват, что у публики глупа голова и что в глазах ее я то же самое, что Поль де Кок: Поль де Кок пишет по роману в год, так почему же и мне тоже не написать, ведь это тоже, мол, роман, а только для шутки названо поэмою». — Собрание сочинений в 8 томах, т. 8. Москва 1984, 196.

[9] *Ю. Н. Тынянов*, Достоевский и Гоголь. — Архаисты и новаторы. Ленинград 1929, 422, 418—419.

зать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным . . .» Об этом ничем не примечательном господине, который может быть «кем угодно», позднее мы узнаем лишь то, что его зовут Чичиковым (артикуляционная маска, как, к примеру, Акакий Акакиевич), что он чрезвычайно громко сморкается, любит сюртук брусничного цвета с искрой, приятный партнер в карточной игре, «почтенный и любезный человек», который с неизвестной целью скупает у своих знакомых мертвые души. Таким образом господин в бричке наделяется целым рядом внешних черт, тогда как о его внутреннем облике, особенностях его личности мы совершенно ничего не знаем.[10]

Персонажи «Мертвых душ» — это длинный хоровод масок. «Просвещенные слои» города Гоголь характеризует следующим образом: «председатель палаты знал наизусть ,,Людмилу" Жуковского, которая еще была тогда непростывшею новостию, и мастерски читал многие места, особенно ,,Бор заснул, долина спит", и слово ,,чу!" так, что в самом деле виделось, как будто долина спит; для большего сходства он даже в это время зажмуривал глаза. Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы ,,Ночи" и ,,Ключ к таинствам натуры" Эккартсгаузена, из которых делал весьма длинные выписки, но какого рода они были, это никому не было известно; впрочем, он был остряк, цветист в словах и любил, как сам выражался, уснастить речь». Это — насыщенная метко схваченными подробностями характеристика, основанная на подчеркнуто внешних признаках, скорее подведение образа под категорию привычки или черты характера, нежели развертывание внутренних детерминантов личности. Такими же масками являются «дама приятная во всех отношениях» и «просто приятная дама», не более чем маски и те неожиданно возникающие и навсегда исчезающие в произведении фигуры, которые и в самом деле не что иное, как фигуры, ведь кроме их внешней оболочки, мелькнувшей на мгновение, о них ничего не известно (как, например, «длинный, с простреленной рукою, такого высокого роста, какого даже и не видано было . . .»); такие же маски суть и имена с характерным звучанием, встречающиеся лишь однажды (Сысой Пафнутьевич, Макдональд Карлович), за которыми не виден человек.

Возможно иначе обстоит дело с более подробно выписанными персонажами произведения, с помещиками, которых Чичиков встречает во время своего путешествия? В доказательство гоголевской силы изображения характеров нередко прибегают к цитированию размышлений Гоголя, предваряющих описание Манилова, где писатель после нескольких иронических замечаний по поводу романтического героя и создания таких образов говорит следующее: «но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей, — эти господа страшно трудны для портретов. Тут придется сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собою выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный в науке выпытывания взгляд». Тем, кто в этом «тончайшем» анализе склонен видеть метод самого Гоголя, достаточно лишь

[10] История Чичикова, описанная в последней главе поэмы, не относится к этой линии, более того, по сути дела она не относится и к первому, авторизованному тому «Мертвых душ». К ее функции мы еще вернемся.

обратиться к следующим строкам в поэме, чтобы понять: приведенный пассаж о создании портрета — по сути дела пародия на характеристику как литературную форму.[11] Ведь описание характера Манилова начинается так: «Один бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, по словам пословицы». В конечном итоге всё речевое и практическое поведение Манилова может быть определено однозначной, а потому подобной маске доминантой: «что-то заискивающее расположения», «в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару»; Ноздреву как нельзя лучше подходит определение «кутилы и лихача», Плюшкину — «скряги». Маскообразная сущность Собакевича и Коробочки еще более однозначна. В связи с Собакевичем и его окружением постоянно всплывает сравнение с «медведем», а Коробочку «характеризует» уже само имя и ассоциирующаяся с ним страсть к накопительству, систематическое собирание вещей.

Разумеется, по сравнению с уже упомянутыми эпизодическими фигурами образы этих пяти главных персонажей обрисованы более тщательно, в их случае применение тыняновской категории «маски» может показаться отчасти спорным. В отличие от молодого человека с тульской булавкой, появляющегося в начале произведения, они уже представляют собой типы, но отнюдь не в энгельсовском толковании, согласно которому «. . . каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, «этот», как выражается старик Гегель, да так оно и должно быть».[11a] Определение типов у Энгельса метко указывает на основную для буржуазного индивида и тем самым и для героя западноевропейского романа проблему — на возможность и задачу превращения «заурядного члена общества» в особенную личность; гоголевским же типам недостает как раз этого свойства, характерного для самоутверждающейся в собственной судьбе личности — быть самим собой.

Его «герои» являются представителями абстрактных моделей поведения и возможностей существования, наделенными отдельными характерными чертами, поэтому по отношению к ним, пожалуй, будет уместным вслед за В. Зеньковским говорить даже о «платонизме» Гоголя.[12] Ведь приступая к показу «Коробочек», «Собакевичей», «Маниловых» в замкнутом стилевом единстве, в статичных портретах Гоголь всегда и в языковом отношении подчеркнуто стремится к изображению самого типа («вида»), а возникающие попутно миниатюрные, внешне казалось бы очень конкретные образы на самом деле тоже абстрактны, ведь существуя вне конкретного времени и пространства, они объединяются между собой лишь «платоновским идеалом» типа. Описание Коробочки, например, Гоголь начинает в конкретном пространстве и конкретном (прошедшем) времени: «Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее . . .» и продолжает уже в настоящем неактуальном времени, калейдоскопом замкнутого в себе пространства, вмещающего множество подробностей: «одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки и держат голову несколько набок, а между тем наби-

[11] Небезынтересно отметить, что такая же пародия характеристики как литературной формы повторяется и в «изображении» Селифана и Петрушки.

[11a] Из письма Энгельса к Минне Каутской от 26 ноября 1885 г.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, т. 36. Москва ²1964, 333.

[12] *В. Зеньковский*, Гоголь. Париж 1961, 80.

рают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов. В один мешочек отбирают всё целковики, в другой полтинники, в третий четвертачки, хотя с виду и кажется, будто бы в комоде ничего нет, кроме белья, да ночных кофточек, да нитяных моточков, да распоротого салопа, имеющего потом обратиться в платье, если старое как-нибудь прогорит во время печения праздничных лепешек со всякими пряженцами . . .» и т. д. и т. п. Фигура, растворенная таким образом в типе, становится в конечном итоге его голой репрезентацией: «Вот какой был Ноздрев! Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. Увы, несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком». Таким образом основной принцип построения этих типов ничем не отличается от принципа изображения простейших, появляющихся лишь на мгновение масок: Гоголь не раскрывает перед нами внутренние свойства *автономной личности*, но подчиняет фигуру, лишенную автономности, абстрактному типу поведения или возможности существования и как бы использует ее в качестве их репрезентации. Поэтому к гоголевским типам не подходит вывод, напрашивающийся из истории развития западноевропейских литератур, о том, что типическое не тождественно среднему, так как «типичность характера и положения предполагает возвышение над повседневной действительностью».[13] Потому что герои Гоголя — не характеры, т. е. не *особенные осуществления* имеющихся возможностей, но в лучшем случае *особые воплощения* имеющихся взаимосвязей, для их мира характерна посредственность, окрашенная необычными моментами. Наглядное свидетельство этого — задающие основной тон всему произведению начальные эпизоды: въезд господина в бричке «не был сопровожден ничем особенным»; «покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода»; «верхний (этаж) был выкрашен вечною желтою краскою»; «. . . Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворен, ибо нашел, что город никак не уступал другим губернским городам . . .» и т. д.

1.3. Ю. Тынянов метко и очень точно описал использование Гоголем приема маски, но не осветил художественную функцию этого по сути чисто технического средства. Хотя маска — лишь один из функциональных носителей той общественной проблематики, исходя из которой можно определить художественную структуру произведения, в том числе и функцию этого приема. Поэтому здесь необходимо обратиться к одному из коренных вопросов русской дворянской интеллигенции — к противопоставлению души и бездуховности. На данном этапе нашего исследования кажется уместным предположить, что Гоголь конструирует «жизнь» бездушных марионеток, опутанных разбухшей до гигантских размеров царской бюрократической системой, погрязших в трясине полуазиатского феодализма, жизнь таких созданий, которые, будучи незначащими элементами тяготеющей над ними системы взаимоотношений универсального масштаба, утратили свою индивидуальность, человеческий, нарвственный облик. По-видимому, метод формирова-

[13] G. Lukács, Die intellektuelle Physiognomie des künstlerischen Gestaltens. In: Georg Lukács Werke. Berlin 1971, 4: 160.

ния типов у Гоголя, т. е. подчинение действующего лица как неавтономного существа независимой от него универсальной форме поведения («стандарту») или маска сходной конструкции, т. е. приравнивание, даже подмена персонажа внешней вещественной приметой — служит критическому воспроизведению марионеток своеобразными художественными средствами, но не их непосредственному «изображению». Маска у Гоголя — одно из средств для создания тех фигур, о которых В. Розанов несколько недоумевающе и неприязненно, но уже предваряя тыняновскую теорию маски, говорит, что они «. . . без жизни, без естественного на себе света, без движений, без способности в себе продолжающейся мысли, развивающегося чувства . . . Замечательно, что ни в одном произведении Гоголя нет *развития* в человеке страсти, характера и пр.; мы знаем у него лишь *портреты*, человека in statu, не движущегося, не изменяющегося, не растущего или умаляющегося».[14]

1.4. До сих пор недостаточно внимания уделялось обложке первого (1842 г.) издания «Мертвых душ», которую готовил сам Гоголь, хотя ее можно рассматривать и как скрытое вступление к произведению. В центре обложки более крупным по сравнению с названием («Похождения Чичикова или Мертвые души») шрифтом выделено жанровое определение — поэма. На значение этого мы уже указывали: Гоголь даже обложкой хотел подчеркнуть, что его творение не относится к привычному для читателей типу западноевропейского романа. Однако сейчас нас интересует в первую очередь не это, но ажурный орнамент вокруг надписи и просматривающийся в его очертаниях арабеск, напоминающий форму головы, в причудливо извивающиеся узоры которого Гоголь поместил различные тематические мотивы. Во-первых, это всевозможные предметы, связанные с едой: огромный осетр на продолговатом блюде, всякие бутылки, бокалы, тарелки, кроме этого здесь можно обнаружить два музыкальных инструмента, уличную зарисовку, человеческий силуэт и танцующую пару. С важного в композиционном отношении места, из углов перевернутого равностороннего треугольника на нас смотрят три театральные маски (!), а в вязь, обрамляющую заглавие, Гоголь вплел крошечные черепа (!). Это как бы проекция внутренней структуры «Мертвых душ»: разнородные элементы, утратившие присущие им взаимосвязи, соединяются в качестве лишенных значения элементов абстрактной системы, индифферентной по отношению к их собственному содержанию, как простые знаки самих себя, как маски мертвецов *универсальной* системы взаимоотношений, единственно располагающей жизненной силой. И только тройка, выделенная из арабеска, свободно мчится наверху.

За этим «фасадом» языковое и литературное соответствие визуального арабеска мы можем обнаружить в повествовательном стиле Гоголя (в «сказе»). Б. Эйхенбаум в своей основополагающей работе о Гоголе дал четкое определение проблемы: в отличие от новелл, сюжет которых строится на событиях и положениях, «совершенно иной становится композиция, если сюжет сам по себе, как сплетение мотивов при помощи их мотивации, перестает играть организующую роль, то есть если рассказчик так или иначе выдвигает себя на первый план, как бы только пользуясь сюжетом для сплетения отдельных стилистических приемов. Центр тяжести сюжета (который

[14] *В. В. Розанов,* О Гоголе. — Легенда о великом инквизиторе. Петербург 1906, 277—278.

сокращается здесь до минимума) переносится на приемы сказа, главная комическая роль отводится каламбурам, которые то ограничиваются простой игрой слов, то развиваются в небольшие анекдоты. Комические эффекты достигаются манерой сказа». «Настоящая динамика, а тем самым и композиция его вещей — в построении сказа, в игре языка. Его действующие лица — окаменевшие позы. Над ними, в виде режиссера и настоящего героя, царит веселящийся и играющий дух самого художника».[15]

Несомненно, ученый прав в том, что у Гоголя на фабуле и ее тематических элементах строится сложная, автономная, архитектоническая языковая форма, стилистические приемы которой Эйхенбаум описывает впервые и весьма убедительно. Однако даже ему не удается должным образом осветить ту основную проблему, которая определяет функцию отдельных приемов и создает из них в качестве своего носителя единую художественную структуру. И поскольку основная проблема остается невыясненной, вернее, чересчур упрощенной («комическое», «веселящийся и играющих дух», «игра действительностью»), Эйхенбаум, описывая приемы, затем нередко ошибочно трактует их значение (функции).[16] Не вдаваясь в подробности, хочется отметить, что главное заблуждение Эйхенбаума состоит в том, что личность рассказчика у Гоголя он считает доминирующей и — тем самым повторяя просчеты им же самим критикуемых исследователей — видит «организатора» и «настоящего героя» его творчества в «веселящемся и играющем духе» писателя. На самом деле за непосредственной интонацией рассказчика, под покровом фамильярной интимности действует виртуальный субъект, наделенный силой демиурга, который, словно «властвующий дух», использует и уничтожает тему с целью воссоздания марионеток эпохи, доказывая таким образом, что он и есть *дух истории*.

В качестве одной из естественных возможностей литературно-языкового воспроизведения марионеток, утративших свою автономность, выродившихся в вещественный элемент тяготеющей над ними универсальной системы взаимоотношений, часто выступает суггестивное по силе предметное сравнение. Впервые мы сталкиваемся с ним сразу же в начале поэмы, в момент въезда брички: «В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне, помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом таким же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с черною как смоль бородою». Такими же предметными сравнениями «характеризует» Гоголь и двух участников клоунады, разыгравшейся после того, как лошади Чичикова заартачились, дяди Митяя и дяди Миняя (две дополняющие друг друга артикуляционные маски, подобно Добчинскому и Бобчинскому): «Сухощавый и длинный дядя Митяй с рыжей бородой взобрался на коренного коня и сделался похожим на деревенскую колокольню, или, лучше, на крючок, которым достают воду в колодцах». А вот другой портрет: «Дядя Миняй, широкоплечий мужик с черною, как уголь, бородою и брюхом, похожим на тот исполинский самовар, в котором варится сбитень для всего прозябнувшего рынка . . .» Здесь от предметных сравнений можно перейти к гоголевскому изображению взаимосвязей

[15] *Б. М. Эйхенбаум*, О прозе. Ленинград 1969, 306, 311.

[16] Здесь мы прежде всего имеем в виду ту часть, которую Эйхенбаум определяет как «сентиментально-мелодраматическую» и сводит ее функцию всего лишь к «контрасту» с комическим повествованием.

человека и его среды. В время путешествий Чичикова Гоголь подробно описывает окружение помещиков, следуя при этом подчеркнуто одинаковой схеме: сначала дает описание деревни, затем внутренней обстановки дома и наконец — картин на стенах. Уже этот неизменно повторяющийся, не зависимый от хода «действия» порядок описания дает почувствовать, что отношение человека и его предметной среды в «Мертвых душах» строится на иных взаимосвязях, чем в западноевропейском буржуазном романе, где окружение является базой самосоздания героя или, вернее, предметная среда, созданная героем, одновременно выступает как предметное выражение его характера. У Гоголя персонаж и предметное окружение сливаются и нивелируются — на уровне вещей. («Чичиков еще разокинул комнату, и все, что в ней ни было, — все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома; в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь. Стол, кресла, стулья — все было самого тяжелого и беспокойного свойства, — словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или: «И я тоже очень похож на Собакевича!»)

Кроме предметных сравнений, которые можно было бы продолжить, другим характерным гоголевским приемом являются анималистические сравнения. Достаточно вспомнить медвежью маску Собакевича (имя которого говорит само за себя!) или, к примеру, описание Плюшкина: «. . . маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунивши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух». Эта цитата, если не считать ее тематического содержания, одновременно как бы подводит нас к другому типу сравнения, суть которого заключается не в его значении, а в синтаксическом построении; в «Мертвых душах» этот стилистический прием — развернутое сравнение — встречается, пожалуй, чаще всего: на балу «черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски где вразбитную, где густыми кучами . . .» и т. д.

Простое на первый взгляд сравнение (танцующие в черных фраках — мухи) разрастается, ширится, чтобы, утратив свою первоначальную разъясняющую функцию, приобрести новый, противоположный смысл. Единственно живая, непререкаемая власть произведения — гоголевский сказ, загоняя сравниваемое (танцующих!) в рамки раздутых до гигантских размеров, живущих самостоятельной жизнью орнаментальных предложений (арабеск!), уничтожает его, возвышает сравнение над сравниваемым, чтобы тенью его заслонить то, что как раз должно быть им освещено, и наконец, чтобы великолепно отшлифованный, но лишенный каких бы то ни было взаимосвязей образ навсегда остался в огромной кладовой «Мертвых душ».

Функцию, подобную развернутым сравнениям, выполняют и языковые алогизмы, которые строятся по синтаксическим формам, независимым от автономного семантического содержания тематических элементов или проти-

воречащим им. (Например: «Прочие тоже были более или менее люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто «Московские ведомости», кто даже и совсем ничего не читал».) Наконец сходную роль играют и бестолковый ход мысли действующих лиц, их алогизмы. Из них Гоголь сплетает такую сложную систему нелепиц, в которой персонажи сталкиваются, как беспомощные марионетки.

Анализ Бергсона клоунады в ее «чистом» виде несомненно может пролить свет на многие сцены из «Мертвых душ»: «. . . а клоуны все мельтешили, сталкивались, падали, вскакивали, все это в равномерно убыстряющемся ритме и с нарочитым старанием вызвать ощущение какого-то крещендо. Во время номера внимание зрителей все больше приковывалось к движению, они постепенно забывали о том, что перед ними люди из плоти и крови. Клоуны казались зрителям комочками, падающими на землю и ударяющимися друг об друга. Затем зрительный эффект все усиливался. У сидящих в зале создавалось ощущение, что формы начинают округляться, тела катятся и превращаются в шарики. И наконец возник образ, все более убедительно внушаемый номером: на сцене — резиновые мячики, брошенные с разных сторон и отскакивающие друг от друга».[17] Такой же механизм действует и во время невероятного переполоха, вызванного толками двух дам. Губернский город стал подобен арене цирка, на которой лихорадочно «действующие герои» пляшут танец марионеток, повинуясь движению ниточек, протянутых за ширмой.

1.5. Воспроизведение марионеток эпохи с помощью маски и сложной языковой орнаментальности выходит далеко за рамки непосредственности. И всё же не случайно читательское восприятие, да, как правило, и исследователи подмечают присутствие эмпирической личности, интимной интонации рассказчика, ведь в произведении на самом деле слышится подшучивающий, фамильярный голос. Более того, на первый взгляд он кажется основным конститутивным принципом поэмы.

Как раз создание этой видимости и является одной из функций непосредственного голоса. Фиктивный рассказчик, имитирующий личное присутствие Гоголя, шутит, спрашивает и отвечает на вопросы затем, чтобы виртуальный субъект произведения за ширмой «болтовни», благодаря уже упомянутым конститутивным приемам, как бы незаметно смог создать тот мир марионеток, о котором с обманчивой непринужденностью рассказывает «болтающий Гоголь».

Однако фиктивный рассказчик не только прикрывает технические приемы действующего в глубине виртуального субъекта, но и одновременно продолжает его работу. Не слишком заботясь о духовном облике действующих лиц, он подчеркнуто поверхностно участвует в разработке того образа уже лишенных своей глубины персонажей, который проецируется на фасад произведения действующим на заднем плане виртуальным субъектом. «Так и быть, — вздыхает фиктивный рассказчик, приступая к описанию дам города N, — о характерах их, видно, нужно предоставить сказать тому, у кого поживее краски и побольше их на палитре, а нам придется разве слова два о наружности да о том, что поповерхностней». Сожаление по поводу отказа от подробной характеристики в данном случае служит лишь прикры-

[17] H. Bergson, Das Lachen. Jena 1914, 42.

тием адекватного подхода: «поверхностность» «болтающего Гоголя» и есть адекватное запечатление мира, существующего только лишь на поверхности.

В отличие от автора западноевропейского буржуазного романа, который о своем герое знает решительно всё, но в отношении его автономности остается индифферентным, фиктивный рассказчик у Гоголя везде подчеркивает, во-первых, свое непосредственное личное присутствие, во-вторых то, что он может сообщить о своих героях лишь столько, сколько ему самому о них известно. (Вспомним, к примеру, «характеристику» Манилова или другое место: «Что думал он [Петрушка] в то время, когда молчал, — может быть, он говорил про себя: „И ты, однако ж, хорош, не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же", — бог ведает, трудно знать, что думает дворовый крепостной человек в то время, когда барин ему дает наставление».) От этого интонация рассказчика, а вместе с нею неизбежно и «описываемое» действующее лицо приобретает случайные, условные оттенки («может быть», «бог ведает», «сами не знаем»). Но эта условность на самом деле представляет собой адекватный подход к марионеткам, утратившим внутренний стержень, самоценность, существующим лишь благодаря тотальности тяготеющих над ними внешних отношений. Потому что — как горовит Гоголь — «прошу посмотреть на него (правителя канцелярии), когда он сидит среди своих подчиненных, — да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительно Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку! «Да это не Иван Петрович, — говоришь, глядя на него. — Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется». Подходишь ближе, глядишь — точно Иван Петрович! «Эхе-хе», — думаешь себе . . .»

Фиктивный рассказчик этим удивлением, вызывающим ощущение наивной непосредственности, дополняет работу виртуального субъекта. Приближаясь то с одной, то с другой стороны к орнаментике, сотканной из сведенных к одному измерению фигур, он со своего подчеркнуто внешнего наблюдательного пункта проливает свет на ее теневую поверхность и качая головой следит за превращениями персонажей.

2. До сих пор в структуре «Мертвых душ», основанной, по нашему мнению, на уравновешивании двух противоположных стремлений, мы пытались рассмотреть лишь одну сторону — воспроизведение марионеток эпохи. Но некоторые проблемы, неразрешимые на данном уровне нашего анализа, отчетливо указывают на еще не затронутый аспект произведения. Прежде всего мы имеем в виду функцию приподнятого, историически окрашенного лиризма поэмы и правомерный вопрос о том, каким образом соотносятся с миром марионеток те места поэмы, которые с мессианской силой провозглашают мощь России и ее будущее величие. Кроме этого необходимо найти объяснение тому, с какой целью Гоголь в конце произведения неожиданно и в совершенно новой манере знакомит нас с предысторией Чичикова, не

только нарушая этим статичность персонажа, «конкретизированного» масками, но и наделяя своего героя такими подчеркнуто индивидуальными особенностями — способностью к постоянному обновлению и возрождению — которые противоречат сложившемуся впечатлению о нем, но в то же время соотносимы с отдельными моментами, кажущимися чуждыми общему складу произведения. Здесь, с одной стороны, можно указать на «эволюцию» Плюшкина, с другой — на стоящие особняком в поэме два внутренних монолога Чичикова, свидетельствующие о его «возвышенном» душевном потенциале. И наконец хотелось бы подчеркнуть, что все эти — назовем их пока что «странными» — моменты появляются в конце первого тома, во всяком случае там они достигают своей кульминации. (Там показана не только эволюция Чичикова; из представленных типов Плюшкин тоже является последним. Кроме этого исторически окрашенный лиризм дает о себе знать в произведении четыре раза: впервые в конце пятой главы, остальные три отступления, вулканические по силе в сравнении с предыдущим, сосредоточены уже в последней, одиннадцатой главе первого тома, как бы затем, чтобы завершить его знаменитым уподоблением Руси птице-тройке.)

Доминирующие в конце первого тома «странные» моменты неизбежно поднимают вопрос о проблематике первого и отчасти фрагментарного, отчасти ненаписанного второго, а также третьего томов, тем более, что уже в самом первом томе содержится немало прямых намеков на продолжение. Один из них заслуживает особого внимания: после саркастического портрета «счастливого писателя», который «приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека», Гоголь продолжает: «Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи.[. . .] Сурово его поприще, и горько почувствует он свое одиночество.

И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы! И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымется из облеченной в святый ужас и в блистанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей . . .»

2.1. В связи с двойственностью творческих принципов Гоголя, проявляющих себя «сквозь невидный миру смех и незримые, неведомые ему слезы» и сулящих «святый ужас и блистанье», сложилось две теоретически обоснованных и подтверждаемых фактами концепции. Одна из них, связывавшая эту «двуликость» с немецким романтизмом, заявила о себе уже в момент выхода произведения. В 1842 г. С. П. Шевырев, рецензируя «Мертвые души», ссылался на Жан-Поля: «Как будто сам демон путаницы и глупости носится над всем городом и всех сливает в одно; здесь, говоря словами Жан Поля, не один какой-нибудь дурак, не одна какая-нибудь отдельная глупость, но целый мир бессмыслицы, воплощенный в полную городскую массу».[18] Здесь

[18] *С. П. Шевырев*, «Москвитянин», 1842. IV. № 8, 351.

Шевырев по всей вероятности имеет в виду определение юмора у Жан-Поля, согласно которому «юмор приводит к комическому ничтожеству не единичное, но конечное. Это конечное он ставит в контраст с идеей. Для него нет единичных глупостей и единичных глупцов — для него существует только всеобщая глупость и целый мир бессмыслицы».[19]

Позднее А. Слонимский в своей работе о комическом у Гоголя возвратился к этому определению, находя в нем разгадку гоголевского «смеха сквозь слезы», уничтожающего и «всеохватывающего», поскольку он включает в себя и потенциальное присутствие «идеи». Этой двойственностью объясняет Слонимский постоянное и сознательное чередование «комических» и «серьезных» элементов у Гоголя, ведь, — пишет он, — «юмор, как форма комического, требует прежде всего тесной спайки между комическим и серьезным. Серьезное только тогда действует юмористически, когда оно создается на основе комических движений — не помимо комического, а через него».[20] В дальнейшем по поводу анализа «Шинели», полемизируя с Б. Эйхенбаумом, он убедительно доказывает, что то место в повести, которое Эйхенбаум, упрощая, называет «сентиментально-мелодраматическим» (душевное потрясение и перерождение служащего департамента), функционирует не в качестве контраста с целью вызвать плоский комический эффект, но совместно с другими элементами подобного рода служит составной частью юмора, действующего одновременно в двух плоскостях. «Комическое и серьезное чередуются на всем протяжении рассказа. Эти чередования обусловливаются главным образом перестановкой точки зрения на изображаемое, т. е. совершаются в субъективной сфере авторской речи».[21]

А. Слонимский в этой менее других известной, но основополагающей работе, пожалуй, впервые с принципиальной ясностью развил проблему двойственности в творчестве Гоголя, то, что позднее Шкловским было удачно названо «двойным осмыслением действительности».[22] Однако остается открытым вопрос, насколько стоящая за этим проблема может быть освещена понятием юмора, взятым из немецкой эстетики, хотя, по свидетельству Шевырева, оно входило в литературное сознание эпохи, к тому же начиная с тридцатых годов XIX в. на развитии русской литературы и в том числе прозы ощущалось сильное влияние немецкого романтизма (А. Погорельский, В. Одоевский, В. Полевой и др.). С учетом этого влияния и Ю. Манн подходит к другому аспекту двойственности в художественном мире Гоголя — к переплетению реального и фантастического, ссылаясь при этом кроме Э. Т. А. Гофмана опять же на эстетику Жан-Поля.[23] Отрицать результаты его чрезвычайно поучительных исследований было бы столь же нелепо, как и игнорировать выводы А. Слонимского, Н. Степанова и других, кто также искал объяснение «двойного осмысления действительности», исходя из немецкого романтизма. На основании их изысканий воздействие немецкого романтизма не только невозможно оспаривать, но наоборот, следует предполагать его в творчестве Гоголя, и в дальнейшем мы будем опираться на выводы этих работ, содержащие несколько важных положений. Относительно творчества Гоголя в

[19] Jean Paul, Vorschule der Ästhetik, § 32.
[20] *А. Л. Слонимский*, Техника комического у Гоголя. Петроград 1923, 11.
[21] Там же, 15—16.
[22] *В. Б. Шкловский*, Заметки о прозе русских классиков. Москва 1955, 108.
[23] *Ю. В. Манн*, Эволюция гоголевской фантазии. — К истории русского романтизма. Москва 1973.

целом мы всё же считаем, что это влияние затронуло его лишь отчасти, не коснувшись основной проблематики, скрытой в его глубинах.

Проблема двойственности (амбивалентности) комического у Гоголя совершенно в другом аспекте, но с тем же стремлением к широкому теоретическому охвату была поднята М. Бахтиным и его учеником В. Кожиновым. В своей статье «К методологии истории русской литературы»,[24] появившейся в 1968 г. и вызвавшей серьезную полемику, В. Кожинов, ссылаясь на монографию М. Бахтина о Рабле, пишет о Гоголе как о представителе народной смеховой культуры, амбивалентного карнавального искусства, высмеивающего официальную культуру и мировоззрение. Новой пищей для этой полемики могла бы стать вышедшая впервые в 1972 г. чрезвычайно интересная работа Бахтина о Гоголе, послужившая основой для тезисов Кожинова, которая привела также конкретные доказательства для подтверждения того, что «проблема гоголевского смеха может быть правильно поставлена и решена только на основе изучения народной смеховой культуры».[25] После выхода этой статьи М. Бахтина уже нельзя было исключать возможность того, что поскольку Гоголь хорошо знал украинские народные праздники, жизнь бурсы и «рекреационный смех бурсака», традиции народной смеховой культуры повлияли на писателя и сыграли значительную роль в поэтической структуре и идейной установке не только «Вечеров на хуторе близ Диканьки», но и «Мертвых душ».

Однако ни первое, ни второе объяснение двойственности не дает ответа на один важный вопрос. Если выводить один из наиболее существенных, конститутивных моментов искусства Гоголя из амбивалентной народной смеховой культуры и таким образом неизбежно рассматривать его творчество как воплощение конструктивного принципа, не имевшего в русской литературе XIX в. — за исключением отдельных примеров в прозе Лескова — ни предшественников, ни последователей, невозможно будет понять то стихийное воздействие, оказанное Гоголем на «официальную литературу», а также объяснить его важнейшую роль в истории «святой русской литературы», как недостаточно для этого и ссылки на влияние немецкого романтизма. Удовлетворительный ответ можно получить лишь в том случае, если удастся объяснить, почему гоголевское искусство признала своим узкая, отнюдь не народная читательская аудитория — дворянская интеллигенция «мрачной эпохи», последовавшей за восстанием декабристов. Следовательно необходимо найти органическую взаимосвязь особенных гоголевских форм, породивших один из всегда загадочных, неповторимых шедевров, с общим ходом развития «святой русской литературы», коренящейся в специфической русской проблематике.

2.2. А. Н. Плещеев в выпуске «Русского инвалида» за 1847 г. требует пересмотра основных установок физиологизма. Он энергичное выступает как против писателей, «совершенно довольствующихся копированием», так и против тех, кто пишет, «даже не заглядывая в внутренний мир своих героев, не пускаясь в анатомию и в психологию . . . Произведения писателей обоих этих разрядов могут сделать на вас разве такое только впечатление, какое

[24] *В. В. Кожинов,* К методологии истории русской литературы. — Вопросы литературы, 1968/5.

[25] *М. М. Бахтин,* Вопросы литературы и эстетики. Москва 1975, 495.

вы ощущаете при взгляде на бедное животное, не имеющее средств высказать вам, что у него болит и отчего болит». Хотя — продолжает Плещеев — «то, что положено природой в глубину души, рано или поздно должно всплыть наружу . . . Но есть существа, в которых подавлены все зародыши добра страшным гнетом обстоятельств, которых они с самого младенчества были жертвою». Но литература, показывая их, «показывает вместе и причины, почему они сделались такими, какими мы видим их».[26]

После упомянутого в связи с Лермонтовым антропологизма нам уже понятна двойственность, на которую указывает Плещеев: двойственность общественной среды и независимой от нее и от исторических обстоятельств души, но при этом «добрая» по природе своей душа может быть подвержена значительной деформации.

Однако в работе Плещеева эта антропология выступает в новой общественно-идеологической функции: сформулировав двойственность марионеток и обреченной на молчание души, он ставит вопрос, но не в стиле герценовского «или-или», не в форме постулата, требующего иллюзорного или реального, но в любом случае выбора. Он заостряет акцент на вскрытии причин всё более очевидных деформаций, объяснении этих причин (с которого так легко можно соскользнуть на путь «оправдывания») — делая это в духе новых тенденций, возникших к концу 40-х годов. В то время русская литература — пока что еще под знаком своеобразного, вновь возродившегося сентиментализма — нисходит к психике человека, борющегося с глубокими, обострившимися внутренними противоречиями эпохи, постепенно теряющего свою идентичность, нисходит для того, чтобы в темной глубине этой психики обнаружить живую искорку и бросить ей спасательный круг «чистой души», поданный антропологией. Некогда резкое разграничение бездуховности и души размывается: спустя всего несколько лет после выхода «Мертвых душ» и «Героя нашего времени» гордая печоринская позиция души по отношению к марионетке уже становится невозможной. Новая эпоха теперь уже в марионетке пытается обнаружить страждущую душу.

С точки зрения новой проблематики, уничтожающий смех Гоголя кажется жестоким, почти что непонятным. В 1846 г. рецензент «Финского вестника» пишет: «Изображая чиновника, прежде всего надо помнить, что вы изображаете человека; и если в вашей груди таится хоть искра божественной любви к большим, меньшим или равным вам собратьям, то, поверьте, вы не так засмеетесь над неуклюжею фигурой чиновника; вы не остановитесь на одной только смешной внешности».[27] Почти не вызывает сомнений, что безымянный автор имеет в виду Гоголя, создателя образа Акакия Акакиевича, и неприятие его рецензентом столь же решительно, как у «бедного человека» Достоевского, обуреваемого ужасом при чтении «Шинели». И всё же парадигматичен тот факт, что Достоевский дает в руки Девушкину «Шинель». Читая Гоголя, Макар Девушкин сталкивается не с иным, чуждым ему миром, но со своим собственным, только на предыдущей стадии его развития. Достоевского и Гоголя разделяет время, связующим же звеном выступает исторически изменяющаяся основная проблема русского общества и общественного сознания. В то время как Гоголь еще в подобной лермонтовскому

[26] Русский инвалид, 1847, 15 января, 37 с.
[27] Финский вестник, 1846, XI т., V отд., 46—47 с.

анализу постулативной, острой двойственности показывает резко очерченное противостояние марионетки и души, Достоевский уже угадывает «диалектику души», бьющейся в марионетке.

2.3. «Нет, бывает время, — писал Гоголь в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу Мертвых душ», — когда нельзя иначе устремить общество или даже всё поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого».[28] Значит Гоголь еще верил, что пути, ведущие к обновлению, к возрождению открыты или по крайней мере могут открыться не только перед отдельными личностями, но перед «всяким». Оттого он мог быть «жестоким», оттого мог смеясь наблюдать за «движением незаметных мотыльков», а в черновом варианте назвать Акакия Акакиевича «очень добрым животным» и в то же время — как убедительно доказал А. Слонимский — в «субъективной сфере авторской речи», «серьезной» интонацией лиризма, выделяющегося из языковых каламбуров сказа, с помощью которого воспроизводится, овеществляется марионетка, подготовить «неожиданно фантастическую концовку» истории — воскресение Акакия Акакиевича. Здесь дело не только в «контрасте комического» повествования (Эйхенбаум) или, как считает Розанов, в «неорганическом» выражении «жалости» и «скорби», вызываемой беспощадным смехом,[29] здесь речь идет о гораздо большем: не о проникновении «контрастных» или «неорганических» элементов в однородные творческие принципы, но о том, что произведение в целом строится на двойственности различных и всё же создающих органическое единство во всей его структуре формообразующих начал — «мерзости» и «высокого».

Однако эта двойственность — хотя в «Мертвых душах» ее принято объяснять неожиданным обращением писателя к религии — прослеживается во всем творчестве Гоголя, начиная с «Петербургских повестей». Достаточно вспомнить, например, «Невский проспект», где двойная структура распадается на «истории» Пискарева и Пирогова, объединяющиеся на уровне мотивации абсолютно случайно; язык этих двух линий совершенно различен: Пискарев выписан в лирическом ключе, Пирогов окружен стихией каламбуров. Или вспомним заключительную сцену (как бы парирующую «реализм» в описании парада масок в начале повести) — фантастическую картину Невского проспекта «в громе и блеске», «когда сам демон зажигает лампы»; или фантасмагорическое сплетение «отвратительной действительности» и опиумных сновидений, возносящих к «небесной красоте», «вечный раздор мечты с существенностью». То же фантасмагорическое сплетение мечты и действительности приводит в «Записках сумасшедшего» к заключительному, вырастающему из патетического лиризма образу несущейся вихрем тройки (!); подобная двойная плоскость взаимопроникновения действительности и трансцендентного выступает и в «Портрете», причем в такой форме фантастического, в связи с которой Юрий Манн совершенно справедливо ссылался на немецкий романтизм и на Жан-Поля: «Пусть чудо летит не как дневная и не как ночная птица, но как сумеречная бабочка». Такое толкование фантастичес-

[28] *Н. В. Гоголь*, ПСС 8, 298.
[29] *В. В. Розанов*, О Гоголе. . ., 278.

кого, допускающее и реальное объяснение, смешивающее планы действительного и воображаемого, фантасмагорические связи, языковая двумерность, удваивание персонажей и сюжета — все это служит у Гоголя формальными приемами для того, чтобы, используя и комбинируя их, не только воспроизвести душу и бездуховную марионетку, но и, несмотря на проведенную между ними резкую грань, структурно объединить эту двойственность в органической целостности произведения.

Но именно в этом отношении «Мертвые души» представляют собой переломный этап: после фантастического воскресения Акакия Акакиевича эта поэма была призвана указать *реальные* пути к воскресению. Многозначительные намеки на отвлеченные возможности здесь должны были уступить место положительному показу «путей и дорог», ведущих к воскресению; плоскости, расходящиеся даже в переплетенном виде, должны были выстроиться в прямой последовательности, чтобы в конце пути Гоголь смог привести своих спасенных героев в рай загадочной России. Эта апостольская миссия до необъятных перспектив раздвинула горизонты «Мертвых душ», поэтому вовсе не случайно, что у Герцена чтение поэмы вызывало ассоциации с Данте,[30] а позднее, уже зная о предполагавшихся трех томах, С. Шамбинаго опять же прибегает к сравнению с «Божественной комедией». Его аналогия, согласно которой первый том якобы соответствует «Аду», второй — «Чистилищу», а третий — «Раю», будучи с точки зрения соотносимости неприемлемой, тем не менее точно отражает намерения Гоголя.[31] Второй том, судя по уцелевшим фрагментам, на самом деле должен был завершиться намеком на духовный перелом, перерождение Чичикова: покидая город, «это был не прежний Чичиков . . . Можно было сравнить его внутреннее состояние души с разобранным строеньем, которое разобрано с тем, чтобы строить из него же новое». По замыслу Гоголя, во втором томе жесткие маски спадут и вместо неподвижных портретов появятся живые человеческие фигуры.

Так, исходя из замысла произведения в его неосуществленном и неосуществимом целом, можно понять «странные» моменты первого тома: неожиданно вписанные биографии Чичикова и Плюшкина, лирические размышления Чичикова, в новой перспективе предстает и исторически окрашенный лиризм Гоголя. Рассматривая названные моменты в контексте всего неоконченного произведения, Шкловский объясняет их предполагаемую функцию следующим образом: «. . . в «Мертвых душах» Гоголь хотел дать своих героев изменяющимися; он хотел все же «воскресить» мертвые души, «воскресить» Чичикова, Тентетникова и даже Плюшкина. С этой целью он и в характере Чичикова уже намечал, правда, робко, черты некоторой поэтичности, приписывал этому характеру такие свойства, которых тот не мог иметь, делал его противоречивым».[32] Но как бы ни был прав В. Шкловский, нельзя не признать и справедливость Белинского, который видел в образе Чичикова незавершенность. Потому что отмеченная Шкловским «противоречивость» не есть внутренняя, ставшая органической противоречивость характера, она происходит из концепции автора. В резко очерченной марионетке, за фраком брусничного цвета с искрой Гоголь не нашел да и не мог найти места душе: двойственность нельзя преобразовать во *внутреннее противоре-*

[30] См. *А. И. Герцен,* Собрание сочинений в 13 томах, т. 2. Москва 1954, 220.
[31] *С. К. Шамбинаго,* Трилогия романтизма. Москва 1911, 152—153.
[32] *В. Б. Шкловский,* Заметки о прозе. . ., 149.

чие характера, в «диалектику души» — показать Пискарева в уже «готовом» Пирогове. Одномерное мертвые души оказались неспособными к воскресению. По отношению к обещанным второму и третьему тому полностью подтвердились предчувствия Белинского: «Много, слишком много обещано, так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете . . .»[33] Много, действительно, слишком много было обещано. Намечая конкретный путь к возрождению и воскресению души, Гоголь достиг лишь уровня сухой и малокровной утопии и вынужден был вставить в первый том неорганические элементы стремящейся в никуда, *утопической воли*, несуществующей реальности. Однако обещанное всё же оказалось больше, чем просто теоретический тезис: его полное силы, чистое звучание и сегодня раздается в лирической струе, все-таки органично входящей в первый том, которую отвлеченные возможности души, по сути неспособной к конкретному самоутверждению, направили в сторону того, «чего и нет еще на свете».

Душа, а вместе с нею утопические перспективы новой, спасенной России в абстрактной всеобщности лиризма, стоящего над конретными явлениями, в пророческом слове суверенной воли смогли структурно объединиться с демиурговым языком виртуального субъекта, воспроизводящего мир марионеток, показав «обратную сторону» этой демиурговой силы. Потому лирика души слышится в поэме не в отрыве от мира марионеток и не исчезает бесследно в этой голой пустыне мертвых душ: сплошная поверхность языковой орнаментики, витиеватость распространенных сравнений, полностью пренебрегающих всяким самостоятельным содержанием, почти беспредметная неопределенность языковых масок — все это даже Собакевича делает настолько абстрактным, настолько подчиняет его абсолютной воле виртуального субъекта, что второе «я» этого субъекта — многообещающий лиризм способен и этого «медведя» заставить пуститься в пляс. Однако недалеко то время, когда медведю всё тяжелее станет топать, и у Достоевского он уже заревет во всю мощь. Но «Мертвые души» появились еще в тот период неустойчивого равновесия, что и «Герой нашего времени». Это произведение является обобщением данной эпохи, ищущим в то же время выход из тупика, рожденным апостольским порывом под знаком идеи «мессианства». Единственное и неповторимое в своем роде, пусть не по замыслу и проблематике, но по конкретному воплощению, оно могло стать целостным сплавом только в невероятном внутреннем накале общественных проблем русской жизни. Именно поэтому все теории жанра, выводимые из западноевропейских образцов, оказывались неприложимы к нему. Говоря о жанровом своеобразии «Мертвых душ», вряд ли можно что-нибудь добавить к словам Л. Толстого, который, подчеркивая автономность развития классической русской литературы, обратился за примером к гоголевской поэме: «Возьмем «Мертвые души» Гоголя. Что это? *Ни роман, ни повесть*. Нечто, совершенно оригинальное».[34]

Перевод Надежды Никулиной

[33] *В. Г. Белинский*, Объяснение. . ., 399.
[34] См. *А. Гольденвейзер*, Вблизи Толстого. Москва 1922, т. 1. 93.

Повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и проблема персонального повествования

(Мир, текст, сюжет, память)

АРПАД КОВАЧ

(Kovács Á., ELTE Orosz Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364)

«. . . вернее будет говорить о *параллелизме*. Дело идет . . . о *сопоставлении* по признаку действия. . .»

А. Н. Веселовский

Презумпция А. Н. Веселовского лежит в основе задуманной, а отчасти и разработанной им дисциплины — поэтики сюжетов и памяти сюжетов. Именно этим соотношением — параллелизма и сюжета — возбуждает к себе внимания крупнейший русский ученый, методологические соображения которого оказываются актуальными для современной поэтики, и не только для поэтики, более чем когда-либо прежде. В том числе и для исследования повести Гоголя «Записки сумасшедшего», структурные свойства которой до сих пор не подвергались детальному рассмотрению. Особенно загадочной, если не запутанной, кажется проблема сложнейшей условности текста, его «алогизмов» и «фантастики». Начнем наш анализ именно с этой проблемы. Как известно, самый невыясненный вопрос — это вопрос о соотношении «переписки собачонок» и «записок» Поприщина. Будем рассматривать эти тексты в качестве своеобразного параллелизма и сюжетного сегмента — в духе Веселовского.

1. Те цитаты текста, которые Поприщин называет «перепиской собачонок», представляют собой словесные обозначения образов восприятия самого Поприщина. Образов слуха и зрения, которые он, как рассказчик относит к близкому прошлому: «Признаюсь, с недавнего времени я начинаю иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал».[1] Известно, что эти слова об исключительных, только ему принадлежащих способностях видеть и слышать вносится в первую запись дневника после описания встречи с собачонками. Это не менее исключительное событие и определяется как стимул обращения к запискам, текст которых открывается с ссылки на этот стимул: «Сегодняшнего дня случилось необыкновенное приключение». Итак, необыкновенные, нестандартные образы восприятия отнесены к дотекстовому прошлому («с недавнего времени»), а словесное их обозначение, равно как и высказывания об исключительной компетенции «видеть» и «слышать», — ко времени записок («Сегодняшнего дня»). Образы восприятия являются дотекстовыми в том смысле, что возникли они прежде чем Поприщин обратился к фиксированию своих впечатлений,

[1] «Записки сумасшедшего» цитируются (без ссылки) по последнему собранию сочинений Н. В. Гоголя (*Гоголь* III: 153—172). Курсивом обозначаются выделения цитируемых авторов; разрядкой — выделения автора настоящей работы.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

прежде чем появился Поприщин-рассказчик. Они отнесены к сфере «реалий» поэтического мира, которая, однако, заключена в границы предыстории героя.

Итак, «переписка собачонок» представляет собой не что иное, как перевод этой системы исключительных образов из сферы «реалий» в сферу «записок». Причем — двойной перевод: с одной стороны, превращение в новый семиотический статус — из нерасчлененных образов восприятия в расчлененный текст, а с другой — из дотекстовой предыстории в сюжетное настоящее, в событие создания текста записок. Таким образом, если «переписку» позволительно назвать текстом о мире «реалий» (департамента), то «записки» правомерно будет определить как текст о тексте «реалий», или выражаясь короче, как автотекст.

Следует еще указать, что в «переписке» рассказчик раскрывает отношение мира к себе как участнику событий мира «реалий», а в автотексте — отношение его к себе самому, выраженное в форме отношения рассказчика к герою в такой корреляции, в которой и тот, и другой актант входит в структуру субъекта текста, в образ Поприщина. Далее. Если продолжать вести анализ структурных связей между «записками» и цитированными в них отрывками из «переписки», станет очевидным, что автотекст расслаивается на две новые корреляции: на отношение Поприщина-рассказчика к смыслу цитированных отрывков, обнажающих отношение мира к нему, Поприщину-герою, т. е. на самом деле его отношение к своему прозрению; и на отношение Поприщина-рассказчика к своим же словам и понятиям, при помощи которых реализовалась расшифровка смысла. Следовательно, «записки» (субъектом которых является Поприщин-рассказчик) по отношению к «переписке» (субъектом которой является Поприщин-герой «реального мира») воплощают отношение носителя прозрения как к предмету своего высказывания (приписываемого «собакам»), так и к стилистической, грамматической и даже орфографической манифестации высказывания. Если данные слуха и зрения, отмеченные в тексте, если эта образная модель публичного мнения о Поприщине принимается им, как отмечивающим, как рассказчиком, вполне достоверным, то речевая манифестация — «слог», «письмо», «манера», «тон», «мерзкий язык» — резко отвергается и называется им «собачиною», понимаемой в смысле обличения человека, — способа описания, неадекватного своему объекту. Тон «издевательской», обличительной сатиры и весь ее инструментальный арсенал здесь — внутри художественной модели — Гоголь подвергает описанию и пародии: «Тьфу, к черту!.. Экая дрянь!.. И как можно наполнять письма эдакими глупостями. Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека...». Вот этому «мерзкому языку» описания человека противопоставлены «записки» как адекватный язык описания, как жанр самоописания и самопознания, который формируется в «борьбе» двух стилей: стиля автотекста рассказчика со стилем речевого узуса мира «реалий» и лежащей в его основе системой бытовых и культурных кодов,[2] с тем, что называется в записках «мещанским духом» применительно к департаменту и к театральным модным представлениям.

Обратимся теперь к анализу нарративного воплощения тех свойств структуры текста, тех операций поэтического мышления Гоголя, которые мы старались выявить в предшествующем рассмотрении повести, и которые,

[2] О трансформациях этого типа текстообразования и лежащей в их основе жанровой эволюции в русской литературе (Пушкин, Гоголь, Достоевский) см. *Ковач* 1985а: 291—344.

как мы постараемся еще показать в дальнейшем, являются принципом мотивации связей поэтического мира и поэтического текста, — принципом, а вместе с тем и свойством неповторимой оригинальности гоголевского творчества.

Прежде всего рассмотрим способы обнажения отношения мира к герою. Они реализуются в системе трехкратного описания «директора». Первое описание представляет собой расширенный дифирамб «государственному человеку»; второе — сокращение объема дифирамбических восклицаний (целого абзаца) к одной фразе: «У! должен быть голова!». При этом втором описании эксплицируется отмеченный в первом описании признак: 1) «не говорит лишнего слова», 2) «Все молчит». Новое текстовое оформление того же предмета — «головы» — реализует сдвиг в позиции субъекта текста, трансформацию осмысления. «Не говорит лишнего слова» — может быть признаком мудрого человека, тогда как «все молчит» не предполагает такого признака. Этот смысловой и позициональный сдвиг и мотивирует такую трансформацию текста второго, «ноябрьского», описания, согласно которой сокращению дифирамба примыкает расширение (до целого огромного абзаца) высказываний, обращенных на признак «головы»: «У! должен быть голова!» (повтор). Все молчит (нарушение повтора), а в голове, я думаю все обсуживает (переключение с уровня текста на уровень мира). Желалось бы мне узнать, о чем он больше всего думает; (выделение нового повторяющегося элемента в предметном мире) что такое затевается в этой голове (повтор нового элемента). Хотелось бы мне рассмотреть поближе жизнь этих господ, все эти экивоки и придворные штуки . . . Хотелось бы мне заглянуть в гостинную . . . Хотелось бы заглянуть туда . . . Хотелось бы заглянуть в спальню . . .» и т. д. (повышение частоты повтора). Очевидно: продемонстрированный механизм превращенного повтора служит перенесению маркированного признака (молчит) с «головы» директора на весь престижный мир, который, оказывается, тоже «молчит», маскируется; а значит, предстоит расскрыть его смысл. То есть, предстоит найти такое свойство между ними, исходя из которого они могут быть включены в один класс; следует открыть еще не отмеченный в записках параллелизм. И в этот момент, «как бы светом озарило» его, субъект текста «вспомнил тот разговор двух собачонок», который сохранен в его моторной памяти, в образах восприятия, возникших месяц тому назад во внетекстовой «реальности», «на Невском проспекте». Эта память («собака») и служит инструментом поиска вышеназванной параллели, а потому не случайно, что ко второму описанию директора с примыкающим к нему монологом о рефлексиях и желаниях Поприщина «все узнать», присоединяется целый абзац о «собаке» и ее «сверхчеловеческой» компетенции («собака гораздо умнее человека»). Прежде чем охарактеризовать ее, дадим анализ третьего представления о директоре, осуществленного в «переписке» от имени субъекта «писем», т. е. как раз в системе этой «сверхчеловеческой» компетенции.

В «письмах» директор показан в двойном освещении. Сначала перед зеркалом, наедине с самим собой, в ситуации автокоммуникации. Монологические высказывания директора фиксируются как цитата в цитате, как чужое слово в цитированных Поприщиным «письмах собачонок». Отсюда возможность детализировать и самоописание директора (впервые не маскирующегося), и отношение к нему как с точки зрения образов восприятия («собаченки»), так и в аспекте дискретного расчленения этих образов в комментариях Поприщина к «письмам». Дело в том, что — в отличие от среды самоописания («зеркало») — в «письмах» директор соотносится не с симво-

лами и знаками бытовой конвенции «генерала» (чин, звание, книги на французском и немецком языке, сапог, ленточка и др. атрибуты «учености», «важности», «государственности»), а с некой иной системой вещных указателей, (например, размера, толщины и т. п.), лежащей за пределами данной семиосферы. Именно это доказывает обоснованность нашего предположения, что текст «собачонок» — не что иное, как отмеченные рассказчиком в записках данные его же (дотекстовой) моторной памяти, памяти рефлексов, образов восприятия (слуха, зрения, обоняния), несущих его исключительную компетентность «слышать и видеть такие вещи, которых н и к т о еще не видывал и не слыхивал». Однако подчеркнем: моторная память резко отграничивается от семантической памяти «нарративной личности», выраженной в комментариях, в тексте цитирующего «письма», в которых осмысляются образы, отмеченные и изолированные в цитатах.

В выдержках из «писем» дословно повторяется уже отмеченная самим Поприщиным черта: «. . . очень странный человек. Он больше молчит. Говорит очень редко». Повтор служит сближению точки зрения «собаки» и «чиновника», сигнализирует о том, что субъект «писем» и субъект «записок» один и тот же персонаж. Но поскольку он показан в момент трансформации, повтор нарушается: «но неделю назад беспрестанно говорил сам с собой: „Получу или не получу?"». В результате нарушения повтора директор меняет свою позицию — с уровня текста описания, дифирамба Поприщина престижному, «государственному человеку», он перемещается в план мира, становится действующим лицом. Предмет описания преобразуется в субъект действия. Это преобразование и обнажает его сущность, подлинный смысл молчания. Важно однако напомнить, что в компетентность «собачонки» входит лишь воспроизведение ситуации «говорит сам с собой», лишь перевод образов восприятия в текст, но ни в каком случае не входит в ее компетенцию осмысление воспроизводимого. Дело в том, что осмысление образов восприятия, и шире, всего досюжетного опыта Поприщина, принадлежит Поприщину как рассказчику и носителю семантической памяти. В плане моторной памяти передается только лишь референтивная ситуация, раскрывшаяся перед героем под влиянием «подозрения», и соответствующий отказ от возможности найти в ней смысл.

Очевидно: цитируемые рассказчиком высказывания служат не только той цели, чтобы воспроизвести общеизвестные объекты восприятия, но к тому же и той, чтобы отделить эти атрибуты престижного (восхваляемого героем) мира от общепринятых в нем знаков и символов «авторитетности», «патриотизма», «мудрости», «учености», «государственности», «генеральства» и т. д. Чтобы перенести в иной, чужой для них, контекст, в котором в отдельности может быть рассмотрен и описан как предмет, так и применяемая к нему в узусе система бытовых и культурных кодов, ценностных установок. Гротеск и фантастика в произведениях Гоголя всегда возникает в процессе реализации подобной творческой задачи: обнажения закономерностей инерции бытового сознания, привычных для этого мышления автоматизированных операций рассудка.[3] Двуплановая модель инерции бытового сознания, про-

[3] О семиотическом значении «бытового здравого смысла» для текстообразования в ранних произведениях Гоголя см. *Лотман* 1970: 17—45. Нарратологический аспект проблемы рассматривается в *Ковач* 1985b: 125—135.

демонстрированная выше, делает ощутимым то, что в бытовых условиях неощутимо, а если ощутимо, до конца не осмыслено. Совершая переход от «службы благородной» к «запискам» для себя, субъект текста повести становится носителем тех новых, странных, необычных операций мысли, система которых и составляет особую условность «Записок сумасшедшего».

Отделенные от своих носителей знаки и символы престижа сами по себе лишаются смысла. «Собака» останавливает на них взгляд читателя, в результате чего обнаруживается, что смысл этих атрибутов зависит от отношения к ним человека. Там, где субъект текста не находит никакого смысла, изображенный им директор находит всю полноту смыслов. Теперь возникает необходимость определить самого носителя атрибутов престижа в отрыве от атрибутов. Директор переносится в такую сферу сравнения, где исключена возможность привычных сопоставлений. Он зачисляется в класс «уродов». Это определение возникает при сравнении с собакой по признакам физических размеров: если бы «страшный дога», образец своего рода, «стал на задние лапы, чего, грубиан, он, верно, не умеет, — то он бы был целою головою выше папá моей Софи, который тоже довольно высокого роста и толст собою». Опять нарушение повтора в описании. «Голова» в предшествующих записях выступала в ряду престижных признаков и служила предметом дифирамба Поприщина («У, должен быть голова!»). В результате сравнения в референтивной ситуации, она получает совершенно иную значимость — признак неполноценности в классе уродов. Новый признак выделяется также и параллельной человеку самооценкой «собаки»: «Ах, если б ты знала, какие между ними есть уроды». Далее, фиксируется класс, в который включается «страшный дога»: «Иной преляповатый, дворняга, глуп страшно, на лице написана глупость, преважно идет по улице и воображает, что он п р е з н а т н а я о с о б а, думает, что так на него и заглядятся все. Ничуть. Я даже внимания не обратила, так как бы и не видала его».

Если цитируемый текст воплощает структуру новых образов восприятия, нарушающих смысловую связь со стандартными словами и понятиями, то текст цитирующего демонстрирует новое отношение к своему досюжетному «я» (воспринимающему по новому, но осмысляющему по старому). Рассмотрим ниже отношение Поприщина-рассказчика к новым своим открытиям о себе.

Досюжетное «я», демонстрирующее свое единение с престижным миром в дифирамбах, после обнажения уродов в мире, осмысляет себя в качестве «урода уродов». Если до сих пор он исключал себя из параллелизма с «тщеславными», то теперь осуществляет следующий акт прозрения: ставит себя в аналогию с миром. При этом следует помнить, что Поприщин уже сделал сравнение «папá» со «страшным догом» и «камер-юнкера» с «Трезором», открыв с большим удовольствием, что эти чины не выдерживают сравнения («Небо! Какая разница!»). После этого, напоминая об этих параллелях, носитель текста ставит свое дотекстовое «я» рядом с камер-юнкером, обнажая истину: «Мне кажется, если этот камер-юнкер нравится [Софи. — *А. К.*], то скоро будет нравиться и тот чиновник, который сидит у папá в кабинете. Ах, ma chère, если бы ты знала, какой это урод . . .». Слово «урод» ставит героя в один ряд с уродами престижного мира, однако, из продолжения выясняется, что он оказывается совершеннейшим представителем этого класса — уродом в квадрате: «Фамилия его престранная. Он всегда сидит и чинит перья. Волоса на голове очень похожи на сено. Папá всегда посылает его вместо слуги . . .». Такое непочтительное отношение директора к «дворянину» повто-

ряется при обнажении точки зрения его дочери тоже: «Софи никак не может удержаться от смеха, когда глядит на него».

Здесь детализация всех отношений всех персонажей к герою оказывается полной и исчерпанной — все они в переводе рассказчика однотипны. Теперь и становится возможной смысловая экспликация основного свойства мира. Она осуществляется таким образом, что снова появляется имя «начальника отделения» — этого первого антагониста Поприщина, противопоставленного в предыдущих записях всему миру авторитетов, оказывающих Поприщину «знаки благорасположенности». Образы подозрения и догадки о том, что эти «знаки» суть именно знаки — и только, что за ними скрывается нечто неизвестное, подобно тому, как и за молчанием и улыбкой, — эти подобия референтов он стал «слышать» и «видеть», как «никто» другой именно тогда, когда в записках он впервые точно отметил, хотя и не осмыслил, подлинное отношение к себе со стороны авторитетов. А отметил, цитируя слова своего первого антагониста: «Ты нуль, более ничего». Теперь же Поприщин переносит всех носителей «знаков благорасположенности» в одну группу со своим первым антагонистом, а в результате этого параллелизма всех отношений к нему — в том числе и своего отношения к себе — эксплицирует смысл тождества, но уже не по знакам, не по имени, а по признаку действия носителя имени, который «вредит».

Как нетрудно заметить, в «переписке» осуществляется новое обозначение образов восприятия Поприщина, стимулируемых подозрением. Не менее легко обнаружить, однако, и другое устойчивое свойство: отказ «собачек» от возможности объяснить отмеченное: «Я ровно ничего не могла понять, понюхала его сапог и ушла прочь»; «Я увидела какую-то ленточку. Я нюхала ее, но решительно не нашла никакого аромата»; и т. д. Отказы эти функционируют как сигналы о границе различных систем организации: в местах, где «собака» отказывается понимать наблюдаемое ею, производится систематическое переключение из сферы «переписки» в сферу «записок». При этом субъект записок эксплицирует смысл кодированного — отмеченного и выделенного — на предшествующем иерархическом уровне текста. Слова о непонимании оказываются коннотацией по отношению к предметам и лицам, в связи с которыми эти слова употреблены; а примыкающие к ним высказывания рассказчика, цитирующего эти слова, расшифрованием коннотированных явлений («А! так он честолюбец!»). Следует еще отметить, что именно в этих маркированных пунктах переключения — в местах прекращения повторов плана выражения (в данном случае, повторных описаний «безмолвствующего») — и перенесения повтора в самый мир, где становится повторяющимся («знаковым») не описание, не текст, а самый описываемый референт, — именно на границе этих переключений и вводится в текст отсылка к межтекстовым параллелизмам.

Расшифровка «безмолвствующего» отсылает читателя к внутреннему параллелизму текста «Шинели», к тройному описанию «значительного лица», который обычно молчал, чтобы не уронить «своего значения», «произнося только изредка какие-то односложные звуки» (подобно Акакию Акакиевичу), «и приобрел таким образом титул скучнейшего человека». Нарушение молчания состоит здесь из трех фраз: «Как вы смеете? Знаете ли, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?». Это нарушение повторяется три раза: в досюжетном тексте; в собственно сюжетном оно направлено на Башмачкина; а в после-сюжетном оно повторяется с нарушением — сокращается

до одной фразы высказывание «значительного лица» и расширяется примыкающий текст рассказчика: «Он даже гораздо реже стал говорить подчиненным: „Как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами?"; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чем дело». Нарушение текстового параллелизма управляется сюжетом «Шинели», а нарушение нарушения, трансформация фразы героя и соотношения фразы с текстом рассказчика, работает как сюжетная же экспликация смысла молчания. Здесь за молчанием раскрывается не просто «урод», карьерист, незначительное в маске значительного, как в «Записках сумасшедшего», а страх от сознания своей ничтожности, скрываемый системой «строгости», атрибутами которой и являются как «молчание», так и его нарушение, «распекание» нижестоящего. Чтобы полностью понять ту трансформацию смыслов, которая обнаруживается в интерпретации «значительного лица» в «Записках сумасшедшего», с одной стороны, и в «Шинели» — с другой, следовало бы рассмотреть межтекстовые параллели с «Ревизором», возникшим в промежуточном времени между этими повестями, но ближе к «Запискам», чем к «Шинели». Но в данной работе нет возможности предпринимать исследование этого чрезвычайно важного вопроса. Мы должны вернуться к рассмотрению еще одного немаловажного свойства анализируемой повести, а именно, к вопросу о структурных признаках отношения рассказчика к плану выражения своих образов восприятия.

Прежде всего надо отметить, что комментарии Поприщина по поводу «слога» «писем собачонок» служат отделению двух аспектов в цитированных отрывках: предмета высказывания от акта высказывания. Ориентация заметок рассказчика на грамматическую, стилистическую и даже орфографическую манифестацию речи, делает возможным почти что изолированный от обозначаемых предметов анализ бытовых и культурных кодов престижного мира, «дворянского и чиновничьего благородства». Делается возможным отдельно говорить (резко отметить и «остраненно» ощутить) о мире (о директоре, генеральской дочке, «генеральстве» вообще, камер-юнкере, театре, «доме Зверкова» и т. д.) и изолированно от изображенного мира, — об элементах бытовых и культурных кодов, «маскирующих» мир. Нарративная компетенция вообще, а в данной повести Гоголя особенно заметно, ориентируется на развоплощение конвенциональной для искусства системы знаков, не просто ради него самого, ради «остранения», «установки на выражение» и «эквивалентность» плана выражения, но с той целью, чтобы воспроизвести тот особый, неповторимый ряд о п е р а ц и й м ы с л и (в идеале авторски полный ряд), который моделирует п е р е х о д от бытового сознания до усвоения читателем правил художественного мышления. В понятие «художественное мышление» относительно повествовательного искусства — входит не только критерий перекодировки этнического языка на язык поэтический, и не только требование при этой кодировке создать модель мира, а также еще и критерий сохранения самих операций мысли писателя, необходимость создания и н д и в и д у а л ь н о й м о д е л и п р е в р а щ е н и я, неповторимого «открытия». Нарративная компетенция, по-видимому, заключается в том, что знак и референт, текст и мир в повествовательном произведении не просто меняются местами, порождая автореферентивность поэтического текста (этот семиотический механизм действительно работает и в прозе), но обнажают и задерживают внимание на операциях мены, моделью которой и является сюжет, понимаемый нами как ряд таких операций мысли, которые управляют соединением открепленных от своих референтов знаков по

признаку действия носителей знаков, «субъектов» поэтического мира и субъекта рассказывания тоже (если он не принадлежит к миру). Всё «переименование» (перекодировка) лиц, предметов, деталей в «Записках сумасшедшего» (и не только в них) происходит по указанному выше принципу сюжетности нарративного текста.[4]

Соответственно сказанному реализуется «открепление» и «превращение» при создании операций нарративной компетенции в записках Поприщина, текст которых ориентирован не только на познание мира и субъекта текста, но и на те стандартные языки, употребление которых закрывало глаза героя и вводило в заблуждение. Анализ грамматической, стилистической и орфографической манифестации стандартного языка чиновника-дворянина проводится в трех направлениях. Существуют высказывания, сближающие язык героя с языком «переписки»: «письмо довольно четкое»; «Письмо писано очень правильно. Пунктуация и даже буква ѣ везде на своем месте» и т. д. В то же время это «достоинство дворянина» противопоставляется представителю престижного мира: «Да эдак просто не напишет и наш начальник отделения . . .». Третий тип комментариев — «Однако в почерке есть как будто что-то собачье» — служит, в отличие от первых двух, нарушению аналогии «слога» между «перепиской» и «записками». Таким образом сигнализирует нарративный текст о нереализованной еще операции мысли, о не эксплицированной пока — предикативной — связи между отмеченным предметом и самим принципом действия отмечающего. Сигнализирует о предстоящем самоописании Поприщина, об открытии в себе самом общего с престижным миром-«уродом» признака. Поэтому Поприщин-рассказчик в своей критике текста не касается смысла утверждений, а только их слога. Отсюда становится совершенно очевидным, что роль этих замечаний — отделить знак от предмета, текст от мира, чтобы впротивовес инерции употребления бытовых и культурных кодов активизировать образы восприятия и заглушать стандартную связь этих образов со словами обычными; чтобы выделить «значение образов» и найти для них адекватный язык описания, который и реализуется в «записках» как нестандартном тексте. В виду этого субъект текста должен полностью порвать с правилами употребления «обычных» для его мира, и для него самого, слов. Они в записках становятся предметом анализа и осуждения («мерзкий язык»). Отказ от стандартного языка, как очередной текстообразующий акт Поприщина (опять-таки: сюжетное действие), вызывает к жизни четвертый тип комментариев: «Чрезвычайно неровный слог. Тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как следует, а кончит собачиною . . .» и др. Но отвергая «собачину», на самом деле рассказчик порывает со своими словами и понятиями общими со словами и понятиями «уродов», ибо они больше не соответствуют образам восприятия героя, которые открыли ему свойство мира и «уродство» мира в нем самом.

Поприщин отказывается от элементов и системы элементов речи, послуживших его самообману. Но план этой общности слов и понятий, называемых «собачиною», доступен только читателю очень внимательному. Сам же

[4] О семиотических механизмах порождения текста, об автореферентивности и установке на код в художественном тексте, выстроил новую теоретическую модель Ежи Фарыно. Доклад польского ученого на эту тему обсуждался на Кафедре русской филологии Будапештского университета весной 1986 г. Ср. *Фарыно* 1987. Теоретические и методологические вопросы автореферентивности языка с лингвистических позиций разработаны в *Бенвенист* 1974: 259—319.

Поприщин уже заинтересован в забвении всего, что его сближает с миром. Процитированная выше критика слога кончается следующими словами: «Гм! и числá не выставлено». Эта фраза представляет собой полный повтор слов «начальника отделения», обращенных к Поприщину и воспроизведенных Поприщиным в первой записи: «В титуле поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера». Параллель с собакой в плане «ошибок» очевидна. Очевидно и то, что здесь реализуется замысел автора: Поприщин, повторяя ошибку в переписке и критикуя за это носителя текста «письма», на самом деле непроизвольно анализирует и критикует свой «слог» дворянина, «титулярного советника»; что «записки» по отношению к «переписке» выступают в роли неосмысленного автотекста.

С этой точки зрения компетенция субъекта «переписки» заключается в том, что он умеет «замечать» то, чего не замечает чиновник: «собака гораздо умнее человека . . . : все замечает, все шаги человека», «все дела, помышления, все эти пружины». В этом отсутствующем у «человека» умении явно выражена установка способности «замечать» действия, поступки. Но субъект «записок», установивший этот недостаток человека, в то же время имеет свое преимущество, а именно: понимать («с недавнего времени») язык этой «сверхчеловеческой» компетенции: собака гораздо умнее Поприщина, но Поприщин в свою очередь приобрел умение понимать этого гораздо более компетентного существа. С позиций этой, как уже известно, нарративной компетентности Поприщин отделяет «умение замечать» все шаги человека, т. е. установку на признак действия, от «мерзкого языка» носителей умения, т. е. от неадекватного способа организации данных зрения и слуха. Нарративная компетентность отделять действительность от стандартных языков описания и строить свой индивидуальный язык в тексте «записок», как адекватной модели структуры действия мира, — вот в чем находит самоутверждение и самоопределение субъект текста, в структуру образа которого входит следующая трансформация: тождество с миром; возникновение умения «замечать» поступки, нарушающие тождество; возникновение умения переводить в текст образы восприятия; компетенция отделять стандартное, правдоподобное от истинного, действительного; борьба с языком стандартного самоописания.[5] Здесь и наступает опять сдвиг, наступает ориентация на тотальное переименование мира и себя самого в соответствии с выявленными уже в записках законами действия.

2. Ниже проследим принципы рассказывания и рассказываемого, весь путь от переименования мира вплоть до отказа от всех имен и названий. На первый взгляд переименование мира совершенно произвольное и выпадает из любой системы осмысленности. Однако, сама произвольность, по-своему, очень последовательна. Ее Гоголь обнажает таким образом, что образы восприятия Поприщина, как факты самих его записок, он соотносит не с реалиями мира, не с сумасшедшим домом, с которым имеет связь на самом

[5] Нет сомений в том, что рассмотренный выше вопрос об обусловленности связи между «записками» и «перепиской» есть кардинальный вопрос поэтики повести. Его решение определяет понимание произведения. В истории изучения проблемы господствует принцип противопоставлений различных уровней, к которым сводится смысл взаимосвязи «записок» и «переписки» — якобы «ущербной» в силу немотивированного противоречия (*Чудаков* 1908: 106); как контраст интеллектуально неравноценных точек зрения «автора» и «героя» (*Гуковский* 1959: 269—270); или как различение (не резких) стилистических несовпадений, свойств, обеспечивающий «двойное прочтение» (*Манн* 1978: 109).

деле восприятие героя, а соотносит их с воображением, согласно которому он находится в королевском дворце. Коль скоро текст записок фиксирует, следовательно, не связь слова с его конвенциональным значением, а связь образов восприятия с образами воображения, в записках возникает модель операции мысли, выстраивающая «над реалиями», над предметной ситуацией, вторичный условный мир, некий семантический универсум. Образы восприятия, фиксированные в записках («я увидел множество людей с выбритыми головами»), открепляются от слов, от названий, приложимых к ним по правилам узуса. В результате этого отмеченные образы отсылают читателя к реалиям сумасшедшего дома, тогда как Поприщин соотносит их в тексте со своим воображением. А в качестве следующей операции мысли, изображенной Гоголем, герой эту связь образов восприятия с образами воображения обозначает в своих записках совершенно произвольно другими, нестандартными названиями («это должно быть или гранды, или солдаты, потому что они бреют головы»). Уравнение сумасшедшего дома с государством, королевством — это и есть символическая роль данного нарушения. Эта функция часто отмечается в интерпретациях повести.

Однако, с точки зрения жанровой поэтики необходимо обратить внимание и на сюжетную значимость этого нарушения, на то обстоятельство, что самый процесс переименования мира приводит говорящего к раскрытию новых признаков мира, новых форм действия мира на человека, в том числе и на самого Поприщина. Причем в двух отношениях — как части этого мира и как создателя текста о мире. То есть, приводит субъекта текста к новому фазису прозрения, требующему смены позиции к предмету описания, а в результате этого, — и к самому себе. Насколько мне известно, эта сторона поэтики «Записок сумасшедшего» систематически не изучена.

Прежде чем раскрыть признаки действия мира на человека, прежде чем перенести их из сферы образов нерасчлененного восприятия в план расчлененного текста, в сферу осмысления, герой должен отметить проявления данного структурного признака. Отмеченность реализуется в первой «мадридской» записи словами «странный» — применительно к предмету обозначения, и «не понимаю» — применительно к работе перевода-осмысления. Эта двойная функция обозначения повторяется во всех случаях, когда отмеченные образы восприятия нарушают ожидание воображения: «Мне показалось странною необыкновенная скорость»; «Странная земля Испания»; «Мне показалось чрезвычайно странным обхождение государственного канцлера» и т. п. Если попытаться определить общее свойство подобных нарушений ожидания, то по-видимому можно установить, что эпитет «странный» появляется как правило там, где переименованный элемент мира становится значимым — но не осмысленным — для говорящего. Для текстовой практики — т. е. для создания модели мира в «записках» — это значит: отметить и осмыслить сюжетную функцию тех деталей, которые уже подверглись переименованию. Переименованные (согласно воображению Поприщина) элементы должны быть еще определены с точки зрения их значимости для хода событий, для создания текста.

Предваряя основной результат данного исследования, позволю себе уже на этом месте сказать, что переименование предметов, лиц и событий происходит не по принципу воспроизведения (денотации или репрезентации), включения в класс, как в случае с «бритыми» по признаку отсутствия волос; нет, название предметов, лиц и событий происходит соответственно с при-

знаком действия отмеченного. Так, человек с палкой сначала был назван «государственным канцлером»; после этого было показано его «странное обхождение», его поступок: «он толкнул меня в небольшую комнату и сказал: «Сиди тут, и если ты будешь называть себя королем Фердинандом, то я из тебя выбью эту охоту». И наконец, после проверки слова: «. . . канцлер ударил меня два раза палкою по спине . . .». Неожиданным, странным, подлежащим осмыслению оказывается именно несоответствие имени с действием носителя имени. Поприщин описывает в своих записках действия человека с палкой, но одновременно обозначает и неадекватность этих действий действующему лицу; третья операция текстообразующей практики состоит в том, что после открытия этой неадекватности меняется название действователя согласно логике его действий, согласно смыслу поведения («гонения»): «государственный канцлер» превращен Поприщиным в «великого инквизитора».

С точки зрения читателя эти операции мысли «сумасшедшего» совпадают с принципами посторения текста повести, коль скоро читатель должен при чтении повторить ряд этих операций мысли. А повторяя их, осознать, что важно здесь собственно не несовпадение воображения сумасшедшего с реалиями (что психологическая мотивация — болезнь — лишь вспомогательный инструмент), что поэтически значима вытекающая отсюда возможность текстообразования — переименование мира по признаку действия. Читатель повторяет несвойственный ему в бытовых ситуациях ряд операций мысли, ряд таких операций, которые «открывают» мир при помощи общеприменяемых знаков (слов, образов восприятия, образов воображения, памяти), но нестандартных правил применения.

Все проявления странного, как симптома основного признака мира, не осмысленного, но отмеченного уже Поприщиным в записках, во второй половине первой «мадридской» записи переводятся в план чистого воображения, отграниченного от окружающего героя предметного мира. Референтом этого фрагмента текста является не дом сумасшедших в «роли королевства», а само воображение Поприщина в своей функции моделирования «странного», непонятного, неосмысленного прежде. Моделирование странного продолжается проводиться в «творческой фантазии» героя, где образно ощутимым делается та функция «земли», которую или точнее, проявления которой субъект текста обозначает при сопровождении эпитета «странный». Этот эпитет и соединяет в один комплекс два плана текста: план референтивный (сумасшедший дом) и план двойной текстовой трансформации его («Испания» и «Земля»). Первый фазис превращения дома умалишенных в текст об «Испании» соответствует переводу образов восприятия Поприщина в образы воображения; второй — содержит описание самого дешифрующего механизма, самого действия воображения. На границе этого второго переключения «странная земля Испания» преобразуется в «странное явление», «событие», которое должно реализоваться «завтра». Очевиден механизм трансформации: в тексте воображения вычеркивается, «забывается» носитель «странного», но сохраняется самый эпитет, однако теперь уже не в сочетании с именем, а д е й с т в и е м носителя имени. Здесь снова обнаруживает себя сюжетность нарративного текста: место «странной земли Испании» занимает само действие «земли», как «странное явление». Согласно установке нарративного текста на сюжетность, на обозначение по признаку действия (и на десигнификацию мира по тому же закону текстообразования), «земля» лишается своих обычных определений и сближается с основным признаком действия изображаемого мира.

По своей предикативной функции земля противопоставляется некому другому миру, который называется «луной». По признакам, которые выделяет Поприщин, земля — «вещество тяжелое»; луна же — шар, представляющий собой «необыкновенную нежность и непрочность». Два мира в то же время и связаны друг с другом, а связывает их наступающее событие: «земля сядет на луну». Причем данное событие предвещается в качестве прогноза: «Завтра в семь часов совершится странное явление». Предвидение катастрофы — «земля может, насевши, размолоть в муку носы наши» — вызывает у Поприщина психологическое событие, «беспокойство» о будущем, которое стимулирует в свою очередь внешнее действие: «не допустить земле сесть на луну». В роли спасителя он спешит «в залу государственного совета», чтобы предпринять соответствующие меры.

Итак, два мира противопоставлены один другому как угрожающий угрожаемому. Однако они соединены в другом плане, в акте осмысления этой оппозиции Поприщиным. Он объясняет ее как связь части и целого: на земле живут люди, на луне же их неотъемлемые части — «носы». Поэтому люди не могут видеть эту органическую часть своего лица. И более того. Как раз потому, что для людей является не ощутимым, не доступным то, что представляет их существенный недостаток, без которого они «не могут жить», может наступить сама катастрофа: земля угрожает себе самой. Автоколлизия есть результат отсутствия самоописания. Таким образом, слово «луна» обозначает такой фиктивный локус, как предмет установки, стремления субъекта текста, который отсутствует, которого нет на «земле», но который мог бы обеспечить объективную точку зрения для самоописания, а тем самым и спасения «земли».

Выдвинутую выше интерпретацию оправдывает внутритекстовой повтор элемента, равно как и некоторые межтекстовые параллели тоже. «Нос», приобретающий в воображении Поприщина самостоятельное существование в своем изолированном от человека пространстве, — эта сюжетно реализованная часть лица (личности), возвращает внимание читателя назад к стандартному тексту. Там при поиске признаков человеческого достоинства Поприщин упоминает «нос» рядом с другой частью лица — «глазом». Вот в каком контексте: «ведь ... не прибавится третий глаз на лбу. Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня». Напомню, что процитированный фрагмент входит в высказывание Поприщина, в котором впервые ставится им вопрос не только о критериях оценки личности (камер-юнкера, генерала и т. п.), но и проблема самооценки; впервые возникает у него догадка о том, что обманывал он себя в силу того, что применял к себе критерии самоутверждения, гарантированные принадлежностью к престижному аппарату («служба благородная ... и все начальники на *вы*. Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставил департамент»), признанием «государственного человека» и улыбкой его дочери. В этом месте первый раз возникает также и вопрос (догадка) об основной недостаче человека, об отсутствии автономного, им самим выработанного языка самоопределения: «Может быть, я сам не знаю, кто я таков». Отсутствующий член мотива — «третий глаз на лбу» — в отличие от двух наличествующих, но не зрящих своего носа, оказывается атрибутом самоощущения. И как таковой, т. е. в функции отсутствующего признака, становится сюжетно реализованным фактом в воображении Поприщина, спасающего «землю» от саморазрушения. На «луне» находится как раз то, из-за отсутствия чего человек не видит себя самого,

а потому и грозит себе истреблением самой нежной и непрочной своей половины.

В таком же духе семантизируется соотношение двух шаров, как части и целого, в некоторых мифологических представлениях. Согласно мифологии индусов, например, луна — глаз земли (Веселовский 1982: 604).

Предвиденная угроза тут же реализуется в предметном мире: удар палкою «государственного канцлера» появляется как выход из тематического параллелизма («странных» миров — «Испании» и «земли») в сюжетный план действия, как некий «эпический ответ» на догадки Поприщина. Но вместе с тем удар палкою выступает как повторяющийся сюжетный мотив, возвращающий назад, к началу «предвидения» и тем самым обрамляющий его. Таким образом, текстовой параллелизм, соединяющий два мира при посредстве эпитета «странный», и представляющий вместе с тем переход в описании мира с одного языка (кодом которого является переименование референтивного мира согласно «рыцарской» культуре) на другой (кодом которого является экспликация действия описанного мира и смена позиции субъекта текста), этот текстовой параллелизм сопровождается *повторением нарушений* в плане сюжетного действия. Сюжетный выход из параллелизмов текстовой манифестации мира, установка на систему сюжетных нарушений эквивалентов текста, — вот в чем заключается текстообразующий принцип нарративных произведений, в том числе, и повести Гоголя. С той, правда, оговоркой, которая предписывается жанром этой повести: кроме установки на сюжетный принцип мотивации, здесь работает добавочный жанровый код с установкой на сюжетную автореферентивность, на «прозрение» субъекта текста, которое следует понимать в качестве экспликации системы сюжетных нарушений на уровне субъекта текста.

Сто́ит лишь еще один раз повторить удар палкою, чтобы сработало «открытие» Поприщина: т. е. операция субъекта текста, эксплицирующая несовпадение *имени* («государственный канцлер») *с действием* носителя имени. При первом появлении этот «странный» поступок в «странной земле Испании» приписывался ритуалу чужой культуры («это рыцарский обычай при вступлении в высокое звание»); при втором же — служит откреплению кода от действующего и определению действователя по признаку действия, а не согласно культурному коду. Так превращается «государственный канцлер» — согласно повторяющемуся поступку-гонению — в «великого инквизитора». Очевидно: имена (как и более элементарные повторяющиеся элементы текста, например, грамматического и даже фонологического уровня) организуются в конце концов согласно сюжетному принципу мотивации их отношения к миру.

Но экспликации и переименованию мира предшествует смена позиции Поприщина по отношению к миру описания. Эта смена фиксирована в начале второй записи из «Мадрида». То, что до сих пор было для него лишь «странным», но объяснимым, теперь становится полностью непонятным и нелепым. Непонимание высказывается в связи с «обхождением», которое он называет «обычаями и этикетами двора», свидетельствующими о расширении области гонения: «выбрили мне голову», «начали мне на голову капать холодною водою» и т. д. Одновременно Поприщин меняет стан: если в предшествующей записи он противопоставляет себя «народу очень умному» в качестве императора («я, как король, остался один»), то здесь он противопоставляет себя «королю», и недвусмысленно связывает этот свой поступок с прозрением по

поводу «безрассудности королей». Переходя из категории «небритых» в категорию «бритых», т. е. в состав «народа очень умного», Поприщин с этой новой позиции меняет оценку своей роли «короля», т. е. опять-таки открепляет в своей текстовой практике имя от действователя: «Для меня не постижима безрассудность королей . . .». Осмысление «безрассудности» дается тут же и объясняется поведением «короля», потерявшего свою самостоятельность и самоопределение. Но тем самым уже совершилась новая смена позиции субъекта текста — на этот раз по отношению к самому себе как к «испанскому королю». В анализируемой записи «непостижимое» остается нерасшифрованным предметом удивления («Только я все не могу понять, как же мог король подвергнуться инквизиции»), хотя и отмеченным и развернутым в образной форме, подобно тому как всегда прежде, когда рассказчик имел дело со «странным», «непонятным», «непостижимым». Смысловую расшифровку, как и в случае раскрытия «гонения», опережает моделирование «странного» в сфере воображения. Нетрудно предвидеть, что новое «открытие» возникнет вслед за очередной встречей с «палкою». И действительно, третий повтор — третье нарушение «народных обычаев и этикетов двора» — реализуется в предпоследней записи, вызывая новое прозрение в структуру механизма. Новый признак структуры определяется словом «бессилие», и объясняется автоматизмом, отсутствием дееспособности, автономной стратегии. Таким образом, к основному признаку добавляется новый: к агрессии — инерция. Причем первый, основной признак уходит на роль второстепенного (вторичного), а второй занимает его место. Агрессия определяется теперь лишь как симптом более важного и глубинного свойства мира — его бессилия. Вот как это сформулировано рассказчиком: «Но я совершенно пренебрег его бессильною злобою, зная, что он действует, как машина, как орудие англичанина». Перед читателем возникает новая параллель с основным свойством «земли», — этого «тяжелого вещества», инертного в своей агрессивности.

«Он действует» определяется при помощи синтагматического повтора — «как машина» // «как орудие англичанина», второй член которого маркирует параллелизм двух абзацев: концовки данной и последних строк предыдущей записи: «Оно, правда, могло со стороны Франции, и особенно Полинияк. О, это бестия Полинияк! Поклялся вредить мне посмерть. И вот гонит да гонит; но я знаю, приятель, что тебя водит англичанин. Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает». Итак, прежде дешифровки выстраивается образная модель автоматизма гонения, распространенного на сферы, лежащие за границей «королевства», за пределами «этикетов двора». Получается следующий ряд инерции: испанский король — марионетка инквизиции; инквизиция — Франции; Франция — Англии, и весь этот каузальный ряд свойствен «земле», макроструктуре мира, описываемого Поприщиным. Теперь оказывается совершенно уместным и лишенным парадокса такое «алогическое» высказывание героя: «Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же з е м л я . . .». Понятно, что Испания и Китай представляют собой «разные государства», если исходить из обычных понятий — географических, этнических, политических, культурных и т. п. Но в сфере поэтического языка Гоголя, в смыслопорождающей структуре текста «записок сумасшедшего» они могут быть уравнены и в то же время иметь глубокий смысл. Если придерживаться законов поэтической мысли (вовсе не алогической) и той условности, которую она создает при образовании как будто «алогических» высказываний, при порождении индивидуального текста,

то «одна и та же земля» предстанет перед нами в качестве обозначения такого общего класса явлений или хотя бы одного общего для них признака (неработоспособного в бытовой коммуникации), который в данном случае сначала обозначается-изолируется при помощи эпитета «странный»; после этого переводится в иной семиотический статус (в образную модель действия земли); и, наконец, эксплицируется в качестве прозрения субъекта текста, реализующего все эти превращения по принципу сближения знаков к предметам согласно признаку действия. Имея всё это в виду, следует согласиться с Поприщиным: только «по невежеству» можно назвать его творческую фантазию алогичным («. . . только по невежеству считают их за разные государства»). Дело в том, что носители «невежества», ОНИ — это все те персонажи, которые остались за пределами записок, там, в предметной ситуации, — без текста, без языка самоописания и самопознания. Поприщин же — не только участник событий, но и создатель модели структуры действия этих событий: его записки представляют собой такую часть мира, которая является моделью действия целого. А потому история создания этой части — текста записок — есть доминантное сюжетообразующее событие, которое можно противопоставить событиям тотальной агрессии «недвижущегося», недееспособного, инертного, а потому и бессильного мира. Эпитет «сумасшедший», таким образом, может быть осмыслен в двух системах. В референтивном плане он применяется к больному, в сюжетном, нарративном плане же (т. е. если применять его согласно выработанным Поприщиным правилам применения названий согласно признаку действия), эпитет «сумасшедший» приложим только к свойствам моделируемого мира. И в самом деле, агрессия, как «сила бессилия» в действии, — есть самый нелепый, абсурдный тавтологизм. Это вместе с тем — одна из глубочайших лейтмотивных смыслов всего творчества Гоголя. Но его личностный аспект, его действие на прозрение человека, а также на обновление жанра, впервые реализовалось в «Записках сумасшедшего».

Именно текстообразующая деятельность Поприщина мотивирует его поведение в предметном мире, в том числе, и дерзость «пренебрегать» злобой «великого инквизитора». Это, правда, не бунт. Но, быть может, не меньше бунта. Это — сохранение своей автономии в преследующем его мире через удвоение мира — на маску и существенность; это сохранение человеческой автономии через строение мира в условиях всеобщего разрушения. Поэтому Поприщин и сам удваивается: как субъект действия, как жертва ударов и преследования, Поприщин в отчаянии взывает о помощи; но, с другой стороны, как субъект текста, он «пренебрегает» («нет, брат, не надуешь! знаем мы тебя: опять будешь лить холодную воду мне на голову»); он изображает мир и цитирует себя в момент, когда этот мир его избивает; он строит модель избивания, строит памятник неистребимый. Это больше бунта! Отсюда и «двуязычие» записок, которое выпадает из кругозора интерпретатора, если интерпретация ведется лишь в плане поведения Поприщина как действующего лица и забывается его поведение как рассказчика. И тогда осмысление сюжета кончается на «лирическом» воззвании о спасении беспомощного человека, и нередко, сводится смысл повести, а в месте с тем и «тенденция» автора, к пассивному непротивлению как программе идеологической. Отсюда видны уже возможности литературной типологии, концепции гоголевского творчества как отклонения от пути, назначенного Пушкиным. Но при этом недочитывается текст «Записок» Поприщина, последняя фраза которого — «А

знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» — противопоставлена словам действующего лица-Поприщина, молившего о спасении; и противопоставлена как последний — маркированный — акт субъекта текста, «спасающего луну» и находящиеся там «носы». Повтор слова «нос» в последнем высказывании Поприщина возвращает читательское восприятие назад к предыдущим употреблениям, то есть, завершает систему повторов и весь текст на том уровне, на котором читатель мог воспринимать деятельность текстообразующего начала, — становление субъекта текста, я бы сказал, такой «нарративной личности», для которой и «титулярный советник», и «дворянин», и «король», и «дей» остаются предметом описания. Правда, «ему нет места на свете! его гонят!» (даже говорит эта нарративная личность о себе как «о нем», как об объекте, по отношению к которому она творец, субъект), но зато он создает себе место на «луне», в творческом мире, в тексте о мире. В этом смысле он жанровый прототип всех «лишних», «подпольных», «смешных» в мире и в глазах мира персонажей русской литературы, необходимых для нее — для культуры литературной — как раз в создании одного из самых продуктивных жанровых типов ее, в развитии которого русская литература создавала свои «вечные образы».

Кульминация становления субъекта резко отмечена в предпоследней записи, в которой Поприщин передает ситуацию третьей встречи с «инквизитором». Функция палки реализуется на этот раз, нарушая логику, тогда, когда Поприщин отказывается от самозванства. А точнее, отказывается от всех применяемых к нему на «земле» названий. И цитирует их он в качестве чужого слова о нем: «Поприщин», «Аксентий Иванов! титулярный советник! дворянин!», «Фердинанд VIII, король испанский!» Исчерпывающее перечисление имен подводит итог пути, проделанного в прозрении Поприщина, а примыкающая к нему автоцитата («Нет, брат, не надуешь!»), эксплицирует новый мотив поведения — пренебрежения аппаратом преследования.

3. Описанием сюжета прозрения Поприщина и определением свойств текстообразующей деятельности его как субъекта текста, как рассказчика, все еще не исчерпан предмет исследования, осмысленный в рамках поэтики жанра. Остается еще рассмотреть вопрос о несовпадении памяти героя-рассказчика и собственно литературной памяти[6] автора/читателя. Разумеется, не весь комплекс возможных межтекстовых и внутритекстовых сопоставлений, но хотя бы основные из них, доминирующие в создании жанрообразующих свойств структуры повести.

Обратимся во-первых к внутренним параллелизмам текста. Вот, например, в связи границами прозрения героя, и его памяти, бросается в глаза «забывчивость», незатрудненность нарушения памяти, в том числе и нарушения связи слов (и понятий) с предметами. Очевидно также, что эта незатрудненность нарушения памяти тесно связана с другой особенностью условности повести — ее «фантастикой» — с легким возбуждением воображения говорящего.

[6] Существует весьма плодотворная разработка теории «порождения» внутритекстовых и межтекстовых связей, принципом которых признается «конверсивный путь построения текста». При этом четко разграничивается стихотворная и прозаическая «конверсия» (*Смирнов* 1985a: 255—280). Идеи о «рекуррентности» литературного текста, о «двойном параллелизме» и «повторе прекращенного повтора», обеспечивают работоспособный понятийный аппарат для описания тематических параллелизмов как интратекстуального, так и интертекстуального типа. Ср. еще: *Смирнов* 1985b: 11—28.

Несовпадение нарративной памяти автора/читателя с объемом памяти субъекта текста можно было бы сформулировать следующим образом. Субъект текста, как носитель прозрения, трансформируется в соответствии с мотивами «открытия» все новых и новых признаков мира, т. е. смыслов структуры описываемого им объекта. Свойство этой установки на выражение новых смыслов связано с той особенностью условности повести, — с незатрудненностью нарушения памяти и легким возбуждением воображения, — согласно которой при смене позиции рассказчика подвергается забвению способ открытия смысла. Короче выражаясь: установка на производство смыслов заглушает память о средствах производства. «Забвение сумасшедшего», однако, выступает как сигнал нарративной памяти для читателя, возвращающий назад к изоморфным средствам «открытия», к различным типам повтора повествовательного текста и сюжета, а также к межсюжетным и межтекстовым параллелям.

Остановлюсь на довольно заметном (но тем не менее не изученном) фонологическом повторе, члены которого сближают две основные ситуации Поприщина: департаментскую с испанской. Речь идет о словах — э-к-и--в-о-к-и || э-т-и-к-е-т-ы — столь очевидно параллельных по звуковой манифестации, что нет надобности аргументировать обоснованность сопоставления. Сразу перехожу к анализу правил и цели употребления. Второй член параллели возникает в следующем сочетании: «этикеты двора», и именно в этой форме оказывается обусловленным сближение с предыдущей реализацией звукоряда: «хотел бы быть генералом для того только, чтобы увидеть, как они будут увиваться и делать все эти разные при-д в о р-ные штуки и экивоки . . .». Здесь обнаруживается третий элемент сопоставления («штуки»), к которому примыкает эпитет, — «придворные», — перестраивающий фонологически сближенные элементы на уровень повторов морфем и синтагм. Как мы увидим, все эти параллелизмы текстовой манифестации записок включены в такие высказывания субъекта текста, которые изоморфны и по своей синтаксической конструкции и по логико-семантическим свойствам.

«Штуки» и «экивоки» — слова с весьма неопределенным предметным значением — соединены в один класс при помощи общего для них эпитета, а также логической установкой говорящего на когнитивную цель. Но первый из них представляет собой полный, тавтологический повтор более раннего применения с указанием субъекта действия: «штуки начальника отделения». Если первый член сближаемых единиц возвращает назад, то второй — «экивоки» — экстраполирует систему «вперед», на «этикеты». Получается согласованная с сюжетной композицией прозрения ряд превращенных повторов: 1) «штуки начальника отделения», 2) «придворные штуки и экивоки», 3) «этикеты двора», элемент имеющий добавочный член «народные обычаи».

Но «этикеты двора»/«народные обычаи», как уже известно, применяются в качестве определения признака действия, применяются к с ю ж е т н о м у п о в т о р у «ударов палкою» и дешифруются глаголом «гонит». Параллелизмы различных уровней лингвистической манифестации высказываний, принадлежащих субъекту текста, предполагают две различные референтивные ситуации (департаментскую и испанскую) с некоторыми общими для них структурными свойствами, которые однако субъекту текста не доступны, но экспликация которых реализуется в этих его высказываниях. Анализируемые, недоступные рассказчику, параллелизмы в манифестации нарративного текста сближают два высказывания:

«Как будто я не знаю, чьи здесь штуки. Это штуки начальника отделения. Ведь поклялся же человек непримиримою ненавистию — и вот в р е д и т (экспликация признака действия) да и в р е д и т, на каждом шагу в р е д и т» (повышенный повтор экспликации).

А вот и вариант из второй ситуации с повторением синтаксической конструкции и некоторых других форм и единиц:

«О, это бестия Полинияк! Поклялся в р е д и т ь мне (повтор) посмерть. И вот г о н и т (нарушение повтора) да г о н и т ; (повтор нарушения, повышение частоты новой экспликации). Но я знаю, приятель, что тебя водит англичанин. Англичанин большой политик».

Как уже говорилось выше, добавление к повтору «тебя водит англичанин» открывает новую установку на производство смысла, на открытие признака «бессилия» в «гонителе», но параллелизмы плана выражения несомненно возвращают читателя назад, ориентируют его на средства производства, выпадающие из памяти героя. На этом нарративном уровне памяти совершенно очевидно, что синтаксическая изоморфия текста, подобно всем остальным лингвистическим формам манифестации, подчиняется сюжетному принципу организации соотношения текста и мира в «Записках», т. е. управляется сюжетным актом говорящего — созданием «Записок». Этот сюжетный акт — сложнее по своей структуре и шире смыслопорождающего прозрения героя, ибо включает в себя и акт рассказчика о прозрении героя, и нарративную память об этих двух сюжетных поступках. А с точки зрения нарративной памяти значимым следует признать и те о т с у т с т в у ю щ и е на уровне субъекта текста операции мысли, которые запрограммированы в системе превращенных повторов (различных уровней текста и мира), имеют своим предметом свою же систему повторов, т. е. ряд операций мысли, порождающий нарративную память. Они способствуют не только производству, или перекодировке, или дешифровке смыслов, но к тому же р а з в и в а ю т н а р р а т и в н у ю к о м п е т е н ц и ю мышления, канонизируют и развивают у м е н и е пользоваться «средствами производства», интериоризируют чужие для бытового и дискурсивного (научного), мифологического и фольклорного сознаний о п е р а ц и и м ы с л и, характеризующиеся высокой степенью креативности и неповторимости, а отсюда и строгими границами отличия индивидуальности и резкой, но продуктивной отмеченностью круга своих правил и обнаженностью границ с правилами иных систем, т. е. отмеченностью своей продуктивной «непонятности», конструктивного «молчания», стимулирующего креативное усилие в чужой системе на самоописание, на обновление своих внутренних правил действия, на развитие чужих умений и способностей. В этом духе строится повествовательное искусство в русской литературе XIX в., художественная проза всех ее классиков, но особенно оригинально у Пушкина, Гоголя и Достоевского, «Великий инквизитор» которого есть как бы автомодель основных принципов наррации. Образ «безмолвствующего» пленника точно также стимулирует чужую «нарративную компетенцию» (и инквизитора, и Ивана Карамазова), как не отвечающий на воззвание бога поэт в «Пророке» (столь близком Достоевскому) или «немой» Онегин перед разговорившейся Татьяной, или «безмолвствующий» народ в «Борисе Годунове». Можно было бы продолжить ряд молчанием поэта в «Египетских ночах» после импровизации итальянца или «немой сценой» «Ревизора» и многими другими ссылками. Но и перечисленные примеры могут свидетельствовать с достаточной достоверностью, что то, что мы называем

установкой на средства развития способности особой мыслительной деятельности, и на развитие средств специфически нарративных операций мысли, действительно присуще сюжетному повествованию.

Итак, нарративный повтор на всех уровнях своей реализации с ю ж е т о г е н е н, не просто прекращен, но и п р е в р а щ е н в соответствии с принципом сюжетной мотивации связи текста с миром, рассказывания с рассказываемым.[7] В данном случае, в соответствии с раскрытием новых границ преследования. Признак действия с микроструктуры мира на его макроструктуру — с «департамента» на «землю» — переносится при экспликации повышения осязаемости и знаковости действия: «вредит» → «гонит». При этом действие, обозначенное словом «экивоки» приобретает конкретный смысл, и этот сюжетно реализованный смысл конкретизирует круг значений, приложимых к слову «этикеты». Точно также «государственный человек» → «государственный канцлер» → «великий инквизитор» — это ряд такого нарративного, превращенного повтора, управление которого программировано сюжетом, т. е. мена названий и эпитетов происходит по закону сближения знаков к носителям знаков согласно признаку действия этих носителей, значимости их поступков как для прозрения, так и текстообразования. Закон нарушения повторов плана выражения, организованный с точки зрения сюжета, управляет и меной атрибутов. Так, «проклятая палка» как устойчивый атрибут «государственного канцлера», а потом «великого инквизитора», не что иное как сюжетно реализованный в своей функции, материализованный эпитет, характеризующий «начальника отделения»: «проклятая цапля». Замена «действователя» связана с экспликацией функции: «цапля» — «вредит», а «палка» — «гонит». Совершенно очевидно: экспликация происходит именно от повышения ощутимости действия, оттого, что в реализации гонения («удары палкою») становится о т к р ы т о й, экстериоризуется структура мира в ее действии.

Таким образом, система параллелизмов нарративной памяти постоянно отсылает от экстраординарных реализаций действия макроструктуры назад к ординарным проявлениям того же действия в микроструктуре. «Придворные экивоки» и «народные обычаи», следовательно, не просто уравняются с «придворными штуками и экивоками», обеспечивают не только сюжетную эквивалентность, но эксплицируют связь двух ситуаций как отношение кодированного («экивоки») мотива к мотиву декодированному («этикеты»). Но дело не исчерпывается дешифровкой (семиотической спецификой), коль скоро работа нарративной памяти возвращает назад от экстраординарного (исключительного, фантастического, алогического) к ординарному, бытовому, обычному, — а потому и неощутимому — гонению, по Гоголю более опасному, чем персонифицированная агрессия. Возвращение не отменяет, напротив, подлинно реактивирует смысл действия, названного «экивоками». Повтор признака действия в экстраординарной форме служит как экспликации (в плане прозрения героя), так и возвращению к бытовым формам неэксплицированного действия (нарративная память), не замечаемого ни гонителем, ни преследуемым, а даже, наоборот, прославляемого ими. Именно этот автоматизм, инерция бытовых механизмов гонения, возведенных почти что в ранг ритуала «обхождения» в престижном мире, и коннотируется в лексическом значении слов «этикеты», «обычаи». А синонимическое употребление — «эти-

[7] О специфике нарративной памяти в т. н. исповедальных жанрах, о принципе сюжетной организации внутритекстовых и межтекстовых повторов см. *Ковач* 1985с: 81—97.

кеты двора»/«народные обычаи» — обеспечивает всеохватывающую модель этого ритуализованного гонения и самогонения, непринужденного, добровольного и эстетизированного рабства.

В мире агрессия неперсонифицирована, персонифицирован лишь «вредитель», который «злится», по Поприщину, потому что завидует ему: «Понимаю, понимаю, отчего он злится на меня. Ему завидно; он увидел, может быть, предпочтительно мне оказываемые знаки благорасположенности». Как признак структуры, агрессия остается неосмысленным, но тем не менее действующим, к тому же при дифирамбических восхвалениях, обращенных к ее носителям, в конце концов, действующим при добровольном участии в ней самого гонимого.

Текст же — экстериоризирует ее так, что на уровне параллелизмов плана выражения повторы открыто говорят о бессилии гонителей, а на уровне нарушений повторов (т. е. на уровне сюжетных повторов несовпадения действия с именем) моделируется сила бессилия, действие бессилия. Так, с одной стороны, в тексте все нагнетается инерция эксплицированной структуры, тогда как в сюжете обнажается повышение работоспособности инерции.

4. Разграничение памяти рассказчика и литературной памяти способствует переосмыслению понятия коллизии в жанре записок, структуру которого так радикально перестроил Гоголь. Вопрос, конечно, не исчерпывается тем, что Поприщин не замечает или забывает конфликты с самим собой. Мы видели, что этот механизм работает на прозрение, на экспликацию смысла противоречий, а не на «переживание» столкновений.

Дело, однако, не только в том, что — дешифруя в записках своих смысл мира, а в результате, и самообмана — Поприщин меняет свою позицию по отношению к предмету описания (к миру и своему дотекстовому «Я»), дело еще и в том, что после названных операций «меняется местами» с миром. А точнее, меняются они функциями: если весь мир в дотекстовой реальности «лезет ко двору», прикидываясь «патриотом», то Поприщин после обнажения этой скрытой функции, называя себя «королем» в полном согласии с эксплицированным признаком действия мира, совершает свои виртуальные (текстопорождающие) поступки, воплощая в них как в ощутимой форме основное структурное свойство «благоустроенного государства». В сфере поступков «короля», реализованных в воображении Поприщина, структурный закон мира, не доступный для органов восприятия, Гоголь возводит в осязаемую модель, т. е. н а р р а т и в н о п е р с о н и ф и ц и р у е т его. Таким образом «язык мира» трансформируется в текст записок, и становится для читателя отмеченным, поддающимся осмыслению.

Но это не всё. Следует далее проводить разграничение и спецификацию компетенции субъекта текста и компетенции читателя. Ведь совершенно очевидно, что после мены функциями, Поприщин, воплощающий в своих описываемых (воображаемых) действиях, жестах, словах, мыслях полное тождество с законом действия мира, Поприщин этот персонифицированный дубликат структурных свойств своего мира, с чисто поэтической точки зрения служит Гоголю решению важнейшей задачи: столкнуть моделируемый мир, его представителей, с их же — скрываемой, правда, — функцией в мире. Поступки «короля», совершаемые в согласии с признаком действия престижного мира («лезет ко двору»), не только означивают-воплощают-эксплицируют свойства мира, но к тому р а з в и в а ю т обнаженные свойства до конфликта с носителями этих свойств, т. е. до автоколлизии мира. Вся суть несовпаде-

ния компетенции читателя и субъекта текста заключается именно в том, что описываемый Поприщиным конфликт «короля» со «двором» на уровне текста автора и прочтения читателя есть не что иное, как конфликт МИРА со своей СТРУКТУРОЙ ДЕЙСТВИЯ. Вместо воображаемой корреляции Я — МИР, перед читателем развертывается конфликт МИР — МИР. Поприщин в эмпирическом (социальном, психологическом, интеллектуальном) плане только «сумасшедший», но в нарративном — «зеркало» глубинных функций мира, скрывающихся за его системой бытовых и социокультурных кодов. Дело в том, что в нарративном смысле существует лишь текст, лишь «записки сумасшедшего», а не человек; существует лишь его самоописание, он же не изображен со стороны внешнего наблюдателя, сказителя, рассказчика, постороннего персонажа. А текст содержит описание различных корреляций: и единения со структурой мира, и столкновения с представителями мира, и расшифровки смысла этого столкновения, и заполнения отсутствующего элемента прозрения, не раскрытых на предшествующем этапе свойств. Но именно как текст «от Поприщина», а не изображение Поприщина со стороны, нужна Гоголю форма «записок», ибо эта форма и делает возможным провести доминанту повести в плане открытого конфликта мира со своей структурой. Иначе Гоголь не может расшевелить инертный, «недвижущийся» мир, а сдвиг необходим для показа своеобразия. Нарушение обычного, стандартного функционирования достигается так, что миру в описании воображаемых поступков «короля» показана его же «кривая рожа». Вот эту открытость и не терпит «благоустроенное государство», и, выпадая из обычного для него ритма, преобразуется из маскированного вредителя в нескрывающегося гонителя. Поступки «короля», открыто демонстрирующие поведение мира, провоцируют мир, а тем самым принуждают его действовать тоже в открытую, без маски. В нарративном смысле — в отличие от семиотического — здесь речь идет не о дешифровке смысла, а о порождении смыслообразующего механизма: м о д е л и д е й с т в и я, которую воспроизводит читатель. Что же касается субъекта текста, героя, то он лишь демонстрирует ее.

Открытие мотива «силы бессилия» и разработка нарративной модели открытия принадлежит автору «Записок сумасшедшего». Новая поэтика принципиально подействовала в создании концепции таких главнейших произведений Гоголя, как «Нос», «Ревизор», «Шинель» (Ковач 1984: 159—171) и даже «Мертвые души». Она в последнее время интенсивно исследуется, и вполне обоснованно исследуется в аспекте рассмотрения условности, «нефантастической фантастики» (Манн 1978: 59—132) как приема гротеска и комического в повествовании, или как принципа раздвоения рассказываемого мира, порождающего «сюжетный абсурд» и «деформацию образа человеческого» в виде пространственного распадения, удаления «внешнего человека от внутреннего» (Бочаров 1985: 180—212). Следует, однако, отметить, что в новейших исследованиях по поэтике Гоголя мало внимания уделяется тем новооткрытиям, которые мы в настоящей работе стараемся выявить, и которые больше всего доступны описанию именно при анализе «Записок сумасшедшего», — этого малоизученного источника поэтики целого ряда шедевров персонального повествования в русской литературе.

Если подходить к этим вопросам с точки зрения поэтики жанра, — сюжетной мотивации единства целого, — то кроме «деперсонификации» и «удвоения» придется еще раскрыть закон п р е в р а щ е н и я системы раздробленных элементов и двойников, придется поставить вопрос: как целое опре-

деляет трансформацию «элементов» и «двойников». Как нам представляется, здесь у Гоголя действует принцип превращения ненаглядного феномена — структурных признаков рассказываемого мира — в наглядный модус существования. В сфере, которая называется «фантастической», происходит не распадение на части, а возведение части в ранг модели целого. В «фантастическом» добавлении, в собственно сюжетных действиях «короля», «носа», «ревизора», «мертвеца» и т. д. воплощаются признаки действия мира в индивидуальной форме. В них персонифицируется не поведение сумасшедшего, амбициозного или робкого чиновника, а закон мира — в части этого мира, в персонаже. Превращение Поприщина в «короля», Ковалева в «нос», Хлестакова в «ревизора», Башмачкина в «мертвеца» происходит таким образом, что атрибуты мира автор переносит на персонаж. Часть и целое меняются функциями, в результате чего то, что было неощутимым свойством целого, становится ощутимым признаком поступков части-персонажа. В этом смысле «ревизор», «мертвец», «король», «нос» — суть такие названия (а не удвоения и не распадения мира или человека) части мира, в которых персонифицируется закон действия мира как целого. Они «показывают» миру его же структуру. Эта часть — нарративная или сценическая модель, действующая как личность. Именно: модель, действующая как личность, а не модель личности. Эта модель внутри модели мира представляет собой персонифицированный дубликат неличностных конструкций текста и мира (речевой манифестации, слов, высказываний, тона, жестов, поступков, деталей портрета и пространства и т. п.), неличностных, но типичных или симптоматичных для отношений между личностями. В «фантастических» образах действия «как бы личности» — как бы ревизора, мертвеца, короля, — воплощается развоплощенная типичность — в атипичном, не характерном для Поприщина, Ковалева, Хлестакова, Башмачкина поведении и истории поведения. В связи с Поприщиным об этом было сказано достаточно в данной работе; относительно Башмачкина мне пришлось продемонстрировать метод поэтики жанра с подобными же результатами в других работах. Здесь же коротко остановлюсь еще на «Ревизоре».

Перед нами в этом случае не нарративная личность, а сценическая, возникшая, по нашему убеждению, под сильным влиянием поэтики «Записок сумесшедшего», в которых, как мы видели, самоописание мира, автомодель структуры целого в его части (тексте от Поприщина), создается — и впервые в творчестве Гоголя — в персонифицированной форме. Правда, это пока «лишь» персонифицированный монолог об отношении субъекта к миру и к себе без присутствия персонифицированного же мира, но тем не менее уже огромный шаг к «драматизации» подробностей и мелочей «недвижущегося» мира, шаг от легкого к серьезному смеху, если применять здесь самоопределение Гоголя. Переход от Поприщина к Хлестакову, от «записок» к «сцене» был неизбежным и закономерным, обусловленным внутренней эволюцией поэтического мышления Гоголя.

На сцене персонифицированный дубликат Города возникает на глазах зрителя по ходу событий в результате того, что Хлестаков в страхе начинает действовать уподобляясь как можно более ожиданию представителей Города. Известно, что это ожидание направлено на скрывающегося ревизора. Тем самым Хлестаков воплощает в своих поступках не свою личность, а другую, ту, которая укрепилась в моторной памяти Города. Свойства этой жесткой памяти о типичном ревизоре и экстериоризуются в сценическом дубликате

оригинала, находящегося в «голове» городских. Перед нами, конечно, психологическая драма, или как Гоголь выражался, «душевный город», впервые в истории жанра получившая столь совершенно-адекватную сценическую условность, реализацию. Дело в том, что уподобление Хлестакова «душевному городу», свойствам его стандартного мышления, которое управляет его действиями, — уподобление в сценических поступках, жестах, словах, делает доступным для зрения и слуха всё то, что в жизни не поддается органам восприятия. В образе Хлестакова ощутимым становится для мира неощутимая для него структура действия своей памяти, мысли, воображения, мечты и т. д. Таким образом, то, что составляет тайну Города эксплицирует сценический ряд поступков героя; то же, что составляет тайну Хлестакова остается тайной для Города, но открывается перед зрителем: у Хлестакова нет тайны. Именно поэтому он становится медиумом самоописания Города. Но в то же время герой познает в своих поступках (но познает только в конце своей сценической роли) не себя, а закон мира. Та часть Хлестакова, которая называется в городе «ревизором», и заключена в границы сценического пространства, является не типичным мелким чиновником, и не типичным ревизором, наоборот, она очень не похожа ни на того, ни на другого, — эта часть является идеальной поэтической моделью того же мира, частью которого и осознает себя на выходе из параллелизма с ним. Осознает себя как раз в той роли, которую воплощал прежде непроизвольно, по желанию города. Эта роль теперь превращается в автономное действие: «хочу заняться литературой». Но литература здесь — не что иное как метатекст уже реализованной роли. Здесь участник мира становится участником текста о мире, раскрыв для себя необходимое звено в цепи событий, и желая заполнить этот сюжетный эллипсис. Это прозрение о необходимости литературного автотекста, «комедии», о том, что она не может не появиться в данном мире, повторяется в финальном монологе городничего. То есть в том монологе, в котором он и осмыслил суть комедии о нем: что речь идет об автоколлизии, а не о недоразумении, обмане, мираже. Именно поэтому и на уровне жестов подчеркивается автореферентивность, обращенность угрозы на себя, а не на «обманщика»: «*(В исступлении.)* Вот, смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит самому себе кулаком)*». Вторая угроза адресована субъекту «будущего» текста о нем (Достоевский сказал бы: субъекту «невысказанного будущего Слова»): «Мало того, что пойдешь в посмещище — найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно. . . . Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкоперы, либералы проклятые! чертого семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему! . . . *(Сует кулаком и бьет каблуком в пол . . .)*». Итак очевидно: две угрозы городничего направлены на два различных субъекта, порожденных сценическим действием в полном согласии с желаниями городничего. Первый есть результат превращения Хлестакова-чиновника (досценического референта) в «ревизора», в зеркало для городничего; а второй есть результат осмысления неизбежности появления зеркала для мира, располагающегося за границами Города, т. е. за рампой. Что же касается формы агрессии городничего, направленной против «потенциального комедиографа», несомненным референтом которого он и осознает себя безошибочно, то здесь опять-таки перед нами — главный мотив Гоголя — агрессивность недееспособного. Источник этого мотива несомненно в «Записках сумасшедшего».

Теперь становится очевидным, что в основе текстообразующего механизма «записок» лежит иерархический ряд превращений, состоящий в том, что предмет рассказывания на каждом уровне описания открепляется от самого акта рассказывания, и на каждом следующем уровне и предмет и само рассказывание как поступок субъекта текста получает новый язык описания, новое «переименование» как мира, так и описывающего мир, согласно признаку действия того и другого. Именно этому сюжетному принципу подчиняется ряд жанрообразующих операций текста, реализованный в усовершенствовании самоописания субъекта текста, где слово «усовершенствование» обозначает систему переходов к всё более дискретным «языкам самоописания», в чем и следует усматривать обоснованность, мотивированность «фантастики», высокой степени условности этого языка. Как жанр записки Гоголя идеально выполненная модель нарративной автореферентивности. Гоголь радикальный реформатор, новатор в области такой устойчивой, канонической традиции, каким является жанр «исповеди», выработанный столетиями генологической эволюции от Августина до Ж.-Ж. Руссо и дальше, до Гёте и их последователей. Но гениальность Гоголя проявилась в том, что даже в этом авторитетнейшем ряду обновителей литературы и поэтического мышления он мог сказать свое новое слово. Радикальный переворот Гоголя в жанре «исповеди» заключался в том, что он построил «записки» на принципах сюжетной автореференции, а тем самым вычеркнул из памяти жанра установку на философскую медитацию, на воспоминание («художественные мемуары»), и на интроспекцию («конфессиональная» традиция в литературе), а тем самым освободил поэтическое мышление от служения философии, фактографии, биографизму или психологии, столь мощно влияющих на судьбы этого жанра.

Литература

Бенвенист Э. 1974. Общая лингвистика. Москва.
Бочаров С. Г. 1985: Загадка «Носа» и тайна лица. В кн.: Гоголь: История и современность. Москва, 180–212.
Веселовский А. Н. 1982: Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля. В кн.: Поэтика. Труды русских и советских поэтических школ. Будапешт, 604.
Гоголь Н. В. 1984–1987: Собрание сочинений в семи томах. Москва.
Гуковский Г. А. 1959: Реализм Гоголя. Москва–Ленинград.
Ковач Арпад 1984: Модель инерции мышления в «Шинели» Гоголя: Studia Russica 7. Budapest, 159–171.
— 1985a: Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Будапешт.
— 1985b: Категория повествования в поэтике Б. М. Эйхенбаума: Revue des Études Slaves 57, 125–135.
— 1985c: Память как принцип сюжетного повествования. «Записки из подполья» Достоевского: Wiener Slawistischer Almanach, B. 16, 81–97.
Лотман Ю. М. 1970: Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя: Ученые записки Тартуского гос. ун., вып. 251, 17–45.
— 1984: О семиосфере: Труды по знаковым системам 17, Тарту, 5–23.
Манн Ю. В. 1978: Поэтика Гоголя. Москва.
Смирнов И. П. 1985a: Два типа рекуррентности: поэзия vs. проза: Wiener Slawistischer Almanach, B. 15, 255–280.
— 1985b: О специфике художественной (литературной) памяти: Wiener Slawistischer Almanach, B. 16, 11–28.
Фарыно Ежи 1986: Роль текста в литературном произведении: Studia Russica 11, Budapest, 118–167.
Чудаков Г. 1908: Университетские чтения 8, Киев.

Проблема двойника у Гоголя и Достоевского

АГНЕШ ДУККОН

(Dukkon Á., ELTE ÁTFK Orosz Tanszék, Budapest, Kazinczy u. 23—27, H-1075)

Литературная обработка мифа о двойнике и наполнение его этическим и философским содержанием связаны в первую очередь с именами немецких писателей и поэтов-романтиков: Л. Тика, Жан-Поля, Г. фон Клейста, Э. Т. А. Гофмана, Г. Гейне, К. Брентано, Л. Й. Арнима и Ф. Фуке. Их влияние, ощущавшееся на протяжении XIX в. по всей Европе, достигло в России своей кульминации в 30—40-х годах прошлого столетия, где из перечисленных авторов наиболее читаемым был Гофман.

Гоголь и Достоевский оказались особенно восприимчивыми к этому явлению, сулившему большие перспективы, оба они по-своему развили унаследованную литературную тему. Произведения Гоголя роднит с миром Гофмана трагическая двойственность идеала и действительности, поединок демонического и человеческого начала, превращение *внутренней* борьбы раздвоенной, колеблющейся души во *внешнюю*. У Гоголя мы не находим «настоящего» двойника в его гофмановском или достоевском смысле, правда, основная ситуация повести «Нос» обнаруживает с ним определенное сходство, но здесь демонический элемент принижается комическим. Гоголевские герои чаще всего не в *другом человеке* опознают свой негатив, худшее второе «я», в произведениях Гоголя *сам человек* меряется силами с *чертом*. В его ранних повестях, навеянных народными сказаниями, постоянно участвует черт, суеверно-сказочно-карнавальная атмосфера настолько пронизывает все восемь повестей из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», что читатель лишь позднее замечает один существенный момент: две повести заканчиваются победой злых сил («Вечер накануне Ивана Купала» и «Страшная месть»), в сущности и в повести «Заколдованное место» черт тоже порядком досаждает человеку, хотя до трагедии дело не доходит. Но в подлинно народных сказках черт никогда не одерживает окончательной победы, в качестве возмещения ему разве что достается *плохой* (дурной) человек. Из названных повестей для нас наибольший интерес представляет «Вечер накануне Ивана Купала», так как именно в ней можно обнаружить развертывание тех элементов, которые вновь и вновь повторяются в последующих произведениях Гоголя, а у Достоевского уже складываются в систему и приобретают философский, метафизический смысл. Мы имеем в виду проблему выбора, пограничной ситуации, которой оба писателя придают решающее значение и пытаются толковать ее богатыми вариантами художественного воплощения.

Петро, герой повести Гоголя, принимает помощь нечистой силы, чтобы завоевать расположение своей любимой, не веря в возможность другого пути, но при каждом очередном испытании его охватывает отвращение к этим силам, одолевают недобрые предчувствия. Однако все усилия оказываются

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

напрасными, вместо счастья обоим грозит погибель, потому что по канонам и народной сказки, и средневековых моралите достичь благой цели дурным путем — невозможно. Любопытным моментом, с точки зрения нашего исследования, представляется в повести изображение колебаний, раздвоения Петра: в критическую минуту по воле нечистого перед ним возникает желанная цель, таким образом, действия героя детерминирует не внутреннее, осознанное, но механическое решение: желая добра, он выбирает зло; Петро, совершающий дурные поступки, — это уже не тот Петро, который хотел добра, так как чужая сила полностью подчиняет себе его существо. Не случайно, что после особо тяжкого, рокового испытания Петро погружается в глубокий сон, а проснувшись, уже не помнит подробностей дьявольских поисков клада, ведь на какое-то время к нему возвратилось его прежнее, безгрешное «я». Однако добытое нечестным путем счастье постепенно поглощается проникшей в его существо темной силой, и второе «пробуждение» героя, то есть внезапное осознание совершенного убийства, означает одновременно и его смерть. Среди повестей петербургского цикла эта схема повторяется в «Портрете», в истории Чарткова, который тоже знает и путь добра, и путь зла, тем не менее вместо настоящего искусства он выбирает богатство, потому что в глубине души как бы и верит и не верит правоте слов своего профессора о том, что следует выбирать трудный, полный борьбы путь, который ведет к настоящей жизни. В конце концов и он погибает от неожиданного саморазоблачения, от встречи с подлинным, великим произведением искусства; то, что он предал, приносит ему гибель. В этой повести в образе искусителя выступает портрет ростовщика, чей демонический взгляд будоражит и пугает зрителей, портрет постоянно переходит из рук в руки, потому что на каждого владельца он наводит порчу, приносит ему несчатье. В жизни Чарткова (фамилия происходит от укр. *чорт* или польск. *czart*), заблудшего художника, этот портрет выполняет функцию двойника: герой встречается с ним в критический момент своей жизни, в его душе пробуждается страсть к золоту, всплывает альтернатива «искусство или успех» и наконец портрет *ростовщика* вызывает в нем его худшее «я», которое приводит его к гибели.

У Достоевского тоже обнаруживается эта исходная ситуация: в «Преступлении и наказании» Раскольников тоже решается на убийство во имя «благой цели», однако запланированный поступок вызывает в нем отталкивающее чувство, он колеблется, мечется и так же, как Петро, раздваивается, когда вместо решения, продиктованного душой, полагается на т. н. случай, на стечение внешних обстоятельств. В минуту краткого прозрения он видит, что над ним властвует некая демоническая сила, он называет свой план проклятой мечтой, искушением, дьявольщиной, однако кажущаяся закономерность случайного с неудержимой силой влечет его к убийству.

Гоголевские повести завершаются где-то на грани катастрофического исхода, правда, в «Портрете» тема искушения варьируется в другой сюжетной линии, в истории иконописца, где поединок заканчивается победой добра. Рассматривая другие произведения Гоголя, можно сделать вывод, что его занимало скорее изображение ошибочного выбора между добром и злом, показ душевных колебаний, нежели описание судьбы героя после его падения. И если в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» добро чаще одерживает верх над злом, то не следует забывать, что их герои — Грицько, Вакула, Левко — избегают общения с нечистой силой, потому что издавна знают: от дьявола ничего хорошего не жди. В конечном итоге их сила коренится в пра-

вильном знании; они знают самих себя, знают, что такое Бог и что такое черт, и живут согласно этим принципам. Это правильное знание с особой силой подчеркнуто в образе Вакулы.

Более скрытое изображение ошибочного выбора занимало писателя и в период создания «Мертвых душ»: во втором томе поэмы он намечает возможность вступления Чичикова на путь истинный, однако духовным, внутренним ценностям герой вновь предпочитает «чичиковщину», поддается материальным соблазнам. В. Зеньковский, автор монографии о Гоголе, объясняет это трагическое мировоззрение, этот «смех сквозь слезы» романтической религиозностью писателя.[1] Человеческие слабости, постоянные падения представляются Гоголю куда более реальными, чем очищение и покаяние.

Достоевский же возможности «исцеления» вновь и вновь ищет в более глубоком раскрытии и толковании сомнений и духовного разлада; в образе Раскольникова ему на самом деле удается дать полное представление о падении и воскресении человека. Соотношение победы добра и зла у Достоевского, однако, не лучше, чем у Гоголя. Среди его одержимых, ведущих двойное существование героев один лишь Раскольников возрождается к новой жизни (да и то за рамками романа, в эпилоге, писатель же запечатлевает только момент «поворота», сама «новая» жизнь, ее содержание остается лишь обещанием, целью, которую необходимо достичь, но которая не поддается писательскому перу), остальные, как например, «подпольный человек», Ставрогин, Версилов, Иван Карамазов отчасти или полностью попадают во власть идеи, ложного сознания, сомнения (= демона!) и становятся их жертвами. Эта тема интересовала Достоевского еще с середины 1840-х годов, с момента написания «Двойника», но только в 60-е годы показ душевного состояния «двойничества» начинает занимать центральное место, Достоевский разбирает и исследует причины и следствия этого явления до тех пор, пока от гоголевского символико-притчевого изложения не приходит к вполне реалистическому и в психологическом отношении богато мотивированному способу изображения. Однако указывая на это отличие, мы вовсе не хотим оспаривать мнение Зеньковского, согласно которому, Гоголь и как психолог тоже является предшественником Достоевского. На основе изложенных примеров можно поставить вопрос: существует ли связь между бинарными оппозициями «человека и черта», «тела и души» у Гоголя и двойниками Достоевского помимо того, что, как известно, на обоих сильное влияние оказал Гофман и вообще литература и мировоззрение немецкого романтизма? По нашему мнению, у обоих русских писателей в конечном итоге речь идет об одном — о выборе, о двух способах подхода к нему, двоякой *форме* его толкования и о том, что именно у Достоевского его интерпретация достигает наибольшего совершенства, становится носителем философского содержания.

Анализ слов, обозначающих понятие двойничества и вызываемых ими ассоциаций поможет нам, во-первых, в оценке всех аспектов духовной связи с Гоголем, а во-вторых, в поисках объяснения не только литературных, но и реальных, биографических фактов. Здесь мы имеем в виду противоречия в отношениях между Достоевским и Белинским, их дружбу, перешедшую затем в отчуждение. Ведь Достоевский вышел не только из «Шинели» Гоголя, как утверждает ошибочно приписываемая ему литературная фраза, но почти в такой же мере и из «шинели» Белинского. До конца жизни Достоевский

[1] *В. Зеньковский*, Гоголь. Paris, Ymca Press.

сохранит в памяти признательные, восторженные отзывы Белинского, его пророческие предвидения в нем недюжинного таланта после прочтения «Бедных людей», но такой же неизгладимый след оставит в его душе и недоумение, резкое осуждение и даже усомнение в его таланте со стороны критика по поводу последующих произведений, таких, как «Двойник», «Хозяйка», «Господин Прохарчин». С середины 60-х годов образ Белинского, его идеи скрыто или явно присутствуют в произведениях и письмах Достоевского, память о нем не оставляет его в покое, вмещая в себя крайние проявления любви и ненависти. А. С. Долинин впервые обозначил эти сложные отношения понятием «двойника»,[2] что на самом деле выражает природу этого амбивалентного чувства. Литературный и биографический факты взаимосвязаны: для Достоевского Белинский был своего рода прежним собственным «я», от которого невозможно избавиться, которое постоянно преследует его и вынуждает к самоанализу и объяснению. Историко-литературный и поэтический аспект этого вопроса мы отчасти уже рассмотрели,[3] теперь попытаемся разобрать понятие *двойника* с точки зрения того, насколько оно применимо для толкования некоторых особо сложных проблем художественного мира Достоевского.

Чрезвычайно интересные наблюдения об истории мотива двойника и его роли в немецком романтизме содержатся в работе Вильгельмины Краусс.[4] Этот мотив одной своей нитью восходит к греческой мифологии, к мифу об Амфитрионе, первую литературную обработку которого находим у Плавта, позднее им воспользовался и Мольер, выбирая тему для своей комедии. Согласно мифу, Зевс принимает облик победителя Амфитриона за день до его возвращения домой и проводит ночь с его супругой, после чего у нее рождаются близнецы. Правда, мифический прообраз двойника лишен мрачных, тревожных, предвещающих смерть знаков, известных нам по произведениям немецких романтиков. Настоящий и псевдо-Амфитрион не встречаются друг с другом: человек предчувствует, что в его судьбу вторглись силы Олимпа, а не потустороннего мира, поэтому не сопротивляется сложившейся ситуации.[5]

Античная, а отсюда и французская традиция обращается к комическим аспектам мифа. Эту же линию развивает и Шекспир в пьесах «Комедия ошибок» и «Как вам это понравится», заимствуя сюжет эллинистической легенды об Амике и Амелии, которая также основывается на мотиве сходства.

В другой своей разновидности — в германской традиции — этот мотив приобретает трагические, роковые черты, становится предвестником близкой смерти. Можно предположить, что такое значение встречи с двойником, сулящей смерть, пришло в германскую мифологию, а возможно и в верования других европейских народов от погребальных обрядов римских императоров.

[2] «Двойник, его преследующий всю жизнь, вросший в его сердце неотрывными краями — таков Белинский для Достоевского». *Н. М. Достоевский*, Письма II. Москва—Ленинград 1928, предисловие А. С. Долинина, стр. X.

[3] *А. Дуккон*, К вопросу о некоторых проблемах оценки расхождений между Достоевским и Белинским: Dissertationes Slavicae 15 (Szeged, 1982); *ее же*, Связь жизни и литературной фикции в повести Достоевского «Записки из подполья»: Dissertationes Slavicae 18 (1986).

[4] Wilhelmine Krauss, Das Doppelgängermotiv in der Romantik. Studien zum romantischen Idealismus: Germanische Studien. Berlin 1930, Heft 99.

[5] Kerényi K., Görög mitológia. Budapest 1977, 267—268.

Дело в том, что во время пышных похоронных процессий перед гробом усопшего правителя скакал на коне его *альтерэго*, т. е. один из подданных, облаченный в маску императора. Этот обряд был возрожден на похоронах феодалов в эпоху ренессанса и барокко.[6] Нам кажется, этот факт ни в коем случае не следует оставлять без внимания, когда в народных верованиях и в литературных произведениях мы встречаем двойника в трагической, мистической, демонической ипостаси или даже как знамение смерти. В своей работе В. Краусс рассматривает те аспекты мотива двойничества, которые уже в германской мифологии начали приобретать некоторые метафизические значения и с помощью которых легко поддается объяснению образ двойника у немецких романтиков, выражающий трепет, страх, внутренний разлад:

> Erscheint der Doppelgänger in der germanischen Sage als Träger einer irrationalen Macht, so wird er in der Romantik in Beziehung zu dem irrationalen Wesen des romantischen Ich gesetzt.[7]

Но если проанализировать причины широкой популярности мотива двойника не только в немецкой, но и в других, например, в русской литературе XIX в., непременно следует обратиться к культурно-историческим предпосылкам, способствовавшим столь быстрому восприятию и распространению ведущей темы немецкого романтизма, а также тому, что на эту тему смогли наслаиваться более универсальные по сравнению с романтизмом значения (например, психологизм героев Достоевского). Изучение новейших метаморфоз древнего мотива могло бы стать предметом серьезного исследования, здесь нам хотелось бы лишь указать на то, что в глубине таких литературных влияний, каким было воздействие немецкого романтизма на русскую литературу, как правило, скрывается некий общий архетип, маячат контуры какого-то древнего, всеохватывающего и принципиально важного человеческого опыта.

Уже само название работы В. Краусс — Studien zum romantischen Idealismus — говорит о том, что автор связывает проблему двойника с толкованием романтического идеализма и солипсизма, пытается дать подробный анализ соприкосновения литературного бродячего мотива с философией. Однако большую часть ее наблюдений можно отнести и к русским романтикам, особенно к тем из них, кто в определенный период своей жизни находился в тесном контакте с немецкой культурой. Процесс, в котором ограниченное «я» расширяет пределы своих рамок до бесконечного, а затем, столкнувшись с внешним миром, воспринимает его как противника, приводит в сознании к раздвоению существующей действительности на идеальную и реальную. «Я» ощущает себя существом, состоящим из конечного и бесконечного, и в самом себе различает реальный и идеальный полюс. Замечательной иллюстрацией такого поведения может служить переписка Белинского и Бакунина на рубеже 30—40-х годов. В их полемике «мир идеальный» и «мир реальный» становятся ключевым понятием. Вначале Белинский, как и Бакунин, принимает это искусственное расчленение, но в конце концов перед ним раскрывается его пагубная, антижизненная суть. Искренность

[6] Об античной погребальной церемонии и ее возобновлении в эпоху барокко читал доклад молодой венгерский искусствовед Петер Сабо на конференции по теме «Придворная жизнь и культура в Венгрии в эпоху барокко», проходившей в городе Папа в 1984 г.

[7] W. Krauss, указ. соч. 6.

и чувство реальности удерживает Белинского от той лжеромантической позы, в которой застывает Бакунин, хотя ощущение внутренней раздробленности вновь и вновь дает о себе знать и не оставляет его до конца жизни. В последующие годы Белинский не столько страдает из-за двойственности идеала и действительности, сколько мечется между полюсами сознания своей миссии и утраты веры в нее. Внешне он выступает в роли лидера русской критики и литературной жизни, внутренне же он всё болезненнее чувствует, что с утратой идеалов у него не останется так называемой высшей духовной — движущей силы. Эта двойственность отчетливо прослеживается в явно противоречивой тональности его критических работ и писем, а также в воспоминаниях П. Анненкова, И. Гончарова, И. Тургенева.[8]

Не менее решающее значение имеет и *мечтательность*, присущая восприятию мира и его изображению у Белинского, Гоголя и Достоевского, что В. Краусс считает характерным преимущественно для творчества Людвига Тика. В этом случае нет нужды в поисках прямого влияния, скорее мы имеем дело с проявлениями и особенностями романтического жизнеощущения романтической личности, как в русской, так и в немецкой литературе. Эта мечтательность порождает тоску по несуществующему, которая приводит к противоречию между волей «я» и волей судьбы, к дивергенции фантазии и действительности. Множество разновидностей этого можно найти в петербургских повестях и романах Гоголя и Достоевского, например, в «Невском проспекте», «Портрете», «Двойнике» и в «Белых ночах».

Напрашивается еще одно любопытное связующее звено в изображении двойника у русских и немецких писателей, которое нельзя объяснить просто заимствованием. Рассматривая двойников у Жан-Поля, В. Краусс отмечает, что здесь часто встречается мотив самосозерцания (Motiv des sich-selber Sehens), вызывающий внутренний разлад. Именно это отличает героя произведения Достоевского «Записки из подполья», где присутствие двойника не материализуется, но он незримо управляет всеми действиями героя. (К толкованию этого явления позднее мы еще вернемся.)

В русском языке понятие «альтер эго» выражается словом *двойник*, происходящим из обозначающего двойственность числительного *два*, как и английское *double*, немецкое *doppelt*. Этимология последних слов восходит к латинскому прилагательному *duplus* — 'двойной', которое имеет общий индоевропейский корень со славянским числительным *два*. Заслуживает внимания и родственная группа слова *двойник*, прежде всего глагол *двоиться* (1. 'раздваиваться'; 2. 'казаться двойным, как бы удваиваться'), значения которого наиболее четко оттеняют само понятие двойника и вместе с тем обогащают его таким смыслом, который отличает его как от мифологического архетипа, так и от гофмановского двойника (Doppelgänger), хотя это, пожалуй, не резкое разграничение, но всего лишь тонкое различие.

Русский перевод Послания апостола Иакова характеризует сомневающегося человека причастием от глагола *двоиться:* «Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» («Книги Нового завета», Послание Иакова, 1, 8). В греческом оригинале такого человека называют *двоедушным:*

[8] *П. В. Анненков,* Литературные воспоминания, Спб. 1909; *И. Гончаров,* Заметки о личности Белинского. Собрание сочинений, т. 8. Москва 1952; *И. С. Тургенев,* Воспоминания о Белинском. Полное собрание сочинений в 12-и томах, т. 12. Спб. 1898.

ἀνὴρ δίψυχος. ἀκατάστατος ἐν πάσαις ταῖς ὁδοῖς αὐτοῦ[9]. Греческое ἀνὴρ δίψυχος церковнославянская библия переводит дословно: **мѫжъ двоедѹшенъ**,[10] венгерский переводчик Гашпар Кароли употребляет выражение «*két*szívű ember» '*дв*усердечный' (конец XVI в.), в традиционном тексте Писания, известном под названием Вульгата, находим «vir *duplex* animo», в польском варианте — «człowiek o rozdwojonej duszy», в английском — «*double*-minded man», в немецком — «*Zwei*fler», в новейших венгерских католических переводах библии — «*két*elkedő ember»: 'сомневающийся'. Все эти выражения в каждой языковой системе передают то древнее эмпирическое знание, согласно которому «двойственность», раздвоенность — некое демоническое состояние в жизни человека, возможность захвата власти дьяволом, Злом. На это же указывает и апостол Иаков: «. . . сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой: Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа» (Иак. 1, 6—7), «. . . очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные» (Иак. 4, 8). В словаре В. И. Даля в двух местах находим подтверждение изложенной мысли. Объясняя значения слова *двоиться*, он приводит русскую пословицу: «Худо молиться, как на уме двоится».[11] Рядом находим глагол *двойчить*, который Даль приравнивает к значению глагола *лукавить* ('хитрить, вести себя неискренне'). В русском языке прилагательное «лукавый», трансформировавшееся в существительное, служит и обозначением *злого духа!* Словарный материал, однако, может быть дополнен и отрывком из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон»: героиня поэмы Тамара, дух которой смутил «лукавый Демон», не может освободиться от его влияния даже в монастыре:

«Святым захочет ли молиться —
А сердце молится ему»[12]

Таким образом, пословица, приведенная Далем, характеризует и ее терзания, раздвоенность.

Эти примеры показывают, что русское слово *двойник* не только выражает состояние расщепления личности в литературе романтизма, но и обладает библейскими, метафизическими оттенками, предоставляя художнику слова возможность наполнить его нравственно-философским содержанием. Само собой разумеется, этимологическое сходство «альтер эго» и таких понятий, как сомнение, двойственность и т. п. можно обнаружить и в других языках, например, в английском слово *double* помимо значения 'двойник' имеет в многочисленных словосочетаниях уже упомянутое значение 'двоякость'. Однако русские выражения этих понятий заслуживают особого внимания потому, что толкование двойственности (дуализма) в подчеркнуто нравственном плане (например у Гоголя), а также стройная система двойников и ее философское осмысление (см. у Достоевского) встречается только в русской литературе.

Рассмотрение плана содержания глагола «двоиться» в контексте не только допускает введение нравственно-философского аспекта в ходе ана-

[9] Novum Testamentum Graece. Curavit E. Nestle. Maulbronnae 1914.
[10] Новый Завет Г. Нашего Иисуса Христа (на церковнославянском языке).
[11] *Вл. Даль*, Толковый словарь живого великорусского языка, I. Москва 1978, 418.
[12] *Лермонтов*, Демон. Избранные произведения. Ленинград 1977, 277.

лиза двойников у Достоевского, наряду с этим напрашивается вывод психологического характера, который намечает в своей работе С. Аскольдов.[13] Он выделяет у Достоевского тот момент, когда его герои по какой-либо причине смотрят на себя со стороны (Motiv des sich-selber-Sehens !), оценивают себя с воображаемой внешней позиции, разыгрывают определенные ситуации («игра в положения»), становятся актерами, исполняющими роли в собственной жизни, что в конечном итоге приводит к душевному разладу (как например, Раскольников, Ставрогин, Версилов, Иван Карамазов). Именно в этом Аскольдов видит один из ведущих принципов психологизма у Достоевского:

> С этой же особенностью коренным образом связан основной принцип всего психологизма Достоевского, а именно принцип двойственной значимости переживаний, то, что в самой последней стадии своего развития превращается в явление двойника.
>
> О двойственном значении душевных переживаний не знает только тот, кто сохранил способность проявляться совершенно непосредственно, без всякой самооглядки. Но именно рефлексия над самим собой неизбежно создает из всякого переживания две различные перспективы: одна выражает то, что значит переживание вместе с его проявлением для себя самого и вторая — что она значит для другого. Только в редких случаях эти две перспективы по существу совпадают. Чаще же всего это лицезрение себя в другом и через другого создает своего рода кривое зеркало. Но мало того, что в этом кривом зеркале видишь себя по иному. Это иное восприятие себя в другом является очень действенным в том смысле, что оно по существу искажает и изменяет, иногда уродует, переживание в себе самом. Иногда это изменение сравнительно неважно. Но часто оно принимает характер какого-то кошмара, паразитно вторгающегося в самые недра человеческой души, уродующего ее до неузнаваемости. У Достоевского можно проследить положительно все ступени и оттенки этого раздвоения переживаний.[14]

Аскольдов рассматривает это явление на образах героев крупных романов Достоевского, упоминая и «подпольного человека», однако не дает подробного анализа этой странной фигуры и ее отношения к «двойничеству». Мы считаем, что «Записки из подполья» представляют собой связующее звено в ряду ранних и поздних изображений двойника у Достоевского, поэтому имеет смысл рассмотреть, прослеживается ли в этом произведении двойственность, процесс сомнения и каким образом он дает о себе знать или как выражается.

«Подпольного человека» отличают те же особенности, которые Аскольдов отмечает у большинства персонажей «Преступления и наказания», «Идиота», «Подростка», «Бесов» и «Братьев Карамазовых»: самонаблюдение как бы извне, погружение в рефлексию, игра в прятки. Двойственность у него проявляется в форме стыдливости и лишает его возможности давать правильную оценку самому себе и происходящим с ним событиям. Чувство стыда уничтожает непосредственность, герой как бы ощущает на себе присутствие некоего чужого, осуждающего взгляда и любой ценой стремится угодить ему, даже не подозревая, чего же «он» от него хочет. «Подпольный человек» догадывается, что это «чуждое» заключено в нем самом, но на самом деле никогда не задается мыслью, каким образом можно от него избавиться, вместо этого постоянно сражается с собственной тенью, проецированной наружу:

[13] *С. Аскольдов,* Психология характеров у Достоевского. Достоевский. Статьи и материалы, сб. I, под ред. А. С. Долинина, Петербург 1922.

[14] Переиздание статьи Аскольдова (на русском языке) в сборнике: F. M. Dostoevski 1881 — 100 — 1981. Overseas Publications Interchange Limited, London 1981, 64.

«Теперь мне совершенно ясно, что я сам вследствие неограниченного моего тщеславия, а стало быть, и требовательности к самому себе, глядел на себя весьма часто с бешеным недовольством, доходящим до омерзения, а оттого, мысленно, и приписывал мой взгляд каждому. Я, например, ненавидел свое лицо, находил, что оно гнусно, и даже подозревал, что в нем есть какое-то подлое выражение, и потому каждый раз, являясь в должнось мучительно старался держать себя как можно независимее, чтоб не заподозрили меня в подлости, а лицом выражать как можно более благородства [. . .]»

«До болезни тоже *боялся я быть смешным** и потому рабски обожал рутину во всем, что касалось наружного; с любовью вдавался в общую колею и всею душою пугался в себе всякой эксцентричности. . .» «Я тебе сказал давеча, что я не *стыжусь* своей бедности; так знай же, что *стыжусь*, больше всего *стыжусь*, пуще всего *боюсь*, пуще того, если б я воровал, потому что я тщеславен так, как будто с меня кожу содрали, и мне уж от одного воздуха больно.» «И вот, я до сих пор уверен, что именно потому, что мне *было стыдно* смотреть на нее, в сердце моем вдруг тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство. . . чувство господства и обладания. [. . .] Как я ненавидел ее и как меня влекло к ней в эту минуту!»[15]

Приведенные цитаты доказывают, что стыдящийся, играющий роль человек прячется, отрекается от самого себя и становится тем мельче, чем активнее «раздваивается»; наисокровеннейшее ядро его сущности тонет в хаосе восторжествовавших чужих голосов. Душа «подпольного человека», как позднее душа Раскольникова, Ставрогина и Ивана Карамазова, в такой же мере являет собой арену битвы дьявола, как и, согласно цитате из Евангелия, — «двоедушный человек» или герои Гоголя. В «Записках из подполья» нет двойника в прямом смысле, как, скажем, в раннем романе Достоевского «Двойник» — Голядкин-младший и Голядкин-старший, в «Преступлении и наказании» — Раскольников и Свидригайлов (примеры можно было бы продолжить). Двойственность «подпольного человека», чужое сознание проявляется в спорах с постоянно присутствующим двойником без лица и образа, причем в обеих частях романа: персонаж главы, повествующей о его молодости («По поводу мокрого снега») всё время рассматривает себя с воображаемой внешней позиции, глазами некоего «общечеловека»; рассказчик главы «Подполье», описывающей более поздние события, но композиционно вынесенной в начало романа, делает вид, будто спорит с читателем, хотя на самом деле ведет разговор с уже названным безликим «другим». Подобная ситуация повторяется с Иваном в «Братьях Карамазовых», но там аморфный двойник «подпольного человека» принимает образ черта, выступая, однако, не в мифическом обличье, а в костюме, скроенном по моде эпохи и выдающим весьма примитивный вкус. Двойственность «подпольного человека» и других героев Достоевского не всегда следует понимать в прямом смысле, она обозначает явления, резко отличающиеся друг от друга. В конце «Записок из подполья» сам автор называет своего героя «человеком парадоксов», который из одной крайности бросается в другую, весь состоит из стихийных перепадов, ни в чем не доходит до конца, до логического завершения, потому что ему недостает того прочного стержня, который помог бы ему занять определенную позицию как в чувствах, так и в мыслях. В одно и то же время он может быть совершенно разным, и это действительно парадокс, так как в любой момент он может обернуться своей противоположностью: стать никаким. Пожалуй, именно

* Здесь и далее курсив автора

[15] *Достоевский*, Записки из подполья. Полное собрание сочинений, т. 5. Ленинград 1973, 124, 125, 174, 175.

поэтому «подпольный человек» так напоминает лермонтовского Демона, о котором поэт говорит, что

«Он был похож на вечер ясный
Ни день, ни ночь — ни мрак, ни свет».[16]

А герой Достоевского заявляет о себе следующее:

«Я не только злым, но даже ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым».[17]

Это самоопределение отсылает нас к внутренней неуверенности «подпольного человека», к его вечному стремлению играть в прятки и к уже упоминавшемуся отрицательному полюсу двойственности: он всё более измельчается оттого, что не идет по какому-нибудь пути, да по сути и не верит в смысл выбора, поэтому ему уготована та же кара, что и лермонтовскому Демону, только не в космическом, а в будничном плане: он вынужден навсегда пребывать в бесплодном сомнении. В конце «Записок из подполья» сам «подпольный человек» выражает это постепенное измельчание, превращение в тень, безликое и бесплотное существование, лишенное привязанностей и связей:

«Мы даже и человеками-то быть тяготимся — человеками с настоящим, собственным телом и кровью; *стыдимся* этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками. [. . .] Скоро выдумаем рождаться как-нибудь от идеи».[18]

В этих словах вновь ощущаются библейские, нравственно-философские мотивы, они напоминают строки из Откровения Иоанна Богослова: «Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 16) или слова Данте о равнодушных:

Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.

И с ними ангелов дурная стая,
Что, не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая.[19]

Рассматривая творческий путь Достоевского, можно убедиться, что проблема двойника постоянно присутствует в мышлении писателя; изначальный романтический образец становится многоплановым, наполняется метафизическими значениями, способствует переосмыслению древних культурно-исторических традиций. Молодой Достоевский, еще будучи студентом Военно-инженерного училища в Петербурге, в письме от 1838 г. рассказывает брату о своих литературных впечатлениях от Бальзака, Гете, Гюго, но на первое место ставит Гофмана, все произведения которого он прочитал и в оригинале и на русском языке и который навел его на необычные размышления:

У меня есть прожект: сделаться сумасшедшим. — Пусть люди бесятся, пусть лечат, пусть делают умным. — Ежели ты читал всего Гофмана, то наверно помнишь характер Альбана. — Как он тебе нравится? Ужасно видеть человека, у которого во власти непостижимое, человека, который не знает, что делать ему, играет игрушкой, которая есть — Бог![20]

[16] *Лермонтов*, Демон, 274.
[17] *Ф. М. Достоевский*, Записки из подполья, 100.
[18] Там же, 132.
[19] *Данте Алигьери*, Божественная комедия, Ад, песнь третья, 34—37.
[20] *Достоевский*, Письма I, 47.

Этот отрывок из письма свидетельствует о том, что при чтении Гофмана семнадцатилетнего Достоевского особо привлекли два мотива: во-первых, состояние безумия («сделаться сумасшедшим»), вызывающее в людях различные реакции: сумасшедший вынуждает окружающих заниматься своей особой, обращает на себя их внимание. Возможно и не надо быть взаправду безумцем, достаточно лишь притвориться им, вести двойную жизнь для того, чтобы приобрести интересную наблюдательную позицию, возможность экспериментировать или место укрытия, а может быть и всё это вместе взятое. Второй мотив — отношение к Богу, как к игрушке, неумение человека пользоваться своей властью — буквально потрясает Достоевского. Две эти крайние и в своей начальной форме весьма фантастические идеи, обогащаясь жизненным материалом и литературными, философскими знаниями, прослеживаются во всех произведениях писателя. Изображение раздвоения личности, начальной стадии и прогрессирования безумия наиболее ярко представлено в романе «Двойник», хотя здесь игрой в безумие управляет не герой, ведь он, как и сумасшедший Поприщин у Гоголя, не находит возврата из иррационального мира в рациональный. В этот период Достоевский еще идет по стопам своих учителей, в более поздних его произведениях мы уже находим все новые и новые варианты этой опасной игры: достаточно вспомнить болезненное состояние Раскольникова после убийства старухи (когда окружающие считают его отчасти невменяемым, это означает для него своего рода убежище), сцены истерики у Ипполита и Настасьи Филипповны в «Идиоте» и в особенности граничащие с безумием поступки Ставрогина, ищущего и теряющего свое «я» в дерзких и скандальных выходках. Второй мотив — «человекобога» — с середины 60-х годов, периода создания «Преступления и наказания» все теснее сближается с первым, с дополняющими друг друга понятиями сумасшедшего и двойника. Гофмановский замысел, вызванное им потрясение и изумление позднее оформляется в идею вседозволенности (разумеется, не без воздействия других источников, к примеру, философии Макса Штирнера) и уже освободившись от романтических элементов, варьируется в образах Раскольникова, Ставрогина, Ивана Карамазова. У всех троих преступление — духовного порядка, в действительном, физическом смысле его совершает «безумный двойник», живущий в самом герое, в его раздвоившейся душе; позднее, после совершения преступления и разоблачения идеи, он воплощается и появляется в образе Свидригайлова, Петра Верховенского, Смердякова и черта. Именно поэтому Раскольников не может объяснить, зачем он убил старуху-процентщицу, именно поэтому Иван, допуская, что его отца убил Смердяков, самого себя считает отцеубийцей.

Принципиально важным дополнением к сказанному нам представляется тот факт, что у Достоевского явление двойничества и состояние безумия в его патологическом или художественном варианте тесно связано с «подпольем». Еще у Гоголя, в образах мечтательных или честолюбивых молодых художников можно обнаружить зародыши «подпольного существования». Пискарев, один из персонажей «Невского проспекта», восклицает: «Боже, что за жизнь наша! вечный раздор мечты с существенностью!»[21]

[21] *Гоголь*, Невский проспект. Собрание художественных произведений в пяти томах, 3. Повести. Москва 1960, 35.

Его трагедия вызвана именно этим раздором: он не в состоянии простить действительности, что прекрасная молодая дама, за которой он последовал на улице, оказывается падшей женщиной да и не хочет быть другой. После этого Пискарев бежит от пошлой реальности, где красота настолько унижается и продается, ищет спасения в мечтах, но разочарование его столь глубоко, что это приводит его к душевному расстройству, а затем и к самоубийству. Герои Гоголя — Пискарев, молодой Чартков — живут в скромных комнатушках, и это замкнутое пространство оказывается одновременно и местом их трагедии: смерть Пискарева наступает в конкретной физической и духовной замкнутости, в таких же условиях происходит и искушение Чарткова дьяволом — Золотом. Причина превращения бедной комнатушки в подполье объясняется отрывом от жизни: мечтатель отчуждается от своей среды, в одиночку борется со своими грезами и с действительностью, а к отрыву героев Гоголя приводит преобладание, первичность эстетического начала. Можно заметить, что для Гоголя трагичен не только сам факт отрыва от действительности, но и чрезмерная гипертрофия мечты (идеала), вследствие чего и наступает этот отрыв: здесь мечта — скорее искушение, соблазн, прелесть; вступая в конфликт с действительностью, которая воспринимается как мерзкая и низменная, будучи ее антиподом, она столь же враждебна человеку, как и этот реальный мир. За этим отношением Гоголя стоит не только художественный платонизм или художественный идеализм, как это отмечают В. Зеньковский и И. Анненский,[22] но и искушение прелестью, играющее в православной теологии весьма значительную роль. О размерах и опасности мирских и дьявольских соблазнов («прелесть мира и дьявола») говорится в повести «Портрет», где в истории об иконописце слышатся отзвуки средневековых моралите. Во втором томе «Мертвых душ» Муразов подобным образом объясняет причину испорченности Чичикова: материальные и мирские блага настолько ослепили его, что под их воздействием он уже не чувствует собственной души. Герои Гоголя поддаются искушению в момент разлада между мечтой (страстным желанием) и действительностью, у Достоевского вначале человека отрывает от реального мира мечтательность и проистекающая из этого одержимость идеей, которая и отдает его во власть зла, у Толстого эту функцию выполняет страсть (Анна Каренина) или ложная философия (Левин).[23] Мир героев Гоголя В. Зеньковский называет «идейным подпольем»,[24] и вероятно именно здесь следует искать первое определение того образа жизни, классическая форма которого дана Достоевским в романе

[22] *И. Анненский,* Художественный идеализм Гоголя. Книги отражений, Москва, 1979.

[23] Стоит задуматься о том, что в романе Льва Толстого «Анна Каренина» слова *прелесть, прелестный* становятся повторяющимся мотивом: в начале романа при характеристике Анны в одном предложении шесть раз повторяется прилагательное и один раз существительное, потом Кити ассоциирует это слово со зловещими эпитетами: «Да, что-то чуждое, бесовское и прелестное есть в ней». В другой ситуации слово *прелесть* приобретает метафизическое значение: накануне своей свадьбы Левин идет говеть и исповедоваться и перед священником не умеет и не хочет скрыть сомнения. Наконец священник говорит ему, что нельзя остаться в состоянии сомнения, потому что он несет ответственность не только за самого себя, но и за своего будущего сына: «Предоставите его прелести мира и дьявола?» (*Л. Н. Толстой,* Анна Каренина. Москва 1978, I, 86; 2, 7). В повести «Отец Сергий» характерным образом также появляется слово *прелесть* в связи с красивой женщиной, потом переходит в морально-религиозное обобщение: «Зачем весь мир, прелесть его, если он греховен и надо отречься от него?» (*Л. Н. Толстой,* Повести. Воронеж 1982, 505.)

[24] *Зеньковский,* указ. соч. 105.

«Записки из подполья». Нора, подполье сначала возникает в душе, в сознании, когда человек, стоящий на перепутье, выбирает замкнутые системы (бесплодные мечты, детерминизм). Внутренней замкнутости всегда соответствует внешнее закрытое пространство. Особенно у Достоевского можно встретить многочисленные варианты духовного и физического отчуждения в его начальной или прогрессирующей стадии. Если представить этапы двойничества в определенном порядке: мечтательность, отчуждение, исполнение какой-нибудь роли, бегство от самого себя, двойственность, то почти во всех произведениях Достоевского, начиная от ранних романов вплоть до «Братьев Карамазовых», можно обнаружить какую-либо из перечисленных разновидностей. К этому ряду принадлежит и повесть «Белые ночи», напоминающая гоголевское раздвоение мечты и существенности и претендующая на его преодоление и дальнейшее развитие. Мечтатель Достоевского тоже художник — в абсурдном смысле, — потому что он не осуществляет свои внутренние видения, мечты, все они остаются в неоформленном состоянии, в каком пребывал мир до своего сотворения, — в хаосе. Он не решается на необратимый процесс творения чего-то, превращения во что-то, не идет дальше теоретеческого проигрывания многочисленных возможностей, пожинает посеянное, не дав ему созреть:

> Нет, Настенька, что ему, сладострастному ленивцу, в той жизни, в которую нам так хочется с вам? Он думает, что эта бедная, жалкая жизнь, не предугадывая, что и для него, может быть, когда-нибудь пробьет грустный час, когда он за один день этой жалкой жизни отдаст все свои фантастические годы, и еще не за радость, не за счастье отдаст, и выбирать не захочет в тот час грусти, раскаяния и невозбранного горя. Но покамест еще не настало оно, это грозное время, — он ничего не желает, потому что с ним все, потому что он пресыщен, потому что он *сам художник своей жизни** и творит ее себе каждый час по новому произволу. И ведь так легко, так натурально создается этот сказочный, фантастический мир! Как будто и впрямь все это не призрак![25]

Настенька, собеседница Мечтателя, сознает опасность такого образа жизни, его грозящую захлопнуться западню: сначала волшебные мечты заманивают человека в нору, в сумерки, а когда он уже довольно далеко отошел от действительности, двери захлопываются и начинается ад. Прозорливость и понятливость Настеньки вспыхивает лучом надежды для Мечтателя, который уже отдает себе отчет в том, что так жить грешно, но боится, что не сможет найти выхода из этого несуществующего мира:

> Знаете ли, что уже я, может быть, не буду больше тосковать о том, что сделал преступление и грех в моей жизни, потому что такая жизнь есть преступление и грех? [. . .] Потому что мне уже начинает казаться в эти минуты, что я никогда не способен начать жить настоящею жизнию, потому что мне уже казалось, что я потерял всякий такт, всякое чутье в настоящем, действительном; потому что наконец, *я проклинал сам себя;* потому что после моих фантастических ночей на меня уже находят минуты отрезвления, которые ужасны![26]

В этой точке Мечтатель и «подпольный человек» соприкасаются: страх первого оправдан, за ним закрываются врата ада, и там он влачит свое жалкое существование как «подпольный человек», волшебные мечты становятся

* Здесь и далее курсив автора

[25] *Достоевский,* Белые ночи. В кн.: Петербургские повести и рассказы. Лениздат, 1973, 165.

[26] Там же, 167—168.

кошмарами, оборачиваются против него. Этому процессу подчинена и композиция повести: беседы с Настенькой проходят в открытом пространстве, на берегу Невы, где герою случайно предоставляется возможность выговориться и тем самым ритуально избавиться от обольстительных мечтаний. Но Настенька всё же покидает его, возвращаясь к своей первой любви. Это разочарование Мечтатель в первый момент воспринимает как знамение рока. Последняя глава «Утро» уже своим названием как бы намекает на отрезвление: за белыми ночами следует дождливый, сумрачный день, их сменяет картина безрадостного, безнадежного будущего. Пространство тоже замыкается вокруг героя: после прогулок по невским берегам он вновь погружается в полумрак затянутой паутиной комнаты и представляет себя пятнадцать лет спустя на этом же месте.

А герой «Записок из подполья» проделывает обратный путь: из данной ситуации (т. е. в возрасте около сорока лет) он возвращается к своему прошлому, когда он сделал ошибочный выбор и оказался в подполье; у него тоже были «прекрасные и возвышенные мечты», он воображал себя в самой благородной роли, подобно романтическим героям Пушкина и Лермонтова, испытывал такое же отвращение к действительности, как и гоголевские художники. Но наиболее яркой чертой, отличающей его от литературных предшественников, является некая дьявольская мудрость, которой, впрочем, хватает лишь на то, чтобы презирать окружение и порою сохранять и оправдывать самого себя и свою обособленность. «Записки из подполья» — не прямое продолжение «Белых ночей», мечтатель не обязательно станет «подпольным человеком» — писатель, где это возможно, охотно оставляет для героя альтернативу, вероятно, для того, чтобы испробовать все возможности развития темы. Нам кажется, что Достоевского интересовали этапы и конечная стадия процесса, начинающегося мечтательностью, раздором идеала и действительности, однако не как *конечный результат*, но лишь как возможность, некая данность. Наверное именно вследствие этого в отличие от Гоголя он не осуждает на гибель ни Мечтателя, ни «подпольного человека»; в обоих случаях отрыв от реальности не связан и искушениями и грехопадениями, как у Гоголя или у героев поздних романов Достоевского. Их вина — по словам Мечтателя — подобна вине равнодушных или лермонтовского Демона, хотя эти категории и не полностью совпадают. Но всех их объединяет одно: бесплодность. Возникает вопрос: в чем причина этого? Заключена ли она в самих героях, повинны ли они в этом или же судьба, стечение внешних обстоятельств сделало их такими? Ответ Достоевского не оставляет сомнений: человек свободен и ответственен за свои поступки. И хотя «подпольный человек» свою деформированную личность объясняет безрадостным, безотрадным детством, однако фигура его под пером писателя вырастает в такой полнокровный и мощный образ, что в подобное объяснение читатель просто не верит. «Подпольный человек» и сам подозревает, что смиряться с внешней предопределенностью вовсе не обязательно. А если он всё же поверит в собственную обреченность, то тем самым накличет беду на свою голову (ср., например, у Мечтателя боязнь того, что он не способен освободиться от своих мечтаний; постоянные неудачи «подпольного человека», вызванные опасениями, что он не сможет показаться перед другими таким, каким бы ему хотелось быть). Однако у этих двух персонажей вера в детерминированность питается собственным неверием; особенно это заметно у «подпольного человека», который, провозглашая право на своеволие и автономную свободу,

восстает против предопределенности, пытается доказать ее несостоятельность и тем самым попадает в ее плен, обретая, таким образом, в ее лице своего двойника. Это и есть состояние вечного колебания и сомнения, лишающего человека уверенности в решениях, потому что если он верит во что-то, он принимает это, а если не верит, то не терзается этим. Оба героя обладают ложным знанием о мире и о самих себе, инстинктивно они ожидают спасения извне, тогда как, говоря словами апостола Иакова, им надлежало бы сначала «исправить сердца».

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что наиболее характерными разновидностями сомневающегося и раздваивающегося человека у Достоевского являются безумец (Голядкин), «подпольный человек» и «одержимый» (Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов), все они имеют своих двойников в образе человека, чужого сознания или черта. Романтическая литературная традиция подходит для изображения и толкования таких подлинных интеллектуальных и психических отклонений, которые очень даже реальны и не столь уж редки. Назовем их вечными человеческими проблемами, потому что каждая эпоха вновь и вновь сталкивается с ними и пытается объяснять их, пользуясь своими понятиями. Из многих разновидностей «двоедушия» для нас наибольший интерес представляет фигура «подпольного человека», потому что в нем особо отчетливо выражена *дьявольская ситуация*, в которую может попасть и современный («сознательный») человек и которую сам Достоевский рассматривал отнюдь не глазами постороннего.

Перевод Надежды Никулиной

The Orpheus of Stepantchikovo

DAVID H. J. LARMOUR

(The University of Illinois at Urbana-Champaign)

In Dostoyevsky's "Friend of the Family", there are numerous references to animals; in particular, several characters are compared to pigs, mice, cats and beetles. Such similes are, of course, a staple part of the traditional comic repertoire and can be traced all the way back to Aristophanes: in the "Wasps", for instance, Philocleon is likened to a limpet (105), a bee (107), a jackdaw (129), a sparrow (207) and a cat (363).[1] They also occur elsewhere in Dostoyevsky's œuvre, notably in "Uncle's Dream", which contains over thirty animal-comparisons. Mrs. Moskalyova is introduced as (p. 23)[2] someone who can "kill, tear to pieces" a rival "with a single word", in stark contrast to her husband who (p. 24) "on critical occasions. . . somehow lost his head, and looked like a sheep facing a new gate". Images of bloodthirsty animals attacking a victim recur throughout the story.[3]

In "Friend of the Family", however, the animal-comparisons are more than a stock device of comedy; they contribute a significant layer of meaning through the evocation of the myth of Orpheus. The key lies in Foma Fomitch's utterance on p. 88:[4]

> Here you see, Pavel Semyonitch, is Gavrila; as a punishment for rudeness he is studying the French dialect. Like Orpheus, I soften the manners of these parts not only with songs but with the French dialect.

Through this allusion the myth of Orpheus is introduced. Orpheus was the son of one of the Muses (Calliope is usually specified) and his father is given sometimes as Apollo, sometimes as King Oiagrus. He was a devotee of Dionysus and lived in Thrace, one of the wildest parts of the Greek world. He was skilled in the art of magic, possessed great wisdom and, above all, was famous for his musical talents. So wonderful a singer was he, indeed, that he charmed not only men, but also animals with his melodies.[5]

[1] Line numbers pertain to the edition of D. McDowell (Oxford 1970).

[2] Page numbers refer to the translation by C. Garnett, "An Honest Thief and Other Stories" (London 1962).

[3] E. g. pp. 37, 72, 84, 90, 91, 133 and 146; other animal-comparisons are found on pp. 64, 70, 72, 75, 123, 134, 147 and 162.

[4] Page numbers refer to the translation by C. Garnett, "The Friend of the Family" (London 1920).

[5] See the detailed discussion of Orpheus in Pauly-Wissowa, "Real-Encyclopaedie der Altertumswissenschaft" 18 (Stuttgart 1939), 1200—1320; on Orpheus in later literature, see K. Ziegler, "Orpheus in Renaissance und Neuzeit" in "Form und Inhalt, Festschr. Otto Schmidt" (Stuttgart 1950).

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

Foma Fomitch views himself as another Orpheus. Like the mythological hero, he lives in a rough and uncultured place, but can charm the creatures around him with his artistic talents. He believes that he has a touch of the divine about him:

> What were you like before I came? But now I have dropped into your soul a spark of that divine fire which is glowing there now. Did I drop a spark of heavenly fire into your soul or not? (p. 15).

Basic to Foma's identification with Orpheus is the man-beast antithesis. Thus he frequently refers to those around him as animals. He calls one of the peasants "pug-face" (p. 15), likens Falaley to an ox (p. 78) and hurls the word "cochon" at Bahtcheyev (p. 31). Gavrila is a "sea monster in human form" who would like to devour him "whole, at one gulp" (p. 87). At p. 177, Foma sees himself as surrounded by "bulls and buffaloes turning their horns" against him. After the climactic scene in which Rostanev breaks down and throws him out of the house, Foma is brought back in an apparent state of delirium. He begins to remember what happened and immediately uses an animal-comparison (p. 180): "Tell me, is it true that I was turned out of this house, like the mangiest of curs?"[6] This time, however, the thrust is different. He himself is the animal, or rather, he has been treated like one. This is the ultimate degration for Foma Fomitch: the charmer of brute beasts thrown out into the fields as if he were nothing more than a beast (and a mangy one at that) himself. The outburst on p. 182 reinforces this:

> Or am I a crocodile who would have devoured you instead of giving you good advice? Or am I some loathsome beetle who would only have bitten you and not assisted your happiness? "Am I his friend or the most repulsive of insects?" that was the question I asked myself this morning.

While Foma Fomitch sees himself as a reincarnation of Orpheus, other voices in the text, notably the narrator's and Bahtcheyev's, subvert certain elements of the myth and characterize Foma as a monstrous version of the Orpheus figure. Take, for instance, the most popular story of the hero's death: in his grief over losing Eurydice, Orpheus shunned all female company and is sometimes said to have encouraged homosexual activity among the male population. In the end, the women of Thrace attacked him and tore him to pieces, but his head, tossed into the river Hebrus, continued to sing as it floated downstream. In "Friend of the Family", the female hostility towards Orpheus is inverted: Foma Fomitch's most devoted adherents are the women of the house. They are the ones he charms most successfully and they form the base of his support against Rostanev and the narrator. The latter informs us that

> he acquired over the whole feminine half of the general's household a marvellous influence, to some extent comparable to the influence exerted by the Ivan Yakovlevitches and such-like seers and prophets. . . (p. 5).

[6] Cf. Bahtcheyev's remarks on p. 175: "Why, he is a man, I suppose, or isn't he?. . . He is not a dog."

Sashenka says (p. 68) "I would tear him to pieces, your Foma Fomitch!", but hers is a lone voice amid the chorus of Foma's supporters. The severed head of Orpheus which continued to sing finds its equivalent in Foma's tongue when Bahtcheyev says (p. 26):

> And when he begins in his learned language, he goes hammering on ta-ta-ta! Ta-ta-ta! I'll tell you his tongue is such a one to wag, that if you cut it off and throw it on a dungheap it will go on wagging there till a crow picks it up."

Foma Fomitch shares several features with Orpheus, but in the narrator's eyes Foma is a malignant, rather than a beneficent, figure. Orpheus was a mysterious being who wandered the country without a fixed abode; Fome Fomitch similarly appears out of nowhere ("Where he turned up from is shrouded in the mists of obscurity" [p. 4]) and his parentage, like Orpheus', is uncertain (p. 23). We are given to suspect, however, that he comes from a less than exalted background: the narrator says (p. 9):

> "I hasten to add that Foma Fomitch was the incarnation of unbounded vanity, but at the same time it was a special kind of vanity—that is, the vanity found in a complete nonentity... Who knows, maybe, this ugly exaggerated vanity is only a false, fundamentally depraved sense of personal dignity, first outraged, perhaps, in childhood by oppression, poverty, filth...

Orpheus was a magician and a sage; Foma is likened to a seer or prophet and has "a peculiar faculty for interpreting dreams" (p. 5). His much-vaunted knowledge, however, is really cleverness in arguing and manipulating others. Bahtcheyev says (p. 26): "He's a know-all. He knows the ins and outs of everything, he's studied all the sciences". Foma Fomitch harps on his genius and learning (pp. 14, 73 etc.), but the narrator constantly undercuts his claims, particularly with reference to literature. Orpheus' particular talent was singing his poetry; Foma Fomitch is also engaged in literary activities, but has been "disappointed from his first step" (p. 10). The shallowness of his literary knowledge is implicit in the narrator's observation that "Later on, I caught Foma Fomitch more than once reading Paul de Kock, but he always slipped the book out of sight when people came in" and explicit in the statement that his own writings "all turned out to be extraordinary trash" (p. 159). In spite of this, however, he poses as an arbiter of literary taste and corrects Vidoplyasov's poetic efforts (p. 125).

Like Orpheus, Foma Fomitch "enchants" those around him. He is said to have "bewitched" Mme. la Generale (p. 8) and Bahtcheyev remarks (p. 25) that "He has cast a spell on them all; he's a regular alchemist!" The difference is, however, that Foma Fomitch uses his power not to delight, but to torture people. His imposition of the French language on Gavrila and others, in his view akin to Orpheus' singing, is represented by the narrator as both inappropriate and ridiculous. Foma does not add anything to the lives of those he encounters, rather he disrupts them in an unpleasant way.

Above all, however, it is the man-beast, or rather, the Foma-beast antithesis which is undermined by the narrator and Bahtcheyev. At the very beginning of the work (p. 5), Foma Fomitch is reported to have imitated wild beasts to delight his benefactor, a point made again on p. 25 by Bahtcheyev: "Why, he used to imitate all sorts of beasts to entertain the general!" The narrator says (p. 13) Foma is a "lascivious and capricious animal" and Baht-

cheyev exclaims (p. 25) "Why, he is like a lot of brute beasts in one, if you want to know the whole truth." He is likened to a viper and a pig (p. 31) and twice to a cat tormenting mice (pp. 39, 79). Foma Fomitch is indeed among animals: the names Perepelitsyna (Quail), Korovkin *(korova-*'cow') and Zvyerkov *(zver'-*'wild beast') are suitably rural.[7] Also, several characters are compared to animals: Obnoskin is like a beetle (p. 49), Falaley a lamb (p. 71) or a carp (p. 80) and Miss Perepelitsyna a viper (p. 178). The irony is, however, that Foma himself is the greatest beast of all. When he is thrown out of the house into the fields, he is being put back where he belongs, from the narrator's point of view.

Thus the Orpheus-Foma connection is a significant element in the text. The Orpheus myth is a battle-ground in which the struggle between Foma Fomitch and the narrator is played out. In opposition to Foma's arrogant vision of himself as a second Orpheus, the narrator offers a picture of a distorted Orpheus, a monstrous anti-Orpheus, who bewitches rather than charms, who is sustained by the women rather than the men, who is a fake rather than a "real" artist, who is of low rather than high birth and so on. The narrator's vision itself, however, is rooted in an arbitrary value-system and is, as such, just as arrogant as Foma's. Much of the condemnation of Foma Fomitch springs from a preference for the male over the female, for the high-born over the low-born and for the traditional over the new-fangled in literary and political matters.

Foma Fomitch's influence is grater on the female part of the household (pp. 5—8). Male characters, such as Rostanev, in failing to stand up to Foma, are subservient not only to him, but also to the women of the house. Thus, from the narrator's standpoint, the "natural" or "normal" order is inverted and this is responsible for the chaos which is presented. Likewise in the matter of class, Foma Fomitch's background is immediately stigmatized as inferior (pp. 9—11); his rise to a position of power in the household (reaching a climax with his insistence on being called "Your Excellency") disrupts the "proper" order of things, especially the relationship between master and peasant. Foma's literary pretensions are ridiculed partly by pointing out that he does not actually read what the says he does (many of the journals in his room are found to be uncut, [p. 159]), but also by assailing his lack of "taste" — he likes "Frol Silin", Paul de Kock and the like. The taste which Foma lacks is as arbitrarily determined as his own views are.[8]

Thus, the duel between Foma Fomitch and the narrator is fundamentally an ideological one. The Orpheus myth is caught up in the struggle and is used in the service of each side.

[7] On these and other names see C. E. PASSAGE, "Character Names in Dostoyevsky's Fiction" (Ann Arbor 1981).

[8] Cf. the ridiculing of "The Contemporary" (pp. 164—5) and "Notes from the Fatherland" (p. 166).

Андрей Белый и П. Флоренский

(Мнимая геометрия как встреча новых концепций пространства с искусством)*

ЛЕНА СИЛАРД

(Szilárd Lena, ELTE Orosz Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364)

Мемуары Андрея Белого и автобиографические заметки П. Флоренского свидетельствуют, что первым импульсом к сближению этих двух крупнейших мыслителей начала нашего века послужили идеи отца Андрея Белого — профессора математики Н. В. Бугаева, благодарным университетским слушателем которого был будущий священник о. Павел Флоренский. Как известно, Н. Бугаев (1837—1903) создал оригинальное учение, названное им аритмологией, которым связал две прежде расходившиеся по своим методам ветви математического анализа: теорию чисел и исчисление бесконечно-малых величин. Разрыв обуславливался тем, что теория чисел оперировала натуральным рядом чисел и их функциями, т. е. имела дело с дискретностями, с *прерывностью* (поскольку каждое целое число отделено от другого конечным промежутком), в то время как исчисление бесконечно-малых пользовалось *непрерывными* функциями. Исследуя интегралы, зависящие от целочисленного параметра, Н. Бугаев сосредоточился, таким образом, на диалектике прерывного/непрерывного и конечного/бесконечного. Свои математические выводы он сформулировал как основу логико-философской концепции, опровергающей Лапласов детерминизм. Его трудами в Москве была создана «целая философская школа ярко-метафизического направления, имевшая большое влияние не только в математических, но и в более широких кругах московских ученых».[1] Не только математики-профессионалы, подобно П. Некрасову или С. Усову, но и участники «Трудов Психологического Общества», далекие от точных наук, были захвачены предложенной Н. Бугаевым задачей подвести математический фундамент под древнейшие философские идеи, которые принято называть метафизическими.

П. Флоренский был тем, кто подчеркнул эпохальное значение этой встречи математики с метафизикой. В своей второй печатной работе он провозгласил решающую роль математики в формировании нового миропонимания, которым будет помечен XX век, и назвал Н. Бугаева, вместе с ныне всемирно известным Г. Кантором, — провидцем и зачинателем пересмотра

* Ядро статьи составляет фрагмент доклада на Втором международном симпозиуме по изучению творчества Андрея Белого (Бергамо 1986), а также лекции, прочитанные в Беркли, Иеле и других университетах США.

[1] *В. Каган,* Бугаев, Н. В.: Большая советская энциклопедия, т. 7. Москва 1927, 769—770. Перечень основных работ Н. Бугаева см.: *Н. Бугаев,* Определенные числовые интегралы по делителям смешанного характера. Москва 1895.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

прежних воззрений.[2] Н. Бугаев и Г. Кантор, согласно Флоренскому, были первыми среди тех, которые, «сознательно вглядываясь в научную мысль как целостный процесс культуры. . . с последней четверти XIX века предвидели надвигающийся переворот сознания».[3]

А Андрей Белый? О своем отношении к идеям отца он нигде всерьез не говорил, хотя и дал лаконическую формулу своей от них зависимости: «В сфере естествознания он принимал мои взгляды; они же — отстой его собственных».[4] Но целый ряд «косвенных улик» свидетельствует, что весомость личности отца в оформлении духовного мира Андрея Белого несомненна. Утверждая это, я имею в виду не пресловутый, хотя и несомненный «комплекс», писать о котором — со времен блестящей статьи В. Ходасевича — предостаточно охотников и без меня. И даже не любовно-карикатурное использование деталей профессиональной биографии отца, обыгрывающих математические термины при создании дружелюбно-шаржированных образов «московских чудаков» — математиков Летаева, Коробкина, а также героев трилогии воспоминаний. Я имею в виду специфику строения его текстов, из-за которой их — думаю — можно назвать «художеством, насыщенным математической мыслью» (если позволительно в этом случае использовать слова Флоренского о работе Фаворского).[5]

Видел ли Флоренский это качество творений Андрея Белого? Трудно утверждать с полной уверенностью, но безусловно во всяком случае, что общий духовный склад автора «Симфоний» был ему необыкновенно близок. Скупой на оценки литературного творчества своих современников, очень строгий к А. Блоку, В. Брюсову, к футуристам, он уже в 1907 г. назвал Андрея Белого «быть может самым оригинальным явлением современной русской литературы».[6] Двумя годами раньше в письме, адресованном автору «Симфоний», Флоренский писал: «. . . мне кажется, я в каждом Вашем движении понимаю Вас, и, быть может, каждую минуту мог бы сделать его сам, если бы с самого начала не стал обрабатывать своих переживаний иначе, чем делаете это Вы. А во многих случаях я спорю с *вами* и жестко, но это — видимость; на самом деле я разговариваю с самим *собою*, и отсюда — жесткость приемов».[7] Знаменательное признание! В нем — не только острое ощущение родства, но и мотивировка выбора иных путей «обрабатывания своих переживаний». Критика уже отмечала, что и сборник стихов Флоренского «В вечной лазури» несет следы влияния «Золота в лазури» Андрея Белого, «и в „Столпе" чувствуется подражание поэтической прозе Белого».[8] Имея в виду не только сходство, но и осознанный выбор иных путей, следует, видимо, говорить не о подражании, а о большом диалоге, что сказывается и в стилистических, и в жанровых оформлениях концептуальной диалогичности. «Столп и утверждение

[2] *П. Флоренский,* Об одной предпосылке мировоззрения: Весы 1904 № 9, 34—35. Ср.: *П. Флоренский,* Пределы гносеологии: Богословский вестник 1913, № 1, 151; *П. Флоренский,* Столп и утверждение истины (в дальнейшем СУИ). Москва 1914, 514, 683—684, 752.

[3] *П. Флоренский,* Пифагоровы числа: Труды по знаковым системам V. Тарту 1971, 504.

[4] *А. Белый,* Начало века (в дальнейшем НВ). Москва—Ленинград 1933, 249.

[5] *П. Флоренский,* Мнимости в геометрии (в дальнейшем МГ). Москва 1922, 58.

[6] *П. Флоренский,* Антоний романа и Антоний предания: Богословский вестник 1907, № 1, 22.

[7] Письма П. А. Флоренского к Б. Н. Бугаеву (А. Белому): Вестник русского христианского движения 114 (1974) 161.

[8] Там же, 159.

истины» — наиболее весомое обнаружение такого диалога; общеизвестно, что оно обращено не к Андрею Белому, и тем не менее не трудно выявить, как много отвечает в нем, в частности, на «Символизм». Пусть будет это предметом специального исследования.

Мемуары Андрея Белого удостоверяют, что автор «Символизма» обрел во Флоренском особого собеседника. Представляя читателю впервые явившихся к нему «трех Аяксов», он решительно выделил среди них Флоренского, подчеркнув: «Вся суть — в Флоренском». И немного дальше: «Оригинальные мысли его во мне жили» (НВ 270, 271). Если же мы проанализируем, о чем, по словам Андрея Белого, были эти мысли, — не составит труда убедиться, что фундаментом их всегда были новейшие математические идеи и их философские проекции: «По мере того, как я слушал его, он меня побеждал: умирающим голосом, он лепетал о моделях для „n" измерений, которые вылепил Карл Вейерштрасс, и о том, что-де есть бесконечность дурная, по Гегелю, и бесконечность конечная, математика Георга Кантора» (НВ 271). Здесь шаржированность портретирования, конфронтируя обыденное с незаурядным, позволяет острее ощутить суть диалогов, дух и смысл которых лишь частично донесли до потомства книги собеседников. И задаваясь вопросом, что же отличало их от множества современных им не менее блистательных мыслителей, что выделяло их из плеяды универсально образованных умов, таких, как Вяч. Иванов, С. Булгаков, Н. Бердяев и др., ответ можно найти в формуле Флоренского: математический идеализм.[9] Другими словами: хотя один из них был преимущественно философом-богословом, а другой — писателем и поэтом, хотя один был ориентирован на православие (стилизованное, как то заключил Бердяев,[10] или нет — с точки зрения нашей темы не существенно), а другой — на традиции гнозиса и герметизма, приведшие его к теософии и розенкрейцерски окрашенной антропософии, — целостность их мысли сложилась, в контексте культуры, искавшей синтеза, на специфической почве сращивания старейших метафизических предпосылок мистицизма с новейшими идеями и методами математики. В нашем все более математизирующемся мире это должно будет обеспечить их мысли еще более весомую роль.[11]

Три круга проблем, актуализованных теоретическим и художественным сознанием начала нашего века нашли у Белого и Флоренского особенно сходное освещение:

1) *концепция слова*, в разработке которой оба сыграли влиятельную роль посредников между метафизикой герметизма и гнозиса, приобщенной академизму «Учением о Логосе в его истории» С. Трубецкого и трансформировавшей собственно лингвистические традиции, с одной стороны, и — руслами

[9] Свящ. *Павел Флоренский*, Собрание сочинений, т. I. У водоразделов мысли (в дальнейшем УВМ). Париж 1985, 22. Ср.: Из автобиографической заметки Флоренского: «Мои занятия математикой и физикой привели меня к признанию формальной возможности теоретических основ общечеловеческого религиозного созерцания (идея прерывности, теория функций, числа)» (УВМ 23).

[10] *Н. Бердяев*, Стилизованное православие: Русская мысль 1914, № 1; ср.: *Е. Трубецкой*, Свет Фаворский и преображение ума: Русская мысль 1914, № 5, особенно стр. 44 — 50.

[11] Ср.: «Подъем искусства кончился Гете — XVIII век, XIX в. — век музыки, XX — век математики» (Ф. Сологуб в записи П. Медведева. Цит. по кн.: *Ф. Сологуб*, Стихотворения. Ленинград 1975, 631 — примечание М. Дикман).

формализма ОПОЯЗовцев, феноменологии Г. Шпета и М. Бахтина, а также «практической поэтики» слова у Хлебникова, Мандельштама, — с другой;
2) *символология*, получившая у них комплексное математико-лингвистико-метафизическое обоснование;
3) теория *пространства—времени*, в оформлении которой новейшие научные идеи сочетались с догадками оккультистов и свободных теософов. Многообещающая продуктивность логики «математического идеализма», который сейчас удобнее назвать метаматематикой, с наибольшей очевидностью обнаруживается в последнем. Остановимся на этом подробнее.

Вопрос о пространстве Флоренский считал «одним из первоосновных в миропонимании вообще»: «Вся культура», — утверждал он, — может быть истолкована как деятельность организации пространства. В одном случае это — пространство наших жизненных отношений, и тогда соответственная деятельность называется техникой. В других случаях это пространство есть пространство мыслимое, мыслимая модель действительности, а действительность его организации называется наукой и философией. Наконец, третий разряд случаев лежит между первыми двумя. Пространство или пространства его наглядны, как пространства техники, и не допускают жизненного вмешательства — как пространства науки и философии. Организация таких пространств называется искусством» (из лекций, читанных студентам ВХУТЕМАСа в 1921—24 гг.: УВМ 317).

Из приведенных слов очевидно, что Флоренский ставит проблему универсально и потому — закономерно — ищет для нее универсальных оснований. Он находит их, прежде всего, в различении актуальной и потенциальной бесконечности, которое было математически фундировано Г. Кантором. В статье «О символах бесконечности (очерк идей Г. Кантора)», опубликованной в 1904 г. в «Новом пути», и в разделе «Некоторые понятия из учения о бесконечности» знаменитого труда «Столп и утверждение истины» Флоренский излагает, оперируя оппозицией конечности—бесконечности, основные положения той самой концепции, которую мы узнаем и в воспроизведенном выше шарже Андрея Белого:
1) «. . . никогда не заканчиваемое, потенциальное, бесконечное есть *переменное конечное* количество, quantum, возрастающий над всеми границами, или, наоборот, падающий ниже всякой границы»;
2) актуальная бесконечность — «некоторая константа», которая «не стоит в ряду других постоянных, потому что она больше *всякой* конечной константы»; «например. . . все точки внутри некоторой замкнутой поверхности образуют множество актуально-бесконечное. . . . каждая из них вполне определена, значит и все — тоже определены; но однако число их превосходит всякое из чисел ряда: 1, 2, 3, . . . n, . . . и больше каждого из этих чисел»;
3) «чтобы была возможна потенциальная бесконечность, должно быть возможно беспредельное изменение. Но ведь для последнего необходима „область" изменения, которая сама уже не может меняться, т. к. в противном случае пришлось бы потребовать *область* изменения для области и т. д. Она, однако, не является конечной и, следовательно, должна быть признана актуально-бесконечной. Следовательно, *всякая потенциальная бесконечность уже предполагает существование актуальной бесконечности как своего сверхконечного предела*», того, что Кантор назвал Absolutum (СУИ 495—498).

Понятие актуальной бесконечности и Абсолюта станет опорным, хотя и не всегда эксплицитно высказываемым положением в дальнейших размы-

шлениях Флоренского о пространстве и закономерно распространится на время. Так, соглашаясь с выводами Б. Рассела касательно идеи порядка и позиции Абсолюта в пространстве и времени, Флоренский уже в «Столпе. . .» заключает: «. . . „*время*" так же относится ко „*Времени*", как вообще Канторовский „тип порядка Ordnungstypus" к „множеству"; „время" — это и есть тип порядка *Времени*» (СУИ 754—755). Следует ли специально оговаривать, что сверхцелью этой цепи рассуждений было, как, впрочем, и у Кантора, — математическое доказательство необходимости бытия Божия (воспользуемся названием книги Р. де Клере, переводу которой на русский язык способствовал именно Флоренский)?[12]

Следующим шагом на этом пути явилась философская интерпретация теории иррациональных чисел, основанная на — по необходимости упрощенном — противопоставлении алгебры арифметике и рассудочного «иррациональному»: «. . . операции [которые знает арифметика] ведут к такому результату, который уже не имеет смысла, если не порвать их круга; а если его не порвать, то данная комбинация нарушает целостность самого круга, производя внутреннее разрушение и опустошение. Так и вообще: рассудочные операции ведут к таким комбинациям, которым нет уже места в среде своих производителей и которые требуют разрыва рассудочной области, чтобы родиться в новый, дотоле невиданный и немыслимый мир. Выход, в алгебре, достигается лишь созданием по-ту-сторонних, трансцендентных для круга данных операций арифметических сущностей, которые невыразимы уже в конечных символах, но ими постулируются, их обосновывают и им придают высший смысл» (СУИ 507—508). В качестве создателей разнящихся «по своему внешнему облику» и сходных по существу концепций иррациональных чисел Флоренский называет Г. Кантора, К. Вейерштрасса, Ш. дю-Мерэ, Э. Гейне, Р. Дедекинда, Г. Коссака, С. Пинчерле, О. Бирманна, Ж. Таннери, М. Паша, Б. Рёссела (Рассела), но опирается лишь на первого. Здесь нет нужды пересказывать изложение Флоренского. Важно лишь подчеркнуть, что опорными для него оказываются, «с теоретико-познавательной и онтологической точки зрения, исследования признаков сходимости и расходимости бесконечных рядов» (СУИ 514), о которых писал еще в 1863 г. Н. Бугаев (СУИ 794). Используя аргументацию Г. Кантора и Н. Бугаева, Флоренский переносит новейшие математические открытия в области «гуманитарных наук»: в символологию, в философию антиномий рационального — иррационального, видимого — мыслимого (мнимого) и, наконец, использует их для концептуализация понятий *иррационального* [символом чего можно считать $\sqrt{2}$] и *мнимого* [символом чего можно считать $\sqrt{-1} = i$] применительно к пространству и возможностям его геометрического описания. Так рождается исследование «Мнимости в геометрии», которое автор вынашивал, по его собственному признанию, около 20 лет (МГ 55).

[12] В одной из первых библиографий работ П. Флоренского имя это дано с опечаткой: *Ф. Уделов*, Об о. Павле Флоренском. Париж 1972, 135. Переводчиком книги был священник Д. В. Рождественский. Библиографию работ о Г. Канторе см.: J. W. Dauben, G. Cantor, His Mathematics and Philosophy of the Infinite. Cambridge. Mass. and London 1979. Хотя П. Флоренский был среди первых в мире интерпретаторов идей Г. Кантора и открыл его для России, работы его этой библиографией не учтены. Ценные наблюдения касательно представлений о пространстве у П. Флоренского сделаны в двух статьях Н. Каучишвили. За возможность ознакомиться с одной из них в рукописи приношу Н. Каучишвили глубокую признательность.

Примечательно, что хотя уже Вл. Соловьев пародировал рассуждения доморощенных оккультистов о четвертом измерении,[13] Флоренский удостоил их серьезного внимания. Для большинства оккультистов не представляло сомнения, что «геометрическим путем доказать существование четвертого измерения и выяснить его свойства, а главное, определить его положение по отношению к нашему миру невозможно. Геометрия не имеет средств изучать высшие измерения».[14] Флоренский же, процитировав эти слова автора книги «Четвертое измерение», возразил, что геометрия имеет такие средства, а кроме того предложил расширить область использования теории мнимостей, указав на возможный смысл ее применительно к искусству (МГ 58).

Геометрическое истолкование комплексных чисел (как известно, включающих мнимое: $a + bi$) завершалось в этой работе двумя примерами, демонстрирующими применимость новейших концепций пространства к интерпретации творений визуального и словесного искусств.

Формами визуального искусства оперировало пояснение к обложке, сделанной по гравюре Фаворского, которая, по определению Флоренского, «не просто украшает книгу, но входит конститутивно в ее духовный состав» (МГ 58). Это пояснение акцентировало три существеннейших момента:

1) гравюра изображает *две стороны* плоскости: левая часть — *зримую*, правая — *мыслимую*. Двусторонность геометрической плоскости составляет, по Флоренскому, в высшей степени замечательный объект для размышлений, поскольку она «есть символ дву-различного положения в сознании зрительных образов. . . Если переднюю сторону плоскости мы *видим*, то о задней только отвлеченно знаем. Но отвлеченно знать о некоем наглядном образе, сущность которого именно в его наглядности, это значит иметь его восприятие каким-то иным, не зрительным способом, но с коррективом на зрительность через отвлеченное понятие или через образ воспоминания» (МГ 60). Итак, изображение зримой стороны плоскости в левой части гравюры дает нам образ действительности как воплощения отвлеченного в наглядный материал, из которого было получено отвлеченное, а изображение мыслимой стороны плоскости в правой части гравюры дает нам образ мнимого как воплощения того же самого отвлеченного, но в наглядном материале инородном; действительность есть адекватность абстрактного и конкретного (тавтегоричность), а мнимость — символичность (или аллегоричность);

2) гравюра изображает две стороны *одной и той* же плоскости, что передается такими деталями, как зеркально начертанные „О" и полуэллипсы (черные в левой и белые в правой части), лоскуты «образного прорыва» из одной стороны в другую и, особенно, знак мнимости i, начертанный наизнанку в левой, т. е. «действительной» части гравюры как отчетливо видимый *здесь* след начертанного *там*, и как *оттуда* осязаемый след *здесь* начертанного — в правой части гравюры;

[13] Мистерия-шутка Вл. Соловьева «Белая Лилия» начинается монологом «сокрушенного помещика»:

О четвертом измерении
Размышляя ежечасно
В совершенном изнурении
Погибаю я напрасно. . .

(*Вл. Соловьев*, Собрание сочинений в 12 томах. СПб. 1897—1900, т. XII, 175).

[14] *П. Успенский*, Четвертое измерение. СПб 1909; ср.: *Н. Гулак-Артемовский*, Опыт геометрии о четырех измерениях. Тифлис 1877, ср.: СУИ 752, 806.

3) гравюра утверждает *целостность одной плоскости*, на которой изображены обе стороны. Эта задача осуществлена надписями, окраска которых, однако, различна, напоминая нам о существовании двух сторон, а также наличием «переходной зоны» («лоскуток действительной стороны, хотя и на границе мнимости. . . в соединении с бело-штриховым восполнением эллипса по бело-штриховому же полю передает флюктуацию геометрической фигуры при ее провале сквозь плоскость, когда она не определилась еще, будучи и действительной, и мнимой сразу» (МГ 63—64).

Таковы три показателя процесса преобразования двусторонней поверхности в одностороннюю, подчеркнутые пояснением Флоренского к гравюре, которая визуализировала проблему соотношения мира зримостей и мира мнимостей (мыслимостей) с помощью элементарной операции симметрико-асимметрических преобразований. Толкования работ Рафаэля, Эль Греко, Микель Анджело и Леонардо да Винчи, предложенные Флоренским в «Обратной перспективе» (1922), тоже проведены под углом зрения анализа *визуализации* закономерностей соотношения между мирами зримостей (действительности этой) и мнимостей (действительности той), а также условий перехода из одной в другую. Вывод всегда подчеркивает трансцендентность «того, духовного пространства» «нам, мыслящим по Канту и Эвклиду» (УВМ 149-152).

Отчетливо реализован выход за пределы Эвклидовой геометрии в интерпретации творения словесного искусства, которою заканчивается работа о мнимостях. Строение «Божественной комедии» Данте, анализу которой посвящены последние параграфы «Мнимостей», позволило Флоренскому сформулировать проблему перехода из мира зримостей в мир мнимостей, связав положения математической геометрии с требованиями физической геометрии, и найти для нее место в конкретной истории научной мысли.

При каком строении пространства возможно, — задается вопросом Флоренский, — что «двигаясь все время по прямой и перевернувшись раз на пути [речь идет о повороте, описанном в 34-ой песне «Ада», ст. 76—81. — *Л. С.*], поэт приходит на прежнее место в том же положении, в каком он уходил с него»? Ответ: «очевидно, эта поверхность 1) как содержащая замкнутые прямые есть *римадовская* плоскость, 2) как переворачивающая при движении по ней перпендикуляр есть поверхность *односторонняя*» (МГ 45, 47). Этот ответ, добытый с помощью вполне корректного топологического преобразования данных поэмы, связывается с вопросом следующей ступени, а именно: как соотносится Дантов космос, в котором пролегает траектория, описанная с помощью римановой геометрии, с ныне приемлемой физической геометрией? Флоренский полагает, что корректный ответ на этот вопрос может быть получен, если допустить существование сверхсветовых скоростей: при скоростях, меньших скорости света, мировая жизнь абсолютно отлична от жизни при скоростях, больших скорости света; последняя есть область мнимостей, которая вполне реальна, а на языке Данта называется Эмпиреем. То, что строение Дантова космоса удовлетворительно объясняется с помощью новейших научных концептов и пластично иллюстрирует их, позволяет Флоренскому заключить о возможности реабилитации Птолемеево-Дантовой системы мира благодаря Эйнштейну: Данте «оказывается не позади, а *впереди* нам современной науки» (МГ 53).

Верифицированную миром Данте модель Флоренский распространяет на строение времени, исследуя соотношение времени бдения и времени сна.

В трактате «Иконостас» (1922) он корректирует мнение оккультиста К. Дюпреля относительно *мгновенности* времени сна с помощью аналогии. Устанавливая пропорцию между структурой соотношений:

$$\frac{\text{действительное пространство}}{\text{мнимое пространство}} = \frac{\text{время бдения}}{\text{время сна}}$$

Флоренский приходит к следующему выводу: поскольку во сне истинная причина сновидений (например, звонок будильника) является не в начале цепи каузальных картин, вызванных ею, а в конце (например, церковь и колокольный звон завершают ряд видений), — можно вывести, что «в сновидении время бежит, и ускоренно бежит *навстречу* настоящему, против движения бодрственного сознания. Оно *вывернуто через себя* и, значит, вместе с ним вывернуты все его конкретные образы. А это значит, что мы перешли в область *мнимого пространства*» (УВМ 201). Вывод Флоренского поразительно созвучен новейшим исследованиям сверхсветовых скоростей, которыми «исключается требование обязательного предшествования причины следствию» в мире «зазеркалья скоростей».[15] Вместе с тем он открывает еще не замеченные перспективы, поскольку выдвигает основания для поиска тахионов (гипотетических носителей сверхсветовых скоростей) в пока не затронутых физиками областях. Более того: из соотношения структуры пространств-времен бдения и сна Флоренский выводит *онтологические* закономерности соотношения «действительного» и «мнимого» миров, а также принципов перехода из одного в другой: «. . . в этом обратном мире, в этом онтологически зеркальном отражении мира мы . . . узнаем области *мнимого*, хотя это мнимое для тех, кто сам вывернулся через себя, кто перевернулся, дойдя до духовного средоточия мира, и есть подлинно реальное, такое же, как они сами. Да, это реальное в своей сути. . ., но с *другой* стороны созерцаемое перешедшими на другую сторону то же самое бытие. . . сновидения и суть те образы, которые отделяют мир видимый от мира невидимого, отделяют и вместе с тем соединяют эти миры. Этим пограничным местом сновидческих образов устанавливается их отношение как к миру этому, так к миру *тому*. Теперь понятно, что сновидение способно возникать, когда одновременно даны сознанию *оба* берега жизни, хотя и с разною степенью ясности. . . То, что сказано о сне, должно быть повторено с небольшими изменениями о всяком переходе из сферы в сферу» (УВМ 202—204, разрядка моя. — *Л. С.*).

В отличие от Флоренского Андрей Белый не создал столь развернутых спекулятивных построений, хотя — до конца жизни серьезно интересовался естественно-научными и философскими решениями проблем пространства и времени.[16] Этот интерес проецировался в его творчество двояко: 1) как естественно-научный фундамент эстетики, 2) как темы, образы и простран-

[15] *В. Барашенков,* Процессы со сверхсветовыми скоростями. В сб.: Философские проблемы гипотезы сверхсветовых скоростей (ред. Ю. Молчанов). Москва 1986, 3, 7.

[16] *К. Бугаева,* Воспоминания о Белом. Berkeley 1981, 353, 357; ср.: *Е. Замятин,* Андрей Белый. В сб.: *Е. Замятин,* Лица. Нью-Йорк 1967.

ственно-временные координаты художественной прозы и поэзии. В обоих случаях проекция реализовалась в чудовищно уплотненных структурах, к тому же полигенных и гримассированных. Но эта особая символическая сигнализация, обращенная к избранным, несмотря на свою эзотеричность и в силу ее, оказалась для русской культуры весьма продуктивной. Развернутая аргументация, свойственная изложениям Флоренского, перегружавшего, по мнению Андрея Белого, свои работы «аритмологией», преобразовывалась в плотно спрессованные словосочетания — своего рода математический код символизма. В качестве такового они выносились в названия статей, типа: «Круговое движение», «Линия, круг, спираль символизма» и т. п. Было бы симплификацией видеть в этом словоупотреблении игру терминологией, пусть даже с благородным намерением ввести ее в литературный обиход ради сжатости. Нет, за терминологией стояла все та же тенденция «математического идеализма», имевшая у Андрея Белого не менее весомые, чем у Флоренского, основания.

Раздел «Комментариев» книги «Символизм», предвосхищая сходный раздел «Столпа и утверждения истины», вводит читателя в лабораторию, подготовившую выводы основной части. Знакомство с этой лабораторией, конфронтирующей концепции пространства у математиков и физиков, психологов и философов,[17] позволяет видеть, что четкое различение «опытной» и теоретической геометрий (соответствующее современному различению физической геометрии и чистой, или математической, геометрии), а внутри последней — разных видов «неогеометрий» (С 479), ведет у Андрея Белого к уточнению классификации теорий пространства, предложенной Г. Челпановым на базе критического изложения Канта (С 477—480), а также к отчетливому различению гносеологических и психологических подходов, намеченному Б. Расселом (С 479). Вся эта огромная лабораторная работа была проведена ради того, чтобы, прежде всего, дать критику наивного сознания, которое соединяет действительность с видимостью. В статье «Смысл искусства» Андрей Белый сосредоточивается на несовпадении действительности (как внешней, так и внутренней) с видимостью, и в качестве главного аргумента приводит тот факт, что «самая предпосылка видимости — пространство — воспринимается нами условно. Необходимым условием пространства считаем мы его непрерывность, но «нельзя заключать из одного факта непрерывности движения к общей непрерывности пространства» (С 204). Тут мы подошли к ядру логической цепи размышления: использовав приведенное выше положение Кантора (имя которого дано в «Символизме» с опечаткой) и подкрепив его всем аппаратом описанной «лаборатории» примечаний, Андрей Белый подал относительность границ видимости как своего рода универсальный закон. Почему это так важно? Да потому, что искусство, по Белому, представляет собой «процесс построения моделей переживаниям посредством образов видимости» (С 206), следовательно: уяснение характера и «границ видимости», а также имплицитно полагаемое противопоставление ее миру «мнимостей», обусловливает характеристику методов и смыслов искусства. Не место рассматривать здесь созданную на этой основе систематику. Сейчас важно лишь констатировать, что соотношение «видимого» — «мнимого», решаемое

[17] В «Диалог» вовлечены А. Пуанкаре, Г. Гельмгольц, К. Раусс, Н. Лобачевский, Е. Бельтрами, Гуэль, Рид, Джевонс, Тённер, Б. Рассел, Сильвестер и, конечно, Г. Кантор: *А. Белый*, Символизм (в дальнейшем С), Москва 1910, особенно стр. 204, 470, 536—538.

(пусть даже логически не слишком выдержанно) с помощью «мнимой геометрии», было введено Андреем Белым в качестве одного из оснований символистской эстетики. Более того: ведомый своим панметодологизмом, Андрей Белый нашел в проблемах четвертого, тем более — «энного» количества измерений онтологическое оправдание неизбежности наличия «энного» количества методов и путей приближения к Абсолюту, называемому им Символом. Здесь выявляется отличие установок автора «Символизма» от предлагаемых Флоренским. Это станет особенно ясно, если сопоставить их с направленностью рассуждений В. Эрна, который, преданно воспроизводя логику «математического идеализма» Флоренского, несколько упрощал ее и тем самым обнажал ее опорную тенденцию. Так, оперируя оппозицией прерывности и непрерывности, актуальной и потенциальной бесконечности, «видимого» и «мнимого» миров (мира «иных измерений»), а также категорией Абсолюта, как это было сформулировано в очерке идей Г. Кантора, принадлежащем перу Флоренского, В. Эрн оформил идею «катастрофического прогресса», обосновав ее союзом математики и христианской апокалиптики: «В христианском понимании прогресса прошлое и настоящее представляется процессом, в котором с высшей, иррациональной телеологичностью взаимодействуют две формы развития: прерывная и непрерывная... [непрерывные процессы] ..., будучи по существу эмпирическими, подчиняются условиям времени и пространства, обусловлены законом причинности, они всецело — продукт «нашего» *феноменального* мира... Процессы же прерывные как раз обратны; они — продукт иного, ноуменального мира... Каждый перерыв — это та реальная, в пределах нашего мира лежащая точка, где *два* мира: мир «этот» и «тот», мир сущего и существующего, мир абсолютной свободы и мир причинной обусловленности соприкасаются в реальном взаимодействии..... истинными и существенными толчками вперед были те величайшие *грозы и революции духа*, те *взрывы энтузиазма и веры*, когда эмпирическое и посюстороннее, бушуя, вздымалось столь высоко, что достигало высот ноуменального, потустороннего мира и, заражаясь *его* энергией, переворачивало в нашем мире все вверх дном... дальнейшее возрастание человечества не может быть мыслимо бесконечным, т. е. продолжающимся *без конца*. ... Будет некогда день, и погибнет в громах и молниях великого Страшного Суда старый мир... Все его существенное содержание будет переведено в иные измерения...»[18]

Хотя, как общеизвестно, Андрей Белый принадлежал к числу «апокалиптиков», — столь прямолинейное применение «математического идеализма» вряд ли ему импонировало. Не потому ли в «Записках чудака» имя Флоренского попало в иронически преподнесенный ряд «явлений апокалиптической важности»?[19] Впрочем, жанровая специфика романной прозы Андрея Белого обусловила, что все положения «математического идеализма», независимо от того, на каком уровне структуры они реализовались, — приобретали вид «гримассированных символов». Достигнув тематической и структурной концептуализации уже во Второй и Третьей Симфониях, они стали настолько характерными мотивами или их структурными эквивалентами в «Петербурге», «Котике Летаеве», «Возвращении на родину», «Записках чудака», «Москве», что вся романная проза Андрея Белого должна, видимо, рассматриваться как акт

[18] *В. Эрн*, Идея катастрофического прогресса: «Русская мысль» 1909, № 10, 157, 156, 158.

[19] *А. Белый*, Записки чудака. Москва—Берлин 1922, т. II, 223, 225.

вторжения метаматематики в роман XX в.[20] Конечно, предстоит еще исследовать, насколько эффективны были в русской литературе такие характерные для Андрея Белого мотивы (или их структурные эквиваленты), как множественность измерений (пространств), зеркально-опрокинутая симметрия видимых и мнимых миров и зеркало как выход в иной мир, эффект мёбиусовой спирали, пересечение границы (черты) при переходе из сферы в сферу и принцип «опрокидывания», оппозиции геометрических форм или математических выражений и т. п. Конечно, активизацию «математического кода» в русской литературе первой трети XX в. не стоит сводить к влиянию диалога Андрея Белого и Флоренского: здесь несомненны общие естественно-научные основания. Однако, в некоторых случаях катализаторская роль двух приверженцев «математического идеализма» — бесспорна.[21] Так, характерен пример Е. Замятина, который был внимательным читателем не только Андрея Белого, но — как теперь выяснилось — и Флоренского (см. *Приложение*). Его роман «Мы» откровенно ориентирован на «Петербург» как на прототекст, что подчеркнуто не столько даже функцией простых геометрических форм в представленном им мире «квадратной гармонии», сколько аблеуховским мотивом «крыльев-ушей», сопровождающим одного из главных охранителей униформизированного мира — соглядатая S.[22] Критика отметила в романе оппозицию стихийно-природных начал — насильственно унифицирующим, и таким образом поставила его в ряд многочисленных творений русской литературы, конфронтирующих миры природы и принудительного цивилизаторства, а также выявила его близость антиутопиям, где подневольной уравниловке сопротивляется естество («Счастливый новый мир» Хаксли). Но у Замятина на этот — уже традиционный — конфликт налагается иной и более значимый. Потому что если мы зададимся главным вопросом романа: при каких условиях возможна структура тоталитарной управляемости? и что сопротивляется ей? — ответ будет найден не в природно-нейтральном, пассивном, хотя и живом мире людей за Стеной (недаром именно похожий на них, «длиннорукий», окажется Хранителем в «Интеграле»: М 170, 173—174). Тоталитарной управляемости «юнифов», этих ассирийски интегрированных бесконечно малых (М 108), сопротивляется энергия, которая проникает в мир, сведенный к четырем правилам арифметики (М 59—60, 100), через таких, как I-330.

Кто такая I-330? Здесь не место анализировать этот непростой образ, построенный на совмещении парафразы библейско-евангельских мотивов, «кода математики» и философии персонализма. Как не место для анализа романа в целом. С точки зрения нашей темы важно лишь выявить, что носителем персонализма, противостоящего тотальной унификации, в романе «Мы» оказывается персонаж, символизирующий внеположность арифметике и эвклидовой геометрии: эта широко понимаемая внеположность подчеркнута тем, что в характеристике I-330 сливаются признаки «искомой величины» («иск»), иррационального (первое появление ее в романе приравнивается к встрече с «случайно затесавшимся в уравнение неразложимым иррациональным членом» М 11—12), в то время как имя ее есть символ мнимого числа ($I = \sqrt{-1}$). Вы-

[20] Подробнее об этом: *Л. Силард*, Роман и метаматематика: Hungaro-Slavica 1988; Andrej Belyj and Symbolist prose. Nobel Symposia 1985, Stockholm 1986.

[21] Несколько заметок к миграции мотива зеркала вплоть до Пастернака и Олеши см.: *Л. Силард*, Между Богом и грамматикой: Bely: pro et contra. Atti del simposio internazionale, Bergamo, Istituto Universitario, 14—16 settembre 1984. Milano 1986.

[22] *Е. Замятин*, Мы (в дальнейшем М). (New York) 1973, 32.

ход в ее мир означает выход в другую систему координат (точкой отсчета служит Древний Дом): оттуда, из этого зазеркального, опрокинутого мира (М 27, 67, 78, 80—81, 83—84, 87) льются в мир принудительного равенства потоки энергии, разрушающей энтропию: «Всякому уравнению, всякой формуле в поверхностном мире соответствует кривая или тело. Для формул иррациональных, для моего $\sqrt{-1}$, мы не знаем соответствующих тел, мы никогда не видели их. . . Но в том-то и ужас, что эти тела — невидимые — есть, они непременно, неминуемо должны быть: потому что в математике, как на экране, проходят перед нами их причудивые, колючие тени — иррациональные формулы. . . И если этих тел мы не видим в нашем мире, на поверхности, для них есть — неизбежно должен быть — целый огромный мир там, за поверхностью. . .» (М 88). Этот лихорадочный монолог главного героя и рассказчика романа Д-503 выявляет центральную оппозицию, уясняющую пределы возможности тоталитарной унификации: мнимая геометрия используется Замятиным для противопоставления арифметически управляемым, извне детерминируемым сознаниям Д-503 не управляемое арифметикой, иррациональное сознание I-330, несущее в арифметически урегулированный мир Благодетеля взрывные энергии. Нетрудно заметить, что концепция Замятина использует идею «катастрофического прогресса», предложенную В. Эрном, но лишает ее христианско-метафизической окраски, расширяет ее естественно-научную базу благодаря понятию энтропии и активизирует метафорический аспект смыслов.

Приложение

Фрагмент из записного блокнота Е. Замятина[23]
К печати подготовил А. Тюрин

Флоренский. О мнимости — «комплексная плоскость» — Арганда Гаусса, Коши.

Знак Δ с + или — меняется при переворачивании Δ. На одной стороне плоскости (координатной) площадь со знаком +; она же перевернутая на другую сторону плоскости будет со знаком —. Квадрат с площадью b имеет стороною $a = \pm\sqrt{-b}$, если этот квадрат под координатной плоскостью.

Замкнутая прямая — в Римановской плоскости.

Принцип относительности доказывается неудачей опытов Майкельсона и Марлея. Но не значит математическая неудача, что Земля не движется, а стоит неподвижно? Не проще ли предположить это, чем изображать принципы относительности, чтобы совместить неудачу опыта Майкельсона и движения Земли?

Характеристика тел движущейся системы, наблюдаемой из неподвижной, зависит от $\beta = \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$ где v — скорость системы, c — скорость света. При $v = c$, $\beta = 0$; при $v > c$, β делается мнимой величиной. В системе движущейся длина тел по направлению движения сокращается в отношении $\beta : 1$; время в отношении $1 : \beta$; масса — $1 : \beta$. На границе Земли и Неба длина всякого тела $= 0$, масса $= \infty$, время $= \infty$. Если же $v > c$, время протекает обратно, то есть следствие предшествует причине. Длина и масса тел мнимые.

[23] Шифр: Ms Coll/Zamiatin; местонахождение: BAR (Bakhmeteff Archive), Columbia University, New York.

Оценка поэтической ситуации 1910-х годов в литературоведческой концепции В. Жирмунского и Б. Эйхенбаума

АННА ХАН

(Han A., ELTE BTK Orosz Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364)

Русская культура начала XX в. представляет собой такой период, когда литературоведческая мысль и живой литературный процесс оказались в необычайно тесных и продуктивных формах взаимовлияния.

Традиционный статус академического литературоведения радикально изменился уже в эпоху символизма вместе с изменением статуса художника-творца. Поэты символисты воплощали в себе не только тип романтического гения, поэта-жреца, но и тип ученого профессионала с объязательной гуманитарной эрудицией, они были авторами серьезных научных трактатов о стихе, фундаментальных исследований по теории поэзии и философии творчества, и вели разветвленную критическую деятельность на материале современной им поэзии. Исследовательская и критическая деятельность основных корифеев русского символизма заслонила собой влияние академического литературоведения на современное культурное сознание.[1]

Эпоха символизма открыла тот период развития русской литературоведческой мысли, когда настоящим фоном и импульсом для возникновения новых теоретических веяний служили не дискуссии с направлениями академического литературоведения, а события живого литературного процесса. Одним из таких событий, послуживших значительным импульсом для развития новых теоретических концепций была та историко-литературная ситуация, которая возникла в русской поэзии в 1910—12 гг., и дала о себе знать как теоретический разлад внутри символистского канона и возникновение вслед за ним новых поэтических течений, акмеизма и футуризма, как разных форм отталкивания от символистского поэтического канона и связанной с ним эстетической и философской мысли.

Общеизвестен тот историко-культурный факт, что теоретическое осмысление этого сдвига, происшедшего в области поэтических канонов в 1910-е годы связано с именами молодых литературоведов, близких к формализму, В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума и В. Виноградова. Формализм же руководствовался стремлением к эмансипации литературоведения от смежных наук и в этом своем стремлении отказался от всяких предвзятых общеметодологических эстетических предпосылок, которые подчиняли бы себе сам предмет исследования. Эта новая теоретическая установка молодых литературоведов четко охарактеризована в статье Б. Эйхенбаума «Теория формального ме-

[1] См.: *В. М. Жирмунский*, Задачи поэтики. В его кн.: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград 1977, 15—16; *Б. М. Эйхенбаум*, Теория формального метода. В его кн.: Литература. Ленинград 1927, 119; *П. Н. Медведев*, Формальный метод в литературоведении. Ленинград 1928, 82.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

тода»: «Раскол среди теоретиков символизма (1910—11 гг.) и появление акмеистов подготовили почву для решительного восстания. Все компромиссы должны были быть устранены . . . При этом важно было противопоставить субъективно-эстетическим принципам, которыми вдохновлялись в своих работах символисты, пропаганду объективно-научного отношения к фактам. Отсюда — новый пафос научного позитивизма, характерный для формалистов: отказ от философских предпосылок, от психологических и эстетических истолкований и т. д. Разрыв с философской эстетикой и идеологическими теориями искусства диктовался самим положением вещей».[2]

Вместо общеэстетических предпосылок формализм видел основной путь эмансипации литературоведения в спецификации, т. е. в максимальной ориентированности на природу самого предмета исследования и этим самим оказался в русле основной тенденции современного искусствознания: «Этот отрыв (особенно от эстетики) — явление более или менее типичное для всей современной науки об искусстве. Оставив в стороне целый ряд общих проблем (вроде проблемы красоты, цели искусства и т. д.) она сосредоточивалась на конкретных проблемах искусствознания (Kunstwissenschaft) заново, вне связи с обще-эстетическими предпосылками, выдвинулся вопрос о понимании художественной «формы» и ее эволюции, а отсюда — целый ряд конкретных теоретических и исторических вопросов».[3]

Теоретические построения молодых ученых, осмысливших новые поэтические явления 1910-х годов, таким образом, извлекались из природы самого изучаемого материала, а специфическую природу своего предмета исследования они видели в его словесной определенности.[4]

Эмансипированная от общеэстетических методологических предпосылок литературоведческая мысль стремилась найти такую новую методологическую ориентацию, которая помогла бы ей приблизиться к своему специфическому предмету исследования. Такой новой базой для ориентации оказалась лингвистика: «Несомненно, что своим возрождением, наблюдаемым в наши дни, поэтика обязана больше всего лингвистике. В истории наук сближение разных, но соседних дисциплин — явление не менее прогрессивное, чем расчленение и дифференциация. Эти процессы совершаются одновременно как взаимно обусловленные. Так, современная история литературы, ища выхода из создавшегося тупика, старается выйти из подчинения тем наукам, с которыми она считала себя прежде неразрывно связанной (социология, психология), и сблизиться, в исторической своей части, с методами истории изобразительных искусств, а в теоретических основаниях — с лингвистикой».[5]

Именно ориентация на лингвистику открыла для теоретической поэтики специфику ее предмета как по существу словесного образования: «Поэтическая пьеса рассматривается прежде всего как словесное образование, ибо именно „словесность" служит тем определенным признаком, который специфицирует поэзию, выделяя ее из ряда других искусств; отвлекаясь от этого

[2] *Б. Эйхенбаум,* Теория формального метода. В его кн.: Литература, 120.
[3] Там же, 118.
[4] См.: *П. Медведев,* Формальный метод в литературоведении, 107; *Б. Эйхенбаум,* Теория формального метода. В его кн.: Литература, 116.
[5] *Б. Эйхенбаум,* Мелодика русского лирического стиха. В его кн.: О поэзии. Ленинград 1969, 335.

признака, исследователь неизбежно отвлекается и от самого произведения в его конкретной специфической определенности».[6]

Это методологическое отмежовывание от общих вопросов философской эстетики и от смежных, подсобных наук, психологии и социологии, закономерно выдвинуло для новой теоритической поэтики в качестве основной проблемы вопрос о «воскрешении слова», об освобождении слова от напластованных на нем общефилософских представлений, унаследованных от предшествующего историко-культурного этапа: «Основным лозунгом, объединившим первоначальную группу формалистов был лозунг раскрепощения поэтического слова от оков философских и религиозных тенденций, все более и более овладевавших символистами».[7]

В этом своем стремлении теоретическая поэтика встретилась с живой поэзией, в которой поэтическое слово стремясь освободиться от своей семантической и ценностной закодированности предшествующими поэтическими канонами, снова приблизилось к своему вещному, предметному значению, и освободившись от своей «оговоренности» в предшествующей историко-культурной ситуации, искало новых путей ресемантизации, новых источников поэтической многозначности в своей собственной словесной природе, и в своей заново осмысленной конструктивной роли в поэтическом целом.[8]

Новые пути и источники ресемантизации слова и словесных единиц открывались и в новейшей поэзии и в новой научной поэтике прежде всего в таких структурных единицах самого слова и художественного произведения как словесного целого, которые вычленялись с помощью лингвистической мысли: «Все элементы слова — его звуковой состав (фонетика), его грамматическое строение (морфология), его смысловая значимость (семасиология), обычные способы сочетания слов в предложение (синтаксис), в одинаковой степени подчиняются закону художественной выразительности. Ни один из факторов языка не остается в поэзии безразличным и бесформенным; все служат ее особым задачам».[9]

Тот перелом, который произошел в области поэтических канонов в 1910—12 гг. и стал ощутимым как кризис символизма и возникновение новых поэтических течений, акмеизма и футуризма, прежде всего дал о себе знать, как изменение отношения к поэтическому слову. Это изменение ощущалось и на самом уровне языка поэзии; высокий, иератический язык символистов сменился более «мирским», разговорно-литературным языком в поэтической практике акмеизма, и «языком улицы», со своим демонстративно подчеркнутым антиэстетизмом в поэтических выступлениях футуристов.[10]

Первая попытка подвести итоги смене поэтических стилей, совершившейся в 1910—12 гг., связана с именем В. Жирмунского: «Для меня вопросы словесного стиля встали с особой отчетливостью под влиянием кризиса символизма и резкого перелома поэтических вкусов, связанного с выступлением нового поколения поэтов «акмеистов». Статья «Преодолевшие символизм» (написана летом 1916 г.) и книга «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» (де-

[6] *Б. М. Энгельгардт,* Формальный метод в истории литературы. Ленинград 1927, 166.
[7] *Б. Эйхенбаум,* Теория формального метода. В его кн.: Литература, 120.
[8] См.: *М. М. Бахтин,* Вопросы литературы и эстетики. Москва 1975, 90—91.
[9] *В. Жирмунский,* Вокруг «Поэтики» Опояза. В его кн.: Вопросы теории литературы. Ленинград 1928, 339.
[10] См.: *Б. В. Горнунг,* Черты русской поэзии 10-х годов. В сб.: Поэтика и стилистика русской литературы. Ленинград 1971, 262—269.

кабрь 1916—1917 г.) написаны именно в это время и расширяют столкновение двух современных литературных групп в типологическую противоположность принципиально разных стилей».[11]

Стилистический анализ раскола поэтических канонов в современной поэзии у Жирмунского опирается на новейшие достижения языкознания, но в то же самое время этот стилистический анализ включен в историко-типологический ракурс изучения смены таких универсальных стилей, как ренессанс и барокко, классицизм и романтизм, что свидетельствует об усвоении В. Жирмунским новейших достижений немецкого искусствознания, и в то же самое время стилевые сдвиги в современной поэзии осмысляются им и в духе традиционной филологической науки, как выражение сдвигов в мироощущении определенных эпох, и проекция этого мироощущения в индивидуальном поэтическом сознании.

Несмотря на лингвистическую ориентированность определения основных задач и разделов поэтики как науки, уже для раннего, близкого к формализму этапа теоретической мысли В. Жирмунского характерно понимание художественного произведения как композиционно завершенного, замкнутого органического целого, где каждый отдельный прием находит свое внутреннее оправдание в общеэстетическом задании целого: «. . . оправдание и смысл каждого приема — в том единстве художественного впечатления, которое производит на нас произведение искусства, как замкнутый в себе живой организм. . . . Каждый отдельный эстетический факт, каждый поэтический прием отражает это художественное единство и находит себе место в системе; звуки и смысл слов, синтаксическое построение, сюжетная схема и композиционное задание в одинаковой степени выражают это единство и в нем находят свое оправдание, свой смысл и свою связь».[12] Именно такое понимание поэтического целого, как живого организма, как системы, определяющей эстетическую функцию своих элементов объясняет тот факт, что уже в самых ранних статьях В. Жирмунского применяется синтетический метод исследования.[13] В оценке явлений современной поэзии этот синтетический метод рассмотрения отдельного произведения еще дополняется историко-культурным и сравнительно-типологическим аспектами изучения.

В силу применяемого метода анализа статья «Преодолевшие символизм» далеко переросла границы критического отзыва на явления современной поэзии, теоретически обобщив стилистические черты двух противоположных современных поэтических систем, символизма и акмеизма, она впервые начертила типологию двух «принципиально разных стилей», романтического и классического.

Процесс разрыва с символистским каноном В. Жирмунский осмыслял отождествляясь с точкой зрения поэтической позиции акмеизма,[14] поэтому его статья выросла в своеобразное историческое оправдание акмеизма, как единого поэтического течения, представляющего собой новый закономерный этап в развитии русской поэзии, доказывающий живучесть и историческую

[11] *В. Жирмунский,* Вопросы теории литературы, 110.

[12] *В. Жирмунский,* Вокруг «Поэтики» Опояза. В его кн.: Вопросы теории литературы, 354.

[13] См.: *А. В. Десницкая, Д. С. Лихачев,* Виктор Максимович Жирмунский. — «Русская литература», 1971 №.1.

[14] См.: *И. П. Смирнов,* Художественный смысл и эволюция поэтических систем. Москва 1977, 9—12.

плодотворность поэтики «классической», пушкинской типологической линии в русской культуре. Поэтому стилевую новизну новой поэтической группы В. Жирмунский оправдывает новизной их поэтического мировоззрения, сущность которого он видит «в отказе от мистического восприятия и в выходе из лирически погруженного в себя поэта-индивидуалиста в разнообразный и богатый чувственными впечатлениями внешний мир»,[15] и поэтому художественный метод поэтов акмеистов он условно называет своего рода художественным реализмом.

Благодаря историко-типологическому аспекту общего рассмотрения и филологической обоснованности исследования частных стилистических вопросов, статья во многом предугадывала объективный ход дальнейшего развития русской поэзии. Однако, филологическая обоснованность исследования вопросов поэтической стилистики сочетается с декларативным характером тональности всей статьи, которая сегодня может быть прочтена как теоретическая декларация, имеющая программный характер для акмеизма; ведь историко-типологическая оценка акмеизма, как «неоклассицизма» в статье В. Жирмунского, совпадала с автооценкой самих акмеистов, поэтому они могли видеть в концепции В. Жирмунского теоретическое оправдание собственных программных тезисов.[16]

Декларативный характер статьи объясняется филологическими вкусами и художественным идеалом самого В. Жирмунского, видящего главное достоинство нового поэтического направления в его прочной генетической связи с русской классикой, прежде всего с пушкинской традицией. Поэтому место поэзии Ахматовой в историческом развитии разных типологических линий русской поэзии указано В. Жирмунским как органическое продолжение «классической» пушкинской линии, лирического реализма XIX в.: «Лирика Анны Ахматовой, с ее словесной четкостью и строгостью, с ее любовью к эпиграмматической формуле и расчлененной логической композицией, с ее отказом от лирических повторений и элементарной напевности песенного типа, знаменует окончательное возвращение к классической традиции. „Белая стая" возникла под знаком внимательного и проникновенного изучения Пушкина и Баратынского . . .».[17]

В сравнительно-типологической системе В. Жирмунского противопоставляется музыкальная лирика романтиков с песенно-нарастающим развертыванием лирической темы и логическая четкость классицизма с эпиграмматическим лаконизмом лирической композиции: «. . . напевная лирика символистов, „мелодичность" молодого Бальмонта, „иногда напоминающая романс", для нас уже поэзия вчерашнего дня. Мы пережили недавно появление нового поэтического искусства, сознательно пренебрегающего подчеркнутой мелодичностью романса. Это лирика Анны Ахматовой . . . Эпиграмма как поэтический жанр не может, конечно, быть певучей; она подсказывает

[15] *В. Жирмунский,* Преодолевшие символизм. В его кн.: Вопросы теории литературы, 316.

[16] См.: *П. Берков,* В. М. Жирмунский как литературовед. — «Русская литература», 1961, № 3, 234.

[17] *В. Жирмунский,* Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Опыт сравнительно-стилистического исследования. Петербург 1922, 92—93. См. еще: *В. Жирмунский,* Из статьи о «Белой стае». В его кн.: Вопросы теории литературы, 324.

нам не напевное исполнение, а такое чтение, которым выделяется смысловой вес каждого отдельного слова и заключительный pointe».[18]

В рамках этой типологической характеристики оценивается и поэтический стиль Мандельштама в статье «Преодолевшие символизм» и в последующей за ней статье «На путях к классицизму»: «Как всякая поэзия классического стиля, поэзия у Мандельштама есть зодчество прекрасных форм . . . Сам Мандельштам сознает себя поэтом зодчим: „Камнем" называет он книгу своих стихов и хочет уподобиться в своем искусстве безымянным строителям средневековых соборов. Он — не лирик, рассказывающий в стихах об интимном переживании, он создаёт как бы объективные картины на темы, поэту заданные и от него не зависящие, — небольшие законченные описания, небольшие рассказы . . . Итак, поэтическое искусство — строгое и сознательное, любовь к точному определению и эпиграмматической формуле».[19]

Концепция, выдвинутая в статье «Преодолевшие символизм», в последующих статьях ученого получает всё большую конкретизацию и всё более глубокое методологическое обоснование. Статья «О поэзии классической и романтической» (1920) дает всеобъемлющую характеристику эстетической позиции поэта-романтика и поэта-классика, как двух основных типологических линий, существующих за индивидуальным многообразием поэтических форм. В статье «Два направления современной лирики» (1920) на основе сравнительно-типологического анализа тематически перекликающихся стихотворений Блока «В ресторане» и Ахматовой «Вечером» дается контрастная характеристика поэтики этих двух «типов искусства», романтического и классического, воплощенных в творчестве двух поэтических поколений русской поэзии начала XX в., символистов и акмеистов. В статье «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» (1922) теоретические итоги осмысления переворотной ситуации современной поэзии расширяются и распространяются на общую типологическую схему развития основных линий русской поэзии XIX в. Короткое изложения концепции этой последней работы дается в книге В. Жирмунского «Мелодика стиха» (1922): «Различие двух стилей — напевного, эмоционального, и вещественно-логического, понятийного, — я обозначил в своей работе как типологическую противоположность искусства романтического и классического. Я попытался расширить ее в заключительной главе из противоположения индивидуального искусства Брюсова и Пушкина в некоторую предварительную схему развития русской лирики XIX в. Пушкин в этой схеме является завершителем классического искусства XVIII в., воспитанного влиянием преимущественно французской лирики; от Жуковского идет развитие новой, романтической, песенной лирики под сильным воздействием Германии, которая в середине XIX в. достигает своего расцвета в творчестве Фета и некоторых поэтов его круга (А. Толстой, Вл. Соловьев). Символисты продолжают и усиливают эту романтическую традицию. Новейшая русская поэзия в лице Кузмина и Ахматовой, преодолев символизм, возвращается к забытому наследию Пушкина».[20]

Общие теоретические рамки названных работ В. Жирмунского определяются основным для него историко-типологическим аспектом рассмотре-

[18] *В. Жирмунский,* Мелодика стиха (По поводу книги Б. М. Эйхенбаума «Мелодика стиха». Пб. Опояз. 1922). В его кн.: Теория литературы. Поэтика. Стилистика, 58—59.

[19] *В. Жирмунский,* На путях к классицизму. В его кн.: Вопросы теории литературы, 327, 330.

[20] *В. Жирмунский,* Теория литературы. Поэтика. Стилистика, 61—62.

ния поэтических стилей, однако на этом фоне типологических обобщений возникает целый ряд частных вопросов, связанных с типологией лирических жанров и с поэтической семантикой. Такие аспекты могут возникать благодаря тому, что В. Жирмунский при типологическом сопоставлении романтического и классического стилей применяет свойственный ему синтетический подход, и мотивирует это противопоставление одновременно в нескольких плоскостях бытия словесно-художественного произведения, оказывающихся друг с другом в причинно-следственной обусловленности.

Основной предпосылкой стилистической смены двух разных типологических линий, романтизма и классицизма, в концепции В. Жирмунского служат те сдвиги, которые происходят в мировоззрении данной эпохи: «Эволюция стиля, как единство художественно-выразительных средств или приемов, тесно связана с изменением художественно-психо-логического задания, эстетических навыков и вкусов, но также — всего мироощущения эпохи».[21]

Эти мировоззренческие сдвиги в культуре определенной эпохи на взгляд В. Жирмунского определяют собой новые типы лирического сознания, а новая интенциональность лирического сознания в свою очередь меняет характер самого лирического переживания и создает новые типы его опосредования. Эти новые формы опосредования лирического переживания определяют новые формы сцепления словесных единиц, т. е. новый тип поэтического синтаксиса, который в свою очередь меняет характер композиционного развертывания лирической темы, и вызывает к жизни новые типологические варианты поэтического сюжета, а типология сюжета непосредственно связана с типологией жанра. В такой причинно-следственный ряд выстраиваются аспекты, синтетически применяемые В. Жирмунским при типологической характеристике смены романтического и классического стилей в поэзии.

Таким образом, историко-типологическая система изучения поэтических стилей В. Жирмунского предлагает нам такую жанровую концепцию, где появление новых жанровых свойств непосредственно связывается с изменившейся моделью лирического сознания, новым типом лирического «я» и естественно, новыми качествами лирического переживания.

В аспекте рассмотрения типологии лирического сознания, музыкальная лирика романтиков у В. Жирмунского коррелирует с мистически погруженным в себя поэтом-индивидуалистом, а логическая четкость классицизма соотнесена с новой интенциональностью лирического сознания, обращенного к предметным реалиям, чувственным впечатлениям внешнего мира.

В плане сопоставления качественных признаков лирического переживания, экстатический, лирический порыв символистов, устремленный к постижению абсолюта, «целостность и неразделенность эмоций, рожденных из душевной глубины», у акмеистов, и в частности у Ахматовой, заменяется раздельностью и четкостью лирических эмоций, их индивидуальной конкретизацией посредством предметных элементов внешнего мира. Эта предметная опосредованность лирического переживания сопровождается изменением объема самого лирического сознания, сужением его границ, и, с его изменившейся установкой, появлением острого аналитического момента самонаблюдения в изображении субъективных переживаний, характерного для психологического метода изображения внутреннего мира чувств в прозе.

[21] *В. Жирмунский,* К вопросу о «формальном методе». В его кн.: Вопросы теории литературы, 165.

В статье В. Жирмунского, хотя эксплицитно не сформулирована, но содержится мысль о том, что в результате этих взаимообусловленных изменений в модели лирического сознания и в природе лирического переживания, при неизменном объеме лирического жанра расширяются его внутренние «изобразительные» возможности. Иначе говоря, изобразительные возможности психологической прозы и повествовательных жанров вообще, как бы интериоризируются во внутреннюю структуру лирического стихотворения, расширяют его внутренние просторы, не меняя объема жанра. Замечания В. Жирмунского в этом плане предвосхищали исследовательскую мысль наших дней.

Эта мысль В. Жирмунского особенно плодотворна потому, что она предлагает еще один типологический аспект для сопоставления символизма и акмеизма в плоскости проблемы жанра. Общефилософские и эстетические принципы, обуславливающие поэтику слова в символизме, как известно, были применены не только в области лирической поэзии, но и в прозе, в итоге чего архитектонический принцип построения повествовательных жанров был заменен музыкальным принципом их композиционной организации, и это привело к рождению орнаментальной прозы, которая при более поверхностном подходе может рассматриваться как явление «лиризации» прозы. В поэтике акмеизма происходит процесс типологически противоположный, появляется архитектонический, классический принцип в построении лирического стихотворения вместо музыкального, романтического, и приводит к явлению, которое на сюжетном уровне дает о себе знать как «эпизация» лирической поэзии. В современной исследовательской мысли многосторонняя характеристика этого явления жанрового синкретизма в поэтике акмеизма содержится в коллективной работе «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма»: «Одним из наиболее кардинальных завоеваний литературного языка, обязанных акмеистам, явилось резкое смещение границ между п о э з и е й и п р о з о й (и ими обеими и ж и з н ь ю — внеположным миром, внетекстовым бытием, „разыгрыванием", как сказал бы Мандельштам, в произведении) . . . Суть акмеистической реформы в этом отношении — в интериоризации в пространство стихотворения (при сохранении его объема или даже при значительном, по сравнению с принятым, его сокращении) элементов прозы, но не ради таких ее прежде всего бросающихся в глаза особенностей как „сюжетность", наличие многих героев, сложной композиции и т. д., а ради максимального спрессовывания мира произведения — . . .»[22]

В плане сопоставления способа выражения лирического переживания в теории В. Жирмунского романтическому типу сознания соответствует открытый, экстатический лиризм, а при характеристике классического стиля он подчеркивает, что отсутствию напевности, мелодического элемента в формальном строении стихов соответствует «в плане психологического рассмотрения» затушеванность эмоционального элемента, опосредованный лиризм.

В. Жирмунский впервые отметил «предметность» поэтического стиля акмеистов, и прежде всего Ахматовой, доминирующую роль предметных элементов опосредования в передаче лирической эмоции. В. Жирмунского, и вслед за ним и других литературоведов-современников, Б. Эйхенбаума

[22] *Ю. И. Левин, Д. М. Сегал, Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивян,* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма: «Russian Literature» 7/8. The Hague—Paris 1974, 53, 54.

и В. Виноградова занимал не только вопрос принципа «предметности», как прямого разрыва с метафорическим принципом поэзии символистов, но и вопрос о своеобразном двойственном характере этой предметности. Предметные реалии внешнего мира фигурируют во внутреннем контексте стихотворения как бы в двоякой функции: с одной стороны, они как бы призваны воссоздать предметы и явления внешнего мира в полной их пластичности и «реалистичности», и этим самым вносят в лирическое стихотворение описательно-повествовательный элемент и уподобляют его короткому рассказу, но с другой стороны они сохраняют за своим предметным значением и поэтическую многозначность, ассоциативность нового типа, они призваны быть «символами» той лирической эмоции, данной в своей психологической конкретности, которая раскрывается при расшифровке изменившихся законов композиционного целого. Этим самым В. Жирмунский впервые отметил неметафоричность, как важнейшую черту раннего поэтического стиля Ахматовой, органически связанную с предметностью, опосредованностью выражения лирической эмоции. Отсутствие метафоричности в поэтическом стиле Ахматовой В. Жирмунский тоже осмыслял в широком историко-типологическом аспекте.

Подвергая стилистическому анализу всё более широкий историко-литературный материал, В. Жирмунский общее типологическое противопоставление романтического и классического стилей дополняет еще одним характерологическим признаком; вещественно-логический, понятийный стиль классицизма он определяет как метонимический стиль, а напевный, эмоциональный стиль романтизма, как метафорический стиль.[23]

Интересно отметить, что при всем коренном различии методологических установок двух ученых и ракурса их историко-культурного зрения, на уровне общетипологической характеристики смены поэтического стиля в двух историко-культурных парадигмах (символизм — постсимволизм) наблюдаются некоторые переклички в концепции В. Жирмунского и Р. Якобсона. Если В. Жирмунский противопоставление метафорического и метонимического стилей распространяет на сопоставительную характеристику символизм—акмеизм, то Р. Якобсон в своей статье «Заметки на полях прозы поэта Пастернака» это же противопоставление применяет при сопоставительной характеристике символизм—футуризм.[24] Историко-литературный ракурс В. Жирмунского в оценке современной поэзии диаметрально противоположен взгляду Р. Якобсона; если литературоведческая теория Р. Якобсона была теоретическим оправданием поэтической практики футуризма и авангарда в целом, то В. Жирмунский осмысляя процесс разрыва с символистским каноном как борьбу романтического и классического стилей сам оказался приверженцем классической типологической линии. Поэтому настоящим преодолением символизма он считал смену романтического стиля символистов классическим стилем акмеистов, как смену метафорического стиля «неметафорическим», т. е. метонимическим, а в ранней поэзии Маяковского как проявлении футуризма он склонен был видеть продолжение романтической типологической линии, т. е. метафорического стиля символистов.

Проявление романтической стихии В. Жирмунский обнаруживает не только в метафоричности поэтического стиля Маяковского, но и в речетвор-

[23] См.: *В. В. Виноградов,* О языке художественной литературы. Москва 1959, 41.
[24] R. Jakobson, Randbemerkungen zur Prosa des Dichters Pasternak: Slavische Rundschau 1935. № 25.

ческих стремлениях футуристов, которые он оценивает как типичную для романтизма борьбу с объективно данными, внешними условными формами языка: «Недовольство иных футуристов языком „общим" и „захватанным", их стремление к языку „свободному" и „заумному", есть одно из обычных проявлений в поэтическом творчестве стихии романтизма. Ощущая условность всякого языка, его скованность звуковой, грамматической и синтаксической формой, и естественную ограниченность его возможностей, футуристы, как прежде некоторые романтики, делают попытку освободиться от этой условности, разрушить сковывающие их обязательные формы речи».[25]

В статье «Поэтика Александра Блока» (1921) особо подчеркивается основной тезис В. Жирмунского: «Основным приемом романтического преображения мира служит метафора. Поэтому с точки зрения истории стиля, романтизм есть поэзия метафоры».[26] При этом уделяется особое винмамние приему реализованной метафоры, вызывающей вереницу трансформаций реально-вещественного мира и создающей автономный и контрастирующий с реальным миром — мир поэтической реальности. Реализованная метафора вызывает ряд метаморфоз, определяющих собой сюжетно-композиционный стержень стихотворения: «Последовательно развиваясь, метафорическое иносказание развертывается в самостоятельную тему целого стихотворения; в таких метафорических темах из простого иносказательного эпитета или глагола, употребленного в переносном смысле („жемчужные звезды"), метафора становится как бы поэтической реальностью».[27] Процесс реализации метафоры, как сюжетопорождающий процесс лирического стихотворения и как способ воплощения лирической темы считается существенной особенностью поэтического стиля А. Блока В. Жирмунским, и все «новейшие поэты», среди них и Маяковский рассматриваются только как продолжатели этой тенденции. Притом на уровне формальной структуры языкового тропа и механизма его реализации В. Жирмунский не видит существенной, принципиальной разницы между применением реализованной метафоры у Блока и у Маяковского: «Так, например, „пожар сердца" у Маяковского, с пожарными в „сапожищах" и т. д., с формальной точки зрения ничем не отличается от сердца, „сгорающего на костре" и освещающего ночью „мрак окрестный" в . . . стихотворении Блока. И в том и в другом примере развитие метафоры приводит к ее реализации, а эта последняя — к противоречию метафорической реальности с действительностью жизни, метафорического ряда и ряда реального».[28] Разница между ними, на взгляд В. Жирмунского, не на формальном уровне, а на уровне поэтического мировоззрения. Если у Блока реализация тропа находит мотивировку в иррациональном характере поэтического переживания, то у Маяковского она является самоценным языковым приемом, и поэтому приводит или к комическому или к фантастическому гротеску.

На этом месте невольно возникает еще один повод для сравнения интерпретации реализованной метафоры в концепции В. Жирмунского и Р. Якобсона. Р. Якобсон видит в реализованной метафоре, как в основном способе

[25] *В. Жирмунский,* Вокруг «Поэтики» Опояза. В его кн.: Вопросы теории литературы, 343—344.
[26] *В. Жирмунский,* Теория литературы. Поэтика. Стилистика, 205.
[27] Там же, 206.
[28] Там же, 216—217.

порождения ряда метаморфоз в поэтическом сюжете и таким образом в основном импульсе и двигателе развития поэтической темы, излюбленный прием поэзии Хлебникова и Маяковского. Он определяет сущность реализованной метафоры, как реализацию языкового приема, «проекцию литературного приема в художественную реальность, превращение поэтического тропа в поэтический факт, сюжетное построение».[29] Характеризуя структуру взаимоотношений реального и метафорического рядов в реализованном тропе, самый частый случай метаморфозы Р. Якобсон описывает как «развертывание во времени обращенного параллелизма»,[30] отрицающего реальный ряд во имя метафорического. На основе этой характеристики, в дальнейшем Р. Якобсон проводит типологическое сопоставление двух поэтических школ, символизма и футуризма. Согласно этой точке зрения, символизм характеризуется как поэтическая школа, основанная на обращении в троп реальных образов, их метафоризации, а в поэтике футуризма, как раз наоборот, троп как самоценный языковой прием превращается в реальность, отрицая реальный ряд изначального параллелизма.[31]

После этого экскурса нам следует вернуться к типологическому сопоставлению метафорического и метонимического стилей у В. Жирмунского с точки зрения проблемы жанра. Явление «неметафоричности», предметного способа опосредования лирического переживания рассматривается в статьях В. Жирмунского и с точки зрения типологии поэтического синтаксиса. Именно неметафоричность, отсутствие синхронной слиянности сопоставляемых семантических рядов приводит на взгляд В. Жирмунского к появлению синтаксических параллелизмов, связанных не приемами песенного нарастания, а формами логического членения в композиции лирических стихотворений Ахматовой, и создает иллюзию сюжетности композиционного построения.

Эта характерная черта поэтического синтаксиса Ахматовой и поэтов постсимволистской формации тоже осмысляется В. Жирмунским на историко-типологическом и общетеоретическом фоне. В работе «Композиция лирических стихотворений» (1921) В. Жирмунский исходит из того предположения, что синтаксические формы, определяющие собой композиционный тип лирических стихотворений, могут рассматриваться как показательные признаки поэтического стиля. Объясняется это прежде всего тем, что если в художественной прозе уровень «тематической композиции» может рассматриваться «как прием чисто сюжетной композиции, без всякого отношения к словесному материалу», то в лирической поэзии такой подход не состоятелен, поскольку композиционные приемы здесь суть приемы организации словесного материала, глубинная «тематическая композиция» реализуется посредством способов и типов сочетания словесного материала: «В поэзии, однако, и в особенности в поэзии лирической, одновременно с тематическим построением организуется, подчиняясь общему композиционному заданию и самый словесный материал . . . Итак, композиция лирического стихотворения одновременно предполагает закономерное расчленение и фонетического, и синтаксического, и тематического материала. Для определения языковых источников худо-

[29] *Р. Якобсон,* Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Виктор Хлебников. Прага 1921. Перепечатано в кн.: Texte der russichen Formalisten, II. München 1972, 36.

[30] Там же, 42—43.

[31] Там же, 50.

жественного построения поэтической речи особенный интерес представляет изучение ритмико-синтаксического построения».[32]

При рассмотрении основного композиционно-синтаксического принципа лирических стихотворений В. Жирмунский проявляет себя как последователь концепции известной статьи А. Веселовского «Писхологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля».[33] А. Веселовский открывает генетический первотип лирического стиля в двучленном психологическом параллелизме, из которого развивались по мере выделения субъекта из синкретически воспринятого окружающего мира всё более сложные формы поэтических сопоставлений, и поэтому архетипическую модель лирической композиции видит в ритмико-синтаксическом параллелизме.

Синтаксический параллелизм рассматривается и В. Жирмунским как основа строфического деления, и поэтому основным способом композиционного распределения словесного материала считаются разные типы анафорических повторений, в основе которых лежит тот же самый формально-композиционный принцип: «Это движение (параллелизм частей и равномерное поступательное движение. — *А. Х.*) служит принципом метрического членения тематического деления, расположения синтаксического материала в симметрические группы и, наконец, распределения повторяющихся слов. В осуществлении основного композиционного задания одновременно участвуют отдельные элементы по существу единого словесного материала».[34]

На фоне этой общей закономерности формально-композиционного построения лирических стихотворений, в книге В. Жирмунского выделяются два подтипа анафорической композиции, являющиеся характерными для двух различных поэтических стилей.

При явном, открытом типе анафорической композиции, синтаксические параллелизмы, объединенные вообще сочинительным союзом «и» выстраиваются в последовательные ритмико-синтаксические ряды, находящие опору и в звуковой организации стиха и придают композиционному развертыванию лирической темы песенно-нарастающий характер, расчитанный на музыкально-эмоциональное воздействие. Такой тип анафорического параллелизма, на взгляд В. Жирмунского, характеризует русскую романтическую лирику XIX в. и песенную лирику русских символистов.

Для классической, пушкинской линии поэтического стиля характерна «скрытая смысловая анафора», избегающая звуковых повторений песенного характера и прибегающая к логическим формам синтаксического членения.[35] Такой тип синтаксических конфигураций в современной поэзии В. Жирмунский обнаруживает у Ахматовой, и оценивает как проникновение стихии разговорной, прозаической речи в лирическое стихотворение: «Анафора и синтаксические повторения не играют существенной роли в построении ее стихотворений. Напротив, Ахматова охотно прибегает к логическим формам сочинения и подчинения: к противопоставлению (союзы «а», «но»), ограни-

[32] *В. Жирмунский,* Композиция лирических стихотворений. Изд. «Опояз». Сборники по теории поэтического языка. Петербург 1921, 6, 7. Характеристику теоретического основоположения своей книги «Композиция лирических стихотворений» В. Жирмунский дает в работе «Мелодика стиха». См.: *В. Жирмунский,* Теория литературы. Поэтика. Стилистика, 80, 81.

[33] См. в кн.: *А. Н. Веселовский,* Историческая поэтика. Ленинград 1940.

[34] *В. Жирмунский,* Композиция лирических стихотворений, 35—36.

[35] См. там же, 21, 34—35.

чению («лишь», «только»), к установлению отношений логической зависимости, выражаемых предложениями условными («если»), причинными («оттого»), целевыми («чтобы») и т. д. ... Следует отметить, что указанные формы подчинения в лирической поэзии вообще не очень обычны и воспринимаются, как признак речи прозаической, разговорной».[36]

Известно, что по поводу специфики синтаксиса Ахматовой между В. Жирмунским и В. Виноградовым развернулась полемика. В. Виноградов возражал против применения к Ахматовой термина «логический синтаксис», указывая на то, что за внешней логизованностью синтаксического рисунка усматриваются «семантические несоответствия и скачки», выражающие психологические парадоксы лирического переживания.[37] Однако при общем признании справедливости замечания В. Виноградова, В. Жирмунский всё же отстаивал свою методологическую позицию о принадлежности поэтического стиля Ахматовой к классическому типу: «Тем не менее, логические формы синтаксической связи, как основа композиционного оформления, свидетельствуют о проникновении в поэзию Ахматовой чуждой эпохе символизма рациональной стихии. Определяя собой композиционную схему лирического стихотворения, они нередко придают его движению характер развертывания мысли, а не нарастание и падение эмоционального напряжения, как в романтическую эпоху».[38]

В плане типологии сюжетно-композиционного построения в теории В. Жирмунского песенно-нарастающему типу развертывания лирической темы и поэтому разомкнутой поэтической композиции в музыкальной лирике романтиков противопоставляется локально-конкретный, и поэтому замкнутый характер контекста и эпиграмматически завершенная логически четкая композиция в лирике классического типа. В жанровой концепции В. Жирмунского определенные жанровые формы связаны прежде всего с определенными композиционными задачами: «С вопросами композиции тесно связано учение о поэтических жанрах — область поэтики, особенно давно привлекавшая внимание исследователей. Каждый поэтический жанр (элегия и ода, новелла и роман, лирическая поэма и героическая эпопея, комедия и трагедия) представляет прежде всего своеобразное композиционное задание».[39]

О сюжетном характере композиционного построения лирических стихотворений Ахматовой, и о стихах Мандельштама, как небольших законченных описаниях-рассказах, заговорил не только В. Жирмунский, но почти все литературоведы современники. О преемственных связях поэзии Ахматовой с традициями русской психологической прозы XIX в. писал и сам О. Мандельштам. Подчеркивалось при этом, что объем самого лирического жанра не расширился, а как раз наоборот, сузился, стал более лаконичным: «Целый ряд стихотворений Ахматовой может быть назван маленькими повестями, новеллами: обыкновенно каждое стихотворение — это новелла в извлечении; изображенная в самый острый момент своего развития, откуда открывается возможность обозреть всё предшествовавшее течение фактов».[40]

[36] *В. Жирмунский,* К вопросу о синтаксисе А. Ахматовой. В его кн.: Вопросы тео рии литературы, 333—334.

[37] *В. Виноградов,* О поэзии Анны Ахматовой. Ленинград 1925, 24.

[38] *В. Жирмунский,* Вопросы теории литературы, 336.

[39] *В. Жирмунский,* Задачи поэтики. В его кн.: Теория литературы. Поэтика. Стилистика, 32.

[40] *В. Жирмунский,* Вопросы теории литературы, 299—300.

Концепция В. Жирмунского проявляет аналогичные черты с концепцией Б. Эйхенбаума, изложенной им в работе «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923), поскольку оба автора именно с предметной опосредованностью, неметафоричностью поэтического стиля Ахматовой связывают все изменения в области жанрово-композиционных черт лирического стихотворения и приходят к выводу о генетическом родстве лирики Ахматовой с прозаическими, повествовательными жанрами. В. Жирмунский именно в этом качестве ранней лирики Ахматовой видел возможность ее выхода в дальнейшем к большим эпическим жанровым образованиям.

Концепция В. Жирмунского, развернутая в «Композиции лирических стихотворений» и также в других его статьях, посвященных изучению композиционно-синтаксического развертывания лирической темы, должна быть дополнена некоторыми замечаниями, поскольку В. Жирмунский к этим же вопросам возвращается и освещает их в еще одном теоретическом аспекте в статье «К вопросу о „формальном методе" » (1923).

Выдвинутая впервые в статье «Задачи поэтики» (1919) теоретическая точка зрения о том, что в лирической поэзии «мы имеем дело не с сюжетом и композицией вообще, а с особого рода тематическими и композиционными фактами — с сюжетом, воплощенным в слове, с композиционным построением словесных масс»;[41] и послужившая потом исходным тезисом для книги «Композиция лирических стихотворений», в этой новой статье предстает в новом теоретическом освещении. В статье «К вопросу о „формальном методе"» при общем признании правомерности того повышенного интереса, который в новой поэтической науке проявляется к вопросам композиции, В. Жирмунский подчеркивает, что такое же внимание должно быть уделено и вопросам тематики, поскольку словесным материалом для поэзии служит не абстрактно-лингвистический материал, специально созданный для эстетических задач, а то живое слово, которое в практической речи служит коммуникативным целям. Поэтому в этом слове уже освоена, конципирована предметная действительность, оно вступает в художественное произведение как потенциальный тематический мотив. Эта точка зрения В. Жирмунского на слово, как на потенциальный носитель поэтической темы полемически направлена против концепции Р. Якобсона о поэтической речи, согласно которой, в языке поэтическом полностью погашена предметно-называная и коммуникативная функция, поэзия есть «высказывание с установкой на выражение», «язык в своей эстетической функции», где доминирует установка слова на самое себя.

В. Жирмунский оправдывает первостепенную важность изучения поэтической тематики тем, что слово входит в поэтическое произведение, сохраняя за собой предметно-вещественное значение: «Изучение поэзии с точки зрения искусства требует внимания к ее тематической стороне, самому в ы б о р у темы в такой же мере, как к ее п о с т р о е н и ю, композиционной разработке и сочетанию с другими темами. В этом смысле темой для поэта является каждое отдельное слово, имеющее вещественное значение; здесь тематика совпадает с поэтической семантикой; тем более надлежит рассматривать, как тему, каждый мотив, которым пользуется поэт в смысловой композиции художественного целого».[42] Выдвинув вопросы поэтической композиции и поэти-

[41] *В. Жирмунский,* Теория литературы. Поэтика. Стилистика, 32.

[42] *В. Жирмунский,* К вопросу о «формальном методе». В его кн.: Вопросы теории литературы, 169.

ческой тематики отдельно, В. Жирмунский устанавливает между ними разные возможные типы отношений, и на основе типологии этих отношений разграничивает лирику, как особый вид словесного творчества, и литературы в целом, которую он выводит за пределы словесного искусства в собственном смысле слова.

Согласно этой типологии, те художественные произведения, в которых «ослабевает композиционное задание» и поэтому словесный материал не полностью подчинен чисто формальным задачам, а сохраняет за собой тот смыслово-тематический груз, которым он овладел в практической речи, не могут считаться произведениями словесного искусства в собственном смысле слова, а входят в общий круг литературы в целом, а на градационной шкале занимают крайнее место по отношению к другой крайней точке, которую занимает чистая лирика. Примером таких литературных произведений для В. Жирмунского служит роман Л. Толстого «свободный в своей словесной композиции, пользуется словом, не как художественно значимым элементом воздействия, а как нейтральной средой или системой обозначений, подчиненных, как в практической речи, коммуникативной функции, и вводящих нас в отвлеченное от слова движение тематических элементов».[43]

Лирическая поэзия, как высшая степень в градационной шкале словесного искусства, представляет собой такой тип взаимоотношения композиционных и тематических задач, где формально-композиционный принцип проникает весь словесный материал, не оставляя нейтральным ни один его элемент, подчиняет его в целом чисто эстетическому заданию, этим самым каждый словесный элемент становится эстетически значимым фактом, а собственно поэтическая тема возникает только за счет полной проникнутости словесного материала композиционным принципом, т. е. она не привносится в лирическое стихотворение извне, а извлекается из нее как эстетически значимого словесного целого.

Мысль В. Жирмунского о том, что изменившаяся природа лирического переживания в поэзии акмеистов, требующая новых способов опосредования и приводящая к появлению элемента сюжетности и интериоризации изобразительных возможностей психологической прозы в лирическую композицию скоро находит поддержку в рецензии Б. Эйхенбаума 1921 г., написанной на книгу стихов Ахматовой «Подорожник». В то время как В. Жирмунский говорил только о сюжетном характере композиционного построения отдельных стихотворений, Б. Эйхенбаум отмечает уже наличие последовательно развитой цепи сюжетных линий, которые выходят за пределы даже отдельных книг и связывают все стихотворения в целостный «лирический роман». В этом жанровом признаке Б. Эйхенбаум видит проявление тенденции как бы самоизживания традиционных лирических жанров камерного объема: «Поэзия Ахматовой — сложный лирический роман. Мы можем проследить разработку образующих его повествовательных линий, мы можем говорить об его композиции, вплоть до соотношения отдельных персонажей . . . Образование такой сюжетной лирики — последнее слово современного лирического искусства, и, думается мне, зарождение тех элементов, из которых должен возникнуть новый эпос, новый роман. Традиционная лирика отдельных, замкнутых в себе «настроений» временно исчерпана и падает — ей суждено

[43] *В. Жирмунский*, Вопросы теории литературы, 173.

остаться на вторых путях, чтобы когда-нибудь в будущем возродиться в новых формах».[44]

Оценка сюжетного характера лирической поэзии А. Ахматовой в рецензии Б. Эйхенбаума как признака упадка, самоизживания малых лирических жанров опирается на более широкую теоретическую концепцию, согласно которой на взгляд Эйхенбаума жанровый синкретизм поэзии и прозы обычно предшествует функциональной смене прозаических и стихотворных жанров на определенных этапах историко-культурного развития. Именно к такому этапу пришла, по концепции Б. Эйхенбаума, современная русская культура. В такие периоды, предшествующие функциональной смене прозы и стиха, происходит их временное сближение. Стилистические приемы ставшие в поэзии шаблонными, переходят в другую жанровую систему и воспринимаются как свежие, в итоге чего проза становится стилистически изысканной, ритмизованной, синтаксически изощренной, богатой аллитерациями, признаком чего служит расцвет орнаментальной прозы. Здесь любопытно будет отметить, что исходя из совершенно отличных от Б. Эйхенбаума методологических предпосылок, А. Веселовский тоже выделяет те периоды стилевого смещения и жанрового синкретизма, когда наблюдается взаимодействие языка поэзии и прозы: «В прозе является не только стремление к кадансу, к ритмической последовательности падений и ударений, к созвучиям рифмы, но и пристрастие к оборотам и образам, дотоле свойственным лишь поэтическому словоупотреблению». Это жанрово-стилевое явление А. Веселовский тоже связывает с большими переломными этапами в области истории культуры: «. . . дело идет об эпохах переходных, полных начинаний и переломов, когда мысль, чувство и вкус настроены к выражению чего-то нового, желаемого, чему нет слов».[45]

Согласно концепции Б. Эйхенбаума такое синкретическое смещение элементов поэзии и прозы предвещает победу прозы, но уже не прозы орнаментальной, а настоящей, не ориентированной на стих: «Идет сложное преобразование культуры — всё увеличиваются признаки того, что разовьет свое сияние планета прозы, а не стиха . . . Идет культура крупных форм. Рождается новая форма романа — с богатой фактурой, с разработкой сложных сюжетов, с новым бытовым и душевным материалом . . .».[46] С методологической точки зрения примечателен тот факт, что явление расцвета или упадка прозы и стиха в концепции Б. Эйхенбаума ставится в прямую зависимость от установки поэтического слова, от его семантической структуры. В те периоды, когда расцветает орнаментальность слова, т. е. путем метафорических сдвигов исчерпываются все возможные потенциалы семантической многозначности слова, — главенствует стих. А когда слово, вырываясь из цепи метафорических значений, приближается к своему предметному значению, выступает предметность слова, — главенствует проза: «Между культурой и искусством нет простых причинных связей, но есть узлы, есть соответствия. Есть периоды, когда словесное искусство занято творчеством стиха,

[44] *Б. Эйхенбаум,* Роман — лирика (Рецензия к сборнику «Подорожник», Стихотворения Анны Ахматовой. Петроград 1921): «Вестник литературы» 1921, № 6—7, 30—31.

[45] *А. Веселовский,* Три главы из исторической поэтики, III. Язык поэзии и прозы. В ее кн.: Историческая поэтика, 379.

[46] *Б. Эйхенбаум,* Поэзия и проза (1920). Публикация Ю. М. Лотмана. В сб.: Труды по знаковым системам V. Тарту 1971, 479.

когда внимание сосредоточено на орнаментальной стороне слова. И есть другие, когда выступает предметность. Таков закон».[47]

Историко-литературный опыт в дальнейшем доказал, что развитие поэтического слова в 10—20-е годы шло по пути отрыва от семантической многозначности, построенной исключительно на метафорическом развертывании ассоциативных значений слова, которое с одной стороны стремилось к предметной четкости и этим самым приблизилось к языку прозы, а с другой стороны искало для себя новых источников поэтической ассоциативности. Выход поэзии 20-х годов к большим лиро-эпическим жанровым образованиям и обогащению лирической поэзии изобразительными возможностями романной прозы доказали правильность теоретических прогнозов Б. Эйхенбаума и В. Жирмунского. Однако к этим аналогичным теоретическим выводам относительно перспектив развития русской поэзии, два ученых, оба близкие к лингво-поэтическому методу, все-таки пришли разными методологическими путями, и поэтому они разошлись в оценке той поэтической ситуации, которая сложилась в 1910—12 гг.

Разница в методологическом подходе двух ученых к тем же явлениям современной русской поэзии с особой четкостью выявляется при рассмотрении той полемики, которая велась между ними в 1922 г. по поводу книги Б. Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха». Именно в этой работе Б. Эйхенбаума складываются те общетеоретические принципы и та историко-литературная концепция о развитии русской поэзии XIX в., которые в дальнейшем служат предпосылкой для оценки современной поэтической ситуации в статье «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923).

Как уже было многократно отмечено, В. Жирмунский все жанровые преобразования, вытекающие из изменившихся способов словесного опосредования лирического переживания поставил в прямую зависимость от тех сдвигов, которые произошли в культурном сознании эпохи, Б. Эйхенбаум же утверждает, что «между культурой и искусством нет простых причинных связей», искусство имеет свои внутренние законы развития. Свою методологическую установку В. Жирмунский с особой резкостью подчеркивает в полемике с теоретической позицией книги Б. Эйхенбаума «Мелодика стиха», где на его взгляд «так называемый формальный метод в своем крайнем выражении делает попытку устранить при изучении поэтического стиля вопрос о художественно-психологическом единстве, формирующем произведение искусства, связующем и осмысляющем его отдельные приемы». . . . «Для меня отношение между элементами, из которых слагается художественное произведение, как раз обратное. Прежде всего должно измениться (нередко в зависимости от культурно-исторических условий) общее художественно-психологическое задание. С его изменением меняется и язык поэта как система художественно выразительных средств, приемов . . . Так на смену одной системе художественно-выразительных средств, уже не соответствующей чувству жизни и художественному вкусу эпохи, вырастает другая система стиля, внутренне объединенная известным художественно-психологическим смыслом. Опыт недавнего времени — история русского символизма, прошедшая на наших глазах, — подтверждает эти общие положения».[48]

[47] Там же, 478.

[48] *В. Жирмунский,* Мелодика стиха. В его кн.: Теория литературы. Поэтика. Стилистика, 90.

В. Жирмунский характеризуя романтический и классический стили, как напевно-эмоциональный и вещественно-логический или разговорный, проводит свою классификацию на основе различного отношения к слову, различных принципов и приемов словоупотребления, и выделяет в напевном стиле доминирующую роль эмоциональной окраски слова над его вещественно-логическим смыслом, а в разговорном стиле преобладание смыслового веса в каждом отдельном слове и вещественно-логический принцип словосочетания: «Так наблюдения над стилем современной поэзии, ее восприятием и нормальным для нас произношением уже подсказывает обобщение, которое может пригодиться и для историка: существование лирики напевного и разговорного типа; различной по своему отношению к слову, т. е. по стилистическим приемам».[49]

Для Б. Эйхенбаума отличительным признаком лирической поэзии становится интонационная сторона речи, и на основе строго выдержанного интонационного принципа он различает в лирике три основных типа: декламативный (риторический), напевный и говорной.[50] Классификационная система Б. Эйхенбаума, хотя и выдержана по другому принципу, но частично совпадает с типологией лирических стилей у В. Жирмунского. Говорной тип лирической интонации у Б. Эйхенбаума соответствует классическому или разговорному типу лирики у В. Жирмунского, а напевный тип интонации коррелирует с романтическим или песенным типом лирики.

В. Жирмунский основную заслугу книги Б. Эйхенбаума «Мелодика стиха» видит в том, что автор строго разграничивает традиционное понятие звучности (интерпретируемой как эвфонии, звуковой инструментовки, богатства аллитерации, рифмовки) и понятие мелодичности, напевности, которые интерпретируются им в духе современной немецкой филологии, теории Сиверса, противопоставлявшего «филологию для глаз» (Augenphilologie) «филологии для слуха» (Ohrenphilologie). Б. Эйхенбаум этим самым подчеркнул, что звуки имеют в словесно-художественном произведении не чисто служебную функцию, но могут носить и самостоятельную смысловую нагрузку, а мелодия речи в свою очередь не простое музыкальное прибавление к лирике, а находится в функциональной зависимости от слова и фразы. Отмечая влияние Сиверса на концепцию «Мелодики стиха», В. Жирмунский однако признает, что термин «мелодика» употребляется Б. Эйхенбаумом в специальном, более широком смысле, как «интонационная система» в напевной лирике: «Методу Сиверса, как чисто фонетическому (лингвистическому), автор, ... противопоставляет свой собственный метод, в котором мелодия рассматривается как явление стиля».[51]

Отход Б. Эйхенбаума от чисто фонетического, лингвистического изучения поэтического языка, является показательным для развития основного направления исследовательских методов круга Опояза в целом на данном историко-литературном этапе. Как известно, на раннем этапе теоретической деятельности Опояза доминировали аспекты изучения поэтической фонетики, звуковой стороны поэтического языка. В начале 20-х годов в работах пред-

[49] Там же, 59—60.

[50] См.: *Б. Эйхенбаум,* Мелодика русского лирического стиха. В его кн.: О поэзии. Ленинград 1969, 330.

[51] *В. Жирмунский,* Мелодика стиха. В его кн.: Теория литературы. Поэтика. Стилистика, 65.

ставителей формальной школы намечается стремление выйти за пределы исследований звуковой стороны стихотворного языка, и найти такой опорный пункт в структуре поэтического произведения, исследование которого соединяло бы вопросы поэтической фонетики с вопросами поэтической семантики. Методологическая работа направлена на выделение тех факторов, которые являются характерными для стихотворного языка вообще, для стиха как оппозиционной пары прозы в целом, но изучение которых в то же самое время дает выход в область исторически сложившихся лирических стилей и не отводит от проблемы конкретного композиционного построения отдельных лирических произведений.

Такой областью изучения, сосредоточивающей в себе и изучение фонетической стороны стихотворной речи вообще и семантической характеристики композиции отдельных лирических стихотворений является для Б. Эйхенбаума поэтический синтаксис: «Стихотворный синтаксис строится в неразрывной связи с ритмом — со строкой и со строфой. Это — синтаксис условный, деформированный. Из простой грамматической формы он становится здесь доминантой. Стихотворная фраза есть явление не синтаксическое вообще, а явление ритмико-синтаксическое. Более того — синтаксис в стихе есть явление не только фразеологическое, но и фонетическое: Интонация, реализованная в синтаксисе, играет в стихе роль не менее важную, чем ритм и инструментовка, а иногда и более важную. Синтаксис, ее реализующий, членится в стихе не по смысловым делениям, а по ритмическим, то совпадая с ними (строка = фразе), то преодолевая их (enjambement)».[52] Таким образом, интонационный принцип, реализованный в поэтическом синтаксисе, становится для Б. Эйхенбаума такой областью откуда обозреваются все вопросы поэтического языка в целом и конкретной композиционно-синтаксической воплощенности отдельных лирических произведений в частности: «именно в с и н т а к с и с е, рассматриваемом как п о с т р о е н и е фразовой интонации, мы имеем дело с фактором, связывающим язык с ритмом».[53]

В таком теоретическом освещении родовым признаком лирики становится интонационная сторона речи: «С точки зрения чисто морфологической лирика отличается особым характером речевой интонации. Лирическое стихотворение может быть и описательным, и повествовательным, и диалогическим, но и от эпоса, и от драмы оно отличается наличностью специальной „лирической" интонации».[54] Но выделяя интонационный принцип как характерологический признак лирики, Б. Эйхенбаум особо подчеркивает, что лирическая интонация исследуется им не с лингвистической точки зрения как явление фонетики поэтического языка, а как явление поэтического стиля: «Сближение поэтики с лингвистикой, характерное для современной филологии, чрезвычайно плодотворно, но тем важнее не спутывать границы между ними. Я рассматриваю интонацию не как явление языка, и потому изучаю не фонетическую ее природу, а ее композиционную роль».[55] При определении своих общеметодологических установок в книге «Мелодика стиха» для Б. Эйхенбаума особое значение приобретает разграничение понятия языка, как

[52] *Б. Эйхенбаум,* Мелодика русского лирического стиха. В его кн.: О поэзии, 328—329.

[53] Там же, 329.

[54] Там же, 330.

[55] Там же, 331.

области лингвистических исследований, рассматривающих языковое явление как таковое, в самом себе, в своей причинной определенности, наподобие объекту исследований естественных наук, и понятия стиля, как области исследований поэтики, — науки, принадлежащей к сфере наук о духе и поэтому рассматривающей языковое явление не в своей причинной определенности, а в своей телеологической функции, как явление стиля, как стилистический прием: «Поэтика начинается с выделения поэтического языка из ряда языковых явлений вообще, как деятельности, направленной к особой цели . . . поэтика строится на основе телеологического принципа и потому исходит из понятия п р и ё м а ; лингвистика же как и всё естествознание, имеет дело с категорией причинности и потому исходит из понятия я в л е н и я как т а к о в о г о».[56]

Проводя на основе интонационного прниципа классификацию лирической поэзии на три разных подтипа, Б. Эйхенбаум имеет в виду не просто различные речевые интонации в этих классификационных группах, но три разные системы интонирования. В терминологическом обиходе Б. Эйхенбаума «система интонирования» и совпадает с заново осмысленным теоретическим понятием «мелодика»: «Итак, под м е л о д и к о й я разумею не звучность вообще и не всякую интонацию стиха (который всегда звучит «мелодичнее» разговорной речи, потому что развивается в плане эмоциональной интонации), а лишь развернутую с и с т е м у и н т о н и р о в а н и я, с характерными явлениями интонационной симметрии, повторности, нарастания, кадансирования и т. д.».[57] Придавая термину «мелодика» такую интерпретацию, Б. Эйхенбаум этим самым переводит его из области лингвистических исследований о звуковой стороне стиха в область поэтики как науки, и в центр ставит вопрос о конкретных формах синтаксической воплощенности интонационного принципа, и таким образом, об особенностях композиционного построения лирического стихотворения: «При перенесении вопроса о мелодике стиха в специальную область поэтики постановка его должна быть изменена. Остается, в сущности, только общий принцип „слухового" метода. Нас интересует не изучение речевой интонации на стихотворном материале, а вопрос о приемах мелодизации как принципа лирической композиции».[58]

Разграничение трех основных типов лирической поэзии — декламативного, говорного и напевного проводится на основе интонационного принципа, вернее на основе того, какую функцию этот интонационный принцип исполняет по отношению к другим элементам словесно-художественного произведения. В теоретической концепции Б. Эйхенбаума начала 20-х годов, согласно общетеоретическим представлениям круга Опояза в целом, словесно-художественные произведения рассматриваются как динамическая система противоборствующих элементов, в которой согласно законам внутренней телеологии поэтического стиля один из элементов выделяется как организующая всю систему доминанта.

В системе градации трех лирических стилей на вершине стоит напевный тип лирики, поскольку в нем интонация играет роль форманты, доминанты, организующего принципа по отношению к другим компонентам лирического стихотворения: «Я склонен утверждать, что в лирике этого типа интонация

[56] Там же, 337.
[57] Там же, 333.
[58] Там же, 338.

действует как организующее начало композиции, так что в градации подчинения друг другу различных стилистических и фонетических моментов она занимает верховное место».[59]

Благодаря тому, что интонация служит организующим фактором всей композиции и слагается в цельную мелодическую систему, лирика напевного типа, характерная на взгляд Б. Эйхенбаума для немецкого романтизма и для русской романтической лирики XIX в., стремилась к синкретизму с языком музыки как с высшим языком. Культивирование «духа музыки» приводит к определенному отношению к слову, которое в современной русской поэзии усматривается у наследников романтической, песенной лирики, у русских символистов: «В полном соответствии с таким отношением к музыке как к высшему языку романтики ценят в слове то, что делает его намеком, нюансом. Пластика и логическая ясность, стройность синтаксиса и точность словоупотребления — не их идеалы . . . То же отношение к слову как к мелосу и тяготение к „духу" музыки находим мы у символистов (Блок, Белый) . . . По учению В. Иванова поэтическая тема должна стоять по ту сторону слова — как нечто „невыразимое", „несказанное". В стихотворении должны быть „только намеки, да еще очарование гармонии, могущей в н у ш и т ь слушающему переживание, подобное тому, для выражения которого нет слов". Воздействие поэзии должно быть магическим, ее сила — в „магии слов"».[60]

Согласно концепции Б. Эйхенбаума противоположный напевному типу говорной тип лирики, в котором наблюдается тенденция к «снижению» напевной интонации и тяготение к разговорной интонации, исторически появляется «на фоне падающей песенной лирики», и стремится к новому синкретизму, но уже не с языком музыки, а с языком прозы: «Это входит в общую систему приемов, свойственных лирике такого типа, как художественный прозаизм. Характерно, что развитием этой лирики обычно подготовляется переход к расцвету прозы».[61]

Третий, декламативный или риторический тип лирики, представленный классической русской одой XVIII в. на взгляд Б. Эйхенбаума имеет свою каноническую интонационную систему, но в этой системе интонационный принцип с ранга доминанты переводится на ранг подчиненного элемента, а доминантой становится логический канон.

В свете этой общетеоретической и историко-литературной концепции оценивается Б. Эйхенбаумом и поэтическая ситуация 1910—1912 гг. Эпоха русского символизма рассматривается как период расцвета и канонизации лирики песенного типа, а пришедшие на смену символизму поэтические течения 10-х годов, как отталкивание от этого канона, как убывание интонационного принципа в роли доминанты и вслед за этим развитие лирики говорного типа (Ахматова) и декламативного типа (Маяковский): «Характерно, что новое поколение, вступившее в борьбу с традициями символизма как поэтики, борется прежде всего с этой враждебной тенденцией (т. е. тенденцией к синкретизации с музыкой. — *А. Х.*), развивая лирику говорного или ораторского типа. Являются особые формы внутренней синкретизации в пределах самого

[59] Там же, 331—332.
[60] Там же, 343—345.
[61] Там же, 331.

словесного искусства: стих ориентируется на прозу, лирика тяготеет к эпосу».[62]

Эта теоретическая схема лежит в основе оценки исторических перспектив развития русской поэзии, которая на взгляд Б. Эйхенбаума после радикального разрушения символистского канона поэтической культурой Маяковского, превратившейся скоро в собственную канонизацию, — не может дальше пойти ни одним из этих путей поэтической традиции: «Бальмонт, Брюсов, Блок, Кузмин — это церемониальное шествие стиха. Но перефразируя стих Буало — „Enfin vint Malherbe" — наконец пришел Маяковский. И стихов больше нельзя писать. Прежний канон разрушен, нового на Маяковском не построишь, а уйти от него некуда.

Осмеяны и исковерканы все приемы. Рифма превратилась в каламбур, „лесть слуху" исчезла. В самом деле — Маяковский насквозь сатиричен, вплоть до своих метафор, а граждански — патетичен. Он рожден экстренными выпусками вечерних газет с лихорадочными заголовками, боевыми плакатами и кинематографической мелодрамой. Это Некрасов нашего времени — Некрасов, вышедший из водевиля и газетного фельетона».[63] По концепции Б. Эйхенбаума, после смены поэтических школ русской поэзии «суждены годы келейного развития и накопления новых сил»,[64] и она должна возродиться из новых источников.

Самая многосторонняя историко-культурная и теоретическая трактовка поэтического переворота 1910—12 гг. дается в статье Б. Эйхенбаума «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923). В этой работе все изменения в области поэтических жанров, происшедшие вслед за отталкиванием от канонов символизма, выводятся из нового отношения к поэтическому языку: «Надо было изменить отношение к поэтическому языку, который превратился в мертвый диалект, лишенный живого развития, живой игры. Надо было создать или новое косноязычие, новую дикую речь, или освободить традиционный поэтический язык от оков символизма и привести его к новому равновесию. Иначе говоря — встал вопрос о революции или эволюции».[65]

Судьба будущей русской поэзии на взгляд Б. Эйхенбаума решается в зависимости от того, какой из двух путей отталкивания от поэтической традиции символистов оказывается доминирующим. В отличие от концепции В. Жирмунского, где настоящее преодоление символизма усматривалось в возобновлении классической типологической линии в поэзии акмеистов, Б. Эйхенбаум поэтическое дело акмеистов оценивает, как завершение того историко-культурного периода, который был начат ранним символизмом в 90-е годы. Акмеизм рассматривается Б. Эйхенбаумом как последнее слово поэзии эпохи модернизма, которое поэтому не может служить традицией для дальнейшего пути поэтического развития, акмеисты только расширяли и обогащали унаследованный от символизма круг поэтической традиции XIX в. опытом русской психологической прозы, но остались в пределах того же типа культурного сознания, что и символисты. И. П. Смирнов справедливо отмечает,[66] что аргументация Б. Эйхенбаума, в которой получает акцент

[62] *Б. Эйхенбаум,* Мелодика стиха. В его кн.: Сквозь литературу. Ленинград 1924, 211.

[63] *Б. Эйхенбаум,* Поэзия и проза. В сб.: Труды по знаковым системам V, 478.

[64] *Б. Эйхенбаум,* Анна Ахматова. Опыт анализа. В его кн.: О поэзии, 85.

[65] Там же, 81.

[66] См.: *И. П. Смирнов,* Художественный смысл и эволюция поэтических систем, 13.

сохранения акмеистами эстетической позиции символистов, знаменательна для ученого, точка зрения которого коррелирует с антиэстетической позицией футуризма и авангарда в целом: «Акмеизм — последнее слово модернизма. Для него характерно не установление каких-либо новых традиций, а частичный отказ от некоторых принципов, внесенных позднейшими символистами и осложнивших их собственную поэтическую практику . . . Здесь сохранилась эстетитческая позиция — то, с чего началось самое движение и отчего оно потом отклонилось, увлекшись религиозно-философским обоснованием своих художественных тенденций. Противоположности сходятся — линия круга заканчивается возвращением к начальной точке. Подчеркиванием своей связи именно с Анненским акмеисты свидетельствовали о себе как о завершителях того большого круга, который, в общем, именуется модернизмом».[67]

Если В. Жирмунский был склонен видеть в поэтическом деле футуристов, и в частности в поэтической практике Маяковского продолжение метафорического стиля символистов, то Б. Эйхенбаум, признавая, что «сами футуристы, конечно, многое восприняли от символизма»,[68] однако все-таки считает, что настоящее преодоление символизма принадлежит поэтическому делу футуристов. Именно футуристы отказались радикально от высокого поэтического канона символизма, снижая функцию искусства, решительно сдвинули границы между литературой и жизнью, и заземляя поэтический язык, создали новое косноязычие, и через голову поэтической традиции XIX в., питающей поэтическую культуру символистов, возвращались к традициями поэтической культуры XVIII в. и еще более архаическим и забытым пластам поэтической культуры: «Они сознательно и намеренно снижают искусство, как это неизменно повторяется в такие критические эпохи. Возрождается сатира и вообще комический стиль — Шершеневич верно называет Маяковского „великим комиком наших дней". Они наносят решительный удар преобладавшему в русской поэзии XIX в. культу малых лирических форм (элегия, романс) и роднятся с поэзией XVIII в. — с одой и сатирой. В XIX в. им ближе всего не Пушкин, не Тютчев, а Некрасов с его тенденцией к оде и особенно с его пафосом „снижения" языка и форм.»[69]

Концепция Б. Эйхенбаума об отношении футуристов к жанровым традициям предшествующих эпох является в значительной степени оправданием идеи формалистов о канонизации «младших» жанров в периоды жанрово-стилевых смен. Отрицательное отношение футуристов к традициям «высокой» лирики XIX в. и канонизация ими некрасовской традиции, снижающей высокие формы, а также и традиции декламативно-ораторской лирики XVIII в., отмечалось не только в книге Б. Эйхенбаума но и в других современных критических статьях и находит подтверждение и в новейших теоретических работах: «В тех . . . случаях, когда традиции, питавшие футуристическую поэзию, бывали прослежены, обязательно подчеркивалась их внесистемность; разнородные, они не складывались в единый эстетический тип; критики отмечали их в качестве периферийных, исключительных либо забытых, т. е. как такие явления, которые не были актуальны для литературного сознания, и находились как бы за чертой литературы (Хлебников

[67] *Б. Эйхенбаум,* Анна Ахматова. Опыт анализа. В его кн.: О поэзии, 84—85.
[68] Там же, 83.
[69] Там же, 83.

и Шишков, Маяковский и поэзия XVIII в., Крученых и заумный фольклор сектантов и т. п.)».[70]

Историко-культурная перспектива оценки современной поэтической ситуации в статье Б. Эйхенбаума «Анна Ахматова. Опыт анализа» таким образом соответствует формалистическим представлениям (являющимся во многих своих основоположениях теоретическим оправданием авангардного движения) об основных двигателях и о логике историко-литературного развития. Согласно этим представлениям логика жанрового-стилевого развития мотивируется внутренней телеологией самого поэтического языка как системы приемов, и эта логика движения состоит в отказе от ставших каноническими и в силу этого потерявших свою эстетическую действенность поэтических приемов и в возникновении (согласно внутренней логике развития самого искусства) или в создании (согласно волюнтаристской творческой энергии художника) новых поэтических приемов, опирающихся как правило не на традиции высокой поэтической культуры, а на «младшую», забытую или потаенную линию развития поэтической культуры. Именно эта общетеоретическая концепция была резко критикована В. Жирмунским, поскольку она расходилась с той сравнительно-типологической концепцией, которая легла в основу оценки той же поэтической ситуации у В. Жирмунского: «С формалистической точки зрения, защищаемой Б. М. Эйхенбаумом, процесс развития искусства сводится к следующей простой схеме: известный прием исчерпан, перестал быть действенным, поэт создает новые приемы, или самостоятельно, или — чаще — опираясь на литературную традицию «младшей линии» поэтов, оставшуюся в тени у его предшественников».[71]

Эти общетеоретические представления легли в основу не только оценки современной поэтической ситуации у Б. Эйхенбаума, но и в основу историко-литературной концепции о развитии русской лирики XIX в. в книге «Мелодика русского лирического стиха». Согласно этой концепции в русской лирике XIX в. высокий поэтический канон представлен лирикой Пушкина, а пути отталкивания от него открываются в мелодическом стиле Лермонтова и Фета и в фельетонном стиле Некрасова.

Концепция Б. Эйхенбаума критикуется Б. Жирмунским из-за его априористического характера, который проявляется в применении заранее заданной теоретической схемы к историко-литературному процессу: «Мы можем a priori ожидать, что на путях преодоления пушкинского канона Лермонтов обратится к мелодическим приемам, либо пользуясь традицией Жуковского, либо прибегая к каким-нибудь другим способам мелодизации . . . Ко времени выступления Фета русская лирика строгого стиля, так или иначе связанная с традициями XVIII в., исчерпала все свои возможности. Русской поэзии предстояло отойти от «высокого» канона, созданного предшественниками . . . Некрасов ориентируется на газетную прозу и на шансонетку. Фет — на лирический романс цыганского типа».[72]

С точки зрения теоретического подхода Б. Эйхенбаума к перспективам развития русской поэзии, сравнительно-типологический аспект исследования поэтических стилей, который для В. Жирмунского был главенствующим,

[70] *И. П. Смирнов,* Художественный смысл и эволюция поэтических систем, 12.
[71] *В. Жирмунский,* Мелодика стиха. В его кн.: Теория литературы. Поэтика. Стилистика, 91.
[72] Там же, 91.

оказывается полностью нейтральным, ведь тот же высокий поэтический канон, от которого пришлось отталкиваться, в лирике XIX в. был представлен поэзией Пушкина (в терминологии В. Жирмунского — классическим стилем), а пути его преодоления открывались в песенном стиле Лермонтова и Фета, а в поэтической ситуации начала XX в. этот канон представлен поэзией русских символистов (в терминологии В. Жирмунского — романтическим стилем), а пути его преодоления открываются в говорном стиле акмеистов и в ораторском стиле Маяковского.

Однако, при всей близости общетеоретических взглядов Б. Эйхенбаума к формалистической концепции развития литературы и футуристической — авангардной позиции в оценке явлений современной поэзии, в центре его конкретных исследований стоит поэтическое дело акмеистов, представляющее собой на взгляд Б. Эйхенбаума эволюционный путь преодоления символизма, завершающий собой историко-культурный цикл эпохи модернизма.

При исследовании конкретной поэтической практики акмеистов в работе Б. Эйхенбаума как центральные выдвигаются проблемы поэтического слова и стиховой семантики, и все явления жанрово-композиционной структуры поэзии Ахматовой рассматриваются в зависимости от этих аспектов. В полном согласии с таким подходом все трансформации жанровой структуры рассматриваются Б. Эйхенбаумом как прямое следствие тех изменений, которые произошли в семантической структуре поэтического слова: «Изменилось отношение к слову. Словесная перспектива сократилась, смысловое пространство сжалось, но заполнилось, стало насыщенным».[73] В поэтическом стиле акмеистов, и в частности Ахматовой, как утверждает Б. Эйхенбаум, вместо «экстенсивной энергии слова» (Вяч. Иванов), вместо метафорического сближения далеких смысловых планов «утверждается интенсивная энергия слова», поэтический язык приближается к интимному разговорному языку, становится ощутимой его интонационная обращенность к ближайшему собеседнику, слушателю.

Именно стремление к интенсивной энергии словесного выражения приводит к сокращению объема жанра и к перестройке внутренних законов его семантической структуры. Отпадает разомкнутый до бесконечной многозначности метафорический план, ассоциативное значение слова реализуется за счет суженного, локально-конкретного контекста. Изменяется не только объем контекста, но и закон динамического развертывания его как смыслового целого. Эти изменившиеся законы непосредственно отражаются и на уровне композиционно-синтаксического построения стихотворений Ахматовой. Подобно работам В. Жирмунского и В. Виноградова, в статье Б. Эйхенбаума тоже отмечается доминирующая роль параллелистических синтаксических конструкций в композиции стихотворений Ахматовой, однако подчеркивается, что поставленные в параллель семантические ряды не сливаются метафорически, а только соприкасаются, создают новую поэтику ассоциаций.

Эта новая поэтика ассоциаций и новая поэтика жанра как ее следствие, рассматривается Б. Эйхенбаумом под углом зрения центральной для него проблемы, — проблемы равновесия между стихом и словом, между стихией ритма и стихией слова, или еще точнее между стиховым словом и предметным словом. Поскольку в поэтике символизма это равновесие было нарушено, стиховое слово было оторвано от своего предметного значения благодаря

[73] *Б. Эйхенбаум,* Анна Ахматова. Опыт анализа. В его кн.: О поэзии, 87.

предельно расширенной сфере смысловых ассоциаций, Б. Эйхенбаум заслугу нового поэтического поколения видит прежде всего в восстановлении этого равновесия между стихом и словом. Появление сюжетности, повествовательного элемента в лирическом жанре, и таким образом стремление стиха к сикретизации с прозой, лирики с эпосом рассматриваются в концепции Б. Эйхенбаума как явление, оказавшееся в соотношении взаимообусловленности с тем процессом восстановления равновесия между стихом и словом, которое произошло в итоге отталкивания от символистского канона: «Чувство нашло себе новое выражение, вступило в связь с вещами, с событиями, сгустилось в сюжет. Явилось то ощущение равновесия между стихом и словом, о котором говорилось выше».[74]

Учитывая весь опыт конкретного анализа основных свойств ритмико-интонационного, синтаксического и семантического строя стихотворений Ахматовой, Б. Эйхенбаум приходит к типологическому противопоставлению двух разных поэтических стилей.

В первом типологическом варианте поэтического стиля новые смысловые оттенки образуются благодаря метафорическому скрещению смысловых рядов, и при этом первичное собственно языковое значение слова полностью затушевывается, и слово превращается в новое представление за счет надъязыковых смысловых ассоциаций. Этот тип поэтического стиля и мышления, при котором нарущается равновесие между стиховым и предметным словом Б. Эйхенбаум считает по существу образным, или метафорическим мышлением, и его воплощение видит в поэтической практике символистов.

Второй, принципиально отличный от первого тип отношения к поэтическому слову, характерен для поэтов-акмеистов, Ахматовой и Мандельштама. Здесь не происходит метафорического слияния сопоставленных смысловых рядов, только реализуются разного типа смысловые сдвиги за счет чисто языковых семантических потенциалов слова, которые не вырывают его из первичного предметно-назывного семантического ряда, и поэтому не уводят к надъязыковым представлениям. Ассоциативная сфера слова регулируется стиховым контекстом, в котором восстанавливается равновесие стиха и слова: «Недаром Ахматова избегает метафор — они уводят нас от слова к представлению и тем самым нарушают равновесие, делая стих ненужным».[75] Такой тип отношения к поэтическому слову, характеризующий новую семантическую поэтику акмеистов, на взгляд Б. Эйхенбаума характеризует поэтические течения, завершающие собой предшествующий этап поэтического развития: «В поэтических стилях отличающихся равновесием стиха и слова и появляющихся в периоды завершения, заметно отсутствие метафор — вместо их развиваются многообразные боковые оттенки слов при помощи перифраз и метонимии».[76]

Таким образом, если мы сведем воедино отдельные теоретические положения Б. Эйхенбаума, излагаемые им в анализируемых нами работах, тогда мы придем к следующей теоретической системе о состоянии развития современной поэзии.

В поэзии символистов, представляющей собой песенный тип лирического стиля, слово было подчинено ритмико-мелодическому закону, как доминанте. В этом лирическом стиле главенствовала слуховая, акустическая сто-

[74] Там же, 88.
[75] Там же, 133.
[76] Там же, 133.

рона поэтической речи, которая таким образом полностью оторвалась от живого языка, от его естественной интонационной и произносительной стороны. Поскольку доминировал музыкальный, акустический принцип стихосложения, полностью нарушалось равновесие между стихом и словом, не могли ощущаться слово как таковое, как смысловая единица, и фраза как таковая, как интонационная единица. Отсутствие равновесия между стихом и словом привело к смысловой текучести слова, к культивированию его экстенсивной энергии. Экстенсивная энергия слова реализовалась метафорическим путем слияния далеких смысловых планов, и привела к тому, что слово переросло в новое представление, выходящее за пределы его внутриязыковых семантических потенций. Стремление стихового слова к надъязыковым представлениям сопровождалось стремлением самой лирической поэзии выйти за пределы словесного искусства, и вступить в синкретическое единство с внесловесными сферами искусства, с музыкой, занимающей верховное место в иерархической системе всех видов искусства. Музыкальный принцип проникал не только в стих, но и в прозу, «стилистическая проза образовалась и вступила в соперничество со стихом, который убивает сам себя».[77] Синкретизация прозы со стихом в поэтической системе символизма произошла за счет проникновения музыкального принципа, являющегося доминантой в поэзии и в прозу, после того, как музыкально-метафорический принцип в поэзии стал шаблонным, потеряв свою эстетическую действенность.

Культивирование метафорического принципа и его истребление до предельных возможностей на взгляд Б. Эйхенбаума всегда предвещает смену поэтических жанров, подготавливает путь к победе прозы. Этот путь к победе прозы, согласно концепции Б. Эйхенбаума, был подготовлен и поэтическим делом акмеистов, завершающих собой историко-культурный цикл, начатый символизмом. В поэзии акмеизма, представляющей собой по классификационной системе Б. Эйхенбаума говорный тип лирики, осуществился отказ от музыкально-акустического принципа и в качестве доминанты выдвигались слово как таковое, и фраза как таковая. Несмотря на отказ от музыкального принципа, сохранилась традиционная ритмическая основа стиха, но ритм сближался с фразовой интонацией, «вошел в самое построение фразы». Сохранился и стих как таковой, восстановилось равновесие всех его элементов, и ритмических и смысловых, т. е. восстановилось равновесие между стихом и словом. Это равновесие привело к культивированию интенсивной энергии слова, слово как смысловая единица заново приобрело свою вескость. Реализовалось это новыми путями поэтической ассоциативности, которые актуализировали исключительно только внутриязыковые семантические потенции слова, прежде всего, его побочные, забытые виртуальные значения, заложенные в его вещественной фактуре и смысловой структуре. Новая ассоциативность возникала не путем слияния, а только соприкосновения словесных рядов путем разных семантических сдвигов, таким образом становились ощутимыми промежуточные, связующие элементы словесных рядов, их стыковка, и это делало ощутимой архитектонику смысла, слова́ и фразы заново приобрели свою смысловую вескость. В результате сближения ритма с фразовой интонацией становилось ощутимым движение речи, система артикуляции и речевая мимика. Интенсивная энергия слова, сокращение

[77] *Б. Эйхенбаум,* Поэзия и проза. В сб.: Труды по знаковым системам V, 479.

смыслового объема, обращение слова к своим внутриязыковым смысловым потенциям, привело к новой форме жанрового синкретизма, но уже в пределах самого словесного искусства, между отдельными словесными жанрами, между лирикой и эпикой, между стихом и прозой. Эта новая форма жанрового синкретизма пока не приводила к нарушению объема лирического жанра, но радикально изменяла способ опосредования лирического переживания, придавая самому лиризму предметный, а жанровому типу сюжетный характер.

Следует отметить, что Б. Эйхенбаум ни в одном из современных поэтических школ и направлений не видит такую возможную традицию, на которую могло бы ориентироваться дальнейшее развитие русской поэзии. Все три, охарактеризованные Б. Эйхенбаумом поэтические школы на его взгляд за очень короткий историко-литературный отрезок истребляли собственные поэтические приемы, собственный поэтический стиль превратили в канон, и таким образом закрывали пути для обновления лирической поэзии, которой предстоят годы «келейного развития», и подготовили почву для развития прозы. Эта мысль проводится Б. Эйхенбаумом весьма последовательно при характеристике всех трех типов лирического стиля, представленных в поэзии символизма, акмеизма и футуризма. Символизм с предельно развитым принципом экстенсивной энергии слова, развитием метафорического принципа ассоциативности до своих последних пределов разлагал стих и подготовил почву для развития прозы; акмеизм, восстанавливая равновесие между стихом и словом и этим самым развивая принцип интенсивной энергии слова, сдвинул границы между стихом и прозой и открыл путь для проникновения стихии прозы во внутренний простор лирического стихотворения, поэтическое дело акмеистов, на взгляд Эйхенбаума не путь зачинателей, а путь завершителей;[78] футуризм, которому на взляд Б. Эйхенбаума принадлежит настоящее преодоление символизма за кратчайшее время превратил собственные поэтические приемы в каноны, развивая их до последнего логического конца, до комического алогизма и фантастического гротеска. Вся эта логика развития поэтических стилей призвана доказать мысль о победе прозы, и после этапа повышенного ощущения слова, именно в области прозы должны возникать со всей отчетливостью проблемы жанра.[79]

Мысль Б. Эйхенбаума о том, что «Развитие метафоры неизменно разлагает стих и приводит его к прозе»[80] интересно сопоставить с концепцией статьи Ю. Тынянова «Промежуток» (1924). Тынянов отмечает, что гиперболические метафорические ряды Маяковского в такой же степени отрывают слово от своего предметного значения, как заумное слово Хлебникова. Доведение развития метафоры до своего предельного логического конца приводит к тому, что стиховая тема обнажается, теряет свою органичность, перестает быть собственно стиховой темой, выпирает из стиха. А если тема перестает быть поэтическим сюжетом и становится внестиховой темой, мы приходим к прозе.

В статьях Б. Эйхенбаума временное отступление поэзии перед прозой было указано как прогноз, в статье Ю. Тынянова это же явление констати-

[78] См.: *Б. Эйхенбаум,* Анна Ахматова. Опыт анализа. В его кн.: О поэзии, 84.
[79] См.: *Б. Эйхенбаум,* В поисках жанра: «Русский современник», 1924, № 3.
[80] *Б. Эйхенбаум,* Анна Ахматова. Опыт анализа, В его кн.: О поэзии, 133.

руется как факт. Явление упадка поэтических жанров в статье Ю. Тынянова связывается с состоянием предельной дифференциации поэтической жизни, с окончательным распадом школ и направлений: «Для поэзии инерция кончилась. Поэтический паспорт, приписка к школе поэта сейчас не спасут. Школы исчезли, течения прекратились закономерно, как будто по команде».[81]

В статье Ю. Тынянова в дальнейшем развитии русской поэзии судьба поэтических стилей и жанров ставится в зависимость не от школ и течений, создающих свою поэтику слова, а от вызревания новых поэтических индивидуальностей: «Поэтическая инерция кончилась, группировки смешались, масштаб стал неизмеримо шире. Объединяются совершенно чужие поэты, рядом стоят далекие имена. Выживают одиночки».[82]

апрель — май 1984 г.

[81] *Ю. Н. Тынянов*, Промежуток. В его кн.: Поэтика. История литературы. Кино. Москва 1977, 169.

[82] Там же, 169.

О дикарях XX века

(Об одном аспекте соотношения понятий революции, государства и церкви в романе «Мы» Е. И. Замятина)

ЖУЖА ХЕТЕНИ

(Hetényi Zsuzsa, ELTE BTK Orosz Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364)

Посвящается 50-летию со дня кончины Е. И. Замятина

Ведутся, и, наверное, всегда будут вестись дискуссии о жанровом характере романа «Мы». Кажется, самый трудный вопрос состоит не в том, чтобы определить, утопический или дистопический смысл проявлен в романе более определенно, а в том, чтобы разграничить в нем сатирическое и философское начало. Эта вторая проблема — как это прямо или скрыто выражается в оценках романа — влечет за собой другую: проблему художественной ценности, ибо философский роман как бы считается более высоким жанром. В качестве доказательства стоит привести мнение Горького, которое — как в дальнейшем будет видно — не случайно в данной работе. В письме Груздеву он пишет: «А Замятин слишком умен для художника и напрасно позволяет разуму увлекать талант свой к сатире. „Мы" — отчаянно плохо, совершенно не оплодотворенная вещь. Гнев ее холоден и сух, это — гнев старой девы».[1] Не имея возможности здесь подробно рассмотреть вопрос о ценности жанров, я хочу лишь показать, как в одном аспекте романа «Мы» переплетаются два начала, сатирическое и философское.

В философском плане несомненно ярче всего выявляется в романе известная из многих статей Замятина теория революции и энтропии.[2] В ткани произведения явно и прямо присутствует целый ряд реминисценций, ведущих к Достоевскому — само Единое Государство кажется осуществлением идей Великого Инквизитора. Думается, что совершенно справедливо отмечено влияние идей «скифства» на описание народа за стеной.[3] Это соответствие подтверждает статья Замятина «Скифы-ли?», сравнивающая первый и второй том альманаха «Скифы». В анализе дается описание скифа в метафорическом смысле, в образе которого немало совпадений с общим описа-

[1] *М. Горький,* Собрание сочинений в 30-и томах. Москва 1956, т. 30, 126.

Горький в других местах так же оценивает Замятина: «Рассказ, написанный по Эйнштейну, как напр. у Замятина, это уже не искусство, а попытка иллюстрировать некую философскую теорию — или гипотезу . . .» (Литературное наследство 70. Москва 1963, 388). Отметим, однако, что в замечании Горького относительно «ума» Замятина есть доля правды. В переводе на более научный язык, или — скорее — в интерпретации автора данной статьи, этот тезис означает, что — во-первых — Замятин был крайне сознательным художником, строителем своих художественных текстов, о чем свидетельствуют и его самоанализы, и что — во-вторых — его эрудиция в естественных науках определила его мировоззрение и систему философии, тезисы которой налицо в его художественных текстах и замыслах. В этом смысле Замятина можно сравнить с Андреем Белым (см. сноску 2).

[2] Olga Muller Cooke, Bely's «Moscow» Novels and Zamyatin's «Robert Mayer». A Literary Response to Thermodynamics: Slavic and East European Review Vol. 63, No. 2, April 1985, 194—210.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

нием народа, живущего за стеной.[4] Более того, таких свободных, кочевых ездоков видят пассажиры Интеграла в телескопах.[5] С этой же проблемой перекликается и то, что освобожденные от фантазии члены Единого Государства шагают на Запад, ведь без фантазии они пригодны (уже) для жизни в условиях развитой цивилизации, столь критически оцененной Замятиным в повести «Островитяне».

Настоящая статья имеет цель показать, какими современными Замятину идеями могла питаться довольно открыто и ярко проведенная через всё произведение параллель в описании Единого Государства с христианством, с религией. Эта очевидная параллель, часто встречается в тексте.[6] Обратимся к примерам.

Часовая Скрижаль представлена в цветах святости, кроме синего — в золотом и красном цвете, в цветах иконы и в роли иконы (14). Фразы рассказчика построены на схеме фразеологизмов, первоначально имевших функцию в христианской культуре или же потом оторвавшихся от нее и ставших оборотами речевого языка (напр.: «Слава Благодетелю, еще 20 минут» 114; «Послушайте, ради Благодетеля, вы не видели . . .?» 134, 142). В последних примерах Благодетель просто заменяет Бога. Эта замена подчеркивается «Примечанием» самого рассказчика к слову «Законоучитель»: «Речь идет не о Законе Божьем древних, а о законе Единого Государства» (39).

Последующая сцена публичной казни насыщена элементами, подчеркивающими эту параллель — в метафорах, сравнениях и противопоставлениях («светильники лиц», «сияние небес», «готическая тишина», «литургия Единому Государству», «крестные дни в годы Двухсотлетней войны» 42), кроме этого Единое Государство названо новым раем, казнь сравнивается с древним богослужением. Движение Благодетеля, который «величественным шагом первосвященника спускается вниз», является органической частью его образа, ибо оно повторится в более однозначном лексическом окружении позже, на торжестве выборов: «. . . с небес снисходил к нам Он . . . в белых одеждах . . .» (121).

Проведенную через всё произведение параллель можно раскрыть просто и на первый взгляд в достаточной мере убедительно: «Мы идем — одно миллионоголовное тело, и в каждом из нас — та смиренная радость, какою, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты. В древнем мире — это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники: смирение — добродетель, а гордыня — порок, и что — «МЫ» — от Бога, а «Я» — от диавола» (111), т. е. христианство выступает как вечный прообраз коллективизма. Приводится также образ ассирийских рядов для описания демонстрации. Записи самого рассказчика пишутся с целью пожерт-

[3] Об этом сказала К. Галоци в своем выступлении на заседании научного студенческого общества, посвященном памяти Е. И. Замятина, которое состоялось 21 января 1987 г. на Кафедре русской филологии Будапештского университета им. Л. Этвеша. На заседании были прочитаны работы А. Силади (об утопии в романе «Мы»), К. Галоци (о роли литературных реминисценций в романе «Мы») и И. Баги (о «Наводнении» Замятина).

[4] *Мих. Платонов (Е. Замятин),* Скифы-ли? Мысль, I. Петроград 1918, 285—293; Scythians? In: Yevgeny Zamyatin, A Soviet Heretic. Essays. Chicago & London 1970, 21—33.

[5] *Е. И. Замятин,* Мы. Нью-Йорк 1952, 173. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, в скобках.

[6] Некоторые моменты (в другом контексте) упомянуты в работе К. Галоци (см. сноску 3), что было для меня приятной неожиданностью.

вовать ими, положить к ногам государства, «как свое дитё» (6), и в последствии это сравнение оборачивается конкретным фактом обязательства отдавать детей государству. Таким образом ударение переносится в более отвлеченный, более общий план, в параллели подчеркнута вера «вообще», парадигма слепого фанатизма и основанного на нем общества людей под единым руководством.

Однако, кажется, текст романа позволяет найти еще один источник-еще одну причину использования параллели с христианской верой. Обратимся к тексту. Во второй массовой сцене, в День Единогласия, т. е. выборов, Благодетель назван новым богом,[7] и соответственно Единое Государство — «говоря словами Евангелия древних — единая Церковь» (121). Значит, при новой системе новая Церковь имеет нового Бога, и верит в него новой верой. Если вспомнить, что роман написан в 1920—21 гг. в конкретном историческом контексте строительства нового общества, то легко сделать вывод об аллегорическом, пародийном смысле исследуемой нами параллели, дескать, новое общество построено на принципе совершенно не новом, на слепой вере. (В таком смысле эта параллель присутствует в менее разработанном, но очень популярном утопическом романе Орвелла «1984», где люди делятся на ортодоксов и еретиков, и к Большому Брату обращаются как к Спасителю.)[8] Но, думается, эта формула имеет еще один «икс», выражаясь в стиле рассказчика «Мы».

Вся лавина сюжета начинается со слов I—330: «Вы так вдохновенно все озирали — как некий мифический бог в седьмой день творения. Мне кажется, вы уверены, что и меня сотворили вы» (9). Иронизирующие слова имеют глубокий смысл, ибо не только рассказчику отводится роль бога. «Древний Бог и мы рядом, за одним столом. Да! Мы помогли Богу окончательно одолеть диавола» (56). «Наши боги — здесь, с нами — в бюро, в кухне, в мастерской, в уборной; боги стали, как мы: эрго — мы стали, как боги» (62). Эти отрывки, которые, собственно говоря, расшифровывают название романа, показывают, что, значит, эта новая вера подразумевает активность верующих, и их способность творить, созидать, действовать принимается как качество нового, земного божества. Здесь приобретает важность и то, что у Благодетеля «огромные, чугунные руки» (182) — они выделены как символы творческой силы (но с ироническим, даже пародийным оттенком, утрированно: «Эти руки давили Его самого, подгибали колени»). Недаром высокие ноты и самоуверенность у Д-503, заслужившие иронию I—330, основаны на том, что он — строитель Интеграла. Благодетель и нумеры строят (точнее: живут уверенностью, что строят) новое государство. Приведенных примеров, пожалуй, достаточно для того, чтобы задать вопрос: не обусловлена ли система параллелей теорией богостроительства, мыслями Горького и — что в данном случае не менее важно — влиянием идей богостроительства на литературу и общественную мысль второго десятилетия XX в.? Если да, то обусловлена она двояко: полемически — по отношению к теории богостроительства, и в сатирическом-философском плане по отношению к новому обществу.

Сделаем небольшое отступление с целью показать, что восприятие общественного поворота, социалистического движения как новой веры стало обще-

[7] Благодетель «снисходит с небес», «окруженный микроскопическими солнцами — сиянием блях», он «мудрый и любяще-жестокий, как Иегова древних» (121).

[8] «orthodoxy», «unorthodoxy», «My Saviour» G. Orwell: 1984, USA 1981, 11, 17.

распространенным, что в этом процессе определяющую роль сыграли идеи богостроительства.[9] Как известно, программа богостроительства дана в произведениях Горького («Исповедь», 1909) и Луначарского («Религия и социализм», 1908—11). Основная мысль богостроителей состоит в том, ичто идеологию марксизма и социализма интеллигенция должна преподнести народу в более доступной форме, а именно — в привычной для него форме религии: *новой* религии, которая ставит на место прежнего нового бога — Человека, человека-Творца. На место старой религии встанет новая — как выражался Горький в «Исповеди», и: «Философия Маркса есть сознавшая себя религия» — пишет Луначарский.[10] Терминология этой новой религии пропитана практицизмом, это — слова из области строительства и хозяйского быта. Следует указать и на то, что мысль, согласно которой интеллигенция несет народу идеи революции и организует революцию, опираясь на коллектив или небольшие общества — не новая мысль. Основное новшество богостроительства по сравнению с народничеством (при других известных и важных, конечно, отличиях) состоит в его обращении к пролетариату, хотя это наблюдается скорее у Горького, чем у Луначарского, который ориентировался на крестьянина.[11] Имея такую предысторию, идеи богостроительства могли прочно закрепиться в общественном сознании. Нетрудно доказать, что влияние богостроительства отразилось на лексике революционного языка, в котором «новая вера», «новая церковь», «новый храм», «новый бог», «новые апостолы» стали повседневными словосочетаниями.[12] Сам Горький в 1917—1918 гг. всё еще, давно оставив период богостроительства, охотно прибегает к этим выражениям в своих «Несвоевременных мыслях».[13] Можно даже предполагать, что в широком распространении восприятия новой идеологии как религии определенную роль сыграл психологический фактор; чувство, зародившееся у широких масс в первую мировую войну, что если человек сам способен вызвать апокалипсис (войну), то он же может «осуществить» и спасение мира. Разумеется, здесь могли действовать также и другие силы, а именно влияние богоискательства, на наш взгляд выдвигавшего совершенно противоположные идеи.[14] Более глубокий анализ этих двух течений выходит за пределы настоящей работы, отметим только, что их влияние ярко ощущается в выдающихся произведениях русской литературы 1910—1925 гг.[15]

[9] Об этом более подробно я пишу в следующих работах: Hetényi Zsuzsa, Messianisztikus forradalomfelfogás a század eleji orosz irodalomban: Medvetánc, 1985, 2—3. 185—206, Hetényi Zsuzsa, Új mítosz teremtése Babel «Lovashadsereg»-ében a 20. századi orosz irodalom messianisztikus forradalomfelfogásának tükrében. Кандидатская диссертация 1985. В рукописи.

[10] *А. Луначарский,* Религия и социализм, 1—2. Спб. 1908, 1911, т. 2, 215. Еще одна характерная цитата: «. . . коммунисты, преображенные энтузиазмом, охваченные фанатизмом, . . . боролись за победу Христа, т. е. коммунистической общины на земле» (там же, 153—154).

[11] См.: *А. Луначарский,* К вопросам о философской дискуссии 1908—1910 годов (1931): Литературное наследство 82, Москва 1970, 497—498.

[12] См.: *Л. Силард,* «Мои записки» Л. Андреева III: Studia Slavica Hung. 20 (1974) 273—275.

[13] *М. Горький,* Несвоевременные мысли. Paris 1971.

[14] Основные различия между богоискательством и богостроительством можно коротко изложить: богоискательство ориентируется на всенародный миф и мистику (а не на строительство, как богостроительство), на этические искания (а не на практические), связывает революцию со спасением и апокалипсисом (а не с созданием новой религии), ищет бога внутри каждого человека (а не создает из человека бога).

[15] См. сноску 9.

Нет никакого сомнения в том, что Замятин более чем хорошо знал и теоретические, и литературные произведения, которые касались этой темы. Кажется, его оценка выражена в анекдоте о дикаре и барометре, помещающемся в начале романа «Мы». По анекдоту, найденному археологами Единого Государства в откопанной книге XX в., дикарь выковырял ртуть из барометра, потому что захотел дождя. Это явное перемещение причины и следствия комментируется довольно конкретно: «Но смеха достоин европеец той эпохи . . . европеец хотел дождя — дождя с прописной буквы, дождя алгебраического. Но он стоял перед барометром мокрой курицей» (18). Дождь здесь несомненно можно отождествить с революцией, с Революцией (с прописной буквы). Эта метафора встречается в романе еще дважды, в самой развернутой форме в начале революции «мефи»: «Странно: барометр идет вниз, а ветра все еще нет, тишина. Там, наверху, уже началась — еще неслышная нам — буря . . .» (145). Алгебраичность революции на наш взгляд нужно понимать в смысле теоретичности, научности, рассчитанности в формулах, которая предшествует — хочет предшествовать — практике, теоретически управлять историей. Это есть то же самое перемещение причины и следствия, когда дикарь хочет с помощью барометра изменить погоду, в надежде, что если стрелки прибора покажут желаемый результат, то изменится измеряемое. А в историческом плане измеряемым является общество и сам человек . . . Если стрелки истории насильно передвигать на «революцию», то она должна изменить человека? В этом анекдоте скрыта полемика Замятина с течениями, научно рассчитывающими практику религии в революции. Философский пласт этого анекдота выявляется, если учесть, с какой позиции иронизирует тот нумер, под взглядом которого европеец XX в. показан смешным — смешным не из-за ошибочности в представлениях, а из-за неспособности осуществить свои представления, из-за бессилия и неподходящих методов. Он говорит от имени такого общества, которое осуществило алгебраическую революцию, управляет идеологией и людьми. Если экстраполировать эту мысль на современное Замятину общество, то легко убедиться, что сатирическое острие направлено именно против того, каким образом это общество создалось и функционирует.

В механизме общества Единого Государства центральное место занимает интерпретирование государственной идеологии в качестве новой веры. Здесь, разумеется, речь идет уже не о полемике с богостроительством, а о критике того течения революции, которое тяготело к позитивизму (и к которому в свое время примыкало богостроительство)[16] и которое воспользовалось влиянием и распространенностью восприятия революции как новой веры, новой религии. Совершенно эксплицитно это выражено в сцене выборов в День Единогласия, отождествленной с Пасхой, христианским праздником. Выборы ассоциируют библейскую сцену голосования народа о распятии Христа, то есть единогласие как подчиненную руководителю массовую волю, где результат не зависит от мнения отдельных индивидуумов, а является отвлеченным постоянным. Горькая пародия на Пасху скрывается в этом ритуале, который как в кривом зеркале отражает возвышенную идею пасхи — воскресение, ибо снова и снова избирается Благодетель на роль Благодетеля, в один и тот же миг умирает он (снимается с поста) и воскресает он же, окруженный нимбом божества.

[16] См. об этом в статье *Л. Силард*. см. сноску 12.

Явная пародия проявляется и в оборванном конце 12-й записи. Элементарно смешной эффект вызывает слияние конца 12-й и начала следующей главы: «. . . мы стали, как боги. И к вам, неведомые мои планетные читатели, к вам мы придем, чтобы сделать вашу жизнь божественно-разумной и точной, как наша . . . Запись 13-ая» (62). Пародийность усиливается противоречием возвышенной тирады и числа 13, для которого совсем не подходят определения «божественно-разумный» и «точный». Нужно отметить, что при всей философской глубине романа нельзя оспаривать наличие в нем прямолинейных эффектов пародии. Общеизвестно, например, внешнее, карикатурное сходство «сократовски лысого» (185) Благодетеля с Лениным. Пародийный смысл можно предполагать и в возрасте Д-503. Ему 32 года, то есть он — как бы «незавершенный» Христос, который не дожив до Христова возраста, потерял при операции фантазию, и таким образом лишился возможности стать «взрывателем-еретиком».[17] Аналогию с Христом подчеркивает крест, который рассказчик видит на своем лбу в зеркале (54).[18] В числе 330 тоже приходится видеть указание на Христа, как ни странно это в случае женщины, I—330, потому что на ее лбу дважды появляется крест («перечеркнутое крестом лицо» 124; «Я смотрю на ее лицо — на нем сейчас особенно явственно — темный крест» 140). В то время как в судьбе I—330 завершается судьба Христа, Д-503 не дана эта возможность.

Здесь же хочется отметить, что по ходу дискуссии на уже упомянутом заседании, посвященном памяти Замятина, участники натолкнулись на очень сложную и многогранную проблему, заслуживающую отдельных исследований. Задача состоит в исследовании соотношения взглядов русского авангарда и самого послереволюционного государственного строя. В какой мере соответствовала общественная формация 1919—1920 годов теоретическим представлениям русского авангарда? Данный вопрос выходит далеко за пределы этой работы, но хочется указать на то, что и в романе «Мы» наблюдается некоторая двойственность, относящееся к поставленному выше вопросу. Замятин с одной стороны широко использует символику чисел в смысловой структуре своего романа *и* одновременно рисует общество, в котором числа заменяют людей и лишают их личности. Неразрешимо противоречие между поэтической функцией чисел, порождающих поэтическую действительность разума, их глубинными соответствиями, призванными раскрыть тайный распорядок в мире, — и между миром, где числа, безжизненная власть цифр создают бесчеловечный порядок, унифицирование. Вот как можно понимать «алгебраическую революцию» у Замятина. Если «проинтегрировать бесконечное уравнение вселенной» (7), то остаются числа — сами по себе, без бесконечности.

У Замятина речь, очевидно, идет не только о том, что когда теория становится практикой, она деформируется, но и о том, что революция становится повседневностью. Как было отмечено на заседании А. Силади: не может

[17] *Е. Замятин,* О литературе, революции и энтропии (1923). В кн.: *Е. Замятин,* Лица. Нью-Йорк 1952. 250. Напрашиваются ссылки на литературные произведения наших дней, в которых изменение бунтарской личности встает тоже как медицинская проблема. В романе Кена Кези «Кукушка садится на свое гнездо» это происходит путем операции. Несколько в ином плане поднимает вопрос в своей пьесе «Эквус» Питер Шефер, где лечение больной психики оборачивается проблемой этической, проблемой *лишения* человека *творческой фантазии.*

[18] На этот момент обратила мое внимание К. Галоци, см. сноску 3.

быть государства, управляемого мистикой, мистика всегда остается индивидуальной. Как известно, Замятин ключ к истории видит в энтропии мысли, в которой пламя революции становится догмой, поэтому снова и снова требуются еретики, революции, взрывы, и «последней революции», «последнего числа нет» (148, 150).[19] Теория энтропии в ее отношении к революции прекрасно вырисовывается в уже упомянутой статье Замятина «Скифы-ли?», в образе Христа.[20] Конечная фраза мысли неожиданно перекликается с романом «Мы». Маркс, создавший идеологию нового общества, *снисходит* на землю, как бог, как Благодетель в день выборов, наделенный всеми атрибутами божества, но становится «просто» Крыленко в сфере практики (Крыленко был председателем Верховного Революционного Трибунала, главой революционной расправы). Замятин говорит не о таких штампах, как противоречие теории и практики, мысли и поступка, а о вечном процессе истории, о чередовании взрывов-революций и энтропии-спокойствия.

Единое Государство занято строительством Интеграла, уменьшенной модели самого государства, который предназначен быть целью революции «мефи». Интеграл представляет собой космический корабль в самом прямом смысле этого слова. При всех его «ракетных» свойствах, это — корабль, его построение детально описано с помощью слов из области кораблестроения (так хорошо известных Замятину, инженеру-кораблестроителю).[21] Оказывается, в системе романа дождь революции предполагает и свой Ноев ковчег, Интеграл, в котором можно спасти идею этого государства для какого-то другого мира (строго по тексту романа), и для другой эпохи. Этот аспект образа Интеграла поддерживается библейскими числами: корабль строится 120 дней от начала романа, и временная стена, отгораживающая революционеров от государства, возведена на 40-ом проспекте — роман состоит из 40 глав. Сам образ Интеграла обобщает смысл романа, переводит его в безвременность и безпространственность. Спиральная траектория Интеграла в космосе, по которой он «взовьется в мировое пространство» (7), подчеркивает эту возможность толкования.

Нет никакого доказательства или документа, свидетельствующего о том, что на замысел Замятина влияли современные художники, но есть, однако, поражающие соответствия. Известно, что Замятин интересовался искусством, в 1910—1920 гг. работал в петроградском Доме Искусств и в одноименном журнале. В одной из статей, посвященной современному искусству и Анненкову, мы встречаем фразу о сущности развития искусства со знакомой лексикой: «Спираль; винтовая лестница в Вавилонской башне; путь *аэро, кругами подымающегося ввысь*, — вот путь искусства. Уравнение движения искусства — уравнение спирали» (Курсив мой. — *Ж. Х.*).[22]

[19] См. сноску 17, 250.

[20] К сожалению, текст этой статьи доступен лишь на английском языке: «Christ on Golgotha, between two thieves, bleeding to death drop by drop, is the victor — because he has been crucified, because, in practical terms, he has been vanquished. But Christ victorious in practical terms is the grand inquisitor. And worse, Christ victorious in practical terms is a paunchy priest in a silklined purple robe, who dispenses benedictions with his right hand and collects donations with the left. [. . .] And Marx, come down to earth, is simply Krylenko» (Y. Zamyatin, A Soviet Heretic, 22).

[21] Ракетные свойства Интеграла: «удлиненный эллипсоид», «крылатый», «огненный», «ракетный двигатель». Термины кораблестроения: «поперечные ребра», «шпангоуты», «стрингера» (79, 92).

[22] *Е. Замятин,* О синтетизме (1923). В кн.: *Е. Замятин,* Лица. Нью-Йорк 1952, 233.

Форма спирали в искусстве этих лет неотделима от имени Татлина, от его памятника III Интернационала. Этот памятник по праву мог вызвать ассоциацию с Вавилонской башней.[23] Напомним, что план памятника был готов в декабре 1919 г., обсуждался инженерами (!) и архитекторами, был предметом дискуссии на страницах журнала «Жизнь Искусства» в 1919 и 1920 гг. Модель была представлена для обозрения в ноябре 1920 г. в Петрограде, открытие было отмечено митингом, который, конечно, не достиг масштаба того массового спектакля, который был разработан на случай открытия памятника.[24] Но больше всего наводит на ассоциацию с замыслом Замятина обстоятельство, что в задуманном памятнике поместились бы по плану главные учреждения будущего мирового государства. С одной стороны интересна сама мысль о будущем государстве, с другой стороны намерение собрать центр, квинтэссенцию этого государства в одном гигантическом объекте. (Эта идея поразительно перекликается с планом того общепролетарского дома, для которого роют котлован в романе А. Платонова «Котлован». На месте этого дома построят «в середине мира *башню*, куда войдут на вечное, счастливое поселение *трудящиеся всей земли*» — Курсив мой. — *Ж. Х.*)[25]

Башня памятника III Интернационала должна была строиться на спирали, с четырьмя простыми геометрическими пространствами, из стекла и стали, символизируя техническое совершенство и смелость — всё это является элементами того будущего, которое описано Замятиным. Параметры памятника, выраженные в цифрах, имеют символическое значение и сложный смысл. Огромные размеры памятника (высота его по плану была бы 400 метров, «высотою до небес», как говорится в Библии: Бытие 11, 4) демонстрируют, собственно говоря, силу человека-творца, который преодолевает любые трудности (даже законы статики) и может взять на себя управление судьбой мира вместо старого бога. Уже было отмечено, что форма спирали памятника как будто прямо указывает на Вавилонскую башню, и этот богоборческий смысл очень близок к богостроительской идее. Функционализм этого памятника-здания является характерной для 20-х годов чертой искусства, конструктивизма, который, однако, легко представить (в энтропическом-догматическом варианте) в рамках Единого Государства. (Допустим однозначно не доказуемое предположение о созвучии между словами «Интеграл» и «Интернационал».) Думается, что при всей кажущейся недоказанности параллельность идей Татлина и Замятина достойна внимания даже в том случае, если здесь речь идет всего лишь о случайном совпадении, которое, однако, показывает, как общая эпоха нашла отражение в разных жанрах, но в сходных формах.

март 1987 г.

[23] Интересно, что Вавилонская башня неоднократно фигурирует в рассказе о Великом Инквизиторе (Достоевский: Братья Карамазовы. Берлин 1919, 387—384). У Ивана Карамазова Вавилонская башня является образом бесцельного страдания людей, у которых «потребность *всемирного соединения* есть третье и последнее мучение» (там же, 394 — курсив мой. — *Ж. Х.*). А вождей общества Великий Инквизитор называет *благодетелями* (там же, 397). Напомним, что Замятин ссылается на Великого Инквизитора в цитате, которую я привела в сноске 20.

[24] *А. Стригалев*, О проекте «Памятника III Интернационала» художника В. Татлина. Москва 1976. Данные взяты из этой работы.

[25] *А. Платонов*, Котлован. Ardis, 1973, 27—28. Продолжение цитаты такое: «Прушевский мог бы уже предвидеть теперь, какое произведение статической механики, в смысле искусства и целесообразности следует поместить в центре мира, но не мог . . . вообразить жителей будущей башни посреди всемирной земли».

Бульвар, собаки, тополя и бабочки

(Разбор одной главы «Охранной грамоты» Пастернака)

JERZY FARYNO (Warszawa)

Как художественное образование «Охранная грамота» все еще остается в тени своих биографических, историко-литературных и декларативных эстетических пассажей.[1] Такому положению вещей способствует, несомненно, как вдвинутость «Охранной грамоты» в промежуточный паралитературный жанр автобиографического очерка, усиленная затем новым вариантом 1956 г. «Люди и положения» (носившего первоначально заглавие «Вместо предисловия» — Пастернак 1982, 413—467 и комментарии на с. 489), так и отсутствие в ней фиктивности — все имена, все топографические указания, все упоминаемые события вплоть до мелочей легко поддаются верификации и идентификации. Даже заведомо субъективное — эмоции или соображения и рассуждения — не выдается здесь за объективное. Оно закрепляется за субъектом текста — «Я», с которого не снимается тождество 'Я — Борис Пастернак' — и всегда помечено индексом обстоятельств и времени, особенно систематически в случае расхождений между «Я»-описываемым и «Я»-описывающим, т. е. актуально составляющим текст «Охранной грамоты» (ср. хотя бы следующую фразу в начале 17-ой главки Части второй — Пастернак 1982, 250: «Я глядел на это зрелище глубже и более расплывчато, нежели это выражают теперь мои формулировки. Я не старался осознать увиденное в том направлении, в каком его сейчас истолкую. Но впечатления сами отложились у меня сходным образом в течение лет, и в своем сжатом заключении я не удаляюсь от правды», где под 'правдой' понимается не некая обязывающая всякого закономерность, а 'несочиненность' впечатлений и заключений описываемого 'себя тогдашнего').

«Охранная грамота» — такое произведение, которое стремился, но не был в состоянии, создать реализм XIX в., т. е. произведение ликвидирующее зияние между внетекстовой действительностью и художественным текстом. В этом отношении предтечей «Охранной грамоты» следует, видимо, считать «Историю вчерашнего дня» Льва Толстого. Однако ни Толстой, ни реализм в целом не преодолел разницы между знаковой и незнаковой системами, т. е. между языком и миром или между знаком и его референтом. Она обернулась жанровым зиянием — расколом на очерк и роман (а шире — нарративные жанры), который оказался тем ощутимее, что заведомо художественная нарративная конструкция стала 'говорить' на чужом языке, в том числе и на языке очерка — пример тому, в частности, Чехов и его «Степь. История одной поездки» (в современной нарратологии это явление определяется как «нарративная маска» — см. Дрозда 1982). Такой «чужой язык», как известно, — не любой язык, а 'язык референциальной речи', и сближение

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

с очерком — не первопричина, а как раз следствие установки на референциальность долженствующей якобы снять дистанцию между 'художественностью', и 'реальностью', но фактически снимающей всего лишь формальную разницу между художественной и нехудожественной жанровыми (речевыми семиотическими) системами со всеми вытекающими отсюда следствиями для текстопостроения (ср. описание системы реализма в: Дёринг-Смирнова, Смирнов 1982, 9—71). Ни референтность, ни совпадение знака с референтом тут не осуществилось: знак исчез в пользу мнимого референта и уподобился знаку в практической коммуникации, но референт остался в пределах текста (остался 'фикцией') — он сам перенял функцию знака, отсылающего к своему зеркальному дублету вне текста. Так фиктивные референты стали играть роль фактических референтов, т. е. стали знаками не-знаков. Теперь легко понять, что такие внутритекстовые 'референты знаки не-знаков' получили характер семантики (содержания) без плана выражения, превратились в носителей чистого смысла и максимально сблизились с категорией символа — стали обладать собственной значимостью, выдавать свои 'психологические', 'социальные', 'общеэстетические' или 'общекультурные' коннотации, а этим самым — отсылать к реальности иного порядка, чем бытовая действительность (это, кстати, проницательно подметил уже Белый в своем отзыве на 'Вишневый сад», говоря, что писатель-реалист, сам того не ведая, проникает в запредельное, и даже если ему сказать, что его действительность уже вовсе не реальная действительность, — не поверит; см.: Белый 1904). В позитивизме самое потрясающее не то, что он имитирует референциальную речь и не замечает моделирующего аспекта нехудожественных жанров, а то, что он так и не порывает с речью художественной, т. е. с речью автореферентной, и строит с ее помощью 'зеркальные отражения реальности', 'второй' такой же мир без возможности перехода из одного в другой (лучший пример этого явления, наличия этой незримой, но и непреодолимой границы — натуралистические постановки Станиславского с аутентичными реквизитами на сцене и со зрительным залом, ведущим себя по правилам 'отсутствующего').

Намеченный реализмом идеал осуществляется, в частности, «Охранной грамотой». И в нескольких аспектах сразу. Это и построение сугубо референциальное — жанр автобиографического эссе сохранил тут свою самостоятельность, не стал 'чужим языком' или «нарративной маской»; и построение интертекстуальное — включенное в диалог с другими современными текстами и предполагающее ответные реакции (эта сторона «Охранной грамоты» детально рассмотрена в: Флейшман 1981); и чисто художественное — автореферентное — образование. Механизм, позволивший объединить в одном тексте два противоположных принципа, пока еще не разработан теоретически, по интуитивно его можно определить как 'механизм удвоения и дешифровки'. Если у реалистов вплоть до Чехова один из дублей остается за пределами текста, то у Пастернака оба дубля реализованы в пределах одного и того же текста. Один из них — в данном случае 'автобиографический очерк' — строит некую культурему (тут — биографию Пастернака), которая может, но это не обязательное условие, обладать референтностью. Референтность, как легко понять, здесь стихийна, поскольку реальность такого образования — реальность к у л ь т у р н а я. Другой же — «Охранная грамота» — являет собой дубль или повтор первого и призван не только конституировать первый как значимый, т. е. сообщать ему статус семиотического образования, но и д е ш и ф р о в а т ь его значимости. Референтная реальность

остается реальностью, дешифрующий же дубль 'обучает языку' (или коду) этой реальности и превращает ее в сообщение. В итоге сообщение и им сообщаемое меняются местами: носителем сообщения становится сообщаемое (это как раз и есть та ситуация, которой добивались, но не добились, реалисты). В переводе на иные термины можно сказать, что тут не сообщение передается при помощи семиотической системы (кода), а семиотическая система (код) передается при помощи сообщения (подробнее об этом механизме см. в: Faryno 1987b и 1988a).

Главка 4 Части третьей «Охранной грамоты» едва ли не самая показательная в данном отношении. Во всяком случае, именно в ней наиболее четко эксплицирован механизм отождествления текстовой и внетекстовой реальностей и механизм их взаимошифровки и взаимодешифровки. Текст этой главки воспроизводится по изданию: Пастернак 1982, 263—264. Ради удобства отсылок абзацы нумеруются римскими цифрами, а предложения — сплошной арабской нумерацией:

I 1. Случай столкнул нас на следующий день под тентом греческой кофейни. 2. Большой желтый бульвар лежал пластом, растянувшись между Пушкиным и Никитской. 3. Зевали, потягиваясь и укладывая морды поудобней на передние лапы, худые длинноязыкие собаки. 4. Няни, кума с кумой, все о чем-то судачили и о чем-то сокрушались. 5. Бабочки мгновеньями складывались, растворясь в жаре, и вдруг расправлялись, увлекаемые вбок неправильными волнами зноя. 6. Девочка в белом, вероятно совершенно мокрая, держалась в воздухе, всю себя за пятки охлестывая свистящими кругами веревочной скакалки.

II 7. Я увидел Маяковского издали и показал его Локсу. 8. Он играл с Ходасевичем в орел и решку. 9. В это время Ходасевич встал и, заплатив проигрыш, ушел из-под навеса по направлению к Страстному. 10. Маяковский остался один за столиком. 11. Мы вошли, поздоровались с ним и разговорились. 12. Немного спустя он предложил кое-что прочесть.

III 13. Зеленели тополя. 14. Суховато серели липы. 15. Выведенные блохами из терпенья, сонные собаки вскакивали на все лапы сразу и, призвав небо в свидетели своего морального бессилья против грубой силы, валились на песок в состоянии негодующей сонливости. 16. Давали горловые свистки паровозы на Брестской дороге, переименованной в Александровскую, и кругом стригли, брили, пекли и жарили, торговали, передвигались — и ничего не ведали.

IV 17. Это была трагедия «Владимир Маяковский», тогда только что вышедшая. 18. Я слушал, не помня себя, всем перехваченным сердцем, затая дыханье. 19. Ничего подобного я раньше никогда не слыхал.

V 20. Здесь было все. 21. Бульвар, собаки, тополя и бабочки. 22. Парикмахеры, булочники, портные и паровозы. 23. Зачем цитировать? 24. Все мы помним этот душный таинственный летний текст, теперь доступный каждому в десятом изданьи.

VI 25. Вдали белугой ревели локомотивы. 26. В горловом краю его творчества была та же безусловная даль, что на земле. 27. Тут была та бездонная одухотворенность, без которой не бывает оригинальности, та бесконечность, открывающаяся с любой точки жизни, в любом направленьи, без которой поэзия — одно недоразуменье, временно не разъясненное.

VII 28. И как просто было это все. 29. Искусство называлось трагедией. 30. Так и следует ему называться. 31. Трагедия называлась «Владимир Маяковский». 32 Заглавье скрывало гениально простое открытье, что поэт не автор, но — предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру. 33. Заглавье было не именем сочинителя, а фамилией содержанья.

Разбирая «Тему с вариациями», я обращаю внимание на то, что в Пастернаковском (и авангардном вообще) текстопостроении реализуется формула палиндрома. Это значит, что такой текст допускает двойное чтение — чтение в нормативном заданном порядке текста и чтение в обратном порядке, с конца текста. Но такая палиндромная конструкция — не исходный текстопорож-

дающий принцип, а следствие принципа более фундаментального, т. е. принципа дешифровки или семантической экспликации. В переводе на лингвистические термины это надо понимать как отмену предикации. Предикат, в силу законов рекуррентности (см.: Смирнов 1985а; Гагуло 1987а), занимает позицию семантического дубликата и играет роль составной 'семы' якобы предицируемого. Результат таков, что оба члена такой конструкции семантически эквивалентны, а она сама допускает чтение в обоих направлениях (подобно статье в словаре синонимов или в словаре семантическом). С той разницей, что при нормативной последовательности первый член выступает в роли плана выражения, а второй в роли плана содержания, а при обратной они меняются ролями: бывшее 'семой' получает характер плана выражения, а бывший план выражения — характер 'семы'. Первый — обучает 'коду', второй — выдает 'содержание' этого же 'кода' и превращает 'код' в сообщение.[2] Излагаемый механизм предельно четко выведен Пастернаком в интересующей нас главе в ее последнем абзаце (VII):

29. Искусство называлось трагедией. 30. Так и следует ему называться.,

где 'трагедия' — не предикат «искусства», а именно его содержание, семантика или 'сема'. Предикатность же снята с 'трагедии' фразой 30: «Так и следует ему называться», фразой, которая вводит отношение адекватности или содержательной релевантности между именами «трагедия» и «искусство». Поэтому именно с равным успехом можно было бы сказать: 'трагедия — это искусство'. Но данный пассаж гораздо сложнее, в нем реализуется более детальная экспликация исходного мотива 'простоты', по отношению к которому «искусство» уже только 'сема первой генерации':

«просто [. . .] это все» → 'искусство' → "трагедия" → "'«Владимир Маяковский»'" → ""поэт-Владимир Маяковский"" → """предмет-содержанье лирики""".

Движение в нормативной последовательности каждую предыдущую генерацию ставит в позицию плана выражения для очередной, а каждая очередная генерация оказывается всё еще сложной и подлежащей разложению на более элементарные и более глубокие семы. В заданной Пастернаком последовательности место наиболее элементарной 'семы' отведено 'предмету-содержанью лирики'. И теперь, чтобы ответить на вопрос 'Каково же это содержанье?', нет необходимости строить никаких догадок — достаточно этот же пассаж прочитать в обратном порядке. Им, в рамках разбираемого пассажа, последовательно будут:

'поэт-Владимир Маяковский' → "«Владимир Маяковский»" → "'трагедия'" → ""искусство"" → """простота""" или """просто [. . .] это все""".

Круг, таким образом, сомкнулся: самый поверхностный план выражения оказался одновременно и самым глубоким планом содержания. «Просто [. . .] это все» оказалось и планом выражения и планом содержания, т. е. 'предметом-содержаньем лирики'. Промежуточные же звенья образуют трансфозмационную цепь одного в другое, а точнее — обращение одного и того же в собственное содержанье и собственное же выраженье. Факт же, что роль трансформирующих звеньев 'всего' в 'предмет лирики', а 'предмета лирики' во 'всё' возложена тут на «трагедию», «трагедию 'Владимир Маяковский'» и «поэта» (с подразумеваемым 'личность Владимира Маяковского'), — это уже Пастернаковская концепция и искусства (его генезиса), и Маяковского как явления культуры.

В крайнем редуцированном виде такая экспликационная парадигма имеет характер буквального повтора и семантической тавтологии. Такой минимальный текст, собственно, и есть исходный и универсальный (далее уже не редуцирующийся) художественный текст. Пастернак прекрасно отдает себе в этом отчет и уже в 1915 г. в рассказе «Апеллесова черта» искомый 'инвариант' художественного построения определяет как «лаконизм черты Апеллесовой», тут же реализуя его как «часть фразы, без начала и конца» (Пастернак 1982, 21):

«но Рондольфина и Энрико, свои былые имена отбросив, их сменить успели на небывалые доселе: он — «Рондольфина!» — дико вскрикнув, «Энрико!» — возопив — она».

Основная художественная задача «Апеллесовой черты» — раздвинуть тавтологическое образование «Рондольфина» — 'Рондольфина' и «Энрико» — 'Энрико' и построить трансформацию «Рондольфина» → '. . .' → «Рондольфина» и «Энрико» → '. . .' → «Энрико», а сюжет сводится к показу как «Рондольфина» стала «Рондольфиной» и «Энрико» стал «Энрико», т. е. как были 'отброшены' их «былые имена» или как был снят план выражения. Отсутствие же «начала и конца» говорит о другом. Возможное некое «начало» тут предполагает продление экспликации вспять и показ 'откуда взялась «Рондольфина» и откуда взялся «Энрико»', т. е. экспликацией какого предшествующего состояния они являются (не вдаваясь в подробности, достаточно только сказать, что «Рондольфина» эксплицируется из «Феррары» и «Ариосто», а «Энрико» — из «Генриха Гейне» вплоть до 'архепоэтического начала'), а возможное некое 'продолжение' и «конец» — 'обратное чтение', показывающее, какое содержание стоит за их 'нынешней ипостасью' (им оказываются те же «Рондольфина» и «Энрико»). Круг замыкается, не имея ни начала ни конца, однако это не обычный круг, а круг меняющий местами план выражения и план содержания и этим самым меняющий и онтологический статус 'предмета лирики' (тут — персонажей). 'Лирикой' же (шире — искусством) оказывается сам трансформирующий механизм, механизм 'повтора повтора' или 'удвоения тавтологичного, т. е. удвоенного' (это в «Апеллесовой черте» выражено, в частности, мотивом перерождающего локуса «Гостиница „Торквато Тассо"» и 'апартамент' «№ 8», где '8' — и символ бесконечных метаморфоз, и символ вечности, и, одновременно, иконическая эмблема — или иконическая 'сема' — композиции рассказа и 'искусства вообще'). Вот по этой как раз причине в разбираемой главке «Охранной грамоты» 'трагедия-лирика' оказывается 'автором поэта' и в итоге — 'собственного содержанья' (именование ее 'трагедией' сообщает ей характер 'перестраивающего, перерождающего' начала и в данном отношении она — один из эквивалентов Пастернаковских 'гостиниц' и 'адских локусов', т. е. локусов 'смерти-перерождения').

Степень сдвинутости дублей может быть и нулевой: тогда мы имеем дело со словоформой с прозрачной 'внутренней формой' или с формальным фактическим палиндромом (эти явления часты, например, у Цветаевой или у Хлебникова). О степени же раздвинутости пока говорить сложно без предварительных более детальных исследований (тем не менее эта развинутость не может быть бесконечной). Промежуточные экспликационные звенья-'семы', как уже говорилось, отражают авторскую концепцию и могут считаться 'моделирующей системой данного автора'. И все-таки они не произвольны, не вносятся в текст извне, а порождаются как семантическая (или

формальная) парадигма исходной словоформы или 'семемы', почему и воспринимаются как 'естественные семы' того или иного исходного или предшествующего 'мотива'. Само собой разумеется, что исходный 'мотив' должен быть относительно сложный, допускать большое число 'предикатов', т. е. быть 'культуремой' или 'мифологемой'. И это как раз и позволяет как 'индивидуализировать' экспликационную парадигму, так и вступать в диалогические отношения с наличными в культуре и литературе 'мифологемами' и 'культуремами' и на протяжении всей парадигмы в целом и на отдельном ее экспликационном шаге. Именно тут и возникает так называемая интертекстуальность реконструктивного или конструктивного характера (см.: Смирнов 1985b), с одной стороны, а с другой — перестройка общекультурных или 'чужих' 'мифологем-культурем' и формирование (модифицирование, моделирование) 'новых' ('авторских', 'полемических'). В VII абзаце разбираемой главы «Охранной грамоты» такой 'новой' и 'полемической' 'культуремой' является мена местами 'автора' и 'лирики' (где «поэт не автор, но — предмет лирики», автором же 'поэта-предмета лирики' является «лирика»), с одной стороны, а с другой — 'лирика', в семический состав которой входит (вопреки всякой традиции) сема 'трагедия'. Первая 'культурема' и в пределах данного пассажа объявляется 'новой, открытьем' («Заглавье скрывало гениально простое открытье»), и входящей в состав (извлекаемой из состава) культуремы 'Владимир Маяковский', вторая же — закономерной («Искусство называлось трагедией. Так и следует ему называться»), актуализирующей распространенные предикации типа 'Лирика — это искусство слова' и 'Искусство требует жертв' (последнее, конечно, получает особое истолкование — ср. хотя бы «О, знал бы я, что так бывает, Когда пускался на дебют, Что строчки с кровью — убивают, Нахлынут горлом и убьют! [. . .] Но старость — это Рим, который Взамен турусов и колес Не читки требует с актера, А полной гибели всерьез» — Пастернак 1965, 371), но уже в статусе составных сем 'лирики', а не факультативных ее предикатов.[3]

Если положение о том, что 'семы' экспликационной парадигмы вводятся в текст не извне и не имеют произвольного характера, а выводятся из семантического состава предшествующих 'мотивов' (или 'словоформ'), — если это положение верно, то тогда имеет смысл спросить: 'откуда взялись или из чего выведены такие семы последнего абзаца как 'искусство', 'трагедия' или 'Владимир Маяковский'?'. Само собой разумеется, что не менее закономерен в данном случае и встречный вопрос: 'куда девались, во что трансформировались или на какие семы разложились инициальные мотивы этой главы, например, мотивы «греческой кофейни» и «бульвара»?'. Наиболее полный и убедительный ответ получится, надо полагать, в случае двустороннего (ресипрокатного) чтения этого текста.

Будучи самостоятельной парадигмой экспликаций абзац VII является обдновременно всего лишь одной относительно крупной семой по отношению к предшествующему тексту. Предложение «И как просто было это все» (28) по закону связности текста под «это все» подразумевает сказанное выше — по крайней мере в абзацах V—VI, если и вообще не во всей главе — и упреждает о том, что дальше последует изложение (семантическая экспликация, переложение на более простой язык, объяснение) сказанного выше, что выражено словами «И как просто». В итоге сема 'просто [. . .] это все' (с ее последующей экспликацией в VII) поставлена тут в позицию семы абзацев V—VI, т. е. мотивов «Здесь было все. Бульвар, собаки, тополя и бабочки. [. . .]

Вдали белугой ревели локомотивы. [. . .]» (20—27). А это значит, что семы 'трагедия-лирика' и 'Владимир Маяковский' абзаца VII-го выведены из семического состава мотивов «Бульвар, [. . .], локомотивы» абзацев V—VI.

Легко заметить, что абзац V (и следующий за ним VI-ой) тоже поставлен в позицию 'семы' по отношению к предшествующему тексту, и прежде всего к абзацу IV. «Здесь было все» (20) своим «здесь» отсылает к мотиву абзаца IV «трагедия «Владимир Маяковский»», а словом «всё» открывает долженствующее наступить изложение содержания или хотя бы мотивики той названной раньше «трагедии». Содержащие в себе 'сему' 'трагедия» и сему 'Владимир Маяковский' мотивы «Бульвар, [. . .], локомотивы» абзацев V—VI сами оказались 'семами' 'Бульвар, [. . .], локомотивы' предваряющего мотива «трагедия «Владимир Маяковский»» абзаца IV (что дополнительно подчеркнуто именно семантическим переходом от 19 «Ничего подобного я раньше никогда не слыхал» к 20 «Здесь было все», переходом, который вводит сказанное позже, в V и VI, именно как 'содержание' сказанного раньше, а точнее — 'услышанного' повествующим субъектом).

Вырисовывающаяся формальная картина экспликаций выглядит пока так:

«трагедия «Владимир Маяковский»» → 'Бульвар, локомотивы' → "искусство" → "'трагедия'" → "'"Владимир Маяковский"'" → "'"'поэт-Владимир Маяковский"'" → "'"'"предмет-содержанье лирики"'"',

где «трагедия «Владимир Маяковский»» удвоена и раз выступает в роли мотива, а потом в роли глубинной семы этого же мотива, которая разложена на очередные более глубокие семы с меной местами между произведением и автором — 'Маяковский' стал 'предметом-содержаньем' его же собственной 'трагедии-лирики'. Удвоилась также и «трагедия», став и текстом и собственным содержанием. Так «трагедия «Владимир Маяковский»» превратилась тут в 'трагедию Владимира Маяковского'. Круг, казалось бы, замкнут. Однако это не так. И здесь, как и в «Апеллесовой черте», Пастернаковский мир и Пастернаковская текстопорождающая установка носят характер не круга, а 'восьмерки' или, говоря менее фигурально, конверсивного повтора повтора. Это голым глазом видно в абзацах IV, III и II.

Позиционально абзацы V и VI занимают место изложения содержания упомянутой в абзаце IV трагедии «Владимир Мачковский». Поэтому читатель не знающий этой трагедии (например, иностранец случайно читающий «Охранную грамоту») так это и воспримет. Тем временем данные абзацы вовсе не излагают трагедию «Владимир Маяковский», а отсылка к якобы всеобщему знакомству с ней (23—24: «Зачем цитировать? Все мы помним этот [. . .] текст, теперь доступный каждому в десятом изданьи») рассчитана как раз на то, что будут замечены и учтены расхождения между позициональной семантикой мотива «трагедия «Владимир Маяковский»» и содержанием реального произведения трагедия «Владимир Маяковский». Это расхождение и подготовлено абзацами II—IV.

Читая в нормативном порядке II → III или 12 → 13—16, абзац III читатель вправе воспринять как изложение 'читаемого Маяковским': «Немного спустя он предложил кое-что прочесть» вызывает ожидание чего-то связанного с 'читаемым': цитаты, предмета читки, заглавия произведения, способа чтения или хотя бы вызываемого этим чтением впечатления слушающего. Абзац IV, его фраза 17 «Это была трагедия «Владимир Маяковский»» поддерживает прежде вызванное ожидание и тоже — позиционально — абзац III

зачисляет в ранг 'изложения читанного-услышанного'. Единственно знание реалий, т. е. знание трагедии «Владимир Маяковский» и что такое «Брестская дорога», выдает, что абзац III — инородный текст, описывающий, так сказать, локус, в котором происходит данное чтение, но никак не содержание читаемого-слушаемого. Так формальная текстовая структура меняет семиотический ранг реальности: ставит ее в позицию 'семы' текста Маяковского (чего-то, что «предложил [. . .] прочесть» Маяковский). Референциальная же структура (отсылки к знаниям читателя и к реальности, создаваемой биографичностью и очерковостью «Охранной грамоты») удерживает эту реальность в ее собственном статусе 'реальности', т. е. вне произведения Маяковского. Этот двойной статус 'семы' и 'реальности' абзаца III и есть момент конверсии (в 'восьмерке' ему соответствует точка пересечения 'кругов', в художественном построении — момент прекращения повтора и переход к очередному повтору, а в общеязыковой или общесемиотической структуре — момент катахрезы; по поводу катахрезы см.: Biti 1987; Smirnov 1984; Смирнов 1986; Дёринг-Смирнова, Смирнов 1982, 72—133; о катахрезе у Пастернака см.: Faryno 1988a).

Чтение в обратном порядке IV → III → II «трагедию «Владимир Маяковский»» ставит в позицию плана выражения для содержания абзаца III. 'тополя, липы, собаки и паровозы' оказываются 'семами' «трагедии», сохраняя одновременно, как уже говорилось, и статус 'внетрагедийной', реальности. В итоге семическим составом «трагедии «Владимир Маяковский»» оказывается окружающая 'чтение' (Маяковского и Пастернака) московская реальность. В последовательности III → II эта московская реальность оборачивается планом выражения 'чего-то читаемого Маяковским'.

На этом формальный эксплицирующий текстовый механизм обрывается. Причина объясняется при нормативном порядке чтения: согласно ему, здесь он как раз включается и трансформирует созданную в I—II реальность в «трагедию «Владимир Маяковский»» и ее 'содержание' или — иначе — эксплицирует смысл этой реальности. Факт, что в этой точке текста локализован 'читающий Маяковский', не обладает особой значимостью: тут мог бы быть любой из Пастернаковских 'архепоэтов' (Рильке, Толстой — вплоть до alter ego самого Пастернака в любой его ипостаси) с одним только обязательным условием: 'быть артикулирующим — рече- и стихо-генным началом'. Выбор Маяковского для этой фундаментальной Пастернаковской позиции — вопрос индивидуальных предпочтений и индивидуальных (внеэстетических) воззрений Пастернака на культуру XX в.[4] Выбор же трагедии «Владимир Маяковский», а не чего-либо из созданного Маяковским до мая 1914 г., уже более жестко определяется Пастернаковской системой: жанр трагедии предельно близок катахрезе, с одной стороны, а с другой, — предполагает повтор-дешифровку первоначально не разгаданного плана выражения.[5]

Семический состав 'читаемого Маяковским' (III—VI) не взят все-таки из Маяковского. Он повторяет в качестве 'сем' мотивный состав московской реальности, выведенной прежде всего в абзаце I. Следуя этому механизму и читая главу вспять, надо бы сказать, что «трагедия «Владимир Маяковский»» наличествует уже там, и что Пастернак ее не 'сочиняет', а всего лишь выявляет (эксплицирует) прибегая на референциальном уровне к 'читке Маяковского', а на формальном текстовом — к повтору, к тому к повтору слишком буквальному, чтобы нужная 'трагедийность' возникла стихийно из банальной и идиллической (внешне) картинки абзаца I. Отсюда и очередная

задача предлагаемого разбора: руководствуясь Пастернаковским же экспликационным методом хотя бы частично проникнуть в семантическую (смысловую) парадигматику как абзаца I, так и главы в целом.

Описанная в этой главе встреча с Маяковским судьбоносна для Пастернака, что и разъясняется затем в главках 5 и 11:

«Собственно, тогда с бульвара я и унес его всего с собою в свою жизнь. [. . .] К нему нельзя было привыкнуть. Что же в нем было столь непрывычного?

[. . .]

Привыкнуть нельзя было к Владимиру Маяковскому трагедии, к фамилии содержанья, к поэту, извечно содержащемуся в поэзии, к возможности, осуществляемой наиболее сильными, а не к так называемому «интересному человеку».

С зарядом этой непрывычности я и пошел домой с бульвара. Я снимал комнату с окном на Кремль» (Пастернак 1982, 264—265).

«Вернушись в совершенном потрясения тогда с бульвара, я не знал, что предпринять. Я сознавал себя полной бездарностью. Это было бы еще с полбеды. Но я чувствовал какую-то вину перед ним и не мог ее осмыслить. Если бы я был моложе, я бросил бы литературу. Но этому мешал мой возраст. После всех метаморфоз я не решился переопределяться в четвертый раз.

Служилось другое. [. . .] Я отказался от романтической манеры. Так получилась неромантическая поэтика «поверх барьеров» (Пастернак 1982, 272).

Весь этот маршрут Пастернаковского «Я» предварен первой встречей с Маяковским в главке 3, являющей собой экспликацию последней фразы главки 2 — «Победителем и оправданьем тиража был Маяковский» (Пастернак 1982, 260):

«Наше знакомство произошло в принужденной обстановке групповой предвзятости. Задолго перед тем Ю. Анисимов показал мне его стихи в «Садке судей», как поэт показывает поэта. [. . .]

[. . .]

Был жаркий день конца мая и мы уже сидели в кондитерской на Арбате, когда с улицы шумно и молодо вошли трое», т. е. Шершеневич, Большаков и Маяковский.

[. . .]

Вдруг переговоры кончились. Враги, которых мы должны были уничтожить, ушли непопранными. Скорее условия выработанной мировой были унизительны для нас.

Между тем на улице потемнело. Стало накрапывать. [. . .] Аляповатый город горел финифтью и фольгой, как в «золотом петушке». Блестела лаковая зелень тополей. Краски были в последний раз той ядовитой травянистости, с которой они вскоре навсегда расстались. Я был без ума от Маяковского и уже скучал по нем. Надо ли прибавлять, что я предал совсем не тех, кого хотел» (Пастернак 1982, 260 261, 263).

После этого и следует главка 4 с ее инициальной фразой «Случай столкнул нас на следующий день под тентом греческой кофейни».

Последовательность данного маршрута очевидна: 'кондитерская на Арбате' → 'ночной сказочный город' и «Я был без ума от Маяковского» → 'греческая кофейня' → 'потрясенье', 'комната с окном на Кремль', и новая «поэтика «Поверх барьеров»». В ней реализуется системное перерождение Пастернаковского «Я», обретение им 'самотождественности', под которой понимается слияние со своей сущностью 'поэта' (такова, в частности, тут роль мотива 'комнаты с окном на Кремль' с устойчивым у Пастернака значением 'комнаты с окном' как стихогенного локуса, если и вообще не инвариантного 'двойника-поэта', и значением 'Кремля' как 'смыслового центра творчества' или 'инвариантной точки устремления искусства'). Состояния 'быть без ума' и 'потрясенья' — такие же системные Пастернаковские состояния в кризисный, перерождающий момент, в момент катахрезы, принципиально пере-

страивающий Пастернаковское «Я» и переводящий его в иной онтологический статус (в статус 'вненаходимости' и 'поэта'). В этих 'метаморфозах' 'греческой кофейне' и 'Маяковскому' предпослана и та же системная позиция в парадигме 'перестраивающих факторов' и та же функция 'перестраивающего начала'. С данной точки зрения 'греческая кофейня' и 'Маяковский' — смысловые и функциональные эквиваленты. В рамках главы 4 и ближайшего ее контекста Пастернак движется еще дальше, наделяя 'греческую кофейню' и 'Маяковского' если и не признаком изоморфизма, то, во всяком случае, признаком изосемантизма.

Последовательность 1 → 2—6: «[. . .] под тентом греческой кофейни» → «Большой желтый бульвар лежал пластом, растянувшись между Пушкиным и Никитской. [. . .]» включает «бульвар» вовнутрь «кофейни»; всё происходящее в 2—6 данная синтаксическая конструкция позволяет понимать как происходящее «под тентом».

Последовательность 2—6 ⇄ 7 заставляет понимать «Я увидал Маяковского» как местоимение (или имя) изложенного в 2—6, т. е. данного пространства и его заполнения (это тем очевиднее, что в фразе «Я увидал Маяковского издали и показал его Локсу» 'Маяковский' поставлен в позицию данного, которым, согласно тексту, был весь абзац I; местоимение же «нас» и слишком удалено от «Маяковского» и к тому отсылает к последним фразам предыдущей — 3-ей — главы).

Формальная конструкция осталась бы, естественно, бездейственной, если бы она не реализовалась и на уровне семантики.

В главе 5 и 11 'греческая кофейня' не упоминается, она подменена 'бульваром': «тогда с бульвара я и унес его всего с собою в свою жизнь» и «Я рассказал, каким вошел Маяковский в мою жизнь. [. . .] Вернувшись в совершенном потрясении тогда с бульвара, я не знал, что предпринять», где вполне отчетливо уравнены значимости 'Маяковского' и 'бульвара'.

'Бульвар' определен как «Большой желтый» и «между Пушкиным и Никитской». 'Желтый' присутствовал в главе 3 сначала в упоминании «желтой кофты» Маяковского, затем — «Золотого петушка» с отчетливой отсылкой к «Сказке о золотом петушке» Пушкина. Более того: там 'Маяковский' дан как 'монумент', как 'скульптурная поза' — «Из этих поз [предвосхищающих будущее. — *J. F.*] [. . .] он выбрал позу внешней цельности, для художника труднейшую [. . .]. Эту позу он выдержал с таким совершенством, что теперь почти нет возможности дать характеристику ее подоплеки» и сразу же за этими словами следует расшифровка «желтой кофты»:

> «А между тем пружиной его беззастенчивости была дикая застенчивость, а под его притворной волей крылось феноменально мнительное и склонное к беспричинной угрюмости безволье. Таким же обманчивым был и механизм его желтой кофты. Он боролся с ее помощью вовсе не с мещанскими пиджаками, а с тем черным бархатом таланта в самом себе, приторно-чернобровые формы которого стали возмущать его раньше, чем его бывает с людьми менее одаренными» (Пастернак 1982, 262).

Если учесть, что топоним «Никитская» содержит в себе смысл 'победы' (от греч. *νικάω* — 'побеждать'), то локализация 'желтого бульвара' «между Пушкиным и Никитской» семантизирует этот 'бульвар' соответственно с семантизацией «желтой кофты», т. е. 'позы' и 'борьбы', причем борьбы внутренней, с самим собой. Слова же «желтый бульвар лежал пластом, растянувшись между Пушкиным и Никитской» повторяют семы 'воли' и 'безволья', с одной

стороны, а с другой — вводят смысл 'страстей-распятия-воскресения' (это станет очевидностью, если сопоставить предваряющий мотив «Золотого петушка» с мотивом «петухов» в главке 16, посвященной самоубийству и именно 'воскресению-вненаходимости' Маяковского — см.: Пастернак 1982, 280—283).

'Желтая кофта' — уже естественная 'культурема', означающая 'Маяковского' и отсылающая к его поведенческим и идеологическим манифестам. 'Бульвар', читаемый как 'площадь', — такой же естественный мотив поэзии Маяковского и созданной в ней эквиваленции 'Я — улица, площадь' (или, как в трагедии «Владимир Маяковский» — 'слеза площадей'). Но кроме этого Пастернаковская эквиваленция 'желтая кофта — желтый бульвар' строится на непосредственной их семантике, на семантике 'защиты-борьбы'. В случае «кофты» она выведена эксплицитно: «Он боролся с ее помощью». В случае «бульвара» — имплицитно: в возможном чтении имени «Пушкин» как связанного с 'пушкой', имени «Никитская» как связанного с 'победой' и самого «бульвара» как 'крепостного вала' или 'бастиона' (русское 'бульвар' восходит к немецкому das Bollwerk — 'бастион', 'оплот' или к ср.-нидерландскому bolwerk — 'крепостной вал'). Родственная семантика стоит и за «тентом»: англ. tent — 'палатка', 'шатер', 'навес' (ср. в главе 3 уподобление «кондитерской» 'военному лагерю', а в главе 1 аналогичное изображение «бульваров»: «Цепь бульваров прорезала зимами Москву за двойным пологом почернелых деревьев. В домах желтели огни, как звездчатые кружки перерезанных посередине лимонов. [. . .] По бульварам, нагибаясь, как для боданья, пробегали бедно одетые молодые люди», «за деревьями по всем бульварам караулила сила, страшно бывалая и искушенная, [. . .]»). И, тем не менее, весь этот 'военный лагерь' не самостоятелен — он на правах 'семы' входит в состав инициального мотива «греческой кофейни».

Впервые в «Охранной грамоте» она упоминается в восьмой лавке Части первой (Пастернак 1982, 208):

> «Хотя у летней кофейни на Тверском бульваре не было своего названья, звали ее все Café grec. Ее не закрывали на зиму, и тогда ее назначенье становилось странною загадкой. Однажды не сговариваясь, по случайности, сошлись в этом голом павильоне Локс, Самарин и я. Мы были единственными его посетителями не только в тот вечер, но, может быть, и за весь истекший сезон. Дело переламывалось к теплу, потягивало весной».

И тут, как видно, данная «кофейня» — судьбоносна и судьбоопределяюща. И дело не только в том, что в ней зашел чреватый последствиями для «Я» разговор о Марбурге. Дело в том, что и тогда «Я» попадает в нее 'по велению случая' (ср.: «Однажды не сговариваясь, по случайности, сошлись в этом павильоне Локс, Самарин и я» и «Случай столкнул нас на следующий день под тентом греческой кофейни»). Такой систематический 'случай' позволительно определить как 'знамение Судьбы', 'Рока' или — соответственно названию 'кофейни' — как реализацию эллинского божества случая или случайности Тихе (в частности, персонифицированной в драмах Еврипида как их движущая сила и как противовес жесткому и неизменному предначертанию). Не вдаваясь в подробности, отмечу только следующие показательные факты.

И первое и второе посещение 'греческой кофейни' сохраняет встречу только 'троих' («Мы были единственными его посетителями» в первый раз, а во второй возможный 'четвертый' — «Ходасевич» — «заплатив проигрыш, ушел из-под навеса», остались же 'трое': «Маяковский», «Локс» и «Я»). Пастер-

наковская 'троица' вообще и в «Охранной грамоте», в частности, — многозначна. Но в принципе она родственна ветхозаветной Троице (ср. первую встречу с Маяковским в главе 3 как с 'троими': «с улицы шумно и молодо вошли трое названных, сдали шляпы швейцару [. . .]. У них были красивые голоса», где 'сданные шляпы' — и знак 'ставленных тайных мыслей' и знак 'обретения зримого облика', что важно, если учесть, что в «Охранной грамоте» наличествует мотив «шапки-невидимки», а «красивые голоса» — признак 'ангельского начала'; в контексте же наличествующей в главке 4 'хромоты' эта 'троица' читается и как отдаленный рефлекс встреченного Иаковым перед ночной борьбой с Богом «ополчения Божия» — см. Бытие 32: 1–2, 23–32). Она сохраняет также и общесимволический смысл 'полноты бытия', синтеза духовного и материального бытия (он очень отчетлив в аналогичной 'тройке' персонажей в 14 главке Части второй в эпизоде ужина в венецианской гостинице — детальный разбор ее см. в: Faryno 1988b). Всё это сообщает Пастернаковскому 'случаю' характер 'Провидения'.

Первое посещение 'греческой кофейни' предварено в главке 6-ой мотивом «номеров дешевых меблирашек» и московских 'цветочных подвалов', рассказ о которых завершается мотивом 'Деметры' (Пастернак 1982, 205, 206):

> «Этот запах что-то напоминал и ускользал, оставляя в дураках сознанье. Казалось, что представленье о земле, склоняющее их к ежегодному возвращенью, весенние месяцы составили по этому запаху, и родники греческих поверий о Деметре были где-то невдалеке»,

после чего идет главка 7-ая, начинающаяся словами: «В то время и много спустя я смотрел на свои стихотворные опыты как на несчастную слабость и ничего хорошего от них не ждал». Так вот: описание 'кофейни' в главке 8 соотносит ее с 'владениями Деметры', с 'подземным миром' (и косвенно — с Персефоной): это странная «летняя кофейня», которую «не закрывали на зиму» и которая таит в себе некую «загадку». Греческий миф реализуется в ней и иначе — упоминанием мены времен года: «Дело переламывалось к теплу, потягивало весной».

Второе посещение предварено уже трансформацией прежней 'природной мены' в 'изменчивость судьбы', т. е. в мотивы «лотерейных билетов», «лотерейного колеса», затем — «Центрифуги» с сопровождающими ее «скандалами» и, наконец, в мотивы 'игры жизнью' уже непосредственно связанные с Маяковским: «В отличье от игры в отдельное он разом играл во все, в противность разыгрыванию ролей, — играл жизнью. Последнее, без какой бы то ни было мысли о его будущем конце, — улавливалось с первого взгляда. Это-то и приковывало к нему, и пугало» (Пастернак 1982, 260, 261). Само же посещение переводит эту 'игру жизнью' в реальность: «Он играл с Ходасевичем в орел и решку. В это время Ходасевич встал и, заплатив проигрыш, ушел из-под навеса по направлению к Страстному» — II, 8–9, с одной стороны, а с другой — мотивы «бульвара» — 'бастиона' и затем «трагедии». Игра «в орел и решку» семантически не невинна. Уход «Ходасевича» «к Страстному» означает его 'смерть' и 'страсти'. Факт , что «Ходасевич» «встал» и «ушел», знаменует его 'воскресенье». «Маяковский» же «остался один за столиком». Показательно, что «Маяковский» в этом эпизоде не 'сидит' (в системе Пастернака это означало бы его символическую 'смерть'), что он всего лишь «за столиком», т. е. в точке чистой катахрезы, предполагающей чистое духовное перерождение. Такова, во всяком случае — по моим наблюдениям, позиция 'стола' в поэтической системе Пастернака. Вот как раз по-

этому «он предложил кое-что прочесть», т. е. в данном локусе целиком перевоплотился в 'искусство-трагедию-лирику', в 'себя духовного'. Более того: играя «в орел и решку» «Маяковский» занимает тут позицию прежних 'Деметры', 'лотерейного колеса', 'центрифуги' и 'случая'. Это значит, что он тут — 'мировой центр' или 'двигатель мира'. В такой позиции он (а точнее Пастернак) реализует семантику его собственного имени «Владимир» — 'владеющий миром' или 'властитель мира'.[6] Не сложно заметить, что реляции 'случай — Маякосвкий' и 'случай — Пастернак' не совпадают. Маяковский сам поставлен в позицию 'случая', поэтому ему не подвластен (поэтому 'обычное' и 'естественное' в его случае оборачивается «чудесным» и «сверхъестественным» и поэтому он 'выигрывает' с «Ходасевичем»). Пастернаковский же «Я» подвластен 'случаю', откуда и судьбоносность для этого «Я» 'случайных встреч', и их связь с Провидением.

Мотив 'вечного движения', 'лотерейного колеса' эксплицируется в финале 2-ой главки как 'футуризм'. Тут же «Маяковский» определяется «Победителем и оправданьем» 'лотерейного' «тиража» (по стороне Пастернаковского «Я» этому движению противостоит движение «Центрифуги»). В главке 4-ой эта мотивика трансформируется в удерживающуюся в кругах «веревочной скакалки» «девочку в белом», а потом — в «паровозы» (16) и «локомотивы» (25). Эта трансформация базируется на 'футуристичности лотереи' и такой же 'футуристичности паровозов и вообще машин' (ср. следование тут же за словоформой «паровозы» словоформы «стригли» в 16, соотносящее «паровозы» с 'лотерейным тиражом'). Но она содержится также и в переименовании «паровозов» на «локомотивы», занимающие по отношению к первым и к «девочке в белом» позицию 'семы': «Вдали б е л у г о й ревели локомотивы», которые производны от *lŏcus* — 'место', *loco* — '(военная) позиция', 'обстоятельства, положение, состояние', 'возможность, случай' и *mōtio* — 'движение', *mōtūs* — 'порыв, побуждение, вдохновение', 'душевное движение, волнение, страсть', 'возбуждение' (нельзя исключить, что с *loco* ассоциирует Пастернак и *lŏcūtio* — 'речь, разговор, беседа, произношение', что объясняло бы «горловые свистки паровозов» и переход к «горловому краю его творчества» сразу же после «локомотивов» не только реалиями или мотивикой поэзии Маяковского, но и собственной лингвистической связью). Промежуточные «паровозы» предполагают еще актуализацию 'пар — возить' ('везомый паром' или 'везущий пар'), где 'пар' подразумевает в свою очередь устойчивую у Пастернака связь 'пар' — 'душа', 'дыханье' и 'пар' — 'петушки' (ср. хотя бы эпизод на пероне в «Письмах из Тулы» — Пастернак 1982, 44 и ср. включенность мотива 'путей' и 'паров' в описание Марбургской кофейни на террасе в 1-ой главке Части второй, Пастернак 1982, 218). Это не только связывает «паровозы» с «девочкой в белом» и «бабочками» по признаку 'душа', но и почти буквально семантизирует эту словоформу как 'психопомп', 'водитель душ' (ср. последовательность в 25—27: «Вдали б е л у г о й ревели л о к о м о т и в ы. В г о р л о в о м к р а ю е г о т в о р ч е с т в а была та же безусловная д а л ь, что н а з е м л е. Тут была та б е з д о н н а я о д у х о т в о р е н н о с т ь, без которой не бывает о р и г и н а л ь н о с т и», где «оригинальность» — *ŏrīgĭnālis*, 'первоначальный, первичный', а *ōrīgo* — 'начало, род, происхождение', 'родоначальник, предок', 'начало, источник', 'метрополия').[7]

В абзаце III «паровозы» появляются после «собак» и этим самым становятся их «продолжением» или 'семой'.

Зная соотнесенность 'паровозов' с 'психопомпом', легко понять, что и 'собаки' в данном случае — вариант 'психопомпа', только, может быть, более древний. Согласно античной мифологии и ее европейским соответствиям с христианской традицией включительно, собака — страж подземного мира, спутник усопшего в потусторонний мир, психопомп функционально — жрец, посредник между человеком и Богом (у христиан — соответствие 'пастыря', что отражено в иконографии святых, часто изображаемых с песьми головами — особенно в греческих иконах). «Собаки» Пастернака в первом их упоминании (I, 3) — стражи 'царства преисподней' — 'кофейни-бульвара-бастиона', во втором — 'посредники между небом и землей': «сонные собаки вскакивали на все лапы сразу и, призвав небо в свидетели [. . .], валились на песок в состояньи негодующей сонливости» (III, 15), где 'сонность' и есть их атрибут принадлежности к 'мертвому царству', а «все лапы», т. е. подразумеваемое «четыре', — признак земного уровня бытия. Как и 'психопомп', эти 'собаки' — обладатели 'мудрости', они — «длинноязыкие» (что тут же переводится в 'болтливость' в упоминании «кум», которые «судачили», и в итоге в сему 'язык-речь', разлагаемую затем на семы 'читать' и финальную 'лирику').[8]

Последовательность: «собаки» → «Няни, кума с кумой, все о чем-то судачили и о чем-то сокрушались» (1, 3—4) и последовательность: «собаки» → «Давали горловые свистки паровозы на Брестской дороге, переименованной в Александровскую, и кругом стригли, брили, пекли и жарили, торговали, передвигались — и ничего не ведали» (III, 15—16) на деле изосемантичны, но со сдвигом с античного 'подземного мира' на христианское 'царствие небесное' и со смыслом 'восхождения-воскресения' (собственно, это путь через 'игру жизнью' Маяковского по вертикальной оси из 'преисподней' в 'небеса').

«Няни, кума с кумой» во всей последовательности I абзаца позиционально реализуют сему 'собак-стражей' и обогащают ее еще семой 'стражи жизни' или 'судьбы», поскольку занимают место мифических 'парок' (вряд ли случайно «собаки» переложены тут на трехчленную словоформу «Няни, кума с кумой»). Их соотнесенность с 'парками' подтверждается переходом к мотиву 'бабочек' и затем «девочки в белом», опознаваемой как Тихе. 'Судачить' и 'сокрушаться' — оговаривать, обсуждать 'жизнь' вообще, но прежде всего 'чужую жизнь' и 'случаи из чужой жизни'. 'Судачить' — 'оговаривать', с другой стороны, предполагает 'переименовывать', что и вербализовано в абзаце III в мотиве «Брестской дороги, переименованной в Александровскую».

На семантическом уровне переименование это не особо значительно. «Брестская» соотносит ее с культуремой. 'Брестская крепость', а этимология слова 'Брест' — с 'берест, вяз'. Результат таков, что «Брестская дорога» оказалась тут 'семой' (или синонимом) «Большого желтого бульвара» — 'бастиона' и, все-таки, усаженной деревьями улицы (ср. появление этих 'деревьев' в начале абзаца III: «Зеленели тополя. Суховато серели липы», где 'тополя' соотносят ее со 'смертью-путем в вечность', а 'липы', согласно Пастернаковской системе, с 'перерожденьем-воскресением' — ср. хотя бы стихотворение «Липовая аллея» и его промежуточное — 'перерождающее' — место между стихотворением «Стога» и стихотворением-'откровением' «Когда разгуляется» — Пастернак 1965, 453—456). Новое имя «Александровская» расшифровано самим Пастернаком в главке 1: (Пастернак 1982, 258, 259):

«Когда я возвращался из-за границы, было столетье отечественной войны. Дорогу из Брестской переименовали в Александровскую. Станции побелили, сторожей при колоколах одели в чистые рубахи. [. . .] у дверей стоял усиленный караул. Поблизости происходил высочайший смотр, и по этому случаю платформа горела ярким развалом рыхлого и не везде еще притоптанного песку.

[. . .]

Я невольно вспоминал скончавшегося зимой перед тем Серова, [. . .] курьезы, сопровождавшие кутеповское изданье «Царской охоты», [. . .]. Наконец, что касается сторожей станций и флагов, то и они, разумеется, предвещали серьезнейшую драму, а вовсе не были тем невинным водевилем, который видел в них мой легкомысленный аполитизм».

Оно расшифровано семами 'сторожа', 'караул', 'смотр' и 'предвестье драмы', т. е. соответственно с этимологией имени «Александр»: *ἀλέξω* — 'защищать', *ἀνήρ* — 'муж, мужчина'. Однако, это не абсолютный повтор смысла 'бульвара' и 'стражей собак-кум'. Данное переименование идет дальше. Оно — результат и 'судачить' — 'оговаривать' и 'судачить' — 'обсуждать' — 'судить': мена 'имени' — своеобразный 'приговор', во всяком случае, 'мена статуса носителя имени'. Этот, так сказать, 'судилищный' характер Пастернаковского 'судачить' очевиден в 12-ой главке Части второй в эпизоде переезда через Альпы (Пастернак 1982, 242):

«Беззастенчиво громко разговаривали пропасти, по-кумовски пермывая косточки земле. Всюду, всюду судачили, сплетничали и сочились ручьи».

Потом, уже в Венеции, данное 'судачить' трансформируется в 'судомойни' и в 'суд' (главки 13—14, там же, 245—247).

В разбираемой главе, в ее абзаце III, 'судачить' вербализовано мотивом 'свидетеля', призыва 'собак к небу' о 'правосудии'. Самый же 'суд' реализуется новой ипостасью 'собак-кум' — 'свистками паровозов' и мотивами 'стрижки, бритья, стряпни' → 'торговли' → 'передвижения' → 'ничего не ведая', т. е. в состоянии 'забытья'.

В пределах главы «стригли, брили» актуализирует мифическую связь 'кум' с 'парками' и 'проигрыш Ходасевича' как знак 'смерти'. В пределах «Охранной грамоты» эти мотивы входят в сплошную парадигму 'режущих, убивающих, перекраивающих и перестраивающих орудий' типа «алебарды», 'бритвы', «гильотины», 'резца', 'дробильных машин' и т. д. вплоть до «револьверной коробки» в эпизоде самоубийства Маяковского. В пределах всего корпуса Пастернаковских текстов достаточно хотя бы указать на «Балладу» 1916 г., «Письма из Тулы» с их мотивом 'бреющих усы' или стихотворение «Шекспир» в книге «Темы и вариации», чтобы лишний раз показать, что 'стричь, брить' значит 'умерщвлять'; 'печь' и 'жарить' — 'судить' (в том числе и 'перестраивать', 'преображать', что в абзаце V получило выражение в мотиве 'булочников' и 'портных'); 'торговать' — 'менять сущность' (с подспудной отсылкой к мифическому вручению монеты психопомпу за перевоз в царство душ); 'передвигаться' — 'входить в тот мир', а 'ничего не ведать' — 'пребывать в царстве теней'. На этом фоне легко теперь понять, почему и тут Пастернак вводит мотив переименования «Брестской дороги» в «Александровскую»: оно сближает это переселение 'душ' с христианскими представлениями, психопомпу сообщает черты мужа-защитника, хранителя, 'архангела', с одной стороны, а с другой — 'Маяковского' из его трагедии «Владимир Маяковский» (ср. ее литургическое истолкование Пастернаком в «Людях и положениях» — Пастернак 1982, 454).

При чтении вспять «стригли, брили, пекли и жарили, торговали, передвигались — и ничего не ведали» выдают свою семантику в 1, 5 как 'бабочки' — 'души'. На референциальном уровне «бабочки» появляются по аддитивному принципу, как еще одна деталь окружающего мира. Опознаваемость же во всей этой картине мифического локуса 'преисподней' сообщает ей метафоричность, которая аддитивность (вызываемую свойствами линейности речи, но в живописи уже исчезающую) переводит в 'сюжет пространственного продвижения' от 'периферии-входа' («собаки», «няни») к 'центру локуса' (вплоть до «столика» Маяковского). Следуя после 'нянь-кум-парок', эти «бабочки» читаются как 'сонм душ', а то, что с ними происходит, — как их 'перевоплощения': они «мгновеньями складывались, растворясь в жаре», т. е. 'умирали-пропадали', и «вдруг расправлялись», т. е. 'преображались-воскресали' и в этой новой ипостаси 'препроваждались' в очередную сферу «увлекаемые вбок неправильными волнами зноя». На этом уровне чтения «Девочка в белом» как раз и локализована в той 'очередной сфере' как ее изоморфное (в мифологическом смысле) божество, скажем, Тихе.

На уровне семантической экспликации нет ни аддитивности, ни сюжета пути: все элементы текста выстраиваются в трансформационную цепь. Так, «Няни, кума с кумой» трансформируются в «Девочку в белом» по признаку 'женского начала' или 'судьбоносности'. «Бабочки» же в этой цепи играют роль трансформирующего звена — 'гибели' одной ипостаси и 'порождения' новой. Вот этот первоначально не совсем очевидный их смысл и реализован (эксплицирован) в последовательности абзацев III—V. Серия «стригли, брили, пекли и жарили, торговали, передвигались — и ничего не ведали» в абзаце V повторена иными словоформами — 'семами': «Парикмахеры, булочники, портные и паровозы. [. . .] Все мы помним [. . .]». Если первая серия экспонирует аспект 'разрушения», то вторая те же акты рассматривает как 'создающие', а в целом как 'из одного творящие другое', или просто 'претворяющие' ('парикмахер', например, может быть определен как 'тот, кто стрижет' и как 'тот, кто делает новую прическу'). 'Разрушительный' аспект завершался 'беспамятством' («ничего не ведали»), 'созидающий' же — как раз 'памятью' («Все мы помним»).

Фраза 24: «Все мы помним этот душный таинственный летний текст» построена на сознательной 'ловушке-обмолвке': вместо естественно ожидаемого 'день' тут дан «текст». Это значит, что вместе с перестройкой 'мира' перестроился и 'предмет памяти': забыт 'день', помнится 'текст', а точнее — тот же 'день', но ставший 'текстом' (или еще иначе: неосознаваемая реальность быта превратилась в осознанную благодаря тексту).[9]

Не менее интересна тут и мена грамматических форм — безличные глагольные 'стригли, брили, пекли, [. . .], не ведали' получили 'субъектный' характер 'Парикмахеры, булочники, портные и паровозы', а действия стали 'деятелями'. Этим самым статус 'субъекта-деятеля' обрели тут и «паровозы» (и на этом уровне реализующие свою семантику 'психопомпов': тем более, что сразу же за ними идет «Все мы помним», т. е. «паровозы» оказываются тут 'перевозчиками' в 'мир памяти').[10] Вот этот мир, ставший 'субъектом' — 'психопомпом' и 'текстом', и будет в финале главы расшифрован как 'авторская текстовая инстанция', как 'текст-автор': «поэт не автор, но — предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру».

Место трансформирующих и трансформирующихся «бабочек» абзаца I в последовательности III—V занимает «трагедия „Владимир Маяковский"».

Абзац IV — 'сема' абзаца III, того, что 'разрушалось' ('стриглось, брилось, пеклось' и т.д.), и того, кто 'разрушал' («стригли, брили, пекли» и т. д.). Этот характер «трагедии» отчетливо выведен в состоянии слушающего «Я», повторяющем состояние «не ведали», т. е. 'забытья': «Я слушал, не помня себя, всем перехваченным сердцем, затая дыханье», где 'перехваченность сердца' дополнительно повторяет иконику 'бабочки' (по рисунку 'банта' или 'восьмерки') и ее кинемограмму в абзаце III: «Бабочки [. . .] складывались, растворясь в жаре, и вдруг расправлялись» (словам же «увлекаемые вбок» здесь отвечает, по всей вероятности сдвиг-ловушка «летний текст» вместо 'летний день', т. е. попадение в иной мир, в иную семиотику).

Сущность «трагедии» заключается не только в том, что она 'разрушает' и трансформировав разрушенное 'воскрешает' (играет роль 'паровоза-психопомпа'), а в том, она сама, будучи тождественной миру и из мира невычленимой, подвергается 'разрушению' и трансформации в новое состояние. Этот смысл вербализован тут словами «тогда только что вышедшая», которые продолжают семантику предваряющего «передвигались» (III, 16). В абзаце V он дешифруется еще раз в упоминании 'десятого изданья'.

В пределах главы это 'десять' имеет свое соответствие в 'свистящих кругах веревочной скакалки' и в 'девочке в белом'. Но через общесистемную значимость числа 'десять' у Пастернака. Чаще всего оно и значит 'круг', 'замкнутый, законченный цикл', 'совершенство', 'синтез', 'духовность' (а это связывает его с символикой цвета 'белый'). Если руководствоваться предполагавшимся (но потом не включенным) первым четверостишием стихотворения «Бабочка-буря» (цит. по: Иванов 1983, 305; см. также: Пастернак 1965, 206)

> Из десяти житейский действий
> Показывают в драмах пять,
> Но все доигрывают в детстве, —
> Отсюда наша тяга вспять.,

то данное 'десятое изданье' должно читаться как 'весь универсум жизни', а его семантическая эквивалентность с 'девочкой в белом и в свистящих кругах' — как отражение сущности этого 'всего жизненного универсума' в «трагедии» (более того: согласно процитированной строфе, «трагедия» тут не 'драма' и не жанроуказатель, почему она и семантизируется в финале как 'лирика', а этим самым — еще раз как инициальная 'девочка').

Если учесть, что в мифологических представлениях, в том числе и в фольклорных, белым цветом наделяются бестелесные, потусторонние существа, то «девочка» после 'нянь-кум' и 'бабочек' — некая имматериальная сущность. Предположение «вероятно совершенно мокрая» выдает ее 'локализацию', так сказать, по ту сторону 'вод забвения', в 'запредельности' (эта 'мокрость'-результат предварительной 'растворенности в жаре' вновь 'расправляющихся бабочек', а в абзацах III—V она эксплицируется как переход от 'забытья' к 'памяти'). «В белом» и «мокрая», таким образом, отсылают к Пастернаковскому мотиву 'ткань бытия', отчасти родственному понятию 'Музы'. Ср. в стихотворении «Никого не будет в доме . . .» (Пастернак 1965, 365):

> Ты появишься у двери
> В чем-то белом, без причуд,
> В чем-то впрямь из тех материй,
> Из которых хлопья шьют.,

где «Ты» в предыдущей строфе определяется «как будущность», и где «хлопья» соотносятся со 'снегом' (иногда — с 'пухом тополей'), который у Пастернака связан в свою очередь с 'забвеньем' рационального и 'памятью' иррационального (а 'пух тополей' — с космической материей вообще). Остается только досказать, что «девочка в белом» в VII абзаце трансформировалась в 'лирику', а в V — в «текст», который и есть тут 'ткань бытия', ибо, с одной стороны, подменяет собой 'день', а с другой — обладает семантикой именно 'текстильной': лат. texo — 'ткать', 'плести, сплетать, вить', textilĕ — 'ткань, материя'.[11] Ее же соотношение с Маяковским по признаку 'текстильности' еще явственнее — в главе 3, где речь о «механизме его желтой кофты», ставшей в главе 4 'желтым бульваром', говорится также, что с помощью этой кофты он «боролся [. . .] вовсе не с мещанскими пиджаками, а с тем черным бархатом таланта в самом себе, приторно-чернобровые формы которого стали возмущать его раньше, чем это бывает с людьми менее одаренными». Мена 'черного' на 'белый', несомненно, означает 'преодоление черного бархата' и 'победу'. Смысл же 'победы' присутствовал в этом абзаце в «Никитской», а в очередном — II — получил выражение 'выигрыша' «в орел и решку». Окончательно семантика 'текстильности' Маяковского оформляется как 'горловой край его творчества' в VI абзаце.[12]

В главе 3 Маяковский «садился на стул, как на седло мотоцикла, подавался вперед, резал и быстро глотал венский шницель, играл в карты, скашивая глаза и не поворачивая головы прогуливался по Кузнецкому, глуховато потягивал в нос, как отрывки литургии, особенно глубокомысленные клочки своего и чужого, хмурился, рос, ездил и выступал, и в глубине за всем этим, как за прямотою разбежавшегося конькобежца, вечно мерещился какой-то предшествующий всем дням его день, когда он взял этот изумительный разгон, распрямлявший его так крупно и непринужденно» (Пастернак 1982, 262). «Его день», о котором тут речь, в главе 4 'день-текст', но и 'день', когда он стал 'властителем мира' (об этом я уже говорил раньше). «Девочка в белом» 'охлестывающая' «себя за пятки [. . .] свистящими кругами веревочной скакалки» еще более конкретизирует этот 'день разгона', напоминая о 'держащемся за пяту', т. е. о библейской борьбе Иакова с Богом, в результате которой Иаков получул власть «человеков одолевать» (Бытие 32: 24—32). У Пастернака библейская 'хромота' Иакова возведена в ранг признака 'архе- и архипоэта' (в том числе и Пастернаковского alter ego) с сохранением характера 'преображения' или 'смерти-воскресения'. По последнему признаку она роднит Пастернаковских 'поэтов' с мифическими психопомпами, между прочим, с Гермесом. В процитированной характеристике Маяковского Пастернаковским эквивалентом крылатых сандалий Гермеса являются 'коньки' наличные в сравнении Маяковского с «конкобежцем». В случае «девочки в белом» эти 'коньки' и трансформированы в 'охлестывающую пятки веревочную скакалку' (где «скакалка» подспудно активизирует и смысл 'хромоты'). Следуя после мотива «девочки в белом», играющий в «орел и решку». Маяковский уже не «Маяковский», а сема 'Маяковский', т. е. реализация слов «в глубине за всем этим, как за прямотою разбежавшегося конькобежца, вечно мерещился какой-то предшествующий всем дням его день», т. е. день в абзаце V как «душный таинственный летний текст».

Находящийся в 'кофейне' 'Маяковский', как уже говорилось, не с и д и т. 'Сидеть' у Пастернака — принадлежать миру мертвых. В «Охранной грамоте» в Пастернаковской системе Маяковский 'сидеть' не может.

Поэтому «Он садился на стул, как на седло мотоцикла, подавался вперед, резал [. . .]», где motor — 'приводящий в движение', а «-цикл» восходит к греч. *κύκλος* — 'круг, колесо'. В главке 4 этот 'мотоцикл' дешифрован как 'десятое изданье' или как 'круг бытия'. Обходясь со 'стулом' — 'локусом смерти' как с 'мотоциклом', Пастернаковский Маяковский реализует 'победу над бытом'. В случае «девочки в белом» вариантом 'мотоцикла' является 'веревочная скакалка', благодаря которой эта «девочка» «держалась в воздухе», т. е. 'над бытом', 'над материальностью'.[13]

По другой семантической линии «Охранной грамоты» и Маяковский на 'стуле-мотоцикле' и 'девочка со скакалкой' — 'циркачи', 'акробаты' (кстати, популярный мотив авангарда вообще). Пастернаковская 'акробатика' непосредственно связана с 'чудесностью искусства'. Ради вящей убедительности приведу еще один пример — из рассуждений об истоках поэзии и о соотношении искусства и действительности в главке 6 Части первой (Пастернак 1982, 202, 203):

> «Свою жизнь тех лет я характеризую намеренно случайно. Эти признаки я бы мог умножить или заменить другими. [. . .] Обозначив ими вприкидку, как на расчетном чертеже, мою тогдашнюю действительность, я тут же и спрошу себя, где и в силу чего из нее рождалась поэзия. [. . .]
> [. . .]
> Но так как не было второй вселенной, откуда можно было бы поднять действительность из первой, взяв ее за вершки, как за волоса, то для манипуляций, к которым она сама взывала, требовалось брать ее изображенье, как это делает алгебра, стесненная такой же одноплоскостностью в отношении величины. Однако это изображенье всегда казалось мне выходом из затруднения, а не самоцелью. Цель же я видел всегда в пересадке изображенного с холодных осей на горячие, в пуске отжитого вслед и в нагонку жизни».

'Сущность поэзии', а точнее — 'творческого акта', определена здесь как 'удвоение', но не по принципу присоединения того же к тому же и не по принципу мультипликации (хотя бы путем дробления на взаимоизоморфные двойники), а по принципу 'извлечения того же из того же', путем 'вытаскивания действительности из действительности' «взяв ее за вершки, как за волоса». Этот идеал как раз и осуществляется 'девочкой в белом', ее 'цирковым номером', когда она «держалась в воздухе, всю себя за пятки охлестывая свистящими кругами веревочной скакалки». Любопытно при этом, что процитированные рассуждения с их 'цирковым вытаскиванием действительности из действительности за волоса' предварены как раз упоминанием 'акробатики' и на деле являют собой реализацию смысла 'акробатики' — извлечения 'акробатики из акробатики', так как *ἀκροβάτης* и значит 'поднимающийся вверх', а у Пастернака еще и 'преодолевающий самого себя, восходящий к своим истокам' (Пастернак 1982, 202; разрядка моя. — *J. F.*):

> «Пятнадцатилетнее воздержание от слова, приносившегося в жертву звуку, о б р е к а л о на о р и г и н а л ь н о с т ь, как иное у в е ч ь е о б р е к а е т на а к р о б а т и к у».

У Маяковского, например в «Облаке в штанах», точно такое же требование к искусству выражается выворачиванием наизнанку или 'вылезанием из себя':

> И чувствую —
> «я»
> для меня мало́.
> Кто-то из меня вырывается упрямо.
> [. . .]

Глаза наслезненные бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу! Вскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!

У Пастернака эти же слова определяют Маяковского в финале «Охранной грамоты» (главка 16-ая, Пастернак 1982, 280—283) как 'выскочившего', т. е. преодолевшего себя собственной смертью-искусством и 'воскресшего' (ср. там же, 281: «я весь задрожал и знаменитый телефонный вызов из «Облака» сам собой прогрохотал во мне, словно громко произнесенный кем-то рядом»). А по отношению к самому себе и реляции Пастернаковского «Я» к Маяковскому вся эта мысль дана под видом 'преодоления барьеров': «Я отказался от романтической манеры. Так получилась неромантическая поэтика «Поверх барьеров»» (главка 11, Пастернак 1982, 272), 'преодоления', которое осуществилось в результате 'потрясения тогда на бульваре'.

В разбираемой главе 'извлечение одного из другого (такого же из такого же)', как было показано, носит характер дешифровки, семантической экспликации, уводящей 'вглубь-вспять' к инвариантной смысловой основе. Линейность речи заставляет эту образованную экспликацией парадигму выстраивать в некую последовательность, которая в состоянии превратиться в 'сюжет', в подобие исходного «изображенья», но 'пересаженного' «с холодных осей на горячие». Такие 'пересадки' в данной главке постоянны. Одна из них, однако, наиболее показательна.

Абзац V в своем семическом составе — 'повтор' (по Пастернаку — «изображенье») 'реальности' в абзаце I:

«бульвар» → «собаки» → «тополя» → «бабочки»
↓ ↓ ↓ ↓
'бульвар' → 'собаки' → 'тополя' «и» → 'бабочки',

где союз «и» завершает данную парадигму-последовательность. За ней следует 'перерыв' — 'пересадка', т. е. обращение к абзацу III, где выводится 'изображенье другой степени', изображенье изображенья' (совпадение 'реальности' «Охранной грамоты» с 'реальностью' «трагедии «Владимир Маяковский»»). Абзац V 'прекращающую операцию' повторяет синтаксическим разрывом, паузой, точкой: «бабочки. Парикмахеры, [. . .]». Новая последовательность

''Парикмахеры'' → ''булочники'' → ''портные'' 'и' → ''паровозы'' выведена из предыдущей, но семантически это уже и 'новый мир' или 'созидание нового мира' по образу 'евхаристического' облечения 'новой плотью' (подспудно: 'волосы' как Пастернаковская космогоническая материя → 'хлеб' → 'материя души' → 'психопомп'). Она тоже обрывается синтаксически с предваряющим заключительным «и»: «и паровозы. Зачем цитировать?» (где ненужность 'цитаты' — это и ненужность 'повтора') и очередная 'пересадка' — уже на '''текст''', т. е. 'память', и → чистая 'духовность', инвариантная творческая инстанция: «В горловом краю его творчества [. . .] бездонная одухотворенность».

Так семантическая экспликация извлекла из статической и недискретной реальности абзаца I динамику и дискретность и преобразовала 'картину' в 'сюжет'; 'реальность' в ее собственный смысл; косное — в живое (по словам Пастернака — «холодное» в «горячее»).

При этом необходимо лишний раз подчеркнуть, что тут речь не о манипуляции реальностью при помощи текста, а именно об *извлечении* из

реальности ее же смысла при помощи дешифровки этой реальности как 'культуремы'. Результат дешифровки — искусство — тождественен дешифруемому, но обнаружившему свою инвариантную основу. Поэтому художник, в данной концепции, должен раствориться, слиться с исходной 'миротворческой инстанцией' — входя в состав реальности, он подлежит тем же законам 'дешифровки' и 'разрушения-воскресения', что и сама реальность. Это в данной главе выражено понятием «трагедии» с учетом ее первичного смысла как 'козлиной песни', т. е. как акта 'спасительной-искупительной жертвы' (ср. почти буквальную реализацию семантики «трагедии» в «Письмах из Тулы» и мистерию обезглавления в 14-ой главке Части второй «Охранной грамоты» с последующим переходом к мотиву «гильотины» и «револьверной коробки» в финальных главах о Маяковском).

Говоря о системе Пастернака, необходимо еще помнить, что его 'милитарная' мотивика тесно сопряжена с представлением о 'поэзии' (что, может быть, восходит к библейским баталиям 'небесного воинства' за 'духовность' мира и человека и к архетипической борьбе Иакова с Богом). Поэтому и 'поэтические локусы' или 'локусы стихогенные' получают у него вид 'арсенала', 'цейхгауза', 'ада', 'редута' и т. п. Таково, к примеру, определение поэзии в стихотворении «Поэзия» 1922 г. (Пастернак 1965, 193):

> Ты — душная, как май, Ямская,
> Шевардина ночной редут,
> Где тучи стоны испускают
> И врозь по роспуске идут,

где «редут» эксплицируется и как redoute — 'военное полевое укрепление — земной вал и ров', и как 'бал-маскарад' (восходя к итальянскому ridotta и лат. rīdeo — 'смеяться', 'иметь веселый вид', 'блистать, сиять', 'насмехаться, осмеивать', 'шутить'). В разобранной главе «Охранной грамоты» Маяковский как Пастернаковский 'архепоэт' как и раз и локализован в таком поэтическом локусе — в 'греческой кофейне' на 'бульваре-бастионе' и «под тентом», т. е. в локусе, в котором у Пастернака обретает свою поэтическую сущность Пастернаковский «Я» — 'поэт'.

Примечания

[1] Ср., однако, заметное стремление отмечать в ней 'художественную' системность на уровне отдельных мотивов в: *Флейшман* 1981; опыт анализа некоторых фрагментов в: Pomorska 1972 (перепечатано в: Pomorska 1975); Segal 1977; попутные, т. е. параллельные к разбору ранней прозы о Реликвимини, наблюдения и отсылки в: *Юнггрен* 1984. Предлагаемый же в настоящей статье подход к «Охранной грамоте» начат мной разбором венецианских глав в: Faryno 1987a, 1987b.

[2] В этом направлении строится концентрация «поэтических парадигм» в работе: *Павлович* 1986, 74—87. Там же, с. 80 и 83, приводятся следующие примеры: «Блеск звездной пены» — «блеск пенных звезд» — «пена звездного блеска» или, из Мандельштама, «Железный пух в морозной крутят тяге» и вариант «Морозный пух в железной крутят тяге». Некоторые из этих обратимостей автором объясняются «десематизацией синтактических связей» (с. 84). Тем временем во всех этих и других примерах работает механизм перестановки местами плана выражения и плана содержания: стремление семантики стать планом выражения, и стремление плана выражения (фразо-морфо-фоно-форм) стать планом содержания (попасть на ось последовательности, иначе — синтаксическую), в результате чего обе пары (или серии порожденных эквивалентов) соотносятся друг с другом не как «тема» и «рема», а как 'подлежащее экспликации' — 'результат экспликации'. Подробнее об этом я говорю в: Faryno 1987a, 1987b. С данной точки зрения требует пересмотра и очень пло-

дотворная работа по поэтическому синтаксису Ковтуновой (1986) — то, что там квалифицируется как «предикация», чаще всего (в примерах из авангардной поэзии XX в.) все-таки не предикация, а экспликация или дешифровка. У Цветаевой, например, выработан для этого 'экспликационного синтаксиса' специальный репертуар пунктуации типа двоеточий, раздвигающих тире, скобок и т. п. Ср. работу о двоеточии у Цветаевой: *Ревзина* 1981.

[3] Самым надежным способом различения предиката и семы (предиката в позиции семы) является, по всей вероятности, негация: предикат допускает отрицание, опровержение, подмену и т. д., тогда как отрицание или опровержение семы невозможно. Так, в рамках текста «Искусство называлось трагедией. Так и следует ему называться» нельзя возразить 'Искусство — это не трагедия, а комедия'. Мена такой 'семы' разрушит всю семантическую структуру текста. Но если эту сему подменить ее более элементарными семами ('Искусство — это козлиная песня'), семантическая структура текста должна сохраниться и — даже более — стать еще явственнее.

[4] Само собой разумеется, что только выбор и позволяет Пастернаку построить свое автобиографическое эссе как художественный текст. Все имена и факты тут сохраняют свою референциальность, но дело в том, что они введены в «Охранную грамоту» селективно, в продуманной последовательности и в нужном словесном оформлении. Так в финале реальное название улицы семантически нежелательно, желательно же другое, вводящее 'кулинарную сему'. Поэтому текст и построен на сравнительном обороте: «Она пошла вбок от окна в виде какой-то тихой, обсаженной деревьями улицы, вроде Поварской» (*Пастернак* 1982, 284). Аналогичным образом вводятся с именами или без имен упоминаемые лица, сообщаются или не сообщаются даты, числа или количества, и т. д. Кстати, эта селективность оговорена самим Пастернаком в 6-ой главке Части первой (там же, 202): «Свою жизнь тех лет я характеризую намеренно случайно. Эти признаки я мог бы умножить или заменить другими». Референциальной достоверности текста возможные умножения или замены, конечно, не нарушили бы. Но они повлекли бы за собой мену возникающей художественной системы (ради которой и была проведена селективность фактического — референциального — материала).

Здесь, по-видимому, раскрывается и еще одна особенность «Охранной грамоты» по отношению к внешне аналогичным построениям реализма. Если реализм пытался строить художественный текст на языке референциальных жанров (очерка, дневника, автобиографии) и этим самым превращал их в «маску», т. е. лишал фактической референциальности, то Пастернак, наоборот, референциальный текст (автобиографию) пишет на языке искусства и этим самым сообщает референциальность и художественному построению, правда, отодвигая его художественность на второй план (чтобы ее вскрыть — требуется особо проницательный читатель).

Реализму референциальная «маска» нужна была, в частности, для того, чтобы создать сплошную транзитивную модель мира (см. об этом в: *Дёринг-Смирнова, Смирнов* 1982). Пастернаковская референциальность по самой своей сущности тоже создает такую транзитивность (ср. хотя бы соположенность и последовательность деталей, вводимых в 1-ом абзаце разбираемой главы). Но на уровне художественной системы Пастернака эта транзитивность разрушается (прерывается) и переводится в экспликационную семантическую парадигму (иначе: в парадигму метаморфоз). Отсюда, между прочим, трансформация пространственных отношений в отношения временны́е (в смысле культурной диахронии) — движение по пространству оборачивается движением по темпоральной оси (как правило — вспять) образующих это пространство 'культурем'.

[5] Таковы, во всяком случае, ситуации в античных трагедиях. О том, что Пастернак имел в виду именно античную трагедию и породивший ее культовый обряд жертвоприношений, свидетельствует как локализация встречи в «греческой кофейне», так и наличие в образе Маяковского литургической мотивики (см. упоминание «литургии» в главе 3 и затем в главе 16 — Пастернак 1982, 262, 279—282). Не без значения тут и факт, что «Охранная грамота» вообще начинается с мотива 'жертвенного козла' под видом «Козловой Засеки», где намеревается сойти с поезда Рильке (разбор этого мотива см. в: Faryno 1988b).

[6] По моим наблюдениям, у Пастернака семантизируются все упоминаемые имена собственные. Как правило, они эксплицируются в ближайшем контексте. Так, имя «Маяковский» эксплицировано, между прочим, в предшествующей главке 3-ей в словах «за всем этим, [. . .], вечно мерещился какой-то предшествующий всем дням его день» (где «мерещился» подразумевает 'маячил', а «день» — 'свет'; в главке 4-ой это «мерещился» передано, с одной стороны, мотивом 'сонливости', а с другой, — мотивом 'девочки-призрака' с ее «свистящими кругами веревочной скакалки»). Думается, что значимо тут и имя «Ходасевич» как связанное с 'ходьбой' (и может быть, «Ходасевич» играет тут роль двойника Маяковского — его 'славы', от имени «Владислав»). «Локс» во второй раз упоминается как спутник Пастернаковского «Я» именно в этой «кофейне». Не исключено поэтому, что «Локс» как-то

соотносится с 'поэтическим началом' Пастернаковского «Я» — во всяком случае, это «Локс» пытается заговорить о Стендале среди укладывающейся «восьмеркой» метели после выхода из Café grec (глава 8, Пастернак 1982, 209); возможно, что его имя читает Пастернак как *λοκσός* — 'косой' (ср.: «Я увидал Маяковского [. . .] и показал его Локсу», что может означать 'повторный взгляд', который соотносим у Пастернака с его особым 'косым глазом' и 'хромотой» как атрибутами 'поэта').

[7] Некоторые мотивы, конечно, опознаются тут как мотивы трагедии «Владимир Маяковский». Это, например, 'натянутая душа' («Я, [. . .] с душой натянутой, как нервы провода»), «Девушки воздуха», «деньги», «портной», «плачущая собака», «небритая щека площадей», мотив бога-царя-грека («сяду на трон, измеженный телом грек»), 'жерственность'

Вам ли понять,
почему я,
спокойный,
насмешек грозою
душу на блюде несу
к обеду идущих лет.

или в конце Пролога:

Лягу,
светлый,
в одеждах из лени
на мягкое ложе из настоящего навоза
и тихим,
целующим шпал колени
обнимет мне шею колесо паровоза.,

и, естественно, общий сюжет 'посредника-психопомпа', особенно четкий в заключительном монологе:

Я
с ношей моей иду,
спотыкаюсь,
ползу
дальше
на север,
[. . .]
Я добреду, —
усталый,
в последнем бреду
брошу вашу слезу
темному богу гроз
у истока звериных вер.

В «Людях и положениях» (*Пастернак* 1982, 454), цитируя начало Пролога трагедии, Пастернак сопровождает его следующими словами:

«Нельзя отделаться от литургических параллелей. „Да молчит всякая плоть человеча и да стоит со страхом и трепетом, ничтоже земное в себе да помышляет. Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися в снедь верным".»

Тем не менее всё это также и системные Пастернаковские мотивы. Если бы не имя Маяковского, у знающего другие произведения Пастернака они бы вовсе ассоциации с Маяковским не вызвали. Короче говоря, Пастернак строит образ Маяковского сообразно с собственным 'архепсктом'. Здесь, по всей вероятности, нет даже полемичности с Маяковским. Факт же, что Пастернак не избегает совпадений (а скорее всего — поддерживает их), должен интерпретироваться установкой Пастернаковской поэтики на референциальность. Реальность трагедии Маяковского в этой системе становится реальностью культуры, и этим самым с поэтики Маяковского снимается ее условность (она читается у Пастернака буквально и эксплицируется уже как 'текст самого мира').

Сказанное не противоречит тому, что «Охранная грамота» сплошь полемична, как это показал *Флейшман* (1981). Дело, однако, в том, что тут ведется полемика не с Маяковским, а со сформировавшимися представлениями о Маяковском, особенно в послереволюционное время.

[8] О связи мифологем 'поэта' и 'собаки' см. в разборе стихотворения Маяковского «Вот так я сделался собакой» в: *Смирнов* 1978. Возможно, что мотив «блох» («Выведенные

блохами из терпенья, сонные собаки вскакивали [. . .]») отсылает именно к этому стихотворению, к словам:

Ну, это совершенно невыносимо!
Весь, как есть искусан злобой.
Злюсь не так, как могли бы вы;
как собака, лицо луны гололобой, —

взял бы
и все обвыл.
Нервы, должно быть. . .
Выйду, —
погуляю.

В рамках же главы 4 «блохи» противостоят «бабочкам» и «девочке в белом» (по признаку цвета — 'черного'). Это подсказывает, что данные 'блохи' соотносятся с упомянутым в главе 3 «черным бархатом таланта», «приторно-чернобровые формы которого стали возмущать его раньше, чем это бывает с людьми менее одаренными».

[9] С 'памятью' тут связана и «веревочная скакалка». Мотивы 'нитки', 'бечевы', 'каната', 'веревки' и т. п. постоянно соотносятся у Пастернака с 'памятью-историей', с тем, на чем держится 'мир культуры'. Ср., например, в стихотворении «Чернее вечера. . .» из «Путевых записок» (*Пастернак* 1965, 392—393):

Он — повесть ближних сел.
Поди, что хочешь, вызнай.
Он кнут ременный сплел
Из лиц, имен и жизней.
Он знает: нет того,
Что б в единеньи силы
Народа торжество
В пути остановило.

Ср. еще не менее эксплицитно выраженный смысл этих мотивов в «Теме с вариациями», в стихотворении «Бальзак» (где 'нитка' одновременно и 'художественное творчество') или в стихотворении «Матрос в Москве».

[10] В примечании 4 я уже отмечал, что продвижение в пространстве оборачивается движением по диахронии — вспять, в историю, в память культуры (часто — в 'детство'). На уровне средств передвижения эта сторона получает у Пастернака выражение в 'обрыве путей', в 'пересадках' на всё более архаичные виды транспорта. Так, в начале «Охранной грамоты» Рильке сходит с «курьерского» и пересаживается на «подорожнюю пару». В этой же главе, в абзаце III, паровозы сменяются словоформой «передвигались». Но «паровозы» у Пастернака на особом счету — это, строго говоря, не транспорт еще, а 'носитель движения', 'ведущий' (таковы и паровозы в «Письмах из Тулы» в отличие от «поездов»). Но, с другой стороны, если верны предложенные тут наблюдения, то можно было бы сказать, что в Пастернаковской системе пространственное передвижение не необходимость — оно вполне успешно может быть редуцировано до локальных 'экспликаций-метаморфоз', что и наблюдается в основном корпусе Пастернаковской лирики. Поэтому за пространственным передвижением должна стоять еще некая другая семантика. Вероятнее всего, ее задача — вводить референциальный географический (разнокультурный, разносемиотический) мир и вскрывать его глубинную единосущность (как, например, в стихотворении «Пока мы по Кавказу лазаем. . .», где открывается общность Кавказа и Альп, настоящего и прошлого, себя нынешнего и себя давнего, и т. д.). Но в какой бы форме Пастернаковское движение ни передавалось, оно всегда дискретно, с перерывами, требующими от носителя движения 'перестройки-переображения' (и символической 'смерти').

[11] В рамках главы сема 'ткани' присутствует уже в 'тенте' «греческой кофейни», в «желтом бульваре» как варианте «желтой кофты» Маяковского, и в 'судачить', которое играет роль трансформирующего звена. Последнее станет очевидностью, если вспомнить переход через Альпы (главка 12 Части второй, *Пастернак* 1982, 242), где 'судачить' сначала переформулировано в 'сплетничать' (с подспудным 'плести', 'сплетать'), а потом в 'сучить' (в смысле 'скручивать нитку'), которое несколько позже кульминирует в 'ленте полотна' («горной дороги») и 'музыке':

«Беззастенчиво громко разговаривали пропасти, по-кумовски перемывая косточки земле. Всюду, всюду, всюду судачили, сплетничали и сочились ручьи. Легко было угадать, как развешаны они по крутизнам и спущены сученными нитками вниз, в долину. [. . .]

[. . .]
[. . .] Мы пошли по рельсам горной дороги. Лента полотна вилась разобщенными панорамами, [. . .]».
Ср. еще в стихотворении «Пока мы по Кавказу лазаем. . .» (*Пастернак* 1965, 370), в его заключительной строфе, эквиваленцию 'жизнь' — 'история' — 'судьба' — 'вода' — 'ткань':

Я брошен в жизнь, в потоке дней
Катящую потоки рода,
И мне кроить свою трудней,
Чем резать ножницами воду.
[. . .]
Смотри: и рек не мыслит врозь
Существованья ткань сквозная.

Самое же показательное, с точки зрения разбираемой главы, стихотворение «Бабочка-буря» (*Пастернак* 1965, 206). Оно родственно своей референциальностью «Охранной грамоте» (ср. идентификацию его мотивики в московской реальности в: *Иванов* 1983, 303—312), но в первую очередь оно строит парадигму трансформации 'реальности' в 'текст' — 'ткань бытия'.

Текст начинается с мотива 'глухого гула плоти' («гул былой Мясницкой»), который постепенно трансформируется в «страшный шум» — 'грозу-бурю', а 'материальный мир' развоплощается до состояния 'личинки' и 'кокона', которые разрушенный мир («Смолу котлами пьет почтамт», где 'смола' — Пастернаковская 'смесь-грязь' предстоящая преобразованию в высшую духовную ипостась) перестраивают в 'ткань' («Червяк спокойно и дремотно По закоулкам ткет кокон»). Еще одна трансформация в предпоследней строфе — 'бритье-стрижка', переводящая 'мир-ткань' в более духовное состояние:

Тогда-то, сбившись с перспективы,
Мрачатся улиц выхода,
И бритве ветра тучи гриву
Подбрасывает духота.

Результат преобразований-трансформаций — 'бабочка-буря':

Сейчас ты выпорхнешь, инфанта,
И, сев на телеграфный столб,
Расправишь водяные банты
Над топотом промокших толп.,

где уподобленная 'бабочке' «инфанта» — 'девочка-душа' (традиционный, выступающий так же и у Пастернака) символ 'поэтического вдохновения'; «водяные банты» — Пастернаковская 'восьмерка' (часто, как в «Охранной грамоте», «кокарда»), знаменующая бесконечность, состояние катахрезы, 'механизм искусства-поэзии' — удвоение мира (тут: локализация «Над топотом»); восходящий же к «почтамту» «телеграфный столб» — 'вертикальная ось мира', так сказать, канал связи с запредельным (и в «Охранной грамоте» 'почтамт' и 'телеграф' — варианты 'далекописи', 'далеких связей'), Пастернакский 'архепоэт' (ср. «Балладу» 1916 г.) и даже Пастернаковский alter ego (ср. хотя бы «Вечерело. Повсюду ретиво. . .» — *Пастернак* 1965, 368—369, а его разбор в: Faryno 1988c).

[12] Ср. аналогичную 'текстильную' мотивику у самого Маяковского — в трагедии «Владимир Маяковский»:

А из моей души
тоже можно сшить
такие нарядные юбки!

или в «Кофте фата»:

Я сошью себе черные штаны
из бархата голоса моего,
желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам его,
профланирую шагом Дон-Жуана и фата.

'Текстильность' Маяковского, однако, менее философична и менее 'универсальна', чем 'текстильность' у Пастернака. Несомненно, Пастернак — особенно поры «Охранной грамоты» — отдает себе в этом отчет. Тем не менее, вводя 'текстильные' мотивы в образ Маяковского, он не включается в полемику, а эксплицирует Маяковского в категориях собственной поэтики.

[13] Как и в случае 'текстильности', этот «мотоцикл» тоже чисто Пастернаковский. Ср. аналогичное толкование 'мотоцикла' как 'трансформирующего' (содержащего в себе и 'смерть' и 'воскресение') звена в стихотворении «Пей и пиши, непрерывным патрулем. . .» (*Пастернак* 1965, 192—193), звена, следующего тут же за мотивом погибшей армии Самсонова:

После в Москве мотоцикл тараторил,
Громкий до звезд, как второе пришествие.,

где, кроме того, «мотоцикл» знаменует собой 'второй цикл бытия', наступающий после 'скончания мира сего'.

В процитированном фрагменте из главы 3 «мотоцикл» как раз предваряет весь 'путь-воскресения' — от 'разрушения-еды', 'игры жизнью' («играл в карты»), 'прогулки по Кузнецкому' ('за реку'), до 'отпевания' («отрывки литургии») и 'воскресения-выпрямления' в 'день дням' («за всем этим, как за прямотою разбежавшегося конькобежца, вечно мерещился какой-то предшествующий всем дням его день, [. . .] распрямлявший его так крупно и непринужденно»).

Литература

А. Белый, 1904 «Вишневый сад». Драма Чехова: «Весы», № 2.

V. Bili, 1987 On the Primary Sense of the Opposite Words: Semiotics and Semantics. (Доклад обсуждался 9. IV. 1987 на организованном профессорами H.-U. Gumbrecht'ом и K. L. Pfeiffer'ом Симпозиуме «Materialities and Communication»—March 30—April 11, 1987 — в Дубровнике и будет опубликован в материалах этого Симпозиума издательством University of Siegen).

И. Р. Дёринг-Смирнова, И. П. Смирнов, 1982 Очерки по типологии культуры. . . . → реализм → (. . .) → постсимволизм (авангард) → . . . . Salzburg.

М. Дрозда, 1982 Нарративная маска в художественной прозе: «Russian Literature», XII—III. Amsterdam.

J. Faryno, 1981 Семиотические аспекты поэзии Маяковского: «Umjetnost Riječi», god. 25. Izvanredni svezak. Zagreb.

1985 Мифологизм и теологизм Цветаевой. («Магдалина» — «Царь-Девица» — «Переулочки»): «Wiener Slawistischer Almanach», Sonderband 18. Wien.

1987a Роль текста в литературном произведении: „Studia Russica", 11. Budapest.

1987b. Dešifrovka. (U:) Pojmovnik Ruske Avangarde. Šesti svezak. Uredili Aleksandar Flaker i Dubrovka Ugrešić. Zagreb. (Русскоязычный вариант выходит параллельно в журнале «Russian Literature», Amsterdam).

1987c Археопоэтика «Писем из Тулы» Пастернака: «Wiener Slawistischer Almanach», Sonderband: Mythos in der Slavischen Moderne. Wien.

1988a Пушкин в «Теме с вариациями» Пастернака: «Dissertationes Slavicae», 20. Szeged.

1988b Поэтика Пастернака. («Путевые записки». «Охранная грамота»): «Wiener Slawistischer Almanach», Sonderband 20. Wien.

1988c Некоторые вопросы поэтики Пастернака («Вечерело. Повсюду ретиво. . .»). В печати в Пастернаковском сборнике, готовящимся Университетом в Szeged).

Л. Флейшман, 1981 Пастернак в двадцатые годы. München.

Вяч. Вс. Иванов, 1983 Стихотворение Б. Пастернака «Бабочка-буря». (B:) Tekst i zdanie. Zbiór studiów. Pod redakcją Teresy Dobrzyńskiej i Elżbiety Janus. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź.

А. Юнггрен [*A. Ljunggren*], 1984 Juvenilia Пастернака: 6 фрагментов о Реликвимини. Almqvist and Wiksell International, Stockholm.

И. И. Ковтунова, 1986 Поэтический синтаксис. Москва.

Н. В. Павлович, 1986 Образование поэтических парадигм. (B:) Проблемы структурной лингвистики — 1983. Москва.

Б. Пастернак, 1965 Стихотворения и поэмы. Москва—Ленинград.

1982 Воздушные пути. Проза разных лет. Москва.

K. Pomorska, 1972 Ochrannaja Gramota: «Russian Literature», 3. Mouton, The Hague — Paris.
1973 Music as Theme and Constituent of Pasternak's Poems. (In:) Slavic Poetics. Essays in Honor of Kiril Taranovsky. Edited by Roman Jakobson, C. H. van Schooneveld, Dean S. Worth. Mouton, The Hague—Paris.
1975 Themes and Variations in Pasternak's Poetics. The Peter de Ridder Press, Lisse.

О. Г. Ревзина, 1981 Знаки препинания в поэтическом языке: Двоеточие в поэзии М. Цветаевой. (В:) Marina Cvetaeva. Studien und Materialien. «Wiener Slawistischer Almanach», Sonderband 3. Wien.

D. Segal, 1977 Pro Domo Sua: The Case of Boris Pasternak: «Slavica Hierosolymitana», vol. I. Jerusalem.

И. П. Смирнов, 1978 Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой»). (В:) Миф — фольклор — Литература. Ленинград.

I. P. Smirnov, 1984 Katahreza. (U:) Pojmovnik Ruske Avangarde. Drugi svezak. Uredili Aleksandar Flaker i Dubrovka Ugrešić. Zagreb.

И. П. Смирнов, 1985a Два типа рекуррентности: ПОЭЗИЯ vs. ПРОЗА: «Wiener Slawistischer Almanach», Band 15. Wien.
1985b Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака): «Wiener Slawistischer Almanach», Sonderband 17. Wien.
1986 Катахреза: «Russian Literature», XIX—I. Amsterdam.

Новые материалы об итальянских конспиративных связях А. И. Герцена

МИКЛОШ КУН

(Kun M., ELTE Kelet-Európa Története Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364)

Итальянские связи А. И. Герцена, охватывающие более двадцати лет, начиная с его первой поездки на Аппенинский полуостров в октябре 1847 г. и кончая кратковременным пребыванием во Флоренции в октябре/ноябре 1869 г. во время болезни дочери Таты, хорошо известны исследователям.[1] Изучена итальянская тематика «Колокола», со страниц которого Герцен деятельно влиял на формирование проитальянских настроений общественности Российской Империи, с большим чувством солидарности освещал события Risorgimento, проводя понятные читателям параллели между освободительным движением Италии и России.[2] Уделялось внимание в Герцениане и реакции итальянской прессы на деятельность Герцена и первых русских эмигрантов начала 1850-х годов.[3] (Пресса следующего десятилетия, освещающая как раз период выпуска «Колокола», еще ждет исследователей итальянорусских отношений.) Меньше знаем мы о строго законспирированных контактах Герцена с участниками борьбы за социальное преобразование и национальное объединение Италии. Контакты, установившиеся в самом начале «весны народов» — то усиливаясь, то ослабевая, время от времени видоизменяясь — не прерывались до самой его кончины.

Разработке темы «Герцен и „подпольная Италия"» положил начало сам автор «Былого и Дум», создавший на страницах своих мемуаров целую портретную галерею ведущих либеральных и радикальных политиков эпохи Risorgimento, в большинстве своем конспираторов по традициям и призванию (X-61-79, 102—103; XI-13-17, 254—295).[4] Большую лепту внесла в изу-

[1] Основную литературу по данной проблематике приводят *М. И. Гиллельсон, Е. Н. Дрыжакова, М. К. Перкаль,* А. И. Герцен. Семинарий. Москва 1965, 295—296; E. Lo Gatto, Russi in Italia. Roma 1971, 180.

[2] *Ю. Н. Емельянов,* Национально-освободительное движение в Италии и «Колокол». В сб.: Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. Москва 1968, 186—205.

[3] F. Venturi, Essuli russi in Piemonte dopo il'48. Torino 1959; *его же,* Italia, Russia ed Europa dopo il'48. Herzen e l'emigrazione negli Stati sardi: Rivista storica del socialismo, 1959. gennaio-marzo.

[4] См. оценку герценовских мемуаров с позиций исследователя истории итальянского освободительного движения и ранней стадии социалистической мысли в Италии: R. Michels, Le memorie di Herzen e l'Italia: Nuova Antologia di lettere, scienze ed arti, 1908, 369—371; а также не потерявшие и по наш день значение комментарии Л. Б. Каменева к первому «академическому» изданию «Былого и дум».

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

чение конспиративных связей Герцена публикация на страницах «Литературного наследства» комплексов его писем к Джузеппе Маццини, Аурелио Саффи и Луиджи Пьянчани.[5] С тех пор выявлено сравнительно немного памятников эпистолярного наследства Герцена, имеющих отношение к итальянской тематике и в частности к его нелегальным связям.

Публикуемые ниже письма А. И. Герцена нам кажутся ценным источником не только потому, что они не были введены до сих пор в научный оборот. Они проливают свет именно на тот период деятельности редактора «Колокола», когда в связи с событиями польского восстания 1863 г. его итальянские контакты снова углубились и приобрели более «конкретный» характер. Дело не в том, что отношение Герцена к движению за объединение Италии не было всегда однозначно-положительным. Исследователи обычно проходят мимо фактов, подтверждающих, что интенсивность и содержание его итальянских конспиративных связей были не всегда одинаковыми.

Со времени революции 1848 г. и до середины 1850-х гг., изолированный от событий происходящих на родине, Герцен вращался почти исключительно среди политических эмигрантов различных наций. Пожалуй органичнее всего вошел он в круг итальянских изгнанников. «Выходцы итальянские не были выше других ни талантами, ни образованием: большая часть их даже ничего не знала, кроме своих поэтов, кроме своей истории: но они не имели ни битого, стереотипного чекана французских строевых демократов, ... ни того неотесанного, харчевно-бурсацкого характера, которым отличались немецкие выходцы ...

Образованный итальянец вырабатывался как наш брат, сам собой, жизнию, страстями, книгами, которые случались под рукою, и пробрался до такого или иного понимания ... Он и мы во многом уступаем специальной оконченности французов и теоретической учености немцев, но зато у нас и у итальянцев ярче цвета», — повествует он о дружбе с итальянскими политиками, знакомство с большинством которых завязалось у него в Швейцарии и Италии в 1849—1852 гг. (X. 69—70). Это было именно то время, когда обрывались одна за другой ниточки связей с оставленным в России кругом друзей и завязывались новые знакомства, трансформировавшиеся в дружбу либо во вражду.

Поселившись в конце 1852 г. в Лондоне, Герцен вошел в ближайшее окружение Джузеппе Маццини и, не разделяя его критического отношения к социалистической теории, как к научной дисциплине, не соглашаясь с лозунгами Dio e popolo и Italia fara da se!, занял однако в кругах «лондонской вольницы» промаццинистские позиции. В отличие от большинства эмигрантов с континента Герцен с первых же дней жизни в Англии был принят в самых известных политических и культурных салонах Лондона. Столь быструю акклиматизацию облегчили ему семьи английских политиков Ашерст, Бигсс, Стенфильд, Милльнер-Гиббсон, а также влиятельные в чартистских кругах Вильям Линтон и Эрнст Джонс. Все они восторгались личностью

[5] Джузеппе Маццини — Герцену. Публикация Л. Р. Ланского. Литературное наследство, 62. Москва 1965, 304—308; Письма Герцена к А. Саффи и Л. Пьянчани. Публикация и примечания *Н. Д. Эфрос*. Предисловие *Н. Е. Застенкера*. Литературное наследство, 64. Москва 1958, 319—418.

Маццини и оказывали посильное содействие его ближайшим знакомым, среди которых одно из первых мест принадлежало Герцену.[6]

К начальному этапу жизни в Лондоне относится передача Герценом двух крупных сумм — 140, а затем 60 фунтов стерлингов — эмигрантам-маццинистам (X. 138—140). (Впоследствие, оплачивая все расходы Вольной Русской Типографии, он значительно уменьшил размеры субсидий своим товарищам по эмиграции, среди них и итальянцам, однако отпускал их до середины 1850-х годов довольно регулярно. — X. 137, XXV. 125, 196, 210). В свою очередь эмигранты с Аппенинского полуострова, полностью доверяя Герцену, информировали его о своих самых секретных акциях, обсуждали с ним противоречия между английским и пьемонтским центром движения, причем в ряде случаев русский революционер пытался выступать в роли примирителя (X. 16—17).

Столь тесные контакты с итальянскими эмигрантами позволили Герцену составить четкое представление о конспиративной структуре движения, начиная от центра, возглавляемого Маццини, до малолюдных ячеек в деревнях и городах Италии.

«Фанатик и в то-же время организатор, он покрыл Италию сетью тайных обществ, свчзанных между собой и шедшия к одной цели»,

— характеризовал Герцен Маццини и возглавляемое им итальянское подполье. —

«Общества эти вились неуловимыми артериями, дробились, мельчали и исчезали в Апеннинах и в Альпах, в царственных palazzi аристократов и в темных переулках итальянских городов, в которых никакая полиция не может проникнуть. Сельские попы, кондукторы дилижансов, ломбардские принчипе, контрабандисты, трактирщики, женщины, бандиты — всё шло на дело, все были звенья цепи, примыкавшей к нему и повиновавшейся ему. Последовательно. . . ряд за рядом выходят восторженные юноши, энергические плебеи, энергические аристократы, иногда старые старики. . . и идут по указаниям Маццини, рукоположенного старцем Бонароти, товарищем и другом Гракха Бабёфа, — идут на неравный бой, пренебрегая цепями и плахой и примешивая иной раз к предсмертному крику „Viva l'Italia !", „Evviva Mazzini !"» (X. 66—67).

Отметим, что Герцен встречался с итальянскими эмигрантами не только в беседах за столом, либо на митингах и манифестациях перед широкой аудиторией, но и на совещаниях нелегального характера. Конечно, если исходить только из текста соответственных глав «Былого и Дум», проникнутых разочарованием по отношению к своей же эмигрантской деятельности первой половины 1850-х годов, вернее к той ее части, которая не была непосредственно связана с основанием Вольной Русской Типографии, то кажется, что Герцен относился иронически ко всем конспиративным начинаниям «лондонской вольницы». К тому же при написании мемуаров могли действовать «сдерживающие» мотивы именно конспиративного соображения. Не раскрыл ведь Герцен в «Былом и Думах» важные подробности своих контактов в годы первой революционной ситуации в России![7] По аналогичной причине не всегда легко найти «подводное течение»

[6] «. . . почти все английские связи Герцена начались через Маццини», — справедливо считает *М. Партридж*, Анекcандр Герцен и его английские связи. В сб.: Проблемы изучения Герцена. Москва 1963, 368.

[7] *М. В. Нечкина*, Конспиративная тема в «Былом и думах» А. И. Герцена. В сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., 3. Москва 1963, 275—297.

в тексте герценовских мемуаров, где речь идет о конспиративных акциях маццинистов. Многие события, о которых в «Былом и Думах» говорится полунамёками, проясняются лишь в сопоставлении с целыми комплексами источников эпистолярного характера. Значительную ценность представляют мемуары и дневники современников Герцена, причастных к конспиративным действиям итальянского подполья. Так в записках близкого к Герцену венгерского полковника Шандора Телеки, активного сотрудника эмигрантского издания «L'Homme», показано конспиративное собрание в Лондоне (видимо в начале-середине 1850-х годов) под председательством Арнольда Руге. На эту встречу Телеки явился в обществе редактора «L'Homme» Шарля Рибейроля и встретил среди немецких, польских и итальянских знакомых, Александра Герцена.[8]

Имя Герцена фигурирует также в дневниках записи Дюлы Танарки, воспитателя детей Ференца и Терезы Пульских, от 8 сентября 1854 г. Танарки сжато регистрирует свое впечатление от конспиративного совещания в доме Пульских, встрече сугубо закрытой, ради чего под различными предлогами заранее было отказано в приеме возможным посетителям. На совещании не было ни Лайоша Кошута, ни Джузеппе Маццини, однако на нем присутствовал самый близкий сотрудник Кошута Даниель Ихас. (С Герценом он встретился 21 февраля 1854 г., сопровождая лидера венгерской эмиграции на международный вечер, устроенный лондонским консулом Северо-Американских Соединенных Штатов Сандерсом.)[9] Кроме Ихаса из венгров в дневниковой записи упомянуты лишь супружеская пара Пульских и сам Дюла Танарки. Почему-то — не исключено, что по конспиративным соображениям — не названы по имени двое итальянцев, пользуясь выражением Танарки «не лондонские, а коренные», т. е. недавно прибывшие с Апеннинского полуострова. Наконец на совещании присутствовал от лондонского центра итальянского национального движения «секретарь Маццини, его правая рука» (вероятнее всего Перикл Маццолени).

[8] Teleki S., Emlékeim. Budapest, б. г. I. 205—208. См. также: Baumgarten S., A szabadság kóbor lovagja. 1962, 145. О связях Герцена с Шандором Телеки см.: Váradi-Sternberg J. Utak és Találkozások. Uzshorod 1971, 67—76; Отметим неизвестное в Герцениане упоминание о письме Герцена к Шарлю Рибейролю в окрашенном юмористическими тонами очерке Телеки: «Газеты были полны арроганцией Меньшикова [перед началом крымской войны. — *М. К.*]. Я же готовил в это время к печати «иностранный отдел» газеты «L'Homme» с помощью ножниц... Газета была набрана, ... наш главный редактор уже собирался уходить, когда вошел типографский подмастерье и сказал:
— Господин Рибейроль! ... нет еще пятнадцати строк.
Ребейроль посмотрел на меня и произнес:
— Прошу тебя сооруди им пятнадцать строк.
— О чем? — спросил я.
— Что нибудь о к а з а к а х; впрочем вот письмо Г е р ц е н а, можешь что-то списать из него. Передав мне это письмо, он вышел.

Из письма Герцена я смог воспользоваться лишь следующим местом: «начало войны зависит лишь от того, с какими инструкциями послан Меньшиков в Константинополь».

Ну, подумал я, если зависит только от этого, то я снабжу Меньшикова соответственными инструкциями и написал: «Из надежного источника мы осведомлены, что ... Меньшиков послан в Константинаполь со следующими инструкциями. . .» Сообщение это перенял Т а й м с, а из Таймса все без исключения газеты. . . В конце-концов русский официальный орган опубликовал опровержение и заверил ... читателей о мирных намерениях царя Николая» (Teleki S. Emlékezései. Budapest 1958, 421).

[9] Перечень присутствующих на этом приеме и описание его обстановки приводят: *Ф. Орсини*, Воспоминания. Москва—Ленинград 1934, 178; Pulszky F., Életem és korom. Budapest 1958, II, 133.

На конспиративной встрече — единственным участником которой из не венгров и не из итальянцев был А. И. Герцен — обсуждался лишь один, зато давно наболевший вопрос: насколько реально воссоздание разветвленной агентурной сети в Северной Италии — как в Пьемонтском Королевстве, так и в итальянских провинциях империи Габсбургов, — которая практически перестала существовать после поражения миланского восстания 6 февраля 1853 г. Атмосфера совещания не могла быть проникнутой оптимизмом, ведь август—сентябрь 1854 г. — это время неудачной попытки восстания мацциниcтов в Риме и сорванного предательством выступления в Вальтеллине, кончившегося арестом Феличе Орсини.[10]

Примечательно уже само присутствие Герцена на нелегальном собрании, участники которого обязались скрыть его даже от своих ближайших товарищей по изгнанию. Интерес представляют и слова русского революционера, точно зафиксированные в тот же вечер автором дневника:

«Центром движения на этот раз вряд ли стоит избирать большие города. В них легче скрываться, но и легко попасть под наблюдение полиции. Может быть легче рассылать эмиссаров с берегов Lago Maggiore. Место это хорошо в географическом отношении: близко к Австрии [т. е. к территории итальянских провинций империи Габсбургов. — *М. К.*] и в то-же время недоступно венским гончим». (Подразумеваются агенты австрийской тайной полиции. — *М. К.*)[11]

Почему Герцену пришло в голову именно живописное озеро Северной Италии? Быть может он вспомнил свое путешествие в обществе французского эмигранта Тесье дю Моте на пароходе «Fürst Radetsky» от Ароны до Могадино, столь пластично зарисованное в «Былом и Думах»? (X. 90—93).

Наряду с личными контактами в первой половине 1850-х годов, Герцен пользовался каждым подходящим случаем *публично* продемонстрировать солидарность с итальянским национальным движением. Так, например, основывая в начале 1855 г. «третное обозрение» «Полярная Звезда», он опубликовал в первом же номере среди писем к издателю дружеское, полное чувства солидарности и готовности и в дальнейшем сотрудничать, послание Джузеппе Маццини. Приведем из него следующие слова:

«. . . я непременно напишу что-нибудь, покамест пусть эти строки свидетельствуют о моем сердечном сочувствии вашему предприятию, о живом участии к нему итальянских республиканцев, — я смело могу говорить от их имени и уверить Вас, что они с любовью будут следить за успехами Вашего начинания».[12]

План регулярной публикации в «Полярной Звезде» статей демократов Запада, в том числе идеологов домарксового социализма и деятелей национальных движений, родился у Герцена параллельно с самим замыслом изда-

[10] *Ф. Орсини*, указ. соч. 191—212.

[11] Magyar Országos Levéltár. Tanárky Gyula irathagyatéka, R-195. Запись сделана на отдельном листке и помечена 8 сентября 1854 г. Исследователи не обратили на нее внимания, видимо потому, что она была вложена в тетрадь, содержащую дневниковые заметки за 1858 г. Характеристику дневников Д. Танарки, как весьма важного и беспристрастного источника для изучения международных связей русской эмиграции, см.: *М. Кун*, Материалы о русской революционной эмиграции в дневниках и переписке Дюлы Танарки (1854—1864 гг.) в сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., 7. Москва 1978,

[12] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке. Петроград 1919—1925, VIII, 173.

ния «Полярной Звезды». А 8 июля 1855 г. Герцен уже следующим образом мотивировал этот замысел в письме к Жюлю Мишле:

«Я говорю русским и на все лады повторяю, — что социальная идея, выработанная Западом, — единственное средство рационального развития общественных склонностей и нравов славян. После смерти Николая спящий гигант начинает пробуждаться. Крайне необходимо, чтобы преданное этой идее меньшинство чувствовало поддержку со стороны мыслителей Запада. С этим сознанием гораздо легче идти в Сибирь» (XXV, 225; разрядка Герцена. — *М. К.*).

Мыслители Запада — и среди них, выражаясь словами Виктора Гюго «фельдмаршалы революции» (XXV. 282), т. е. Маццини, Луи Блан, Жюль Мишле, П. Прудон — откликнулись по первому же зову. Из иностранных материалов можно было бы составить отделы «Философия революции и социализма», «Книги» и «Смесь» по крайне мере для двух-трех номеров альманаха. Среди сотрудников «Полярной Звезды» Герцен хотел видеть Ф. Пульского, Ш. Телеки, патриарха польской демократической эмиграции Й. Лелевеля и одного из триумвиров Римской республики времен «весны народов» Аурелио Саффи, самого близкого к себе по человеческим качествам итальянского изгнанника. («Чище и проще Саффи я не встречал натуры между нерусскими» X. 78, — характеризовал его Герцен в своих мемуарах).

Чем же объяснить, что итальянская тематика с третьего номера уже не присутствует в «Полярной Звезде», да и сам альманах вопреки первоначальной редакторской концепции полностью теряет «международный» характер? Думается, что произошло это не только потому, что из России стало поступать всё больше и больше материала, связанного с актуально-политической жизнью страны, либо освещающего замалчиваемые официозными историками события русского освободительного движения предшествующих десятилетий. Определенную роль в изменении характера альманаха сыграла критика «международного» характера первого номера со стороны русских либеральных кругов, сотрудничество Герцена с которыми на почве издательской и пропагандистской деятельности завязывается именно в 1856—57 гг. Под влиянием их критических замечаний, в частности известного «Письма к Издателю» К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина — Герцен не только прекращает публикацию в «Полярной Звезде» уже поступивших в редакторский портфель материалов иностранных корреспондентов,[13] но и перестает пуб-

[13] Этому вопросу посвящена специальная работа: *М. Кун*, К вопросу истории первых номеров «Полярной звезды»: Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis de Rolando Eötvös nominatae, Sectio Historica 14 (1973) 3—35. «Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отзыва, и Ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторской трибуною, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение», — говорится в «Письме к издателю». — «. . . Вы созываете сходки, ни на что не нужные и ни к чему не ведущие; всею силою ораторского красноречия стараетесь убедить Кошута, Маццини, Ледрю-Роллена и других, что у них есть единомышленники в нашем отечестве. Революционные выходцы всех стран и народов, составляющие в Лондоне ничем не властвующее правительство, по вашему ходатайству, примиряются с Россиею и принимают ее в свой союз. . . Ну, признайтесь, не чистая ли это комедия? Полноте разыгрывать эти фарсы и морочить себя и других фантастическими представлениями о небывалых сообщниках. Дело нам нужно, а не громкие фразы и не мелодраматические сцены» (Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книги I—III. 1856—1857. Выпуск первый. Москва 1974, 27, 30—31).

Изо всех материалов первого номера «Полярной звезды» К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин одобрили лишь письмо Герцена к Александру II, исполненное по их мнению «благодарных чувств и горячей любви к народу». Однако и тут следует оговорка: «Нас радует, что вы можете писать другим тоном, нежели какими вы пишете все ваши социальные

лично участвовать на международных митингах и в коллективных манифестациях, на слушателей которых он производил в предыдущие годы впечатление одного из самых «крайних», радикальных ораторов.[14] О временном пересмотре своей линии поведения из-за тактических соображений, т. е. из-за желания расширить круг постоянных русских корреспондентов и читателей изданий Вольной Русской Типографии, о сознательном ослаблении *публичных* международных контактов, свидетельствует между прочим его письмо к Мальвиде Мейзенбург от 1. XII. 1857 г.:

«Я был неприятно поражен, узнав, что Международный комитет собрался устроить митинг по случаю 14 декабря. Всякие такие манифестации чрезвычайно непопулярны у нас. Я думаю, что у Таландье хватит дружеской приязни, чтобы их отговорить от этого замысла» (XXV. 140; разрядка моя. — *М. К.*).

Вряд ли два-три года назад откликнулся бы так Герцен — гордившийся в свое время, что его привлекли к работе в Международном комитете (XXV. 232, 234, XXV. 236—237) — на вести о предполагаемом митинге в честь 32-й годовщины восстания на Сенатской площади. (Митинг хотели созвать англичане-чартисты, солидарные с политической деятельностью Маццини и составляющие костяк упомянутого в письме Международного комитета.)

Письмо Герцена продиктовано новыми настроениями, возникшими у него в 1857—58 гг. в результате во многом изменившейся в России ситуации. Издатель «Полярной Звезды» стал к этому времени не просто известным, но и не изолированным от своего отечества эмигрантом, а также редактором ряда изданий, связанных крепкими нитями с Россией — «Колокола», «Голосов из России». Герцен в этот период питает некоторые иллюзии по отношению к результатам «эпохи реформ». Упомянутая новая позиция продиктована еще и тем, что Герцен на время почти теряет интерес — и это можно проследить по его переписке — к повседневной деятельности «лондонской

статьи. Но для чего вы считаете нужным извиняться в этом письме? Неужели на вас так далеко влияние ваших западных друзей, что вы должны оправдывать перед ними единственную политическую статью, написанную с должным благоразумием?» (Голоса из России, 34). Не соглашаясь со многими положениями «Письма к издателю», Герцен назвал его «умным и дельным» (XII, 329) и отнесся с весьма большим вниманием к этому документу, справедливо названному»... манифестом русского либерализма, ... сформулировавшим то политическое кредо, которое всегда и оставалось его сущностью»(*Е. Л. Рудницкая*, Огарев в русском революционном движении. Москва 1969, 94). Что же касается изменений в содержании и формы «Полярной звезды», то среди уступок не только пересмотр первоначальной редакторской концепции о «международном» характере издания, но и исчезновение раздела «философия революции и социализм», предназначенного в свое время именно для «социальных статей», столь критикуемых авторами «Письма к издателю» и стоящими за их спиной либеральным кругами.

[14] Отмеченное английской печатью выступление Герцена в «Гановер-руме» было самым революционным среди всех, записал в своем дневнике один из ораторов этого митинга венгерский священник-эмигрант Яцинт Ронаи. См. его воспоминания, вышедшие в 10 (!) экземплярах и представляющие библиографическую ценность: Rónay J., Huszonöt év reményei és csalódásai; б. м. и г. II, 128.

[15] О приглашении Герцена участвовать в работе Международного комитета см.: *Моника Партридж*, указ. соч. 355—357; О конфликте, возникшем вокруг возможного участия Герцена в комитете — Маркс вышел из-за этого из состава комитета — см.: письмо Карла Маркса к Фридриху Энгельсу от 13. II. 1855 г. *К. Маркс* и *Н. Энгельс*, Сочинения, XXII, 86. Судя по корреспонденции в «The People's Paper» от 3. II. 1855, в протоколе заседания комитета стоит, что Герцен сам лично выразил желание участвовать в работе комитета.

вольницы». К тому же после приезда в Лондон Н. П. Огарева и Н. А. Огаревой-Тучковой изменился не только ритм жизни Герцена, но отчасти и его окружение. По мере успехов изданий Вольной Русской Типографии среди посетителей Герцена всё больше старых и новых знакомых-компатриотов, и меньше «рефюжье».

Подобное сознательное «самоограничение» Герцена — первый раз заговорил он об этом в письме к итальянцу Л. Пьянчани (XXV. 244), основывая «Полярную Звезду», но еще не думая о почти полном «свертывании» своих международных связей — отметил сразу же Джузеппе Маццини. «Вы замуровались в вашей русской пропаганде, как я — в своих попытках действия в Италии», — дружески пенял он Герцену в письме, отправленном приблизительно в те дни, когда последний отказался от участия в митинге памяти декабристов.[16] Но это не значит, что л и ч н ы е итальянские связи Герцена полностью прервались, они только ослабели, а начиная с 1859 г. стали снова восстанавливаться, но уже на несколько иной основе: Герцен в качестве редактора «Колокола» — политическая фигура европейского масштаба и издания его имеют не спорадический, изолированный характер, а становятся одним из решающих факторов в освободительном движении России. Не случайно, что газеты и журналы, служащие делу Risorgimento интенсивно пропагандируют деятельность Герцена и русской революционной эмиграции.[17]

Было бы несправедливо с другой стороны не заметить, что с конца 1850-х годов итальянская тематика находит надлежащее место на страницах «Колокола». Сам же Герцен, после небольших колебаний (20), активно включается в события австрийско-пьемонтско-французского конфликта 1859 г. Откликнувшись на войну серией великолепных статей в «Колоколе», он предельно тонко подметил как светлые, так и теневые стороны нового этапа объединения Италии (XIV. 97—116, 214—226, 245—246, 307—308, 339—343), а также способствовал публикации антиавстрийских материалов пропагандистского характера в европейской и североамериканской прессе.[18] Добавим, что русские эмигрантские издания, редактируемые А. И. Герценым и Н. П. Огаревым с 1859 г., во многом способствовали популяризации дела и личности Джузеппе Гарибальди в самых широких — учитывая радиус распространения — читательских кругах.[19]

*

[16] Цит. по: Летопись жизни и творчества А. И Герцена, 1851—1858. Составители тома Л. Р. Ланский, И. Г. Птушкина. Редакторы тома: С. Д. Гурвич-Лищинер, И. Г. Птушкина. Москва 1976, 383.

[17] Большую роль сыграл в этом ближайший сподвижник Джузеппе Маццини Маурицио Квадрио, еще в молодости изучивший русский язык. Его перу принадлежит биографическая статья, посвященная жизни и деятельности Герцена, и вышедшая в свет в «L'Italia e Popolo» от 16 и 19 марта 1863 г. О его публицистической деятельности, посвященной и России, и не в последнюю очередь русской революционной эмиграции см.: B. Di Porto, La visione internazionale di Maurizio Quadrio: Atti del secondo convegno su Mazzini e i mazziniani, dedicato a Maurizio Quadrio. Pisa, 23—24 ottobre 1976. Pisa 1978. 94—108, 122—147.

[18] Эволюция позиции Герцена во время событий 1859 г. в Италии хорошо отражена в статье: *И. Ю. Твердохлебов,* К истории статьи Герцена «Новая мерзость в Польше». В сб.: Проблемы изучения Герцена. Москва 1963, 468—479.

[19] F. Venturi, L'immagine di Garibaldi in Russia all' epoca della liberazione dei servi. In: Rassegna storica toscana, 1961, VI (4); 1961, VI (4); *В. Е. Невлер,* Эхо гарибальдийских сражений. Москва 1963.

До сих пор речь шла в основном о связях А. И. Герцена с итальянской эмиграцией, о причастности к ее публичным и конспиративным акциям. (Содействие итальянских союзников Герцена в транспортировке и переправлении в Россию первых изданий Вольной Русской Типографии нам кажется довольно незначительным. Этим занимались в годы Крымской войны в первую очередь польские и отчасти венгерские изгнанники.) Однако на рубеже 1850—60-х годов, именно в период формирования российского революционного подполья, мы наблюдаем и обратный — точнее параллельный — процесс. Конкретные задачи, связанные с перенесением части политической деятельности в рамки подполья, заставляло русских революционеров порою прибегать к заимствованию форм. И это отнюдь не особенность русского революционного движения! Молодые пражские радикалы находились перед «весной народов» под впечатлением статей о структуре ирландских конспираторов, борцов против английского господства. Французские и германские республиканцы-заговорщики в 1830—40-е годы взаимно оплодотворяли организационные принципы опытом друг друга. Испанские заговорщики-федералисты попадали под влияние итальянских карбонариев и наоборот. Деятельность польских эмигрантов, после поражения восстания 1830/31 гг. неотделима от опыта, накопленного «Молодой Италией» и «Тугенбундом». Настольной книгой конспираторов всего континента была известная работа Филиппе Буонарроти, освещающая потаенные стороны заговора Гракха Бабёфа. Трудно переоценить наконец влияние отдельных известных заговорщиков, типа и масштаба Буонарроти, на конспираторов различных наций. То же самое можно сказать словами Герцена о Маццини:

«. . . как средневековый монах, глубоко знал одну сторону жизни, но другие создавал; он много жил мыслью и страстью, но не на дневном свете; он с молодых лет до седых волос жил в карбонарских юнтах, в кругу гонимых республиканцев, либеральных писателей; он был в сношениях с греческими гетериями и с испанскими exaltados, он конспировал с настоящим Кавеньяком и поддельным Ромарино, с швейцарцем Джемсом Фази, с польской демократией, с молдо-валахами. . . Из его кабинета вышел благославленный им восторженный Конарский, пошел в Россию и погибнул».

Пораженное глубоко самобытным отечественным революционным движением, российское подполье «шестидесятников» зиждилось в идейном отношении не на пустом месте, а уходило очень глубокими корнями в предыдущий «дворянский», по классификации В. И. Ленина, период.[20] Однако оно почти не могло воспользоваться — учитывая преемственность лиц и поколений — опытом декабристов, участников кружков 1830-х гг. и петрашевцев. Многое что касается формальной стороны действий, бралось молодыми зачинателями «подпольной России» из книг или просто-напросто импровизировалось. Не случайно, судя по работам исследователей русско-итальянских исторических и литературных связей, среди читателей демократического лагеря такой большой популярностью пользовались романы и статьи об итальянских заговорщиках первой половины XIX в., которых после смерти Николая I появлялось всё больше в России среди переводных произведений.[21]

[20] *В. И. Ленин,* Полное собрание сочинений, т. 21. Москва 1961, 255—262.

[21] *З. М. Потапова,* Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX века. Москва 1973.

Не могли не повлиять в этом смысле конспиративные традиции итальянского национального движения на А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, хорошо знакомых лично с корифеями «подпольной Италии» и могущих судить о структуре итальянских конспиративных организаций не только по публикациям в печати, но и вследствие частых бесед с Маццини и его окружением. По мере того, как соредакторы «Колокола» превращают редакцию своего издания в лондонский центр русского революционного подполья, можно говорить об определенном заимствовании самых полезных для «подпольной России» конспиративных принципов и приемов итальянского национального движения. Достаточно лишь сравнить хорошо известные положения организационного характера, — опубликованные в «Литературном наследстве»[22] — сформулированные Н. П. Огаревым и одобренные А. И. Герценом, с детально разработанной маццинистской конспиративной доктриной,[23] уходящей глубокими корнями в уставы карбонариев и опирающиеся на статуты левого крыла масонов. (Старшие товарищи Джузеппе Маццини по первым нелегальным акциям «Молодой Италии» в основном вышли из «вент» карбонариев,[24] а лидеры Партии Действия были видными масонами, левое течение которого в начале 1860-х гг. возглавили на Аппенинском полуострове Джузеппе Гарибальди, Джузеппе Маццони и Лодовико Фрапполи.[25]

Если сравнить довольно устоявшиеся организационные принципы итальянских конспираторов с расплывчатыми на первых порах структурными положениями российского подполья первой половины 1860-х годов, то учитывая различные условия и разность задач стоящих перед движением в Италии и России,[26] при большом отличии основных теоретических принципов, бросается в глаза определенное сходство в области формы. Мы не обладаем еще разветвленной системой аргументов, доказы-

[22] Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.). Статья и публикация М. Нечкиной. Литературное наследство, т. 61. Герцен и Огарев. Москва 1953, 459—478, 494—511.

[23] Взгляды Маццини на методику и структуру тайных обществ приведены в следующем издании: Lettere di G. Mazzini ad A. Gianelli. Prato 1888—1892. I—IV; См. также: G. Mastellone; Mazzini e la Giovane Italia. Pisa 1960. I—II; A. Ghisalberti, Cospirazioni del Risorgimento. Palermo 1938.

[24] C. Francovich, Gli illuminati di Weishaupt e l'idea ugualitaria in alcune societa segrete del Risorgimento: Movimento Operaio, 1952/4; O. Ditto, Massoneria, carboneria e altre società segrete del Risorgimento italiana. Torino—Roma 1905.

[25] A. Luzio, La massoneria e il Risorgimento italiano. Bologna 1925. I—II; G. Letti Carboneria e massoneria nel Risorgimento italiano. Bologna 1925; Kun M., A baloldali szabadkőművesség, mint ideológia és szervezeti keret a 19. század közepén: Századok 113 (1979) 791—826.

[26] На разность стоящих перед революционерами Италии и иных стран задач уже обратили внимание самые известные русские революционеры середины прошлого века. «Дело социализма [в данном случае, исходя из контекста, речь идет и о социальном вопросе вообще. — *М. К.*] и итальянское дело различались так сказать, чередом или степенью. Государственная независимость шла прежде, должна была идти прежде экономического устройства в Италии. То же мы видели в Польше 1831, в Венгрии 1848. Но тут нет места полемике, это скорее вопрос о хронологическом разделении труда, чем о взаимном уничтожении», — отмечено в «Былом и думах» (XI. 41). Независимо от Герцена к такому же выводу пришел в 1860 г. и Бакунин: «. . . поляки, итальянцы, венгерцы, все угнетенные славянские народы очень естественно и с полным правом выставляют вперед принцип национальности, — . . .» (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С биографическим введением и объяснительными примечаниями *М. П. Драгоманова*. С.-Петербург 1908, 160 и т. д.).

вающих насколько было сильным влияние структуры итальянского подполья на российское — к сожалению, такого рода исследовательская работа не проделана еще даже в вопросах типологического сравнения более тесно связанных между собой польских и русских конспираторов — но, как это уже справедливо отмечалось в литературе,[27] что такое влияние на активистов первой «Земли и Воли» существовало, не вызывает сомнения. Напомним, что среди лондонских посетителей Герцена в начале 1860-х годов было немало русских эмигрантов и оппозиционных политиков — людей либеральных либо демократических воззрений, которые встречались с Маццини и итальянскими эмигрантами. Правда, в мотивах путешественников, прибывавших из России, нелегко различить желание «просто» встретиться с яркими личностями «лондонской вольницы» с целеустремленным намерением «почерпнуть» как можно больше для отечественной конспиративной деятельности. Тем не менее нельзя пренебречь даже крупицами сведений, которые могут в какой-то степени раскрыть проблематику русско-итальянских конспиративных связей данного периода. Перечислим несколько имен общественных деятелей из России, которым удалось в 1861—1864 гг. встретиться в Лондоне с Маццини и видными маццинистами. Это Н. В. Альбертини, Н. И. Жуковский, А. А. Бакунин (брат М. А. Бакунина, отправившийся в начале 1862 г. в Италию с замыслом стать гарибальдийцем), В. Ф. Лугинин (также намеревавшийся использовать свои знания офицера-артиллериста на службе у Гарибальди и оставивший интересные воспоминания о встречах с Маццини), С. А. Усов, Н. И. Утин, эмигранты В. И. Кельсиев, князь В. А. Долгоруков (к которому несмотря на разницу в идеологических убеждениях Маццини относился очень тепло), князь Н. П. Трубецкой (впоследствии побывавший у Гарибальди в Италии), А. Гончаренко и т. д.[28]

Перечисляя деятелей русского антиавтократического движения близких к Герцену в первой половине 1860-х годов, мы встречаем трех политиков органически вошедших в итальянские конспиративные круги, нелегальная деятельность которых принадлежит в равной степени истории Италии и России. Это во-первых М. А. Бакунин, итальянским конспиративным связям которого посвящена обширная литература.[29] Активным гарибальдийцем был искусствовед А. Ф. Фрикен, прибывший второй раз в Италию в 1860 г. с рекомендательным письмом от А. И. Герцена к М. Квадрио и выполнявший в 1862 году — судя по его неизданным мемуарам и таким малоизвестным источникам, как

[27] *Е. Л. Рудницкая,* К истории русско-польско-итальянских революционных связей. В сб.: «Эпоха Чернышевского». Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. Москва 1978, 7—20.

[28] Kun M., Útban az anarchizmus felé. Budapest 1982.

[29] *Ю. Стеклов,* Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность. Москва—Ленинград 1927. т. 11; *И. В. Григорьева,* Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. Москва 1966; *Н. Пирумова,* Бакунин. Москва 1970; M. Nettlau, Bakunin e l'Internazionale in Italia dal 1864 al 1872. Ginevra 1928; N. Rosselli, Mazzini e Bakunin. Dodici anni di movimento operaio in Italia (1860—1872). Torino 1977; A. Romano, Storia del movimento socialista in Italia. Roma 1954—1956. I—III. R. Hostetter, Le origini del socialismo italiano. Milano, 1963; A. Scirocco, Democrazia e Socialismo a Napoli dopo l'Unitá (1860—1878). Napoli 1973; E. Conti, Le origini del socialismo a Firenze (1860—1880). Roma 1950; G. Cerritto, Radicalismo e socialismo in Sicilia (1860—1882). Messina—Firenze 1958; P. C. Massini, Bakunin in Italia. In: Bakunin cent'anni dopo. Atti del convegno internazionale di studi bakuniniani. Milano 1977; F. Damiani, Bakunin nell'Italia post-unitaria 1864—1867. Milano 1977.

брошюра А. Джианелли, полномочного эмисара Маццини в Северной Италии — самые строго законспирированные поручения итальянского подполья.[30]

Еще теснее был причастен к потаенным действиям гарибальдистов и мацинистов (с 1861—62 гг. следует различать эти понятия, хотя ряд видных итальянских конспираторов-республиканцев считали себя одновременно гарибальдийцами и мацинистами) Л. И. Мечников, талантливый публицист, участник гарибальдийских походов. Весной 1862 г. он редактировал в Сиенне республиканское издание Il Flagello, о вынужденном уходе из которого сообщил в письме Н. Г. Чернышевскому от 12/30 июня того же года.[31] Идеология Мечникова формировалась в России под влиянием статей «Современника», а окончательно сложилась на Аппенинском полуострове в беседах с теоретиками левых течений итальянского национального движения. Л. И. Мечникова следует считать одним из проводников теоретических положений Герцена на коллективную и личную свободу в кругах итальянской общественности. Приведем несколько строк из статьи программного характера в Il Flagello от 13 мая 1862 г.:

«Ghiamo i vivi- quelli a ciu ripugna l' immobilitá, la morte — nemiche eterne del progresso. Noi vogliamo il risorgimento completo dell'Italia, accioché ponendosi alla testa delle nazionalitá Europee, essa le condusse sulla via gloriosa del perfezionamento sociale, accioché i popoli strintisi tutti in una fraterna alleanza, principiasse un periodo affato nuovo di vita publica. — A questo non solo possiamo, ma ancor dobbiamo cooperare titti quanti siamo. A questo opera 10 chiamo i vivi!»

Примечательно и само заглавие статьи «Vivos voco»; это ни что иное, как эпиграф «Колокола». В том же номере Il Flagello помещен сокращенный вариант статьи Герцена «М. А. Бакунин» из «Колокола» от 15. I. 1862 г. (XVI. 16—20), но с гораздо более резкой — написанной Л. И. Мечниковым — концовкой:

«Nel 1860 si fece un nuovo tentativo per ottenere al povero carcerato il permesso di ritornare in seno alla sua famiglia. Ma Alessandro rinuto; dicendo che dalla lettera che Bakunin medesimo scrisse a Niccoló non risulta che egli si sua pentito di ció che aveva fatto. Volendo peró essere clemente, il giovane despota gli permisse de'entrara nel servizio del governo. Il Bakunin ricusó questa grazia. Sul fine del 1861 con delle difficoltá incredibili lo sciagurato riusci di fuggire dal suo esiglio per cia dell'ancore dell'America settentrionale. Presentemente si trova in Londra; dove continua a propognare sempre e sempre la Santa Causa della liberta dei popoli.»[32]

Русские эмигранты и путешественники, находившиеся в первой половине 1860-х гг. в Италии и тесно связанные с Герценом, старались — особенно Л. И. Мечников — налаживать через своих итальянских союзников нелегальную доставку изданий Вольной Русской Типографии в южные порты Российской Империи. Одно время к этим предприятиям был причастен М. А. Бакунин, поселившийся в конце января 1864 г. во Флоренции.

[30] Сообщение Ю. Н. Короткова.

[31] Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов 1968, 459. Об итальянских связях Л. И. Мечникова в данный период см.: *А. К. Лишина,* Русский гарибальдиец Л. И. Мечников. В сб.: Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. Москва 1968, 167—186.

[32] Il Flagello, Giornale politico popolare, Anno 1, Siena 13 Maggio, 1862.

«В Генуе Бертани [Агостино Бертани, видный гарибальдиец, возглавлявший лекарскую часть легендарной «тысячи». — *М. К.*] познакомил меня с испытанным другом, помощником и слугою итальянской партии, — негоциантом в Галаце. . . он имеет большие и постоянные торговые дела с Генуей, Ливорно, Константинополем и Одессою. . . Бертани приказал мне безусловно верить в него, как в человека верного, честного, осторожного, крепкого в своем слове и не раз ими в самых важных, трудных и опасных делах испытанного»,

— сообщал он редакторам «Колокола» из Флоренции в письме от 4 марта 1864 г.[33] Ряд других источников свидетельствуют о том, что инициатива помочь русским революционерам в нелегальной транспортировке изданий пропагандистского характера исходила и от лидеров итальянского национального движения.

«Жму руку друзьям [А. И. Герцену и Н. П. Огареву. — *М. К.*]. Имеют ли они связи с итальянцами? и Замперини? [агент Маццини в Генуе. — *М. К.*] С тунисским агентом Ванцони, прекраснейшим человеком? Могу-ли я написать ему и поставить их в связь?»

— говорится в постскриптуме письма Джузеппе Маццини к Н. А. Огаревой-Тучковой, от 5 июня 1865 г.[34]

Из переписки Маццини с Огаревой-Тучковой видно также, насколько был он обеспокоен судьбой одного из лидеров петербургского подполья Н. А. Серно-Соловьевича, с которым Маццини познакомился в 1861 году в Неаполе.[35]

«Я от души желаю, чтобы амнистия когда-нибудь вернула Соловьевича в Россию. Я познакомился с ним в Неаполе и сразу оценил его. С тех пор его поведение было великолепно. Боюсь за его слабое здоровье»,

— говорится в письме Маццини от 1 августа 1865 г.[36] Не исключено, что до него в свое время дошли слова Н. А. Серно-Соловьевича, посланные через Н. П. Огарева:

«Если увидаете Осипа [Джузеппе Маццини. — *К. М.*] — самый горячий поклон».[37]

В другом письме — от 15 сентября 1865 г. — Маццини вспомнил свои встречи — они произошли в обществе редакторов «Колокола» и М. А. Бакунина в Лондоне — с А. А. Потебня:

[33] Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С биографическим введением и объяснительными применениями М. П. Драгоманова. С.-Петербург 1906, 257—258.

[34] Архив Огаревых. Собрал и приготовил к печати *М. Гершензон*. Москва—Ленинград 1930, 25.

[35] Обычно считается, что Маццини и Н. А. Серно-Соловьевич познакомились в Лондоне. Ср. *Е. Л. Рудницкая*, Возникновение первой общерусской революционной организации и итальянское национально-освободительное движение (1860—1861 гг.).-В сб. Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. Москва, 208; *В. Е. Невлер*, Н. Г. Чернышевский и национально-освободительное движение в Италии. В сб.: Чернышевский и современность. Москва 1980, 153. Нам кажется, что после того, как окончательно выяснено место знакомства Маццини с Серно-Соловьевичем — Неаполь! — не исключено, что именно последний был упомянутым в «Былом и думах» «молодым русским» свидетелем демонстрации неополитанской толпы. До сих пор считалось, что им был Л. И. Мечников (*А. К. Лишина*, указ. соч. 179), однако нет никаких источников о знакомстве Мечникова с Маццини в Италии в эти дни.

[36] Архив Огаревых. Собрал и приготовил к печати *М. Гершензон*. Москва—Ленинград 1930, 27. «Известно ли что-нибудь о Соловьевиче?» — спрашивает Маццини Н. А. Огареву-Тучкову 5 июня 1865 г. Там же, 24.

[37] *Е. Л. Рудницкая*, Возникновение первой общерусской революционной организации и итальянское национально-освободительное движение (1860—1861 гг.). Указ. соч. 208.

«Ваши друзья знали и любили его, восхищались им; я тоже видел его, он вполне заслуживал этого. Он кончил свою жизнь, посвященную труду, на пользу его родины России. . . на поле битвы. Он пал во второй экспедиции рядом с Лангевичем».[38]

И если присовокупить к фактам, подтверждающим встречи Мацини с Н. А. Серно-Соловьевичем и А. А. Потебня, рассказ А. А. Слепцова об организованной Герценом лондонской беседе с Мацини, — подробности которой он передал вернувшись в Петербург Н. Г. Чернышевскому — то напрашивается вывод: контакты трех активнейших организаторов российского подполья с Джузеппе Мацини — как и в случае с редакторами «Колокола» — именно во время закладывания основ «Земли и Воли» не могли пройти совсем бесследно. Вопрос этот требует дальнейшей, более глубокой разработки, с привлечением новых архивных материалов, ведь определенное влияние, проверенной жизнью организационной структуры итальянских революционеров на «молодых штурманов грядущей бури» и на их старших товарищей по борьбе — А. И. Герцена, М. А. Бакунина и Н. П. Огарева — вряд ли ограничилось советом Мацини «организоваться», заимствованием землевольцами системы «пятерок» и упоминанием в конспиративной инструкции «чернил Мацини».[39] В таком случае неоднократно уже цитировавшиеся слова Мацини —

«Национальная партия, враждебная царскому самодержавию, связана с нами открытым союзом. Для знамени выбран девиз «Земля и Воля». Эта национальная русская партия братски связана с национальной польской партией»[40]

— приобретают более конкретное содержание.

*

Затрагивая проблематику русско-итальянских конспиративных контактов первой половины 1860-х гг., нельзя не отметить, что связи такого рода обычно не были билатеральными, а теснейшим образом переплетались с другими межнациональными революционными контактами, в данном случае с русско-польскими и итальянско-польскими. Одно из многочисленных свидетельств этого — печатаемое ниже письмо А. И. Герцена к д-ру Марко Гуасталла, от 20 августа 1863 г. Отосланное в самый разгар польского восстания, оно затрагивает также вопросы характера польских контактов Герцена весной-летом 1863 г.

Нет ничего удивительно в том, что в 1863—64 гг. к Герцену постоянно обращались по вопросам, касающимся польского национального движения и присылали на адрес редакции «Колокола» денежные пожертвования для польских повстанцев. Жертвователями являлись частные лица, и организации, возникшие на почве солидарности с польским национальным движением в большинстве стран Европы, в том числе и в Италии.[41] Руководство этих комитетов — особенно активно функционировавших во Франции, Швеции

[38] Архив Огаревых. Указ. соч. 31.

[39] См. подробнее: *А. А. Слепцов*, Воспоминания. Реставрация *С. А. Рейсера*. В сб.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов 1982, 226; Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов 1958, I. 284, 288—289.

[40] *В. Е. Невлер*, Н. Г. Чернышевский и национально-освободительное движение в Италии. Указ. соч. 155.

[41] «Колокол» 1863. III. 8, 1313; III. 15, 1317; I. IV, 1325 и т. д.

и Швейцарии — в большинстве случаев имело непосредственные контакты с эмиссарами варшавского Временного Национального правительства, находившимися в глубоком подполье. Однако, в некоторых случаях, солидарные с польскими повстанцами лица считали целесообразнее пересылать деньги Герцену, связи которого с варшавским центром польского национального движения и его лондонским представительством были общеизвестны.

«Я получил через Фрикена письмо от Дольфи и к[омпа]нии, они хотят мне прислать что-нибудь или через меня вступить в сношение с пол[яками]» (XXVI—I. 294),

— говорится в письме Герцена к дочерям от 26 и 28 февраля 1863 г. Речь идет о письме председателя флорентийского комитета содействия полякам, Джузеппе Дольфи, который в мае того же года обратился к Герцену с аналогичной просьбой, причем о ее срочном выполнении хлопотал А. Ф. Фрикен (XXVI. I, 336).

В подобных случаях Герцен действовал незамедлительно: принимал пожертвования, сообщал о них в «Колоколе», и — будучи связаным деловыми контактами с представителем варшавского центра повстанцев Ю. Цверцякевичем — лично передавал деньги по назначению. Об этом свидетельствует письмо Густаву Фогту: редакторы «Колокола»

«с готовностью берут на себя передачу любого поручения, равно как и любую пересылку на имя представителя Польского национального правительства в Лондоне. О каждом отправлении будет немедленно сообщено в „Колоколе" [. . .] Если швейцарский комитет предпочитает войти в непосредственные сношения с польским делегатом, комитету или господину Форту следует лишь нас об этом уведомить — и мы вышлем его адрес и письмо от него» (XXVI—I. 298—299).

Почему же тогда — судя по публикуемому письму — у Герцена возникли известные затруднения в связи с передачей пожертвования флорентийского Польского комитета? Проблемы такого рода видимо возникли впервые в мае 1863 г., когда был смещен со своего поста лондонский представитель варшавского Временного Национального Правительства Ю. Цверцякевич, тесно связанный с редакторами «Колокола» (XXVI-I. 257, 285, 311, 314, 318, 323, 328). В результате этого Герцен конечно не перестает участвовать в повседневной деятельности русско-польского революционного союза, но его роль посредника в передаче материальных средств польским повстанцам временно прекращается. Поэтому-то отвечая уже на второе письмо Дж. Дольфи, «касающееся польских денег», — отметим, что письмо Дольфи видимо побывало в руках тайной полиции Италии или Франции, так как было отправлено из Флоренции 17 апреля, а прибыло в Англию только в последних числах мая — Герцен сослался на изменившуюся ситуацию в связи со смещением Ю. Цверцякевича и посоветовал флорентийскому Польскому комитету посылать пожертвования в адрес п а р и ж с к о г о представителя повстанцев (XXVII. 336).

Последующие недели внесли еще больший диссонанс в польские связи редакции «Колокола». В Варшаве, пользуясь словами Герцена, произошел

«. . . переворот в перевороте — . . . Аристократическая партия взяла верх, другая же получила право умирать за родину . . .» (XXVII.—343).

Пришедшие «к власти» лидеры «белых» попытались сменить уже не отдельных лиц, а всю, к тому времени более или менее наладившуюся, сеть зару-

бежной агентуры.[42] С другой стороны — и это случайно почти совпадает по времени — агент III отделения СЕИВК Ю. Балашевич-Потоцкий, основной задачей которого была перлюстрация проходящей через Париж корреспонденции польских и русских эмигрантов, а также их мистификация путем «подметных посланий», — не у него ли на столе лежало так долго письмо Дж. Дольфи Герцену о деньгах, адресованных полякам? — весьма ловко фабрикует письмо Герцену от варшавского центра повстанцев, с требованием «не вмешиваться более в дела Польши» (XXVIII-347—348).[43] Несмотря на то, что через две-три недели мистификация эта раскрылась, в отношениях между Герценом и частью польской эмиграции чувствовалась еле скрываемая натянутость. Поэтому-то в августе 1863 г. он снова — уже во второй раз — старается отказаться от роли посредника между флорентийским Польским комитетом и варшавским Временным Национальным Правительством.

Судя по публикуемому письму, флорентийский Польский комитет — несмотря на то, что через А. Ф. Фрикена им был установлен летом 1863 г. непосредственный контакт с таким влиятельным польским политиком, как Ю. Клячко — продолжал считать А. И. Герцена самым компетентным лицом в вынесении непростого решения, кому передать собранную тосканскими республиканцами значительную сумму — 8000 франков, которую д-р Марко Гуасталла привез в Лондон. Интересно также упоминание о намечающейся поездке А. И. Герцена в Париж, в том числе для окончательного решения волновавшего редакторов «Колокола» вопроса: кого же считать официальным лицом в кругах польской эмиграции, после упомянутых выше перемен в Варшаве.

Личная встреча между А. И. Герценом и д-ром Марком Гуасталла состоялась между 23 и 27 августа 1863 г. Во всяком случае в письме к К. Э. Хоецкому от 27 августа уже говорится:

«. . . док[тор] Марко Гуасталла из Флоренции, член Польского Комитета, явился ко мне с вопросом, кому внести сумму в 8000 франков на польское дело. После отъезда Цверцякевича — я не смею взять на себя этой ответственности. Одни говорят, что граф Замойский является лондонским агентом национального правительства — другие это оспаривают. В данном случае я взял на себя смелость направить его к Вам. Дайте ему совет — идти ли ему к Орденге, к Баницкому или ждать (таково мое мнение) распоряжений со стороны правительства» (XXVII.—369).

*

В письме к К. Э. Хоецкому речь идет далее о том, что

«. . . дела с „Колоколом" и типографией плохи — русское правительство отрезало . . . 3/4 путей „и поэтому Герцен" подумывает о переселении в Швейцарию» (XXVII_1—369).

Учитывая эти слова, нам кажется, что отнюдь не только желание встретиться с детьми, волею семейных отношений довольно продолжительное время оторванных от него в географическом смысле, обусловило поездку Герцена на континент в сентябре—декабре 1863 г. Среди мотивов поездки — желание

[42] S. Kieniewicz, Powstanie styczniowe. Warszawa 1972, 424—429.

[43] См. подробнее: Albert Potocki (Julian Aleksandr Bałaszewicz). Raporty szpiega. Wybór, opracowanie i studium wstępne R. Gerber. Warszawa 1973. I—II.

внести путем личных переговоров бóльшую ясность в русско-польские эмигрантские отношения, повидать активистов «Земли и Воли», рассеянных по разным городам Европы, и установить новые пути нелегальной переправки в Россию изданий Вольной Русской Типографии.

Во время поездки по континенту самое продолжительное время Герцен провел в окружении своих детей во Флоренции, где попал в общество старых знакомых по пьемонтской и английской эмиграции первой половины 1850-х годов. Взволновала Герцена встреча с Антонио Мордини, оказавшим русскому революционеру моральную помощь в трудные времена гервеговской истории (XXVII-I. 376). К началу 1860-х годов Мордини заключил компромисс с туринским двором и перешел на совсем умеренные общественно-политические позиции.[44] Но во время встречи, под впечатлением дружеского приема со стороны «бывшего продиктатора Сицилии» Герцену показалось, что они беседуют «как старые солдаты, оказавшиеся верными нашему знамени» (XXVII-I. 376).

Среди лондонских знакомых в столице Тосканы обосновался к тому времени Жозеф Доманже, французский эмигрант-бланкист, бывший учитель Саши Герцена. В 1854—55 гг. он был настолько близок к семье Герценов, что выражением «времена Доманже» назван целый период жизни в Англии в одном из писем А. И. Герцена (XXVII-I. 335). С Доманже, органически вошедшим в конспиративную жизнь маццинистов Тосканы, они встретились во Флоренции в доме их общих друзей Ференца и Терезы Пульских — Villa Petrovich — в доме, который принадлежал раньше семье Демидовых-Сан-Донато, а в начале-середине 1860-х годов служил постоянным местом встреч гарибальдийцев и республиканцев-масонов Северной Италии.

«. . . вечера, которые Пульский устраивает для друзей и для тех, кто пользуется его доверием, не представляют собой ничего существенного. . . Беседа там . . . бывает чисто дружеской, в ней нет жара политической дискуссии; строго говоря это самая настоящая вечеринка».

— говорится в секретном еженедельном докладе комиссии префектуры по надзору за состоянием флорентийского общественного мнения от 6 февраля 1865 г.[45] Но агенты, на основании донесений которых составлялись эти сводки, были предельно плохо информированы. По эпистолярному наследию семьи Пульских и дневнику Дюлы Танарки нетрудно реконструировать конспиративный характер жизни в Villa Petrovich. Пока в салоне выступали известные музыканты, декламировали артисты или поэты — среди них Томазо Сальвини, Алеардо Алеарди и Франческо далль Онгаро — на антресолях заседали тайные собрания республиканцев и выручка, собираемая с благотворительных концертов, шла, как правило, на Капреру, для пополнения денежных фондов гарибальдийцев, либо в пользу польских повстанцев и эмигрантов.[46]

[44] Подробнее об очень близком к Герцену в начале 1850-х годов А. Мордини см.: *Дж. Берти*, Демократы и социалисты в период Рисорджименто. Москва 1965, 486—488, 500—502, 511, 526, 566, 600—602.

[45] *И. Григорьева*, Документы советско-итальянской конференции историков. 8—10 апреля 1968 г. Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века. Москва, 1970, 98.

[46] Подробнее см.: M. Kun, Bakunin and Hungary (1848—1865): Canadian-American Slavic Studies, 1974/4. 526—530.

Среди самых частых посетителей Villa Petrovich — несколько вечеров провел там и А. И. Герцен в ноябре 1863 г.[47] — выделялся Джузеппе Дольфи, владелец пекарни и небольшого магазина по продаже муки, хлеба и кондитерских изделий в центре города. (На фасаде дома, где трудился и жил Дольфи, в наше время установлена мемориальная доска.)

«Дольфи — молодец . . . Мужчина с Бакунина ростом, с лицом античной статуи, выражающим несокрушимую волю и энергию, у него мускулы не повисли. . . Dolfi-fornaio сидит в лавке с мукой и крупой и продает ее . . . и продавая ее, он один страшнее всей французской оппозиции правительству. Это самый популярный трибун во Флоренции»,

— суммировал свои впечатления о встрече с Дольфи Герцен, которая состоялась 10 ноября 1863 г.

О новом итальянском знакомом Герцена не так уж много упомянуто в работах, посвященных истории русско-итальянских революционных связей. А ведь Дольфи был очень тесно связан с русской колонией во Флоренции: содействовал акклиматизации М. А. Бакунина в Тоскане и одним из первых вступил в основанное им «Société Internationale Secrète de l'èmancipation de l'humanité». Встречался регулярно он с Л. Б. Мечниковым, А. Н. Веселовским, А. А. Герценом, А. Ф. Фрикеном, позировал Н. Н. Ге и П. П. Забелло, оставившим потомству удачные портреты Дольфи. Члены русской колонии во Флоренции видели в Джузеппе Дольфи одного из самых интересных действующих лиц событий, происходящих в Италии. Участник флорентийских событий «весны народов» и всех последующих заговоров против правящей в Тоскане династии Габсбургов, владелец пекарни, где он работал наравне с подмастерьями и учениками, к концу 1850-х годов приобрел огромную популярность среди ремесленников, мелких торговцев и профессиональных рабочих Флоренции. В дни бескровной революции 1859 г., решившей окончательное присоединение Тосканы к объединенной Италии, вооружившееся население города уже называет его Caro popolo.

В день торжественного въезда Виктора Эммануэля во Флоренцию, вспоминает Ференц Пульский, король

«послал ему со своим адьютантом рыцарский крест Маурицио Лацарро. Дольфи как раз сидел в своей лавке, и краснея стал протестовать против этого награждения. Он заявил, что адъютант должен отнести крест обратно, что ему делать с ним, ведь он пекарь и не желает становиться рыцарем. Адьютант заметил, что он лишь выполняет волю своего государя, . . . и пусть Дольфи сам повторит во дворце эти слова. Пекарь на извозчике подъехал ко дворцу Питти, где его сразу провели к королю. Он и тут повторил, что народ будет смеяться над новоявленным рыцарем, он не мечтает об орденах и всегда останется сыном народа. . . Виктор Эммануэль ответил Дольфи, что рыцарский крест предназначен быть наградой за патриотизм, и что он был бы рад осчастливить чем-либо его. На что последовал ответ: Ваше величество, Вы можете осчастливить меня! Каким образом? Faccia l'Italia».[48]

Этот рассказ, записанный венгерским эмигрантом со слов Дольфи, казался бы интересным анекдотом, и не более, если бы неподкупность не навлекла на caro popolo гонения со стороны королевских властей, чуть ли не с первого дня по присоединении Тосканы к итальянскому королевству. В архи-

[47] *М. Кун,* Материалы о русской революционной эмиграции в дневниках и переписке Дюлы Танарки (7854—1964). Указ. соч. 235.

[48] Pulszky F., Életem és korom. Budapest 1958. II. 382—83.

вах тайной полиции собрано немало донесений о Дольфи и его окружении, в том числе о русских эмигрантах.[49]

Заметим, что Дольфи пользовался популярностью не только в бедных кварталах города. Ференц и Тереза Пульские, образованнейшие люди своего времени, предпочитали общество полуграмотного Дольфи разговорам с самыми рафинированными интеллигентами Флоренции. То же самое можно сказать об отношении к Дольфи венецианского профессора Антонио Мартинати; молодого ученого, специалиста по санскриту и фольклористике Анджело де Губернатиса; английской журналистки Джесси Вайт-Марио — написавшей первую биографию Дольфи[50] — и племянницы Варнангена фон Энзе Людмилы Ассинг. Все они — как сразу после знакомства и Герцен — оценили во флорентийском «capo popolo» природный ум, благородство поведения и огромные организаторские способности, которые Дольфи использовал не для создания карьеры или личного обогащения, а всецело поставил на службу борьбы за объединение Италии, являясь одновременно доверенным лицом Маццини и Гарибальди — а в середине 1860-х годов одним из связывающих звеньев между возглавляемыми ими политическими группировками — не только во Флоренции, либо в Тоскане, но и во всей Северной Италии.

В лице Дольфи Герцен вступил в 1863 г. в заочную переписку, а затем и лично познакомился не просто с о д н и м из лидеров левого течения в итальянском национальном движении, но также и с пионером рабочего движения в Тоскане. Биографы Дольфи долгое время видели в нем лишь традиционного итальянского республиканца-масона. И только более тщательный анализ основных легальных и конспиративных компонентов общественно-политической деятельности, позволил составить мнение о Дольфи, как одновременно о «традиционном гарибальдийце и мацциниste» и о деятеле рабочего движения.[51] Окончательный же импульс в «полевении» Джузеппе Дольфи сыграло знакомство с Михаилом Бакуниным, само присутствие которого в Италии в 1864—67 гг. произвело ощутимое влияние на эволюцию, бывших дотоле «ортодоксальными» гарибальдийцами и мацциниstами, ряда итальянских политиков по направлению к рабочему движению. (Правда, в большинстве случаев эволюцию к рабочему движению бакунистского толка.)[52]

[40] См. напр.: E. Conti, Le origini del Socialismo a Firenze (186—1880). Roma 1950. 34—90; F. Damiani, Bakunin nell'Italia post-unitaria, 1864—1867. Milano 1977. 37—39.

[50] J. White-Mario, Giuseppe Dolfi. Firenze 1883. См. из первых работ о Дольфи также анонимную, весьма апологетическую его биографию: Biografia di Giuseppe Dolfi. Firenze 1869. Его масонскую деятельность освещает: G. Valeggia, Loggia massonica fiorentina Concordia (1861—1911). Milano 1911; G. Valeggia, Giuseppe Dolfi e la democrazia in Firenze negli anni 1859 a 1860. Firenze 1913. Из новейших публикаций: A. Silvestrini, Giuseppe Dolfi un capopopolo nella rivoluzione dei signori. In: Rassegna storica toscana, 1967. (XV) 2. 221—232.

[51] F. Damiani, Bakunin nell'Italia post-unitaria, 1864—1867. Milano 1977.

[52] Этот процесс прослеживает с разных позиций: *И. В. Григорьева*, Идейные истоки влияния бакунизма в итальянском рабочем движении эпохи I Интернационала. Новая и новейшая история, 1962, 3; *Н. Ю. Колпинский*, Из истории борьбы Энгельса за пролетарскую партию в Италии в 1871—1872 годах. В сб.: Из истории марксизма. Москва 1961; G. Gerrito, Radicalismo e socialismo in Sicilia (1860—1882). Messina—Firenze 1958; A. Romano, Storia del movimento socialista in Italia. Roma 1954—1956. I—II.

Во второй половине 1860-х годов Дольфи — по сути дела единственный из итальянских знакомых Герцена, проделавший большую эволюцию влево! (Остальные друзья редактора «Колокола» с Апеннинского полуострова — Аурелио Саффи, Альберто Марио, Луиджи Пьянчани, Маурицио Квадрио — проделали также эволюцию, но в обратном направлении.) Не стоит конечно преувеличивать роль Дольфи в нарождающемся рабочем движении Италии, видеть в нем сознательного пролетария. Классовая психология Дольфи питалась во многом традициями мелкого производителя-ремесленника, и вошел он в анналы истории борьбы рабочих Тосканы с капиталом, не только как организатор забастовок, но и как хозяин, в пекарне которого рабочие не раз бросали работу, требуя лучших условий. Но всё же в Дольфи уже было, пользуясь словами Фридриха Энгельса,

«Недовольство ... воспрещением всякой политической деятельности, т. е. всякой настоящей деятельности, выходящей за границы ... заговорщичества...»[53]

Зато дальнейшие пути он представлял очень смутно. Тем не менее Дольфи можно считать складывающимся типом лидера рабочего движения в Италии, — только ранняя смерть помешала ему стать им, — что сразу оценил в нем Герцен, которого — вспомним строки в «Былом и Думах» посвященные Э. Бартелеми! (XI. 78—105, XXIV. 355) — всегда привлекали революционеры из народа.

Неподдельной симпатией к Джузеппе Дольфи проникнуто и публикуемое письмо А. И. Герцена, от традиционного республиканского обращения citoyen, до несвойственной автору «Былого и Дум», разочаровавшегося во стольких людях к тому времени, восторженной концовки. Статья, о которой идет речь в письме, это «Письмо к Гарибальди». Французский оригинал ее еще не выявлен, а русский перевод напечатан в «Колоколе» от 15 января 1864 г. В работе этой как бы подводятся итоги размышлениям Герцена о причинах победы реакции, волна которой захлестнула Россию, во время польского восстания. В то же время он старался доказать Гарибальди, что не стоит проводить аналогию между царизмом и русским народом, т. е.

«движение русское вовсе не подавлено и, вообще, по сущности своей неподавляемо» (XVIII 21; разрядка Герцена. — *М. К.*).

Основные положения статьи перекликаются с написанными в Италии публицистическими произведениями «1864» и «П. А. Мартьянов и земский царь», помещенными в предыдущих номерах «Колокола» (XVIII, 7—10, 11—15). Но в отличие от них в «Письме к Гарибальди» есть ряд формулировок более общего характера, предназначенных «для иностранцев» (XVIII. 23—25). (Печатая материалы исключительно для русского читателя, Герцен не разъяснял бы так подробно основные положения общинного земледелия или причины гонений на старообрядцев.) Превосходна концовка «Письма к Гарибальди», равно рассчитанная на интерес адресата к позиции редакции «Колокола», занятой во время польского восстания, и одновременно декларация этих же взглядов перед читателями-соотечественниками:

[53] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, 19: 102.

«. . . О, если б вы знали, с каким страстным нетерпением мы ждем окончания этой проклятой борьбы. Независимость Польши — наше освобождение! Наши головы клонятся под тяжестью преступлений, совершаемых руками наших, и будьте уверены, что мы не меньше желаем освободиться от Польши, чем Польша желает освободиться от России» (XVIII. 30).

Начало статьи Герцена — почти дословная перефразировка слов о Гарибальди из письма к Дольфи:

«Любезный, глубокоуважаемый друг, caro popolo — всё, что хотите, только позвольте мне не прибавлять к Вашему имени слово генерал, оно до такой степени мелко для Вас, что не переходит через мое перо, и я скорее отказался бы от удовольствия писать Вам, чем назвать Вас генералом» (XVIII. 21).

Наконец, исследователям было неизвестно до сих пор имя упомянутого в «Письме к Гарибальди» «общего друга», поездкой которого на Капреру Герцен поспешил воспользоваться. Логично предполагалось, что это был Л. И. Мечников, и лишь текст публикуемого письма решает вопрос в пользу Джузеппе Дольфи. Флорентийский caro popolo упомянут «безымянно» и в примечании к письму Гарибальди к Герцену от 23 декабря 1863 г., опубликованном в «Колоколе» от 1 февраля 1864 г. с пространным комментарием — фактически в виде отдельной статьи — под заглавием «Ответ Гарибальди» (XVIII. 38—43). Не называя Дольфи, Герцен сообщает читателям:

«Письмо Гарибальди опоздало, потому что общий друг наш, взявший письмо к нему, был позже в Капрере и переслал ответ через Флоренцию» (XVIII. 38).

Вероятно редактор «Колокола» имел серьезные на то причины, опустив в обеих случаях имя «общего друга». Хотя проникнуть на Капреру, где Гарибальди находился после Аспромонте в своего рода внутренней эмиграции, было почти невозможно, так как всех приезжающих регистрировал созданный для этого пост карабиньери, Герцен всё ж таки постарался не привлечь внимание к личности Дольфи, так как не мог не знать, что каждая поездка его к Гарибальди носит конспиративный характер.

О какой «медали», посылаемой Гарибальди, говорится в письме? Несомненно о выполненной К. Винером в память десятилетия Вольной русской типографии и поступившей в продажу в марте 1863 г. (XXVII-I. 304). Несколько первых экземпляров ее Герцен послал дочерям в Рим (XXVII-I. 346) и, отправляясь на континент, взял с собой также медаль для передачи Гарибальди. (Нам не удалось выяснить, сохранилась ли эта медаль среди предметов, поступивших в различные итальянские музеи после смерти Гарибальди.)

Имя Дольфи продолжает присутствовать в переписке Герцена после его отъезда из Флоренции. Он спрашивает у сына, получил ли Дольфи статью «Camica Rossa», посвященную обеду в честь Гарибальди и Маццини в Orset House-е, сетует, что А. А. Герцен не подумал занять у Дольфи срочно понадобившиеся деньги (признак большого доверия у очень щепетильного в таких делах Герцена!), и наконец сообщает о трагических обстоятельствах его смерти (XXVIII. 109, 139; XXX. 162, 164, 400). Вспомнил Герцен и историю, связанную с началом контактов с Дольфи, и отчасти пролил на нее свет — скрыв все конспиративные подробности — и на страницах «Колокола»:

«Раз я получил от известного флорентийца Дольфи, — говорится в статье «Письмо к И. С. Аксакову» — вексель в 7000 фр. от Тосканского общества вспомоществования полякам. Вексель этот, не зная кому передать, я отослал назад».[54]

[54] «Колокол» 1 мая 1867, с. 1960.

Новые данные о контактах с Джузеппе Дольфи пополняют наши сведения об итальянских конспиративных связях Герцена, подробная история которых еще не написана.

Приложения

1.

20 Avril 1863

Monsieur,

Certainement tout cela provient d'une série d'erreurs. Mon domestique m'a simplement mis votre carte sur la table. Pourtant supposons que c'était pour l'affaire de l'argent Polonais. Je suis allé chez vous. Je savais votre nom et j'ai oublié le N°. J'ai demandé alors à un de vos compatriotes *Tufrinori*. Il m'a fait dire qu'il ne connaissait pas au juste, mais peut-être il faut demander au N° 19. Nous avons été là avec un Polonais. Vous n'y étiez pas. Alors je priai le Polonais d'aller encore une fois chez Vous, ce qu'il n'a pas fait.

Demain avant le dîner vers 4 heures mon fils viendra m'excuser et je pense venir samedi moi-même à Londres et venir vous présenter mes hommages.

Mon fils vous expliquera l'affaire, je pense que maintenant je ne pourrais pas prêter moi la somme et qu'il ira pour la rembourser à Paris.

Recevez Monsieur mes salutations empressées

Al. Herzen

Monsieur le Docteur
Mario Guastalla

2.

Cher Citoyen Dolfi,

Je n'ai pas eu le temps d'écrire ma longue lettre à Garibaldi. Je désire lui faire une petit tableau de ce qui se fait en Russie, et la tâche n'est pas facile. Je finirai la lettre dès que j'aurai un moment libre... Vous me permettrez de vous l'envoyer et de vous prier à Caprera. En attendant serrez de ma part la main du grand homme (il m'est impossible de l'appeler Général, c'est beaucoup trop peu pour lui). Si je n'étais pas forcé de quitter l'Italie pour mes affaires (je pars Dimanche), je serais allé faire mon pèlerinage aussi. Maintenant je le prie de me permettre à lui adresser ma lettre. Et encore une prière d'accepter la petite médaille que je lui offre avec un sentiment de profonde sympathie. Elle lui rappellera les traits d'un homme qui l'estime et qui l'aime de tout son cœur.

Maintenant, cher Citoyen, permettez-moi de vous dire que votre connaissance que j'ai faite, votre accueil fraternel resteront à tout jamais dans mon cœur. Sans phrases, sans compliments, permettez moi de me compter au nombre de vos amis.

Tout à Vous
Alexandre Herzen

19 Nov. 1863
Florence

Вопрос исторического значения опричнины в советской исторической науке

ДЮЛА СВАК

(Szvák Gy., ELTE Kelet-Európa Története Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364)

1. *Первые шаги изучения*

Можно усмотреть в том парадокс, но факт: в то время как советская историография не унаследовала от дореволюционной хоть сколько-нибудь полного исследования, посвященного первому периоду царствования Ивана IV, периоду реформ, до нее дошла крупная монография С. Ф. Платонова, «Очерки по истории смуты Русского государства в XVI—XVII веках», рассматривающая второй период его правления, период опричнины.

Историк, однако, не должен упускать из виду, что более спорной в русской исторической науке оказалась оценка именно этого второго периода, что противоречия во взглядах на нее были непримиримыми и что сохранению неясности вокруг этой проблемы способствовали в свою очередь и исследователи, опиравшиеся на скудные и предвзятые источники. Советской историографии, поэтому, предстояло решить при рассмотрении проблем опричнины не меньшие задачи, чем, например, при исследовании эпохи Избранной Рады.

Как известно, после 1917 г. еще долгое время приходилось вести борьбу с т. н. буржуазным пониманием истории. Проблему осложняло и то, что тогда как т. н. буржуазная историческая наука в первой половине 1920-х годах, благодаря книге С. Ф. Платонова «Иван Грозный» (которую по сравнению с его предыдущей многографией можно считать шагом назад), была представлена обобщающей работой, построенной на широких исследованиях, — ведь опричнина рассматривалась в ней на фоне социально-экономического развития России XVI в., объяснялась объективными причинами, выделялось ее значение в борьбе с боярами и ее историческая роль в обострении основной классовой борьбы,[1] — то в упомянутый период получили распространение и взгляды, характерные в основном для дворянской историографии.

Эти взгляды выразились ярче всего в работе Р. Ю. Виппера, в которой автор, не считаясь с результатами платоновского направления, объявил историческими причинами опричнины следующие: «. . . опричнина была не только взрывом мести против действительных и мнимых изменников, не только жестом ужаса и отчаяния у царя, перед которым открылась вдруг бездна неверности со стороны лучших, казалось, слуг; это была также военная реформа, вызванная опытом новой труднейшей войны . . .»[2]

Аргументация Р. Ю. Виппера, оставлявшая без внимания социально-экономические причины и абсолютизировавшая значение субъек-

[1] *С. Ф. Платонов,* Иван Грозный. Петроград 1923, 120—125.
[2] *Р. Ю. Виппер,* Иван Грозный. Москва 1922, 83.

Studia Slavica Hung. 33/1—4. 1987
Akadémiai Kiadó, Budapest

тивных факторов, не вызвала откликов в русской научной жизни того времени. Как раз наоборот, благодаря творческой деятельности П. А. Садикова, в центре внимания оказались фундаментальные, поистине научные исследования. Так как результаты исследований П. А. Садикова большей частью вышли в свет в 1950 г., в посмертном издании его трудов, здесь мы упомянем только статью «К истории управления в опричнине», опубликованную впервые в 1921 г. Уже в первой строчке этого очерка историк выражает солидарность с С. Ф. Платоновым, утверждая как факт: «Опричнина ликвидировала круцное княжеское и боярское землевладение со всеми его привилегиями».[3] Статья знаменательна прежде всего тем, что она является по сути дела первым опытом описания управления в опричнине, описания, документированного данными из источников нового типа. Расширению узкой до того базы источников содействовал и И. И. Полосин опубликованием в 1925 г. сочинения Г. Штадена: «О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника». С. В. Бахрушин, написавший предисловие, правильно указал на серьезную ценность данного произведения как источника,[4] но ценность эту в некоторой степени все-таки снижает то, что в глазах автора вводной статьи, И. И. Полосина, осветившего главным образом внешнеполитические вопросы, опричнина «по-прежнему остается психологически загадочной реминисценцией удельного быта».[5]

Но указанные выше «загадки» уже в первой половине 1920-х годов всё меньше характеризовали историческую науку. В распространении новых воззрений сыграло важную роль, например, известное произведение Г. В. Плеханова об истории русской общественной мысли, написанное им задолго до Октябрьской революции. В соответствующей главе данной работы Г. В. Плеханов рассматривает опричнину как продукт борьбы между царем и боярами, и как таковую, считает ее необходимой, видит в ней органическую составную часть продолжительного исторического процесса, которая «предписывалась историческими условиями хозяйственного развития страны».[6] По его мнению, историческое значение Ивану IV дает как раз его опричнина, помощью которой он «завершил превращение Московского государства . . . в монархию восточного типа».[7] Другой вопрос, что, придерживаясь классового толкования истории, Г. В. Плеханов всё это оценивает отрицательно, так как «введенная им (Иваном IV. — *Д. С.*) новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало окончательное превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя . . .»[8]

В своей обобщающей работе, «Русская история с древнейших времен», изданной впервые еще в 1913 г., М. Н. Покровский разделял часто вульгарный экономический детерминизм Г. В. Плеханова. И все-таки их концепции в решающих пунктах расходились. Прежде всего в том, что вместо восточного деспотизма М. Н. Покровский применял термин «феодализм» согласно пониманию Павлова-Сильванского, и в рамках феодализма он и старался определить место опричнины. Примером того, насколько он еще зависел от

[3] *П. А. Садиков,* Очерки по истории опричнины. Москва—Ленинград 1950, 64.
[4] *Г. О. Штаден,* О Москве Ивана Грозного, Записки немца опричника. Москва 1925, 5.
[5] Там же, 42.
[6] *Г. В. Плеханов,* Сочинения, 20. Москва—Ленинград 1925, 185.
[7] Там же.
[8] Там же.

концепции Н. П. Павлова-Сильванского, может служить и то, что долгий исторический период вытеснения вотчины и распространения поместья, — в котором историк отводит важную роль и опричнине, — в то же время оценивался им и как смерть «старого московского феодализма».[9]

Итак, выдвижение дворянства на передний план и уход боярства на задний было тем историческим периодом, в котором поместил М. Н. Покровский правление Ивана IV. Соответственно требованиям марксистской философии истории, ставящей перед собой цель раскрытие объективных закономерностей, этот крупный советский историк — в отличие от большинства представителей историографии до 1917 г. — объяснял и возникновение опричнины объективными условиями. А именно тем, что война ни на западе, ни на востоке не утоляла жажду земли и денег «мелкого вассалитета». Но так как власть на самом деле была всё еще в руках бояр, положение созрело для «государственного переворота», который «диктовался объективно экономическими условиями и нашел теперь себе форму: он должен был стать актом династической и личной самообороны царя против покушений свергнуть его и его семью с московского трона».[10] Поэтому, — как это логически следует из причин, приведенных историком, — «нет ничего несправедливее, как отрицать принципиальность Грозного в его борьбе с боярством и видеть в этой борьбе какое-то политическое топтание на одном месте».[11]

Не повторяя ошибок историков, идеализировавших Ивана IV и не забывая о субъективных моментах введения опричнины, М. Н. Покровский таким образом отстаивает тезис о закономерности возникновения опричнины. По его оценке: «. . . „опричнина" была попыткой за полтораста лет до Петра основать личное самодержавие петровской монархии. Попытка была слишком преждевременна, и крушение ее было неизбежно, но кто на нее дерзнул, стоял, нельзя в этом сомневаться, выше своих современников».[12] Нас сейчас менее интересует оценка личности, показывающая почти дословные совпадения с характеристиками, данными Кавелиным и Белинским, важно то, что в этом представлении опричнина считается разумным политическим поступком.

М. Н. Покровский идет дальше: опричнину, возникшую в результате союза между «посадскими» и «мелким вассалитетом», он называет «настоящей революцией».[13] Она же не что иное, как попытка «установления нового *классового* режима».[14] То, что эта попытка в конце концов не могла быть успешной, М. Н. Покровский объясняет главным образом хозяйственными трудностями, возникшими вследствие ливонской войны. В этих новых условиях «помещику мало было уже подачек из казны — ему нужна была вся казна. В дни опричнины он оставил власть боярству, взяв себе лишь самые жирные куски. Теперь он никому ничего не хотел оставлять — ему нужна была власть целиком».[15] Значит, в конечном счете, насколько опричнина, с одной стороны, возникла в результате «экономической революции», настолько же, с другой

[9] *М. Н. Покровский*, Избранные произведения, I. Москва 1966, 304.
[10] Там же, 303.
[11] Там же, 304.
[12] Там же.
[13] Там же, 310.
[14] Там же, 313.
[15] Там же, 328.

стороны, и причиной ее крушения стала «экономическая реакция», которая началась во второй половине XVI в.[16]

Конструкция М. Н. Покровского пропитана, как часто отмечалось, «социологизмом», упрощением исторического процесса, его понимание «феодализма» и «класса» тоже не стоит на уровне современного марксизма, и всё это влияет на его мнение, сложившееся об опричнине. Но неоспоримы и его заслуги, прежде всего то, что он стремился вскрыть как объективные, так и субъективные причины опричнины.

Во многом похожа исходная точка и другого значительного историка эпохи, Н. Рожкова. Так же как и М. Н. Покровский, он придает важное значение в истории XVI в. борьбе между поместьем (дворянством) и вотчиной (боярством). Как раз в этой борьбе опричнина «сыграла роль первой решительной попытки уничтожить политическое притязание боярства, и ... в общем и целиком политика правительства до конца века шла по той же стезе, т. е. в духе ограничения боярских притязаний в интересах дворянской массы».[17] И, хотя в изложении экономических причин между двумя историками наблюдается существенное концептуальное различие, в их взглядах на опричнину и в дальнейшем преобладают сходства.

Причину, вызвавшую опричнину, Н. Рожков также видит в том, что за время власти избранной рады боярство сохранило «львиную долю власти», и дворянство нуждалось в самодержавной власти.[18] И хотя «опричнина имела, конечно, значение политической полиции»,[19] она « была орудием не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавию и дворянскому господству порядки».[20] По мнению Н. Рожкова, историческое значение опричнины заключается в том, что она «с корнем вырвала остатки феодализма».[21] В этом пункте и у Н. Рожкова, подобно М. Н. Покровскому, наблюдается неуверенность в использовании понятия «феодализм», но через несколько страниц историк конкретизирует свое мнение: «Боярство получило при Грозном первый решительный удар, было поколеблено им, но далеко еще не сломлено».[22] Именно из-за этого последнего обстоятельства связывает позже и Н. Рожков период опричнины со следующим этапом борьбы дворянства — со смутным временем.[23]

Из вышесказанного ясно, что в 1920-е годы главная задача марксистской науки состояла в объяснении опричнины рациональными причинами в контексте исторического процесса в целом, и освобождении ее от иррациональных наслоений, наложенных на нее некоторыми дореволюционными историками. Это в то же время означало, что пока могла идти речь только о приложении самых общих методологических основ к конкретному материалу; и то с часто наблюдавшейся непоследовательностью, упрощениями.

[16] Там же, 331.
[17] *Н. Рожков*, Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики), т. IV, с. I. Петроград 1922, 79.
[18] Там же, 132.
[19] Там же, 133.
[20] Там же, 134.
[21] Там же, 135.
[22] Там же, 137.
[23] Там же.

В изучении интересующего нас вопроса не изменилось положение и в 1930-е годы. Значит, и далее не было фундаментальных исследований. Но в методологических основах наблюдается значительное смещение пропорций. В этом отношении можно считать классическим примером вышедший в 1933 г. очерк И. И. Смирнова, «Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI-го века». Одностороннему экономическому подходу М. Покровского и Н. Рожкова в этой статье И. Смирнов противопоставляет аспект классовой борьбы, подчеркивая, насколько опричнина, требуемая дворянством, обострила классовые противоречия в деревне.[24] В этом взгляде важно было не то, что вследствие опричнины рухнули позиции боярства, а то, что она «означала разгром крестьянского хозяйства и экспропорцию значительной части крестьянских земель в пользу феодалов»,[25] и что между отдельными слоями господствующего класса шла борьба за рабочие руки, в результате чего настолько обострились классовые противоречия, что «классовая борьба начинала в отдельных случаях принимать форму гражданской войны между опричниками и крестьянами».[26] Это уже показывает, что в лице И. Смирнова марксистская историческая наука последовательно применяла аспект классовой борьбы и сделала его основным оценочным критерием. Но при таком подходе историческое значение опричнины может быть определено лишь как отрицательное.

В последующие годы распространение получил именно этот последний взгляд, о чем свидетельствует и небольшая книга Б. Верховеня «Россия в царствование Ивана Грозного», в которой автор признает справедливость борьбы против боярского предательства, но не скрывает и того, что в ходе ее «было много произвола и насилий над трудящимся населением».[27]

Наступившие 1940-е годы внесли в изучение интересующего нас вопроса изменения в двух отношениях. С одной стороны, стали распространяться такие популярные издания, авторы которых были склонны забывать об оценочном критерии И. Смирнова; а, с другой стороны, начали возобновляться конкретные исследования, стремившиеся раскрыть историю опричнины.

Первое направление отлично характеризуется книгой Р. Ю. Виппера «Иван Грозный», которая к этому времени была дважды переиздана. Так как, по сути дела, изложенные здесь Р. Ю. Виппером взгляды не изменились по сравнению с 1922 г., считаем излишним заниматься ими подробнее. Ведь, если конкретные проблемы ставятся автором так же, как и прежде (он, например, снова выделяет внешнеполитические причины в возникновении опричнины), то «освежение» исторического подхода воплощается в следующей «критике» в адрес Ивана IV: «. . . недостаточная последовательность в борьбе с этой опасностью, которая грозила ему со стороны консервативной и реакционной оппозиции и которую он не только не преувеличивал, а скорее недооценивал».[27a]

[24] *И. Смирнов,* Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.: ГАИМК Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6, 63—64.

[25] Там же, 66.

[26] Там же.

[27] *Б. Верховень,* Россия в царствование Ивана Грозного. Москва 1939, 34.

[27a] *Р. Ю. Виппер,* Иван Грозный. Москва—Ленинград 1944, 92; Ср. также: *Н. К. Черкасов,* Записки советского актера. Москва, 1953, 380—382.

Историческая наука не следовала за Р. Ю. Виппером до таких крайностей, но по своей конечной направленности она продолжала давать этому периоду царствования Ивана IV подобную же оценку.

И. Смирнов считал, что опричнина была вызвана «внутренним кризисом» и потребностями ливонской войны, а «переход к опричнине был облечен в форму своего рода государственного переворота сверху».[28] По мнению И. И. Смирнова, она в то же время была «особой формой проведения экономического и политического разгрома боярства». Он расценивал опричнину как «важнейший этап в усилении экономических и политических позиций дворянства, помещиков».[29] Главное историческое значение ее поэтому состоит в том, что она «окончательно сделала поместье главной и господствующей формой феодального землевладения, оттеснив на задний план боярскую вотчину. Опричнина окончательно закрепила руководящее положение дворянства в Русском государстве, оттеснив на задний план бояр и князей».[30] После этого понятно, что историк придает большое значение опричнине и в усилении централизованной самодержавной монархии. Подчеркивая это свое мнение, он рискнул сделать и такой решительный вывод: «Опричнина окончательно и навсегда сломила боярство, сделала невозможной реставрацию порядков феодальной раздробленности . . .».[31] К 1572 г. она уже выполнила эту свою историческую задачу, хотя, как пишет И. И. Смирнов, отмена опричнины в 1572 г. не означала, что в последующие годы произошло изменение в последовательной политике Ивана IV.[32]

Поразительно в этой конструкции то, до чего просто в ней воспринималась проблема опричнины. Даны бояре-предатели, пытающиеся восстановить феодальную раздробленность, осложняющие дело страны в борьбе со внешним врагом, — значит, для восстановления внутреннего порядка нужен радикальный переворот, идущий «сверху». И. И. Смирнов не побоялся даже заявить, что опричнина была не только исторически необходимой и прогрессивной, но она и выполнила задачу, поставленную ей историей. Но в свете фактов даже при тогдашнем уровне развития исторической науки должно было быть очевидным, что историческая правда была сложнее.

С. В. Бахрушин в своей книге «Иван Грозный» тоже придерживался мнения, согласно которому «опричнина нам представляется как момент созидания единого централизованного национального государства, как неизбежный этап в борьбе за абсолютизм», и что она «должна была вырвать с корнем все пережитки феодальной раздробленности». Упоминает он и о произволе и насилиях опричников,[33] и примечательно, что в возникновении опричнины он предполагает сильное восточное влияние.[34] В итоге, однако, он повторяет мнение И. И. Смирнова, хотя и не в такой категорической форме: «Между тем основная задача опричнины была достигнута: крупное землевладение

[28] *И. И. Смирнов*, Иван Грозный. Ленинград 1944, 89.
[29] Там же, 95.
[30] Там же.
[31] Там же, 96.
[32] Там же. Делится этим мнением и *С. Покровский*, ср.: Рец. на кн. *В. Снегирев*. Иван III и его время (М. 1942), *С. Бахрушин*. Иван Грозный (М. 1942), *Р. Виппер*. Иван Грозный (Ташкент 1942): Исторический журнал, 1943, № 3—4, 94.
[33] *С. В. Бахрушин*, Иван Грозный: Научные труды, II. Москва 1954, 300.
[34] Там же, 303, 297.

было разгромлено и наиболее могущественные феодальные фамилии истреблены и обессилены».[35]

Вышеприведенные обобщающие работы свидетельствуют о том, что в данный период получили широкое распространение подчас банальные оценки опричнины. Это было характерно для научно-популярной литературы, но еще сильнее проявилось в публицистике и художественных произведениях, число которых в то же время очень возросло.[36]

Можно считать историографическим парадоксом, что в то же время выходят в свет и серьезные научные статьи, которые по самым важным пунктам оспаривают картину, начертанную в вышеприведенных обобщающих работах.

В этом отношении на первом месте следует упомянуть С. Б. Веселовского, который в последние годы своей жизни с особым вниманием занимался проблемой опричнины. К сожалению, при жизни он смог опубликовать только незначительную часть результатов своих исследований. Однако, значение их едва ли можно преувеличить, поскольку речь идет в первую очередь о его источниковедческих статьях, которые полностью разрушили платоновскую концепцию, принятую в вышеупомянутых обзорных работах. Самая большая заслуга академика С. Б. Веселовского состояла в том, что он поставил в центр внимания Синодик опальных царя Ивана Грозного, как один из самых важных источников истории опричнины. Он с полным правом считал, что «без преувеличения можно сказать, что этот ценный источник остается недоступным историком и даже непрочтенным, как будто он написан на неизвестном языке».[37] Как будет сказано в дальнейшем, и С. Б. Веселовскому не удалось полностью разгадать загадку Синодика, названного им самим «мутным источником».[38] Перечень казненных, составленный им на основе восьми списков, всё же дал ему основу, для важных выводов принципиального значения. (Правда, в тексте первой публикации статьи в 1940 г. в журнале «Проблемы источниковедения», вып. III, эти части были пропущены). Дело в том, что из анализа состава казненных выясняется, что: «... на одного боярина или дворянина приходилось три-четыре рядовых служилых землевладельца, на одного представителя класса привилегированных служилых землевладельцев приходился десяток лиц из низших слоев населения».[39]

При чтении другого источниковедческого очерка, опубликованного в 1947 г., перед нами также развертывается картина, противоречащая господствовавшим тогда взглядам об Иване IV.[40] Если в двух упомянутых статьях

[35] Там же, 304.

[36] Современная профессиональная критика неслучайно подчеркивает преимущества исторических разработок, сопоставив их часто с идущими на сценах того времени пьесами (А. К. Толстого, В. Соловьева, И. Сельвинского) и удостоенной высокой премии трилогией В. Костылева (ср.: *К. Д. Базилевич*, Рецензия на кн. И. И. Смирнова, Иван Грозный: Пропагандист, 1945, № 17, 75). Даже Р. Ю. Виппер больше критикует, чем хвалит произведение В. Костылева (Рецензия на кн. В. Костылева: Исторический журнал, 1943, № 7, 85—86). По этому вопросу развертывается и острая дискуссия между Бородиным, Костылевым и Веселовским (см. ниже).

[37] *С. Б. Веселовский*, Исследования по истории опричнины. Москва 1963, 323.

[38] Там же, 352.

[39] Там же, 478.

[40] Ср.: *С. Б. Веселовский*, Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник: Известия Академии наук СССР, Серия истории и философии, т. IV, № 6.

концепция С. Б. Веселовского проявляется лишь в скрытой форме, то в статье, вышедшей в 1946 г. под заглавием «Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.», она выражается совершенно однозначно. Эта работа, в основном, является опровержением самых важных взглядов С. Ф. Платонова, опирающимся на большой фактический материал. Подробно рассмотрев земли, вошедшие в опричнину, С. Б. Веселовский приходит к следующему решительному выводу: «со времени С. Ф. Платонова в историографии пользуется незаслуженным успехом мнение, будто цель учреждения опричнины и едва ли не главной, было искоренение старого землевладения бывших удельных княжат».[41] Проведенные им исследования доказали: этот тезис действительно «незаслуженно пользуется успехом».

В то же время, при изучении суздальских, ярославльских территорий у него наблюдается неуверенность; несколько натянуто он старался показать, что присоединение различных территорий к опричнине было политически не продуманным. В этом отношении его взгляды по основным пунктам были созвучны мнению В. О. Ключевского, в чем признается и сам С. Б. Веселовский: «История Оболенских и их родовых вотчин подтверждает мнение Ключевского, что опричнина и вообще опалы Ивана Грозного свелись к уничтожению лиц . . .».[42]

Значит, С. Б. Веселовский был склонен отказать опричнине в каком бы то ни было политическом значении, представляя тем самым, безусловно, крайнюю точку зрения. Но — как это подтвердили новейшие исследования — он был прав в том, что опричина не была «глубоко продуманной, крупной государственной реформой».[43] Чтобы доказать это, С. Б. Веселовским было сделано много в выяснении обстоятельств отмены опричнины и возвращения на бывшее место выселенных — хотя сами по себе и эти факты нельзя считать решающими. Такого же принципиального значения можно считать и его строки, написанные о последствиях выселения: «Это было весьма существенной подготовкой для заповедных указов 1581 и следующих лет, положивших начало закрепощению крестьянства».[44]

В этой статье, а также в статье о последних уделах[45] уже налицо все самые важные факторы концепции С. Б. Веселовского, которую мы позже рассмотрим подробно. Как об этом еще пойдет речь, исследования последующих лет во многом уточнили его результаты — и не только в подробностях, но и в аспектах принципиального значения. Всё это не уменьшает той его заслуги, что он в целом правильно указал на неудовлетворительность платоновской концепции. Однако, его утверждения остались в эти годы без откликов, точнее вызвали критику.

Один лишь Г. Н. Бибиков в одном из своих очерков излагает подобные мысли, правда, не решившись придать своим наблюдениям принципиальное значение.

Г. Н. Бибиков в своей статье «К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного», попытался обосновать свои выводы изучением состава

[41] *С. Б. Веселовский,* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году: Вопросы истории, 1946, № 1, 88.

[42] Там же, 104.

[43] Там же, 98.

[44] Там же, 97.

[45] *С. Б. Веселовский,* Последние уделы в Северо-Восточной Руси: Исторические записки, 22. Москва 1947.

известных ему 234 опричников. В итоге он смог заявить с полным основанием: «В опричнину были включены те уезды, для которых княжеское вотчинное земледелие вовсе не являлось типичным».[46]

На основе вышесказанного можно установить: к 1940-м годам создается несколько возможных вариантов суждения об Иване IV и его опричнине. Остроумно, хотя и немного односторонне, охарактеризовал самые типичные точки зрения И. И. Полосин в 1949 г. По его мнению, С. Б. Веселовский «изучает опричнину с позиций кн. Курбского, позиций ненадежных, попросту сказать, насквозь прогнивших», С. В. Бахрушин «изучает опричнину с позиций Ивана Тимофеева, дьяка XVII в., но ведь сам дьяк не был уверен в их прочности», а Р. Ю. Виппер «увлеченный Пересветовым и Ломоносовым, идеализирует Грозного, что недопустимо для советской исторической науки». В противоположность этому «я — подчеркивает И. И. Полосин — пытаюсь утвердить четвертую позицию. Я изучаю Ливонскую войну как разрыв блокады в Прибалтике; опричнину — как систему феодально-крепостнических мер по укреплению и утверждению феодально-самодержавной дворянской монархии».[47]

И. И. Полосин обратил внимание в своей характеристике на важные аспекты, проблемы, классифицировал различные позиции по действительно имевшимся расхождениям и начертал более дифференцированную картину, чем И. У. Будовниц, выступивший в 1947 г. с обширной историографической статьей.[48] Но, как на это указывал уже и Л. В. Черепнин, и сам И. И. Полосин, вопреки провозглашенному им намерению был склонен к идеализации,[49] и как раз эта склонность к идеализации роднит и названные раньше три последних позиции, на ее основе они могут быть сведены к общему знаменателю. Если мы хотим определить место Полосина в исторической литературе эпохи в его манере, то, видимо, можем сказать, что он смотрел на Ивана IV с позиций народных песен того времени (но не новгородских), тех, которые возлагали ответственность за свои обиды на бояр и идеализировали царя, боровшегося с ними. К такому выводу приводят нас работы И. И. Полосина, написанные им об опричнине в 1940-х годах и в начале 1950-х годов, и которые, за исключением одной, были напечатаны в 1963 г. И их изложение поэтому мы приведем позже. В подобном духе написана им и статья «Споры об опричнине на польских сеймах XVI века (1569—1582)», опубликованная в журнале «Вопросы истории» в 1945 г. Бесспорная его заслуга в этой статье состоит в том, что он попытался определить место опричнины в европейской истории, хотя сравнение польских и русских учреждений того времени оказалось несколько натянутым и было основано на описанном нами ниже спорном методическом подходе И. И. Полосина, проявлявшемся в чередовании то более узкого, то более широкого понимания опричнины.

В противовес идеализирующей, популяризирующей тенденции, издание книги П. А. Садикова в 1950 г. «Очерки по истории опричнины», содержащей его исследования с 1921 по 1941 гг., дало новые импульсы научному

[46] *Г. Н. Бибиков,* К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного: Сборник статей по истории СССР XVI—XVII вв. Москва 1941, 13—14.

[47] *И. И. Полосин,* Социально-политическая история России XV—начала XVII в. Москва 1963, 20—21.

[48] Ср.: *И. У. Будовниц,* Иван Грозный в русской исторической литературе: Исторические записки 21 (1947) 322—327.

[49] *И. И. Полосин,* Социально-политическая история, 19, 20.

подходу к проблеме. Больше того, в вышеприведенном перечне И. И. Полосин незаслуженно пропустил имя П. А. Садикова, который выступил и в 1940-х годах, опубликовав большую статью «Из истории опричнины XVI в.», в которой он приводил мнения, совпадающие с его, излагаемыми ниже, взглядами.[50] Значительной заслугой П. А. Садикова было то, что базу источников опричнины — очень узкую, как это признавалось всеми — он обогатил большим количеством актового материала. Благодаря привлечению этих материалов он смог дать новую информацию о местном управлении, в особенности о финансовом управлении периода опричнины, но достиг важных результатов и в определении территории опричнины.

Эти достижения исследований П. А. Садикова высоко ценились и одобрялись тогдашней профессиональной критикой. Однако его очерк синтетизирующего характера, «Опричнина Ивана Грозного», помещенный в том же томе, был принят критикой по-разному.

С идейным лейтмотивом П. А. Садикова («Уничтожение политической роли крупного феодального владетеля путем ликвидации его экономической базы . . . , выдвижение к верхам власти среднего феодального слоя . . . являлись совершенно необходимыми мерами для решения насущной задачи момента»)[51] его критики соглашались так же, как и с гармонирующим с ним, конечным суждением об историческом значении опричнины: «Опричнина ломала решительно и смело верхушки феодального класса и поддерживала великокняжескую власть — этим, в условиях времени, она была безусловно прогрессивным историческим фактором . . .»[52] Было поддержано и его мнение о двойном «результате» опричнины: «В опричных репрессиях исчезли остатки феодальной раздробленности, и Московское царство становилось централизованным государством с сильной монархической властью во главе», но вместе с этим «разрушалась не только благоустроенная крупная вотчина . . . , но . . . и масса „дворцовых" и „черных земель"».[53]

Рецензенты отметили необходимость более четкого показа последнего фактора, хотя критику С. О. Шмидта можно воспринять и как серьезную похвалу: «Раскрывается, хотя и недостаточно четко, относительность понятия прогрессивности применительно к опричнине».[54] Мы и ныне можем согласиться с таким подходом к опричнине, являющимся одной из самых больших историографических заслуг П. А. Садикова.

Однако мы не можем последовать за рецензентами во всех их похвальных отзывах. Едва ли можно назвать уместным сопоставление П. А. Садикова и С. Б. Веселовского, которые приводит А. А. Зимин, называя взгляды последнего «антинаучными построениями».[55] С этим нельзя согласиться тем более, что взгляды обоих на классовый характер опричнины почти одинаковы.

[50] *П. А. Садиков,* Из истории опричнины XVI в.: Исторический архив, III. Москва—Ленинград 1940.

[51] *П. А. Садиков,* Очерки по истории опричнины. Москва—Ленинград 1950, 6.

[52] Там же, 62.

[53] Там же, 63–64.

[54] Ср.: *Л. В. Черепнин,* Рецензия на кн. П. А. Садиков, Очерки из истории опричнины: Известия АН СССР, сер. истории и философии, 8 (1951) № 1, 95; *С. О. Шмидт,* Рецензия на кн. П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины: Советская книга, 1951, № 5, с. 71.

[55] *А. А. Зимин,* Рецензия на кн. П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины: Вопросы истории, 1950, № 12, 145.

Местами были преувеличены и критические отзвуки. Например, С. О. Шмидт укорял П. А. Садикова в том, что тот не подчеркнул в достаточной мере преемственность между властью избранной рады и опричниной и преувеличивал в учреждении опричнины значение личных мотивов; он ждал бы от автора также и показа «большей прогрессивности и последовательности политики опричнины».[56] В противоположность этому, в свете современных исследований, мы можем считать большим достижением П. А. Садикова его многосторонний, сдержанный подход. П. А. Садиков, — который, правда, для историка наших дней уже неприемлемым образом «поверил» почти всем обвинениям царя против «предателей» бояр, — не умолчал о кровавой жестокости ни опричников, ни самого царя и назвал опричную реформу «спешной и бурной», которую создатель ее облек в архаическую форму и «даже не совсем ее продумал до конца».[57] К тому же, несмотря на то, что советская историческая наука во многих отношениях уточнила утверждения П. А. Садикова (в первую очередь в связи с территориями, включенными в опричнину, продолжением существования опричнины после 1572 г., боярскими «заговорами»), едва ли можно сомневаться в том, что написанный им в популярной форме обзор значительно превзошел все работы его времени.

Стало быть: «увертюра» 1950-х годов означала, что в противовес популярным работам, появившимся в 1940-х годах и умолчавшим об отрицательных сторонах опричнины или недостаточно раскрывшим их, всё сильнее давали о себе знать претензии на выявление подлинного классового характера опричнины. В эти годы, собственно говоря, эти две тенденции существовали параллельно.[58]

Об этом же свидетельствует и материал раздела об опричнине в соответствующем томе «Очерков истории СССР». Концептуально сильно проявляются в нем взгляды одного из соавторов, П. А. Садикова, но, — по всей вероятности, благодаря участию в составлении редактора, А. А. Зимина — во многих важных пунктах в измененной, упрощенной форме. Итоговая оценка работы звучит так: «Опричнина, будучи продолжением реформ 50-х годов XVI в., знаменовала собой новый решительный шаг по пути укрепления централизованного аппарата власти, по пути борьбы с пережитками феодальной раздробленности, с сепаратистскими претензиями реакционного боярства, облегчала защиту западных и южных рубежей Русского государства».[59] Видно, следовательно, что в данной формулировке учтена критика в адрес П. А. Садикова, в следствие чего в этом понимании опричнина выступает продолжением периода реформ, но и ее внешняя функция подчеркивается иначе и характеристика бояр в нем намного драматичнее. Боярство обвиняется в том, что его стремление «к расчленению централизованного государства на множество удельных княжеств . . . могло привести к порабо-

[56] *С. О. Шмидт*, Рец. на кн. П. А. Садикова, 72.

[57] *П. А. Садиков*, Очерки по истории опричины, 15, 18, 21.

[58] Сборник «Послания Ивана Грозного» (Москва—Ленинград 1951) способствовал формированию объективной картины, на важные изменение указывает и то, что издатели произведений С. В. Бахрушина обращают внимание на идеализацию Ивана IV в его творчестве (ср.: *С. Бахрушин*, Научные труды, II. М. 1954, 9), с другой стороны, работа Н. Короткова «Иван Грозный, Военная деятельность» (М. 1952, 8), полностью повторяет еще прежние взгляды.

[59] Очерки истории СССР, Конец XV в. — начало XVII в. (под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина). Москва 1955, 320—321.

щению русского народа иноземными захватчиками».[60] Интересно, однако, что тогда как в книге — справедливо — особо подчеркиваются обостренные опричниной классовые противоречия, открытая борьба населения против опричников,[61] то не указываются опасности, угрожающие в этой борьбе государственной власти.

Слишком категорическим получалась и интерпретация результатов опричнины. Едва ли можно согласиться с тем выводом, что «на первый план ... вышли основные силы феодалов — поместные дворяне и дети боярские»,[62] но приходится признать односторонним и такой подход, который приписывает опричнине в Ливонской войне только победы. Спорным остается и мнение о расширении опричнины после 1572 г.[63] И, наконец, если посмотреть на вопрос исходя из исследований последующих годов, можно поставить под вопрос и исходную позицию, объясняющую создание опричнины тройным натиском боярской аристократии, угнетенных народных масс и внешнего врага.[64]

Работа, синтетизирующая исследования 1940-х и начала 1950-х годов, разумеется, носила на себе отпечаток характерных черт тогдашнего исследования темы. Хотя ее авторы и опасались чрезмерного выдвижения личности на передний план, а в основном все-таки переняли платоновскую концепцию, без успеха стремясь соединить ее со взлядами 1933 г. И. И. Смирнова. Это привело к возникновению одностороннего изображения цели, функций и результатов опричнины. Но в виду того, что и по частичным проблемам в этой работе принимались спорные решения и оставлялись без внимания некоторые результаты, стали необходимыми, с одной стороны, дальнейшие обширные исследования, с другой — применение более современного исторического подхода.

2. *Рождение больших монографий*

После XX съезда КПСС в исторической науке получили яркое освещение определенные недостатки прежней историографии. 14—15 мая 1956 г. в Институте истории АН СССР обсуждался доклад С. М. Дубровского «О культе личности в некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)». Материал дискуссии был подробно изложен в сентябрьском номере за 1956 г. журнала «Вопросы истории», а до этого, в этом же журнале опубликовали статью С. М. Дубровского «Против идеализации деятельности Ивана IV».

С. М. Дубровский рассматривает в этой статье в первую очередь произведения Р. Ю. Виппера, С. В. Бахрушина и И. И. Смирнова об Иване IV и подвергает их острой критике. Эта публикация выделялась прежде всего своей критической направленностью, в ней обоснованно указывалось на ошибки, допущенные вышеупомянутыми историками в связи с идеализацией Ивана IV. Так как сам С. М. Дубровский не был исследователем истории России XVI в., его выводы в большинстве случаев носили общих характер и касались методологических вопросов. При этом и он допустил подобную,

[60] Там же, 319.
[61] Там же, 320.
[62] Там же, 318—319, 320.
[63] Там же, 313.
[64] Там же, 302.

хотя и противоположную ошибку: в центре его изложения и всей истории России XVI в. оказалась личность. Несмотря на это, его большая заслуга состоит в том, что он содействовал освобождению советской исторической науки от тяжелого балласта. Однако в качестве решения С. М. Дубровский мог предложить лишь более внимательный учет интересов народа: «народные восстания и вообще проявления народного недовольства того времени были прогрессивными».[65] В последующих прениях А. М. Сахаров заключил с полным правом: «Из доклада С. М. Дубровского получается, что, поскольку образование и укрепление Русского централизованного государства сопровождалось закрепощением крестьян, советский историк должен отрицательно относиться к этому процессу».[66] А это тоже привело бы к очевидной односторонности.

В духе статьи С. М. Дубровского была написана и статья В. Н. Шевякова «К вопросу об опричнине при Иване IV», появившаяся в следующем номере журнала «Вопросы истории». Автор статьи оперировал, по-видимому, более конкретными средствами, ибо посвятил ее уже хорошо определенному историческому явлению. Больше того, он обратил внимание и на многие проблемы, над которыми стоит задуматься. Так, например, на то, что бояре не хотели восстановить удельный период, что нельзя считать достоверными все ссылки на их предательство и, что «опричнина не могла не задержать развитие производительных сил».[67] Бросается, однако, в глаза, насколько некритично автор относится к иностранным повествовательным источникам — можно сказать, что, если он ни в чем не верит Ивану IV, то без всякой критики принимает за правду каждое слово его врагов. Эта методическая слабость во многом снижает ценность его очерка, и поэтому не случайно, что его общие выводы — так, например, о восточном деспотическом характере опричнины, о существовании опричной системы до 1605 г.[68] — нельзя считать достаточно обоснованными.

Так как критики общепринятого мнения об опричнине до 1956 г. поступали не как историки-специалисты и допустили ряд методических ошибок, было закономерно, что в дискуссии по докладу С. М. Дубровского представители критикуемого взгляда в основном сохранили свои позиции. Они, хотя и признавали, что в свое время и допускали ошибочную идеализацию, но не видели причин изменить свои взгляды в отношении опричнины. Большинство выступивших присоединилось к мнению И. И. Смирнова, который сказал: «Опричный террор был определенной формой проявления борьбы против княжат и бояр, а не бессмысленным истреблением Иваном IV и опричниками всех слоев общества, не вызванным никакой объективной необходимостью».[69] В то же время они считали важным сделать и некоторые оговорки в связи с суждением об опричнине: «Средства, которыми проводилась опричная политика, были варварские, средневековые ... Но нельзя, конечно, смешивать средства проведения опричной политики и ее формы с ее объек-

[65] *С. М. Дубровский,* Против идеализации деятельности Ивана IV: Вопросы истории 1956, № 8, 128.

[66] Цитирует: *М. Д. Курмачева,* Об оценке деятельности Ивана IV: Вопросы истории, 1956, № 9, 199.

[67] *В. Н. Шевяков,* К вопросу об опричнине при Иване IV: Вопросы истории, 1956, № 9, 72, 73, 76.

[68] Там же, 74, 77.

[69] Цитирует: *М. Д. Курмачева,* Указ. соч. 198.

тивно прогрессивным содержанием»,[70] — как отметил А. А. Зимин. Итак, в этом случае уже сильно подчеркивался «*объективно*» прогрессивный характер опричнины. Б. Ф. Поршнев этот подход возвел до методологического уровня: «Централизация русского государства являлась прогрессивным фактом, но монархическое устройство государственной власти носило антинародный характер и поэтому может быть названо прогрессивным лишь весьма условно».[71] Значит, в концепцию внедрился оценочный критерий, предлагаемый С. М. Дубровским, но не ставилась под вопрос — хотя бы и «объективная» — необходимость опричнины. Это не оспаривалось несмотря даже на то, что, например, А. И. Казарин припысывал опричнине трагические последствия: «Опричнина расшатала основы Русского государства и поставила его если не на край гибели, то весьма близко к нему»[72] и, что В. Н. Шевяков, открыто задал вопрос: в таких условиях «можно ли считать опричнину прогрессивной . . .»[73]

Дискуссия ознаменовалась результатами эпохального значения, ибо она открыла путь для исследователей, видевших свою главную задачу не в выделении одной исторической роли личности. В этом отношении изучение опричнины получило новые перспективы, новый стимул. Пока, однако, новая концепция не располагала еще достаточным доказательным материалом, чтобы вытеснить старую.

Интересной характерной чертой новейших очерков после 1956 г., является то, что с публикацией своих новых результатов выступили как раз представители «традиционных» взглядов. Это снова подчеркивает значительность совещания, проведенного с 14 по 15 мая, поскольку именно оно сделало очевидным перед представителями этого мнения, что для аргументации своих взглядов, ограничивавшихся до тех пор в основном лишь общими методологическими установками и базировавшихся на мнении С. Ф. Платонова — опровергнутом С. Б. Веселовским — нужны обширные исследования.

Кажется очевидной, например, связь между опубликованными В. Б. Кобриным в 1958 г. несколькими поземельными актами и сделанными из них выводами, а также между критикой С. М. Дубровского и других. На основе документов, связанных с конфискацией владений И. П. Федорова, он дискутируя с критиками старой концепции опричнины, делает вывод, что «. . . феодальная антикрепостническая направленность опричнины проявлялась не в истреблении непосредственного производителя и орудий его труда (хотя и такие случаи были нередки), а в усилении феодальной эксплуатации крестьянства».[74] В связи с этим он с полным правом обратил внимание на важность актового материала и противоположность иностранным повествовательным источниками, принимаемым к тому же некритично. Идя по тому же пути, В. Б. Кобрин, продолжая исследования Г. Н. Бибикова, расширил число членов двора опричников до 237 человек, и также опубликовал их полный список.[75]

[70] Там же, 200.
[71] Там же, 201.
[72] Там ше, 199.
[73] Там ше, 203.
[74] Из истории земельной политики в годы опричнины (публикация В. Б. Кобрина): Исторический архив, 1958, № 3, 153.
[75] Ср.: *В. Б. Кобрин,* Состав опричного двора Ивана Грозного: Археографический ежегодник за 1959 г. Москва 1960.

Платоновская концепция, разрушенная в основах своих исследованиями С. Б. Веселовского, была обновлена в богато документированной форме в статье Р. Г. Скрынникова, вышедшей в 1961 г. под заглавием «Опричная земельная реформа Грозного». В ней Р. Г. Скрынников признает правоту критики С. Б. Веселовского, но в результате тщательного изучения до тех пор менее исследованного момента истории опричнины приходит к выводу, что, «своим острием опричные мероприятия были направлены против оппозиционно настроенной феодальной аристократии, мешавшей укреплению дворянского государства», и, что этим опричнина «ликвидировала значительную часть родового землевладения феодальной аристократии и тем самым подорвала ее политическое значение».[76] Благодаря этому итоговому выводу Р. Г. Скрынников во многом приблизился к мнению С. Ф. Платонова об опричной реформе, которая подорвала материальные основы боярства. Можно было бы сказать и так, что с привлечением почти не исследованной до тех пор группы источников — казанских и свияжских писцовых книг — Р. Г. Скрынников снова поставил на прочный фундамент известную концепцию, вернул ей достоверность, подорванную С. Б. Веселовским.

Другого мнения об этом придерживался А. А. Зимин, коснувшийся статьи Р. Г. Скрынникова всего лишь в подстрочном примечании, к своей работе на подобную тему, в «Земельной политике в годы опричнины (1565—1572 гг.)», опубликованной почти одновременно со статьей Р. Г. Скрынникова. Точнее, только заглавия двух публикаций были поразительно схожими, а рассматриваемые в них проблемы отличались друг от друга. А. А. Зимин сосредоточил свое внимание на изучении территорий, вовлеченных в опричнину, и на основе этого выделил этапы изменения земельной политики опричного периода. В результате о введении опричнины в 1565 г. он признал, что ее «основная социальная сущность — стремление упрочить экономические позиции дворянства».[77] Период с 1565 по 1568 гг. он оценил как время взятия под контроль территорий земщины опричными форпостами, и, наконец, времени с 1569 по 1571 гг. приписывал значение ликвидации «очагов смуты».[78] Одновременно А. А. Зимин считал, что «конфискация вотчин многих ростовских, ярославских, стародубских княжат ... имела чисто политические цели».[79] Он пришел к этому выводу не учитывая результатов изучения казанских и свияжских писцовых книг Р. Г. Скрынниковым, хотя по некоторым вопросам и сам ссылался на них. В этом отношении, значит, мы можем заключить, что А. А. Зимин концептуально следовал С. Б. Веселовскому — хотя в оценке реформы 1565 г. он и отмежевался от мнения последнего[80] — и отрицал тезис о подрыве материальных основ боярства. (А. А. Зимин отрицал это, между прочим, — что не совсем понятно, — ссылаясь на то, что боярских латифундий и в XVII в. было не меньше, чем в XVI в.).[81] Вместо этого он считал, что опричнина между 1569—1571 гг. была направлена «своим острием против удель-

[76] *Р. Г. Скрынников,* Опричная земельная реформа Грозного 1565 г.: Исторические записки 70 (1961) 248.

[77] *А. А. Зимин,* Земельная политика в годы опричнины (1565—1572 гг.): Вопросы истории, 1962, № 12, 62.

[78] Там же, 76.

[79] Там же, 79.

[80] Там же, 64—65.

[81] Там же, 79.

ных пережитков».[82] Но историк не привел доказательств относительно того, почему взгляды Р. Г. Скрынникова — «преувеличение», и, главным образом, почему «конечно преувеличение».[83]

В вышеупомянутых двух статьях в основном сразились два направления, правда, авторы этих статьей развили и изменили взгляды своих предшественников. А. А. Зимин продолжал линию В. О. Ключевского—С. Б. Веселевского, а Р. Г. Скрынников — линию С. Ф. Платонова—П. А. Садикова. Эта концептуальная оппозиция предвещала появление обширных монографий, обещающих полное приведение аргументов и доказательств.

В этом отношении большое значение имел 1963-й год, хотя в нем можно усмотреть лишь увертюру указанного процесса. Ибо в этом году вместе синтезов, обобщающих новейшие исследования, по теме опричнины были изданы две книги, написанные главным образом в 1940-х годах.

В сборнике статей «Социально-политическая история России XVI—XVII вв.», содержащем преимущественно неопубликованные работы И. И. Полосина, видное место заняли статьи об опричнине. Особенно поучительным среди них можно считать историографический обзор «Опричнина Ивана Грозного и очередные задачи научного исследования», в котором автор счел большой заслугой советской исторической науки то, что она «вскрыла причинность и закономерность явления».[84] В других вопросах, однако, он не приписывал таких больших заслуг своим предшественникам и почти по всем основным вопросам давал свою интерпретацию. Так, например, в одно и то же время он считал опричнину «закономерной системой реформ феодально-самодержавной дворянско-бюрократической монархии»,[85] и саркастической пародией, в которой «налицо» «загадочная реминисценция удельно-феодального быта».[86] По его мнению, «земщина — это феодально-самодержавная монархия, центром которой была опричнина».[87] Таким было в трактовке И. И. Полосина широкое понимание опричнины, которая «была новой, высшей фазой феодализма, крепостничества».[88] В более узком смысле, однако, он считал опричнину просто государевым двором, который, что естественное следствие такого подхода, сохранился и после 1572 г. Но И. И. Полосин шел и дальше, и по другому его замечанию, опричнина «была ориентирована на Ватикан, как пародия на него».[89] В широком же смысле он определял сроки существования опричнины в 250 лет и считал, что «во всех странах Европы, Азии, Южной Америки — всюду, где действовала феодальная монархия, можно найти следы опричной политики».[90]

И в другом очерке сборника И. И. Полосин излагает двойное толкование опричнины.[91] В свете всего этого, при всех похвалах Г. Д. Бурдея, — отмечавшего, между прочим, правильное выявление классового характера опричнины, описание вредных последствий Ливонской войны, новое толко-

[82] Там же, 79.
[83] Там же, 79.
[84] *И. И. Полосин,* Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. Москва 1963, 182.
[85] Там же, 182.
[86] Там же, 183.
[87] Там же, 184.
[88] Там же, 185.
[89] Там же, 188.
[90] Там же, 189, 190.
[91] Там же, 131.

вание монастырских объездов Ивана IV,[92] мы можем согласиться в первую очередь всё же со следующим его высказыванием: «отдельные выводы, наблюдения и оценки И. И. Полосина ныне уже устарелы».[93] Мы имеем в виду, что «широкое» понимание оказалось слишком широким, а «узкое» — слишком узким для того, чтобы содействовать обнаружению конкретного содержания описываемого исторического явления.

Следовательно, можно установить, что посмертное издание вышеприведенных работ И. И. Полосина не дало нового размаха исследованиям, направленным на раскрытие истории опричнины. Это же, собственно, можно сказать и о другом посмертном сборнике, изданном в этом же году, о книге С. Б. Веселовского: «Исследования по истории опричнины», вопреки тому, что она вызвала много откликов. Мы, конечно, не станем оспаривать огромное значение издания его очерков, умалчивать о том, какую реакцию вызвал этот сборник в общественном мнении. Но отнюдь не случайно, что самые страстные отклики исходили не из профессиональной среды.[94] Дело в том, что историки могли ознакомиться с важнейшими положениями концепции и с результатами исследований С. Б. Веселовского уже раньше, так что неопубликованные или не полностью изданные ранее очерки в большинстве случаев были новыми лишь по своему тону. Но нельзя не признать историографического значения сборника в том отношении, что широкая публика увидела в нем первый серьезный удар по глубоко укоренившегося в общественном мнении до 1956 г. интерпретации опричнины, а это сыграло свою роль в становлении новых исторических взглядов.

Сборник работ С. Б. Веселовского, начинающийся и кончающийся источниковедческими очерками, между которыми помещены статьи, расположенные в порядке хронологии исторических событий, в целом не содержит полной монографической разработки опричнины, так как подобная разработка, не могла осуществиться из-за смерти С. Б. Веселовского. Всё же эти работы являются в советской историографии первым систематическим обобщением истории различных сторон опричнины.

В отличие от сборника И. И. Полосина, о книге С. Б. Веселовского нельзя сказать, чтобы почти два десятилетия, прошедших между ее написанием и опубликованием, снизили ценность отдельных выводов ее. Естественно, что к этому времени выводы — прежде всего историографического характера — во многом утратили свою актуальность. Так, например, в 1963 г. едва ли было уместно писать о «самомнении историков», «которые через 300—400 лет после событий берутся задним числом истолковывать и осмысливать явления далекого прошлого, с высоты профессорской кафедры судят и рядят и с пренебрежением отвергают: иногда без рассмотрения неугодные им высказывания современников, как необразованных и ограниченных обывателей, не получивших образования в вузах, не прослушавших университетского курса истории СССР и поэтому неспособных понимать происходившие на их глазах события».[95] В противоположность этому, думается, позволительно предполагать, что сам С. Б. Веселовский, который хотя и во многих местах

[92] *Г. Д. Бурдей*, Рецензия на кн. И. И. Полосина, Социально-политическая история России XVI—начала XVII вв.: Вопросы истории, 1964, № 6, 150.

[93] Там же, 151.

[94] Ср.: *Е. Дороши*, Книга о Грозном Царе: Новый мир, 1964, № 4, 260—263.

[95] *С. Б. Веселовский*, Исследования по истории опричнины. Москва 1963, 39.

уточнил заключения иностранных повествовательных источников, был под сильным влиянием дьяка Ивана Тимофеева, как это показывают следующие строчки: «учреждение опричнины, его двора привело к разделению государства на две враждебные части, никаких реформаторских целей учреждение опричнины не преследовало; учредив опричнину, царь не только „поустил", т. е. направил одну часть населения на другую, но и „заповедал", т. е. приказал опричникам насиловать, грабить и (убивать)».[96]

Было бы, конечно, ошибкой полностью отвергать мнения Ивана Тимофеева и С. Б. Веселовского, поскольку именно С. Б. Веселовский доказывал отрицательные последствия, вытекающие из анархистических условий разделенного на две части государства. Рассматривая роль боярства при Иване IV на основе источников, он, в частности, полным правом оспаривает правомерность противопоставления, при котором выдвигается «величественная фигура царя, чуть не революционера на троне, точно всю жизнь боровшегося с косным, невежественным и своекорыстным боярством».[97] Он многое сделал и для конкретизации понятия боярского «сопротивления», обстоятельно изучив побеги и поручные записи; подвел нас ближе к пониманию направленности опричнины, установил личность первых ее жертв; а выводы, сделанные им при изучении территории опричнины — как уже отмечалось — привели к переосмыслению существовавшей до тех пор концепции опричнины. Особенно важны те его исследования, которые посвящены хозяйствам выселенных, а позже поселенных обратно опальных, хозяйствованию опричников, экономическим, социальным, политическим, военными последствиям всего этого. С. Б. Веселовскому принадлежат большие заслуги и в разъяснении условий отмены опричнины. Важное значение имел в методологическом отношении такой подход к опричнине, при котором обращалось внимание и на изучение личности царя, значит, делалась попытка осмыслить объективные и субъективные факторы в их единстве. Самая большая заслуга С. Б. Веселовского, однако, в том, что свои выводы он, по возможности, всегда пытался подтвердить документами, а это стремление часто наводило его на неизвестные до тех пор или плохо изученные источники. Он не случайно приходит к самому значительному выводу именно в одной из своих источниковедческих работ: «Очевидно, что пора оставить старый предрассудок, будто опалы и казни царя Ивана были направлены в лице бояр и княжат против крупных феодалов и что лица из низших слоев населения погибали только случайно, в связи с казнью крупного феодала».[98]

Не умаляя заслуг С. Б. Веселовского, следует указать и на то, что в свете достижений советских исследований, которые велись после написания им своих статьей и очерков, в 1963 г. было обнаружено несколько проблематичных моментов в его концепции, подходе и даже в источниковедческих работах.

По мнению С. Б. Веселовского, Иван IV пришел к мысли о создании опричного параллельного двора «в результате борьбы с (отдельными) лицами»,[99] и «учреждение опричнины было направлено с первых же шагов не против боярства, а против всего старого двора, начиная от царского родст-

[96] Там же, 53.
[97] Там же, 118.
[98] Там же, 478.
[99] Там же, 143.

венника и знатнейшего боярина и включая самого незначительного жильца из дьяческого рода или из захудалых княжат белозерских, ярославских и др.»[100] Из этого следует, что, по мнению С. Б. Веселовского, «опричные выселения первого года не преследовали никаких политических целей»[101] и лишь в выселениях второго и третьего года обнаруживается политическая тенденция. Из этого видно, что С. Б. Веселовский отказывал опричнине во всяком политическом смысле и был склонен видеть ее причины в таких чертах характера Ивана IV, как «вспыльчивость, подозрительность и сознание беспредельной власти», которые и «приводили Ивана Грозного к злоупотреблению княжеской опалой».[102]

Выше мы признали большой заслугой С. Б. Веселовского то, что по прошествии долгого времени он снова стал углубленно заниматься личностью Ивана IV, который безусловно оказал большое влияние на события второй половины XVI в. Но сейчас мы должны констатировать и то, что он переоценил роль царя.[103] Нельзя думать, конечно, что это было последствием того, что «С. Б. Веселовский не считал себя марксистом и не стремился дать марксистский анализ исследуемых проблем . . .»,[104] или что он сделал свои выводы «в субъективно-идеалистическом аспекте».[105] Речь идет скорее о том, что по логике дискуссии он слишком сильно концентрировал внимание на тех факторах комплекса проблем, о которых историческая литература в то время умалчивала. После этого понятно, что наряду с действительно сильными описательными частями в его произведениях встречаются менее удачные попытки объяснения событий; пожалуй, даже В. О. Ключевский видел в опричнине намного больше необходимости, чем С. Б. Веселовский. Способствовало этому и то, что и в источниковедческих работах — на это мы ниже еще будем указывать — он часто не доводил свои исследования до логического конца, так что его конечные выводы легче могли стать односторонними.

В 1963 г. профессиональная критика с полным правом отметила эти недостатки, а в лице Р. Г. Скрынникова обоснованно оспаривала один из самых важных его результатов. Историческая точность, однако, требует сказать: С. Б. Веселовский во время написания своих произведений об опричнине — в 1940-х годах — вел более обширную, документированную и сложную исследовательскую работу, чем его современники, и вследствие этого его результаты были более обоснованными. Кажется, никто не подошел ближе, чем он, к начертанному идеалу историка: «Историк, как всякий ученый, должен быть отзывчивым к запросам современности, но одновременно идеалом всякого историка остается задача, которую поставил себе более двух тысячи лет тому назад величайший историк античного мира Фукидид — писать так, чтобы его произведения были „приобретением навеки"».[106]

В том же 1963 г., в противовес двум принятым до тех пор подходам к опричнине (средство централизации в борьбе между боярами и дворянами,

[100] Там же, 155.
[101] Там же, 70.
[102] Там же, 317.
[103] *Ср. А. А. Зимин,* Академик С. Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе: История и историки. Москва 1973, 353.
[104] *С. М. Дубровский,* Еще раз о «великом государстве»: Знамя, 1965, № 1, 213.
[105] *Г. Д. Бурдей,* Опричнина в новой исторической литературе: Преподавание истории в школе, 1964, № 6, 28.
[106] *С. Б. Веселовский,* По поводу трилогии тов. Костылева и возникшей о ней полемике: История и историки. Москва 1973, 376.

а также личное дело царя), С. М. Каштанов в статье «К изучению опричнины Ивана Грозного» на уровне исследований возвращается к отправной точке статьи И. И. Смирнова, опубликованной в 1933 г., и обращает внимание на классовую суть опричнины. С помощью территориального изучения опричнины, а позже, главным образом, анализа жалованных грамот монастырей, он приходит к выводу, что классовая направленность опричнины «состояла в проведении мероприятий, содействовавших дальнему закрепощению крестьян».[107] Оригинальным можно назвать его замечание, что «опричнина появилась именно в тот момент, когда в силу неравномерности развития крепостнического процесса в разных районах страны еще имелась реальная перспектива, не нарушая коренных интересов всего класса феодалов в целом, обеспечить помещиков землей и крестьянами»,[108] и в этом смысле опричнину можно считать продолжением периода избранной рады. Между двумя периодами, однако, он выявляет различие в том отношении, что опричнина опирается и на монастыри, а со средними слоями горожан ее связь становится слабее.[109] Важно было далее, что он — так же, как до него и А. А. Зимин[110] — упадок хозяйства второй половины века считал не последствием опричнины, а нашел, как раз наоборот, что опричнина развернулась именно во время упадка хозяйства.[111]

Из вышесказанного явствует, что в основу концепции С. М. Каштанова лег т. н. «компромисс» 1550-х годов. Но чем более спорным становился сам факт существования этого «компромисса», тем более сомнительной оказывалась конструкция опричнины, выдвинутая С. М. Каштановым. Но если даже принять, что такой компромисс и имел место, нужно еще доказать: служила ли опричнина интересам «дворянства» в целом? Это последнее С. М. Каштанов считал фактом, поэтому, с точки зрения политической централизации, оценивал ее положительно, хотя — как и А. А. Зимин — признавал ее явлением не антикняжеского, а антиудельного характера. С другой стороны — со стороны классовой направленности — автор оценивал опричнину отрицательно,[112] присоединившись, таким образом, по существу к вышецитированной оценке Б. Ф. Поршнева.

Именно работы, вышедшие в 1963 г. и имевшие большое значение, сделали насущной потребность в обширной монографии, содержащей полную историю опричнины, ибо в прежних работах, при всех их заслугах, отсутствовал многосторонний анализ, основывающийся на известных источниках этого исторического явления и на всегдашней специальной литературе; кроме того, не было в них и систематического изложения. Эту потребность удовлетворил своей обобщающей работой «Опричнина Ивана Грозного» А. А. Зимин. Его работа уже по этой причине должна быть признана работой историографического значения. Самым существенным и в то же время самым остроумным было замечание одного из рецензентов, В. Б. Кобрина, осветившего

[107] *С. М. Каштанов,* К изучению опричнины Ивана Грозного: История СССР, 1963, № 2, 108.

[108] Там же.

[109] Там же, 113.

[110] Ср.: *А. А. Зимин,* Хозяйственный кризис 60—70-ых годов XVI в. и русское крестьянство: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства, сб. V. Москва 1962.

[111] *С. М. Каштанов,* Указ. соч. 114.

[112] Там же, 117.

значение работы А. А. Зимина в истории советской исторической науки. По его мнению, до появления данной работы «при иллюзии исследованности опричнина продолжала оставаться в определенной степени „белым пятном" в истории нашей страны».[113]

А. А. Зимин, привлекая все известные источники, сделал опыт комплексного изучения опричнины; он не терял из виду ни одной области, исследованной до него специальной литературой. Путем подробного изучения внешних и внутренних причин он многосторонне осветил предысторию опричнины, указывая на объективные и субъективные причины, вызвавшие ее; привлекая большой архивный материал он описал преобразование местного и центрального опричного управления, изложив с соответствующей весу проблемы серьезностью усиление феодального гнета в период опричнины. Исходя из своей концепции, А. А. Зимин чрезвычайно подробно занимался вопросом уделов внутри опричнины, соотношением государства и церкви в данный период. В ходе этого он часто прибегал к неизвестным доселе документам, критически перечитывал уже издавна известные источники и с их помощью пришел к новым по сравнению с прежними работами выводами.

Его исследования по отдельным проблемам «обрамляется» следующей концепцией: «Царь Иван IV сумел по-своему почувствовать историческую неизбежность ликвидации последних столпов феодальной раздробленности на Руси и возглавить борьбу за укрепление централизованной государственности».[114] Такая исходная позиция обоснована взглядами, изложенными им в других работах, где А. А. Зимин, с одной стороны, выступает с положительной оценкой процесса образования централизованного государства, который охватил весь XVI в., а с другой стороны, считает главным препятствием этого процесса не боярскую аристократию, а уделы.[115] В нем, однако, можно подметить некоторую двойственность: несколькими строчками ниже, за цитированным предложением, А. А. Зимин уточняет свое мнение следующим образом: «Выбранные Иваном IV формы и методы усиления самодержавия превращали власть монарха в самовластие деспота».[116]

В подтверждении его концепции сыграло важную роль изучение опал 1565 г. По его мнению, они «направлены были в первую очередь против тех, кто еще в 1553 г. поддержал В. Старицкого . . .» и явились превентивным мероприятием, имевшим целью «подорвать основную опору старицкого князя среди московской аристократии».[117] Подобно этому он объяснил и поволжские ссылки.[118]

Такое же принципиальное значение получило в его книге мнение об отношении церкви и государства, сводившемся по сути к тому, что для московских государей союз с церковью был необходим лишь до тех пор, пока он нужен был «в их борьбе за установление самодержавия».[119]

[113] *В. Б. Кобрин,* Рецензия на кн. А. А. Зимина, Опричнина Ивана Грозного: Вопросы истории, 1965,№ 12, 155.

[114] *А. А. Зимин,* Опричнина Ивана Грозного. Москва 1964, 361.

[115] *А. А. Зимин,* Земельная политика в годы опричнины, 79; *его же,* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). Москва 1964, 20, 23.

[116] *А. А. Зимин,* Опричнина Ивана Грозного, 361.

[117] Там же, 141.

[118] Там же, 148.

[119] Там же, 259.

По концепции А. А. Зимина, наряду с уже указанными выше факторами — князь В. Старицкий и воинствующая церковь, — третьим главным «форпостом феодальной раздробленности» был Новгород. По его мнению, Новгород для Ивана IV «представлял опасность и как крупный феодальный центр, и как союзник старицкого князя, и как потенциальный сторонник Литвы, и как крупнейшая цитадель сильной воинствующей церкви».[120]

Расправившись с ним согласно мнения А. А. Зимина, «опричнина Ивана Грозного выполнила свои основные задачи. Дальнейшее ее существование было лишено уже всякого исторического смысла».[121] Не случайно после этого, что окончательная оценка опричнины звучит так: «Вызванная коренными интересами широких кругов феодалов, эта борьба в какой-то мере отвечала потребностям горожан и крестьянства, страдавших от бесконечных междусобных распрей феодальной аристократии».[122] Следовательно, опричнина, по мнению А. А. Зимина, была направлена на преодоление препятствий, стоявших на пути централизации государства, она являлась орудием борьбы в руках широких кругов правящего класса (в этом отношении ее можно считать продолжением периода избранной рады), при этом опричнина в известной мере привлекла на свою сторону и народ, так что ее можно считать в основном прогрессивной. Далее А. А. Зимин делал несколько оговорок. Важнейшей из них была следующая: «Ее особенностью было то, что централизаторская политика проводилась в крайне архаичных формах, подчас под лозунгом возврата к старине. Так, ликвидация последних уделов правительство стремилось добиться путем создания нового государственного удела — опричнины».[123] Ниже А. А. Зимин, привнеся в свою оценку некоторую долю субъективности, подытоживает свое мнение об опричнине следующим образом: «Варварские, средневековые методы борьбы царя Ивана со своими политическими противниками, его безудержно жестокий характер накладывали на все мероприятия опричных лет зловещий отпечаток деспотизма и насилия».[124]

Такое понимание проблемы во многих случаях вызывает недоразумения. Несмотря на то, что А. А. Зимин считает важнейшие задачи опричнины решенными, он в то же время пишет о ее объективной неосуществимости, поскольку предполагает противоречие между «сущностью мероприятий» и их формой,[125] что в свою очередь объясняется историком отсталостью экономического базиса.[126] Вследствие этого неясно, что еще должна была выполнить опричнина и не выполнила, поскольку в этом ей мешали социально-экономические отношения эпохи. Но проблематичными можно назвать и те выводы А. А. Зимина, которые касаются задач, решенных опричниной. Исследователь подходит к опричнине в основном с точки зрения ее политической направленности, что, по-видимому, подтверждает мнение об опричнине как прежде всего политическом средстве в борьбе с раздробленностью. (Следующий вопрос: насколько силы, которые А. А. Зимин назвал «форпостами раздробленности», были таковыми в действительности? Во всяком случае, ка-

[120] Там же, 365.
[121] Там же, 430.
[122] Там же, 479.
[123] Там же.
[124] Там же.
[125] Там же, 307.
[126] Там же, 388.

жется, что если представить уделы в таком свете, то факторы, препятствовавшие централизации, потеряют конкретное социальное содержание). Можно опасаться, что благодаря интерпретациям, подобным той, которую предложил А. А. Зимин, образуется определенный разрыв между конкретным историческим описанием и его осмыслением. Дело в том, что из книги А. А. Зимина в итоге не ясно, насколько необходимой и прогрессивной была опричнина в данной, конкретно описанной ее форме, потребности каких социальных сил она должна была удовлетворить и против каких социальных сил она была направлена, и вообще: имела ли опричнина какую-либо социальную направленность, и, если имела, то реализовалась ли эта направленность неизменно в течение всего времени существования опричнины?

Быть может, сам жанр монографии обусловил то, что книга А. А. Зимина выделялась прежде всего своей описательной стороной. В свою очередь в вышедшем в свет в 1966 г. втором томе двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен» на первое место выдвинулась задача создания единой концепции.

Поскольку и в этой книге раздел об опричнине был написан А. А. Зиминым, в ней по существу была воспроизведена позиция, уже изложенная историком в его монографии и последней научно-популярной статье.[127] Однако, именно вследствие обобщающего характера «Истории СССР . . .», те положения А. А. Зимина, которые в предыдущих работах присутствовали завуалированно, теперь получили более определенную формулировку. Так, например, наряду с антиудельной направленностью опричнины, А. А. Зимин упоминает здесь и о противоречиях между боярами и дворянами, эти противоречия представляются ему объективно важнейшей причиной установления опричнины. Разделяло же эти две социальные группы, по заключавшему в себе серьезную опасность упрощения мнению А. А. Зимина, различие во взглядах по вопросу закрепощения крестьян.[128] В дальнейшем исследователь, верный своей концепции, выдвигает на первый план отношения между опричниной и уделами, высказывая при этом (опять же побуждаемый особенностью жанра книги) множество представляющихся категоричными утверждений. Так, например, едва ли оправдано отнести слова В. И. Ленина[129] к XVI в. («Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения»). Несколько необычно прозвучала в советской исторической науке 60-х годов и формулировка, согласно которой новгородский погром «необходимое условие» в «завершении борьбы с политической раздробленностью страны».[130]

Несмотря на подобные спорные положения, в разбираемой обобщающей работе больше положительных черт. Правда, в ее концепции не были учтены все достижения советской исторической науки, но в общем авторам книги удалось справиться с задачей опровержения многочисленных ошибочных оценок, содержавшихся в «Очерках истории СССР» и бытовавших в общественном мнении. Особенно чувствительный удар по традиционной концепции нанесла глава, написанная В. И. Корецким, где сказано между прочим,

[127] *См. А. А. Зимин,* Новое об опричнине: Наука и жизнь, 1964, № 1.

[128] История СССР с древнейших времен до наших дней, т. II (отв. ред. М. Н. Тихомиров). Москва 1966, 183.

[129] Там же, 191.

[130] Там же, 193.

следующее: «Власть Ивана Грозного приобрела черты деспотизма. Резкое усиление самодержавия было достигнуто искусственным, насильственным путем, требовало огромного напряжения сил страны и потому не могло быть длительным . . . Тяжелое наследство оставлял Иван IV своим преемникам: разоренную, закрепощаемую деревню и обезлюдевший город, пустую казну и вконец, оскудевшее воинство, беззаконие и произвол в судах и приказах, многочисленных врагов за рубежом и недовольство внутри страны, грозившее, как заметил один современник, разразиться всеобщим восстанием».[131]

В «Истории СССР» получила место определенная концепция опричнины, однако в советской исторической науке существовала и иная позиция, во многих отношениях расходившаяся с первой. Выше мы видели, что эта иная позиция дала о себе знать еще в 1961 г., а в 1965 г. был сделан новый шаг вперед; концепции А. А. Зимина, покоившейся во многом на фундаменте, заложенном С. Б. Веселовским, были противопоставлены дополнительные аргументы. В 1965 г. вышла в свет большая статья Р. Г. Скрынникова «Опричнина и последние удельные княжения на Руси», в которой подвергается тщательному анализу один из главных элементов упомянутой концепции. Прежде всего Р. Г. Скрынников обращается к А. А. Зимину с обоснованным вопросом: «Почему носителями традиций феодальной раздробленности в середине XVI в. выступает не княжеско-боярская знать, а московская церковь и одна из земель, в которой местное боярство было экспроприировано еще в XV в.?», и почему из удельных князей один лишь Старицкий «выступает как проводник удельной раздробленности и децентрализации?»[132] В дальнейшем автор статьи предлагает следующий методический подход при исследовании земельной политики опричнины: «Надо четко разграничить два различных вопроса: о территории опричнины и об отношении опричного правительства к крупному землевладению».[133] Ведь первой управляли главным образом потребности организации опричного войска, в то время как последнее было производной более сложных политических проблем.[134]

Далее Р. Г. Скрынников анализирует один за другим уделы, существовавшие во второй половине XVI в., и приходит к такому заключению: «Ни Грозный, ни его опричная дума никогда не выступали последовательными противниками крупнейшего удельно-княжеского землевладения».[135] Больше того, царь как раз щедро жаловал уделы, потому что «в момент острого столкновения с княжеско-боярской аристократией в годы опричнины правительство нуждалось в поддержке удельных владык».[136] На основании всего этого Р. Г. Скрынников считает, что опричная политика в отношении уделов носила «опосредствованный характер» в процессе превращения русской монархии в абсолютную.[137]

Статьи Р. Г. Скрынникова, в которых автор, опираясь на широкую источниковедческую базу, выступил со своей интерпретацией исторического значения опричнины, предвещали рождение новой, крупной монографии. Ее

[131] Там же, 214.
[132] *Р. Г. Скрынников,* Опричнина и последние удельные княжения на Руси: Исторические записки, т. 76. Москва 1965, 153.
[133] Там же, 154.
[134] Там же.
[135] Там же, 173.
[136] Там же, 174.
[137] Там же.

первая часть, «Начало опричнины», была опубликована в 1966 г. В 1969 г. за нею последовала вторая часть, «Опричный террор». Поскольку эти книги по существу тожественны докторской диссертации Р. Г. Скрынникова, историки даже несмотря на задержку выхода в свет второй части, могли познакомиться с важнейшими результатами Р. Г. Скрынникова и его взглядами уже в 1967 г. по автореферату его диссертации. В этом же году появилась его же статья «Самодержавие и опричнина», содержавшая концептуальное обобщение исследований историка. В этих работах Р. Г. Скрынников сделал попытку более полной разработки истории опричнины.

В своих указанных выше работах Р. Г. Скрынников занимался всеми существенными моментами истории опричнины, поэтому анализ его положений, относящихся к отдельным проблемам данной темы, мы вынуждены уступить авторам специальных историографических работ. В этой статье мы можем уделить внимание лишь общей концепции историка, которая помогла ему сделать принципиальные выводы. Уже в начале своей книги «Начало опричнины» Р. Г. Скрынников подверг скрупулезному анализу имеющиеся в наличии повествовательные источники, давая им во многих случаях иное, чем его предшественники, объяснение.[138] Важнейшим достижением историка стало то, что он практически заново открыл и впервые систематически рассмотрел две другие группы источников. Выше мы видели, что Р. Г. Скрынников еще за два года до издания работ С. Б. Веселовского об опричнине опубликовал результаты своих исследований, связанных с реконструкцией указа Грозного о казанской ссылке и с изучением казанских писцовых книг. Эти исследования позволили ему увеличить количество казанских ссыльных до 170—180 человек. Их число С. Б. Веселовский (из-за отрывочной публикации писцовых книг) определил в 58 человек. В книге «Начало опричнины» Р. Г. Скрынников напечатал составленные им на основании архивного материала списки лиц, сосланных в Казань, Свияжск и Чебоксары по указу Грозного в 1565 г.,[139] на основании чего пришел к концептуально новым выводам. То же самое произошло и при реконструкции Синодика опальных царя Ивана Грозного. Внимательный разбор этого источника, изученного до того времени лишь частично, и обнаружение в результате архивных поисков новых списков синодика дали возможность Р. Г. Скрынникову сформулировать новые положения относительно облика опричнины. Р. Г. Скрынникову, продолжавшему исследования С. Б. Веселовского и пришедшему в конце концов к совершенно иному результату, обязана советская историческая наука следующим результатом: «Список опальных царя Ивана Грозного принадлежит к категории зашифрованных источников.Но поскольку найден метод его разработки, этот, казалось бы, бедный содержанием и однообразный памятник превращается в один из основных источников по истории опричнины».[140]

Кропотливая источниковедческая работа дала Р. Г. Скрынникову право на создание новой концепции. Этому же способствовала и выбранная историком методологическая отправная точка, намеченная, собственно, В. И. Лениным (а еще раньше, В. О. Ключевским), определившими русское государство XVII в., как «самодержавие с Боярской думой и боярской аристо-

[138] Ср.: *Р. Г. Скрынников,* Начало опричнины. Ленинград 1966, 20—64.
[139] Там же, 413—417.
[140] *Р. Г. Скрынников,* Опричный террор. Ленинград 1969, 264—265.

кратией». Р. Г. Скрынников считал эти слова справедливыми и в отношении русского государства XVI в.[141] В то же время это мнение полностью подтверждалось конкретными исследованиями, в том числе и обширной вводной главой книги «Начало опричнины». Последняя, между прочим, послужила для историка средством изображения связи между Избранной радой и опричниной. Мнение Р. Г. Скрынникова о «политической слабости дворянства»[142] является одним из важнейших положений этой главы, ведь в дальнейшем оно дало ему возможность высказать новое по сравнению с традиционной точкой зрения мнение о преемственности между «периодом реформ» и опричниной, а также и о социальной базе опричнины.

Р. Г. Скрынников не отрицал многих элементов прежней, широко распространившейся концепции: «Опричный террор, ограничение компетенции боярской думы, включение служилых дворян и дьяков в состав думы, расширение роли и значения дворянской служилой бюрократии и, наконец, земский собор в годы опричнины бесспорно способствовали ослаблению политического влияния боярской аристократии и укреплению централизованной монархии, развивавшейся в направлении к абсолютизму».[143] Здесь следовательно, Р. Г. Скрынников и сам рассматривает опричнину, как исторический этап развития централизованного государства, и как таковая, опричнина по его мнению была направлена против главного препятствия на пути централизации, а именно боярской аристократии.

При этом заслуга Р. Г. Скрынникова состояла в том, что он не довольствовался этим общим утверждением, не видел в боярстве единый лагерь противников централизации, а сделал попытку полной реконструкции политической борьбы, предшествовавшей установлению опричнины, показал различного характера отношения к центральной власти разных боярских группировок, принявших участие в этой борьбе. Такой подход позволил достичь двух важных результатов. С одной стороны, ему удалось показать, что в первые 5—6 лет опричнины главной политической опорой являлось старое московское боярство и дворянство, к тому же лишь незначительная часть последнего,[144] что логично проистекало из относительного бессилия дворянства, о котором говорилось выше, а также из традиционно сильных позиций боярства в жизни общества. В свете этого можно принять вывод Р. Г. Скрынникова, согласно которому результаты опричнины уже априори должны были быть половинчатыми и не способными изменить формулы русского государства: «самодержавие с боярской думой и боярской аристократией».[145]

Опричнина не могла изменить эту формулу уже потому, — следует из концепции Р. Г. Скрынникова — что подрыв позиций боярства как сознательная политическая программа характеризовала опричнину лишь в год ее создания. Эта мысль Р. Г. Скрынникова в особенно четкой формулировке содержится в последней, вышедшей в 1975 г., книге трилогии об опричнине: «Как мера антикняжеская опричнина просуществовала не более года. В 1566—72 гг. опричные репрессии всей своей тяжестью обрушились на

[141] *Р. Г. Скрынников,* Опричнина Ивана Грозного (Автореферат). Ленинград 1967, 35.
[142] *Р. Г. Скрынников,* Начало опричнины, 125.
[143] *Р. Г. Скрынников,* Опричнина Ивана Грозного, 41.
[144] *Р. Г. Скрынников,* Иван Грозный. Москва 1975, 191.
[145] *Р. Г. Скрынников,* Опричный террор, 248; *его же,* Иван Грозный, 192.

старомосковское боярство, высшую приказную бюрократию, отчасти дворянство и духовенство, т. е. те социальные слои, которые издавна служили наиболее прочной опорой монархии».[146] В интерпретации Р. Г. Скрынникова, следовательно, опричнина может быть разделена на два, резко отличающихся друг от друга этапа. В своей популярной обобщающей книге историк с выразительной силой, достойной В. О. Ключевского и С. Б. Веселовского, пишет, что между 1567 и 1570 гг. «стержнем политической истории опричнины стал чудовищный процесс над сторонниками двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича, завершившийся разгромом Новгорода. Причиной террора явился не столько пресловутый новгородский сепаратизм, сколько стремление правителей, утративших поддержку правящих группировок господствующего класса, любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массового террора, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел совершенно непомерное влияние на политическую структуру государства. В конце концов адская машина террора ускользнула из-под контроля ее творцов».[147] К этому выводу Р. Г. Скрынникова подвела прежде всего реконструкция Синодика опальных Ивана Грозного. В результате нового подхода к этому источнику на первый взгляд независимые друг от друга события указанного периода (напр. выступление митрополита Филиппа) расположились в тесной зависимости друг от друга: все они стали этапами «чудовищного процесса».

Что следует из этого деления опричнины на два периода? Отчасти то, что «бесчинства опричников были беспрецедентными и не имели оправданий»,[148] иначе говоря, главная историческая заслуга бóльшего этапа существования опричнины сводилась к тому, что погромы «не могли изменить основных тенденций политического развития, отчетливо обнаружившихся в период реформ Избранной рады».[149] В таком толковании опричнина представляется концом политической линии (содействие централизации) предшествовавшего ей периода, ибо террор обернулся острием против социальных групп, составлявших естественную базу централизованного государства,[150] а с другой стороны, разделила его надвое, ведь «опричнина стала своеобразным государством в государстве или, точнее, государством над государством».[151]

Несмотря на перечисленные выше «объективные» результаты опричнины, крайне проблематичным кажется вопрос об ее исторической целесообразности. Выяснилось, что в течение бóльшего времени существования опричнины характерный для нее террор «был полной бессмыслицей»,[152] и это имело самые тяжелые последствия для государства. Р. Г. Скрынников не сомневается в политическом смысле самой опричнины, рассматривая ее как «своего рода верхушечный переворот, имевший целью утвердить принципы неограниченного правления»[153] и объясняя рациональными причинами даже то, как эта мера обернулась (неизбежно д о л ж н а б ы л а обернуться)

[146] *Р. Г. Скрынников,* Россия после опричнины. Ленинград 1975, 7.
[147] *Р. Г. Скрынников,* Иван Грозный, 191.
[148] Там же, 195.
[149] *Р. Г. Скрынников,* Опричный террор, 247—248.
[150] *Р. Г. Скрынников,* Начало опричнины, 412.
[151] Там же, 270.
[152] *Р. Г. Скрынников,* Иван Грозный, 191.
[153] Там же, 192.

против самой себя (прежде всего из-за потери своей социальной базы). Однако в свете исследований историка существенное значение получает его утверждение, что «опричнина никогда не была последовательной политикой с едиными принципами, неизменными на протяжении всего ее существования».[154] Исследования Р. Г. Скрынникова убедительно доказали, что опричнина обладала объективным политическим смыслом в год своего создания; также можно считать доказанным, что в дальнейшем этот смысл был потерян, поэтому по-прежнему проблематично, в каком смысле был «период опричнины ... важным этапом в процессе длительного исторического развития от феодальной раздробленности к абсолютной монархии».[155]

Представляется справедливой постановка вопроса одного из критиков Р. Г. Скрынникова, В. В. Дорошенко: почему опричнина «бесспорно» «вела к укреплению централизованной монархии?»[156] Однако нельзя согласиться с мнением, что Р. Г. Скрынников якобы вернулся «в целом к традиционному взгляду на опричнину как антикняжескую политику» (С. М. Каштанов).[57] Едва ли правомерно утверждать, что Р. Г. Скрынников «вернулся» к линии Платонова—Садикова. Всё, сказанное нами выше служит подтверждением не этого. Речь идет скорее о том, что Р. Г. Скрынников принял и развил те результаты двух основных концепций, которые выдержали проверку временем, а в результате этого у него родилась новая, третья, оригинальная концепция.

В этой последней, конечно, имеются и проблематичные пункты. Выше мы касались того, что, по нашему мнению, в ней недостаточно однозначно определено отношение между опричниной и централизацией. С этим тесно связан и следующий вопрос: в какой степени можно считать могущественную боярскую аристократию носителем пережитков феодальной раздробленности. Возможно, дело просто в том, что боярство являлось противником неограниченной самодержавной монархии? В этом случае возникает общий, оценочный вопрос: в каком смысле можно назвать прогрессивной неограниченную самодержавную монархию и регрессивными борющиеся против нее силы? Конкретно: можно ли назвать то же самое историческое явление в 1565 г. прогрессивным, а в 1566 г. регрессивным, если очевидно, что происшедшая с ним перемена не случайна?

3. *Изыскания продолжаются*

В 1960-х гг. советские историки достигли значительных результатов в изучении опричнины. Благодаря этому изученность этого важного периода русской истории перестала быть «иллюзией». Однако две большие монографии, появившиеся в 60-е гг., концептуально исключали друг друга, и это вызвало необходимость унификации оценочных критериев.

В этом отношении особого внимания заслуживает дискуссионная статья А. Л. Шапиро о русском абсолютизме, напечатанная в 1968 г. В этой статье

[154] *Р. Г. Скрынников,* Опричнина Ивана Грозного, 21.

[155] *Р. Г. Скрынников,* Самодержавие и опричнина. В сб.: Внутренняя политика царизма (середина XVI—начало XX в.). Ленинград 1967, 71.

[156] *В. В. Дорошенко, З. К. Янель,* Заметки о новой литературе по истории феодальной России: История СССР, 1968, № 5, 159.

[157] *С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман,* Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX века: История СССР, 1967, № 5, 169.

А. Л. Шапиро уделено значительное место и проблеме опричнине как мероприятию, ставшему решительным шагом на начавшемся в эпоху Ивана III пути к установлению самодержавной монархии. В этом отношении автор все же подчеркивает разницу между периодом правления Избранной рады, за время которого «в России была несамодержавная монархия с Боярской думой и сословно-представительными учреждениями»,[158] и периодом опричнины, которая была «спазматическим самодержавием, проявившимся резко, но непоследовательно».[159] Но поскольку «из трех китов самодержавия — армии, бюрократии и полиции — Грозный вместе с отрядами преторианцев использовал в качестве своей опоры прежде всего политический гнет», это обстоятельство «помешало самодержавию прочно утвердиться в то время на Руси».[160]

А. Л. Шапиро считает, что связанные с именами А. А. Зимина и Р. Г. Скрынникова «новейшие попытки расценить опричнину как удар по тенденциям к феодальной раздробленности исследователями взаимно опровергнуты».[161] На этом основании историк чувствует себя вправе отрицать положительное значение опричнины в укреплении централизации, поскольку «опричный террор способствовал разорению страны, усилил тяжелое запустение главных жизненных центров страны и содействовал поражению России в Ливонской войне».[162] Но прежде всего опричнина должна получить отрицательную оценку по сравнению с правлением Избранной рады потому, что «русское самодержавие пришло в опричные времена на смену монархии с менее произвольным ... режимом. И шаг от него к самодержавию никак нельзя признать шагом вперед».[163]

А. Л. Шапиро впервые сделал критерием оценки не цели опричнины, с трудом поддающиеся реконструкции, якобы «объективно прогрессивные», а ее отрицательные исторические последствия. Помимо того, что тем самым историк прибавил к двум оспариваемым им концепциям третью, свою (согласно которой опричнина не имела никакого исторического значения), он вместе с тем придал и концептуальное обрамление тем конкретным исследованиям, в центре которых находятся «результаты», исторические последствия опричнины.

Множество конкретных данных о социальных последствиях опричнины, добытых в результате обработке большого количества архивных материалов, содержит появившаяся в 1966 г. монография Ю. Г. Алексеева «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.». И хотя автор поставил в фокус своего исследования только Переяславский уезд, сделанные им выводы во многих отношениях могут быть распространены на всю Северо-Восточную Русь. Один из важнейших среди этих выводов касается черных волостей: «Если на протяжении XV в. черная волость была одним из основных элементов аграрного и социального строя, а в середине XVI в. сохранялась во многих частях уезда, то десятилетия правления Ивана IV

[158] *А. Л. Шапиро,* Об абсолютизме в России: История СССР, 1968, № 5, 73.
[159] Там же.
[160] Там же, 74.
[161] Там же, 79.
[162] Там же.
[163] Там же, 80.

оказались для него роковыми,[164] поскольку эти земли раздавались феодалам». Другой важный вывод автора, сделанный им на основании актового материала, указывает на рост монастырского землевладения за счет землевладения светского, что свидетельствует «о серьезных потрясениях всей традиционной системы феодального землевладения в уезде. При этом рядовой феодал страдает под ударами опричной политики не меньше, чем боярин, а может быть, и больше, будучи экономически более слабым».[165] Важнейшим теоретическим последствием этих исследований было то, что после них уже вряд ли можно было интерпретировать опричнину как союз народа и средних слоев правящего класса, поскольку в свете новых данных эти последние не могли быть социальной базой этого исторического явления.

Во многом сходные с этим заключения можно сделать и на основании монографии Н. Е. Носова (1969 г.), в которой на опричнину возлагается еще и ответственность за пересечение якобы прогрессивного развития страны: «Распадение же волости в результате расхищения и захвата ее земель, а также попадание определенных групп волощан в имущественную и личную зависимость от соседних феодалов подрывали устои волостного крестьянского мира, лишали волостных богатеев их основной опоры, а следовательно, закрывали пути для обуржуазивания крестьянства в целом, что и произошло в центральных районах Северо-Восточной Руси в XVI в., во время и после опричнины Ивана Грозного».[166]

Спустя менее чем десять лет авторы книги историографического значения «Аграрная история Северо-Запада России XVI века», созданной под руководством А. Л. Шапиро, подвергли анализу социально-экономические отношения другой важной территории Русского государства. И хотя составители этого издания уделили особое внимание комплексному исследованию причин экономического, социального, политического, военного и династического кризиса, обозначавшегося к концу правления Ивана IV, они не скрывали, что одной из причин опустошения была опричнина.[167]

В указанных выше монографиях подчеркивались прежде всего отрицательные стороны опричнины. Поэтому субъективно понятно, что снова дало о себе знать стоящее вне исторической науки направление, коренящееся в деятельности психиатров конца XIX в. В 1965 г. доктор медицинских наук А. Личко выразил мнение, согласно «несомненно, что психическое заболевание Ивана Грозного сыграло свою роль в истории».[168] То, что снова стало уделяться внимание исторической личности, оказавшей влияние на ход событий, несомненно заслуживает положительной оценки, но едва ли можно проверить в возможность диагностирования болезни примерно четырехсотлетней давности. Приведенное выше утверждение с исторической точки зрения приходится считать поэтому недостаточно обоснованным. Намного перспективней в разбираемый период кажется деятельность историков литературы, строивших свои выводы относительно психической лабильности Ивана IV

[164] *Ю. Г. Алексеев*, Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., Переяславский уезд. Москва—Ленинград 1966, 184—185.

[165] Там же, 198.

[166] *Н. Е. Носов*, Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Ленинград 1969, 283.

[167] Аграрная история Северо-Запада России XVI века (руководитель авторского коллектива *А. Л. Шапиро*). Ленинград 1978, 198.

[168] Ср.: *А. Лично*, Глазами психиатра: Наука и религия, 1965, № 11, 43.

на приписываемых ему произведениях, на своеобразии их индивидуального стиля. В этой связи Д. С. Лихачев, например, выделяет «своеобразное скоморошество Грозного»,[169] и указывает, что «Грозный страдал страхом смерти и страхом преследования».[170] Подобного же мнения придерживается и Я. С. Лурье, отмечая, что «Иван IV был одной из наиболее страшных фигур в истории России».[171]

Но было бы ошибкой думать, что только историки литературы подчеркивают влияние личности царя на ход исторических событий. А. М. Сахаров, например, в своем учебном пособии (1969 г.), пытаясь — между прочим в силу обобщающего характера работы — примирить противоположные концепции опричнины,[172] говорит с доселе беспримерной в советской историографии однозначностью о роли характера царя в борьбе за укрепление самодержавия.[173] В то же время он считает важным добавить, что «гнев Ивана Грозного был проявлением не только его ненормальной жестокости, но и определенных политических тенденций».[174] Однако произведение А. М. Сахарова выделяется из других работ, написанных в это время, не только тем, что в нем открыто обсуждается патологическая психика царя, но и тем, что А. М. Сахаров приписывает опричнине двойную цель: «Опричнина была направлена против пережитков феодальной раздробленности и против антифеодальных выступлений народа». В то же время, продолжает автор, она была заранее обречена на провал, поскольку противоречила экономическому базису.[175]

Примерно десять лет спустя А. М. Сахаров несколько видоизменил свое мнение и сделал шаг вперед по пути приведения к общему знаменателю концепций А. А. Зимина и Р. Г. Скрынникова, приписав опричнине, между прочим, выступление против социального слоя, определенного туманным термином «знать».[176] Кроме этого, он еще сильнее подчеркнул значение потребностей, связанных с ведением Ливонской войны, и в соответствии с этим нарисовал более положительную картину опричнины.[177]

Несколько эклектичный характер данного выше обзора указывает на то, что для раскрытия «тайны» опричнины были нужны дальнейшие исследования. В 1970-х гг. они шли в нескольких направлениях. Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков осуществили важное начинание, критическое издание переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским. Ю. Д. Рыков обобщил дискуссию,[178] которую начал Р. Г. Скрынников, выступив в 1973 г. против

[169] *Д. С. Лихачев,* Лицедейство Грозного. В кн.: *Д. С. Лихачев, А. М. Панченко,* «Смеховой мир» Древней Руси. Ленинград 1976, 38.

[170] *Д. С. Лихачев,* Великое наследие. Москва 1975, 286.

[171] История русской литературы X—XVII веков (под ред. *Д. С. Лихачева*). Москва 1980, 322.

[172] *А. М. Сахаров,* Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. Москва 1969, 105—106.

[173] Там же, 104—105.

[174] Там же, 108.

[175] Там же, 110.

[176] *А. М. Сахаров,* Россия и ее культура в XVI веке. В кн.: Очерки русской культуры XVI века, с. 1 (Под ред. А. В. Арциховского). Москва 1977, 30.

[177] Там же, 34.

[178] *Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков,* Археологический обзор. В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Крубским (отв. ред. *Д. С. Лихачев*). Ленинград 1979, 251—257.

концепции Э. Кинана,[179] который, как известно, оспаривал датировку переписки XVI веком. Уже из сказанного видно, что эта дискуссия мобилизовала значительные силы в советском источниковедении. Целый ряд ученых пытался прояснить с различных точек зрения оставшиеся в тени вопросы, и им удалось совместными усилиями доказать гипотетический характер конструкции.

В последнее время снова стали появляться работы, которые освещали противоречивый характер опричнины с точки зрения судеб централизации. Так, например, С. М. Каштанов в связи с финансовой политикой опричнины пришел к выводу, что «тенденция централизации финансов уступали место тенденциям их децентрализации».[180] Г. В. Абрамович отметил полную безрезультатность поместной политики и, в тесной связи с ней, стремительное ухудшение мобилизационных возможностей.[181] А. А. Зимин же с помощью местнических дел из описи Царского архива осветил время складывания опричнины и снова подчеркнул продуманный характер опричной «реформы».[182]

В 1970-х гг. несколько исследователей занималось проблемой, выходящей, строго говоря, за пределы нашей темы, а именно: «вторым изданием опричнины», ее «частичным восстановлением», иначе говоря, кратковременным правлением Симеона Бекбулатовича.[183] Но ни один из названных авторов не сомневался в том, что в 1572—73 гг. опричнина прекратила свое существование. В свете этого приобретает особое значение защищенная в 1983 г. докторская диссертация Д. Н. Альшица, возродившая одно из прежних направлений исторической науки. Поскольку мы сумели познакомиться лишь с авторефератом диссертации, нам придется ограничиться несколькими замечаниями. Основное положение Д. Н. Альшица сводится к тому, что «возникновение самодержавного строя теснейшим образом связано с учреждением опричнины».[184] Такой подход несколько напоминает использованное И. И. Полосиным, широкое понятие опричнины, поскольку опричнина в данном случае отождествляется вообще с неограниченным правлением. Однако такой подход таит в себе множество опасностей, прежде всего опасность потери исторической перспективы, так как четко ограниченная во времени и пространстве историческая проблема лишается своей конкретности и переносится в сфере абстрактных обобщений. Таким способом на основании поверхностных совпадений можно легко выявить аналогии, генетические связи.

Что же касается самой конкретной проблемы, то написанное о ней Д. Н. Альшицем во многих случаях кажется довольно проблематичным.

[179] Ср.: *Р. Г. Скрынников,* Переписка Грозного и Курбского, Парадоксы Эдварда Кинана. Ленинград 1973.

[180] *С. М. Каштанов,* Финансовая политика периода опричины. В сб.: Россия на путях централизации. Москва 1982, 89.

[181] *Г. В. Абрамович,* Дворянское войско в царствование Ивана Грозного. В сб.: Россия на путях централизации, 191—192.

[182] *А. А. Зимин,* Государственный архив и учреждение опричнины. В сб.: Общество и государство феодальной России. Москва 1975, 304.

[183] Ср.: *В. И. Корецкий,* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины: Вопросы истории, 1976, № 5; *А. А. Зимин,* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. (Из истории Татарии, Сб. IV): Ученые записки Казанского гос. педагогисчекого института, 1970, вып. 80; *Р. Г. Скрынников,* Россия после опричнины. Ленинград 1975, 5—39.

[184] *Д. Н. Альшиц,* Опричнина и формирование аппарата власти самодержавия (автореф. дис. доктора ист. наук). Ленинград 1982, 3.

Прежде всего здесь нужно упомянуть то, что историк считает опричнину фатально неизбежной и видит в опричной форме единовластия нечто логично вытекающее из прежнего социально-экономического развития страны.[185] В то же время, как это ни странно, когда заходит речь о социальной базе опричнины, почти все слои общества оказываются в оппозиции.[186] Естественно возникает вопрос: каково же социальное содержание опричнины? Д. Н. Альшиц отвечает, что намного большую важность имеют вооруженные отряды и аппарат власти.[187] Но если этот вид единовластия был настолько лишен социальной поддержки, трудно понять, как он мог стать следствием всего предшествовавшего развития, а главное, как он мог так долго существовать? К тому же оценка Д. Н. Альшица неоднозначна: на основании того, что он выводит самодержавие, сохранившееся до 1917 г., из опричнины (между прочим, при такой аргументации его начало можно было датировать эпохой Ивана III, а то и возвратиться к княжению Андрея Боголюбского), нельзя понять, плюс это или минус с точки зрения оценки опричнины?

В значительной мере против некоторых «традиционных» представлений была направлена и недавно защищенная диссертация В. Б. Кобрина «Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV—XVI веков». Она имела определенное значение с точки зрения интересующей нас проблематики, ибо значительная часть ее посвящена земельной политике при опричнине. Нам нельзя не согласиться с исходной позицией автора: «крупные феодалы в меньшей степени, чем мелкие, были заинтересованы в единстве страны и в ее централизации», а далее: «концепция борьбы боярства против централизации вступает в противоречие с логикой».[188] Однако ряд положений В. Б. Кобрина, конкретизирующих процитированное высказывание, представляется нам спорным. Так, например, мнение о практическом отождествлении поместья и вотчины в данный период,[189] его скепсис в связи с массовыми опричнинами выселениями,[190] отрицание им перелома во время опричнины княжеского землевладения,[191] все это нуждается по крайней мере в дальнейших доказательствах. К тому же в доказательствах корректных, точно таких, каких требует В. Б. Кобрин от некоторых других историков.[192]

В статье «О некоторых нерешенных проблемах отечественной истории», вышедшей в свет в 1975 г., Л. В. Черепнин, исходя из наличия во многом исключающих друг от друга новейших концепций опричнины, сделал следующий вывод: «В целом вопрос об опричнине пока не может считаться решенным, ибо не до конца обследованы источники, не полностью устранены все неясности».[193] Следует согласиться с той частью мнения Л. В. Черепнина, которая побуждает к дальнейшим исследованиям, однако работы об оприч-

[185] Там же, 15.
[186] Там же, 18, 19, 20.
[187] Там же, 24.
[188] *В. Б. Кобрин,* Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV—XVI веков (автореф. дис. на соискание уч. ст. доктора наук). Ленинград 1983, 8.
[189] Там же, 25.
[190] Там же, 30.
[191] Там же, 31.
[192] Там же, 30.
[193] *Л. В. Черепин,* О некоторых нерешенных проблемах отечественной истории. В кн.: Вопросы методологии исторического исследования. Москва 1981, 268.

нине, вышедшие в 1960—1970-х годах, заслуживают более положительной оценки, чем та, которую им дает Л. В. Черепнин.

Ниже мы перечислим некоторые из решений и результатов советской историографии последнего времени. Представляется бесспорным, что опричнина

1) прервала реформы середины XVI в.,

2) объективно являлась выражением противоречия между аристократией и принципом неограниченного единовластия, хотя субъективно причины столкновения не ясны;

3) существовала связь между опричниной и потребностями Ливонской войны, а также обеспечением безопасности царя и его семьи,

4) однако ни в момент своего возникновения, ни, тем более, позже опричнина не регулировалась единой политической концепцией, целью, единым принципом,

5) в ее функционировании за всё время ее существования большое значение имела личность царя,

6) в сложившейся форме опричнина содержала в себе глубоко архаичное начало, неотъемлемым элементом которого являлось применение необоснованно крайних средств,

7) с помощью этих средств были резко ослаблены экономические, социальные и политические позиции аристократии,

8) однако не меньше пострадала и та часть правящего класса, которая следовала по чину за боярством, а также народ, в том числе и крестьянство,

9) в результате этого опричнина покоилась на резко сузившемся, позже практически исчезнувшем социальном фундаменте, недостаточность которого должен был возместить бессмысленный террор,

10) последний, однако, стал одной из причин экономического, социального, политического, военного и династического кризиса, сложившегося ко времени смерти Ивана IV,

11) следовательно, в итоге опричнина принесла гораздо больше вреда, чем пользы.

Нам кажется, что перечисленные выше результаты имеют огромное значение, достойно завершают продолжительный период изучения проблемы. И не только потому, что прояснено главное содержание одного из сложнейших периодов русской истории (этого тоже нельзя недооценивать), но и потому, что тем самым в новой перспективе видится вся проблематика централизации, самодержавия, абсолютизма, получен импульс для дальнейшего изучения этой проблематики. Перед нами хороший пример того, как исследование эпохи (реформ 1550-х годов и опричнины) освободилось от накопившегося в течение столетий балласта.

CRITICA ET BIBLIOGRAPHIA

Vincent Blanár, **Lexikálno-sémantická rekonštrukcia.** Veda, Bratislava 1984, 214 S.

Vincent Blanár ist ein vielseitiger Sprachwissenschaftler. Er beschäftigt sich unter anderem mit onomatischen Fragen, mit der Entwicklung der slowakischen Literatursprache, mit sprachgeschichtlichen, lexikologischen, lexikographischen und semantischen Problemen. Die vorliegende Arbeit ist die Zusammenfassung mehrerer früherer Artikel zur Thematik der Semantik, die Synthese seiner Forschungen in dieser Richtung.

Der Autor stellt im Vorwort (S. 5—9) fest, im 20. Jh. sei die komplexe Erforschung des Wortschatzes in den Vordergrund gerückt. Wir können dem hinzufügen, daß in den vergangenen zwei Jahrzehnten das Interesse für die Fragen der Semantik besonders zugenommen hat, was übrigens auch die Monographie von Blanár dokumentiert. Dieses Forschungsgebiet ist sowohl horizontal als auch vertikal verzweigt, deshalb geht Blanár davon aus, daß es vor der zusammenfassenden Systematisierung der Frage zweckmäßiger ist, die Analyse jeweils eines kleineren Bedeutungskreises, einer lexikalisch-semantischen Teileinheit durchzuführen, und aus den auf diese Weise erhaltenen Ergebnissen kann man dann verallgemeinern. Die Analyse einer solchen Teileinheit unternimmt er in seiner jetzt veröffentlichten Arbeit, in der er unter Benutzung dialektaler und anderer slawischer sprachlicher Entsprechungen ein bestimmtes Material der slowakischen Sprache aus der Zeit vor ihrer Kodifizierung untersucht.

Nach einer komplexen Analyse strebend, vertritt er richtig den Standpunkt, daß die lexikalischen Einheiten nicht isoliert, sondern in ihren Zusammenhängen untersucht werden müssen, dabei den semasiologischen und den onomasiologischen Standpunkt kombinierend. Dabei ist auch noch die ontologische und die gnoseologische Seite der untersuchten Erscheinung zu unterscheiden. Dementsprechend beschäftigt sich der Autor zunächst mit der Analyse der lexikalischen Bedeutung, des semantischen Aufbaus der gegebenen lexikalen Einheit unter ontologischem Gesichtspunkt sowie mit den Grundprinzipien der Organisation des Wortschatzes innerhalb des sprachlichen Systems, dann mit den Prinzipien der wissenschaftlichen Erkenntnis der lexikalen Bedeutung, der lexikalen Einheit, der Organisation der lexikalen Teileinheiten des Wortschatzes, mit methodischen Verfahren.

Vicent Blanár behandelt unter Anwendung der Dezimaleinteilung in den Punkten 1. — 1.9.2. die Bedeutungsstruktur der lexikalen Einheit und die prinzipiellen Fragen der lexikalisch-semantischen Teileinheiten (S.13—60, dazu die Anmerkungen auf Seite 60—70). Er faßt kurz die bisherigen Forschungsergebnisse zusammen (die Verbindung zwischen Widerspiegelung und lexikaler Bedeutung im Perzeptions- und Kommunikationsprozeß, das sprachliche Zeichen und sein bilateraler Charakter, seine Strukturelemente und ihre Anordnung), und erachtete es dann für die Eingrenzung des Status der lexikalischen Bedeutung für notwendig, die pragmatischen Verhältnisse der lexikalischen Einheit innerhalb des Systems beziehungsweise seine syntagmatischen Beziehungen innerhalb der Sprache zu untersuchen.

Besondere Aufmerksamkeit widmet er den zwei Seiten des sprachlichen Zeichens (bezeichnendes und bezeichnetes), dem Charakter und der Typologie der semantischen Kennzeichen, der sprachlichen Formung des Bewußtseinsinhaltes in der Oberflächenstruktur, der lexikalischen Bedeutung und ihrer Dynamik in der Sprache und im Sprechen usw. Letzteres ist ebenfalls eine zusammengesetzte Erscheinung, hierauf deuten auch unter anderem die Begriffs- und Deutungsunterschiede hin, von denen ausgehend Blanár die denotativen, signifikanten, strukturellen, paradigmatischen und wortbildenden Typen der lexikalischen Bedeutung erwähnt.

Die Wortbedeutung erfordert heute die Behandlung der Semem als des kleinsten Mikrosystems, die Vorstellung seiner Komponenten und seines strukturellen Aufbaus, das der Autor auch kurz unternimmt.

Vincent Blanár hält zu Recht die eingehende Analyse der lexikalisch-semantischen Teilsysteme auch weiterhin für eine aktuelle Aufgabe, das heißt die Beleuchtung solcher sprachlicher Elemente des Wortschatzes und ihrer Stellung im System, deren Verbindung mit der Wirklichkeit in ihrer onomatologischen Struktur zum Ausdruck kommt. In den Vordergrund können auch die sogenannten außersprachlichen spezifischen (individuellen) semantischen Kennzeichen gelangen, die dann auch in dialektalgeographischer Hinsicht wichtig sein können. Als Beispiel erwähnt er die Konstrution *čierne víno — červené víno*, auf Grund der — nach seiner Erfassung — manche Lösungen der süd-, mittel- und ostslowakischen Sprachgebiete ins balkanische Areal gehören (S. 52—55). Sicherlich wäre das Bild vollkommener geworden, wenn er bei den Vergleichen auch die ungarischen Entsprechungen beachtet hätte.

Was die Frage der außersprachlichen Züge anbetrifft, so stimmt der Autor mit jenen Forschern überein, nach deren Ansicht diese nicht von den sprachlichen Faktoren zu trennen sind und legt diese These auch etwas ausführlicher dar (56—57).

In den Punkten 2. — 2.6.3. legt er die Grundprinzipien der Erkenntnis der lexikalischen Einheit und der semantischen Struktur des Teilsystems dar (S. 71—112, hierzu die Anmerkungen 113—116). An dieser Stelle ist in erster Linie das Verhältnis der lexikalischen Einheit zu der benannten Wirklichkeit zu betonen, ihre Verbindung mit dem Bewußtsein des Kommunizierenden, ihre Einreihung in ein paradigmatisches Verhältnis mit anderen lexikalischen Einheiten auf der gleichen Ebene, und zwar in diachroner und synchroner Hinsicht gleichermaßen, die Einreihung der lexikalischen Einheit in morphematische, syntagmatische und größere Einheiten.

In Blanárs Formulierung ist es das Ziel der auf ein bestimmtes Segment des Wortschatzes gerichteten komplexen semantischen Analyse, das Teilsystem und dessen Struktur zu beschreiben, die Bedeutungsstruktur der lexikalischen Einheiten darzulegen, die einzelnen Sememe abzugrenzen, die Hierarchie der semantischen Kennzeichen aufzustellen und die Stellung der lexikalischen Einheit im gegebenen Teilsystem festzustellen. All das ist mit dem Faktor von Zeit und Raum zu verbinden. Die Verwirklichung geschieht im Hinblick auf die einander ergänzenden Typen und Methoden der Analyse auf unterschiedliche Weise. Das heißt jede so geartete Aufgabe ist nur durch vielseitige Untersuchung lösbar, in deren Verlauf man dem Vergleich des vergangenen und des heutigen Sprachzustandes ebenso einen Platz einräumen muß wie der Erfassung der sprachgeographischen und arealen Erscheinungen.

Vicent Blanár ist tatsächlich bestrebt, seine semantischen Untersuchungen entsprechend den festgesetzten Prinzipien durchzuführen, und dieses komplexe Verfahren nennt er lexikalisch-semantische Rekonstruktion (S. 72). Seine abwechslungsreichen Analyselösungen zeigt er an einigen konkreten Beispielen, vergleiche *šinter, maškrtník, huncút, figliar, holomok, šarha, ras, šelma, šibal, beštia, paskuda, kolesár, hájiť, stáť* usw. Zeitlich und räumlich versucht er die Entwicklung der Bedeutungsstruktur der Lexeme und

die einzelnen Bedeutungen möglichst genau zu bestimmen. Auf diese Weise erhält der Leser in der Regel schöne und überzeugende semantische Analysen. Gerade deshalb können wir es bedauern, daß das eine oder andere der aufgezählten Grundprinzipien nicht immer in ausreichendem Maße in den Vordergrund tritt. Zum Beispiel hat er den ungarischen Bezügen nicht genügend Aufmerksamkeit geschenkt, dabei zwingt das Material manchmal eigentlich hierzu. So stellt er bei der Bedeutungsentwicklung von *huncút* eine slowakisch - ungarisch-kajkarische Übereinstimmung fest, sieht dies aber in allen drei Sprachen als selbständige Entwicklung an (106). Er ist aber beinahe sicher, daß dies nicht so ist, sondern das ung. *huncut* in der untersuchten Bedeutung und Form sowohl in das Kroatische (s. HadrUng 267) als auch in das Slowakische gelangte. Die Formvariante *huncfut*, *huncvut* (94) des slowakischen Wortes stammt aber unmittelbar aus dem Deutschen — vgl. hierzu auch das alte ung. *huncfut*. Wie auch die Form plur. nom. *huncutky* der slowakischen Volks- und Gemeinsprache 'kurze in die Stirn und in den Nacken hängende Tolle, Haarlocke' eher die Übernahme des im Ungarischen entstandenen *huncutka* 'dass.' (vgl. SzófSz 128; TESz II, 167) sein dürfte und nicht umgekehrt, wie dies Blanár annimmt (S. 106).

In Punkt 3. — 3.7.3. gibt der Autor die semantische Analyse der keine geschlossene Gruppe bildenden lexikalischen Einheiten (S. 117—166). Anders formuliert: in diesem Kapitel untersucht er die Bedeutungsentwicklung einiger aus einem, zumeist aber aus mehreren Sememen bestehender lexikalischer Elemente der slowakischen Kultursprache, die inhaltlich oder formal beziehungsweise in beiderlei Hinsicht einander nahe stehen. Im wesentlichen handelt es sich einerseits um die zum Bedeutungskreis 'Unzufriedenheit, Klage' und andererseits zum Bedeutungskreis 'Bewegung' gehörenden Lexeme. In der ersten Gruppe wurden *ponosovať sa*, *sťažovať si*[1], *sťažovať si*[2], *sťažovať sa*[1], *sťažovať sa*[2], *túžiť (sa)*, *žalovať (sa)* und ihre Ableitungen analysiert (S. 119—147), während in der zweiten *obrátiť sa*, *uchýliť sa*, *utiecť sa* und einige ihrer Ableitungen (S. 147—166).

Die komplexe Methode der Analyse ermöglicht die genauere Festlegung der Bedeutung der untersuchten Lexeme, die nuancierte Erfassung ihres Verhältnisses zueinander nicht nur vom synchronen Gesichtspunkt, sondern in gewissen Maße auch hinsichtlich des vergangenen Sprachzustandes. Im Laufe seiner Analysen betrachtet der Autor es als sein Grundprinzip, daß der Text im Mittelpunkt stehen muß, und dem kann ich nur zustimmen. Die wenigen vorhandenen Lücken des slowakischen sprachgeschichtlichen Materials können aber den Erreichen eindeutiger Ergebnisse Hindernisse in den Weg legen. Es ist selbstverständlich notwendig und richtig, früheres Vorkommen in Wörterbürchern, das von anderswo nicht zu belegen ist, anzuführen, doch ist dabei stets Vorsicht geboten. Es ist nämlich nicht sicher, daß solche lexikalischen Elemente tatsächliche, in der sprachlichen Praxis wirklich gebrauchte Bedeutungen fixieren und nicht nur auf Grund fremder Vorbilder entstandene Schöpfungen der Wörterbuchautoren sind.

So ist z. B. fraglich, wieweit das aus dem 1763er KamS zitierte *sťažlivý* (S. 130) mit seiner Hauptquelle, dem Wörterbuch von Páriz Pápai (s. hierzu Gregor: StSl 4 : 325—346) mit der Bestimmung *Querulus : Panaſzolkodó*, *Siránkozó* (Ankläger, Klagender) (PPI, 482) verbunden ist und wieweit mit dem zeitgenössischen slowakischen Gebrauch. Eine Lehnübersetzung scheint auch die Angabe *kdiž se w nebezpečénstwu obracala kragina* des KamS (S. 152) zu sein, vgl. Praecipitante Republica: *Veſzedelemben forogván az Ország* (PP I, 451) (das Land ist in Gefahr). Zur konkreten Bedeutung des Verbs *uchýliť* 'verstekken, Zuflucht gewähren' einziger aus dem KamS zitierter Beleg: defendere aestum capellis = *proty teplu do stjnu uchyliti sstjcu* (S. 155) ist wahrscheinlich auch nach Páriz Pápai entstanden, vgl.: Defendere aeſtum capellis = Meleg ellen árnyékba hajtani a' ketskéket (Gegen die Wärme die Ziegen in den Schatten treiben) (PP). Der slowakische Wörterbuchautor achtete hier wahrscheinlich nicht auf den Unterschied zwischen lateinisch

capella 'kleine Ziege' und *capillus* 'Haar', deshalb ist wohl in den slowakischen Text *štica* 'üstök' (Haarschopf) hineingeraten! Auf diese Weise basiert die ganze Bedeutung des slowakischen Satzes auf einem Mißverständnis, weshalb sein Wert in semantischer Hinsicht zumindest fragwürdig ist.

Bei der Analyse der Bedeutung von *ponos(a)* 'Klage' *ponosovať sa* 'klagen' meint auch Blanár entsprechend der heutigen allgemeinen slowakischen Auffassung, dies sei keine ungarische Übernahme. Gerade im Gegenteil, der ungarische Ausdruck stammt aus der slowakischen Wortfamilie, die in dieser Bedeutung nicht nur in den südslawischen Sprachen, sondern auch im alten Russisch und im Ukrainischen zu finden ist (S. 123). Es ist aber sicher, daß es z. B. das altukrainische Wörterbuch nicht enthält, was natürlich nicht bedeutet, daß es auch im altslowakischen unbedingt fehlen muß. Es besteht nämlich kein Zweifel, daß südslawisch-slowakische Isoglossen existieren, und nach Ansicht des Autors ist *ponos(a)* auch eine solche (ebd.), meines Erachtens kann man dies vorerst nur hypothetisch behaupten, das heißt es könnte eine solche sein.

Zur Klärung möchte ich bemerken: wenn man das slowakische Wort *ponos(a)* aus dem Ungarischen ableitet (s. TESz III, 80), braucht man von keinerlei phonetischer Restitution zu sprechen (s.noch Paulinyi S. 132—124), da dieser Ausdruck slawischen Ursprungs in altungarischer Zeit auch in der Form *ponosz* lebte, diese Form übernahm das Slowakische, wenn es sie überhaupt übernahm. Das *a* ist eine spätere Erscheinung, das Ergebnis der sich im Ungarischen vollziehenden Öffnung. Phonetisch gibt es hier also keinerlei Schwierigkeiten beziehungsweise nichts Verwunderliches, die Frage erfordert in wortgeschichtlicher, semantischer und gesellschaftlicher Hinsicht genauere Beleuchtung.

Punkt 4. — 4.5. enthält die Zusammenfassung der Aussage der Monographie. Der Autor stellt fest, selbst die komplexe Analyse sei nicht immer ausreichend, um die Bedeutungen der einzelnen lexikalischen Einheiten, deren Veränderungen und Nuancen stets in gleicher Tiefe und in gleichem Maße erfassen zu können. Er stellt fest: vom Gesichtspunkt der Bedeutungsveräderung ist es ein wichtiger Umstand, daß sich die lexikalische Einheit und der semantische Kern des lexikalisch-semantischen Paradigmas modifizieren, teilen, spezialisieren kann, sein konkreter Charakter abstrakt werden kann und umgekehrt. Hierdurch können selbständige Bedeutungskreise entstehen. Zwischen den einzelnen semantischen Kernen besteht ein wechselseitiges Verhältnis und dies kann sich im Laufe der Entwicklung der Sprache verändern. Vom Gesichtspunkt der Entwicklung des Wortschatzes ist es ein wichtiges Moment, daß nicht nur die Sememe miteinander in ein semantisches Verhältnis treten, sondern auch die semantischen Kerne auf verschiedene Art und Weise sich miteinander verbinden, übereinstimmen.

Am Schluß der Monographie findet sich die Liste der benutzten Literatur, des Quellenmaterials und der Abkürzungen (S. 187—197), ihr folgt eine Zusammenfassung in slowakischer (199—201), in russischen (202—204) und deutscher Sprache (206—208) sowie das Inhaltsverzeichnis. Bis zum bestimmten Maße kann man das Fehlen eines Wörterverzeichnisses beanstanden, wenn es auch stimmt, daß die Zahl der behandelten Ausdrücke und Konstruktionen nicht groß ist, so würde es doch ihr Auffinden wesentlich erleichtern.

Von den semantischen Analysen des vergangenen Jahrhunderts war es ein langer Weg bis zur strukturellen Semantik beziehungsweise der heute bereits als traditionelle Richtungen bezeichneten Theorien und der modernen Richtungen, zu deren bedeutenden Vertretern der Ungar János Zsilka gehört. Er hat schon früher auf die zahlreichen Zusammenhänge zwischen den Bedeutungen aufmerksam gemacht als Blanár in seiner hier vorgestellten Studie, die übrigens auf theoretischem und praktischem Gebiet gleichermaßen nicht nur die slowakischen, sondern auch die allgemeinen semantischen Forschungen in bedeutendem Maße bereichert. Sie bestärkt unsere Ansicht, nach der die Zusammen-

hänge und Bewegungen zwischen den Bedeutungen nur in der Einheit von Induktion und Deduktion untersucht, wirklich erfaßt werden können. Da aber sowohl die Teileinheiten als auch der ganze Wortschatz semantisch auf soviele Momente aufbaut, stimme ich voll und ganz mit dem Autor überein, daß nämlich zur Klärung der einschlägigen Fragen noch weitere Analysen notwendig sind. Das gilt besonders für das Wortmaterial der slowakischen Sprache der früheren Jahrhunderte.

F. Gregor

Abkürzungen

HadrUng	L. Hadrovics, Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest—Wien 1985.
KamS	Syllabus dictionarij latino-slavonicus, 1763. Handschrift. Verwahrt in der Budapester Universitätsbibliothek. Signatur: H 62.
PP	Pápai Páris F., Dictionarium Latino-Hungaricum, I; Dictionarium Hungarico-Latinum, II. Leutschoviae 1708.
StSl	Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest 1955—
SzófSz	Bárczi G., Magyar szófejtő szótár. Budapest 1941.
TESz	A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I—IV. Red. Benkő L. Budapest 1967—1984.

Kelet-európai századok. Szerk.: Fried I. Budapest: A Magyar Iparművészeti Főiskola Typo-grafikai Tanszéke, 1984, 24 c.

Одной из наиболее важных задач венгерской литературной компаративистики и в настоящее время является исследование специфики восточного и центрально-восточного регионов Европы. Развитие Восточной Европы не только в своей истории отличается от т.н. «классического» западноевропейского пути, но и в своей литературе и искусстве. Поэтому с закономерностями развития, характерными для этого региона, необходимо знакомиться не только на основании его истории, но и на основании его литературы.

Важной вехой в исследованиях такого характера считается 1934 год, когда впервые вышел в свет журнал Иштвана Гала «Аполлон», и когда начал свою работу на научном поприще Ласло Сиклаи.

Ласло Сиклаи — выдающаяся личность в венгерской компаративистике. Свою деятельность он начал работами по славистике и словацкой литературе, позднее, однако, в круг его внимания вошла литература всей Восточной и Ценртральной Европы. Он сотрудничал также и в журнале «Апполон», который «программно ориентировался на всю Центральную Европу». Его связь с журналом, начало деятельности, совпавшее с годом издания журнала, послужили основанием отметить в 1984 г. 50-летие «Апполона» Иштвана Гала и начала научного пути Ласло Сиклаи. Этому был посвящен небольшой сборник, автора которого отдают дань памяти ученого.

После краткого вступления Иштвана Фрида Дь. Киш дает оценку работы Сиклаи в области полонистики. Хотя исследование польско-венгерских литературных связей не было основным аспектом работы ученого, знания, приобретенные в этой области, были ему необходимы для изучения культуры Восточной и Центральной Европы.

Должны ли мы говорить о романтизме или о романтизмах? Этот вопрос не раз обсуждался в литературоведении, и, пожалуй, до сего времени на него еще не дан окончательный ответ. Какова связь подхода к литературе у романтиков с романтической философией? Об этом — а также и о других проблемах — мы можем прочитать в статье Борбалы Хорват Лукач.

Жужа Зёльдхейи-Деак пишет о том, как был впервые принят в Венгрии роман Тургенева «Новь». Ее исследования ведут к лондонскому еженедельнику The Atheaneum. В статье автор не только дает ответ на выдвинутый вопрос, но и ставит новые задачи для дальнейших изысканий.

Самыми важными и широко обсуждавшимися вопросами сравнительного литературоведения являются вопросы о том, что такое мировая литература, и какова связь национальных литератур с мировой литературой? Статья Иштвана Фрида предлагает ответ на эти вопросы, при этом автор откликается и на мнение Д. Дуришина.

Сборник завершается работой Яноша Поора, освещающей вопросы культурного влияния эпохи Иосифа II. Автор стремится осмыслить основополагающие проблемы: это — дилемма родины и прогресса, которая возникла в эпоху венгерского просвещения. Он указывает на то, что пониманию и толкованию этой проблемы значительно содействуют работы Ласло Сиклаи.

В коротких статьях сборника освещаются некоторые наиболее важные проблемы региона. Тем самым отдается дань уважения научной деятельности Ласло Сиклаи и памятной дате — 50-летию выхода в свет журнала «Апполон».

Йожеф Леле

KÄFER István, **A szlovák és a cseh irodalom magyar bibliográfiája a kezdetektől 1970-ig** [Die ungarische Bibliographie der slowakischen und tschechischen Literatur von den Anfängen bis 1970]. Akadémiai Kiadó, Budapest 1985, 748 S.

Es ist schon eine Binsenwahrheit, daß ein Forscher heutzutage außerstande ist, das Informationsmaterial, das sich — besonders auf dem Gebiet der Gesellschaftswissenschaften — anhäuft, auch nur in der Beziehung eines einzigen umfassenderen Themas zu überblicken und zu verfolgen. Deshalb vervielfältigt sich die Bedeutung der Quellenausgaben und der Fachbibliographien.

Im ungarischen wissenschaftlichen Leben gilt es als besonders bedeutendes Ereignis, wenn zur wissenschaftlichen Tätigkeit unentbehrliche, grundlegende Quellen oder die wissenschaftshistorische Vergangenheit und die Ergebnisse zusammenfassende Bibliographien erscheinen, die sich an eine der ostmitteleuropäischen Nationalkulturen und Nationalliteraturen knüpfen. Mit Zufriedenheit und Anerkennung empfing deshalb die Fachwelt die im Jahre 1966 dank dem Bukarester Kriterion Verlag erschienene Ungarische Bibliographie der rumänischen Literatur von Sámuel Domokos, die auch mit ihrem Datenreichtum dokumentierte, daß im Laufe der Jahrhunderte von ungarischer Seite ein wesentlich größeres Interesse für die rumänische Folklore und Literatur bestand, als man annahm. György Belia schrieb im Zusammenhang mit diesem Buch noch in dessen Erscheinungsjahr auch darüber, wie ersprießlich es wäre, wenn das Beispiel von Sámuel Domokos auch in der Beziehung der serbokroatischen, tschechischen und slowakischen Literatur befolgt würde. Auf diesen berechtigten Wunsch mußte man mehr als zwanzig Jahre, d.h. bis jetzt warten, als nun die ungarische Bibliographie einer anderen benachbarten — und zwar der tschechischen und slowakischen — Literatur erschienen ist.

István Käfers Bibliographie, die auch durch ihren Umfang schon Achtung erweckt, bearbeitet auf 748 Seiten und in fast 22tausend Stichwörtern von den Anfängen bis 1970 die Daten der sich auf die slowakische und tschechische Literatur beziehenden ungarischen Abhandlungen, Kritiken sowie der ungarischen Übertragungen der slowakischen und tschechischen — vor allem — Folklore und schöngeistigen Literatur. Man

weiß, daß die umfassende, oft über mehrere Jahre oder Jahrzehnte hinwegziehende Materialerschließung und dann die zeitaufwendige Materialordnung hart erfordern, die bearbeitete Periode einzugrenzen, d.h. einen »Schlußstrich« zu ziehen, und man ist sich auch darüber im klaren, daß die zusammenfassenden Bibliographien nie die neuesten und allerletzten Ergebnisse enthalten können. In diesem Fall verging aber eine viel zu lange Zeit zwischen der gezogenen Grenzlinie, dem Jahr 1970, und dem Erscheinungsjahr, demzufolge vermissen die Forscher natürlich die Angaben der Zwischenzeit. Bei dieser Bibliographie wurde die Grenzlinie entscheidend durch den Umstand bestimmt, daß das Manuskript des Buches eigentlich schon am Ende der sechziger Jahre fertig war. Trotzdem kann die Frage gestellt werden, warum man, wenn das Buch schon einmal — nicht durch das Verschulden des Autors — mit einer so großen Verzögerung erschien, dem fertigen, geordneten Material nicht wenigstens eine Auswahl aus den vermutlich sehr reichen Ergebnissen der letzten fünfzehn Jahre als Anhang hinzufügen konnte.

Der Band enthält die Angaben der zwischen 1814 und 1970 erschienenen Periodika und selbständigen Bücher, die sich auf 1058 — 515 slowakische und 543 tschechische — Dichter und Schriftsteller beziehen.

Die Stichwörter der Bibliographie werden in drei größeren Kapiteln gruppiert. Das erste enthält die Angaben der ungarischen Rezeption in bezug auf die slowakische und das zweite in bezug auf die tschechische Literatur. Das drittel Kapitel unter dem Haupttitel »Komparatistik« ist eine bibliographische Sammlung, die die slowakisch-ungarischen, tschechisch-ungarischen und tschechisch-slowakischen sowie die auf irgendeine Art und Weise auch diese betreffenden ostmitteleuropäischen Beziehungen und die Frage der nationalen Minderheiten behandelt. Dieses Kapitel baut sich im Unterschied zu den zwei ersteren auf einer ausgewählten Bibliographie auf und entstand eher als ihr Nebenprodukt. Der Verfasser fügte dem Band auch einen Appendix hinzu, in dem — wie er uns informiert — Dichter mit »hungarus«-Einstellung wie Péter Beniczky, Mátyás Bél, Lajos Haan usw. angeführt werden, die sowohl die ungarische als auch die slowakische bzw. tschechische Literatur bereicherten. In diesem Zusammenhang werden einige Forscher wahrscheinlich vermissen, warum diese Autoren nicht auch innerhalb der einzelnen Literaturen, vor allem jedoch innerhalb der slowakischen Literatur, erwähnt werden, denn in Werken ungarischer und slowakischer Forscher (bei den Slowaken vor allem von Ján Mišianik) wurde gerade in den letzten 20—30 Jahren eindeutig bewiesen, daß diese Persönlichkeiten Bereicher beider Kulturen waren. Diese Frage kann jedoch auch unter einem anderen Aspekt betrachtet werden: vielleicht wird die Aufmerksamkeit gerade durch ihre besondere Hervorhebung auch besonders noch auf diese charakteristische Erscheinung der ostmitteleuropäischen Region, nämlich auf die Entstehung und Funktion der zwei- sogar mehrsprachigen Kultur, gelenkt werden.

Ein ähnliches Problem erhebt sich auch in der Beziehung der slowakischen und tschechischen Literatur und Kultur, in denen sich oft nicht einmal die nationale Zugehörigkeit als primär bestimmenden Faktor erweist. Die Tatsache nämlich, daß die slowakische Literatur bis zum Ende des 18. Jh. (bzw. in den evangelischen Kreisen bis zu den 40er Jahren des 19. Jh.) in tschechischer Sprache geschrieben wurde, brachte mit sich, daß die Werke slowakischer Autoren auch in den Kreislauf der tschechischen Literatur gelangten, und einige unter ihnen auch für die tschechische Literatur wichtige Wendepunkte bedeuteten. Ján Kollár nimmt z.B. — Jan Mukařovský zufolge — mit den Sonetten der Slávy dcéra einen vornehmen Platz unter den Schöpfern der modernen tschechischen Poesie zu Beginn des 19. Jh. ein. Das Gleiche gilt aber auch für den Renaissancedichter Ján Sylván oder P. J. Šafárik usw. Daher hätten ihre Namen und Angaben nicht nur bei der slowakischen, sondern — wenigstens in Form von Verweisen — auch bei der tschechischen Literatur aufgeführt werden müssen.

Die Bibliographie macht inhaltlich vor allem auf die in ungarischer Sprache erschienenen literaturhistorischen Abhandlungen, Rezensionen und Übertragungen aufmerksam. Über diese inhaltlichen Fragenbereiche hinaus werden aber auch die bibliographischen Daten der kulturgeschichtlichen, historischen oder Theaterbeziehungen angegeben.

Der Verfasser bemerkt unter »Notizen und Abkürzungen« im Zusammenhang mit der inneren Gruppierung des gesammelten Materials, daß diese nicht durch die Periodisierung der slowakischen bzw. tschechischen Literatur, sondern in erster Linie durch das gesammelte Material selbst bestimmt wurde, das auch in den einzelnen Entwicklungsperioden von unterschiedlicher Proportion und Quantität war. In diesem Zusammenhang muß man jedoch bemerken, daß die größeren Unterkapitel kaum von den historischen Entwicklungsperioden der slowakischen und tschechischen Literatur abweichen. Problematisch ist, daß innerhalb dieser Gruppierung bestimmte Ereignisse — nicht immer begründet — besonders hervorgehoben werden. Während z.B. die Hervorhebung des sowohl für die ungarisch-slowakischen literarischen Beziehungen als auch für die Entwicklung der slowakischen Literatur bedeutenden Fanchali-Kodexes begründet ist, kann es in Abrede gestellt werden, daß z.B. auf den slowakischen Schriftstellerkongreß im Jahre 1936 oder auf ein Theatergastspiel inhaltlich und strukturell besonders hingewiesen wird.

Auf die hier gestellten Probleme und Fragen hätten wir bestimmt eine Antwort bekommen können, wenn der Verfasser ein — wenigstens informatives — Vor- oder Nachwort hinzugefügt hätte. Eine solche Abhandlung wäre um so nützlicher gewesen, zumal dieses Handbuch — meiner Meinung nach — nicht nur von den Forschern der slowakischen und tschechischen Literatur, sondern auch von denen der osteuropäischen Literaturen und der vergleichenden Literaturgeschichte benutzt wird, und sie brauchten vielleicht einen solchen Führer, denn István Käfer konnte nicht bloß bei der Zusammenstellung dieser Bibliographie, sondern auch bei seinen anderen, in den letzten Jahren erschienenen Werken (Gedeon Borsa—István Käfer, Catalogus librorum veterum usque ad annum 1800 in lingua Bohemica et Slovaca impressorum que in Bibliotheca Nationali Hungariae de Francisco Széchényi nominata. Martin—Budapest 1970; I. Käfer, Az Egyetemi Nyomda 400 éve [400 Jahre der Universitätsdruckerei]. Budapest 1977; sowie der deutsche und rumänische Band von der Bibliographie der ungarischen nationalen Minderheiten) Erfahrungen sammeln und Zusammenhänge entdecken, zu welchen ein anderer Forscher vielleicht gar nicht gelangen kann, wenn er sich nicht auf die Kenntnisse und Erfahrungen des Verfassers stützen kann.

Vor allem das Fehlen einer solchen Abhandlung des Verfassers und Redakteurs kann die Diskussion auf dem Treffen im Ungarischen Schriftstellerverband ausgelöst haben, als die neuerschienene Bibliographie vorgestellt wurde, und László Dobossy, László Sándor sowie Richard Pražák, Rudolf Chmel und Karol Wlachovský, der slowakische Übersetzer der modernen ungarischen Literatur, ihre Meinung zu der Publikation, äußerten. Bei aller Betonung der unbestreitbaren Verdienste und Nützlichkeit des Buches wurde die größte Diskussion durch die Frage erregt ob es nötig war, die Angaben sämtlicher ungarischen Zeitungen der oberungarischen nördlichen Komitate des historischen Ungarn bzw. die Daten vieler ungarischer Zeitschriften, die heute in der Tschechoslowakei erscheinen, in die Bibliographie aufzunehmen, denn diese ergaben mehrtausend Stichwörter der Bibliographie. Der Meinung der Diskussionsteilnehmer nach konnten oder können diese Publikationen kaum auf das ganze ungarische literarische und kulturelle Leben bzw. auf dessen Hauptzüge Einfluß ausüben. Dieser Auffassung können wir, und zwar von mehreren Gesichtspunkten aus, nicht zustimmen.

Innerhalb der gegebenen Möglichkeiten und festgesetzten Zeitgrenzen strebt eine Bibliographie möglichst die Vollständigkeit an (oder sie müßte es tun), demzufolge muß

sie jede Quelle — auch die Presse auf dem Lande — erfassen. Hinten diesem Problem steckt auch ein — sich vielleicht genau aus dem slowakisch-ungarischen Zusammenleben ergebender — Entwicklungsprozeß, der nicht außer acht gelassen werden darf: daß nämlich gerade diese ungarischen Zeitungen, die in den oberungarischen, zum Großteil von Slowaken bewohnten Kleinstädten erschienen, in direkten Beziehungen mit der slowakischen Literatur und Kultur standen, deren Entwicklung mit Aufmerksamkeit verfolgten und daher als nicht zu vernachlässigende Quellen der ungarisch-slowakischen kulturellen Beziehungen und Wechselwirkungen gelten. Es vergrößert ihren Quellenwert — auch wenn ihre Angaben und Mitteilungen nur mit starker Kritik verwendet werden können —, daß die bisher erschienenen, sich mit der slowakisch-ungarischen Literatur befassenden Abhandlungen (wie z.B. Rudolf Chmel, Két irodalom kapcsolatai. Tanulmányok a szlovák-magyar irodalmi kapcsolatok köréből [Beziehungen zweier Literaturen. Abhandlungen im Bereich der slowakisch-ungarischen literarischen Beziehungen]. Bratislava, Madách Verlag, 1980; István Csukás, Petőfi a szlovákoknál [Petőfi bei den Slowaken]. Madách Verlag, 1979) zu der Schlußfolgerung gekommen sind, daß von slowakischer Seite ein viel umfassenderes und tieferes Interesse für die ungarische Literatur bestand als umgekehrt, und es sogar Zeitabschnitte gab, in denen das ungarische literarische und kulturelle Leben gegenüber der Kultur der mit ihm zusammenlebenden Nation völlig gleichgültig blieb. Gerade diese lokalen Angaben scheinen das bisher entstandene Bild etwas abändern zu können, und ihre tieferschürfende Analyse kann vielleicht auch darauf eine Anwort geben, wie sich das Verhältnis zwischen dem literarisch-kulturellen Leben der »Peripherien« und dem des »Zentrums« in Wirklichkeit entwickelte.

Oben haben wir die Frage bereits angeschnitten, daß eine umfassende Bibliographie die Vollständigkeit anstrebt, die — selbstverständlich — kaum den idealen Vorstellungen gemäß erreicht werden kann. Bei dem rezensierten Band wurde dies auch dadurch noch erschwert, daß er Angaben von zwei Nationalliteraturen enthält, was die Möglichkeiten der Fehler, Irrtümer und Lücken vervielfacht. Hier will ich in erster Linie gar nicht die von mir angedeuteten Mängel aufzählen — daß man nämlich einige Periodika, selbständige Publikationen überhaupt nicht antrifft, obwohl sie in die Bibliographie gehörten — sondern auf die Inkonsequenzen hinweisen, die vermutlich infolge oberflächlicher Bearbeitung oder mangelhafter Datenübermittlung entstanden, denn man kann sich schwerlich vorstellen, daß der Verfasser absichtlich gewisse Werke ausgelassen hätte. So blieben z.B. mehrere, thematisch auch in ihrer Orientierung etwas Neues bringende Abhandlungen der bearbeiteten wissenschaftlichen Publikationen der Universität von Szegedin (ung. Szeged) und der Pädagogischen Hochschule von Szegedin, in denen viele, vor allem slowakistische Aufsätze erschienen, leider aus. Eine ähnliche Inkonsequenz ist, daß z.B. die von István Nemeskürthy zitierte Literatur über den Renaissancedramendichter Pavol Kyrmezer nicht vollständig ist usw.

Diese Bemerkungen schmälern natürlich nicht den Quellenwert dieser sowohl in ihren Stichwörtern als auch chronologisch ausgezeichnet und selbstsicher zusammengestellten Bibliographie, man muß jedoch mit Bedauern feststellen, daß einige bedeutendere Werke und selbständige Publikationen in dieser bibliographischen Synthese fehlen, infolge dessen sie im Kreislauf der Forschungsarbeit der ungarischen, aber auch der slowakischen oder tschechischen Literaturwissenschaft schwerer ihren Platz finden werden.

Über ihren Quellenwert hinaus kann diese Bibliographie die Forscher auch durch ihre Angabengruppierung zu neuen Gedanken und zur Erkenntnis neuer Zusammenhänge anregen. Hier möchte ich nur auf einige aufmerksam machen. Die gleichzeitige Untersuchung der slowakisch-ungarischen und tschechisch-ungarischen Beziehungen kann eine interessante methodisch-theoretische und zugleich historische Frage aufwerfen: Welche Übereinstimmungen bzw. Unterschiede gibt es in den Beziehungen bzw. Wechselwirkun-

gen der Kulturen, die zusammenleben bzw. »nur« benachbart sind? Oder: Durch die eingehendere Untersuchung der Rezensionen kann man auch darauf eine Antwort bekommen, wie die Aufnahme und die qualitative Entwicklung der Übertragungen (z.B. bei lyrischen Nachdichtungen) durch das Fehlen der Sprachkenntnisse oder der ungarischen übersetzungstheoretischen Literatur beeinflußt werden usw.

Käfers Bibliographie wirft durch einige Angaben — wenngleich nicht direkt — noch viele theoretische und bibliographische Probleme von Allgemeingültigkeit auf, unter anderem z.B. die Frage, wohin jene Schriften der nationalen Minderheiten von Ungarn — in diesem Falle die der Slowaken — gehören, die in unseren Tagen in slowakischer Sprache in Ungarn entstehen und auf das slowakische wissenschaftliche und literarische Leben reagieren. Denn einige davon werden in Käfers Bibliographie erwähnt, die Mehrheit jedoch erscheint hier genauso wenig wie in den slowakischen Bibliographien.

Nach dem Überblicken der Angaben der Bibliographie über die kulturellen, vor allem über die Theater- und Rundfunkbeziehungen wird es klar, daß die künftigen Bibliographien auch der Vermittlungsrolle der Massenmedien (des Fernsehens und Rundfunks) werden Rechnung tragen müssen. Die aufgrund von Übertragungen entstandenen ungarischen Adaptationen der Weltliteratur und die Übernahme originaler Bearbeitungen erwecken und fördern doch das Interesse für andere Kulturen und steigern auch das Lesebedürfnis. Damit sind Fernsehen und Rundfunk wichtige Organe der ungarischen Rezeption anderssprachiger Kulturen geworden.

Wir alle, die wir diese großangelegte Bibliographie benutzen werden, können im Einverständnis mit Universitätsprofessor Péter Nagy, der die Einleitung schrieb, feststellen, daß mit diesem Buch eine nützliche und grundlegende Publikation sowohl für die ungarische Slowakistik und Bohemistik als auch für die vergleichende Literaturgeschichte erschienen ist.

Anna Gyivicsán

Les lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale. Actes du cinquième colloque de Mátrafüred 24—28 oktobre 1981. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984, 412 c.

Осенью 1981 г. в Матрафюреде проходил пятый симпозиум историков, литературоведов и философов — исследователей эпохи Просвещения, последовавший за первыми четырьмя, которые имели место в 1970, 1972, 1975 и 1978 гг. В ходе работы четырех симпозиумов, проводившейся под знаком интердисциплинарного освещения на основе сравнительного метода, в Матрафюреде были рассмотрены такие важные и крупные темы, как общее состояние исследований эпохи Просвещения, общественные, национальные, культурные, идейные, литературно-художественные течения, система просвещенного абсолютизма, вопросы стиля эпохи, восприятие идей Вольтера и Руссо в Центральной и Восточной Европе. Материалы этих международных конференций, проходивших с участием многих венгерских и зарубежных ученых, почти каждый раз публиковались в специальных сборниках. Следует отметить, что богатство тем, хронологические отклонения некоторых интеллектуальных, культурных течений и различия, вытекающие из качественной разности регионов, иногда затрудняют составление того или иного тематического сборника статей.

Именно по этой причине организаторы и участники пятого симпозиума выбрали на первый взгляд более узкие, более ограниченные темы. Одна из них: просвещенный человек (L'homme des lumières), вторая — проблема обучения в эпоху Просвещения. Рефераты писались в расчете на плодотворную дискуссию. Первой теме была посвящена работа

Жоржа Гусдорфа «Просвещенный человек», второй — статьи Домокоша Кошари „A nevelés a felvilágosodás korának Közép- és Kelet-Európájában" (Воспитание в эпоху Просвещения в Центральной и Восточной Европе) и Кальмана Бенды „A felvilágosult állam iskolapolitikája és az egyházak Magyarországon" (Политика обучения просвященного государства и церковь в Венгрии).

Выступать с докладом, открывающим дискуссию, по первой теме, — текст был разослан всем участникам конференции, — ответственная и неблагодарная задача. Эпоха Просвещения широко представлена в многочисленной специальной литературе, кроме того она продуктивно рефлексировала на самое себя, вследствие чего сложившаяся картина является скорее многокрасочной, чем успокоительно ясной. Иссследователь, по-видимому, столкнется с возражениями, даже если он будет говорить о таких, казалось бы, простых вопросах, как начало и конец эпохи, интеллектуальные предпосылки и наследие, региональные вариации „lumières", связь с либеральными и консервативными течениями XIX в. или же отношение между эстетикой, искусством эпохи Просвещения и романтизмом. И, разумеется, в различных регионах Европы, уже тогда распавшейся на две (или больше) части, не только географическо-этнические, национальные особенности, но и запаздывания по фазе, вытекающие из различий в быстроте прогресса, также затрудняют теоретическое прояснение понятия «эпоха Просвещения». Открывший дискуссию доклад не выполнил этой задачи. Возможно для того, чтобы оживить дискуссию, докладчик стремился дать кардинальные формулировки, одновременно ссылаясь на трудности и, в определенном смысле, на безнадежность своего начинания. Он отмежевал просвещенного человека эпохи от других типов людей XVIII в., указывая на то общеизвестный факт, что просвещение обозначает интеллектуальную элиту. Далее он отделил просвещенного человека от романтика следующей эпохи, в определенном смысле противопоставив их друг другу. Тем самым, однако, глубокая и содержательная работа маститого автора несколько упростила образ просвещенного человека ради ясности и предложила нам одно из традиционных крайних представлений, сложившихся об эпохе Просвещения. Рационализм, миф о разуме, идеал прогресса, реформаторство, — вот те наиболее важные элементы личности эпохи Просвещения и те идеалы, которые были развеяны французской революцией.

Таким образом автор указывает лишь на один из контуров просвещения, и безусловно даже не на самый главный. На основании модели, очерченной Гусдорфом, скорее могут прийти на ум профессоры права и естественных наук Центрально-Восточной Европы и мыслители, теоретически обосновывавшие просвещенный абсолютизм. Их деятельность, действительно, вливалась в эпохальный быстротечный поток. Но если просвещение означает лишь это, то в него не вмещаются ни великие мыслители немецкого просвещения, ни, пожалуй, самый крупный французский просветитель Дидро, ни Руссо, о принадлежности которого к Просвещению столько спорят, да и Вольтер, и — если идти назад — Монтескьё войдут сюда с трудом. Картина, рисуемая автором доклада, практически реабилитирует тип просвещенного человека, разоблаченный известным трудом Адорно и Хоркхеймера "Dialektik der Aufklärung", хотя о сознательной конфронтации с предшествующими мыслителями не может быть и речи.

За вступительным рефератом последовала дискуссия, и были заслушаны менее крупные доклады. Участники дискуссии (главным образом Жан Эрар) указали на односторонность доклада Гусдорфа, но, с другой стороны, они полезно его дополнили. Отдельные небольшие выступления на эту тему обогатили картину, данную Гусдорфом. Из них, мы можем получить представление о национальных вариантах человека просвещения (немецком, польском, румынском, венгерском, словенском, русском, бельгийском типах), узнать о некоторых курьезах (как-то: о дикаре, об отношениях между захваченными территориями и цивилизацией), а также о широких «движениях» эпохи Просвещения (масонство). Первая часть объемистого тома имеет более 200 страниц и в целом обогащает специальную

литературу об эпохе Просвещения ценной подборкой статей. Тот факт, что вопросы и далее остаются открытыми, объясняется сложностью, многосторонностью эпохи и темы.

Самостоятельный сборник могут составить и доклады по второй теме, посвященные Проблемам обучения, воспитания и просвещения. Эта часть и по своему построению отличается от первой. Если в первой части мы от обсуждения западноевропейских вариантов Просвещения двигались к другим его вариантам, то во второй части в центре внимания остается Центрально-Восточная Европа, главным образом монархия Габсбургов и Венгрия. Это построение, которое возможно является случайным, оттеняет важную особенность эпохи Просвещения. А именно, существование таких регионов, где традиционная направленность взаимовлияний Западной и Восточной Европы меняется, и это можно наблюдать, пожалуй, впервые именно в эту эпоху. Если в сфере философии, политического мышления, течений искусства было бы трудно опровергнуть хронологическое первенство Запада и его приоритет в области содержания, то в ряде важных областей — в воспитании, обучении, преподавании — стимулирующая роль время от времени переходит к Восточной Европе Системы просвещенного абсолютизма, которые уделяли внимание потребностям общества, прогрессу и процветанию страны, нации, благодаря своему централизму и реформаторскому управлению могли с большей эффективностью вводить некоторые направленные на модернизацию программы. Об этом говорится в большой работе Домокоша Кошари, освещающей вопросы содержания и проведения реформы высшего, среднего и начального обучения в Венгрии. Второй основной доклад, посвященный этой теме, сделанный Кальманом Бендой, анализирует сложную проблему, возникающую тогда, когда воля государства, положительно оцениваемая в свете перспективного будущего общества (в области просвещения), невольно сталкивается с зачастую справедливыми устремлениями церкви, опасающейся потерять свою автономию. Весьма показательным примером этого является история венгерского просвещения XVIII в. Сложность проблемы подтверждается также и тем, что два реферата венгерских авторов диаметрально противоположно оценивают столкновение государства и церкви. За этими двумя докладами также последовала дискуссия, после чего были прочитаны работы о воспитании и просвещении во Франции, Польше, Румынии, России, Германии, Австрии, об обучении иезуитов и о наиболее важных с точки зрения истории образования деятелях эпохи Просвещения.

Рецензент намеренно останавливается лишь на главных работах по той простой причине, что сборник, опубликованный по материалам конференции в Матрафюреде, содержит 29 статей и 12 выступлений в ходе дискуссии, анализ которых в рамках небольшой рецензии сделать невоможно. Мы хотели лишь познакомить читателей с некоторыми из наиболее значительных результатов этой международный конференции.

Читатель получает несколько эклектический по своему построению сборник, статьи которого стимулируют, однако, к дальнейшей полемике и в целом заслуживают высокой оценки. Мы надеемся, что в недалеком будущем мы сможем познакомиться и со следующими обещанными нам томами.

Я. Поор

Antonín Měšťan, **Geschichte der tschechischen Literatur im 19. und 20. Jahrhundert.** Aus dem Tschechischen übersetzt von P. Drews. Wien—Köln: Böhlau Verlag, 1984, 431 S. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, 24).

Работа Антонина Мештяна, профессора фрейбургского университета, заслуженно может быть названа полезным руководством. В ее десяти главах излагается история новейшей чешской литературы с конца XVIII в. — начала эпохи т. н. «национального воз-

рождения» — почти до наших дней, дается характеристика наиболее значительных направлений чешской литературы, литературных журналов и группировок, а также других объединений, приводятся портретные зарисовки деятелей чешской литературы. Автор дает обзор имеющей славное прошлое чешской литературы на немецком языке, которая на рубеже XIX—XX вв. и в первой половине XX в. приобрела особое значение, бегло касается вопросов развития чешского театра и чешской музыки, всегда стоявшей в центре общественного внимания Европы. В стиле литературной энциклопедии сообщает наиболее важные сведения о чешской литературе, имея при этом в виду, что эту книгу будет читать в первую очередь не чешский читатель, но то, кто просто интересуется чешской литературой.

В этой связи возникает вопрос о том, для кого и с какой целью писалась работа подобного характера? Если указать лишь на тот факт, что в нашем распоряжении уже имеются история словенской,[1] польской[2] и венгерской[3] литератур, написанные на немецком языке известными авторами в современном освещении, то уже одно это делает обоснованным издание истории чешской литературы на немецком языке. Однако более важным представляется тот факт, что Мештян создает такую книгу, которая освещает историю национальной литературы одновременно и изнутри, и извне. Дело в том, что традиционные (академические) истории национальных литератур, как правило, являются чем-то вроде итогов общих национальных литературных конвенций, и, не замедлим добавить, не всегда счастливых конвенций. В большинстве случаев в таких работах реализуется взгляд на национальную литературу, сложившийся в результате компромисса, и почти всегда в изложении автора, в его подходе и оценке под покровом сохранения традиции господствует консерватизм. Такого типа история национальной литературы (академическая) применяет систему символов, которую может «расшифровать» лишь посвященный читатель-соотечественник. В работах подробного рода господствует такая система ссылок, которая не позволяет внешнему наблюдателю (интересующемуся) разобраться в ней. Много и не без основания говорилось об отсутствии резонанса на литературу Восточной и Центральной Европы. Однако отечественные интерпретаторы этих литератур обычно забывают, с одной стороны, о более широком контексте, в котором создавалась данная национальная литература, а с другой стороны, об ином восприятии непосвященного читателя, которое сформировалось под влиянием внутреннего взгляда другой национальной литературы.

Принимая во внимание вышесказанное, мы можем считать удачной работу Мештяна, который будучи учеником профессора Карела Крейчи и чешским полонистом априори усвоил компаративистский подход. В то же время преподавательская деятельность заставила его представлять восприятие чешской литературы в иноязычных кругах литературоведов с другим взглядом на литературу. Несомненным преимуществом этого является тот факт, что автор оказался способен включить отдельные явления чешской литературы в «более широкий» контекст, в сравнении с которым может быть выявлена отличительная особенность или значение данного явления. Другое преимущество его книги состоит в том,

[1] A. Slodnjak, Geschichte der slowenischen Literatur. Berlin 1958 (Grundrisse der slawischen Philologie und Kulturgeschichte. Hg.: M. Vasmer).

[2] K. Krejčí, Geschichte der polnischen Literatur. Halle/S. 1958. Здесь необходимо отметить, что лауреат Нобелевской премии поэт Чеслав Милош написал историю польской литературы на английском языке: The History of Polish Literature. London 1969.

[3] T. Klaniczay—J. Szauder—M. Szabolcsi, Geschichte der ungarischen Literatur. Budapest 1963. (Нам известны переводы этой книги на польском, болгарском, английском и французском языках); Handbuch der ungarischen Literatur. Hg.: T. Klaniczay. Budapest 1977. О принципиальных вопросах истории литературы, предназначаемой для зарубежной читательской публики, ср.: T. Klaniczay, A propos d'une histoire de la littérature hongroise en langue française. In: Comparative Literary Studies. Essays presented to György Mihály Vajda on his seventieth birthday. Eds.: I. Fried, Z. Kanyó, J. Pál. Szeged 1983 (1984).

что ввиду ее компактности автору не приходится останавливаться на деталях, на второстепенных моментах и менее крупных авторах. В сконцентрированном на определенной проблеме изложении ему нужно лишь очертить траекторию эволюции, кратко охарактеризовать деятельность наиболее видных авторов.

Естественно, что такую сознательно составленную как руководство книгу подстерегает немало опасностей. Приходится объяснять само собой разумеющиеся для читателя-соотечественника или читателя, сведущего, в данной литературе, понятия и выражения. «Эволюция» литературы никогда не идет по такой прямой, как это может показаться на основании такого руководства. На передний план могут выступать явления, которые более легко и более естественно анализируются в ракурсе компаративистики, а произведения сугубо национального характера могут быть оттеснены на задний план. Много места занимает изложение (например, описание действия романа), более ограниченными становятся возможности анализа, особенно анализа языка (это мы, к сожалению, чувствуем и в интерпретации, пожалуй, самого музыкального произведения чешской литературы — лирико-эпической поэмы Карела Гинека Махи «Май»!), и вообще меньше места остается для рассмотрения жанрово-теоретических, стилистических проблем и гораздо больше — для прослеживания линии идейно-исторической.

Мештян выбрал самый простой и в данном случае самый удачный метод: его намерением было предоставить читателю точные сведения в достоверном изложении. Он старается сообщить как можно больше данных, дат, названий произведений, дать их характеристику в нескольких фразах, изложить биографии писателей, упомянуть о главных событиях литературной и культурной жизни, а также осветить взаимосвязи и точки соприкосновения чешской и зарубежных литератур, уделяя особое внимание художественной переводной литературе, сыгравшей исключительно важную роль и в чешской литературе. В ее развитии Мештян прежде всего регистрирует импульсы, поступающие со стороны славянской и немецкой литератур (в некоторых случаях английской, французской, итальянской). Со своей стороны, автор рецензии считает, что книга могла бы быть дополнена и некоторыми венгерскими параллелями (например, показателен интерес Яна Неруды к произведениям Шандора Петёфи и Мора Йокаи;[4] Ярослав Врхлицкий был переводчиком Яноша Араня, а в последнее время в работах Камила Беднаржа весьма важное место занимают художественные переводы из венгерской литературы,[5] да и другие современные чешские поэты и писатели также проявляли интерес к венгерской литературе).[6] Самым большим достоинством книги Мештяна можно назвать спокойный, единый по форме стиль повествования, достоверность и обилие информации, что никогда не мешает восприятию, и выношенную зрелую оценку. Он не вводит новшеств в периодизацию, благодаря чему изложенный им материал хорошо просматривается. С его оценками почти всегда мо-

[4] R. Pražák, Jan Neruda a maďarská literatura. In: SPFFBU (Brno) 1958, rada D 5; J. Macůrek, Z dějin česko-madarské spolupráce v letech 1849—867: Slovanský přehled 55 (1969) 335.

[5] К. Беднарж и Л. Градский представил чешской читательской публике в одной книге ряд венгерских поэтов: E. Ady, Sám s mořem. Praha 1966; J. Arany, Zvon v pustě. Praha 1957; Gy. Illyés, Jilm a vitr. Praha 1965; A. József, S čistým srdcem. Praha 1959. (В этом томе кроме переводов Беднаржа мы можем встретить также и переводы В. Завада), I. Madách, Tragédie člověka. Praha 1960; S. Petőfi, Básně. Praha 1963; S. Petőfi, Bohatýr Jan. Praha 1963; M. Radnóti, A přece se vrátím. Praha 1965; Á. Tóth, Od srdce k srdci. Praha 1961. Из библиографических источников нам известно, что Беднарж теоретически занимался также и проблемой перевода венгерской поэзии на чешский язык. См. его статьи: K. Bednář, K poesii János Aranye: Nový život, 1955; Na okraj překladu básní Sándora Petőfiho: Za socialistického Maďarsko 1953, 3—4: 17.

[6] Напр., Вилем Завада вместе с Франтишеком Халасом сделали целую книгу переводов стихотворений Э. Ади: Krev a zlato. Praha 1950.

жно согласиться: лишь при показе новейших литературных явлений проявляется некоторая личная симпатия или антипатия автора (поскольку речь идет о живых произведениях, то здесь повышенная роль принадлежит индивидуальному вкусу). Можно отметить как факт, что в большинстве случаев именно при дифференцированном показе направлений XX в. автор старается идти по нехоженной тропе, и, следует отдать ему должное, он весьма умело выявляет взаимосвязи немецкой и чешской литератур в Чехословакии. Поскольку Мештян является прежде всего исследователем чешской литературы, он делает акцент главным образом на тех чертах и явлениях немецкой литературы в Чехословакии, которые более тесно связываются с чешскими. Естественно, тот, кто интересуется творчеством Кафки или Верфеля, не в первую очередь будет обращаться за сведениями к книге Мештяна, но, освещенная автором монографии, пражская немецкая литература предстает перед нами в интересном свете.

Необходимо особо подчеркнуть чувство меры и трезвость оценок автора книги. Исследователи национальных литератур, как правило, впадают в ошибку, которая заключается в том, что они рассматривают великих представителей национальной литературы без критики и часто склонны к преувеличениям, что производит порой неприятное впечатление. Мештян старается дать точные формулировки и отвести писателям (деятелям), некогда вызвавшим бурю и получившим слишком высокую оценку в интересах какой-либо национальной конвенции, причитающееся им место: показать, что можно отнести на счет только истории развития или социологии, а что относится к ценностям литературы (иногда даже мировой литературы). Эта уравновешенность весьма благотворно действует, например, при обрисовке портрета Витежслава Незвала, или там, где автор пишет об Йиржи Карасеке зе Львовиц. Лишь в отдельных местах можно почувствовать, что Мештян как бы отдает «дань» традиционным представлениям. Например, в случае Яна Коллара, заслуги которого в деле взаимодействия и пробуждения славян неоспоримы, но из поэзии которого по-настоящему живы сегодня всего лишь несколько сонетов и предисловие к «Дочери Славы». При этом Коллар хотя и провозглашал гуманизм славян, но сам лично даже в своих речах, произнесенных с церковной кафедры, проявлял нетерпимость по отношению к венгерским и немецким прихожанам. Здесь следует отметить, что такое выражение как «Словакия», в проекции на XVIII—XX вв. (до 1918 г.), может ввести в заблуждение, ибо это не была отдельная территория по государственному праву. Мештян цитирует название книги Таблица, которое точно характеризует обстановку того времени: Paměti česko-slovenských básnířův, kteříz se buďto v Uherské zemí zrodili, aneb aspoň v Uhřích živy bili. (Добавим к этому, что Коллар также писал: «мы носим родину в наших сердцах»).

Введением к книге служит статья Вильгельма Леттенбауера на 37 страницах, посвященная более ранним периодам чешской литературы и «западноевропейским» взаимосвязям. Из этой слишком схематично написанной статьи, к сожалению, едва вырисовываются «более существенные взаимозависимости», и вместо «западно европейских» воздействий и параллелей по многих случаях обсуждаются славянские литературные взаимодействия, местами убедительно, местами не столь наглядно. В противоположность строго объективному изложению Мештяна стиль Леттенбауера, пожалуй, слишком эссеистичен, импровизирован, однако и в такой форме его работа всё же содержит одну-две исходных точки для дальнейшей разработки. В этом жанре мы считаем более удачным эссе Юлиуса Доланского, показывающее параллели чешско-венгеро-словацкой литератур.[7]

В заключение следует отметить практическое значение и возможности использования книги. Она заслуживает признания не только с точки зрения преподавания и популя-

[7] J. Dolanský, Naše literatury v rytmu staletí. In: Dějiny a národy. Literárnehistorické studie o československo-maďarských vztazích. Ved. red.: J. Dolanský. Praha 1965, 7—24.

ризации литературы, но и потому, что при освещении главным образом литературы XX в. автор указал на такие взаимозависимости, на такие явления компаративистики, которые ранее не были замечены. Руководство Мештяна — это такая книга, которая не может отсутствовать на книжной полке тех, кто интересуется чешской литературой, но и компаративист, просмотрев ее, найдет для себя много весьма поучительного и полезного.

И. Фрид

Славянские литературы. IX Международный съезд славистов, Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. Москва: Издательство «Наука», 1983.

В сборнике напечатаны доклады известных советских литературоведов, сотрудников институтов Академии наук СССР. 24 доклада затрагивают почти все области современного литературоведения. Книга делится на четыре части. В центре превой части стоит изучение литературы Киевской Руси. Исследователи рассматривают эту литературу не изнутри, а извне, по возможности в самых широких взаимозависимостях. Литература Киевской Руси не только подверглась влиянию окружающих европейских и азиатских культур, но как активная развивающаяся по собственным законам сила воздействовала на современные и более поздние славянские литературы; в этом влиянии переплелись общественно-идеологические и эстетико-поэтические факторы.

Во второй части сборника мы можем прочитать о проблемах творчества или познакомиться с анализом одного из произведений того или другого русского писателя (Гоголя, Пушкина, Тургенева). По мере того как мы приближаем к нашему времени и одновременно удаляемся от средневековой литературы, более непосредственно детерминированной общественно-идеологическими и историческими силами, эти проблемы приобретают скорее литературно-эстетический характер. Точка зрения, которой придерживаются исследователи в ходе своего анализа, и далее может характеризоваться как видение, оценка, охватывающие более широкие взаимозависимости (славянские и западноевропейские литературы).

В третьей части речь идет, во-первых, о проблеме социалистического реализма, о возможности подхода к ней, с точки зрения истории литературы и теории литературы, об оценке советской литературы в контексте самых различных культур, а также об актуальных вопросах теории художественного перевода.

В последней, можно сказать, собственно литературно-теоретической части доминирующим ракурсом анализа становится связь исторического и системного подхода. В центре исследования стоит связь развития литературы и литературных течений, жанров, методов, в первую очередь, на материале западнославянских и южнославянских литератур.

А. Н. Робинзон в своей статье «Литература Киевской Руси в мировом контексте» анализирует систему символов «Слова о полку Игореве» (солнце — золото — огонь — свет — тьма), их общественно-идеологические и эстетические функции, соотнося с литературой и фольклором античного мира и средневековья. Рассматриваемый комплекс символов был идеологическим (мифологическим, религиозным, познавательным) фактором общественного сознания многих народов и отсюда перешел в литературу. Неизвестный автор «Слова» во многих аспектах отклоняется от традиционного, автоматизированного использования символов. Например, затмение солнца служит отнюдь не предсказанием гибели Игоря, ибо князь Игорь возвращается на русскую землю. Исследуемый комплекс символов, в противоположность церковной литературе в героическом эпосе сохранил связь с первоначальными социально-природными ассоциациями. Наиболее важная функция системы символов в «Слове» не эстетическая, а идеологическая.

В докладе А. С. Демина «Единицы художественности (на материале древнерусских и южнославянских памятников X — начала XII в.)» прежде всего отмечается, что критерии художественности в ходе истории меняются, что они относительны и особенно проблематичны при изучении старых русских литературных текстов, так как их авторы не считают своей главной задачей художественное изображение. В большинстве случаев они стремились к нему лишь инстинктивно, полусознательно. Самую большую трудность составляет реконструирование психических процессов творчества и восприятия. В целях исследования ученый приводит несколько отрывков из литературного памятника «Съказание и страсть и похвала святыю мученику Бориса и Глеба», где рассказывается о жизни князей и дается характеристика этой жизни в основном как жизни напрасной. Перечисление критериев и ценностей само по себе еще не является художественным, а всего лишь составляет сырой материал художественного изображения. Предметы-символы и особенно объективное, образное изображение, а также сомнение в перечисленных ценностях, снятие их, однако, уже могут рассматриваться как критерии «полуискусства», ибо в этих случаях речь идет о перенесении значения, о своеобразной связи слов и понятий противоположного значения, о формах их связывания. Автор статьи убедительно доказывает, что эти единицы художественности могут быть обнаружены и в других текстах литературных памятников старой Руси и южных славян X—XII в. Он ссылается на Д. С. Лихачева, согласно которому символы вследствие своей абстрактности действовали вопреки художественности, и существенно дополняет эту мысль Лихачева. Понятие человеческой жизни настолько велико, широко, что изображение символов конкретных предметов, явлений предоставило почти безграничную возможность авторам древнерусских и южнославянских литературных памятников.

Доклад Ю. К. Бегунова носит название: «Ораторская проза Киевской Руси в типологическом сопоставлении с ораторской прозой Болгарии». Типология в советской литературоведческой науке является важным методом для установления закономерностей литературного развития. Исследуемый материал Бегунов считает идеальным с точки зрения применения метода, так как основу типологической общности составляют не только аналогии и параллели, но и взаимовоздействие литературно-эстетических явлений. Древняя Болгария и Киевская Русь располагали одной и той же системой и теорией ораторского искусства, существовала типологическая общность в родстве литературных языков, в сходстве феодального общественного развития, в близости мировоззренческих позиций и в тесных контактах, долгое время существовавших между двумя государствами. Но в силу всего этого проявляются и различия в историческом и литературном развитии двух государств, что привело к различиям также и в жанре ораторской прозы. Болгария приняла христианство гораздо раньше, чем Русь (в 865 г.), и, таким образом, она раньше оказалась под влиянием греческо-византийской культуры. Однако в результате более благоприятного складывания исторических условий в XI—XII вв. в России литература могла развиваться более свободно, и она стремилась быстро наверстать упущенное. В то время как болгарская ораторская проза состояла из двух разновидностей (греческой переводной и оригинальных памятников), аналогичный жанр Киевской Руси подразделялся на три поджанра (греческая переводная проза, болгарские и русские оригинальные памятники). Если отдельные поджанры ораторской прозы в Болгарии стояли на службе церкви, в Киевской Руси они содействовали общественно-политическому развитию.

Тема доклада В. П. Гребенюка — «Идейное наследие Киевской Руси в московской литературе конца XIV — первой половины XV в.» Для литературы Киевской Руси, в первую очередь, характерно то, что и в XII—XIII вв., во время феодальной раздробленности Руси, она смогла сохранить идею единого русского государства. Московская литература в конце XIV — первой половине XV в. выполняла в аналогичной исторической обстановке аналогичную политико-идеологическую функцию. На основании этого сходства автор

доклада проводит параллель между идейным содержанием «Песни о полку Игореве» и «Задонщины». Существенное различие он усматривает в одном факте: идея центральной власти Московской Руси в авторе «Задонщины» была настолько сильна, что он — в отличие от автора «Слова» — не упоминает о внутренних распрях и предательствах, ослаблявших центральную власть и увеличавших опасность монголо-татарского ига.

А. С. Елеонская в докладе «Киевская Русь в изображении восточнославянских писателей конца XVI — XVII в.» рассматривает функцию образа князя Владимира, указывая при этом на формирующую историю силу Киевской Руси. В сознании русского, украинского и белорусского народов в тяжелой исторической обстановке образ князя Владимира продолжал жить как политико-моральный и религиозный идеал и критерий. Если для писателей Московской Руси, создававших свои произведения в период формирующегося абсолютизма, киевские князья были воплощением идеи самодержавия, обладавшего сильной центральной властью, то украинский и белорусский народы вели свою борьбу за независимость против польского католицизма, и в глазах писателей князь Владимир был, в первую очередь, воплощением православной веры, подлинного христианства. Стало быть, в этот период, когда можно наблюдать распространение публицистических жанров, писателей интересует отнюдь не историческая достоверность.

Доклад А. М. Панченко «Роль скоморохов в культуре Древней Руси» рассматривает вопрос, обозначенный в заглавии, ибо исследователь считает, что несмотря на большое количество публикаций, эта проблема остается невыясненной. Хотя православие и государство отвергали смех, признавая только «улыбку» как способ реагирования на красоту и совершенство мира, были всё же такие церковные и государственные деятели, которые осуждали преследование скоморохов. Однако в XVII в. произошел поворот: смех и скоморохи стали жестоко преследоваться, ибо, как полагали «боголюбцы», благочестивую, праведную жизнь можно было прожить лишь с молитвами и слезами. Царь Петр I идеологически реабилитировал и узаконил смех. На основании естественного права он создал светскую, автономную культуру, независимую от церкви. Веселость и смех коренятся в природе человека. Эта реформа Петра I содействовала рождению новой русской сатиры; в XVII в. в русской литературе распространилось новелла, строившаяся на идеях возрождения, герои которой убеждают в идее равноправия смеха.

В докладе «Памятники Киевской Руси в изучении Йозефа Добровского» его авторы — Г. Н. Моисеева и М. М. Крбец — рассматривают работу замечательного чешского слависта, главным образом, труды, созданные им во время пребывания в Петербурге. Добровский был первым исследователем целого ряда областей, связанных с изучением культуры и памятников Киевской Руси. 17 августа 1792 г. чешский ученый прибыл в Петербург, где под влиянием работ Ломоносова начал изучать «Летопись Нестора» и ряд других рукописных и печатных книг XI—XVII вв. Он провел анализ рукописи «Русской Правды» 1414 г. и нескольких ее изданий, вышедших в XVIII в., изучал историю древнеславянского права и стал прекрасным специалистом в этой области. После того как А. И. Мусин-Пушкин показал ему рукопись «Слова о полку Игореве», Й. Добровский выехал в Москву, где начал изучать материалы и разыскивать сведения о славянских языческих богах. К началу XIX в. чешский славист стал прекрасным специалистом по «Слову».

Г. М. Фридлендер в начале своего доклада «Гоголь и славянские литературы» констатирует, что влияние Гоголя на славянские литературы XIX и XX вв. зависит отчасти от специфики творческой индивидуальности великого русского писателя, от тех культурно-исторических традиций, которые были унаследованы Гоголем, а во-вторых, от своеобразных условий общественно-исторического развития славянских народов. Реалист и сатирик Гоголь создавал произведения чрезвычайно яркие, многокрасочные, насыщенные элементами романтики и поэзии, что в полне обеспечило субъективные условия его благотворного влияния. Писатели и поэты славянских народов в XIX в. с исключительным интересом

относились к русской литературе, имевшей антифеодальную, антимонархистскую направленность и носившей черты гуманизма и свободолюбия. Гоголь сыграл весьма существенную роль в формировании и развитии критического реализма славянских литератур. Т. Г. Шевченко видел любовь к человеку, гуманизм Гоголя, в первую очередь, в его сатире, Ян Неруда, также под влиянием Гологя, стал одним из основателей чешского общественно-критического реализма: И. Вазов под воздействием «Миргорода» Гоголя воссоздавал аналогичные типы и ситуация болгарской провинциальной жизни, роман «Тарас Бульба» оказал большое воздействие на складывание польского исторического романа. Влияние Гоголя продолжало сказываться и на творчестве писателей XX в. Наряду с именами Блока, Брюсова, Белого исследователь указывает на «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека; здесь, как полагает Фриндлер, влияние Гоголя проявляется в конфликте живого и мертвого, составляющем основу сатиры, и в сказе. И в заключение автор упоминает ряд советских писателей, как-то: Л. Леонов, К. Федин, М. Зощенко и М. Булгаков, которые признавали также Гоголя своим учителем.

Доклад Ю. Б. Борева «Проблемы целостно-системного анализа и художественная концепция „Медного всадника" А. С. Пушкина» состоит из двух частей, а именно: абстрактного и анализа конкретного художественного произведения. Самой важной мыслью первой части является положение, что в глобально-системном анализе герменевтика и аксиология взаимно воздействуют друг на друга, и ступеням интерпретации соответствуют оценочные операции. Сущность художественной концепции пушкинской поэмы заключается в связывании двух программ жизни и деятельности; обе программы являются равнозначными, равновеликими, но они противопоставлены друг другу. Программа Евгения — программа личности, предусматривающая тихое, спокойное, повседневное существование, программа семейного счастья. Фигура, самодержавного царя, и его программа выражает интересы государства; эта программа, если нужно, противопоставляется программе личности и может даже ее уничтожить. Эту концепцию Пушкин изображает в трех различных всё более углубляющихся пластах смысла «текучей» поэмы (форма Невы), которая насыщена метафорами, постоянно изменяется, движется, многозначна, многослойна. На основании классицистической культуры — первый, поверхностный смысл поэмы — «личность (частное) должна быть подчинена государству (общему), общее господствует над частным, державные интересы возвышаются над индивидуальными». Согласно романтической культуре — второй слой смысла — «властвование гордой и одинокой фигуры мощного 'державца полумира' над дикой стихией, над 'толпой' и над жалкими посредственностями. В противоположность этим двум «обманным» слоям самый глубинный семантический слой является подлинным, в нем выражена тщательно спрятанная и зашифрованная реалистическая концепция: «никакая 'всеобщность' не может благополучно существовать за счет личности».

Доклад Н. И. Балашова носит название «Стиль ритмической прозы Тургенева в свете автопереводов», и состоит из трех частей. Ученый утверждает, что и Лев Толстой, и Тургенев, высоко ценили объективную ритмическую структуру «стихотворений в прозе», которую они стремились сохранить и во время перевода, и при переработке. Свои «Стихотворения в прозе» Тургенев переводил на французский язык таким образом, что стремился подыскать французский силлабический эквивалент русской тонике, сохраняя ритмическое единство фонетических предложений. Во второй части доклада речь идет о том, что мысль писать «стихотворения в прозе» Л. Толстой считал своим открытием (в 1857—58 гг. он пишет свой «СОН»), и это он подал эту идею Тургеневу (Балашов ссылается на совпадающие заявления Д. П. Маковицкого и П. А. Сергеенко). В последней части мы можем прочитать о том, что Л. Толстой, который до конца своей жизни с большой любовью относился к «Стихотворениям в прозе» Тургенева, включил в свой «круг чтения» два стихотворения в прозе: «Морское плавание» и «Воробей», внеся небольшие изменения в тургеневский текст в интересах более легкого понимания.

С новой точки зрения анализирует С. Е. Шаталов в своем докладе «И. С. Тургенев и французские писатели» связь Тургенева с французскими литературами. Он считает, что не достаточно лишь констатировать эти связи, необходимо вскрыть политико-философские взгляды русского писателя, которые мотивировали эти контакты и внесли в них определенную систему и последовательность. Для политических и литературных взглядов Тургенева характерны были стремление к независимости, воздержанность от крайностей, и именно поэтому он питал симпатию к тем французским литераторам и артистам, которые были способны сохранить свою независимость, умеренный демократизм и осуждали всякого рода радикализм. Жорж Санд, Мериме, Луи Виардо, Флобер, Золя, Полина Виардо, Мопассан, А. Франс — вот те люди, в которых он видел воплощение лучших черт французского национального характера. Как известно, Тургеневу хотелось, чтобы Россия вступила на путь постепенных умеренных реформ, на путь развития по образцу Западной Европы. Он считал необходимым, чтобы Россия и Франция перед лицом немецкой агрессии, угрожавшей Европе, поддерживали не только военный союз, но сближались друг с другом также и в области культуры и литературы, ибо условием оказания взаимной помощи друг другу является взаимное понимание.

Третья часть сборника открывается работой Н. М. Федя, которая называется «Теория социалистического реализма и классическое наследие». Как известно, социалистический реализм как новая художественная концепция получил определение на первом съезде Союза советских писателей в 1934 г. Это направление требует от художника правдивого изображения действительности, конкретных исторических ситуаций в их революционном развитии. Такое изображение тесно связано с воспитанием народных масс в социалистическом духе. Как полагает исследователь, социалистический реализм усваивал культурное наследие прошлого в ходе трех этапов. На первом, раннем этапе, начавшемся непосредственно после Октябрьской революции, Пролеткульт полностью отверг культурное наследие прошлого, в то время как В. И. Ленин обратил внимание на то, что необходимо использовать лучшие достижения культуры прошлого. Второй этап начинается с начала 30-х годов. Социалистическая литература стала замечать и усваивать из духовных ценностей прошлых веков то, что было идеологически необходимо для строительства нового общества, всё то, что выражало пафос отрицания, непримиримости к духовному и физическому закрепощению человека. Третий период начала с 50-х годов и продолжается до нашего времени. «Интерес к классическому наследию растет вглубь и вширь. Духовное наследие прошлого всё более органически входит в социалистическую литературу и параллельно с этим постепенно очищается и отшлифовывается в спорах теория социалистического реализма». Федь присоединяется к мнению тех литературоведов (Г. Н. Поспелов, М. Б. Храпченко, А. И. Овчаренко), согласно которым хотя социалистический реализм и является главным направлением в социалистической литературе, но в ней наблюдаются так же и явления критического реализма, натурализма и романтизма.

В статье Л. Г. Федосеевой »Культурный обмен и советская литература» рассматриваются принципиальные возможности и специфические особенности культурных связей между странами с различными и аналогичными общественными структурами, с одной стороны, а с другой стороны, автор изыскивает ответ на вопрос о том, в чем заключается причина всё более возрастающего интереса к советской литературе во всем мире. По мнению Федосеевой, важнейшей мотивацией культурных связей между народами является стремление к познаванию мира, обмен опытом, приобретенным людьми в различных областях, в философии, в науке, искусстве и т. д., взаимовлияние теоретической и практической деятельности. Хотя наиболее гармонично и полно культурный обмен осуществляется между социалистическими странами, но всё более оживляются и развиваются культурные связи между странами с различными общественными системами. Влияние советской литературы, ощущаемое во всем мире, может быть объяснено тем, что она является своеобразным средством познания

действительности, такой новой формой художественного мышления, идейным содержанием и целью которой является социалистическое преобразование мира. В то же время советские писатели также встраивают в свое мышление прогрессивные элементы, гуманистический пафос западной литературы, ведь зачастую писатели, обладающие идеалистическими философскими и этическими взглядами, в процессе творчества, повинуясь законам жизни, изображают под линные человеческие и социальные проблемы.

В. И. Борщуков в своем докладе «Изучение советских славянских литератур за рубежом (70-е годы)» прежде всего определяет сущность и новое значение советской литературы, затем кратко обобщает характерные черты изучения советской литературы сначала в социалистических, а затем в западных буржуазных странах. Советская литература впервые в истории могла последовательно, сознательно изображать действительность в ее историческом движении и развитии; история советской литературы — это история связи нового человека с его новым общественным окружением. В ГДР в середине семидесятых годов был издан двухтомник «Истории русской советской литературы». Его главной задачей был показ новой концепции о человеке и мире, которой определяется основной характер и развитие советской литературы. Достойно внимания компаративно-типологическое исследование советской и болгарской литературы, проводимое в Болгарии. В Венгрии интерес к советской литературе проявился уже в двадцатых-тридцатых годах (Мате Залка, Антал Хидаш, Бела Иллеш), затем пропаганда советской литературы сменилась систематическим исследованием. Советологи западных стран ставят под сомнение многонациональный характер советской литературы, говорят о русификации советской литературы и связывают развитие истории советской литературы, в первую очередь, с политическими, а не с литературными поворотными вехами. Они идеализируют литературные группировки 20-х годов, этот феномен они интерпретируют как часть западного модернизма.

Статья Г. С. Черемина носит название: «Пути поэзии социалистического реализма: Маяковский и поэты славянских стран». Ее главной целью является показ того, как пришел Маяковский, а затем и — главным образом под его воздействием — польский поэт Владислав Броневский и болгарин Людмил Стоянов к методу социалистического реализма. В период 1921—1924 годов Маяковский, преодолев футуризм, становится на позиции «тенденциозного реализма». Владислав Броневский стал приобщаться к социалистическому реализму в начале 30-х годов, отходя от критического реализма и революционного романтизма, и позже всех, но тем не менее быстрее всех, в конце 30-х годов методом социалистического реализма овладел Людмил Стоянов, которому необходимо было преодолеть символизм.

Л. Ф. Ершов в своем исследовании «Эпопея М. Шолохова „Тихий Дон" и развитие эпоса в славянских литературах XX в.» пишет о том, что в русской и советской литературе последовательно осуществились опыт и законы греческо-латинского эпического искусства. В противоположность западноевропейской литературе Шолохов в своем романе «Тихий Дон» в сложном полифоническом полотне уравновесил и сплавил фигуру главного героя Григория Мелехова и образ народа, принципы, касающиеся сюжета и композиции эпоса и трагедии. Аналогичные социально-исторические условия привели к созданию типологически близких друг к другу и в то же время обладающих своеобразным национальным характером романов-эпопей в чешской, словацкой, польской и болгарской литературах. Социально-эстетические прнципы шолоховского произведения были использованы в романах и трилогиях Ярослава Ивашкевича, Марии Пуймановой, Владимира Минача, Димитра Димова, Георгия Караславова.

П. М. Топер в своем докладе «Некоторые актуальные вопросы художественного перевода» рассматривает возникновение понятия теории художественного перевода и его место среди наук, анализирует проблему творческой личности переводчика и читающей публики как таких факторов, которые постоянно влияют на концепции теории перевода. Понятие

«теория перевода» используется с начала 20-х годов нашего века. Этот термин возник на почве художественного перевода, затем, начиная с пятидесятых годов, он стал всё чаще встречаться в системе науки о языке как определенное ответвление современной прикладной лингвистики, тогда же началось исследование значения этого понятия. Автор доклада констатирует, что в последние годы вновь возрос интерес к художественному переводу (как об этом свидетельствует и IX Международный съезд славистов, на котором рассматриваемый круг вопросов фигурировал в качестве отдельного вопроса повестки дня), причиной чего является то, что теоретические концепции науки о языке не могут дать ответа на ряд существенных вопросов, которые выдвигаются в области возрастающих литературных связей между народами. Ибо для переводческого творчества и переводчика слово — это такой материал, который обладает не только коммуникативной, но и эстетической функцией. Переводчик как творческая индивидуальность должен пережить общенную и историческую условность двух культурных миров и создать произведение такого самостоятельного эстетического воздействия, которое невозможно точно измерить и спрограммировать. В последние годы возросло число читателей, знающих несколько языков, и поэтому всё больше появляется билингвических переводов, но в то же время возрастает также и психологическо-этическая ответственность переводчиков.

Первый доклад IV части называется «Развитие современных славянских литератур в системно-историческом освещении», его автор Ю. В. Богданов. Работа посвящена анализу тех нерешенных проблем, которые возникают в ходе исследования литературного процесса в социалистических странах. Этот живой, сложный, многосторонний процесс зачастую не соответствует привычным, выкристализовавшимся требованиям и кажется еще более сложным, когда литературовед или критик начинает анализировать отдельные произведения. Как полагает автор статьи, главная беда заключается в том, что литературоведение и критика зачастую лишь живут друг подле друга, не обращая внимания друг на друга. Необходимость системно-теоретического подхода в развитом социалистическом обществе диктуется самой жизнью, ибо в этом обществе в такой мере всё связано со всем, как никогда раньше. Это требование можно удовлетворить лишь путем соединения двух методов подхода, т. е. необходимо, во-первых, творения прошлого рассматривать через призму настоящего и в то же время оценивать произведения, созданные в настоящем, как органическую часть литературно-исторического процесса. С этой точки зрения Богданов высоко оценивает концепцию Д. Ф. Маркова и Б. Л. Сучкова о социалистическом реализме, разработанную в начале 70-х годов, согласно которой социалистический реализм — это исторически открытая эстетическая система.

И. А. Бернштейн в своем докладе «Система жанров в славянских литературах и развитие реализма» ставит целью в ходе исследования крупного западнославянского и южнославянского литературного материала выявить тот факт, что связь между развитием реализма и системой жанров сложилась в этих странах иначе, чем в русской и затем в советской и западноевропейских литературах. В первой и второй половине XIX в. в западнославянских и южнославянских литературах доминируют поэтические жанры, и в поэзии так же совершается переход от романтизма к реализму (Неруда, Галек, Аснык, Конопницкая, Шантич, Ашкерц, Вазов, Славейков). Что касается прозаических жанров, то во второй половине XIX в. распространяется не роман, (за исключением польской литературы), а проза «малых жанров», ибо они более быстро реагируют на общественные проблемы («Гераковы» Елина Пелина, «Преступление Калибы» В. Райса, «Пауки» И. Чипико). Доминирующий характер поэзии в XIX в. определил в складывании социалистического реализма также выдвижение на передний план революционной поэзии (Волькер, Нейман, Новомеский, Незвал, Смирненский, Вапцаров, Гео Милев, Броневский). Развитие романа в XX в. в славянских литературах движется не в направлении Пруста—Джойса, а, следуя традициям Толстого и Достоевского, психологический анализ оказывается подчиненным проблемам

социальным и этическим (М. Крлежа). С развитием социалистического реализма, начиная с 30-х годов и особенно после войны, распространяется монументальная эпическая форма романа (Д. Димов, Я. Ивашкевич, В. Минач). В 60-ых годах становятся господствующими малые прозаические жанры, затем в 70-ых годах наблюдается исключительное многообразие жанров, особенно внутри романа.

Авторский коллектив в составе И. К. Горского, Р. Ф. Дорониной и М. Г. Чемодановой в своей работе «Развитие литератур западных и южных славян в XIX в. и проблема литературных направлений» считает самой важной формой литературного развития чередование направлений. Существенное различие в этом отношении существует между классическим путем развития польской литературы, с одной стороны, и неклассическим путем, с другой стороны, характерным для литературы чехов, словаков, хорватов, сербов, словенцев, болгар. В развитии польской литературы можно пронаблюдать четкое, хорошо отличимое чередование литературных направлений в конце XVIII и в XIX в. в следующей последовательности: от классицизма, сентиментализма, романтизма, позитивизма до реализма. Однако для эволюции литературы XIX в. характерно преобладающее господство романтического направления, которое было тесно связано с политико-освободительной борьбой в Польше (до 1863 г., после чего романтизм постепенно уступает место реализму). Для неклассического пути развития литературы характерна нерасчлененность литературных направлений, их совместное наличествование в одну эпоху или в творчестве одного писателя, однако такое смешение отнюдь не носит эклектического характера. Как считают авторы доклада, в отношении литератур национального возрождения этих стран можно говорить о своеобразном литературном направлении, обладающем относительной художественной недифференцированностью.

Г. Я. Ильина, В. А. Хорев и С. А. Шерлаимова в своей работе «Традиции романа-эпопеи в современных литературах западных и южных славян» вначале дают краткий обзор традиций до 1945 г., после этого анализируют эволюцию романа-эпопеи в отдельных славянских литературах, в первую очередь уделяя внимание их общим чертам. В числе традиционных произведений достоин упоминания роман-трилогия С. Жеромского «Пепел» (1904), написанный в духе поэтики «Войны и мира». Заслуживает внимания лирический, субъективный характер эпического повествования, который позднее станет одной из основных особенностей романа в Европе. Для традиции романа-эпопеи в славянских странах характерно изображение народно-национального освободительного движения, как, например, в романе И. Вазова «Под игом» (1889—90) — в болгарской литературе, и А. Шеноа «Крестьянское восстание» — в хорватской литературе. В послевоенные годы в течение десятилетий в литературах славянских народов можно наблюдать стремление к широкому эпическому изображению, ставящему целью отражение в исторических романах борьбы народов с фашизмом и процесса социалистического преобразования, что находит место главным образом в исторических романах; таковы в югославской литературе «Травницкая хроника» и «Мост на Дрине» (1945) Иво Андрича, у болгар — Железный светильник» (1952), «Ильин день» (1953) и «Преснанские колокола» (1954) Д. Талева, в чешской литературе примером могут служить романы В. Капницкого, В. Неодоли.

С конца 50-х годов, но скорее в 60 —70-х годах послевоенные события всё более приобретают историческую ретроспективу, и изображение истории всё в большей степени получает характер личных переживаний (так, в польской литературе появляется трилогия Я. Ивашкевича «Хвала и слава», 1956—62 гг., в югославской литературе этот оттенок имеют романы М. Крлежи и Д. Чосича, у чехов — Б. Ржиги). Качества эпопеи проникают и во многие другие жанры, в том числе в различные жанры романа, циклы рассказов, как, например, в болгарской прозе.

С. В. Никольский в своей работе «Некоторые новаторские черты художественной системы Я. Гашека» анализирует главный принцип поэтики основного произведения Я. Га-

шека: комическую мистификацию, которая последовательно осуществляется в различных звеньях художественной структуры романа. Писатель не вводит в сюжет готовые формы народного юмора, не вставляет готовых анекдотов в повествование, но его герой Швейк постоянно реагирует на события и ситуации своеобразным, неожиданным, таинственным образом. Читатель всё время находится в неопределенности относительно того, действительно ли наивен герой Гашека или просто намеренно подсмеивается над окружающими. Комическая мистификация характерна так же и для манеры повествователя. Рассказчик не является всезнающим, он видит своего героя извне вместе со своими читателями и не знает, что творится у того в глубине души. Разговоры, болтовня Швейка так же строятся по принципу комической мистификации, он постоянно смешивает высокие материи и драки на базаре, официальную политику и быт трактиров и подворотен, и эта бурлескность так же не дает объяснения тому, сознательно создается она или нет. Принцип комической мистификации пронизывает всё творчество писателя, начиная с его первых рассказов.

С. И. Белза посвящает свой доклад «Художественное обогащение современной прозы о войне в славянских странах» не столько отличиям в силу национальных традиций, сколько общим чертам содержания и формы. Общей чертой военной прозы славянских стран и вообще социалистических стран является то, что главным положительным героем ее становится неспокойная совесть человека, не одинокого человека, а совесть общественного человека. Белза ссылается на А. Бочарова, по мнению которого новым признаком военной прозы последнего десятилетия оказывается прежде всего поиск «новых соотношений между изобразительной и философской, описательной и аналитической возможностями романа». Автор статьи опирается также и на И. Бернштейн, которая считает, что главные новые черты эпики 70-х годов в военной прозе, кроме всего прочего, сказываются в связи документального реализма и поэтического символизма, «в обращении к корням народной жизни, к мифу и истокам национальной мировой истории и культуры». Эти новые черты военной прозы исследователь обнаруживает в таких произведениях, как «Мастера» Винцента Шикула, «Поколение» В. Минача, трилогия Р. Яшика «Мертвые не поют».

Завершается сборник работой В. Н. Баскакова «Польско-русские литературные связи. Проблемы их библиографического исследования». Прежде всего об отношении литературных связей и библиографической деятельности автор заключает, что развитие взаимосвязи литератур приводит к подъему библиографической деятельности в сравнительном литературоведении, а в другой стороны, точная библиография стимулирующим образом воздействует на дальнейшие сравнительные исследования. По сути дела лишь начиная с первых десятилетий XX в. можно говорить о координированной библиографической деятельности, касающейся польско-русских литературных связей, в обеих странах. Важной частью этой деятельности и сегодня остается библиография Пушкина и Мицкевича. В настоящее время положение таково, что в советской библиографии именной указатель соединяют с общими библиографиями, касающимися восприятия польской литературы, в то время как польская библиография остановилась на персональной форме. В обеих странах наиболее важной задачей является составление в будущем такой всеобъемлющей библиографии, которая дала бы общий обзор истории и теории польско-русских литературных связей.

Л. Либер

Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Сборник статей ученых Ленинградского и Будапештского университетов. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984. 285 с.

Рецензируемая книга вызывает удовлетворение уже своим титульным листом: этот сборник содержит статьи ученых двух университетов, Ленинградского и Будапештского. Значение этого факта нельзя переоценить в наши дни, когда в естествознании становится принятым вести исследования в рабочих группах и публикации подписаны двумя-пятью авторами. В области гуманитарных наук — естественно, отчасти по причине различий в методах научного исследования — такого рода общая работа (вне рамок съездов, симпозиумов или периодических изданий) остается редкостью. Кажется, книга, посвященная проблемам поэтики русского реализма XIX в., предлагает очень удачную форму исследовательского диалога.

Сборник, состоящий из двенадцати статей, открывается работой Г. П. Макогоненко, в которой детально освещается проблематика соотношения реализма и романтизма в поэме Лермонтова «Мцыри». Автор, рассмотрев и оценив ряд установившихся мнений, убедительно голосует за реализм поэмы, выводы его строятся на многосторонней аргументации. Рассмотрен в первую очередь историко-социальный фон, историческая судьба аманатов. Автор обращает также внимание на историко-литературную среду — на общую тенденцию поиска протестующего героя (местами не совсем адекватно названного в статье «протестантом»), и предлагает вести исследование поэмы, привлекая главы из «Героя нашего времени», написанные в 1839 г. Доказав, что для поэтического оформления поэмы характерно сознательное исключение романтических мотивов (напр. любовного сюжета) и что употребление образов-символов не исключает принципа реализма, Макогоненко дает тонкий сравнительный анализ поэмы и пушкинских произведений 30-х годов. В заключении в новом свете представлен эпиграф поэмы, за его перефразированностью открывается новый смысл.

М. В. Отрадин во второй статье сборника ставит в центр исследования роман Григоровича «Рыбаки», проблематику романного сюжета. Автор статьи находит характерным для построения романа переставляемые новеллы-эпизоды, не связанные причинно-следственными связями, и в этом (не избегая местами упрощений) видит черты эпоса — но со существенным различием в том, что у Григоровича наличествует позиция автора. Несмотря на то, что конфликты носят не только нравственный, но и социальный характер, наблюдаются неровности в сюжете: в 4-й части фабульность выступает на первый план, неровно решены любовные конфликты и в заключении романа конфликт снимается при помощи описания России — по гоголевской традиции. Автор показывает, как определяют исторические условия становление типового образа крестьянина в литературе, и дает характеристику главного героя «Рыбаков» в контексте романов Даля, Решетникова, Аксакова, и далее Тургенева и Толстого.

Статья В. М. Марковича посвящается волнующему вопросу художественной структуры, точнее жанрового развития тургеневских романов. Исследуется отношение эпоса и трагедии в романе «Дворянское гнездо» в сравнении с более ранним «Рудиным». Автор статьи весьма последовательно прослеживает процесс перестройки поэтики реалистического романа, усиление собственно эпических свойств в «Дворянском гнезде». Он обращает внимание на то, что хотя в романе отчасти сохранен новеллистический принцип построения, но нарушены новеллистические пропорции, например, экспозиция (предыстория) занимает одну треть романа. К крупным эпическим жанрам тяготеет «ступенчатое» построение основной фабулы, более резко отделенные друг от друга композиционные единицы и полицентрическая композиция, в которой образы вовлечены в разные, многократно пересекающиеся сцепления. Автор виртуозно связывает вопросы дистанции (авторского повествования,

кругозора героя, «скрытой дистанцированности») с возможностью выражения трагизма в трагедийной фабуле «Дворянского гнезда». Четкий ход анализа приводит читателя к вопросу вопросов: к коллизии чувства и долга, счастья и дела — словами автора «превращения лишнего человека в нужного». Трагическая коллизия несовместимости двух запросов даже во внутренней жизни человека не нарушает равновесия эпической структуры — подчеркивает автор, — более того, в характере Лаврецкого есть взаимная связь трагического и эпического начал, при соединении лирических оттенков, «фетовской тональности» с «некрасовской тональностью темы догла и родины».

Не подготовливают ли почву поздние повести Тургенева для расцвета малых прозаических жанров 80—90-х годов? — такой вопрос ставится в статье А. Б. Муратова. По мнению исследователя следует искать точки соприкосновения метода Тургенева с методом Лескова, а ни в коем случае не с реализмом Достоевского и Толстого. «Санин» Арцыбашева толкуется как антитеза «тургеневскому высокому гуманизму», как полемический ответ на «Вешние воды». Общеизвестные соответствия между творчеством Тургенева и Чехова статья дополняет аргументом о наличии тургеневского начала в «степных повестях» Чехова. Упоминаются произведения Гаршина, позднего Щедрина, Бунина — последнему близка проблема национальных основ русского быта и поэтика воспоминаний, положение причастного к этому миру человека. В исследовании таинственных повестей и их связи с действительностью автор приходит, кажется, к несколько обобщенным выводам. Сравнение «нервных» героев Достоевского и Толстого с тургеневскими на основе общности темы смерти и самоубийства свидетельствует о чуткости автора к соответствиям, к раскрытию которых стоило бы подходить более аналитически. В статье поднят многообещающий вопрос о Тургеневе и символистах (в итоге: только о Мережковском), который в рамках данной работы остается лишь пунктирно намеченным. В заключении статьи освещаются причины перехода писателя от романа к малой форме. Как отмечает автор, в романах в центре «всегда стоял вопрос о деятеле эпохи», а в рассказах 60—80-х годов «писателя интересует . . . обычный, вседневный человек».

Статья Ж. Зельдхейи-Деак о реминисценциях в «малой» прозе Тургенева — более основательный анализ, чем можно было предполагать по скромному названию. Автор статьи дает определение реминисценций и круга их происхождения: «Это не только прямая или скрытая цитата, но и парафразы, литературные ассоциации, введение в художественный текст не только литературного, но и живописного, музыкального и другого историко-культурного материала. . .» Наряду с чутким выделением в текстах моментов цитатного характера и их разновидностей, статья берет на себя решение теоретической проблемы классификации реминисценций по их функциональной роли в художественном тексте, без которой невозможно обойтись при глубоком анализе текстов и которую можно и нужно учитывать при исследовании любой эпохи, но особенно произведений писателей рубежа веков, предшественником которых в этом отношении — как справедливо подчеркивается в статье — является Тургенев. С этой точки зрения — и вообще — самой сложной и интересной кажется последняя из семи выделенных функций, а именно стилизации, отрывки, написанные под чей-нибудь стиль, ибо стилизовать можно не только литературные образцы, но и — например, в случае Тургенева — живопись (описание несуществующих картин с качествами определенной эпохи). Если распространить эту категорию на музыку, архитектуру и т. п., нетрудно убедиться, насколько необходима эта категория при анализе самых различных текстов.

В следующей статье Д. Кирай проводит параллель между Раскольниковым и Гамлетом, XIX в. и Ренессансом. Автор с большой чуткостью к интеллектуально-психологическим проблемам прослеживает процесс изменения роли действующей личности в искусстве Ренессанса, а затем — в мышлении XIX в. Он сближает нерешительного Гамлета и рефлектирующего Раскольникова, находит соответствия в вопросе «переступления границы»,

проведения интеллектуального опыта и в вопросе об устройстве общества и о формирующей его личности. «Проблематика Гамлета — историческая ответственность, обременяющая интеллектуальную личность, и вытекающие из него трагические последствия. Проблематика Раскольникова — взвешивание возможностей, при которых интеллектуальная личность в новых исторических условиях может взять на себя нравственную ответственность». Отмечены однако существенные расхождения в действиях и суждениях, возможности вмешательства в историю, в последнем случае с известным созвучием с французским романом XIX в. (Наполеон в качестве образца, конфликт чести и карьеры). Статья охватывает также аспекты поэтики, связанные с идейным содержанием: привлекается к анализу вопрос о трагедийном начале в романе с выводом, что «изображение психологических процессов как интеллектуальных сдвигов развития личности в обществе далее приобретает первостепенную функцию в сюжетной истории героев романов Достоевского; тем самым происходит взаимозамещение сюжета и мотивации в романе».

А. Ковач, автор статьи о жанровой структуре романов Достоевского, дает определение введенного им термина «прозрение»: прозрение — это догадка системного и структурного порядка, действующая как эпическая повторяемость; «на уровне прозрения упорядоченность психологических феноменов, внутренних поступков повторяет принцип упорядочения сюжета». Исходя из своего второго нового термина «противоположные жесты» (в случае Мышкина: двойные мысли), А. Ковач подчеркивает их знаковый характер, считает их разъясняющими кодами. Следует отметить, что стремление автора статьи к терминологической ясности и введение метких и нужных терминов является его несомненной заслугой. В свете «противоположных жестов» определяется место главы «У Тихона» в сюжетной последовательности «Бесов» и рассматривается проблема ее опущения или присутствия в романе. Неотделим от этого и вопрос о принципах повествования, который автор статьи толкует на основе трех романов Достоевского, ибо код особенно трудно разъясняется, когда введен рассказчик, в силу того, что возникновение внутренних мыслей остается скрытым. Новый этап эволюции поэтики Достоевского автор выделяет начиная с романа «Идиот», когда центральной проблемой становится вопрос «о положительных возможностях русской цивилизации в отличие от западноевропейской», и одновременно рождается роман-прозрение, являющийся по мнению автора статьи новым словом в жанровой структуре европейского романа.

«. . . Вопросы этические переходят у Толстого в категории исторические, сплетаясь с проблемой судеб человечества в его движении к совершенству», — утверждает Г. А. Бялый в статье о категориях добра и зла в творчестве Толстого. Это, на первый взгляд странное — особенно для Льва Толстого странное — сочетание понятий убедительно и крайне последовательно, более того: интересно прослеживается исследователем в произведениях Толстого (с самого начала творчества до конца жизни) разных жанров, в самой открытой форме — в дневниковых записях. Говоря об отношении исторических поступков и добродетели, к известному тезису «Войны и мира» (о бессознательном, стихийном созидании истории и частной жизни) автор статьи присоединяет другой: люди — по теории Толстого — делают историю, руководствуясь своими интересами. Несомненное новшество статьи состоит в том, что ее автор открывает аналогию с положением Чернышевского, написавшим в 1857 г.: «рассудок чуть-ли не бессилен в истории». «Разумеется, — продолжает автор статьи — и в этом случае полного совпадения у Толстого с Чернышевским нет: у Толстого люди подчиняются законам исторической необходимости, в конечном счете — воле Провидения, у Чернышевского — силе исторических и социальных обстоятельств..» Понимание добра и пользы в оценке Толстого тесно связано с понятиями зла и разума («зло есть все, что разумно»). В последней части работы показано, как наряду с обращением Толстого к героям, занятым идейными исканиями и усилением дидактического элемента писаель отдаляется от эпических форм и приближается к форме притчи.

В первой части своей статьи Ю. К. Руденко коротко, но содержательно подводит итог теории циклизации как нового значимого ряда и справедливо указывает на то, что циклизация малых жанров всегда обнаруживает тенденцию создания более объемных жанров. (Видимо, эту первую часть автор в будущем дополнит обзором уже установившихся мнений и общеизвестными ссылками, ведь настоящая статья носит подзаголовок «К постановке вопроса»). Приступая к собственной теме работы, тенденция циклизации у Чернышевского Руденко находит в самом начале его творчества: повести — первой из которых была «Теория и практика» — сцеплялись бы по плану писателя единством проблемы становления положительного героя и образом центрального персонажа. Циклизация в данном случае тяготеет к романному построению, ведь роман «Что делать?» тоже имеет подзаголовок «Рассказы о новых людях». Дополнительным аргументом служит письмо Чернышевского, рассказывающего о своем намерении подключить к более позднему роману самые разные короткие произведения. Автор статьи считает, что за прямо или косвенно проповедуемыми идеями романиста «идея классовой обусловленности человеческого поведения и сознания впервые в литературе становится необходимым значимым компонентом в художественной концепции взаимоотношений между человеческой личностью и общественной средой». Этим объясняется, что в явной или скрытой форме Чернышевский влиял на Достоевского и Толстого (приводится конкретный пример: мотив «хрустального дворца» в «Записках из подполья» Достоевского). В дальнейшем следует интересные и плодотворные мысли о тройной повествовательной «маске», о «мистификации» в романе «Повести в повести» и о системе цитат, расширяющих содержательное поле романа и в то же время придающих ему «задорный характер».

В центре статьи М. Рев стоит один рассказ Чехова — «Черный монах», но он рассматривается в кругу философских рассказов (особенно в параллели с рассказом «Палата № 6») и в свете всего творчества Чехова. В статье говорится также о возможных влияниях мыслителей — кроме известных ссылок на Мережковского и Минского автор обнаруживает моменты сходства с Шопенгауером в вопросе о гениальности, экстазе и вдохновении. Решаются основные проблемы — почему рассказ не является фантастическим рассказом, какое значение имеет сумасшествие в рассказах Чехова. (В связи с последним приводится признание Чехова в письме к Суворину: «Я любил умных людей, нервность, вежливость, остроумие»). Чрезвычайно интересен разбор роли повторяющегося в рассказе романса. Не соглашаясь с мнением Фортунатова о сонатном построении рассказа, автор статьи доказывает, что рассказ трудно разделить на три части, и предлагает воспринимать его композицию как серенадную, в соответствии с мотивом повторяющегося романса. В сюжетно-фабульной линии отмечаются противопоставленные моменты в реалиях, соответствующие — как говорит автор — противопоставлению теории и практики, земного и неземного, т. е. основному замыслу Чехова.

Прежде чем непосредственно приступить к своей теме («О „натуралистическом" романе в русской литературе конца XIX — начала XX века») Л. А. Иезуитова должна была решить общетеоретическую задачу определения натурализма, со всеми сопутствующими вопросами: характеристики его отдельно как течения литературы и движения, особенностей его методов и поэтики, определения его места в литературе или на грани литературы, отличия русского и французского натурализма и отношений с реалимом. В трактовке этих тем точные выводы подтверждаются богатым материалом из произведений и теоретических работ натуралистов, прежде всего Золя. Затем перечислены основные представители направления, с более обширным обзором творчества трех писателей — Боборыкина, Амфитеатрова и Мамина-Сибиряка. Боборыкину приписывается заслуга введения в русскую литературу деятельного героя, правда, бальзаковского типа (это «хищный, но стремительный, самоутверждающий, дельный буржуа» по словам автора). Мамин-Сибиряк выделен как создатель оригинального жанра социологического романа, Амфитеатров же ведет

хронику истории России, создает публицистически обобщенные портреты, но при всем умении делать точные наблюдения, ему недостает художнической индивидуальности. Все трое передают само движение жизни — Боборыкин в форме романа-события, Мамин-Сибиряк в форме романа-эпоса, Амфитеатров в романе-хронике — заключает автор статьи.

Согласно хронологической последовательности исследуемого материала, последняя работа, принадлежащая перу Л. Силард, посвящена теме рубежа XIX—XX вв.: поэтике символистского романа. Исследователь подчеркивает, что жанровое новаторство символистов не ограничивается взаимопроникновением эпики и лирики, но состоит также в создании «таких художественных структур, с помощью которых они стремились ощутимо передать характер соотнесенности временного, явленного с вневременным, „вечным"», Брюсов, который следует теории самозамкнутых цивилизаций, обращает внимание на различия между культурами, на декорацию и специфику разных эпох — поэтому историзм Брюсова Л. Силард называет декорационным. Но в отличие от Мережковского, использовавшего традиционные методы писем, дневников и т. п., Брюсов стилизует (декорирует, вовлекает в систему цитации) повествование на всех уровнях и создает изысканную систему дистанцированности. В «Мелком бесе» Сологуба реминисценции образуют метаязык произведения, в котором наблюдается взаимодействие разных стилистических слоев. Автор статьи говорит о градации, благодаря которой конкретно описанная действительность постепенно перерастает в метафоры, потом в символы, чтобы приобрести «архетипически окрашенную значимость, метафизический характер». Сологуб воспринимает историю не как путь, а как вечное возвращение (и поэтому: как жалкий маскарад) о чем свидетельствуют заимствования из циклических мифов, сказок и т. п. так же, как и часто встречающийся мотив бала масок, встречи мертвых с живыми. Вышеприведенные положения в статье рассматриваются в контексте произведений Белого, Блока, Булгакова, Кафки, Пушкина, Салтыкова-Щедрина. Андрей Белый вел свои поиски в направлении музыкального построения текста, затем перешел к трансформации сказа, чтобы потом осуществить художественное оформление тезиса, согласно которому наше сознание творит новую действительность, независимому от нашего сознания. Согласно этой идее в романе «Петербург» перевернуто привычное романное соотношение между объективным и субъективным миром. Эта идея отражена в романе в многофокусном зеркале сложной системы меняющихся дистанций. В статье Л. Силард читателя захватывает единство анализа поэтической и смысловой структуры художественного текста и раскрытие основных теоретических и философских вопросов, онтологических проблем, — проблем не только филологии, но и человека, его бытия.

Ответственные редакторы сборника, Г. П. Макогоненко, В. М. Маркович и М. Рев создали книгу, которая вызовет несомненный интерес не только у определенного круга специалистов, хотя в первую очередь она предназначена для них.

Жужа Хетени

Юрий Манн, **В поисках живой души**, «Мертвые души»: писатель, критик, читатель. Москва: «Книга», 1984, 416 с.

Мне уже доводилось представлять читателю принципиально важную, новаторскую работу Юрия Манна о поэтике Гоголя.[1] Новое исследование автора, на первый взгляд охватывающее более узкую тему, появилось в серии «Судьбы книг» московского издательства «Книга» и прослеживает историю возникновения поэмы «Мертвые души» от рождения

[1] Поэтика Гоголя: Studia Slavica 26 (1980) 448—449.

замысла до катастрофы, выразившейся в сожжении второго тома рукописи. Казалось бы, подобная работа вполне могла бы ограничиться тщательной подборкой источников, соблюдением хронологии, собранием авторских признаний и высказываний, критических откликов и отзывов об исследуемом произведении. Однако Ю. Манн и на сей раз остается верен себе: хотя он неоднократно подчеркивает свое стремление не выходить за рамки узкой тематики, т. е. не предпринимать обстоятельного анализа творчества Гоголя, его личности и даже «Мертвых душ», тем не менее вопреки такому самоограничению, проистекающему из характера вышеупомянутой серии, обо всем том, чего он «не предпринял», можно узнать гораздо больше, чем из многочисленных выспренних монографий вместе взятых.

Дело в том, что автор знает и чувствует Гоголя настолько глубоко, что даже из отдельных его скупых замечаний, оброненных как бы вскользь, вырисовывается обаятельный, но где-то и отталкивающий образ писателя, вплоть до того, как он садится за работу или откладывает рукопись, как читает вслух письмо одного из своих корреспондентов или намеренно вводит в заблуждение собеседника, но прежде всего мы видим Гоголя, в муках и страданиях, преодолевая самого себя, творящего фатальный второй том «Мертвых душ», конечно же, тот момент, когда писатель — несмотря на внешне одобрительные отзывы и похвалы критики — поднимает руку на собственное творение («дитя» — говоря словами А. Блока).

Достоверные и точные данные о «рождении» произведения, которые, кстати, в большинстве своем содержатся в любом критическом издании поэмы и за неимением других сведений вряд ли могут быть дополнены, таким образом наполняются яркой и одновременно трудной жизнью, а стремление Гоголя к недостижимой полноте, его борьба за создание русской эпики вырастает в трагический и в конечном итоге неосуществимый подвиг.

Беспристрастный и синтетический подход Ю. Манна способствует тому, что общеизвестные, неоднократно проанализированные данные и высказывания выстраиваются в новом боевом порядке, приобретая свежее прочтение и толкование. Здесь нет возможности ни для того, чтобы перечислить все меткие находки и новые наблюдения данной работы, ни для того, чтобы подкрепить это должным объяснением, можно лишь указать, что в монографии в новой интерпретации предстает известный факт предложения Гоголю сюжета «Мертвых душ» А. С. Пушкиным, а также многочисленные отрывки и наброски, не вошедшие в окончательную редакцию рукописи. Автор по-новому освещает историю препятствий, чинимых книге цензурой, роль различных лиц, способствовавших выходу поэмы или тормозивших его, вскрывает мотивы поведения цензоров и, наконец, историю невероятной по тем временам «пробивки» первого тома. Анализируя реакцию на его появление, Ю. Манн великолепно воссоздает расстановку сил *той эпохи*, избегая одного из наиболее распространенных недостатков современных исследований, согласно которым «Мертвые души» — прогрессивный шедевр, а тот, кто не признал этого в свое время, заслуживает всяческого порицания. Вместо этого Манн восстанавливает реальную общественную картину эпохи с ее читательской средой, в которую ворвалась поэма, и обнаруживает причины того, почему эту книгу, действительно в резких контрастах рисующую действительность, консервативный читатель приветствовал с восторгом, а революционно настроенный человек (не только тогда, но и позднее!) — не принимал. Ученый следует правилу, своего рода предупреждению Ю. Тынянова, которое сегодня можно уже считать классическим: не верить ни эффектным сценам, ни громким словам, ни табели о рангах. . .

Лучшие страницы монографии, захватывающие воображение читателя, описывают историю второго тома «Мертвых душ», в буквальном смысле слова обратившегося в пепел. В передаче душевных терзаний Гоголя, оторвавших его окончательно от окружения да и от прежнего себя самого, Ю. Манн порою поднимается до подлинных вершин художественной литературы, четко определяет, как под влиянием восприятия «Избранных мест из переписки с друзьями», этой самобичующей, подобной кровоточащей ране книги, видоизменялся

второй том поэмы, замедлялся творческий путь да и пожалуй вся личная жизнь писателя. В заключение автор приводит читателя к дням, предшествовавшим сожжению рукописи, и к роковой ночи. Нельзя не согласиться с позицией Ю. Манна, отвергающего многие эффективные мистические объяснения: причиной сожжения рукописи и конечном итоге явились честная, прямая самокритика писателя, а также критика той смелой, достойной уважения, но ошибочной концепции, под знаком которой были — по мнению Гоголя — растрачены самые плодотворные, самые зрелые годы его жизни.

По прочтении краткой монографии Ю. Манна остается определенное убеждение, что перед нами итоговое исследование, аргументация которого может быть поставлена под вопрос лишь с появлением новых источников — если в этой столь основательно исследованной области можно еще вообще расчитывать на открытия.

Д. Бакчи

Geir KJETSAA, **Dostoevsky and His New Testament.** Oslo: Solum Forlag A. S. — New Jersey: Humanities Press, 82 c.

Книга незаурядного норвежского исследователя Гейра Хетсо делится на две части первая часть задумана автором как вступление ко второй. В своей работе норвежский ученый делает попытку показать, какую важную роль сыграл в жизни Достоевского Новый завет, и как отразилось воздействие Нового завета на произведениях писателя. Последний вопрос несомненно требует проведения дальнейших углубленных исследований, для которых книга Гейра Хетсо может быть чрезвычайно полезной.

В хранилище рукописей Библиотеки им. Ленина Гейр Хетсо изучал тот экземпляр Нового завета, который, некогда принадлежал Достоевскому. Эта книга получает особое значение не только потому, что ее влияние на произведения великого писателя очевидно, и не только потому, что он знал ее с самого раннего детства, но и потому, что на полях этой книги имеются пометки и приписки, сделанные собственноручно самим писателем. Последний факт важен еще и тем, что кроме этого экземпляра Нового завета нам известно всего лишь о двух книгах, в которых содержатся собственноручные применения писателя: это «Братья Карамазовы» и «Униженные и оскорбленные».

В книге Гейра Хетсо приведены все цитаты из экземпляра «Нового завета» Достоеского, которые каким-либо образом были помечены писателем, например, отмечены карандашом на полях или подчеркнуты чернилами, или рядом было поставлено «nota bene», или возле цитаты мы находим заметки всего в одно слово. Точный список всех этих цитат и выдержек дан во второй части книги: сначала по-русски, как это было выписано Гейром Хетсо из «Нового завета», принадлежавшего Достоевскому, а затем в переводе на английский язык. Ученый точно указывает, какого рода пометку можно найти возле приводимой цитаты.

В первой части книги автор сообщает историю этого экземпляра Нового завета. Как рассказывает Гейр Хетсо, Достоевский получил этот Новый завет в Тобольске в январе 1850 г. от жен декабристов по пути в ссылку в Сибирь. Это была единственная книга, которая до конца оставалась с ним в тьюрме. (Кроме полученной в подарок — у Достоевского была еще и своя Библия, но ее у него украли в первый же день, — пишет Гейр Хетсо).

Другой интересной особенностью книги было то, что это был первый перевод Библии на русский язык; до того времени пользовались Библией на церковнославянском языке.

Ученый детально описывает способы, которыми были сделаны пометки, о чем уже было сказано выше. Описываемый экземпляр Нового завета содержит около 200 отметок,

половина из которых представляет собой карандашные пометки на полях, один раз Достоевский делает поправку грамматической ошибки в Новом завете и всего лишь в трех случаях пишет замечания рядом с текстом.

Гейр Хетсо указывает, что интересно не только то, что было отмечено Достоевским, но и то, что писатель не отметил (например, Первое послание Петра о цели страдания). В то же время исследователь не придает особого значения отсутствию пометок писателя, ибо, — как говорит автор книги, — «Для него важным был каждый стих». Достоевский неоднократно приводит такие цитаты из Библии, которые им не были помечены.

Собирая цитаты, Гейр Хетсо делает интересное открытие: помеченные части Нового завета, состоящего из 27 книг, относятся к 21 книге, но совершенно очевидно, что Достоевский более всего любил Иоанна Богослова. Это заключение ученый отчасти обосновывает тем, что в книге Иоанна имеется больше всего пометок писателя, с другой стороны, это внушается всем направлением мысли Достоевского, который знал только одну заповедь: «люби своего ближнего как самого себя», и который расценивал преступление как отказ от Иисуса Христа. «Это полностью отвечает тому христианскому восприятию, которое отражается в произведениях Достоевского», — пишет Гейр Хетсо.

И еще важнее, пожалуй, что в книге Иоанна акцент ставится на том, что Христос — это то лицо, в котором объединяются последнее откровение божие и человек. Достоевский довольно поздно соединяет Иисуса с Богом. Для Достоевского — члена кружка Петрашевского, например, Христос был скорее моральным идеалом, обновителем жизни, но не Богом, — делает вывод Гейр Хетсо.

Далее приводятся конкретные примеры использования писаний Иоанна Богослова в романах Достоевского. Один из них — притча Иоанна о воскрешении Лазаря. Это та самая часть Евангелия, которую Соня зачитывает Раскольникову, и в которой дается предсказание о воскресении героя в «Преступлении и наказании».

Или: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется только одно; а если оно умрет, то принесет много плода» (Иоанн 12, 24). Это эпиграф к роману «Братья Карамазовы» и одновременно эпитафия на могиле писателя.

Воздействие писаний Иоанна Богослова ученый прослеживает более подробно на материале двух романов: «Идиот» и «Бесы».

Пометки Достоевского в Новом завете ясно показывают, — констатирует Гейр Хетсо, — что великий писатель старался придать актуальность библейским притчам, и особенно это относится к книге Иоанна. В 1873 г. Достоевский говорил Варваре Тимофеевне: «Антихрист народился. . . идет к нам. Конец мира приближается скорее, чем люди об этом думают».

Подверженный апокалиптическим видениям, он в Откровении находит также и прообраз лже-пророка, который фигурирует в «Бесах»: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога подобных агнчим, и говорил как дракон» (Откр. 13, 11). Примечание Достоевского чернилами: «социал». Гейр Хетсо считает, что речь очевидно идет о сокращенном слове «социализм».

И действительно, — продолжает он, — это описание применимо к Петру Верховенскому, который внешностью напоминает кроткого барашка, а изнутри — похож на дракона и дьявола. Однако он играет всего лишь роль «министра пропаганды» при Николае Ставрогине, созданном писателем по образу первого «зверя», о котором мы знаем, что у него «седмь голов и десять рогов», а «на рогах его было десять диадим», и «был подобен барсу; ноги у него как у медведя, а пасть у него как пасть у льва» (Откр. 13, 1).

Затем Гейр Хетсо дает объяснения также и относительно пометок Достоевского, сделанных на полях двух других страниц Откровения.

Прочие отмеченные части Библии требуют более основательного исследования, предполагающего обстоятельные теологические знания. Эту задачу норвежский ученый не

берет на себя, но несмотря на это его книга может послужить ценной исходной точкой и источником для всех, кто хотел бы более глубоко заняться этим вопросом.

Ева Дудаш

Les Littératures de Langues Européennes au Tournant de Siècle: Lectures d'Aujourd'hui (Travaux de Groupe de Recherches International «1900», Directeur: Stephane SARKANY, Carleton University), Série D: La Perspective Critique Soviétique, Cahier I, publié sous la direction de Paul VARNAI, Ottawa 1984, 124 p.

В 1984 г. международное исследовательское общество «1900», работающее под руководством профессора Штефана Шарканя при Университете Карлтона в Оттаве (Канада), издало библиографию советских научных работ, посвященных оценке целого ряда важных художественных явлений, которые возникли в начале XX в. в России.

В небольшом томике приводится не только очень тщательно составленная библиография, но авторы предлагают также критическую оценку более значительных публикаций. Вообще тон составителей беспристрастен: они стараются как можно более объективно описать самые интересные результаты советского литературоведения последних лет. Большинство данных книжки уже цитируется у нас в учебниках, но общество «1900» играет большую роль и в координации русистики в Советском Союзе и зарубежом. Публикации Общества, вышедшие до сих пор, касаются деятельности самых значительных писателей и художников во Франции, Германии, Англии, Италии в начале XX столетия. Авторы перечисляют монографии, кандидатские диссертации и научные статьи 60-х и 70-х годов, которые знанимаются либо традиционными критическими вопросами, либо вновь возникшими проблемами в связи с наследием таких классиков, как Лев Толстой и А. П. Чехов, — в то же время они, конечно, показывают и то, как постепенно, но заметно изменилось критическое отношение вообще к их произведениям.

А. Донсков считает,[1] что сейчас общая в советской критике точка зрения сводится к тому, что нельзя принять теорию западных исследователей, отрывающих Толстого-художника от Толстого-философа. Он цитирует целый ряд данных, чтобы показать, какой огромной популярностью пользуется Толстой в наше время среди простых читателей.

После описания чрезвычайно интересных экспериментальных постановок пьес Чехова (Товстоногов, Захаров, Эфрос) автор статьи о Чехове, Клара Холлоши приходит к выводу, что в Советском Союзе в недалеком прошлом критика немного отставала от театральной практики.[2]

В остальных статьях авторы дают новейшие критические представления о таких более или менее спорных фигурах, как Леонид Андреев, А. И. Куприн, И. А. Бунин и Осип Мандельштам. Р. Д. Девис[3] ссылается на мнение Л. Каранчи,[4] который предсказал, что при отсутствии критической биографии и архивных материалов просто не будет возможно обсуждать важные критические вопросы, такие, как, например, проблемы развития философии и художественных приемов Андреева. С тех пор, однако, разные литературоведы в Советском Союзе опубликовали интересные работы об Андрееве (В. И. Беззубов, Л. А.

[1] A. DONSKOV, Most Recent Soviet Publications on Tolstoi: a Survey, 1—22.
[2] C. HOLLOSI, Chekhov's Plays in Contemporary Soviet Criticism, 23—32.
[3] R. D. DAVIES, Leonid Andreev in Soviet Criticism, 33—43.
[4] L. KARANCSY, Bedeutung und Probleme der Andrejev-Forschung: Studia Slavica Hung. 15 (1969) 258.

Иезуитова, Ю. В. Бабичева, М. Я. Ермакова и ряд более молодых исследователей), которые уже могли использовать письма писателя и другие архивные материалы и пришли к интересным выводам относительно связей между Андреевым и его предшественниками и современниками (Достоевский, Толстой, Чехов, Блок, Горький).

В своей статье Б. Плашкац подчеркивает значение стилистического анализа Р. Михайлова, который считает, что в произведениях Куприна можно наблюдать непрерывность реализма, но при этом выделяет разные стилистические варианты в разные периоды развития писателя.[5]

По мнению П. Варнаи,[6] современные советские исследователи вообще не видят никакого перелома между произведениями Бунина до и после 1910 г. Они считают Бунина последним великим русским реалистом, который в то же время проявил глубокий интерес к теории Фрейда о подсознательном и к хужожественным экспериментам некоторых западных писателей, например, Пруста. Варнаи цитирует целый ряд интересных критических работ о стилистических особенностях Бунина-прозаика, но ему кажется, что к стихам Бунина проявлялось сравнительно мало внимания в последнее время.

Р. Л. Буш рецензирует советские научные статьи, посвященные вопросам поэтики Осипа Мандельштама.[7] Он особенно высоко оценивает анализ А. Л. Дымшица (1974: прежде всего его суждения об отношении между акмеизмом и символизмом) и Л. Я. Гинзбург (1972: семантические эксперименты, роль эллинистических мотивов, ассоциативный метод). Автор подробно излагает стилистический анализ Ю. И. Левина (1969, 1972, 1975, 1977).

Кроме этих обзорных статей том содержит описание русских литературных теорий 20-х и 30-х годов и оценку изменения критического подхода после 1953 г. к наследству художников конца XIX, начала XX вв. (Врубель, Ларионов, Гончарова, Шагал, Малевич, Кандинский и т. д.).

Агнеш Петер

L'avanguardia a Tiflis, Studi, ricerche, cronache, testimonianze, documenti a cura di Luigi Magarotto, Marzio Marzaduri, Giovanna Pagani Cesa. Venezia 1982, 323 c.

Книга, выпущенная итальянскими славистами-литературоведами, рассматривает совершенно специфический период деятельности уникальных художников восточного русла авангарда. Тифлисский модернизм рождался на месте, объединяющем культуру Востока и Запада, и как таковой создал особый сплав традиций, живое взаимоотношение между национальной идентичностью и международным новаторством. Издание университета Венеции делится на две части: в первом разделе печатаются статьи о тифлисском авангарде 1815—1824 гг., о дальнейшей судьбе некоторых деятелей грузинского авангарда, а во второй части публикуются неизданные документы, литературные тексты, манифесты авангардистов и воспоминания Катаняна о В. В. Каменском и о Маяковском. Книга уникальна в своем роде чем, что уделяет особое внимание сокровищам авангарда, малоизвестным в широком кругу литературоведов, изучающих современные направления XX в. В то же время книга акцентирует те особенности исторических условий, которые способствовали рождению авангарда в далекой от Европы стране и контакту русских и грузинских поэтов, художников.

[5] B. Plaskacz, A. I. Kuprin in Soviet Criticism, 45—52.
[6] P. Varnai, I. A. Bunin in Soviet Perspective, 53—63.
[7] R. L. Busch, On Acmeism and on Osip Mandel'shtam, 65—79.

В смысле исторического подхода в описании тифлисских явлений выделяется статья Луиджи Магаротто (История и теория гурзинского авангарда — 1915—1924),[1] которая дает обобщающее представление о грузинских авангардистах данного десятилетия, в том числе и об их деятельности, контактах с русскими художниками. Во введении статьи описывается история Грузии в период независимости начиная с мирного договора от 7 мая 1920 г. до включения в состав СССР. По публикациям Гришашвили Магаротто показывает, какие изменения произошли в культурной сфере страны параллельно с политическими событиями. Магаротто подчеркивает, что уникальность Грузии и ее культурного центра, Тифлиса, состоит именно в том, что этот город является средоточием соотношений разных культур, но в то же время сохраняет свою целостную национальную идентичность. Исследователь называет деятелей русской литературы, связанных с Грузией еще до появления авангарда, и подробно знакомит нас с влиянием грузинских впечатлений на «Персидские мотивы» Есенина, грузинского языка — на поэтику Маяковского, контактами русского поэта с Чиковани и авангардными кругами Тбилиси.

Во второй части своей работы Магаротто представляет своему читателю деятелей авангарда Грузии, по отдельности знакомя нас с представителями новых направлений, дадаистических, футуристических, сюрреалистических групп и журналов, оценивая в частности творчество Паоло Яшвили, Табидзе, Габриндашвили, Рабакидзе. Грузинский авангард, как мы узнаем от Магаротто, формировался в рамках нового поколения, на развитие которого сильно повлияли особая культурная жизнь Тбилиси, гурзинские традиции, в том числе и Духовная Академия, оконченная почти всеми будущими авангардистами на рубеже двух столетий. Грузинский авангард — параллельно с европейскими движениями авангарда — выступил на арену в 1915 г., в то время, когда последние деятели великой эпохи традиционной грузинской литературы сходили со сцены.

Магаротто считает самым выдающимся литератором тифлисского авангарда Рабакидзе, поэта и мыслителя, который наиболее резко порвал с грузинскими традициями XIX в. и сформулировал свою теорию модернизма под влиянием философии Ницше. Под влиянием символизма и заратустровой веры в вечное возвращение, Рабакидзе звал свою группировку обратно к архаичным грузинским преданиям, к народной поэзии и классической грузинской традиции. Авангардисты Тифлиса создали группу «Голубые роги», и Магаротто с полным основанием обращает особое внимание на идеологически-философски самое современное явление группировки — мифологию «маски», желание превратиться в иной образ, в другую личность, чтобы превысить себя или высказаться, выразиться с особой беспрепятственностью. Отмечая данную тенденцию в деятельности Яшвили и Рабакидзе, литературовед, к сожалению, не связывает ее с современными темами романа (Достоевский, Жид и т. д.) и психологии (Фрейд, Юнг), и не интерпретирует важности упомянутых тем и мотивов в мышлении XX в., как вариации современного индивидуализма. Несмотря на это упущение, Магаротто, пользуясь точным филологическим аппаратом, проводит углубленную параллель между грузинским авангардом и французскими модернистами.

Третья часть работы Магаротто представляет тех русских художников-литераторов, которые в данный период принимали участие в жизни тифлисского авангарда. Переселение Крученых, Зданевича, Корнеева, Городецкого и других в Тифлис Магаротто объясняет историческими фактами. Во время гражданской войны Грузия была независимой нейтральной территорией, куда двигались толпой люди из России, в том числе и художники. Из рядов авангардистов многие вернулись позже на родину, во время перелома Тифлис дал возможность для свободного творчества. Наряду с группой «41°» русские авангардис-

[1] L. Magarotto, Storia e teoria dell'avanguardia georgiana 1915—1924: L'avanguardia a Tiflis. Venezia 1982, 45—98.

ты организовали в Тифлисе «Футуристический Университет», «профессорами» которого были Крученых и Зданевич, и «Таверну фантастическую».

Деятельность русских футуристов в Тифлисе подробно анализирует Марцио Мардзадури, оперируя богатейшей шкалой документов, литературных, теоретических текстов русских литераторов XX в.[2] Статья Мардзадури делится на четыре части: в первом разделе литературовед ставит перед собой целью реконструировать художественную жизнь русского общества в Тифлисе, деятельност группы «41°» между 1917 и 1921 гг., затем обрисовывает дальнейшую жизнь Крученых, Терентьева и Зданевича. Во второй части статьи исследователь знакомит своего читателя с предысторией «41°» между 1912 и 1916 гг., затем, в третьей части, представляет теоретическую и художественную продукцию этой группы. И наконец четвертый раздел посвящен вопросу корреляции между группой «41°» и французским дадаизмом. В связи с последней проблемой Мардзадури утверждает, что если во французском дадаизме можно наблюдать отрицательность, нигилизм, группа «41°» некоторое время верила в возможность осуществления независимого, свободного, нового мира. Итальянский исследователь обращает внимание на малоизвестную, рано погибшую деятельницу русского авангарда, на Ольгу Розанову, на связь Крученых с кругом Якобсона, на параллели между авангардистами и фрейдизмом. Автор статьи цитирует документы, написанные самими членами круга «41°» о сходстве между открытиями фрейдизма и творческим методом авангарда. В высказывании Зданевича, например, можно уловить и принципы новаторства «заумной» поэзии: «На основе нашего понимания о поэтике наша школа приходила к тем же результатам, что и психологическая школа Фрейда в Германии. С этой точки зрения кажется, что она приближает поэзию к снам, к бреду, к экстазу, к младенческому лепету и к блеянию».[3] Статья Роземари Циглер «Поэтика А. Е. Крученых поры „41°" Уровень звука» (на русском языке), после исторического и биографического введения, дает глубокий лингвистический анализ поэтике, звукового новаторства Крученых в его тифлисский период. Анализом «заумного языка», его деклараций, и, в первую очередь, его прагматики у Крученых, исследовательница как бы продолжает — в одном плане — публикацию Мардзадури, и таким образом, две статьи образуют одно целое. Роземари Циглер устанавливает, что наряду с поэтическим творчетсвом Крученых в данный период продолжает свою пропаганду футуризма, начатую еще в России, не прерывая связи с Москвой и Петербургом, но ориентируясь также и на Париж. В своем анализе исследовательниц, подчеркивает приближение футуристов к современной живописи в звуковом плане поэзии, отрицательное отношение Крученых «к благозвучию ['музыке'] в классической русской поэзии и в символизме, оперирующих эмоционально-положительными звуковыми оценками»,[4] и «научное применение когда психоанализа, особенно сфер до- и подсознательных, а именно оральной и анальной эротики».[5] Исследовательница рассматривает разные уровни художественного текста, замечая, что некоторые уровни у Крученых существуют традиционно, а для обширного анализа она выбирает именно тот уровень, на котором поэт стремился создать самую новаторскую парадигму. Так Р. Циглер останавливается на звуковом фоне «заумного языка». Однако поскольку «Крученых стремился придать поэзии функции гносеологические и коммуникативные функции, низкие уровни у него выступали носителя ми семантических задач»,[6] и, таким образом звуковой план, центральный в поэзии футуристов, приближенный к модели мира живописи, получал особую абстрактную или иконическую функцию. В установке формалистов на звуковую сторону поэтического языка иссле-

[2] M. Marzaduri, Futurizmo mensevico: Указ. соч. 99—180.

[3] Цитирую по статье: M. Marzaduri, Futurizmo mensevico, 163 (Мой перевод с французского. — *Э. Вари*).

[4] *Роземари Циглер*, Поэтика А. Е. Крученых поры «41»: Указ. соч. 238.

[5] Там же, 238.

[6] Там же, 235.

довательница видит результат связи поэтов с исследованиями формалистов, дававшей толчок параллельным исследованиям разных дисциплин. Р. Циглер анализирует доминирующие у Крученых звуки, его «заумь», ономатопоэзию, живописность строк поэта и проявления психоаналитических начал в творчестве Крученых.

Две работы сборника посвящены творчеству Зданевича: статья Жералда Янечека[7] анализирует «заумный язык» с точки зрения проблемы различия между устной речью и письменной и доказывает, что в рождении «зауми» немалую роль играло стремление преодолеть данное противоречие. И именно театр, по утверждению автора статьи, носит в себе возможность преодолевать проблемы письменности, возможность представления, практического произношения, установку на, parole, на его сближение литературы и живописи выражение симультанеизма. Публикация Елены Зданевич знакомит нас с парижским периодом Зданевича[8] биографически описывая события жизни и деятельности писателя поэта в данный период, его связи, публикации. Любителям живописи наверняка интересно познакомиться со статьями Джона Э. Боулта[9] и Гастона Буачидзе.[10] Работы о Какабадзе, представляя теоретические взгляды художника о прошлом и настоящем живописи, был на вершине культуры своего времени, имея огромный кругозор и глубокие знания о европейской культуре.

И наконец, но не в последнюю очередь, мне хотелось бы предложить вниманию читателя интересные публикации из архива Осипа Мандельштама: стихи грузинских поэтов Кара-Дервиша и Гришашвили в переводе поэта, вступительную статью к которым написал Александр Парнис, подробно проанализировав вопрос связи Мандельштама с Грузией и Арменией, используя биографические данные и статьи поэта.

Сборник статей о богатой культурной жизни авангарда в Тифлисе может быть полезен как и славистам, так и компаративистам, искусствоведам и специалистам в области теории литературы.

Эржебет Вари

История Львова. Київ: Наукова Думка, 1984, 414 с.

Diese von V. V. Sekretarjuk, Ju. Ju. Slivka, F. I. Steblyj, sowie anderen redigierte, reich illustrierte und prächtig ausgestattete, zusammenfassende Stadtgeschichte wurde vom Lwower Gesellschaftswissenschaftlichen Institut der Ukrainischen Akademie für Wissenschaften herausgegeben. Bereits zum Jubiläum im Jahre 1956 erschienen zwei Werke über die Geschichte der Stadt, aber die Entwicklung in der seitdem verstrichenen Zeit war so bedeutend, daß es sich zu lohnen schien, eine neue Synthese zusammenzustellen.

Bei der Behandlung der früheren Zeiten stützten sich die Autoren meistens auf die bisherige Literatur, berücksichtigten jedoch auch die neuesten archäologischen Forschungen, so z.B. einen Fund des Jahres 1976, nämlich von der Wende des 9. Jh. zum 10. Jh. stammende Spuren der ältesten Siedlung der Stadt. Das Quellenmaterial über das Zeitalter des Kapitalismus erweiterten sie auch um zeitgenössische Publikationen und archivalische Dokumente, bei der Behandlung der sowjetischen Epoche dienten die

[7] G. Janeček, Il'ja Zdanevic's «aslaablic'e» and the Transcription of 'Zaum' in drama: Указ. соч. 33—44.
[8] Helene Zdanevitch, Ilja Zdanevic à Paris: 1921—1923: Указ. соч. 181—188.
[9] J. E. Bowlt, Lado Gudiašvili: Указ. соч. 7—16.
[10] G. Buačidze, La réflexion de David Kakabadze sur l'art. Указ. соч. 17—32.

archivalischen Quellen als wichtigste Basis ihrer Arbeit, denn die Bearbeitung dieses beinahe halben Jahrhunderts ist in den Detailforschungen kaum über die ersten Ansätze hinausgekommen.

Etwa ein Fünftel des Bandes behandelt das Zeitalter des Feudalismus, wobei auch auf die vorgeschichtliche Zeit des Gebietes ein kurzer Ausblick gegeben wird. In diesem Raum sind die Denkmäler der Tscherniachower Kultur aus dem 3—4. Jh. zu finden, die wahrscheinlich von den Vorfahren der Ostslawen stammen. Die Anwesenheit der Slawen kann schon seit dem 5. Jh. nachgewiesen werden. In der älteren Literatur wurde die Gründung bald in das Jahr 1259, bald in das Jahr 1270 gesetzt. Die Verfasser des Bandes nehmen (wie auch die der im Jahre 1956 erschienenen Werke) das Jahr 1256 an, als die Stadt das erstemal, und zwar im Haliczer Jahrbuch erwähnt wurde. Zu dieser Zeit war Danilo Romanovič Fürst von Halicz, demnach ist er für den Gründer der Siedlung zu halten. Erst in den Chroniken des 16—17. Jh. wurde die Überlieferung aufgezeichnet, nach der sein Sohn, Lev Danilovič, der Gründer gewesen sei, nach dem die Stadt auch ihren Namen (lat. *Leopolis* oder *Leontopolis*) bekam. Levs Mitarbeit an der Gründung halten die Autoren insofern für denkbar, als der Herrscher mit den Gründungsaufgaben seinen Sohn beauftragte. Im nächsten Jahrhundert kam die Stadt — samt dem ganzen Haliczer Fürstentum — an Polen und blieb auch unter dieser Oberhoheit bis zur ersten Teilung Polens. Diese ganze Epoche wird im Buch in drei größeren Kapiteln behandelt: 1. Das alte Rus, 2. Vom Ende des 14. Jh. bis zur Mitte des 17. Jh., 3. Die Steigerung der feudalen Ausbeutung bis zur Mitte des 18. Jh. Innerhalb jedes Kapitels werden die wirtschaftliche Entwicklung einschließlich des Zunftsystems (aus dem Jahre 1425 sind 9 Zünfte, aus 1579 sind 20 und aus 1772 sind 37 Zünfte bekannt), die sozialen und politischen Kämpfe (der Kampf der Stadt gegen die feudalen Herren dieser Gegend und der der niederen städtischen Schichten gegen die deutschen Patrizier) und — eingehend — die kulturelle Entwicklung in gesonderten Unterkapiteln behandelt. Während der polnischen Herrschaft verfiel die urheimische ostslawische Bevölkerung zu den niederen Schichten. Die Ukrainer schlossen sich seit dem 16. Jh. zu verschiedenen *bratstvo* zusammen. Der prawoslawischen, d.h. ukrainischen Bevölkerung wurde die kirchliche Union aufgezwungen, was der nationalen Unterdrückung diente.

Etwa ein Drittel des Buches behandelt das Zeitalter des Kapitalismus, namentlich die Periode von den Anfängen der österreichischen Herrschaft bis zur Revolution von 1848, die Epoche vor der Entstehung der Monopole, die Etappe des Imperialismus und die Periode des Kampfes um die Vereinigung mit der Ukraine (1917—1939). Auch hier werden die wirtschaftliche Entwicklung, die Situation der Werktätigen, die sozialen sowie politischen Bewegungen und die Kultur in Unterkapiteln behandelt. Mit der Revolution von 1848 und der nach der Oktoberrevolution ausgebrochenen ukrainischen Befreiungsbewegung beschäftigen sich natürlich besondere Unterkapitel. Ziemlich kurz ist das Unterkapitel über die wirtschaftliche Entwicklung nach 1900, was auch zeigt, daß es sich nicht lohnte, diese Epoche gesondert von der mit den 50er Jahren des 19. Jh. beginnenden kapitalistischen Zeit zu behandeln. Über die Tätigkeit der in der ersten Hälfte des Jahrhunderts in der ukrainischen Nationalbewegung eine große Rolle spielenden, sog. russischen Trias von M. Šaškevyč, Ja. Holovac'kyj und I. Vahylevyč wird — mit Recht — sowohl bei den politischen Bewegungen als auch im Unterkapitel über die Kultur gesprochen. Man hätte auch erwähnen müssen, daß sie alle drei Unierte Priester waren (natürlich wird der Einfluß der katholischen Kirche im Buch als eindeutig negativ dargestellt und verurteilt). Die wertvollsten Angaben über die urbanistische Entwicklung der Stadt sind in diesem Kapitel zu finden.

Die meisten Neuheiten werden natürlich von den Kapiteln geboten, die sich mit Lwow im sozialistischen Zeitalter beschäftigen. Diese behandeln die Anfänge des sozia-

listischen Aufbaus (1939— 1941), Lwows Geschichte zu der Zeit des Großen Vaterländischen Krieges, die Grausamkeiten während der deutschen Besetzung zwischen 1941 und 1944, und dann den nunmehr ungestörten sozialistischen Aufbau bis 1960 bzw. von 1960 bis heute (tatsächlich auch mit Angaben aus dem Jahre 1983). Lwow, das während der österreichischen Herrschaft zunächst noch ein sich langsam entwickelndes Industriezentrum war und es im wesentlichen auch zwischen den beiden Weltkriegen blieb, wuchs in den Jahrzehnten der Sowjetmacht zu einem bedeutenden Mittelpunkt der Großindustrie heran, dessen Entwicklung das allgemeine Wachstumstempo in der Ukraine weit überflügelte. Auch in diesem Teil findet man in jedem Kapitel Unterkapitel über die Wirtschaft, — und in den Kapiteln, die die Zeit nach 1945 behandeln — über die Arbeitsaktivität, das soziale und politische Leben der Werktätigen sowie die kulturelle Entwicklung. Hier wird erwähnt, daß Lwow zwei sozialistische Schwesterstädte hat, das polnische Rzeszów und das ungarische Pécs (dt. Fünfkirchen), auch im Bereich der Kultur werden mehrere Angaben über die Beziehungen zu Pécs und Baranya (dt. Komitat Branau) genannt.

Das Buch konzentriert sich wahrhaft auf die Entwicklung der Stadt, an politischen Ereignissen des Landes wird meistens nur ein Minimum mitgeteilt, also nur das, was zum besseren Verständnis unbedingt notwendig ist. Es ist verständlich, daß eingehender die ökonomische, soziale und kulturelle Entwicklung der Stadt behandelt wird, über die politische Struktur der Stadt als solcher, ihren Städtebau oder über andere, in der neuen Forschung präferierte Themen unter dem Aspekt der Stadtgeschichte erfährt der Leser nur wenig, wohl weil die Vorarbeiten dazu fehlen.

Auch ist ganz offensichtlich, daß das Buch in erster Linie die Entwicklung des ukrainischen Lwow vorstellen will. Das dürfte aber nicht heißen, daß die anderen Bevölkerungsgruppen der Stadt vernachlässigt werden. Die Autoren teilen keine Angaben über die Nationalitätenzusammensetzung der Stadt für die kapitalistische Zeit mit, obwohl die Bevölkerung der Stadt in den letzten Jahrzehnten des Jahrhunderts fast zu einem Drittel aus Juden, in einer bedeutenden Anzahl aus Armeniern, und vor allem aus Polen bestand. Lwow war natürlich ein Zentrum der ukrainischen Kultur (und zwar — gerade im Zeitalter des Kapitalismus — eines der wichtigsten, denn das ukrainische Buch- und Verlagswesen konnte sich während der zaristischen Unterdrückung hier frei entfalten, auch das hätte man als Ergänzung bemerken müssen), zugleich war es aber — während der ganzen österreichischen Herrschaft — auch die politische Hauptstadt der Provinz Galizien, was man ebenfalls hätte erwähnen müssen. Deutsch hieß es Lemberg, dieser Name wird aber zuerst im Zusammenhang mit der deutschen Besetzung während des Weltkrieges erwähnt, als ob die Stadt erst damals diesen deutschen Namen bekommen hätte. Und was noch wichtiger ist, Lwow war außer Krakau gerade während der österreichischen Herrschaft auch eines der wichtigsten Zentren der polnischen Kultur. Die Gesellschaft für Polnische Geschichte wurde in Lwow gegründet und hier wurden auch ihre Zeitschrift »Kwartalnik Historyczny« (die bis heute erscheint) und noch viele andere wichtige Zeitungen und Zeitschriften herausgegeben. Die architektonische Entwicklung der Stadt wurde zum Großteil von dem polnischen und deutschen, später dem österreichischen Einfluß bestimmt — in den formen der Gotik, der Renaissance und vor allem des Barocks und des Klassizismus. In den sich mit der Kultur beschäftigenden Kapiteln wird die Zusammenarbeit zwischen den ukrainischen und den polnischen Vertretern der fortschrittlichen Kultur gegen bourgeoisen Nationalismus jeder Art mitunter erwähnt, was wir aber für zu wenig halten. Zur historischen Entwicklung des heutigen, selbstverständlich ganz ukrainischen Lwow gehört auch dies alles, der internationalistische Zusammenhalt der Werktätigen von verschiedener Nationalität. Durch die Bekanntmachung dieser Elemente hätte die Stadtgeschichte nur gewonnen. Vielleicht werden die Autoren

in einer künftigen, erweiterten Ausgabe dieses sonst gut geschriebene und besonders in der Beziehung der sowjetischen Epoche an Angaben reiche Werk in dieser Richtung weiter ausarbeiten können.

E. Niederhauser

Tolna megye földrajzi nevei [Geographische Namen des Komitats Tolnau]. Vadas Ferenc vezetésével gyűjtötték a Tolna megyei pedagógusok és más önkéntes munkatársak [Gesammelt von Pädagogen des Komitats Tolnau und anderen freiwilligen Mitarbeitern unter der Leitung von F. Vadas]. Tudományos irányîtó [Wissenschaftliche Leitung]: Ördög F. és Végh J. Közzétette [Veröffentlicht von] Hajdú M., Király L., Ördög F., Rónai B., Szabó J., Vadas F. Szerkesztette [Redigiert von] Végh J., Ördög F., Papp L. A német nyelvi átírást lektorálta [Die Umschrift in deutscher Sprache lektoriert von] Hutterer M. Akadémiai Kiadó, Budapest 1981, 842 S. Megjelent Tolna megye Tanácsának támogatásával [Erschienen mit Unterstützung des Rates des Komitats Tolnau].

Im Jahre 1927 wies István Györffy, der hervorragende Erforscher der materiellen Kultur des ungarischen Volkes, mit bitterem Vorwurf auf den kläglichen Zustand der Sammlung ungarischer geographischer Namen hin: »Je mehr die Wichtigkeit der Untersuchung der Eigennamen in den Vordergrund rückt, desto trauriger sehen wir, daß unsere Ortsnamen auch heute noch nicht gesammelt und nicht veröffentlicht sind. Als wären die Orts- und Personennamen Stiefkinder der ungarischen Sprache! Die Gemeinwörter werden in ganzen Reihen von Wörterbüchern aufbewahrt. Das Sprachmaterial der älteren und der zeitgenössischen Literatur wird von Fachleuten lexikographisch erfaßt. Doch in bezug auf die regelmäßige Sammlung der Ortsnamen tut sich kaum etwas seit der Sammlung von Frigyes Pesty im Jahre 1864.«

István Györffys berechtigte Klage wurde nicht in den Wind geredet. Es fanden sich Fachleute, — wenngleich auch nicht sofort, sondern erst nach langen Jahren oder Jahrzehnten — die begannen, die geographischen Namen der von Ungarn bewohnten Gegenden zu sammeln oder diese Sammeltätigkeit zu leiten. Die erste Anregung gegeben zu haben, war das Verdienst von Attila Szabó T. aus Klausenburg (ung. Kolozsvár, rum. Cluj). In seinem 1942 erschienenen Buch »Die Ortsnamen von Kalotaszeg« veröffentlichte er ein reiches, lebendiges und historisches Ortsnamenmaterial, womit er sowohl für die Methoden der Sammeltätigkeit als auch für die Gruppierung des gesemmelten Materials ein Beispiel lieferte. Der nächste große Schritt war, daß Pädagogen einzelner Komitate (oder Kreise) unter Anleitung fachkundiger Sprachwissenschaftler die geographischen Namen ihres Komitats (oder Kreises) sammelten. Das erste war das Komitat Zala, dessen Material im Jahre 1964 veröffentlicht wurde. Unter der befruchtenden Wirkung dieses Beispiels erschienen nach und nach die kleineren oder größeren Bände der Kreise und Komitate (Kreis Polgár, Kreis Erlau/Eger, Komitat Schomodei/Somogy, Kreis Füzesabony, Kreis Heves usw.). Mittlerweile wurden auch die Methoden der Sammlung sowie der Veröffentlichung immer mehr verfeinert und vervollkommnet. Die Heranziehung der Katasterkarten und der Sammlung von Frigyes Pesty verlieh dem neugesammelten Ortsnamenmaterial eine gewisse historische Perspektive. Die Aufführung der im Komitat gebräuchlichen geographischen Gattungsnamen in einem selbständigen Kapitel bedeutete eine wertvolle Neuerung im Band des Komitats Somogy.

Nun liegt der herrliche Band eines neuen Komitats von den 19 Komitaten vor uns: Tolna megye földrajzi nevei (Geographische Namen des Komitats Tolnau; im weiteren: TMFN, abgekürzt aus dem ungarischen Titel).

Hinsichtlich der Sammlung der geographischen Namen gehört Tolnau zu den schwierigsten Komitaten. Warum? Auf diese Frage bekommen wir eine Antwort auch aus dem flüchtigen Überblick seiner Geschichte, die voller Heimsuchungen und Wendungen ist.

In den Jahrhunderten nach der ungarischen Landnahme bis zur Stabilisierung der Türkenherrschaft, d.h. bis 1541, machten Ungarn die überwiegende Mehrheit der Bevölkerung des Komitats Tolnau aus. Das Großteil der alten geographischen Namen des Komitats stammt von ihnen. Sporadisch lebten hier noch Petschenegen, und bereits im Mittelalter, nach der Niederlage auf den Amselfeld (ung. Rigómező, skr. Kosovo polje) vom Jahre 1389, begann auch die kontinuierliche Ansiedelung der Serben, die sich vor den Türken flüchteten. Die Bevölkerung des Komitats verringerte sich unter der Türkenherrschaft katastrophal. Viele Dörfer wurden vollständig entvölkert und verödet. Eine urwüchsige ungarische Bevölkerung blieb in größerer Zahl sozusagen nur in den unzulänglichen Sumpfgebieten des Sárköz erhalten. Die Neubesiedlung des Komitats begann gleich nach der Vertreibung der Türken, also nach 1686. Aus dem Norden zogen Ungarn und aus dem Süden Serben in diese entvölkerte und verwilderte Gegend. Im Jahre 1696 wurden 488 ungarische und 448 serbische Haushalte im Komitat Tolnau konskribiert. Die serbische Expansion wurde durch den Freiheitskampf von Ferenc Rákóczi zurückgeworfen; mehrere siegreiche Schlachten des Freiheitskampfes, dem sich die Serben entgegensetzten, wurden im Komitat Tolnau geschlagen. Da aber der Boden ohne ausreichende Arbeiterhände keinen Ertrag brachte, begannen die Gutsherren des Komitats Tolnau anstatt der Serben Deutsche aus Hessen, aus der Umgebung von Fulda, Mainz, Frankfurt und Karlsruhe anzusiedeln. Die Siedler fuhren mit Schiffen auf der Donau bis Tolnau hinunter und von dort fuhren sie mit Fuhrwerken oder gingen zu Fuß in die unbewohnte oder dünn bevölkerte Dörfer weiter. Es war der Gouverneur des Temescher Banats-Graf C. F. Mercy (1666—1734), der ihre Ansiedelung am meisten betrieb. Deutsche Siedler kleinerer oder größerer Anzahl ließen sich im 18. Jh. in 56 und im 19. Jh. in 5 Ortschaften des Komitats Tolnau nieder. Darum erhielten die Komitaten Tolnau, Branau (ung. Baranya) und Somodei in der Literatur Deutschlands die Bezeichnung *Schwabische Türkei*. Der zweite Weltkrieg bewirkte dann wieder bedeutende Veränderungen in der Zusammensetzung der Nationalitäten des Komitats Tolnau. Die Zahl der Deutschen verminderte sich auf weniger als die Hälfte. Denn die Dreimächtekonferenz des Jahres 1945 in Potsdam (unter der Teilnahme von Großbritannien, der Sowjetunion und der USA) faßte einen Beschluß über die geordnete Umsiedelung der in Ungarn gebliebenen deutschen Bevölkerung nach Deutschland. So wurden Deutschen vom Januar bis zum Juni des Jahres 1946 in die amerikanische Besatzungszone und in den Jahren 1947—1948 in die sowjetische Besatzungszone Deutschlands übersiedelt. Im Landesmaßstab wurde über die Hälfte der deutschen Bevölkerung ausgesiedelt. Der Anteil der ausgesiedelten Deutschen kann auch im Komitat Tolnau ähnlich gewesen sein. Aufgrund des 1946 geschlossenen ungarisch-tschechoslowakischen Abkommens über den Bevölkerungsaustausch zogen nun viele Tausende von ungarischen Familien von der Großen Schüttinsel und anderen Gebieten der Slowakei an die Stelle der Ausgesiedelten. Es kamen aber ungarische Familien auch aus Jugoslawien: der Batschka (ung. Bácska) und Kroatien. In der größten Zahl ließen sich die 1941 aus der Bukowina (dt. auch Buchenland, ung. Bukovina, rum. Bucovina) übergesiedelten Sekler an der Stelle der Deutschen nieder. Nach viel, in der Batschka und in Transdanubien erlittenem Ungemach erhielten 2665 Seklerfamilien aus der Bukowina in den Jahren 1946—1947 im Komitat Tolnau Haus und

Boden. Tolnau ist das stärkste »Sekler«-Komitat des heutigen Ungarn. Einen großen Teil der Bevölkerung von Kéty machen Sekler aus Hadikfalva der Bukowina aus und in Kakasd wohnen überwiegend Sekler aus Andrásfalva der Bukowina.

So vielfältig die Bevölkerung des Komitats Tolnau ist, genauso vielartig ist auch das geographische Namenmaterial. Alle hier wohnenden Völker und Volksgruppen trugen zu dessen Gestaltung und Bereicherung bei. Dies verlangte eine spezielle wissenschaftliche Rüstung von den Sammlern und Heausgebern. Die zahlreichen deutschen geographischen Namen stellten die Hauptschwierigkeit dar. Deutsche geographische Namen von bedeutenderer Menge wurden in den folgenden Ortschaften des Komitats Tolnau gesammelt, die auch heute von Deutschen bewohnt sind (oder e h e m a l i g von Deutschen bewohnt waren): K r e i s T a m á s i: Belecska, Nagyszékely, Keszőhidegkút, Udvari, Pári, Szárazd, Gyönk, Diósberény, Szakadát, Varsád; K r e i s P a k s: Németkér, Bikács, Dunakömlőd, Györköny; K r e i s D o m b o v á r: Duzs, Csibrák, Kurd, Mucsi; K r e i s B o n y h á d: Kalaznó, Hőgyész, Felsőnána, Murga, Kéty, Tevel, Zomba, Závod, Kisdorog, Lengyel, Kisvejke, Nagyvejke, Tabód, Bonyhádvarasd, Mucsfa, Kakasd, Aparhant, Izmény, Györe, Majos, Bonyhád, Grábóc, Nagymányok, Máza, Váralja, Kismányok, Mőcsény, Cikó, Bátaapáti, Mórágy; K r e i s S z e k s z á r d: Kistormás, Tolna, Mözs, Szálka, Alsónána, Várdomb, Bátaszék. Der Stammtext von TMFN führt auch das deutsche geographische Namenmaterial mit der ungarischen Orthographie auf, denn die Ortsnamensammlung wurde in erster Linie für heimische Benutzung bestimmt. Doch für jene, die nicht Ungarisch können, ermöglichen sogar zwei Register die Auffindung der deutschen geographischen Namen: das eine in deutscher dialektologischer Umschrift (525—577), das andere in der deutschen gemeinsprachlichen Form (811—841).

Die ein zuverlässiges Material enthaltenden und klar zusammengestellten toponomastischen Sammlungen stellen nicht nur für die Sprachwissenschaftler, sondern auch für die Historiker, Ethnographen, Kartographen und anderen Fachleute echte Fundgruben dar, aus denen man viel Nutzen ziehen kann. So wird es aufgrund von TMFN u.a. möglich sein, die Lage mehrerer untergegangener mittelalterlicher Ortschaften genau festzustellen. Ich führe einige Beispiele an. *Ete* war die größte Siedlung des mittelalterlichen Sárköz. Das Dorf wurde im Jahre 1591 während der Türkenherrschaft vollkommen vernichtet, seine Bewohner flüchteten nach Decs. Selbst der Ort des Dorfes geriet in Vergessenheit. Dezső Csánki, der hervorragendste Kenner der historischen Geographie Ungarns, vermutete noch im Jahre 1897, daß Ete »in der Gegend von Báttaszék und Bonyhád, dem heutigen Grenzgebiet von Tolnau und Branau lag«. Nun lesen wir in TMFN, daß ein Flurteil westlich vom Weichbild von Decs, der früher als Weide diente und gegenwärtig als Acker verwendet wird, auch heute *Eteváros*, *Ete vára*, *Városhel*, *Etedomb* (TMFN 483) heißt. Hier lag also das mittelalterliche Ete. Auch der lokalen Überlieferung ist das so bekannt: »Der Tradition nach stand hier eine Stadt. Sie wurde von den Türken zerstört und verwüstet. Archäologen stießen auf Überreste einer Kirche und fanden auch Geldmünzen und Tongefäße.« (ebd.) — Auch das mittelalterliche *Kercsmény* ~ *Körcsmény* wurde während der Türkenzeit entvölkert. Csánki: »Es lag in der Gegend von Döbrököz, wo sein Name heute durch die Mühle von Görcsmén(y) nordöstlich von dieser Ortschaft bewahrt wird«. Man findet in der Tat nordwestlich (und nicht nordöstlich !) vom Weichbild von Döbrököz die Flurteile *Görcsmény* und *Öreg-Görcsmény*. (TMFN 271). Vom Letzteren kann folgendes gelesen werden: »Der Überlieferung und [Frigyes] P[esty] gemäß lag das mittelalterliche Dorf Görcsmény hier. P. nach sind auch die Mauern der Kirche zu sehen.« (a.a.O.) — Auch *Torostyán* war ein mittelalterliches Dorf des Komitats Tolnau. Csánki berichtet darüber: »Es gehörte dem Bistum von Fünfkirchen (ung. Pécs), scheint in der Gegend von Szász [heute: Szászvár] (an der heutigen Grenze zwischen Branau und Tolnau) gelegen zu haben.« Südsüdwestlich vom Weich-

bild des an Szászvár grenzenden Mája findet man tatsächlich *Torostyán* (TMFN 374). Dieser Flurteil ist heute ein Wald, früher war er Weingarten und zur Zeit von Frigyes Pesty Ackerland.

Aus dem Gesagten geht es hervor, daß die Pädagogen des Komitats Tolnau und die Arbeit leitenden Sprachwissenschaftler die Sammlung ungarischer geographischer Namen mit einem großartigen neuen Werk bereichert haben. Sie übernahmen aus den früheren Ortsnamensammlungen all das, was sie für gut hielten (z.B. das Aussortieren der geographischen Gattungsnamen aus der Masse der geographischen Eigennamen), machten aber mutig auch Neuerungen (z.B. mit der fachkundigen Darlegung des deutschen Sprachmaterials). Sie haben Hochachtung verdient. Wir müssen aber auch dem Rat des Komitats Tolnau für die großzügige Ungerstützung der edlen Ziele Anerkennung zollen.

L. Kiss

IN MEMORIAM

Endre Kovács
(1911—1985)

Le 18 avril 1985 l'historien hongrois Endre Kovács est décédé. Il fut une personnalité de marque parmi les slavistes de Hongrie aussi.

Né le 19 mai 1911 dans une famille d'ouvriers, Endre Kovács passa son enfance et sa jeunesse dans la ville trilingue de Pozsony (aujourd'hui Bratislava, Tchécoslovaquie). Ses premiers souvenirs furent marqués par la naissance de la première République tchécoslovaque. Exaspéré par les injustices sociales du régime bourgeois, ce fils d'ouvrier qui aspirait à devenir un intellectuel, s'orienta bientôt vers le socialisme et participa aux mouvements progressistes de la jeunesse hongroise de Tchécoslovaquie déjà pendant ses années d'étudiant à Prague. En même temps, face aux difficultés de la minorité hongroise vivant sur les territoires adjugés à la Tchécoslovaquie par le traité de Trianon, il devint particulièrement sensible au problème national. Le jeune Endre Kovács, qui avait aussi étudié la langue slovaque à l'Université de Prague, fut d'abord attiré par l'histoire littéraire qu'il allait enrichir de ses écrits, bien qu'il choisît par la suite l'histoire comme domaine principal de ses recherches.

Etant étudiant, il faisait déjà paraître ses écrits dans les journaux hongois de Tchécoslovaquie, et il est aussi l'auteur d'un recueil de poèmes, de deux romans et de deux recueils de nouvelles.

Le premier tournant de sa vie eut lieu en 1938, quand il fut nommé professeur de lycée à Érsekújvár (aujourd'hui Nové Zámky, Tchécoslovaquie), ville qui fut rattachée à la Hongrie de 1938 à 1945. Il y rédigea aussi un journal dans lequel il prit position pour les persécutés, malgré tous les risques politiques que cette attitude comportait à l'époque.

Lorsque la Hongrie sombra dans le fascisme, Endre Kovács dut partager le sort de ceux qu'il essayait jusqu'alors de protéger contre les persécutions. Établi à Budapest après la libération, il travaille d'abord à l'Institut des Sciences politiques, où il devient historien en étudiant les racines du problème national auquel il avait été confronté dans sa jeunesse, puis à l'Institut des sciences historiques, où il est bientôt nommé directeur de département, fonction qu'il assumera pendant plusieurs dizaines d'années. La Hongrie socialiste le mettait à l'abri des vicissitudes et lui assurait le calme et la sécurité nécessaires au travail du savant.

Endre Kovács sut tirer parti de ces possibilités et devint bientôt une personnalité de marque de l'historiographie marxiste hongroise. Il fit publier toute une série d'études, de livres, de monographies. Il prit possession, avec une rapidité remarquable, de tout l'arsenal technique de la science historique, et dépouilla les fonds des archives en Hongrie et à l'étranger, de Cracovie à Paris.

Ses premières publications portent encore l'empreinte des préoccupations de sa jeunesse. Fasciné par le grand humaniste et pédagogue tchèque Comenius (Jan Amos Komenský), Endre Kovács publia le texte de ses ouvrages écrits à Sárospatak.[1] Il donna

[1] Comenius Magyarországon. (Comenius en Hongrie.) Budapest 1970, 409 p.

aussi un panorama historique des rapports tchéco-hongrois, qui fut traduit en tchèque quelques années plus tard.[2]

Cependant, son intérêt est bientôt attiré par la Pologne: il consacre plusieurs études de valeur durable à certains aspects de l'évolution historique des relations polono-hongroises, et en présente aussi une brillante synthèse. Sa première monographie intitulée *A lengyel kérdés a reformkori Magyarországon* [La question polonaise dans la Hongrie de l'ère des réformes][3] ne se bornait pas à donner un vaste panorama, mais expliquait aussi par les lignes de force analogues de l'évolution sociale les relations étroites exlistant entre les deux peuples. Son ouvrage paru à l'occasion du sixième centenaire de la fondation de l'Université de Cracovie (1964)[4] témoignait de l'ouverture d'esprit de son auteur, qui ne se cantonnait pas exclusivement dans son siècle préféré, le XIXe, encore que le sujet qui lui tînt le plus à cœur fût la révolution et la guerre d'indépendance hongroises de 1848—1849. Son ample biographie du général Bem[5] avait révélé très tôt l'intérêt profond qu'il portait à cette période. Le vingtième siècle polanais ne lui demeurait pas étranger non plus: il a mis en lumière dans *Magyar—lengyel kapcsolatok a két világháború között* (Relations hungaro-polonaises dans l'entre-deux-guerres)[6] les raisons pour lesquelles les deux pays furent alors incapables de conjuguer leurs efforts, malgré les solides traditions et les conditions favorables. Son livre *Magyarok és lengyelek a történelem sodrában* (Hongrois et Polonais dans l'histoire)[7] donne une synthèse remarquable de l'évolution des rapports entre ces deux peuples.

Ce furent ses sources polonaises qui l'orientèrent à nouveau vers l'étude de l'époque révolutionnaire de 1848. Son livre *Magyar—délszláv megbékélési törekvések 1848—49-ben* (Tentatives de réconciliation entre Hongrois et Slaves du Sud en 1848—1849)[8] était qe nouveau retour aux préoccupations de sa jeunesse, au souhait si souvent affirmé de la paix et du ralliement des peuples du Danube. En même temps, pour ce qui est des écho étrangers de la révolution hongroise, notre historiographie devait beaucoup profiter de sa monographie intitulée *Szabadságharcunk és a francia közvélemény* (Notre guerre d'indépendance nationale et l'opinion publique française).[9]

Sa thèse sur l'émigration Kossuth et les luttes pour la liberté en Europe,[10] fruit de ses réflexions sur la guerre d'indépendance nationale, étudie sous un jour nouveau et sur une toile de fond européenne, les possibilités de la réconciliation des peuples du Danube. Il a également enrichi de ses recherches l'étude des relations polono-serbes. Toujours attiré par la personnalité des partisans du progrès et de l'amitié des peuples, il a tracé quelques portraits frappants — de Herzen, Bakounine, St. Worcell, Jan Dąbrowski, J. V.

[2] Magyar—cseh történelmi kapcsolatok. (Relations historiques hungaro-tchéques. Budapest 1952, 375 p. Édition augmentée, avec la collaboration de Jan Novotný: Maďaři a my. Z dějin maďarsko-československých vztahů. Praha 1959, 316 p.

[3] A lengyel kérdés a reformkori Magyarországon. Budapest 1959, 426 p.

[4] A krakkói egyetem és a magyar művelődés, Adalék a magyar—lengyel kapcsolatok XV—XVI. századi történetéhez. (L'Université de Cracovie et la culture hongroise. Contributions à l'histoire des relations hungaro-polonaises aux XV—XVIe siècles). Budapest 1964, 227 p.

[5] Bem József. Budapest 1954, 750 p. Nouvelle édition de la partie relative aux événements de 1848—49: Bem a magyar szabadságharcban. (Bem dans la guerre d'indépendance hongroise.) Budapest 1979, 380 p.

[6] Magyar—lengyel kapcsolatok a két világháború között. Budapest 1971, 415 p.

[7] Magyarok és lengyelek a történelem sodrában. Budapest 1973, 341 p.

[8] Magyar—délszláv megbékélési törekvések 1848/49-ben. Budapest, 1958, 141 p. (Értekezések a történeti tudományok köréből. Új sorozat 5)

[9] Szabadságharcunk és a francia közvélemény. Budapest 1976, 331 p.

[10] A Kossuth-emigráció és az európai szabadságmozgalmak. Budapest 1967, 502 p.

Frič, Palacký, Masaryk, etc. — dans *Történelmi arcképek* (Portraits historiques),[11] et on lui doit aussi une ample biographie de Herzen,[12] dont l'activité très variée avait particulièrement retenu l'attention d'Endre Kovács.

Cependant, le vaste tour d'horizon européen qu'il possédait était toujours mis au service de la bonne compréhension de l'histoire de Hongrie, comme en témoigne son livre peut-être le plus réussi, où il analyse, dans une optique tout à fait particulière, l'évolution de problème des nationalités en Hongrie.[13] Signalons aussi que ses écrits sur l'histoire universelle sont riches en références slaves, et qu'il a également consacré bien des études à des sujets polonais, tchèques et slovaques.

Si son travail d'historien relève essentiellement des études slaves, cela vaut encore davantage pour l'historien de la littérature qu'il fut aussi. Après avoir passé en revue, dans l'un de ses premiers ouvrages — qui rien était pas moins remarquablement mûr — l'évolution du roman slovaque moderne,[14] son attention fut captée, en matière littéraire aussi, par la Pologne, dont les fruits furent une hostoire générale de la littérature polonaise,[15] une monographie sur Sienkiewicz[16] (retraçant aussi l'évolution culturelle de la Pologne du siècle dernier) des études sur Mickiewicz et son influence en Hongrie, de même que les préfaces et postfaces de maints romans classiques traduits du polonais, situant les œuvres dans leur contexte littéraire et historique. Ces »excursions« littéraires étaient les distractions de l'historien qui, grâce à sa capacité de travail inégalable, contribua ainsi, au très haut niveau qui lui était propre, à faire connaître et à propager en Hongrie la littérature polonaise.

L'on ne saurait trop insister sur l'étendue des connaissances historiques et littéraires d'Endre Kovács: dans ses œuvres, il ne nous a légué qu'une partie de son immense savoir: témoins ses confrères et amis qui ont beaucoup profité des conversations enrichissantes qu'ils eurent la chance de poursuivre avec lui.

Son œuvre d'historien et d'historien de la littérature fait partie intégrate de la slavistique de Hongrie. Les slavistes hongrois ont toujours suivi ses multiples activités avec le plus vif intérêt. Malheureusement, les contacts directs se sont rompus très tôt. Il n'en reste pas moins que ses œuvres serviront d'exemple et seront riches en enseignements pour des générations de chercheurs à venir. C'est dans cet esprit que les slavistes hongrois font leurs adieux à leur confrère Endre Kovács.

E. Niederhauser

Г. П. Макогоненко
(1912—1986)

3 октября 1986 г. скончался Георгий Пантелеймонович Макогоненко, выдающийся советский литературовед, крупный специалист по русской литературе XVIII и XIX вв. Смерть его была преждевременной и неожиданной для его венгерских коллег, учеников и почитателей, она глубоко потрясла его венгерских друзей.

[11] Történelmi arcképek. Budapest 1976, 621 p.
[12] Herzen. Budapest 1978, 337 p.
[13] Szemben a történelemmel, A nemzeti kérdés a régi Magyarországon. (Face à l'histoire. La question nationale dans l'ancienne Hongrie..) Budapest 1977, 555 p.
[14] Az új szlovák regény. (Le nouveau roman slovaque.) Budapest 1943, 123 p.
[15] A lengyel irodalom története. (Historie de la littérature polonaise.) Budapest 1960, 526 p.
[16] Sienkiewicz. Budapest 1980, 299 p.

Жизненный путь профессора Г. П. Макогоненко отнюдь не был легким. Он окончил Ленинградский университет в 1939 г. и его первые статьи появились уже, когда началась война. Он был военным корреспондентом, во время Великой Отечественной войны начальником литературно-драматического отделения Ленинградского радиокомитета. Многие помнят в Ленинграде его самоотверженную работу в дни блокады, его роль в организации первого исполнения Седьмой симфонии Шостаковича в осажденном городе.

В 1944 г. он возвращается в университет и уже через год защищает кандидатскую диссертацию, а через десять лет — докторскую. На кафедре истории русской литературы Г. П. Макогоненко работал более 40 лет, до последнего дня своей жизни, ведь за две недели до смерти он еще читал лекции.

Он был учеником страстного полемиста и дерзкого новатора в литературоведении Г. А. Гуковского, судьба которого была трагической. Качества учителя привлекли ученика, развили в нем такие свойства, которые жили в нем самом. Макогоненко оказался одним из самых активных продолжателей дела Г. А. Гуковского и посвятил многие годы изучению истории русской литературы XVIII и XIX вв. Он внес значительный вклад в изучение творчества Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, К. Д. Батюшкова. Это означало переосмысление с современных позиций уже известного материала, требовались новые фактические разыскания, обнаруживающие неизученное и неизвестное. Итогом этой работы явилась подготовка собрания сочинений Новикова, Фонвизина, Радищева, Дмитриева, Карамзина. Он выдвинул и впервые разработал несколько крупных научных проблем. Среди них: вопросы о своеобразной природе русского просвещения и о становлении, ранее не выделявшегося — русского просветительского реализма. Он разрушил схему т. н. «карамзинского» направления русской литературы, в новом свете представил «державинское» направление русской поэзии 1800—1810-х годов, по-новому раскрыв эстетическую ценность и общественное значение «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

Вслед за этим главное место в научных интересах Г. П. Макогоненко занял Пушкин, тоже увиденный во многом по-новому. Особенно ценными явились две монографии, вышедшие под общим заглавием «Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы» (1977, 1982), содержавшие — впервые в русском — советском литературоведении — целостную и всеобъемлющую аналитическую характеристику одного из самых интересных этапов в творческой эволюции Пушкина. Монографии «Гоголь и Пушкин» (1985) и «Лермонтов и Пушкин» (в печати) по-новому раскрывают роль пушкинского реализма в литературном процессе 1830—1840-х годов. Профессором Макогоненко написаны и несколько исследований, посвященных истории советской литературы, среди которых две статьи о собрнике Анны Ахматовой «Нечет» и интереснейшие воспоминания о ней; эти статьи — одни из самых ярких и оригинальных в его творчество. Перу Г. П. Макогоненко принадлежат 17 монографий и около 200 статей. Его статьи были опубликованы и на английском и немецком языках. О его работах печатались рецензии от Парижа до Берлина, Кембриджа и Варшавы, от Оклахомы до Будапешта.

Г. П. Макогоненко был исследователем особого склада, он был страстным полемистом, разрушителем литературоведческих иллюзий и предрассудков. Общение и даже споры с ним всегда открывали новые перспективы, помогали по-иному осмыслить давно известные факты. На протяжении полутора десятилетий он заведовал кафедрой истории русской литературы и многое сделал для того, чтобы укрепить ее состав, усилить проблемную остроту, уровень преподавательской и исследовательской работы, ее научный авторитет.

Г. П. Макогоненко был ярким и обаятельным человеком, он отличался неиссякаемой энергией, благородностью и добротой. Борьба за справедливость была для него даже не исполнением долга, а естественным состоянием, без которого невозможна настоящая жизнь. Он не делал различия между справедливостью историко-литературных оценок и справед-

л ивостью в реальных житейских делах. Он был моложавым до последних дней своей жизни и любил общаться с молодыми, был всегда внимателен и гуманен, но вместе с тем и требователен и строг к коллегам и студентам, за что они платили ему признательностью и любовью.

Г. П. Макогоненко считал своим долгом укрепить международные связи кафедры русской литературы Ленинградского университета. Мы, венгры, благодарны судьбе за то, что он выбрал именно нас и приехал к нам в Будапешт осенью 1979 г. Тогда и состоялось более близкое знакомство венгерских русистов с Георгием Пантелеймоновичем. Он выступал у нас не только с докладами, читал не только лекции, но посетил семинарские занятия, познакомился с каждым литературоведом кафедры русской филологии Будапештского университета. Нас восхищали его разносторонние интересы, будь это осмысление отдельных проблем русской литературы венгерскими русистами или же венгерское искусство XX в. Он предложил нам сотрудничество с кафердой русской литературы Ленинградского университета. Мы были тронуты его инициативой. Венгерские русисты и раньше печатались в Советском Союзе, но существовал такой взгляд, что задача зарубежного русиста или популяризация результатов советского литературоведения, или изучение рецепции разных писателей и их творчества. Предложение профессора Макогоненко выпустить совместный проблемный сборник о русской литературе означало совершенно новый уровень сотрудничества. Вовлекая в работу других крупных советских специалистов, он много времени уделял обсуждению статей венгерских специалистов. Плодом этой совместной работы оказался сборник статей ученых ленинградского и будапештского университетов, выпущенный в январе 1985 г. Издательством Ленинградского университета «Проблемы поэтики русского реализма XIX века». За укрепление нашей деловой дружбы осенью 1985 г.Г. П. Макогененко был награжден почетным знаком Общества венгеро-советской дружбы с золотым венком.

Венгерские русисты с благодарностью помнят инициативу Г. П. Макогоненко, ведь благодаря ему мы имели возможность печататься в издании, вышедшем десятитысячным тиражом.

Память о Георгии Пантелеймоновиче сохранится в наших сердцах, и мы сделаем всё, чтобы продолжить дело, которое им на таком высоком уровне и с таким энтузиазмом было задумано.

Январь 1987 г.

Мария Рев

László Sziklay (1912—1987)

Smútime za jedným vynikajúcim predstaviteľom veľkej generácie slavistov v Maďarsku, ktorá sa zrodila v r. 1910-tych a svoju vedeckú prácu začla v tridsiatych rokoch. László Sziklay zomrel na úsvite z 14. na 15. júna 1987.[1] Jeho otec Ferenc Sziklay, básnik, spisovateľ, skvelý prekladateľ bol jedným z organizátorov maďarského kultúrneho života v Československu. László Sziklay sa už v rodičovskom dome dôkladne zoznámil

[1] Lászlóa Sziklayho, pri príležitosti jeho šesťdesiatych narodenín som pozdravil v rubrikách tohto časopisu. K môjmu pozdravu som vtedy priložil bibliografiu jeho vybraných diel: I. Fried, Sziklay László 60 ans: Studia Slavica 19 (1972) 179—181. Porovnaj ďalej: I. Fried, Sziklay László 60 éves: Irodalmi Szemle 15 (1972) 78—80.

s českou a slovenskou literatúrou a stal sa jej výskumníkom. Univerzitu absolvoval v Budapešti, kde na odbore francúzštiny bol žiakom Sándora Eckhardta, ktorý sa zaoberal aj komparatistikou, na odbore slovanskej filologie žiakom Jánosa Melicha a na odbore maďarčiny Jánosa Horvátha. Ako celkom mladý stal sa spolupracovníkom časopisu Apollo, ktorý v rokoch 1934—1939, v znamení ideí «stredoeurópskeho humanizmu», «virtuálnej strednej Európy» podujal sa na úlohu sprostredkovateľa medzi maďarskou kultúr, a kultúrou susedných národov.[2] László Sziklay publikoval štúdie o slovenskom osvietenstve a romantike,[3] stal sa spolupracovníkom najnáročnejšieho maďarského časopisu Egyetemes Philologiai Közlöny, v ktorom uverejnil vedeckú úvahu o Hviezdoslavovi.[4] Vyučoval na strednej škole v Nyíregyháze, kde v mestskom časopise Szabolcsi Szemle upriamil na seba pozornosť prácami a kritikami slovenskej témy,[5] potom sa stal členom Adyho spoločnosti (Ady Társaság) v blízkom Debrecíne (Debrecen), a jej prostredníctvom, v časopise Debreceni Szemle publikoval štúdiu o Andrejovi Sládkovičovi.[6] Túto prácu v bratislavskom časopise Elán r. 1941 ocenil Milan Pišút. V časopise Helicon, signovanom redakciou Debrecen — Amsterdam, v úvahe v talianskom jazyku rozoberal šance stredoeurópskych dejín literatúry.[7] Jeho dráha klenula do výšok: najprv vyučoval v Košiciach, kde pod titulom Új Magyar Museum redigoval časopis a vydal maďarskú antológiu z diel nových slovenských novelistov.[8] Na debrecínskej univerzite sa stal prv pozvaným prednášateľom, potom profesorom slavistiky. V tejto funkcii prednášal dejiny slovenskej literatúry, resp. zmienil sa aj o problémoch vývoja rusínskej literatúry. V druhej svetovej vojne ho povolali k vojsku, padol do zajatia. Po návrate domov sa nemohol vrátiť do Košíc, usadil sa v Budapešti, kde získal nehynúce zásluhy predovšetkým v organizovaní národnostného školstva, potom na budapeštianskej Vysokej škole pedagogickej založil slovenskú katedru a stal sa jej vedúcim. Vyučoval dejiny slovenskej literatúry a zostavil skriptá literárnej histórie,[9] ktoré v maďarskej literárnej vede prvýkrát podali schému dejín slovenskej literatúry od počiatkov po najnovšiu dobu. Na začiatku štyridsiatych rokov, pod titulom A szlovák irodalom [Slovenská literatúra] už síce vyšla zbierka jeho štúdií,[10] ale v tej načrtol iba hlavné smery vývoja v 19. storočí. Po zrušení budapeštianskej Vysokej školy pedagogickej, s veľkou zanietenosťou pokračoval vo výchovnej práci v Segedíne (Szeged). Medzičasom bol však založený Literárnohistorický (neskoršie Literárnovedný) ústav, a László Sziklay sa stal jeho vedeckým spolupracovníkom, hlavným spolupracovníkom, vedúcim oddelenia a nakoniec vedúcim hlavného oddelenia.

[2] O tejto otázke podrobnejšie porovnaj: I. Fried, Zur Frage der ostmitteleuropäischen Region: Studia Slavica 31 (1985) 3—60.

[3] Porovnaj: Bibliografia slovensko-maďarských literárnych vzťahov. In: Tradície a literárne vzťahy. Red. M. Bakoš, Bratislava 1972 259—271.

[4] Hviezdoslav: Egyetemes Philologiai Közlöny 62 (1938) 354—372. Vo francúzskom jazyku: Archivum Europae Centro-orientalis 7 (1941) № 1—3. Separátny výtlačok. Sziklay neskoršie spracoval Hviezdoslavove maďarské a slovenské prvotiny, prvé obdobie dráhy slovenského básnika. Popri viacerých štúdiách v maďarskom a slovenskom jazyku, veľmi dôležitá je monografia: Az ifjú Hviezdoslav. Budapest 1965.

[5] Fried I., A Szabolcsi Szemle szlavisztikai anyaga: Szabolcs-Szatmári Szemle 17 (1972) 110—114.

[6] Sládkovič András: Debreceni Szemle (1940) 12: 281—304.

[7] I problemi della storia della letteratura nell'Europa centro-orientale: Helicon 4 (1941) 171—176.

[8] Mai szlovák novellák. Red.: Sziklay L. Prekl.: Sziklay L., Sziklay F., Oláh J. Kassa 1943. Z neskorších prekladov Sziklayho vyniká majstrovský preklad knihy K. Krejčího: Praha legend a skutečnosti (Prága legendái. Budapest 1976.)

[9] Dejiny slovenskej literatúry, I—II. Budapest 1954—1955. Celkový rozsah dvoch zväzkov je takmer 600 listov.

[10] A szlovák irodalom. Budapest 1942.

Činnosť Lászlóa Sziklayho sa naplno rozvinula od 50-tych rokov. Ešte v r. 1948 vydal zaujímavý zošit o problémoch vývoja slovenského jazyka, koncentrujúc sa na postavu častých polemík, Štefana Launera,[11] potom v r. 1955 oživil zabudnutú osobnosť 19. storočia Imre Gáspára, ktorý si zasluhoval pozornosť pre jeho básnickú korešpondenciu s Andrejom Sládkovičom, pre práce slovenskej témy a preklady Mickiewiczových diel.[12] V r. 1962 vyšla jeho práca pod titulom A szlovák irodalom története (Dejiny slovenskej literatúry),[13] ktorá je najrozsiahlejším dielom svojho druhu od zahraničného autora. Z maďarskej strany László Sziklay zorganizoval vydávanie zväzkov o československo-maďarských a poľsko-maďarských literárnych vzťahoch[14] a k jeho menu sa viažu vedecké základy východo-stredoeurópskej komparatistiky,[15] s prihliadnutím na udalosti a činnosť vrstovníkov, ktorej korene siahajú do 30-tychrokov (myslíme predovšetkým na práce podobnej témy Lászlóa Hadrovicsa, Oszkára Sárkánya, Endre Kovácsa, Lászlóa Dobossyho, Lászlóa Gáldiho), ako i na historickovedecké pokusy na vytvorenie regionálnej syntézy. (Viď snahy Zoltána I. Tótha, Endre Aratóa a Emila Niederhausera.) Vo svojej ďalšej činnosti sa Sziklay zameral na pestovanie slovensko-maďarských literárnych vzťahov, ale pritom aj na úroveň charakteru vzťahov v čo najširšom európskom kontexte. To ho viedlo k tomu, aby sa zamýšľal o základných otázkach komparatistiky. Pokiaľ mu zdravie slúžilo, zúčastňoval sa na zjazdoch AILC, ako i na početných ďalších podujatiach, predovšetkým na stretnutiach spoločnosti Studienkreis für Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa so sídlom v Lüneburgu. Na požiadanie Vydavateľstva Corvina, ako vedecký organizátor redigoval zväzok štúdií gardy medzinárodných autorov o východo-stredoeurópskej literárnej komparatistike v dobe osvietenstva,[16] ktorou sa vo zväzkoch štúdií[17] a v skvelých štúdiách[18] znovu a znovu zaoberal. Vo svojom poslednom

[11] Launer István, egy 1848. évi szlovák röpirat szerzője. Budapest 1948.

[12] A századvég ellenzéki irodalmának történetéből, Gáspár Imre, Budapest 1955. Knihu priaznivo hodnotila slovenská kritika. Milan Pišút sa o nej s uznaním vyjadril v slovenskej odbornej tlači.

[13] A szlovák irodalom története. Budapest 1962. Sziklay dostal za túto knihu veľkú cenu Maďarskej akadémie vied.

[14] Tanulmányok a csehszlovák—magyar irodalmi kapcsolatok történetéből. Red.: Adamová Zuzana, Rosenbaum K., Sziklay L. Budapest 1965. V tomto zväzku vyšla dôležitá Sziklayho štúdia: Maďarské vzťahy Jána Kollára v Pešti. Tanulmányok a lengyel—magyar irodalmi kapcsolatok történetéből. Red.: Csapláros I., Hopp L., Reychman J., Sziklay L. Budapest 1969. Sziklay v tomto zväzku podal komparatívnu analýzu neskororomantických poľských, českých a maďarských historických románov. Príslušný zväzok vydala aj partnerská vedecká akadémia v Prahe resp. vo Varšave.

[15] Einige methodologische Fragen der vergleichenden Literaturgeschichte: Studia Slavica 10 (1963) 311—355. A közép- és kelet-európai irodalmak összehasonlításának speciális szempontjai. In: A komparatisztika kézikönyve. Red.: Fried I. Szeged 1987. 42—52.

[16] Aufklärung und Nationen im Osten Europas. Hg.: L. Sziklay. Budapest 1983. Sziklayho štúdia vo zväzku: Die Anfänge des »nationalen Erwachens«, der Aufklärung und der Romantik in Mittel- und Osteuropa, 15—49.

[17] Szomszédainkról, A kelet-európai irodalom kérdései. Budapest 1974; Visszhangok, Tanulmányok, elemzések, értékelések. Bratislava 1977.

[18] La formation de la conscience nationale moderne dans les littératures de l'Est de l'Europe moderne. In: Les Lumières en Hongrie, en Europe centrale et en Europe orientale I. Red.: E. Bene. Budapest 1971, 55—64; Courant d'idées, Rapport. In: Les Lumières. . . II. Red.: E. Bene, Ilona Kovács. Budapest 1975, 83—89; Die Völker Ost- und Ostmitteleuropas in der ungarischen Zeitschrift „Tudományos Gyűjtemény". In: Komparatistik, Theoretische Überlegungen und südosteuropäische Wechselseitigkeit, Festschrift für Zoran Konstantinović. Hg.: Fridrun Rinner und K. Zerinschek. Heidelberg 1981, 475—493; Les genres en vers dans les littératures de langues européennes entre les Lumières et Romantisme. In: Le tournant du siècle des lumières, 1760—1820; Les genres en vers des lumières au romantisme. Red.: Gy. M. Vajda. Budapest 1982, 213—285.

vydanom zväzku, vo forme štúdií sa pokúsil opísať príznačný jav: funkciu dvojjazyčnosti tejto oblasti a z toho vyplývajúce literárne svojráznosti, resp. príčinu dvojjazyčnosti, spolunažívanie, symbiózu národov a kultúr.[19] Po celý svoj život bojoval proti akýmkoľvek prejavom nacionalizmu. Objasnil, ako prekoncepcie deformujú vedecké zmýšľanie, v recenziách nemilosrdne pranieroval nehistorickosť. Bol vedcom širokého rozhľadu: v malej monografii rovnako vedel podať hodnoverný obraz o Mickiewiczovi (1967), meditovať o svojráznych črtách korešpondencie stredoeurópskych vedcov (1986). Priateľmi mu boli významní maďarskí a slovenskí básnici (Ján Smrek, E. B. Lukáč), jeho úvahy vyšli v maďarskom, nemeckom, francúzskom, talianskom, anglickom, českom, slovenskom, ruskom, poľskom jazyku. Jeho smrť je nenahraditeľnou stratou pre medzinárodnú slavistiku.

I. Fried

[19] Együttélés és többnyelvűség az irodalomban. Budapest 1987. Na požiadanie vydavateľstva som napísal v zväzku doslov, v ktorom som esejisticky načrtol životnú dráhu Lászlóa Sziklayho. Poznamenávam, že v júni 1987 bola už pod tlačou Sziklaym redigovaná kniha podobného rázu, ako je v pozn. č. 16 citovaný zväzok štúdií, ako i monografia viacjazyčnej peštbudínskej kultúry v prvých desaťročiach 19. storočia.

MTA Könyvtára
Periodika 1988/3960 n.
MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA

HungInfo

Hungarian Social Sciences and Humanities

Contents of Periodicals

A new information publication, entitled **HungInfo** has been launched with the aim of making the achievements of Hungarian scholars in the social sciences and humanities better known outside Hungary.

This new channel of information, brought out four times a year, publishes a large selection from the contents lists of periodicals carrying analyses and studies by Hungarian scholars in the field of the social sciences and humanities. Some of the selected periodicals are published in Hungarian, some in another language, but the contents are always given in either English or French or German. The use of the publication is facilitated by an alphabetical and a subject index.

Our new information publication is distributed free of charge; if you are interested in it, please write to

HungInfo
Library of the Hungarian Academy of Sciences
H–1361 Budapest, Pf. 7.
V. Akadémia u. 2.
Hungary

Linguistics and Philosophy

An International Journal

Managing Editors
Robin Cooper, *Dept. of Linguistics, University of Wisconsin, Madison, USA;*
Richard E. Grandy, *Dept. of Philosophy, Rice University, Houston, USA*

Linguistics and Philosophy is a journal for studies of natural languages and will interest philosophers as well as linguists. Topics which fall within the scope of the journal include:
Traditional areas in the philosophy of language; Traditional areas of linguistics; Systems of logic with strong connections to natural language; Philosophically interesting problems at the intersection of linguistics and other disciplines; Philosophical questions raised by linguistics as a science; Aspects of artificial intelligence concerned with language such as computational linguistics and natural language processing.

Subscription Information **ISSN** 0165–0157
1987, Volume 10 (4 issues)
Institutional rate: Dfl. 216.00/US $90.00 incl. postage/handling
Private rate: Dfl. 82.00/US $29.50 incl. postage/handling
Special rate for students: Dfl. 76.00/US$27.00 incl. postage/handling

Private subscriptions should be sent direct to the publishers.

D. Reidel Publishing Company

Kluwer academic publishers group

P.O. Box 989
3300 AZ Dordrecht
The Netherlands

101 Philip Drive
Norwell,
MA 02061, U.S.A.

Falcon House
Queen Square
Lancaster, LA1 1RN, U.K.

PRINTED IN HUNGARY

Akadémiai Kiadó és Nyomda Vállalat, Budapest

HINWEISE FÜR DIE MANUSKRIPTGESTALTUNG

Wir bitten die Autoren, ihre Adresse auf einem gesonderten Blatt beizulegen.

Das Manuskript ist im doppeltem Zeilenabstand und mit 5 cm breitem linkem Rand zu schreiben. Absätze sind durch Einzüge von 5 Anschlägen kenntlich zu machen. Die einzelnen Punkte kurzer Aufzählungen sind fortlaufend zu schreiben.

Titel des Beitrags und Namen im Text sind weder durch Großbuchstaben noch durch Unterstreichung hervorzuheben. Kursivschrift ist nicht mit Wellenlinie, sondern mit gerader Linie zu unterstreichen. Kursiv gesetzt werden nur sprachliche Belege, besonders betonte Wörter werden gesperrt. Titel zitierter Werke können im Grundtext in Anführungszeichen stehen.

Längere Zitate (ab 3 Zeilen) sind als selbständige Absätze ohne Anführungszeichen zu schreiben. Sie werden in Petitschrift gesetzt, was am linken Rand mit Bleistift durch eine senkrechte Linie kenntlich gemacht wird. Zitate aus Gedichten sind, in Verszeilen gegliedert, ebenfalls ohne Anführungszeichen zu schreiben. Innerhalb einer Anführung werden halbe Anführungszeichen verwendet (''mm 'm' mm''). Auslassungen und eigene Einschaltungen stehen in eckigen Klammern [. . .].

Zwischen Bindestrich (-) und Gedankenstrich (--) ist deutlich zu unterscheiden. Bei Schreibmaschinen ohne ß ist kein ss, sondern 3 (Ziffer Drei) zu schreiben.

Unumgängliche Korrekturen im Manuskript sind gut leserlich unmittelbar in den Text einzutragen und nicht auf dem Rand zu wiederholen. Bei längeren Korrekturen empfielt sich, den fehlerhaften Text mit Radex zu löschen oder zu überkleben und mit der Maschine zu überschreiben. Eintragungen mit kyrillischen Buchstaben sind in Blockschrift zu schreiben, statt Kleinbuchstaben dürfen keine Großbuchstaben verwendet werden.

Aus der kyrillischen Schrift transliterierte Namen in deutschen, englischen, französischen usw. Texten sind (mit Ausnahme einiger konventioneller Formen wie z. B. Ehrenburg, Moskau/Moscow usw.) nach der in der Slawistik gebräuchlichen internationalen Transliteration zu schreiben, z. B. Belyj, Bojadžiev, Brjusov, Čajkovskij, Čechov, Deržavin, Gor'kij, Lichačëv, Murav'ëv, Šachmatov, Ščerba, Tynjanov, Žukovskaja usw. In Fußnoten und in Abkürzungsverzeichnis ist jedoch die kyrillische Schrift zu benutzen.

Abkürzungen zitierter Werke dürfen nicht mehr als 5—10 Buchstaben enthalten und sind ohne Punkt zu schreiben.

Jede Fußnote ist als selbständiger Absatz zu formulieren. Die Fußnoten sind fortlaufend zu numerieren und am Ende des Beitrags gesondert mit 2fachen Zeilenabstand zu schreiben. Die Nummern der Fußnoten werden ohne Punkt und Schlußklammer um einen halben Zeilenabstand hochgestellt, z. B.

[1] Kniezsa I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I/1. Budapest 1955, 219.

Muster für die bibliographischen Angaben:

Р. М. Цейтлин, Лексика старославянского языка, Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. Москва 1977.

С. И. Котков, Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка. Восточнославянские языки, Источники для их изучения. Москва 1973, 4—13.

Н. К. Дмитриев, О тюркских элементах русского словаря: Лексикографический сборник 3 (Москва 1958) 3—47.

Tatjana Srebot-Rejec, On the Allophones of /v/ in Standard Slovene: Scando-Slavica 27 (1981) 233—241.

Pro Beitrag werden 100 kostenlose Sonderdrucke zur Verfügung gestellt.

Periodicals of the Hungarian Academy of Sciences are obtainable at the following addresses:

AUSTRALIA
C.B.D. LIBRARY AND SUBSCRIPTION SERVICE
Box 4886, G.P.O., *Sydney N.S.W. 2001*
COSMOS BOOKSHOP, 145 Ackland Street
St. Kilda (Melbourne), Victoria 3182

AUSTRIA
GLOBUS, Höchstädtplatz 3, *1206 Wien XX*

BELGIUM
OFFICE INTERNATIONAL DES PERIODIQUES
Avenue Louise, 485, *1050 Bruxelles*
E. STORY-SCIENTIA P.V.B.A.
P. van Duyseplein 8, *9000 Gent*

BULGARIA
HEMUS, Bulvar Ruszki 6, *Sofia*

CANADA
PANNONIA BOOKS, P.O. Box 1017
Postal Station "B", *Toronto, Ont. M5T 2T8*

CHINA
CNPICOR, Periodical Department, P.O. Box 50
Peking

CZECHOSLOVAKIA
MAD'ARSKA KULTURA, Národní třida 22
115 66 Praha
PNS DOVOZ TISKU, Vinohradská 46, *Praha 2*
PNS DOVOZ TLAČE, *Bratislava 2*

DENMARK
EJNAR MUNKSGAARD, 35, Nørre Søgade
1370 Copenhagen K

FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY
KUNST UND WISSEN ERICH BIEBER
Postfach 46, *7000 Stuttgart 1*

FINLAND
AKATEEMINEN KIRJAKAUPPA, P.O. Box 128
00101 Helsinki 10

FRANCE
DAWSON-FRANCE S.A., B.P. 40, *91121 Palaiseau*
OFFICE INTERNATIONAL DE DOCUMENTATION ET LIBRAIRIE, 48 rue Gay-Lussac
75240 Paris, Cedex 05

GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC
HAUS DER UNGARISCHEN KULTUR
Karl Liebknecht-Straße 9, *DDR-102 Berlin*

GREAT BRITAIN
BLACKWELL'S PERIODICALS DIVISION
Hythe Bridge Street, *Oxford OX1 2ET*
BUMPUS, HALDANE AND MAXWELL LTD.
Cowper Works, *Olney, Bucks MK46 4BN*
COLLET'S HOLDINGS LTD., Denington Estate,
Wellingborough, Northants NN8 2QT
WM DAWSON AND SONS LTD., Cannon House
Folkstone, Kent CT19 5EE
H. K. LEWIS AND CO., 136 Gower Street
London WC1E 6BS

GREECE
KOSTARAKIS BROTHERS INTERNATIONAL BOOKSELLERS, 2 Hippokratous Street, *Athens-143*

HOLLAND
FAXON EUROPE, P.O. Box 167
1000 AD Amsterdam
MARTINUS NIJHOFF B. V.
Lange Voorhout 9–11, *Den Haag*
SWETS SUBSCRIPTION SERVICE
P.O. Box 830, 2160 Sz Lisse

INDIA
ALLIED PUBLISHING PVT. LTD.
750 Mount Road, *Madras 600002*
CENTRAL NEWS AGENCY PVT. LTD.
Connaught Circus, *New Delhi 110001*
INTERNATIONAL BOOK HOUSE PVT. LTD.
Madame Cama Road, *Bombay 400039*

ITALY
D. E. A., Via Lima 28, *00198 Roma*
INTERSCIENTIA, Via Mazzè 28, *10149 Torino*
LIBRERIA COMMISSIONARIA SANSONI
Via Lamarmora 45, *50121 Firenze*
SANTO VANASIA, Via M. Macchi 58
20124 Milano

JAPAN
KINOKUNIYA COMPANY LTD.
Journal Department, P.O. Box 55
Chitose, *Tokyo 156*
MARUZEN COMPANY LTD., Book Department
P.O. Box 5050 Tokyo International, *Tokyo 100-31*
NAUKA LTD., Import Department
2-30-19 Minami Ikebukuro, Toshima-ku, *Tokyo 171*

KOREA
CHULPANMUL, *Phenjan*

NORWAY
TANUM-TIDSKRIFT-SENTRALEN A.S.
Karl Johansgata 43, *1000 Oslo*

POLAND
WĘGIERSKI INSTYTUT KULTURY
Marszalkowska 80, *00-517 Warszawa*
CKP I W, ul. Towarowa 28, *00-958 Warszawa*

ROUMANIA
D. E. P., *Bucuresti*
ILEXIM, Calea Grivitei 64–66, *Bucuresti*

SOVIET UNION
SOYUZPECHAT — IMPORT, *Moscow*
and the post offices in each town
MEZHDUNARODNAYA KNIGA, *Moscow G-200*

SPAIN
DIAZ DE SANTOS Lagasca 95, *Madrid 6*

SWEDEN
ESSELTE TIDSKRIFTSCENTRALEN
Box 62, *101 20 Stockholm*

SWITZERLAND
KARGER LIBRI AG, Petersgraben 31, *4011 Basel*

USA
EBSCO SUBSCRIPTION SERVICES
P.O. Box 1943, *Birmingham, Alabama 35201*
F. W. FAXON COMPANY, INC.
15 Southwest Park, *Westwood Mass. 02090*
MAJOR SCIENTIFIC SUBSCRIPTIONS
1851 Diplomat, P.O. Box 819074,
Pallas, Tx. 75381-9074
READ-MORE PUBLICATIONS, INC.
140 Cedar Street, *New York, N. Y. 10006*

YUGOSLAVIA
JUGOSLOVENSKA KNJIGA, Terazije 27, *Beograd*
FORUM, Vojvode Mišića 1, *21000 Novi Sad*

HU ISSN 0039—3363

Index: 26.743